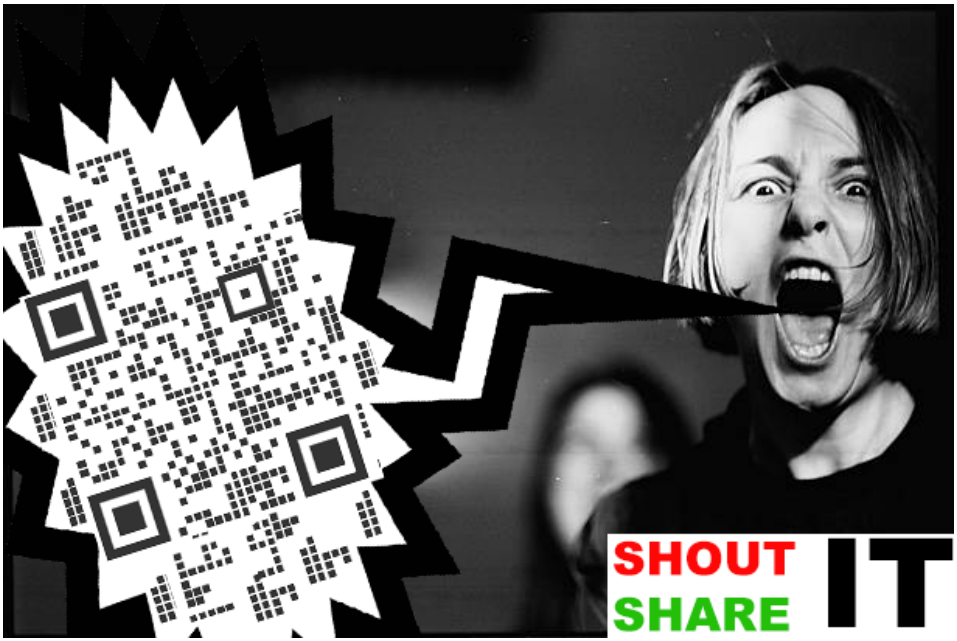
ОТ ШЕСТИКРАТНОГО ЛАУРЕАТА LOCUS AWARD
И ЛАУРЕАТА HUGO-2010

ЧАЙНА МЬЕВИЛЬ

ЖЕЛЕЗНЫЙ СОВЕТ

МЬЕВИЛЬ — В ПЕРВЫХ РЯДАХ ТЕХ, КТО СРЕДСТВАМИ ФАНТАСТИКИ ОПРЕДЕЛЯЕТ И ТВОРИТ ЛИТЕРАТУРУ ГРЯДУЩЕГО ВЕКА.

Нил Геймон


SHOUT
SHARE
IT

Annotation

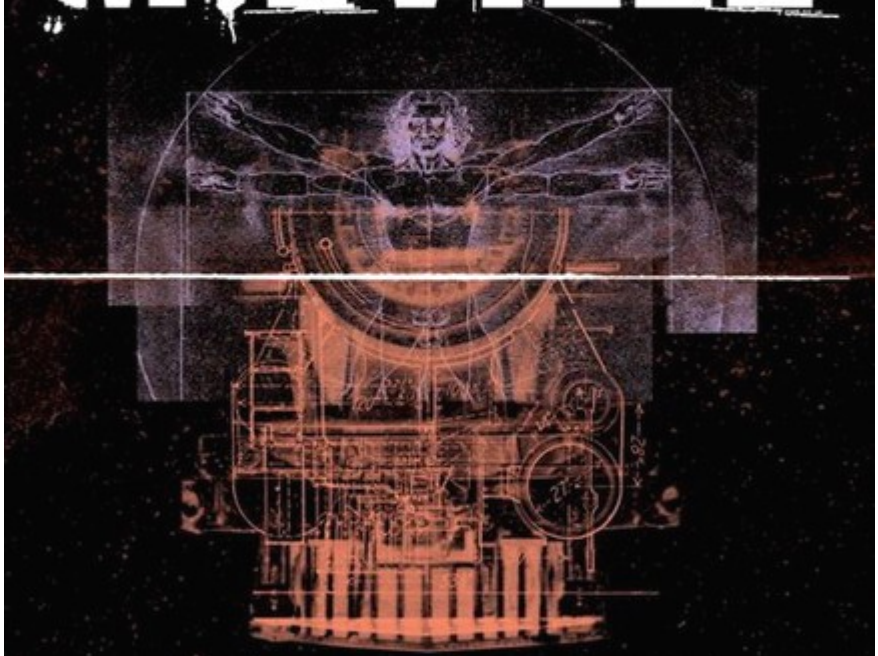
Впервые на русском — роман, действие которого происходит в мире «Шрама» и «Вокзала потерянных снов» — признанного фантасмагорического шедевра, самого восхитительного и увлекательного, на взгляд коллег по цеху, романа наших дней, лучшего, по мнению критиков, произведения в жанре стимпанк со времен «Машины различий» Гибсона и Стерлинга.

Гигантский мегаполис Нью-Кробюзон трещит по всем швам — его силы истощает война с далекой державой Теш, диссиденты и лоялисты перешли от полемики к уличным боям, таинственные мороки разъедают саму ткань городского бытия. И вот разношерстная группа сорвиголов отправляется по следу бежавшего из Нью-Кробюзона големиста Иуды Лёва: по слухам, тот ищет легендарный Железный Совет — символ свободы на паровом ходу.

- Чайна Мьевиль
  - ○
  - ○ ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
    - ■ ГЛАВА 1
    - ■ ГЛАВА 2
    - ■ ГЛАВА 3
    - ■ ГЛАВА 4
    - ■ ГЛАВА 5
  - ○ ЧАСТЬ ВТОРАЯ
    - ■ ГЛАВА 6
    - ■ ГЛАВА 7
    - ■ ГЛАВА 8
    - ■ ГЛАВА 9
  - ○ ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ
    - ■ ГЛАВА 10
    - ■ ГЛАВА 11
    - ■ ГЛАВА 12
    - ■ ГЛАВА 13
  - ○ АНАМНЕЗ
  - ○ ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ
    - ■ ГЛАВА 14
    - ■ ГЛАВА 15
    - ■ ГЛАВА 16
  - ○ ЧАСТЬ ПЯТАЯ
    - ■ ГЛАВА 17
    - ■ ГЛАВА 18

        - ГЛАВА 19
    - ЧАСТЬ ШЕСТАЯ
        - ГЛАВА 20
        - ГЛАВА 21
        - ГЛАВА 22
    - ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ
        - ГЛАВА 23
        - ГЛАВА 24
    - ЧАСТЬ ВОСЬМАЯ
        - ГЛАВА 25
        - ГЛАВА 26
        - ГЛАВА 27
        - ГЛАВА 28
        - ГЛАВА 29
        - ГЛАВА 30
    - ЧАСТЬ ДЕВЯТАЯ
        - ГЛАВА 31
        - ГЛАВА 32
        - ГЛАВА 33
    - ЧАСТЬ ДЕСЯТАЯ
        - ГЛАВА 34
        - ГЛАВА 35
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10

CHINA MIÉVILLE



IRON COUNCIL

'Uncovers new dimensions to such themes as justice, power, revolution ... a powerful, intelligent novel'
Daily Telegraph

Чайна Мьевиль
ЖЕЛЕЗНЫЙ СОВЕТ

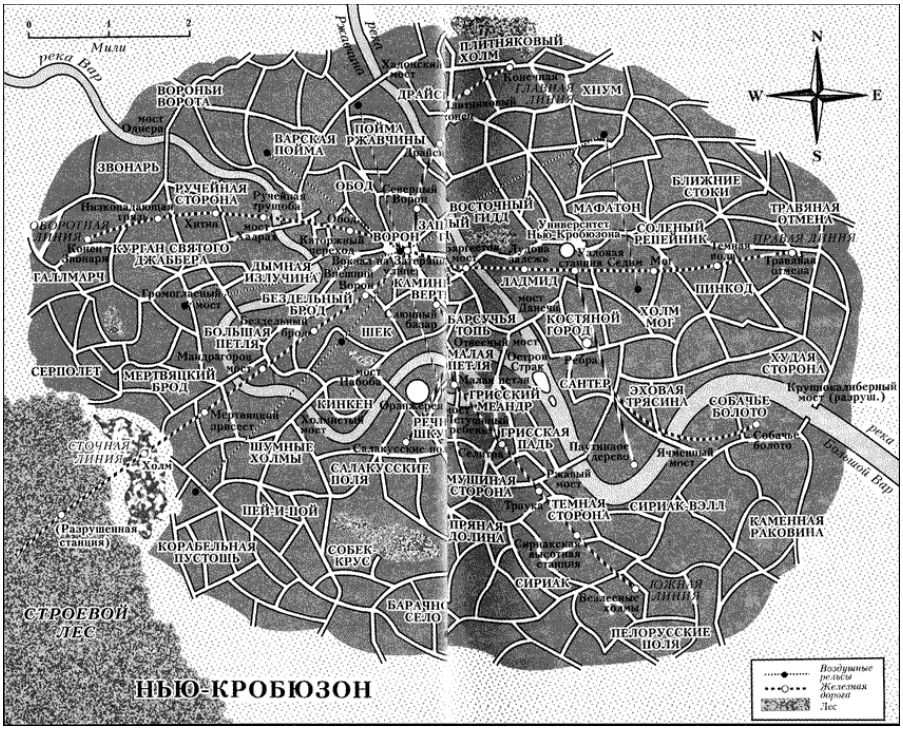
Джемайме, моей сестре

За неоценимую помощь в создании этой книги я глубоко признателен Эмме Берчам, Марку Булду, Эндрю Батлеру, Мик Читэм, Диане Хоук, Саймону Кавана, Питеру Лейвери, Клодии Лайтфут, Фаре Мендельсон, Джемайме Мьевиль, Джиллиан Редфирн, Максу Шейферу, Крису Шлупу и Джесс Судальтер. Хочу выразить также бесконечную благодарность Нику Маматасу и Мехитобель Уилсон, а также всем сотрудникам «Макмиллан» и «Дель-Рей» за их работу.

И хотя я, как обычно, в долгу у бесчисленного множества писателей, за эту книгу я в особенности благодарю Уильяма Дербина, Джона Ила, Джейн Гаскелл, Зейна Грея, Сембина Османа, Тима Пауэрса, Т. Ф. Поуиса и Фрэнка Спирмана.

Воздвигнуть бегающие и странствующие памятники на площадях поездов.

Велимир Хлебников. Предложения



Давным-давно мужчины и женщины проложили железную дорогу через дикие земли, протащив за собой историю. Они неподвижны, их рты разинуты в боевом кличе. Они в неровностях дороги и в скальных расщелинах, в лесах, в кустарниках, в тенях кирпичных стен. Они в вечном приближении.

Еще раньше кто-то взобрался на гранитный уступ — на протянутый кулак горы. Густая пена леса застыла на ее вершине. Человек стоит над зеленым миром, где копошится пернатая и мохнатая фауна, — и не обращает на него внимания.

Вверх, мимо колонн из батолита,[1] *ведет проложенная им тропа, вдоль которой разбит палаточный лагерь. Между палаток движутся люди и горят костры, младшие братья пожаров, оплодотворяющих лесную почву.*

Тот человек стоит один, на ветру, который вечно пронизывает давно минувший миг, так что от холода дыхание каплями оседает на его бороде. Он справляется с показаниями медлительного столбика ртути в стеклянном сосуде, барометра и измерительного шнура. Он определяет, как высоко над брюхом земли и как далеко в горную осень забрался он сам и те, кого он привел с собой.

Они поднялись. Шагая друг за другом, они едва преодолели гравитацию, по веревкам влезая за пазухи карнизов и песчаниковых стен. Рабы своего снаряжения, они, как последние глупцы,

притащили с одного конца света на другой разные странные штуки из меди, дерева и стекла.

Тот человек вдыхает давно прошедший миг, слушает, как кашляют горные звери и шумно борются деревья. Находя ущелья, он опускает в них лот, чтобы упорядочить их и тем самым познать, наносит на карту и дает названия своим рисункам, изучает длину и ширину почти-равнин или ледниковых впадин, каньонов, высохших русел, рек и поросших папоротником пампасов, делая их прекрасными. Там же, где сосны и ясени отступают, открывая изогнутое ложе дороги, он чувствует, что земля унизила его.

Мороз заберет у него шестерых спутников и оставит их, белых и застывших, лежать в вырытых наспех могилах. Гитвинги окропят экспедицию кровью, медведи и тенебры возьмут с нее дань, люди будут падать духом и сбиваться с пути в темноте, мулы будут дохнуть, раскопки пойдут прахом, кто-то утонет, кого-то убьют коварные туземцы, но это все потом. А пока человек стоит над деревьями. На западе путь ему преградят горы, но до них еще много миль.

Только ветер говорит с ним, но он знает, что над ним смеются и его уважают. Само его появление вызывает споры. На холмах его родного города в семьях начинается вражда, когда речь заходит о его подвигах. Одни говорят, что их устами глаголют боги, а его называют гордецом. Само его существование есть вызов миру, а его планы и пути отвратительны.

Человек смотрит, как ночь вступает в свои права. (До полной темноты еще далеко.) Он смотрит, как сгущаются тени, и, пока из лагеря не долетит стук оловянных ложек и запах жареной змеи, приготовленной на ужин, он будет наедине с горами, ночью и книгами, в которых перечислено все, что он увидел, указаны размеры равнодушных вершин и масштабы его желаний.

Он улыбается, и в этой улыбке нет ни пресыщения, ни самодовольства, ни коварства, — есть только радость, ибо человек знает, что замыслы его священны.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
лОвУшКи

ГЛАВА 1

Человек бежит. Преодолевает древесно-лиственные стены, бессмысленные пространства Строевого леса. Деревья обступают его со всех сторон.

Лес все еще полон первобытных звуков. Лиственный полог раскачивается. Человек тяжело нагружен, он потеет, хотя солнца не видно за кронами. Он старается не потерять след.

Уже перед закатом он нашел нужное место. Плохо видные тропинки, проложенные всадниками-хотчи, вывели его к водоему, по берегам которого торчали из земли камни и корни. Деревья отступили. Утоптанную, обугленную землю заливала кровь. Человек распаковал мешок, расстелил одеяло, вытащил одежду и несколько книг. Затем положил какой-то тяжелый, туго запеленатый сверток на глинистую землю, где бегали многоножки.

В Строевом лесу похолодало. Человек развел костер, и тьма тут же окружила его плотным кольцом, но он не отрывал от нее глаз, как будто надеялся увидеть что-то важное. Звуки стали громче. Он слышал кашляющий крик ночной птицы, слышал, как дышит и возится невидимый хищник. Человек был настороже. У него были винтовка и пистолет, и он всегда держал наготове одно или другое.

Костер горел, время шло. Сон то накатывал на человека, то отпускал его. Просыпаясь, он каждый раз фыркал, точно выныривал из воды. Он был несчастен. Злость и печаль сменяли друг друга на его лице.

— Я приду и найду тебя, — повторял он.

Он не заметил, как настал рассвет: время просто скакнуло вперед, и деревья снова стали видны. Двигался человек скованно, точно его конечности были прутиками, отсыревшими от росы. Жуя вяленое мясо, он мерил шагами впадину и вслушивался в шорохи леса.

Услышав наконец голоса, он растянулся на берегу и стал вглядываться в просветы между деревьями. По тропинкам, покрытым гниющей листвой и лесным мусором, к нему приближались трое. Человек следил за ними, вскинув винтовку. Когда узкие клинья солнечного света вырвали их из темноты, он разглядел их, и ствол его винтовки опустился.

— Сюда! — закричал он.

Те бестолково завертели головами, ища его. Человек поднял руку над краем впадины.

Их было трое — женщина и двое мужчин, чьи одеяния еще меньше подходили для прогулок по Строевому лесу, чем его собственный. Они улыбались, стоя перед ним на песке.

— Каттер!

Рукопожатия, похлопывания по спине.

— Вас за версту слышно. А что, если за вами следят? Еще кто-нибудь придет?

Они не знали.

— Мы получили от тебя известие, — сказал мужчина, тот, что был пониже. Он говорил быстро и озирался. — Я пошел и увидел. Мы спорили. Другие говорили… ну… это, что мы должны остаться. В общем, ты знаешь.

— Да, Дрей. Они говорили, что я спятил.

— Нет, не ты.

Они не глядели ему в лицо. Женщина села, часто и тревожно дыша, грызя ногти; ветер раздувал ее юбку.

— Спасибо. За то, что пришли.

Они кивали или пожимали плечами, словно стряхивая с себя благодарность Каттера: ему самому было странно слышать эти слова, и он знал, что им тоже. Он постарался, чтобы голос его звучал не так насмешливо, как обычно.

— Для меня это важно.

Они сидели в яме и скрашивали ожидание, рисуя на земле палочками или вырезая фигурки из мертвого дерева. Им очень многое надо было друг другу сказать.

— Значит, вас отговаривали?

Женщина, Элси, объяснила: не то чтобы отговаривали, просто Союз не обратил внимания на призыв Каттера. Говоря это, она подняла на него глаза и тут же отвела снова. Каттер кивнул, не став возражать.

— Вы уверены? — спросил он, но бессвязные кивки новоприбывших его не удовлетворили. — Черт побери, уверены или нет? Вы готовы порвать с Союзом? Да или нет? Ради него? У нас впереди долгий путь.

— Мы и так уже сколько миль по Строевому лесу отшагали, — сказал Помрой.

— А пройти надо еще сотни. Сотни миль. Это будет дьявольски тяжело. И долго. Я не могу обещать, что мы вернемся.

Не могу обещать, что мы вернемся.

— Ты лучше повтори нам, что твое известие — правда, — сказал Помрой. — Скажи, что он ушел, и куда, и зачем. Скажи, что это правда.

Здоровяк ел Каттера глазами и ждал, а когда тот коротко

кивнул и опустил веки, произнес:

— Ну вот.

Позже пришли другие. Сначала еще одна женщина, Итона; пока они приветствовали ее, в лесу под тяжелыми прыжками затрещали ветки, и из кустов показался водяной. Он присел на корточки по-лягушачьи, согласно обычаю своего народа, и поднял перепончатые лапы. Когда водяной прыгнул с берега в воду, его жирное тело без шеи студенисто задрожало. Уставший Фейхечриллен был весь в грязи, его способ передвижения мало подходил для леса.

Собравшиеся волновались, не зная, как долго им нужно оставаться на месте и сколько людей еще придут. Каттер спрашивал, как они получили его послание. Это печалило их. Им не хотелось опять обдумывать свое решение пойти с Каттером: слишком многие сочли бы их уход предательством.

— Он будет благодарен, — сказал Каттер. — Он странный тип, так что, может быть, он не подаст и виду, но это будет много значить для меня и для него.

Помолчав немного, Элси сказала:

— Ты этого не знаешь. Он ведь ни о чем нас не просил, Каттер. Просто он получил какое-то известие, ты так сказал. Может, он рассердится, когда мы его найдем.

Каттер не мог сказать ей, что она ошибается. Вместо этого он начал:

— И все же я не хочу, чтобы вы уходили. Ведь мы здесь ради нас самих, а не только ради него.

Он говорил о том, что впереди, преувеличивая опасности. Казалось, он хотел убедить их остаться, хотя все знали, что это не так. Ответил Дрей — торопливо и резко. Они все понимают, заверил он Каттера. Каттер понял, что Дрей убеждает самого себя, и замолк. Тот несколько раз повторил, что для него все решено.

— Нам лучше пойти, — сказала Элси, когда кончился день. — Нельзя ведь ждать вечно. Если другие хотели прийти, они, видимо, заблудились. Придется им вернуться в Союз и делать что понадобится в городе.

Тут кто-то вскрикнул, и все обернулись.

На краю ямы, растопырив ноги, сидел верхом на петухе наездник-хотчи и смотрел на них. Крупная боевая птица распушила грудные перья и забавно подняла когтистую лапу со шпорой. Хотчи, приземистый и крепкий человекоёж, поглаживал красный гребень своего скакуна.

— Милиция близко. — Он говорил с сильным гортанным акцентом. — Идут двое, будут через минуту-две.

Наклонившись в расшитом седле, он повернул свою птицу назад. Почти бесшумно — вся упряжь на нем была из кожи и дерева — воинственный острошпорый петух побежал прочь и скрылся в лесу.

— Что это?..

— Кто?..

— Черт побери, ты видел?..

Но звук приближающихся шагов заставил Каттера и его спутников умолкнуть. Они испуганно переглядывались: прятаться было поздно.

В лесу показались двое — они шли, переступая через замшелые пни. Оба были в масках и серой форме милиции. Каждый нес зеркальный щит, на поясе болтался неуклюжий многоствольный револьвер. Шагнув из леса на прогалину, они как будто споткнулись и замерли, пытаясь понять, что за люди их поджидают.

Мгновение тянулось, но никто не двигался с места, сбитые с толку путешественники словно спрашивали друг друга взглядами: «А мы? А они? Что нам делать? Что делать?» — пока не раздался выстрел. И тут словно прорвало: пальба и крики понеслись со всех сторон. Падали люди. Каттер не мог понять, где кто, и страшно боялся: вдруг его уже подстрелили, а он еще не почувствовал. Он разжал сведенные челюсти, лишь когда смолкло мерзкое отрывистое тарахтенье выстрелов.

— Боги долбаные! — кричал кто-то.

Это оказался милиционер: он сидел на земле рядом со своим мертвым другом и, зажимая кровоточащую рану в животе, пытался навести тяжелый пистолет. Каттер услышал короткое гудение тетивы. Милиционер со стрелой в груди откинулся назад и замолчал.

Секунду все было тихо, потом Каттер услышал:

— Джаббер…

— Вы как все?..

— Дрей? Помрой?

Сначала Каттер думал, что все его люди уцелели. Потом увидел, что Дрей, весь бледный, зажимает ладонью плечо, а по его трясущимся рукам течет кровь.

— Святой Джаббер, парень!

Каттер заставил Дрея сесть. «Со мной все в порядке?» — твердил тот. Пуля вошла в мякоть. Каттер нарвал полосок из рубахи Дрея, выбрал самые чистые и перевязал рану. Дрей дергался от боли, Помрою с Фейхом пришлось его держать. На время перевязки между зубов ему всунули палку толщиной с большой палец.

— Это вы, ублюдки бестолковые, привели за собой хвост, — бушевал Каттер за перевязкой. — Говорил я вам, осторожнее…

— Да мы и так осторожно! — взорвался Помрой, тыкая в Каттера пальцем.

— Они не привели. — Хотчи появился снова, его петух подошел неслышно. — Милиция патрулирует ямы. Вы здесь давно сидите, почти целый день. — Всадник спешился и пошел по песчаному краю впадины. — Слишком долго.

Он загадочно сверкнул зубами. Приземистый, едва по грудь Каттеру, но мускулистый, хотчи напоминал бочонок, а шаг у него был широкий, как у рослого мужчины. У трупов он остановился и принюхался. Затем усадил пронзенного стрелой и стал пропихивать ее дальше, извлекая из тела.

— Когда одни не возвращаются, посылают других, — сказал он. — За вами придут. Может быть, сейчас.

Хотчи протолкнул наконечник мимо ребер. Когда из спины показалось древко, он ухватился за него и с хлюпающим звуком извлек стрелу из тела. Потом заткнул ее, окровавленную, себе за пояс, взял из коченеющих пальцев милиционера револьвер и выстрелил в рану.

От грохота в воздух взлетели птицы. Хотчи оскалился, почувствовав незнакомую ему отдачу, и затряс рукой. Оставленная стрелой червоточина шириной в палец превратилась в большую дыру.

Помрой сказал:

— Слюни господни… кто ты, черт побери, такой?

— Хотчи. Петушиный всадник. Алектриомах. Помогаю вам.

— Твое племя… — начал Каттер. — Вы с нами? На нашей стороне? Некоторые хотчи поддерживают Союз, — объяснил он остальным. — Вот почему это место безопасно. Или, по крайней мере, считалось безопасным. Клан этого парня не связывается с милицией. Нам они дают пройти. Но… им нельзя ссориться с городом, иначе война, вот он и делает вид, будто этого убили мы сами, а не его стрела.

Он сам понял это, лишь начав объяснять остальным.

Помрой и хотчи на пару обшарили мертвецов. Помрой бросил Элси и Каттеру по многоствольнику. Такого нового и дорогого оружия Каттер еще никогда не держал в руках. Револьвер был тяжелый, шесть его стволов были заключены в толстый вращающийся цилиндр.

— Ненадежные они, — сказал Помрой, кладя в карман пули.

— Зато скорострельные.

— Черт… пошли уже, что ли. — Голос Дрея срывался от боли. — Чертову пальбу слышали все на сто миль в округе, сейчас

сюда сбегутся…

— Вокруг не так много людей, — сказал хотчи. — Может, никто и не слышал. Но идти надо, да. Зачем вы? Почему покидаете город? Ищете того, кто путешествует на глиняном человеке?

Каттер посмотрел на остальных. Те ответили осторожными взглядами, предоставив ему отвечать.

— Ты его видел? — спросил он, шагнув к занятому делом хотчи. — Ты видел его?

— Я — нет, но знаю тех, кто видел. Несколько дней назад, может, неделю или больше. Человека на сером великане. Он мчался через лес. Милиция за ним.

Дневной свет проник сквозь полог леса, и звери снова начали издавать свои звуки. Каттер ощутил себя пленником деревьев. Он несколько раз открывал и закрывал рот, прежде чем заговорить.

— За ним гналась милиция? — выговорил он наконец.

— На переделанных лошадях. Я слышал.

Переделанные лошади с копытами из кованого металла, с тигриными когтями, с цепкими, словно руки, хвостами в ядовитых железах. С паровыми клапанами, дающими непостижимую скорость ногам, или с мини-котельной за седлом, делающей их необычайно выносливыми. Плотоядные кони с огромными клыками. Лошади-волки или лошади-кабаны, искусственные твари.

— Я не видел, — сказал хотчи и забрался на своего петуха. — Они гнались за человеком на глиняном великане, в южной части Строевого леса. Вам лучше идти. И быстро. — Он повернул свою боевую птицу и ткнул в собравшихся прокопченным на солнце пальцем. — Сохраняйте осторожность. Вы в Строевом лесу. Идите сейчас.

Пришпорив петуха, он скрылся в густых кустах среди частого леса.

— Уходите, — услышали они голос невидимого всадника.

— Проклятье, — сказал Каттер. — Уходим.

Они собрали свои нехитрые пожитки. Помрой взял два мешка — свой и Дрея, и все шестеро, выйдя из петушиной ямы, углубились в лес.

Они шли на юго-запад по компасу Каттера, выбрав тропу, по которой ускакал хотчи.

— Он показал нам путь, — объяснил Каттер.

Остальные ожидали, что он станет вождем отряда. Они прорубались сквозь сплетения корней и буйную растительность, изменяя все, мимо чего проходили. Каттер скоро с удивлением обнаружил, что его тело стало словно чужим — так велика была

усталость.

Заметив, что стемнело, они упали там, где стояли, в промежутке между деревьями. Мрачный лес подавлял их, все говорили шепотом. Охотиться было уже поздно, поэтому путники просто достали из дорожных мешков хлеб с вяленым мясом и попытались сдобрить ужин слабыми шутками.

При свете костерка Каттер увидел, что Фейх пересыхает. Никто не знал, когда встретится пресная вода, и потому Фейх вылил на себя лишь малую толику запаса, хотя его огромный язык вывалился наружу от жажды. Водяной тяжело дышал.

— Ничего, Каттер, все нормально, — сказал он, и человек потрепал его по щеке.

Дрей был бел, как бумага, и что-то шептал. Видя, как затвердела от крови его повязка, Каттер удивился, что тот вообще держится на ногах. Шепотом Каттер поделился своими опасениями с Помроем, но повернуть назад они уже не могли, а о том, чтобы отправить Дрея обратно одного, и речи не было. Он истекал кровью.

Пока Дрей спал, остальные уселись вокруг костра и негромко заговорили о человеке, по следу которого они шли. У каждого нашлась своя причина, чтобы ответить на призыв Каттера.

Для Игоны тот, кого они разыскивали, был первым человеком в Союзе, который показался ей таким же растерянным, как она сама. Он был не от мира сего; многие считали это притворством. Но это заставило женщину почувствовать, что их движение далеко от совершенства, и отчасти — из-за нее самой. Вспоминая об этом, она улыбалась прекрасной улыбкой. Фейх, в свою очередь, обучал его, когда тот занимался шаманизмом водяных, и был покорен его обаянием. Каттер знал, что они любят человека, по следу которого идут. Ничего странного в этом не было: среди сотен членов Союза вполне могли найтись шестеро, кто его полюбил.

Помрой сказал об этом вслух:

— Я люблю его. Хотя я не потому пришел. — Он говорил пылко, короткими фразами. — Времена не те. Я здесь потому, что знаю, куда он пошел, Каттер, и чего добивается. И что будет потом. Вот почему я здесь. Из-за твоего сообщения. Не из-за того, что он ушел, а из-за того, куда он ушел и зачем. Это самое главное.

Никто не спросил Каттера, почему он с ними. Когда подошла его очередь, все просто отвели глаза и замолчали, а он уставился в огонь.

Утром их разбудил боевой петух, который тряс бородой и

громко кукарекал. Такое бесцеремонное пробуждение ошеломило их. Другой хотчи из седла наблюдал за тем, как они поднимаются, а потом бросил им подстреленную лесную птицу, показал пальцем на стену деревьев, в сторону востока, и исчез в зеленоватом свете.

Спотыкаясь, они поплелись сквозь заросли пробудившегося леса в указанном направлении. Солнечные лучи прорывались сквозь листву. Весна выдалась теплой, и в Строевом лесу было влажно и душно. Одежда Каттера пропиталась потом. Он наблюдал за Фейхом и Дреем.

Фейх весь обмяк, задними лапами он отпихивался от земли, его шатало. Дрей шел наравне со всеми, хотя это казалось невозможным. Кровь сочилась даже сквозь кожаный рукав, и он не отгонял слетавшихся к ране мух. Бледный и окровавленный, Дрей походил на завалявшийся кусок мяса. Каттер ждал, когда он пожалуется на боль или выдаст свой страх, но тот лишь бормотал что-то себе под нос, и Каттеру стало стыдно.

Простота леса оглушила их.

— Куда мы идем? — спросил кто-то Каттера.

«Лучше не спрашивайте», — подумал он.

Вечером они услышали журчание и, идя на приятный звук, вышли к ручейку в зарослях плюща. Радостно крича, они припали к ручью, как счастливые звери.

Фейх сел прямо в ручей. Вода вскипала, ударяясь о его тело. Когда водяной плавал, его неуклюжие движения неожиданно делались грациозными. Горстями черпая воду, Фейх с помощью магии своего племени слепил из нее грубоватые фигурки, похожие на собак, и расставил на траве, где они простояли около часа. Потом фигурки оплыли, как свечи, и ушли в землю.

Наутро рана Дрея загноилась. Все ждали, когда его отпустит лихорадка, ведь надо было идти. Деревья стали мельче — какие-то смешанные породы. Путники проходили мимо черного дерева и дубов, ныряли под раскидистые баньяны, ветви которых висели плетьми, переходя в корни.

Строевой лес кишел жизнью. Птицы и обезьяноподобные твари все утро орали в ветвях. Когда путешественники проходили через полосу мертвых, побелевших деревьев, из подлеска на них выкатилось что-то медведеобразное, без конца менявшее форму и цвет. Завизжали все, кроме Помроя, который выстрелил зверю в грудь. С тихим хлопком тот распался на десятки птиц и сотни бутылочно-зеленых мух, которые на мгновение окружили людей и водяного, а потом снова слились в зверя за их спинами. Тварь, шурша, удалилась. Теперь они ясно видели, что вместо меха ее покрывают птичьи перья и жесткие блестящие крылья.

— Я бывал здесь раньше, — сказал Помрой. — И знаю, что такое толпяной медведь.

— Теперь мы уже, должно быть, далеко, — сказал Каттер, и шестеро пошли дальше на запад до тех пор, пока их не окружили сумерки.

Тогда они зажгли фонарь с колпаком, на который тут же полетели мошки, и продолжили путь. Деревья вокруг, казалось, впитывали свет.

После полуночи они миновали заросли травы, цеплявшейся за голени, и покинули лес.

Три дня вокруг путешественников тянулись Нищенские предгорья — то скалы, то продолговатые холмы, поросшие деревьями. В незапамятные времена здесь прошел ледник. От города их отделяли какие-то десятки миль. До его каналов было рукой подать. Иногда сквозь седловины холмов на севере и западе открывались настоящие горы, не похожие на те кочки, меж которых они брели.

Путники купались в каровых озерах[2] и пили воду из них. Шли медленно — задерживал Дрей. Он не мог пошевелить рукой и выглядел изможденным, но не жаловался. Каттер впервые видел, как Дрей проявляет мужество.

Иногда попадалась старая заброшенная тропа, и странники держались ее, шагая на юг по траве и цветам. Помрой и Элси стреляли диких кроликов в скалах и жарили их с пряными травами.

— Как мы его найдем? — спросил Фейх. — Придется ведь обыскать целый континент.

— Мне известен его путь.

— Но, Каттер, целый континент…

— Он везде будет оставлять следы. Куда бы ни направился. Хочет он того или нет. Иначе быть не может.

Оба помолчали.

— А как он узнал, что пора идти?

— Получил известие. Старые связи. Вот все, что я знаю.

Каттер замечал разрушенные непогодой изгороди на месте старых ферм. Выступавшие из земли каменные прямоугольники выдавали остатки фундаментов. На востоке лежал Строевой лес, древесная пустыня с редкими доломитовыми вкраплениями. Иногда в листве мелькали остатки промышленных сооружений: дымовые трубы, части двигателей.

На шестые сутки, в рыбдень, 17 чета 1805 года, они достигли деревни.

В Строевом лесу стоял какой-то чужеродный гул, и даже уханье сов и крики обезьян не могли его заглушить. Звук был негромкий, но все животные, которым случалось его услышать, в панике вертели головами, точно боясь нападения. Лунные лучи пронизывали пустоту между кронами деревьев и глинистой почвой. Ветки свисали, как опущенные руки.

Среди ночных теней по воздуху двигался человек в черно-синем костюме, держа руки в карманах. Лунные лучи отражались в его сверкающих ботинках — он парил над корнями на высоте человеческого роста. Без всякого усилия он держался прямо, не качаясь. Человек с помощью тайных сил плыл между темным покровом и пологом леса, и его сопровождал звук, точно стон поруганного пространства.

Человек бесстрастно глядел перед собой. Что-то вилось вокруг него, то на свету, то в тени, прячась в складках одежды. То была крошечная обезьянка, льнувшая к нему, словно к матери. На груди обезьянки то шевелилась, то замирала какая-то поросль, безобразившая ее.

В неярком свете человек и его пассажир выплыли на арену, где чуть ранее хотчи вмешался в перестрелку. Они зависли над выемкой и поглядели на трупы милиционеров, уже тронутые разложением.

Обезьянка спустилась к башмакам своего хозяина, спрыгнула на мертвецов, ощупала их ловкими пальчиками. Затем забралась на болтавшиеся в воздухе ноги и затрещала.

Какое-то время оба безмолвно висели посреди ночи. Человек задумчиво барабанил костяшками пальцев по губам, неспешно поворачиваясь вокруг своей оси, обезьяна смотрела с его плеча в непроглядно-черный лес. Потом с тем же зловещим звуком они полетели между деревьями, над папоротниками, смятыми много дней назад. Когда они скрылись из виду, попрятавшиеся было звери Строевого леса показались вновь, но оставались встревоженными всю ночь.

ГЛАВА 2

Деревня была безымянной. Крестьяне показались Каттеру настолько же вредными, насколько и бедными. Еду они продали с неохотой. Если в деревне и были целители, то местные это скрывали. Все, что мог сделать Каттер, — позволить Дрею поспать.

— Нам надо в Миршок, — сказал Каттер.

Деревенские тупо смотрели на него, и он скрипнул зубами.

— Это же не на луне, черт вас дери, — добавил он.

— Могу вас в свиной городок свезти, — вызвался наконец один. — Масло и свинина кончились. Четыре дня езды к югу.

— Но ведь оттуда до Миршока еще добрых четыреста миль, — сказала Игона.

— Выбора нет, — объяснил Каттер. — Поросячий город наверняка больше этой дыры, так что, может, оттуда нас доставят в Миршок. — Он повернулся к деревенским. — А что, у вас своих свиней нету?

Те переглянулись.

— Рейдеры, — сказал один.

— Тут-то вы нам и поможете, — добавил второй.

— Обоз будете охранять, с оружием. Так в свиной городок и доедем. Там рынок. Торговцы съезжаются отовсюду. У них есть воздушные корабли, они вам помогут.

— А кто такие рейдеры?

— Бандиты. Из беспределов.

Две тощие лошаденки тащили повозку, мужики из деревенских нахлестывали их кнутами. В телеге, среди овощей и всякой всячины, сидели Каттер и его спутники. Дрей лежал и потел. От его руки шел невыносимый запах. Остальные неловко держали оружие на виду.

Телега дребезжала по едва различимым тропам, когда Нищенские предгорья уступили место лугам. Два дня вокруг путешественников качались полынь и другие травы, над которыми, словно пакгаузы по берегам каналов, вставали там и сям огромные валуны. Закат наносил на них красную татуировку.

Путники глядели в небо в ожидании воздушных пиратов. Фейх ненадолго окунался в ручейки, встречавшиеся по дороге.

— Слишком медленно. — Каттер разговаривал сам с собой, но так, что было слышно. — Медленно, черт побери, слишком медленно.

— Покажите оружие, — внезапно скомандовал возница. — Кто-то смотрит. — Он махнул рукой в сторону небольшой

возвышенности, где на камнях росли деревья. — Если покажутся, стреляйте. Не ждите. Если не убить их, они с нас скальпы снимут.

Даже Дрей проснулся. В здоровой руке он держал самовзводный пистолет.

— Помрой, у твоего ружья самый дальний бой, — сказал Каттер. — Приготовься.

Не успел он кончить, как оба возницы закричали:

— Давай! Давай! Вон они!

Каттер с рискованной небрежностью вскинул пистолет, Помрой поднял свой мушкетон. Над их головами пропела арбалетная стрела. Из-за покрытого лишайниками жернового камня поднялся кто-то, Элси выстрелила в него и попала.

Человек оказался беспределом — переделанным преступником, измененным до неузнаваемости на карательных фабриках города и нашедшим убежище в степях и холмах Рохаги.

— Суки! — орал он, корчась от боли. — Суки, чтоб вас!

Было видно, как над ним поработали: слишком много глаз. Преступник извивался в пыли, оставляя на ней кровавые разводы.

— Ах, суки!

Тут заговорил кто-то еще:

— Еще один выстрел, и вы все умрете.

Теперь люди окружали их со всех сторон, в руках у них были луки, у некоторых — старые винтовки.

— Кто вы такие? Явно не местные.

Говоривший сделал шаг вперед по ровной, как стол, каменной плите.

— Вы, двое, подойдите. Вы знаете закон. За проезд надо платить. С вас — что за дерьмо вы там везете? С вас телега гнилых овощей.

Беспределы были одеты в разнообразные лохмотья. Чужеродные части их тел — плюющееся паром железо и похищенная у животных плоть — жили своей жизнью, точно некие таинственные опухоли. У мужчин и женщин были клыки и металлические конечности, хвосты и гуттаперчевые трубки органов, маслянисто поблескивавшие в разверстых пещерах бескровных брюшных полостей.

Вожак приближался не спеша. Сначала Каттеру показалось, будто тот сидит на какой-то безглазой скотине-мутанте, но потом он увидел, что торс мужчины пришит к лошадиному телу. Однако по жестокой прихоти государственных биомагов лицо человека было обращено к хвосту лошади, точно он сидел на ней задом наперед. Поэтому ему приходилось шагать, осторожно перебирая ногами в обратном направлении и подергивая хвостом.

— Это что-то новенькое, — сказал он. — Ружья притащили.

Такого мы еще не видали. Купцы с ружьями нам попадались. Но вы-то не купцы.

— Ты вообще больше ничего не увидишь, если от нас не отвалишь, — пригрозил Помрой. С поразительным спокойствием он навел на бандита свой огромный мушкет. — Нас вы возьмете, но сколько вас при этом поляжет?

Все путники, включая Дрея, держали на мушке кого-нибудь из нападавших.

— Кто вы такие? — спросил вожак. — Чем заняты? Куда путь держите?

Помрой открыл было рот, чтобы ответить очередной хвастливой угрозой, которая не привела бы ни к чему, кроме драки, но тут с Каттером случилось непредвиденное. Он услышал шепот. Кто-то невидимый шептал ему прямо в ухо, щекоча его своим дыханием и лишая воли. Каттера обдало холодом. Он содрогнулся. Голос велел:

— *Скажи ему правду.*

Сам того не желая, Каттер громко и напевно заговорил:

— Игона — ткачиха. Дрей — машинист. Элси сейчас без работы, здоровяк Помрой — клерк. Фейх — докер. А я — лавочник. Мы все из Союза. Идем на поиски моего друга. И Железного Совета.

Спутники вытаращили на него глаза.

— Какого черта, мужик? — спросил Фейх, а Игона начала:

— Что, ради святого Джаббера…

Каттер разжал сведенные челюсти и тряхнул головой.

— Я не хотел, — начал оправдываться он. — Я кое-что услышал…

— Так-так, — заговорил бандитский вожак. — Дорога вас ждет дальняя. Если мы вас пропустим…

Тут он осекся, подвигал челюстью и заговорил не своим голосом, точно декламируя:

— Пусть идут. Дайте им дорогу. Союз нам не враг.

Беспределы уставились на вожака.

— Дайте им дорогу, — повторил он и с яростью замахал руками на своих подельников.

Те ответили ему злыми недоверчивыми возгласами и, казалось, готовы были нарушить приказ, но потом все же попятились и забросили за спину оружие, кляня все на свете.

Вождь беспределов глядел путникам вслед, а те смотрели на него, пока он не скрылся из виду. Все это время он стоял не шелохнувшись.

Каттер поведал своим товарищам о шепоте, принудившем его

рассказать правду.

— Волшебство, — сказала Элси. — Наверняка он тебя сглазил, этот разбойник, хотя одни боги знают зачем.

Каттер покачал головой:

— Вы не заметили, какой у него был вид, когда он нас отпускал? Вот и я чувствовал то же самое. Его зачаровали.

Добравшись до города, они нашли там лудильщиков, торговцев и бродячих актеров. Между домов из прессованной земли стояли на привязи потрепанные и обмякшие воздушные шары.

В пыледельник, когда они поднимались над цветущей степью с ее травой и раскиданными валунами, умер Дрей. Казалось, он шел на поправку: в городе не спал и даже сцепился с хозяином шара из-за цены. Однако ночью скопившийся в руке гной отравил Дрея, и он быстро умер, хотя при посадке был еще жив.

Странствующий торговец занялся гудящим мотором своей гондолы, явно смущенный несчастьем, постигшим его пассажиров. Остывающее тело Дрея лежало на коленях у Элси. Наконец, когда солнце было уже высоко, она сымпровизировала заупокойную службу. Путники по очереди поцеловали мертвого друга и со свойственным вольнодумцам смущением поручили Дрея богам.

Элси вспомнила о воздушных похоронах, которые, как ей доводилось слышать, были в ходу у северных племен. Обитатели тундры клали своих мертвецов в открытые гробы, прикрепляли их к воздушным шарам и отправляли в стратосферу, подальше от насекомых, птиц и всякой земной гнили, так что небо над их охотничьими угодьями превратилось в общую могилу, где исследователи на дирижаблях не встречали никого, кроме бесцельно плывущих куда-то промороженных мертвецов.

Вот и Дрею пришлось устроить воздушные похороны, хотя и несколько иные: бережно подтянув тело к краю гондолы, путешественники обмотали его веревками и сбросили вниз.

Всем показалось, будто Дрей летит. Он парил под дирижаблем, раскинув руки. Напор воздуха был так силен, что мертвое тело дергалось, точно в танце или в борьбе, и вращалось вокруг своей оси, уменьшаясь в размерах. Вот оно разминулось с птицами. Друзья Дрея с трепетом и неожиданным ликованием следили за его полетом и отвернулись, когда до земли остались считаные секунды.

Они летели то над болотистыми низинами, то над степью, которая становилась тем суше, чем дальше на юг они забирались.

Строевой лес скрылся вдали. Ветер дул попутный. Каттер слышал, как Элси шепталась с Помроем, оплакивая Дрея.

— Нам нельзя сейчас останавливаться, — уговаривал ее Помрой. — Я понимаю, понимаю… но нельзя.

Трижды в нескольких милях от себя они видели другие шары. Пилот каждый раз глядел в свой телескоп и сообщал, кто летит мимо. Торговцев-авиаторов оказалось не так уж много. Они хорошо знали маршруты друг друга.

Хозяин шара затребовал с них уйму денег за доставку в Миршок, но, услышав, что совсем недавно мимо свиного городка проскакал отряд конной милиции на переделанных лошадях, путники не смогли ему отказать.

— Мы на верном пути.

И теперь, не слишком быстро, но неуклонно преодолевая расстояние, они впервые испытали слабую надежду.

— Трудно поверить, — сказал Каттер, — что внизу идет эта хренова война.

Все молчали. Каттер понял, что его желчность утомила всех, и стал разглядывать лоскутное одеяло земли.

На третье утро, растирая водой обветренную кожу Фейха, Каттер взревел и ткнул пальцем вперед, туда, где блеснуло море, а перед ним из желтовато-коричневой травянистой низины торчали вышки для дирижаблей и минареты Миршока.

Порт выглядел отталкивающе. Они держались настороженно — все же на чужой земле.

Строения в Миршоке были до того разномастные, словно кто-то сгреб в одну кучу первые попавшиеся материалы и слепил из них город. Старый, но без истории. Даже у общественных зданий эстетическая беспомощность так и бросалась в глаза: на бетонных фасадах церквей красовались завитушки в подражание старине, крытые разноцветным шифером банки смотрелись вульгарно.

Население в Миршоке тоже было смешанным. Люди жили здесь бок о бок с кактами, колючим и мускулистым растительным народом. Над морем летали гаруды, крылатые флибустьеры из Чимека: ими пестрели и небо, и улицы города. Водяные жили в квартале, изрезанном каналами.

На улице у дамбы путешественники перекусили дарами моря. У пристани рядами стояли суда, местные и иностранные: плавучие фабрики, мелкие рыболовные суденышки, сухогрузы с огромной упряжью для морских змеев. Водяные не работали здесь грузчиками — в отличие от их родного пресноводного порта, вода в гавани Миршока была соленой. Зато, как и в любом порту, стены подпирали жулики и всякое отребье.

— Надо соблюдать осторожность, — сказал Каттер. — Нам нужен корабль, идущий в Шанкелл, а это значит, что команда будет из кактов. Вы знаете, что нам надо сделать. С кактами этот номер не пройдет. Значит, придется искать небольшой корабль с небольшой командой.

— Тут наверняка найдутся суда, которые фрахтуют на раз, — сказала Игона. — Обычно это пиратские…

Она рассеянно огляделась.

Каттер конвульсивно дернулся и затих. Кто-то говорил с ним. Все тот же голос шептал ему прямо в ухо. Он застыл на месте.

Голос сказал:

— «Акиф». Идет на юг.

Голос сказал:

— Обычный рейс, небольшая команда. Дьявольски полезный груз — черные антилопы, объезженные под седло. Ваш проезд оплачен. Отплытие в десять вечера.

Каттер обшарил глазами каждого прохожего, каждого матроса, каждого портового головореза. Ни один из них не шевелил губами. Друзья с тревогой следили за изменившимся лицом Каттера.

— Ты знаешь, что надо делать. Поднимайся по Драдскейлу. Милиция отправилась туда. Я проверял. Каттер, ты знаешь, что я могу заставить тебя поступить по-своему, — ты помнишь случай в Нищенских предгорьях, — но я хочу, чтобы ты послушал меня и поступил так потому, что так следует поступить. У нас с тобой одна цель, Каттер. Увидимся на том берегу.

Холод рассеялся, и голос умолк.

— Что стряслось, черт побери? — сказал Помрой. — Что происходит?

Когда Каттер рассказал товарищам все, они спорили до тех пор, пока на них не начали оглядываться.

— Кто-то играет с нами, — настаивал Помрой. — Нечего облегчать им задачу. Не будем садиться на эту проклятую посудину, Каттер.

Он сжимал и разжимал увесистые кулаки. Элси нервно дотронулась до него, пытаясь успокоить.

— Не знаю, что тебе сказать, парень, — ответил Каттер; шепчущий в ухо голос отнял у него силы. — Так или иначе, это не милиционер. Кто-то из Союза? Но как они это делают и зачем, не понимаю. Или он сам по себе? Это он удержал тогда беспределов: их вожаку, тому человекоконю, тоже шепнули на ухо, как мне. Я не знаю, что происходит. Хотите искать другой корабль — пожалуйста, спорить не буду. Но лучше найти его поскорее. И,

сдается мне, поскорее мы найдем именно этот.

«Акиф» оказался ржавой посудиной, больше похожей на баржу, с единственной низкой палубой и капитаном, который так обрадовался их появлению, что даже жалость брала. Он неуверенно взглянул на Фейха, но вновь заулыбался, когда заговорили о цене, — о да, задаток он уже получил, вместе с письмом, которое они оставили.

Все складывалось великолепно, и путники решились. Хотя Помрой и бесновался, Каттер знал, что он их не оставит.

«Кто-то следит за нами, — думал он. — Какие-то шептуны. Уверяют, что они мои друзья».

Сначала море, затем пустыня, затем мили и мили неведомых земель. «Получится ли у меня?»

Но море совсем маленькое. А человек, которого они ищут, оставил следы, повлиял на многих людей. Каттер видел тревогу своих друзей и не винил их — ответственность, которую они взяли на себя, была огромна. Но он верил, что им удастся найти человека, по следу которого они шли.

Перед отплытием Каттер и его друзья прошли по городу в поисках слухов о человеке на глиняном великане или о милиционерах на переделанных лошадях. Потом послали письмо в город, товарищам из Союза, сообщив, что они в пути и что удалось выйти на след.

Загадочный человек летел над странным ландшафтом, петляя меж фульгуритами,[3] проносясь над щелочными озерами. В полете он стоял неподвижно, то складывая на груди руки, то снова опуская их. Противоестественно разрезая воздух, он набирал скорость.

Теперь его спутником была птица, но она не летела, а сидела у него на голове. Она расправляла крылья, и ветер ерошил ее перья. На них были видны какие-то наросты, искажавшие очертания крыльев.

Человек пролетал мимо деревень. При виде его скотина принималась выть и реветь.

Там, где заканчивались холмы и начиналась пустыня, человек ненадолго прервал свой полет. Что-то виднелось в грязи — некое подобие ржаво-красной звезды в черных и коричневых лохмотьях. Мертвец. Свалился с такой высоты, что удар буквально вбил его в землю. Вытекшая кровь — ее было немного — зачернила почву вокруг тела. Оно стало бескостным, расплющенным по краям.

Загадочный летун с птицей на голове задержался над мертвым. Сначала человек и птица смотрели на покойника, потом слаженно, как единый механизм, задрали головы к небу.

ГЛАВА 3

На второй день пути среди серых волн Мелкого моря отряд Каттера захватил «Акиф». Помрой приставил к виску капитана пистолет. Матросы уставились на пассажиров, не веря своим глазам. Игона и Элси подняли ружья. Каттер видел, как дрожат руки у Элси. Фейх поднялся из своего бочонка с водой, держа арбалет. Капитан заплакал.

— Меняем курс, — объявил Каттер. — В Шанкелл придете на пару дней позже. Сначала заедем на юго-запад. Идем вдоль берега. Вверх по Драдскейлу. Оттуда дорога до Шанкелла займет у вас лишние дня два. Ну, и не все антилопы доплывут.

Шесть человек команды угрюмо сдали оружие. Все они работали за поденную плату и совершенно не чувствовали солидарности друг с другом или с капитаном. На Фейхечриллена, из-за какого-то предрассудка, все шестеро глядели с ненавистью.

Каттер привязал капитана к рулю, возле загона с черными антилопами, у которых были спилены рога, и члены отряда по очереди держали его на мушке под пристальными взглядами ездовых животных. Капитан рыдал так, что становилось неловко. Солнце припекало все жарче. За кормой оставался расширяющийся след: вода расходилась, точно расстегнутое одеяние. Каттер наблюдал за страданиями Фейхечриллена: воздух для водяного был слишком горячим и соленым.

На третий день показался северный берег Чимека — безжалостные холмы из спекшейся глины, пыль и зыбучие пески. Растений было мало: пыльный маррам, жесткие чужеродные деревья с колючими листьями. «Акиф» проплывал мимо соленых топей.

— Он всегда говорил, что другого пути к Железному Совету нет, — сказал Каттер.

Минералы, которые приносил поток в устье Драдскейла, оставляли блестящую пленку на поверхности моря. Соленые топи были полны растительности, и Каттер с любопытством стопроцентного горожанина проследил за стаей ламантинов, которые вынырнули из воды и стали пастись.

— Опасно, — заговорил кормчий. — Эти… — Он то ли ругнулся, то ли издал звук отвращения и указал на Фейха. — Там, дальше. Полно водяных свиней.

При этих словах Каттер напрягся.

— Дальше, — сказал он и ткнул кормчего дулом ружья.

Кормчий обернулся.

— Мы не плыть, — ответил тот, внезапно перегнулся через

ограждение палубы и бросился в воду. Все зашевелились и закричали.

— Вон он!

Помрой размахивал револьвером. Кормчий вынырнул и поплыл к одному из островов эстуария. Помрой проследил за ним, но не выстрелил.

— Черт побери, умей они плавать, уже попрыгали бы за ним, — произнес он, когда кормчий добрался до берега, и кивнул на матросов, радостными криками подбадривавших беглеца.

— Да они с нами голыми руками драться будут, если мы заставим их плыть дальше, — сказала Игона. — Поглядите на них. А стрелять в них мы не станем, сами знаете. Всем ведь понятно, что нам предстоит.

Вот почему, как это ни смешно, угонщикам пришлось самим доставить команду на остров. Помрой размахивал револьвером, точно грозя пристрелить кого-то. Но матросы сошли на берег целыми и невредимыми и даже получили немного провизии. Капитан наблюдал за ними с жалобным видом. Его не отпустили.

Каттеру стало противно.

— Мягкотелые! — орал он на своих друзей. — Дома надо было сидеть, раз жалостливые такие.

— А что ты предлагаешь, Каттер? — закричала в ответ Игона. — Заставь их остаться, если можешь. Убивать их, что ли? Может, нам и следовало остаться дома, мы и так уже дорого заплатили.

Помрой смотрел сердито. Элси и Фейх отводили глаза. Каттер вдруг стал страшен.

— Ничего, — сказал Каттер, стараясь не быть ни льстивым, ни презрительным. — Ничего. Мы доберемся. Мы найдем его. И это чертово путешествие кончится.

— Для парня, которому все как до луны, ты слишком много ставишь на карту, — сказала Игона. — Смотри, люди могут подумать, что ты не таков, каким хочешь казаться.

Драдскейл был широк. Рвы и канавы подходили к нему, питая грязной водой. Русло было прямым на много миль вперед.

На восточном берегу, сразу за мангровыми рощами, поднимались иссушенные ветром безводные холмы. Пустыня из запекшейся на солнце глины тянулась вдаль, а где-то за ней лежал Шанкелл, город кактов. Западный берег был еще хуже: за бахромой прибрежных деревьев частым гребнем вставали скалы. Источенные солнцем и ветрами, они походили на невиданную рощу зазубренных камней. По непроверенным данным, которыми располагал Каттер, они тянулись вдаль на сотни миль. На его

карте исследователь оставил свои пометки. «Когти дьявола», — гласила одна. Вторая добавляла: «Трое погибли. Возвращаемся».

Птицы — крупные аисты — вышагивали по мелководью, сутулясь, как театральные злодеи. Взлетали они, лениво взмахивая крыльями, точно изнемогали от усталости. Такого жестокого солнцепека Каттер никогда еще не видывал. Свет отуплял. Плохо было всем, но в первую очередь, конечно, Фейху, который то и дело нырял в свой вонючий бочонок. Когда вода вокруг судна наконец стала пресной, водяной с облегчением бросился в нее и заново наполнил свой резервуар. Но плавал он недолго: река была ему неизвестна.

Человек, за которым они шли, должен был задавать направление. Каттер всю дорогу разглядывал берега в поисках оставленных им знаков.

Всю ночь пароход шел вперед, выбрасывая вверх клубы сажи и содрогаясь. В жестком красном свете зари им показалось, будто листья и стебли ползучих растений, колыхавшиеся в прибрежных волнах, стали жидкими, точно материя таяла у них на глазах, стекая в реку ручейками краски.

Солнце еще стояло над горизонтом, когда Драдскейл разлился и превратился в заболоченную равнину. Над поверхностью воды торчали жутковатые каменные пальцы выветренных скал. «Акиф» сбавил скорость. Какое-то время урчание двигателя заглушало все прочие звуки.

— Куда теперь, Каттер? — спросил кто-то наконец.

Что-то двигалось под водой. Фейх наполовину высунулся из бочонка.

— Черт возьми, это же… — начал он, но его перебили.

Широкоротые тупые рыла поднялись перед «Акифом» из воды. Это были вооруженные копьями водяные.

Капитан выпрямился и завизжал. Он дал газу, и водяные бандиты врассыпную скрылись под водой. Фейх опрокинул бочонок, разлив грязную воду. Свесившись за борт, он закричал что-то на лаббоке, языке водяных, но ему не ответили.

Водяные вынырнули опять, подняв тучи брызг, и на миг замерли — точно встали — на поверхности воды. Прежде чем упасть, они метнули копья. Пенистые струи воды вырвались из-под их выброшенных вперед ладоней и превратили копья в гарпуны. Такой водяной магии Каттер не видел никогда. Он выстрелил в воду.

Капитан продолжал убыстрять ход. Каттер понял, что он хочет выбросить «Акиф» на берег. Швартоваться было некогда.

— Держись! — закричал он.

Со страшным скрежетом брюхо корабля пробороздило

каменный берег. Каттера перебросило через корму, и он сильно ударился о землю.

— Быстрее! — закричал он, поднимаясь.

«Акиф» накренился на корму. Загон с антилопами сломался, и привязанные друг к другу животные клубком покатились по наклонной палубе, ощетинившись острыми копытами и обрубками рогов. Фейх прыгнул через покосившийся поручень. Элси ударилась головой, Помрой помог ей спуститься.

Игона перерезала веревки на капитане. Каттер дважды выстрелил в набегающую волну.

— Быстрее! — крикнул он опять.

Рядом с разбитым пароходом поднялся водяной столб. Сначала Каттер решил, что это какая-нибудь шальная волна или не виданная им прежде магия, но столб был выше двадцати футов, эдакая колонна абсолютно прозрачной воды, на которой сидел водяной. Это был шаман верхом на ундине.

Сквозь водяное тело элементаля можно было видеть искаженные очертания парохода. Но тут тысячи галлонов воды в один миг хлынули на борт судна, задрав нос вверх, и Игона с капитаном заскользили по палубе им навстречу. Они пытались встать, но вода ундины подкатилась к ним, волной поплескалась у их ног и проглотила обоих. Каттер вскрикнул, видя, как Игона и ее пленник проваливаются в брюхо ундины. Оба изо всех сил работали ногами и руками, надеясь выплыть, но как было выбраться? Течения внутри ундины были устроены так, что не давали добыче вырваться наружу.

Помрой взревел. Он выстрелил, Каттер тоже, а Фейх пустил стрелу. Все три снаряда достигли тела ундины, плюхнулись в него, точно камешки в воду, и утонули. Было видно, как внутренний водоворот ундины подхватил стрелу, закружил ее, понес вниз и выбросил из тела, будто кал. Каттер выстрелил еще раз, теперь уже в шамана на верхушке водяного столба, но промазал. Помрой с безрассудной храбростью бросился на ундину и стал молотить ее кулаками, надеясь вызволить подругу, но добился лишь того, что в разные стороны полетели клочья пены, а дух воды не обратил на него никакого внимания.

Игона и капитан тонули. Ундина утекла в трюм, шаман вместе с ней. Каттер завопил, видя, как еще живое тело Игоны исчезает под палубой в объятиях стихии.

Водяные снова окружили «Акиф» и начали метать копья.

Вода хлынула из парохода, из трюма гейзером взметнулась ундина: она наглоталась железа, и детали двигателя смешно подскакивали в ее внутреннем водовороте. Там же мелкими соринками колыхались тела ее жертв, только теперь вода

сообщала им видимость движения. Глаза и рот Игоны были открыты. Каттер едва успел заметить ее, как водяной столб изогнулся, превратившись в арку, и ундина перетекла назад в озеро, унося добычу с собой.

Путникам оставалось лишь бессильно ругаться и плакать. Они сыпали проклятиями, выли, как волки, но в конце концов вынуждены были покинуть затонувший пароход, оставить хищные воды и идти дальше по степи.

К ночи, совершенно измотанные, они добрались на антилопах до группы деревьев и уселись на землю, глядя на Элси. Высоко в небе стояла луна, вокруг которой, точно подброшенные в воздух монетки, кружили ее сыновья-спутники. Элси сидела на земле, скрестив ноги, и смотрела на них со спокойствием, поразившим Каттера. Ее губы двигались. Шея была обвязана мужской рубашкой. Глаза вперились в пустоту.

Сквозь заросли тростника позади нее Каттер глядел на вельд. В лунном свете сандаловые и железношиповые деревья напоминали тени крадущихся убийц. Выщербленные кроны баобабов стояли сплошной стеной.

Элси кончила шевелить губами, глядя настороженно, и сняла с шеи рубашку человека, за которым они гнались.

— Я не знаю, — сказала она. — Видение было неясным. Мне кажется… нам туда.

Она махнула рукой в сторону далеких гор. Каттер промолчал. Элси показывала на северо-северо-восток, куда и без того лежал их путь. В свое время Каттер был обрадован ее приходу, хотя всегда знал, что магические способности Элси весьма посредственны. Он даже не был уверен, способна ли она улавливать истинные эманации, да и сама Элси не была уверена.

— Нам все равно туда, — сказал Каттер.

Он не имел в виду ничего дурного — мол, даже если ты ошиблась, не страшно, — но Элси обиделась.

Много дней пришлось ехать по земле, которая истязала их жарой и растениями с острыми, как колючая проволока, шипами. Мускулистые животные, на которых они сидели, тоже причиняли им немало неудобств, но с их помощью путники все равно передвигались быстрее, чем на своих двоих. Ни у кого не было сил держать ружье прямо. Фейх томился в бочонке озерной воды, подвешенном между двумя антилопами. Вода цвела, и ему нездоровилось.

Однажды путешественников напугала бессвязная болтовня, доносившаяся с неба. Хохоча и переругиваясь между собой, на

них свалился целый выводок каких-то тварей.

Каттер видел таких на картинках: это были глюкличи, горбатые гиены с крыльями летучих мышей.

Помрой подстрелил одну, и сестры с братьями накинулись на нее и начали пожирать прямо в воздухе, не дожидаясь, когда она упадет на землю. Пока стая прожорливых каннибалов утоляла голод, путники скрылись.

— Где же твой чертов шептун, а, Каттер?

— Да пошел ты, Помрой. Узнаю — скажу, не беспокойся.

— Двое. Двое наших погибли, Каттер! Куда мы идем?

Каттер не ответил.

— А тот почем знает, куда идти? — спросила Элси. Она имела в виду того, кого они искали.

— Он всегда знал, где они, по крайней мере приблизительно, он сам говорил мне. И даже намекал, что получает от них известия. Один его знакомый в городе вроде бы сообщил, что на след Совета напали. Вот он и сбежал, чтобы добраться до них раньше, — объяснил Каттер. Записку он не взял с собой, уязвленный ее туманной краткостью. — Однажды он показывал мне на карте, где, по его мнению, они находятся. Я вам говорил. Туда мы и идем.

Как будто все было так просто.

В сумерках они достигли подножия крутых скал и обнаружили речку, из которой с радостью напились. Фейх окунулся в нее с головой. Оставив его ночевать в воде, люди вскарабкались на утес, преграждавший им путь. На краю каменного уступа они огляделись и увидели плоскую степь, кучки огней впереди. Их было три: самая дальняя тускло светилась на горизонте, до ближней было часа два езды.

— Смотри-ка, Элси, — сказал Каттер. — Ты и правда что-то почуяла.

Здоровяк Помрой был слишком тяжел, чтобы карабкаться по отвесным каменным склонам, у Элси не было сил. Спуститься мог только Каттер. Другие уговаривали его подождать до утра, когда все вместе найдут дорогу вниз. Но, даже зная, как небезопасно разгуливать по этим враждебным равнинам одному, да еще ночью, Каттер не смог воспротивиться искушению.

— Идите, — сказал он. — Присмотрите за Фейхом. Увидимся.

Он сам поразился тому, как обрадовала его возможность побыть наедине с собой. Время точно остановилось. Каттер шагал по призрачному ландшафту, словно попав в сон земли о себе самой.

Смолкли глюкличи, не кричали ночные птицы, далекие огни

светились в темноте, как нарисованные. Каттер был один. Он думал о погибшей Игоне. Поравнявшись наконец с огнями, он увидел группу приземистых строений и вошел в деревню так смело, как будто его ждали.

Деревня была пуста. Вместо окон в стенах домов зияли дыры. Огромные дверные проемы не скрывали внутренних комнат, совершенно голых.

На перекрестках роились огни: светящиеся шары прохладной магмы величиной с человеческую голову горели не ярче ночников. Ветра не было, и сгустки магмы неподвижно висели в мертвом воздухе. Однако сами шары были живыми: они гудели, их поверхность бурлила, словно страдающий несварением желудок, то и дело стреляя холодными искрами. Они походили на прирученные солнца. Другой жизни в деревне не было.

Проходя по пустынным улицам, Каттер обратился к человеку, по следу которого они шли, — почти шепотом:

— Где ты?

Возвращаясь к утесу, Каттер заметил искорку света, медленно скользившую по его краю. Это был фонарь — фонарь, зажженный не спутниками Каттера.

Элси хотела взглянуть на пустую деревню, но Каттер заявил, что у них нет времени: надо добраться до следующих огней и поискать след там.

— Ты же что-то почуяла, — напомнил он ей. — Надо проверить. Не можем же мы вечно идти неизвестно куда.

Фейху полегчало, в его бочонок налили свежей воды, но ему было по-прежнему страшно.

— Здесь не место для водяного, — пожаловался он. — Умру я в этих краях, Каттер.

Утро было в разгаре, когда Каттер обернулся и ткнул пальцем в залитые светом скалы, которые они оставили позади. На краю утеса маячила крошечная фигурка: человек на лошади. Мужчина, а может, женщина в широкополой шляпе.

— За нами следят. Это наверняка наш шептун.

Каттер ждал, что вот-вот услышит шепот, но все было тихо. Весь день и весь вечер всадник ехал за ними, не отставая, но и не приближаясь. Путников это бесило, но они ничего не могли поделать.

Вторая деревня показалась Каттеру точной копией первой, но он ошибался. Антилопы, тяжело дыша, плелись от одной освещенной бурливыми шарами пустынной площади к другой, пока не уткнулись в изрешеченную пулями стену, покрытую брызгами растительного сока. Путники спешились; перед ними

явно были следы давней схватки. Каттер увидел клочок вспаханной земли в окрестностях городка, и тут ему показалось, будто время исчезло: взрытый и обугленный участок ничуть не походил на поле. Это была могила. Братская могила.

Из земли первыми всходами кошмарного урожая тут и там торчали кости. Сломанные, почерневшие от огня, волокнистые, как древесина. Кости кактов.

Каттер стоял среди мертвых, под его ногами гнила растительная плоть. Время вернулось. Он ощутил его содрогание.

Посреди поля пугалом торчал обезображенный труп. Человеческий. Кто-то раздел его догола и пиками пригвоздил к дереву. Копья пронзали труп. Жало одного торчало из грудины. Копье вошло в зад и пробило тело насквозь. На месте мошонки зияла рваная рана. На горле запеклась кровь. Изъеденную насекомыми кожу высушило солнце.

Путники смотрели на тело, как дикари на свой тотем. Когда несколько секунд спустя Помрой пошевелился, вид у него был виноватый, точно он проявил неуважение к покойнику, оторвав от него взгляд.

— Гляньте, — сказал он и сглотнул. — Одни какты. — Помрой ковырнул ногой землю с останками. — И вдруг этот. Что тут стряслось, во имя Джаббера? Война сюда еще не докатилась…

Каттер осмотрел труп. Крови было мало, даже между ног — лишь небольшой комок.

— Он был уже мертв, — прошептал Каттер. Жуткая картина потрясла его. — Они сделали это с мертвецом. Когда похоронили других.

То, что он принял за сгусток крови на горле, оказалось металлической пластинкой. Каттер на ощупь снял ее с шеи мертвеца.

Это был крошечный значок офицера нью-кробюзонской милиции.

Летун парил над водой. Его одежда и волосы развевались на ветру. В считаных футах от его ног волновалось Мелкое море, брызгая пеной ему на брюки.

Время от времени из волн вырывалось стремительное тело: рыба-меч подпрыгивала так высоко, что едва не задевала ботинки летуна, описывала в воздухе дугу и снова уходила под воду. Оба двигались с одной скоростью, человек и рыба.

Каждый раз, выпрыгивая из воды навстречу солнцу, рыба ловила взгляд летуна большим круглым глазом. К ее спинному плавнику прилипло что-то темное. Оно копошилось, зарываясь рыбе под чешую.

ГЛАВА 4

С намеченного по карте пути путники свернули к третьей группе огней. Перед ними зубчатым спинным хребтом вставала стена из камня, через которую предстояло найти проход.

Каттер сжимал в ладони покрытый запекшейся кровью значок. Он знал, что милиция где-то впереди, и его тошнило от страха. «Что, если мы опоздали?»

По дороге попадались наполненные грязной водой ямы. Фейх пополнил свой запас, но его кожа покрылась язвами. Путешественники стреляли кроликов и медленно летающих птиц, видели стада антилоп, с осторожностью проходили мимо логовищ клыкастых боровов размером с лошадь.

Каттеру мерещилось, будто за ними, точно зараза, тянется след. Спустя двое суток после встречи с распятым милиционером, на рассвете третьего дня, они подошли к последней деревне. Стоило приблизиться, как солнце выкатилось из-за горизонта и обдало их розоватым светом, в котором что-то двигалось: уступ скалы или тонкое дерево, как им показалось сначала.

Путники закричали. Антилопы под ними сбились с шага.

К ним приближался гигант — судя по силуэту, какт, но такой огромный, какого они раньше никогда не видели. Обычно какты бывают семи, ну, восьми футов росту, но этот был вдвое выше. Казалось, движется что-то простое и страшное, как сама земля, словно кусок степи вдруг встал и пошел.

Какт шел, подпрыгивая на кривых бедрах, выбрасывая далеко в стороны огромные рахитичные ноги с беспалыми обрубками ступней. Его шатало так, точно он вот-вот готов был упасть. Зеленая кожа хранила следы многочисленных порезов. Колючки были длинными, как пальцы.

Несмотря на неровную походку, могучий какт приближался быстро, держа в руке дубину — древесный ствол. Он поднял ее на ходу и закричал, почти не изменившись в лице. Выкрикивая какие-то слова на языке, которого путешественники не понимали, — вероятно, то был диалект сунглари, — он воинственно несся на них.

— Погоди, погоди! — кричали все.

Элси вытянула руку, ее глаза подернулись сеточкой кровеносных сосудов, и Каттер понял, что она пытается воздействовать на мозг какта своими слабыми чарами.

Какт приближался широченными неровными шагами. Фейх пустил в него стрелу, которая стукнулась о бок какта, с хлюпаньем вонзилась и осталась торчать, не причинив гиганту

боли, — только струйка сока потекла по телу.

— Убивать вас, — слабым голосом залопотал какт на плохом рагамоле. — Убийцы.

Он вскинул огромную дубину.

— Это не мы! — крикнул Каттер.

Он бросил милицейский значок на тропу и принялся палить в него из револьвера. Значок со звоном подскакивал, пока все шесть стволов не опустели. Какт умолк, его дубина застыла в воздухе. Каттер набрал полный рот слюны и плюнул на значок.

— Это не мы.

Такого какта они еще не видели. Каттер думал, что дело в Вихревом потоке, что это — злокачественное порождение какотопической зоны, но оказалось иначе. В последней опустевшей деревне огромный какт рассказал, кто он такой. Его сородичи называли таких гиайнами, Каттер с друзьями перевели это для себя как «запоздалый».

Какты вельда знали способ, как удержать часть своих деток в земле позже срока, не уморив их. Пока прочие отпрыски, скуля, вылезали наружу, опоздавшие гиайны продолжали спокойно спать и расти в своих хорионах.[4] Хотя тайные практики не давали им родиться, их тела продолжали вытягиваться. Когда гиайны наконец просыпались и появлялись на поверхности, то становились дурачками. И вырастали непомерно большими.

Это отклонение определяло всю их жизнь. Древесные кости искривлялись, кожа делалась жесткой, как кора, и покрывалась наростами. Чрезмерно разросшийся мозг давил изнутри на череп, причиняя боль. Гиайны становились для своих деревень хранителями, защитниками и дозорными. В общине на них налагалось табу. Гиайнов чурались и на них молились. Им не давали имен.

Пальцы на левой руке Запоздалого срослись вместе. Движения его были медленными из-за артрита.

— Мы не Теш, — сказал он. — Не наша война, не наше дело. Но они все равно приходить. Милиция.

Они пришли со стороны реки — отряд конной милиции с дискометами и картечницами. С севера до кактов давно уже доходили слухи о стычках милиции с легионами Теша. Беженцы рассказывали о чудовищной жестокости милиционеров, поэтому жители ближайших деревень поспешили укрыться от летучего отряда.

В одну деревню милиция нагрянула прежде, чем та опустела. Тамошние какты укрывали одно время беженцев-северян, которые наговорили всяких ужасов, — вот они и решили дорого продать

свою жизнь. Всей толпой, с дубинками и кремневыми мачете в руках, какты повалили навстречу милиции. Произошла бойня. На поле битвы остался лежать один мертвый милиционер, чье тело растерзали гиайны, похоронив разорванных на куски кактов.

— Две недели прошло, как они были. С тех пор охотятся на нас, — объяснил Запоздалый. — Теперь здесь тоже война с Тешем?

Каттер покачал головой:

— Все запуталось, на хрен. Милиция гонится… им не ублюдки эти несчастные нужны, они преследуют одного из наших. Какты запаниковали, наслушавшись страшных рассказов, и сами подставились. Послушай меня, — обратился он к зеленому гиганту. — Те, кто сотворил это с твоей деревней, кое-кого ищут. Им надо остановить его, пока он не подал знак. — Каттер глядел в глаза на большом лице. — За ними придут другие.

— Теш тоже придут. Воевать с ними. Те и другие будут воевать с нами.

— Да, — сказал Каттер ровным голосом и надолго умолк. — Но если он победит… если уйдет от них, то милиция… им, может, будет чем заняться, кроме этой войны. Так что, может, тебе захочется нам помочь. Надо остановить их, пока они не остановили его.

Поднеся изуродованную ладонь ко рту, Запоздалый издал животный крик — так мог кричать раненый зверь. Его жалоба с рокотом покатилась по траве. Вся живность застыла в тишине ночи, и вот издалека донесся ответ. Еще один долетел за много миль, и Каттер животом почувствовал вибрацию от него.

Запоздалый кричал снова и снова, заявляя о себе, и за несколько ночных часов к нему широкими неверными шагами подошел целый отряд гиайнов. Их было пятеро, и все разные: одни выше двадцати футов ростом, другие вполовину ниже, поломанные когда-то конечности неуклюже вправлены. Компания могучих хромоногих калек.

Путники испугались. Гиайны дружно горевали, переговариваясь на своем языке.

— Если бы вы помогли нам, — робко сказал Каттер, — то, может быть, нам удалось бы остановить милицию навсегда. И даже если нет, то вы все равно с ними посчитаетесь, а значит, отомстите за своих.

Гиайны сели на землю в кружок и просидели так несколько часов, обмениваясь задумчивыми звуками и касаясь друг друга. Их конечности были такими тяжелыми, что им приходилось

делать это очень осторожно.

«Бедные потерянные солдаты», — подумал Каттер, хотя его благоговейный страх не исчез.

Наконец зачинатель переговоров подошел к нему и сказал:

— Они ушли. Милицейская банда. На север. Охотиться. Мы знаем где.

— Это они, — ответил Каттер. — Они ищут нашего друга. И нам надо их догнать.

Гиайны выдернули из ладоней колючки, подняли Каттера и его спутников на руки и с легкостью понесли. Брошенные антилопы следили за тем, как они удалялись. Какты делали гигантские шаги, покачиваясь над землей и переступая через деревья. Каттер почувствовал себя ближе к солнцу. Он видел птиц, даже гаруд.

Гиайны разговаривали с крылатыми существами. При их приближении те взмывали в воздух и кружили с криками, подобными вою ветра. Они что-то говорили — быстро и ожесточенно. Гиайны слушали и негромко гудели в ответ.

— Милиция впереди, — сказал тот, на котором ехал Каттер.

Они шли, пошатываясь, а когда останавливались передохнуть, то вставали, сомкнув ноги, на манер кактов. Однажды гиайны встали, когда луна и ее дочери уже спустились к горизонту. На самом краю саванны, на западе, горел огонь. Он двигался, точно фонарь или факел.

— Кто он? — спросил Каттера его какт. — Человек на лошади. Идет за вами?

— Так это он? О Джаббер… вези меня к нему! Быстро. Мне надо знать, что за игру он ведет.

Какт понесся, раскачиваясь из стороны в сторону, точно пьяный, пожирая расстояние, — и свет тут же погас.

— Ушел, — сказал гиайн.

Каттер вздрогнул от шепота в ухе.

— Не будь идиотом, — услышал он. — Твоему какту за мной не угнаться. Зря время тратишь. Скоро я сам к тебе приду.

Когда они снова вступили на тот путь, с которого недавно свернули, огонь зажегся опять и последовал за ними на запад.

Две ночи гиайны шли, прерываясь лишь ненадолго, чтобы отдохнуть или искупать Фейха в источнике. Наконец они остановились. Перед ними была широкая полоса перепаханной земли, на которой валялась перетертая в кашу трава.

Над степью, вплоть до зеленых холмов, висела какая-то дымка. Каттер принял ее сначала просто за легкий дымок, пока

не разглядел в ней темно-серые вкрапления. Словно кто-то повозил грязным жирным пальцем по стеклу.

— Они, — сказал его гиайн. — Милиция. Это они.

Гиайны не строили никаких планов. Каждый вырвал с корнем по узловатому дереву и обломал с них сучья, затем все двинулись вперед, на уничтожителей своего народа.

— Подождите! — закричали кактам Каттер, Помрой и Элси, надеясь убедить их в пользе стратегии. — Слушайте, да послушайте же!

— Не убивайте хотя бы одного, — молил Каттер. — Ради всего святого, дайте нам с ними поговорить!

Но Запоздалые делали вид, что не слышат и не понимают, о чем речь.

Степь была неровной, усеянной камнями; жара отражалась от них, как от стен домов. Звери бросались наутек, заслышав громовую поступь гиайнов. Запоздалые забрались на возвышенное место и остановились. Внизу Каттер увидел милиционеров.

Их было десятка два — крохотные фигурки в сером, с собаками. Еще у них имелась какая-то штука, от которой шел дым, — обшитая железом башня ростом с гиайна. Ее тянули переделанные лошади; из проемов зубчатой вершины глядели двое. Это башня уничтожила траву, перепахала землю и залила маслянистой дымкой степь.

Очень медленно гиайны спустили своих пассажиров на землю. Каттер и его товарищи проверили оружие. Серая хищная птица взмыла в воздух, возбужденно крича.

— Идиотизм какой-то, — сказал Помрой. — Гляньте, как они вооружены.

— Какая им разница? — Каттер кивнул на гиайнов. — Им нужна только месть. Это мы хотим большего. Пусть эти парни получат то, что принадлежит им по праву. Я не стал бы мешать им, даже если бы мог.

Гиайны затопали вниз по склону, навстречу милиции.

— Пойдем-ка и мы.

Компаньоны рассыпались. Прятаться не было нужды: милиционеры увидели гиайнов и позабыли про все на свете. Каттер бежал под прикрытием пыли, поднятой гигантами.

Застрекотала картечница. Замелькали стволы, полетели пули. Милиционеры в панике нахлестывали лошадей. Они давно уже миновали территорию кактов и мнили себя в безопасности. Пули долбили толстую кожу великанов, из-под которой взметались фонтанчики сока, но ни один из гиайнов даже не замедлил шаг.

Одна великанша метнула свое орудие, как копье. В ее руке оно казалось дубинкой, но, поднявшись в воздух, снова стало тем, чем было на самом деле, — деревом. Ударившись в башню, оно погнуло обшивку. Каттер упал ничком и стал палить из револьвера в бестолково топтавшихся милиционеров. Те отстреливались, не сходя с места; их бессмысленная отвага впечатляла, ведь гиайны попросту задирали ноги, наступали на всадников и в два счета давили их в лепешку вместе с лошадьми. Или они вскидывали свои огромные дубины, и от одного лишь прикосновения корней у людей переламывалась шея.

Милиционеры с винтовками укрылись за спинами тех, кто нес дискометы или был приставлен к канистрам с горючим газом. Гиайны вскинули руки. Метатели огня заставили их отпрянуть, дочерна опалив им кожу.

Самый маленький гиайн пошатнулся, когда острый металлический снаряд из дискомета врезался в его растительную плоть и оторвал правую руку. Зажав культю левой ладонью, он ударами ног отбивался от спешившихся милиционеров, убив или поломав кости двоим; но боль была так сильна, что какт рухнул на колени и был добит диском, попавшим в лицо.

Стрелы Фейха и грохот мушкета Помроя выдали их. Башенные орудия нацелились на группу деревьев, где укрылся Фейх. Каттер вскрикнул, когда заговорила картечница: замки и цепи загрохотали, точно молоты, и град пуль прошил листву.

Лишь четверо гиайнов метались по полю в экстазе убийства, топча врагов ногами и разрывая руками. Башня наклонилась и двинулась вперед. Картечница нацелилась на гиайниху; цепочка пуль прошила ее от бедер до груди, так что она споткнулась и резким, неестественным движением перегнулась по этой линии.

Стоящий Помрой что-то выкрикивал, и Каттер понял, что это имя Фейхечриллена. Загнав в ствол патрон, Помрой выстрелил дважды. Собаки бесились, бестолково клацая переделанными челюстями.

Где-то раздался выстрел, за ним второй, и с вершины башни свалился человек.

Знакомый голос сказал Каттеру прямо в ухо:

— Ложись. Тебя увидели.

Каттер упал и стал глядеть сквозь просветы в жесткой, как проволока, траве. Раздался второй отдаленный выстрел. С коня упал милиционер.

Каттер увидел капитана-чародея, у которого вздувались жилы и сухожилия, а с кожи сыпались искры. Каттер выстрелил и промахнулся; больше патронов у него не было.

Чародей закричал, его одежда задымилась, и луч молочно-

белого света вырвался из земли прямо под ногами самой крупной гиайнихи, прошил ее насквозь, рванулся в небо и пропал. Великанша упала, молотя руками и ногами, истекая соком. Черное пламя охватило ее и пожрало. Из глаз чародея текла кровь, но он торжествовал, и тут его настиг выстрел невидимого снайпера. Двое уцелевших гиайнов насмерть затоптали оставшихся милиционеров.

Один из них подошел к ощетинившейся стволами башне, обхватил ее руками, точно борец — противника, и сильно повернул. Пока его собрат давил последних людей, собак-мутантов и лошадей, он толкал и раскачивал башню. Та подалась, со скрежетом наклонилась и стала падать, запряженные в нее лошади запаниковали. Медленно рухнув, башня раскололась, погребая под собой живых и мертвых.

Те, кто еще мог бежать, бросились наутек, а двое гиайнов погнались за ними, топоча, как дети-переростки. На поле боя показался всадник, мчавшийся галопом прямо к победителям. Каттер снова услышал его шепот.

— Не убивайте собак, ради всего святого, оставьте собак в покое.

Но это не был приказ, поэтому Каттер не обратил на него внимания и вместе с товарищами помчался к зарослям, где укрылся Фейх. Они обнаружили водяного распростертым в траве.

Не останавливаясь ни на минуту, человек-летун спешил вперед, рассекая воздух, неизменно прямой — спина его точно окаменела. Он петлял среди рукавов болотистой дельты, между кургузых островов, кружил в мангровых зарослях, ныряя в просторные просветы между корнями, пролетал над илистыми отмелями и ощетинившимися зубчатыми осколками скал.

Его по очереди сопровождали птица, заяц, оса размером с голубя, морской налим, лиса и детеныш-какт, и у каждого на теле была опухоль или нарост, шевелившаяся, пока существо льнуло к летуну или спешило за ним, а тот невероятным образом переносил свое загадочное тело с одного каменного зубца на другой. Вскоре он оказался над степью. Какое-то время компанию ему составляла антилопа, бежавшая так, как отродясь не бегал никто из ее сородичей.

Так они летели и летели, в рекордные сроки оставив позади знойный лес. Мимо низкорослых деревьев и сожженных деревень они спешили на север, все время на север, и кто бы ни бежал за человеком, сидел на его плече или летел над ним, они двигались все быстрее к своей цели, вглядываясь в небо и землю, ища видимые только им знаки, неумолимо нагоняя, приближаясь,

сокращая расстояние.

ГЛАВА 5

Фейха понесли хоронить. Странные собаки окружили тела милиционеров и выли по своим хозяевам.

Двое оставшихся гиайнов спали стоя, соединив ноги. Не все милиционеры погибли. Искалеченные слишком сильно не могли уползти и умирали здесь же, жалобно вскрикивая и часто дыша. Их было всего пятеро или четверо, и они еще долго боролись со смертью.

Пока Каттер рыл могилу, к нему, проехав сквозь кольцо беснующихся собак, подъехал всадник. Повернувшись к мертвому другу спиной, путники уставились на незнакомца.

Тот приветствовал их кивком, пальцами коснувшись полей шляпы. Пыль покрывала его с головы до ног. Короткая кожаная куртка побелела от солнца, в штаны из оленьей кожи и краги въелась грязь. Под чепраком у него была винтовка. На каждом бедре — по многоствольному револьверу.

Человек посмотрел на путников, потом остановил взгляд на Каттере, поднес сложенную ладонь ко рту и зашептал. Его голос раздался у Каттера в ухе, словно говоривший стоял вплотную к нему.

— Нам пора. И хорошо бы прихватить с собой одного из этих псов.

— Кто ты такой? — спросил Каттер.

Не отнимая ладони от губ, человек посмотрел на Помроя и Элси. Когда очередь снова дошла до Каттера, он услышал:

— Дрогон.

— Шептун, — с недоверием произнес Помрой, и Дрогон повернулся к нему и шепнул что-то в воздух.

— Ну, да, — ответил Помрой. — Уж в этом можно не сомневаться.

— Что ты здесь делаешь? — продолжал Каттер. — Пришел помочь нам похоронить… — Не в силах продолжать, он показал жестом.

— Почему ты шпионишь за нами?

— Я же говорил тебе, — зашептал Дрогон. *— У нас одна цель. Вы теперь изгнанники, и я тоже. Мы ищем одно и то же. Я годами ищу Железный Совет. Знаешь, сначала я не был в тебе уверен. И даже сейчас не совсем уверен. Ты знаешь, что не мы одни ищем Совет. Ты знаешь, зачем здесь эти* — И он указал на лежавшие навзничь окровавленные тела. *— Как ты думаешь, почему я шпионил за вами? Да просто чтобы понять, кого вы высматриваете.*

— Что он говорит? — спросила Элси, но Каттер отмахнулся от нее.

— Я еще не знаю, можно ли тебе верить, но я наблюдал за тобой и понял, что ты — мой лучший шанс. И показал тебе, что твой лучший шанс — это я. Если бы я мог, то сам ушел бы с тем, кого вы ищете, когда услышал о его уходе.

— Откуда ты знаешь? — спросил Каттер.

— Из тех, кто прикладывает ухо к земле, не один ты знаешь, кто он такой. Но слушай, у нас нет времени: ищут не только его. Эти шли за ним — хотя знают не больше нашего, — но есть еще другие, они идут за вами. От самого Строевого леса. Они уже близко. И это не просто милиция.

— Кто? Кто за нами гонится? — И Каттер в ужасе повторил услышанное им: — Рукохваты.

Страшась не столько гнева своих врагов, сколько одинокой смерти, живые милиционеры начали подавать голоса. Они делали это без всякой дальней цели, без выгоды для себя, просто ради того, чтобы поговорить с кем-нибудь, а не лежать в молчании на солнцепеке.

— Эй, эй, эй, приятель, эй, приятель.

— Подойди, подойди сюда, подойди.

— Черт, моя рука, черт, черт, мне руку оторвало.

Умирающие были молодыми здоровыми мужчинами лет тридцати с небольшим. Выражение гордости и примирения со своей участью, казалось, приросло к их лицам; они не ждали и не хотели пощады, им просто нужно было, чтобы перед смертью кто-то обратил на них внимание.

Псы продолжали скулить и кружить возле умирающих. Дрогон своей большой лошадью оттеснил от стаи трех странных созданий с уродливыми головами. Неслышными командами он успокоил животных.

— Зачем он нам помогает? — спросила Элси. — Чего он хочет?

Помрой предложил его убить или, по крайней мере, связать и бросить.

— Черт возьми, я не знаю, — сказал Каттер. — Говорит, слышал о том, что случилось. И что он тоже ищет Совет. Я не знаю. Но вы же видели, что он сделал, а ведь он мог и нас убить. Он спас мне жизнь: убрал стрелка, который целился в меня. И как он владеет оружием, вы тоже видели. А ты, Пом, сам сказал, что он чародей.

— Шептун, — бросил Помрой презрительно. — Обыкновенный мастер шепота.

— Он и мне кое-что шепнул, брат. Помнишь? И не потихоньку, как сейчас, когда он собак успокаивал. Нет, мы услышали его за несколько миль, и я, и тот главарь беспределов, и оба подчинились его воле.

Голосовой магией, наукой тайных внушений, обычно пользовались разбойники. Но этот человек поднял ее до небывалых высот.

Собаки были переделанными. Обонятельные центры в их мозгу были увеличены до безобразия. Черепа растянулись и стали вязкими, как тесто, словно бесформенные мозги стремились вытечь наружу. Глазки были крохотными, а челюсти заканчивались широкими ноздрями, мясистыми и подвижными, как свиные пятаки. Морщинистые морды опутывали провода, соединенные с батарейками, — все вместе образовывало магическую цепь. На ошейнике у каждого пса болталась какая-то тряпка.

— О черт, это же его одежда, — сказал Каттер.

— *Этого хватит, чтобы пробежать весь континент*, — прошептал Дрогон. — *Вот почему они не упускали его след.*

Они не стали убивать оставшихся в живых милиционеров или плевать им в лицо, но и воды не поднесли, а просто проигнорировали. Дрогон сосредоточился на собаках. Он шептал, и псы утихали. Животным хотелось доверять ему.

— Это наши псы, — сказал Помрой.

Пожав плечами, Дрогон протянул ему поводок; уродливый зверь глянул на Помроя и оскалился.

— Что у тебя за история? — спросил Помрой.

Дрогон указал на Элси, шепнул, и та подошла к нему.

Взяв ее ладони, Дрогон приложил их к своему лбу, и женщина погрузилась в ведовской транс. Он продолжал говорить, отчетливо произнося слова, которые слышала лишь Элси.

Когда шептун закончил, ее глаза открылись.

— Он велел мне прочесть его мысли. И измерить их правдивость. Он сказал: «Я хочу того же, что и вы, хочу найти Совет». Он сказал, что он из города, но не из чертова Парламента, и уж конечно, не из милиции. Говорит, что он вакеро, всадник. Бродяжничает двадцать лет. Он говорит, о Совете слишком часто болтают, будто его не существует. А для людей пустыни он важен как земля обетованная. Поэтому, когда до него дошел слух о том, что происходит… когда он услышал, кто отправился защищать Совет, то решил, что пойдет следом и поможет. Поможет найти его. Он шел за нами, пока не убедился, что нам можно доверять.

— Ты не ясновидящая, — сказал Помрой. — Так что все это

болтовня.

— Нет, я не ясновидящая, но кое-какой дар у меня есть. — Элси сердито уставилась на него. — Я умею чувствовать. И я почувствовала правду.

Мастер шепота опять надел шляпу и вернулся к собакам, с которыми неслышно беседовал, пока те не начали ласться к нему, покинув трупы прежних хозяев.

— У нее слишком мало сил, чтобы ей верить, Каттер, — предупредил Помрой.

«И почему я опять должен решать?» — подумал тот. Дрогон дал псам понюхать обрывки ткани, и те повернули свои жуткие слюнявые морды на север.

— *Нам пора идти*, — обратился он к Каттеру. — *За нами по-прежнему следят. Но мы уже близко, очень близко.*

Элси пыталась поблагодарить гиайнов, но те не реагировали.

— Вам надо уходить, — кричала она. — Рукохваты близко.

Гиайны не отвечали — замерли столбами среди содеянного ими и ничего не ждали. Людям оставалось лишь прокричать слова благодарности и оставить растительных гигантов, пребывавших в оцепенении. Каттер дал прощальный залп над могилой Фейха.

Собаки понеслись впереди Дрогона, натягивая поводки и жадно принюхиваясь. Время от времени он отпускал их в густые заросли, над которыми были видны только раздутые головы псов, качавшиеся вверх и вниз. И пока Каттер и его спутники плелись пешком, он отправлялся верхом на разведку.

Издалека Дрогон говорил шепотом с каждым из путешественников по очереди. Собаки бежали свободно, волоча за собой поводки, а когда они убегали слишком далеко, он шептал им слова команды, и те возвращались.

— *Не останавливайтесь*, — велел он Каттеру. — *Рукохваты сзади.*

Рукохваты. Зловещие руки истории. Пятипалые паразиты, вышедшие из подполья.

Поднимаясь на седловину меж двух холмов, Каттер думал о Фейхе, который пекся сейчас в горячей земле. Он оглянулся на метку, оставленную ими в ландшафте. Мертвые и умирающие вповалку, а над ними, словно деревья, двое гиайнов. Следы боя, как пятно копоти на земле.

За холмами начиналась местность более лесистая и сильно пересеченная; корни олив цеплялись за каменистые осыпи. Пыль, которую поднимал конь Дрогона, облаком стелилась над дорогой. Шептун ускакал далеко, но его след был виден ясно, словно шов. Вокруг росли шиповник и полынь. При каждом шаге Каттера из-

под его ног прыскали цикады.

Не в первый раз с начала путешествия время сгустилось, и Каттер увяз в нем. Каждый день был всего лишь до предела растянувшимся мгновением. Сама жизнь вокруг — замедленные прыжки насекомых, мелькание крохотных грызунов — была бесконечным повторением одного и того же.

В ту ночь они спали мало: мешали собачий брех и шепот Дрогона — он расположился впереди отряда. Путники изнемогали под грузом оружия, отнятого у милиции, за ними оставался след от тяжелых винтовок и засапожных ножей.

Однажды они увидели прямо над собой гаруду: тот летел, распластав крылья, точно распятый. Вдруг он нырнул, накренился к земле и пошел прямо на Дрогона, но тут же развернулся и взмыл вверх.

— Он собирался что-то шепнуть гаруде, но тот смылся, — сказал Каттер, довольный.

Теперь ритм их путешествия измерялся не днями: при свете солнца, и ночью, и в сумерках они спали считаные минуты. Мастер шепота если и спал, то делал это прямо в седле. Среди холмов им повстречались пятнистые халикотерии — среднее между жирафом и гориллой: они шли, опираясь на костяшки пальцев длинных передних конечностей, и обирали листву с невысоких растений.

— *Надо прибавить шагу*, — сказал мастер шепота Каттеру. — *Рукохваты близко*.

Идя за Дрогоном по следам человека, который был им нужен, к восходу луны путники оказались недалеко от горной гряды; за ней начиналось плато. К нему вел темный коридор между крутых склонов. Они войдут в него днем, и Каттер заранее предвкушал, как хорошо будет вместо бескрайнего палящего неба видеть лишь узкую полоску синевы между каменными стенами, заросшими лишайником.

— Кто-то идет, — сказала Элси, ее лицо вытянулось от ужаса. — Кто-то догоняет нас с юга.

Что-то двигалось позади многочисленных неровностей ландшафта, вне их поля зрения. Каттер знал, что Элси — неважная чародейка, но чутье у нее, несомненно, было.

Слабо вспыхнул восток, и в первом свете дня Каттер увидел на фоне гор тянущийся за Дрогоном пыльный след. Мастер шепота почти добрался до входа в ущелье.

— *Идите за мной через ущелье*, — шепнул он Каттеру. — *Поспешите. Рукохваты догоняют, но вы успеете, если не будете останавливаться. Собаки воют — чуют нашего парня. Он близко,*

с этой стороны. Спешите, вдруг мы сможем… сможем отбиться от рукохватов, устроив засаду.

Жалкий план, по правде говоря.

После этого Дрогон, должно быть, повернулся и прикрикнул на собак, потому что те залаяли и бросились в узкий проход среди скал. Каттер подумал об уступах, под которыми придется пройти, и вдруг ясно увидел то, что представилось его взору в комнате беглого друга и направило его сюда. Он увидел веревку, незаметно натянутую прямо над тропой, и изувеченные человеческие тела, сваленные как попало под чем-то напоминающим человека.

— Черт меня побери! Назад! Назад!

Так громко он еще никогда не кричал. Помрой и Элси встали как вкопанные; они спали на ходу. Каттер сложил руки рупором и снова заорал:

— Стой! Стой!

Он выхватил револьвер и пальнул в воздух.

Шепот Дрогона возник у него в ушах.

— *Что ты делаешь? Рукохваты услышат…*

Но Каттер все кричал, шатаясь от усталости:

— Стой, стой, стой! Не входи туда, не входи! Это ловушка.

Столб пыли развернулся к нему и, точно расплавленный нарастающим жаром, обернулся всадником на лошади. Дрогон возвращался. Каттер не утихал:

— Туда нельзя! Это ловушка. Голем-ловушка.

Дрогон объехал компаньонов кругом, точно они были парусами, а его команды — ветром, которому надлежало надуть их и двинуть вперед.

К плато вели лишь неверные каменистые тропы, поэтому приходилось держаться за кусты, карабкаясь наверх. Зато конь Дрогона промчался по головоломному пути на такой скорости, которая казалась здесь невозможной. Собаки, привязанные у входа в расщелину, бешено тянули за поводки, идиотски моргая свиными глазками и скаля клыки. Им не терпелось ворваться внутрь и настичь того, чей запах давно не давал им покоя.

— Он знает, — сказал Каттер. Опершись руками о колени, он подался вперед и выхаркнул пыль, набившуюся ему в легкие. — Он знает, что за ним гонятся.

— *Рукохват*, — предупредил Дрогон. На краю равнины показалось крошечное пятнышко. — *Надо спешить*.

— Он знает, что эти близко, но не пытается замести след, — сказал Каттер. — Он думает, что идет милиция, и заманивает их сюда, в проход. Это ловушка. Нам нельзя туда входить. Придется

обойти поверху. Он ждет на той стороне.

Спорить было некогда: воздух уже застыл, предвещая приближение рукохвата. Собаки заходились лаем, и Дрогон пристрелил их, загнав в тоннель. Люди полезли за ним по крутому склону, ступая на древесные корни. Даже вися в воздухе, он не забывал шептать: «Ползите», и они ползли, цепляясь руками и находя опору для ног.

Дрогон подвел их к краю ущелья. Внизу стоял его конь и валялись мертвые собаки. Дрогон что-то шепнул коню, тот коротко заржал и развернулся, точно намереваясь пройти через теснину.

— Что ты делаешь? — спросил Каттер. — Прикажи ему стоять, а то я сам пристрелю его, клянусь. Нельзя, чтобы он там все порушил.

На миг ему показалось, что мастер шепота бросится на него с кулаками, но тот повернулся и побежал дальше, а конь остался на месте. Каттер обернулся и вскрикнул. Их летучий преследователь имел человеческий облик. Он нес какой-то груз. От гор его отделяли считаные мили, и он, двигаясь неестественно прямо, точно выпущенная из лука стрела, летел к каменной стене и разлому в ней.

Добежав до другого конца ущелья, они окинули взглядом цепь плавно повышавшихся холмов. В свете восходящего солнца Каттер увидел карликовые деревца.

— Надо обождать, пока эта чертова штуковина уберется, — сказал Помрой.

— *Нельзя,* — шепнул Дрогон Каттеру и Помрою по очереди. — *Он гонится не за вашим другом, а за нами. По отпечаткам наших мыслей. Надо от него оторваться. Поворачивайтесь и деритесь.*

— Драться? — воскликнул Помрой. — С рукохватом?

— Все будет в порядке, — сказал Каттер. Глубокая уверенность вдруг охватила его. — О нас позаботятся.

Именно он, а не Дрогон нашел дорогу вниз. Один за другим они спустились, мастер шепота шел последним.

— *Чертов рукохват совсем близко*, — шепнул он Каттеру. — *Уже у входа, видел собак, входит.*

Каттер оглядел всех.

«Пойду гляну, — подумал он. — Посмотрю на твою ловушку».

Он побежал к выходу из тоннеля.

— Что ты делаешь? — закричали его товарищи. — Каттер, вернись!

— *Стоп,* — скомандовал мастер шепота, и Каттеру пришлось остановиться. Он даже взвизгнул от злости.

— Пусти меня. Мне надо кое-что проверить, — сказал он, однако ноги его приросли к земле. — Черт тебя побери, да отпусти же.

Мастер шепота дал ему свободу. Пошатываясь, Каттер пошел к проему. Со страхом и осторожностью он приблизился ко входу, засыпанному щебнем и осколками валунов, и заглянул внутрь со словами:

— Помоги же. Помоги мне его найти.

Раздался какой-то звук. Каттер уловил движение в воздухе, похожее на дыхание камней.

— *Он близко*, — сказал мастер шепота, но не двинулся с места, как и Элси с Помроем; они следили за Катером с таким видом, будто уже не надеялись увидеть его живым.

— Ну помоги же мне, — попросил Каттер, вглядываясь во мрак; от приближающегося рокота у него мурашки бежали по коже.

Он увидел, как что-то слабо блеснуло. Туго натянутая проволока пересекала порог, концы ее уходили в груды камней, внутри которых, как было известно Каттеру, прятались батареи и механизмы.

— Я нашел! — закричал он.

Каттер поднял голову и услышал гнетущий вой. Из расщелины полетели листья и клочки мха. Рукохват приближался с ужасным звуком. Каттер видел, как от порыва ветра взвихрились листья в расщелине. Отрывисто застучали копыта, выбивая сухую военную дробь, в нос Каттеру ударил лошадиный запах. Он прокрался назад, к своим товарищам.

— Готовьтесь бежать, — сказал он. — Готовьтесь, на хрен, бежать.

И вот началось. С грохотом. На них мчался конь. Его ноги мелькали с такой чудовищной быстротой, что казалось, будто лошадей несколько. Но это был конь Дрогона. С небывалой скоростью он несся вперед, подворачивая ноги и калеча копыта на острых, неустойчивых камнях, не обращая внимания на раны, а пот и кровь из порезов заливали его шкуру. Что-то сидело у него на хребте. Пятнистая тварь вцепилась коню в шею, извивающийся обрубок хвоста, как червяк, зарывался в лошадиную плоть.

За ним показался человек. Мужчина. Сложив на груди руки, он стоя летел по воздуху; его ужасающе быстро несло прямо на путешественников. Он увидел их и стал снижаться, не шевельнув пальцем. Те начали стрелять, а летун спикировал на них, стукнув носками ботинок о камень.

Каттер встал, выстрелил, упал на спину и съехал по глинистому склону. Стреляли все. Мастер шепота стоял,

раздвинув для устойчивости ноги, и со знанием дела посылал во врага пулю за пулей из двух стволов. Помрой и Элси палили наугад, но их свинец достиг цели: из тел обезумевшего коня и бесстрастного человека брызнула кровь, однако они даже не притормозили.

Летун открыл рот и плюнул огнем. Обжигающее дыхание коснулось проволоки, та вспыхнула, и на какой-то миг, на долю секунды рукохваты увидели тонкую металлическую струну и в тревоге раскрыли рты, но поделать ничего уже не могли — их несло прямо на нее. Струна лопнула, и они вылетели на солнце.

Скалы ожили. Скалы повернулись к ним. Проволочные кольца распрямились, по цепи пошел магический ток, клапаны застучали, масса сдерживаемой дотоле энергии вырвалась наружу и сделала то, для чего она так долго и тщательно копилась: создала голема.

Он сложился из того, что было вокруг. Из самого ущелья. Вся материя, его составлявшая, вдруг пришла в движение. Скалы ожили — теперь казалось, что они всегда напоминали сгорбленного великана футов двадцати росту, — каменная осыпь стала одной рукой, хрупкие сухие кусты — другой, из огромных валунов сложились живот и ноги, а голова вылепилась из затвердевшей на солнце земли.

Голем был незамысловатым, предназначенным лишь для убийства. С быстротой искусного убийцы он вскинул вверх многотонные ручищи и сцапал обоих рукохватов на лету. Те пытались развернуться к нему. В считаные секунды голем стиснул каменный кулак и раздавил коня, а с ним и руку-паразита, копошившуюся в его гриве.

Человек оказался проворнее. Он плюнул огнем, но струя скользнула по лицу голема, не причинив ему вреда. С невероятной силой человек рванул державшую его каменную руку и вывихнул ее, отчего голем неуклюже дернулся, но хватки не ослабил. Хотя из поврежденной руки сыпались камни, оставляя в ней провалы, голем опустил летуна пониже, ухватился одной галечной рукой за голову, а другой — за ноги и потянул.

Питающий паразита организм только-только испустил дух, а его разорванный труп еще не упал на землю, как голем перестал существовать, — он выполнил свою задачу. Земля и камни посыпались из него. Бесформенной окровавленной кучей голем осел на землю, наполовину похоронив под собой лошадиный труп.

Изувеченные останки человека упали в заросли папоротника и лежали, заливая камни кровью. Внутри костюма что-то копошилось.

— Спасайтесь, — сказал Каттер. — Ему нужен новый дом.

Дрогон открыл огонь по трупу, когда тот еще летел вниз. Едва мертвец приземлился, как из его одежды выскочила многоногая тварь противного темно-лилового цвета. Двигалась она как паук.

Люди бросились врассыпную. Громыхнуло ружье Помроя, но тварь не испугалась. Она была уже в нескольких шагах от визжавшей Элси, когда ее остановили выстрелы Дрогона. Мастер шепота приближался, стреляя на ходу, и три пули нашли свою цель в траве. Дрогон пнул тварь и поднял ее в воздух, безжизненную и окровавленную.

Это была рука. Кисть правой руки. Из запястья рос короткий хвост. Теперь он обвис, из него сочилась кровь.

— *Праворучный*, — сообщил Каттеру Дрогон. — *Из касты воинов.*

Раздался треск, точно громадный зверь ломился через лес. Каттер обернулся и попытался вскинуть незаряженный пистолет.

Шум повторился, что-то задвигалось среди деревьев в полумиле от них. Что-то вышло на солнце. Это был великан, огромный серый человек. Путники смотрели, как он приближается к ним, и не знали, что им делать, что говорить. Каттер издал вопль и побежал. Пока он набирал скорость, глиняный гигант поравнялся с ним, и Каттер заметил, что кто-то машет ему сверху; кто-то спрыгнул со спины великана и с распростертыми объятиями бросился к Каттеру, неразборчиво крича на ходу, и Каттер тоже бежал и кричал, и с обоих сыпалась пыль и приставшие к ним мелкие насекомые.

Каттер бежал по склону вверх, тот человек — вниз. Каттер звал человека, звал по имени и плакал.

— Мы нашли тебя, — повторял он. — Мы тебя нашли.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ
вОзВрАщЕнИе

ГЛАВА 6

Высоко над рыночной площадью распахнулось окно. Повсюду над рыночными площадями распахивались окна. Это был город рыночных площадей, город окон.

Снова Нью-Кробюзон. Неизменный, безукоризненно верный себе город. Весна выдалась теплой, и на улицах пованивало: смердела вода в реках. Повсюду стоял шум. Нью-Кробюзон был в своем амплуа.

Что кружило над вытянутыми вверх пальцами города и сновало меж них? Птицы, гады летучие, вирмы (смешливые, по-обезьяньи проворные создания), выкрашенные в холодные цвета аэростаты, а еще дым и облака. Естественные перепады ландшафта давно не имели никакого значения в Нью-Кробюзоне, который рос куда и как хотел: город представлял собой настоящую трехмерную головоломку. Тонны кирпича и дерева, бетона, мрамора и железа, земли, воды, соломы и глины складывались в стены и крыши.

В те дни солнце стирало краски с домов и оборванных афиш, перьями топорщившихся на их стенах; оно медленно окунало их в желтизну, словно в чай. Остатки чернил вещали о былых развлечениях, бетон растрескивался. Кто-то из инакомыслящих неуклюже размалевал стены известным граффити в поддержку Железного Совета. Повсюду обломками храмовых сводов торчали опоры надземной железной дороги. Провода пересекались в воздухе, словно струны, и ветер играл на Нью-Кробюзоне, как на арфе.

Ночи были полны другого света: в иликтобарометрических трубках горел газ, вычерчивая в темноте стеклянные изгибы, которые складывались в имена, названия, контуры людей и вещей. Десять лет назад их либо еще не придумали, либо хорошо забыли; теперь с наступлением сумерек всякая улица одевала свой яркий и неповторимый наряд, затмевавший сияние фонарей.

Шум стоял всюду. От него не было спасения. Люди были везде и всегда. Нью-Кробюзон, одним словом.

> …тогда несчастный о-пе-ра-тор сказал:
> «По-чтен-ней-ший диктатор,
> Игру услышать трудно, и даже мысль сама абсурдна…»

На сцене шансонетка Аделина Раднер, известная под

псевдонимом Адель Радли (обычно, рифмы ради, ее называли Адали Радали), под громкие аплодисменты и восхищенный свист подгулявшей публики исполняла песню «Почтеннейший диктатор». Она то кричала, то переходила на шепот, мелко семеня по сцене и взбивая коленями пышные юбки (сценический костюм со множеством рюшей и оборок, в подражание нарядам публичных женщин былых времен, придавал ей вид скорее стыдливый, чем распутный). Тряся кружевными оборками прямо перед носом у зрителей первого ряда, она сгребала со сцены прилетевшие из зала цветы.

Ее прославленный голос, хрипловатый и очень красивый, оправдывал любые ожидания. Публика была покорена. Ори Кьюрас, сидевший в конце зала, был настроен критически, но и он не остался нечувствителен к чарам певицы. Своих соседей по столику он не знал и потому приветствовал их только поднятием стакана. Пока те глазели на Адель, он рассматривал их.

В огромном зале «Веселых нищих» витали клубы табачного и наркотического дыма. Места в ложах и бельэтаже занимали крупные воротилы со своими прихлебателями — в основном мужчины, но иногда и женщины. Пришла Франсина Вторая, некоронованная королева хепри. Лепной карниз с изображениями драгонов и похотливых божков затруднял обзор, но Ори знал, что в одной ложе сидит крупный милицейский чин, в другой — кто-то из Братства Рыбьей Кости, а в третьей — один из промышленных воротил.

У самой сцены, рядом с оркестром, толклись разноязычные и разномастные мужчины и женщины, глазевшие на лодыжки Адели. Ори занялся практической этнографией.

Кого только там не было: бродяги, мелкие жулики и их главари, иностранные солдаты в увольнительной, тюремные завсегдатаи между отсидками, распутные богачи и неимущие бродяги, нищие, сутенеры со своими подопечными, искатели приключений, точильщики, поэты и полицейские агенты. Над морем человеческих голов здесь и там возвышались кактусы (их пускали только с выщипанными колючками) и покачивались жукообразные головы хепри. Люди с тонкими сигарами в уголках рта отбивали ритм стаканами или ножами, а официанты сновали вокруг них по опилкам, устилавшим пол. По краям зала посетители сбивались в кучки, но опытный глаз — такой как у Ори, привычного к «Веселым нищим», — легко определял их состав, сходство и различия между ними.

В зале наверняка присутствовала милиция, хотя людей в форме видно не было. Сзади маячил высокий мускулистый человек по фамилии Деризов, — о том, что он тайный агент, было

хорошо известно, но никто не знал, откуда он и какое положение занимает, и потому его на всякий случай не убивали. Подле него с истинно сектантским пылом обсуждали свои школы и движения художники.

Столик недалеко от Ори занимала группа молодых людей, принадлежавших к так называемым Новым Дикобразам; они пристально разглядывали Ори и демонстративно плевались всякий раз, когда кто-нибудь из ксениев подходил слишком близко. Ори чувствовал, что его самого молодчики ненавидят особо, как предателя своей расы; разудалая атмосфера многоязыких «Веселых нищих» внезапно придала ему бодрости, и Ори, подняв голову и встретив враждебные взгляды, обнял за плечи сидевшую рядом старуху-водяную. Та удивленно вскинулась, но, увидав Дикобразов, одобрительно хмыкнула и прижалась к Ори, преувеличенно строя глазки то ему, то им.

— Славный парнишка, — сказала она.

Но Ори с бьющимся сердцем смотрел на четверых мужчин, которые глядели на него. Один сердито заговорил с остальными, но на него зашикали, и тогда другой выразительно поднял брови, повернувшись к Ори, постучал пальцем по часам и произнес одними губами: «Погоди».

Ори не испугался. Свои были рядом. Он уже хотел ответить на безмолвный вызов, но вдруг почувствовал отвращение и отвернулся. Ори не раз видел, как его друзья-мятежники ссорились из-за политических взглядов и убеждений — куда там художникам, — но знал, что в случае нужды они придут на помощь и будут сражаться бок о бок с ним. И таких было немало. А Дикобразы терпеть не могли бунтарей.

Тем временем публика неистовствовала, глядя на Адель, люди подпевали и щелкали пальцами, когда та заканчивала куплет: «подождем, под дожде-о-о-ом» — а потом зал взорвался аплодисментами. Дикобразы, художники и все прочие хлопали от души.

— Спасибо, спасибо, дорогие мои, спасибо, — сказала Адель прямо в гущу оваций, и ее услышали, так профессионально она владела голосом.

Певица продолжала:

— Я вышла на эту сцену для того, чтобы пожелать вам доброго вечера и попросить вас проявить великодушие к тем, кто выйдет сюда после меня; поприветствуйте их как следует, покажите им, что вы их любите. Многие из них впервые на сцене, а мы ведь знаем, что такое первый раз, правда? Сплошное разочарование, так ведь, девочки?

Зрители разразились хохотом, предвкушая номер под

названием «И все?», к которому явно шло дело. И действительно, знакомо закрякал комичный гобой, отзвучали вступительные такты, Адель набрала полную грудь воздуха, умолкла и, выдохнув: «Потом!», убежала со сцены под веселый свист и крики: «Продинамила!»

На сцену вышел первый из выступающих. Точнее, первые: двое детей, наряженных, как куклы, пели, а их матушка играла фортепьянную пьеску. Большая часть публики не обратила на них внимания.

«Вот мерзавка», — подумал Ори. Вышла и сделала вид, будто радушно приветствует новичков. Но толпа собралась ради нее, а значит, ее маленькая начальная импровизация придавит остальных артистов. Адель заранее обрекла их на провал, даже самых лучших. Выступать на одной сцене со знаменитостью трудно и без подобных очаровательных подвохов. Теперь беднягам остается лишь кое-как отыграть свои номера и смыться — все равно публика хочет видеть одну Адель.

На смену музыкальному трио явился танцор — немолодой, но подвижный, и Ори, один из немногих, вежливо посмотрел его номер. Следующим был комический куплетист, несчастный заика, которого освистали бы и без Адели.

Среди артистов не было ни полукровок, ни переделанных: сплошь люди в чистом виде. Ори это встревожило: случайно ли, что Дикобразы присутствуют на представлении без участия ксениев? Неужели их партия сильна и в «Веселых нищих»? Об этом не хотелось даже думать.

Наконец бестолковый куплетист убрался со сцены. Наступало время последнего разогрева. «Театр гибких кукол, — говорилось в афише, — выступает с печальной и поучительной историей о Джеке-Полмолитвы». Ради них и пришел сюда Ори. А вовсе не ради Адели Радли.

Над сценой опустился занавес, за ним шли приготовления, а публика предвкушала главное событие вечера, «Певчую птицу Собачьего болота». Ори знал, с чем пришел сюда «Театр гибких кукол», и улыбался.

Когда бархатный занавес наконец раздвинулся, литавры и барабаны молчали, артисты ждали, пока их заметят, и прошло несколько секунд, прежде чем в зале раздались короткие вздохи удивления: сквозь клубы табачного дыма люди разглядели новую сцену. Кто-то выругался. Ори увидел, как один из Дикобразов вскочил на ноги.

С куклами все было в порядке: деревянные фигурки в ярких кричащих одежках застыли на краю сценического ящика размером с телегу. Но с миниатюрных кулис и арки просцениума

сорвали все занавеси, и кукловоды в серой форме, до боли напоминавшей милицейскую, стояли на виду у публики. Кроме того, на сцене появились новые, совершенно неожиданные предметы. К стене приколотили туго натянутую простыню — волшебный фонарь проецировал на нее изображения газетных статей. Кроме кукловодов на сцене стояли люди, чья роль в представлении была не совсем ясна: группа актеров и музыкантов, а также неопрятное трио с волынками, флейтами и стальным листом вместо барабана, — от услуг местного оркестра кукольники отказались.

Ори показал артистам большой палец. Его друзья стояли молча и неподвижно, а шум в зале делался все более назойливым и даже слегка угрожающим, в задних рядах кто-то крикнул: «Валите отсюда». И тогда со страшным, раздирающим уши грохотом барабанные палочки опустились на железный лист. И тут же, не дожидаясь, когда стихнет гром, другой музыкант завел очаровательную веселую мелодию, немного похожую на мотивы уличных куплетов, а стальной лист в руках его приятеля зарокотал тихо, как небольшой барабан. Вперед выступил актер — в безупречном костюме, с нафабренными усами, — слегка поклонился, приподнял шляпу, приветствуя дам в первом ряду, и во весь голос проорал непристойность, в угоду цензору едва прикрытую лишней согласной, якобы превращавшей ее в бессмыслицу.

В зале разразилась буря. Но Гибкие свое дело знали: самоуверенные шутники, они смешили всерьез и искусно управляли настроением публики, перемежая каждую наглую выходку забавными репризами или веселой музыкой, так что зрители то и дело надрывались от хохота. Однако словесные пощечины не прекращались, и настроение толпы непрестанно колебалось между изумлением и злостью. Ори понял, что доиграть пьесу до конца не удастся: рано или поздно терпение публики лопнет.

Никто не мог понять, что происходит на сцене: вопли, обрывки реплик и звуков никак не складывались в одно целое, загадочные, причудливые костюмы сменяли друг друга. Куклы двигались легко и непринужденно, но вместо того, чтобы разыгрывать, как им полагалось, традиционную сказку с моралью в конце, эти маленькие провокаторы по воле кукловодов нахально огрызались на рассказчика, пискляво перечили ему на псевдодетском языке, пересыпанном составными словами и звукоподражаниями, и отплясывали под шумок скрытую похабщину, насколько позволяли бечевки и деревянные суставы.

Отдельные картинки и даже анимация — циклы рисованных

изображений, двигавшихся с такой скоростью, что казалось, будто герои в самом деле бегают, прыгают и стреляют, — сменяли друг друга на экране с невероятной быстротой. Рассказчик болтал, спорил с кукловодами и актерами, и, несмотря на растущее недовольство партера, в хаосе спектакля вдруг стал вырисовываться сюжет о Джеке-Полмолитвы. Толпа слегка притихла: это был популярный сюжет, и всем хотелось посмотреть, что сделают с ним театральные нувисты-анархисты.

В общих чертах предыстория была знакомой.

— Я уверен, вы все помните, — сказал рассказчик и не ошибся: все это происходило двадцать лет назад.

Куклы вкратце изобразили основные события. Кто-то кого-то предал, и Джека-Полмолитвы, легендарного Джека, вождя беспределов, схватили. Ему отрубили клешню богомола, которая служила ему вместо правой кисти: сначала пришили на карательной фабрике, а потом, когда он обратил ее против угнетателей, отрезали. Куклы разыграли жуткую сцену с фонтанами крови.

Разумеется, милиция всегда твердила, что он бандит и убийца, и он действительно убивал, кто спорит. Но, как и почти все легенды, эта изображала Джека таким, каким его запомнили люди: благородным разбойником, героем. Джека поймали, так что история была с грустным концом, и цензура не мешала людям в нее верить.

Конечно, никакого публичного повешения не было — конституция не позволяла, но способ выставить Джека на поругание все же нашли. Его привязали к гигантскому позорному столбу на площади Биль-Сантум, что возле Вокзала потерянных снов, и продержали там несколько дней, а надсмотрщику велели считать любое его движение попыткой сопротивления и пускать в ход кнут. И даже наняли людей, чтобы глумиться над ним, — так все решили. Многие кробюзонцы ходили тогда посмотреть на него, но никто не смеялся. Кое-кто утверждал, будто это не настоящий Джек: «Клешни-то у него нет, нашли какого-то дурачка несчастного, оттяпали ему руку и выставили к столбу, вот и все». Но в их словах было больше отчаяния, чем веры.

Марионетки подходили к позорному столбу из фанеры, где стоял деревянный Джек, и снова уходили.

И вдруг — та-та-та-та — заговорил металлический барабан. Все актеры начали кричать и жестами подзывать кукол-милиционеров, на экране появилась надпись: «ВСЕ ВМЕСТЕ!», и даже скептически настроенные зрители прониклись духом представления, заорав: «Сюда, сюда!» Так все и было тогда: кто-то в толпе отвлек на себя внимание, и неясно, нарочно или

нечаянно, хотя у Ори было свое мнение на сей счет. Пока отряд кукольной милиции раскачивался над сценой, он вспоминал.

Воспоминание было нечетким, совсем детским, — он не знал даже, как очутился тогда на площади и кто его туда привел. В тот день впервые за много лет милиционеры появились на публике в форме — позднее это стало обычным делом — и серым клином врезались в толпу, направляясь туда, откуда шел крик. Надсмотрщик взвел замок кремневого ружья, бросил кнут и присоединился к ним, оставив привязанного к столбу человека.

Ори помнил, что заметил головореза, лишь когда тот поднялся на эшафот к Джеку. Образ его и сейчас стоял у Ори перед глазами, хотя было непонятно, действительно это воспоминания детства, или картина сложилась позднее, под влиянием услышанного. На того человека — а вот и он, смотрика, уже на сцене, лезет на эшафот, пока милиция не видит, — нельзя было не обратить внимания. Он был лыс, лицо рябое, словно его десятилетиями покрывали угри, широко расставленные глаза запали, лохмотья болтались на худом теле, широкий шарф, как маска, прикрывал нос и рот.

Кукла с преувеличенной осторожностью всползла по ступеням эшафота и вдруг окликнула Джека хриплым голосом — эхо того громкого и пронзительного оклика двадцатилетней давности. Кукла назвала Джека по имени, как и тот человек. А потом он шагнул к Джеку и вытащил нож и пистолет (крохотное оружие из фольги заблестело на сцене).

«Помнишь меня, Джек? — крикнул он тогда, и кукла крикнула тоже. — Я пришел отдать тебе должок». В голосе звучало торжество.

Многие годы после убийства Джека-Полмолитвы в пьесах давалось простое и удобное объяснение этому. Тот рябой мужчина — брат, отец или возлюбленный одной из жертв Человека-Богомола, — переполненный справедливым негодованием, не мог больше ждать и захотел убить убийцу. И хотя по-человечески такой поступок вполне понятен и никто не вправе его осуждать, тем не менее закон этого не допускает; вот почему, когда человека заметили, милиционеры вынуждены были его предупредить, но это не помогло, и по нему открыли огонь, чтобы расстроить его планы, а в перестрелке шальная пуля убила Джека-Полмолитвы. И это очень печально, ведь уголовный процесс еще не был завершен, хотя, разумеется, финал все равно был бы таким же.

Такую историю преподносили публике много лет, но актеры и кукловоды, неизменно представлявшие Джека опереточным злодеем, замечали, что публика не перестает его любить.

По прошествии десятилетия возникли новые истолкования, содержавшие ответ на вопрос: «Почему Полмолитвы приветствовал того человека радостным криком?» Очевидцы вспоминали, как человек со шрамами поднял пистолет и Джек будто бы даже подался ему навстречу, так что, конечно, это был акт милосердия. Кто-то из шайки Джека рискнул жизнью и пришел положить конец унижениям главаря. И может быть, ему это удалось — ведь никто теперь не докажет, что плененного разбойника прикончила милицейская пуля. Может, первым стрелял друг, спасая друга.

Публике такой вариант нравился куда больше. Джек-Полмолитвы вновь представал в облике героя и защитника, которым его больше десяти лет наделяли подпольные граффитисты. История превратилась в величественную и отчасти поучительную трагедию благородных, но обреченных сердец, и, что всего удивительнее, цензура не возражала против такой трансформации. В одних пьесах спаситель убивал Джека, а потом кончал с собой, в других его настигала милицейская пуля. Сцены гибели того и другого с каждой новой постановкой становились все длиннее. Правдой — так, как понимал ее Ори, — в них и не пахло, хотя мертвый Джек висел у позорного столба, а человек со шрамами исчезал и его судьба оставалась невыясненной.

Вверх по крошечным ступенькам взбежал кукольный человек со шрамами, протягивая вперед руки с оружием и подхватывая брошенный надсмотрщиком кнут, что, согласно легенде, сделал его реальный прототип (это сложное движение требовало многочисленных бечевок и булавок). Но что это?

— Это что такое? — закричал рассказчик.

Ори улыбнулся — он читал сценарий — и сжал кулаки.

— Зачем ты взял кнут? — спросил рассказчик.

Дикобразы, на время поддавшиеся грубоватому очарованию авангардной постановки, теперь пришли в себя, повскакали с мест и кричали: «Долой, долой!»

— Шпалер у меня есть, — ответил человек со шрамами, обращаясь прямо к отчаянно вопившим зрителям. — Шабер тоже. Почему бы еще плетку не прихватить?

— Эй, рябой, у меня идея, — сказал рассказчик.

— У меня у самого идея, ясно тебе? — огрызнулся кукольный человек. — Это и вот это, — сказал он, протягивая вперед нож и пистолет, — не для меня, ясно?

Крохотный механизм одним элегантным движением перевернул пистолет в руке человека со шрамами рукояткой вперед, и вот он уже протягивал связанному другу дар, а ножом перерезал путы.

Тяжелая кружка описала над головами зрителей дугу, оставляя за собой пивной шлейф, и с грохотом разбилась. Одни орали: «Измена!», другие вскакивали со своих мест и кричали: «Да, да, расскажите все как было!» Увертываясь от летевших в них стаканов, упрямые кукловоды продолжали старую историю на новый лад. Их маленькие человечки не падали жертвой рока, не изнемогали под бременем идей, слишком высоких для этого мира, не становились жертвами недостойного их общества — нет, они продолжали сражаться в надежде победить.

Гам стоял такой, что актеров не было слышно. На сцену летели объедки. Небольшое волнение за кулисами, и на сцену вышел распорядитель в помятом сюртуке. Его подталкивал, буквально выпихивал худосочный молодой человек — чиновник из цензурного комитета: находясь за кулисами, он прослушивал все заявленные в программе представления. В тот вечер его работа внезапно обрела смысл.

— Хватит, вы должны остановиться, — закричал распорядитель и попытался стянуть кукол со сцены. — Меня проинформировали о том, что ваше представление окончено.

Но он недолго пыжился. В него тоже полетели объедки, отчего распорядитель совсем сник. Группа поддержки кукольников, небольшая, но горластая, требовала продолжения спектакля, и молодой цензор, видя, что распорядитель «Веселых нищих» растерялся, сам вышел на сцену и обратился к зрителям:

— На представление наложен запрет. Труппа объявляется виновной в оскорблении Нью-Кробюзона второй степени и распускается на время расследования обстоятельств.

— Да пошел ты, долой, вали отсюда, даешь шоу! Кого они оскорбили? Какое еще оскорбление?

Но молодой цензор, не моргнув глазом, заявил, что лучше сдохнет, чем станет повторять крамолу.

— Милиция уже едет сюда, и всякий, кто не покинет помещение до ее прибытия, будет считаться соучастником. Пожалуйста, просьба ко всем покинуть зал.

Однако заведенная толпа расходиться не собиралась. Кружки снова взмыли в воздух и, судя по крикам в зале, нашли свою цель. Дикобразы двинулись к сцене, явно собираясь накостылять актерам. Ори, заметив это, вскочил на ноги и сделал знак находившимся поблизости друзьям; те кинулись наперерез бандитам, которые уже хрустели суставами в предвкушении драки, и побоище началось.

На сцену выскочила Адель Радли, уже облаченная в свое откровенное одеяние, и стала взывать о мире. Ори увидел актрису, когда его кулак опускался на затылок одного из

Дикобразов, затем вновь оглянулся на сцену. Там актеры и кукловоды поспешно сгребали свое добро. Вопли, звуки ударов и звон разбитого стекла перекрывались великолепным голосом исполнительницы «Певчей птицы Собачьего болота», призывавшей прекратить драку, но никто не обращал на нее ни малейшего внимания.

ГЛАВА 7

С пьесой все было кончено, и появившиеся милиционеры больше старались очистить здание, чем произвести аресты. Ори с друзьями задержали Дикобразов, дав актерам собраться, а потом скрылись вместе с ними за сценой, проскользнув под самым носом у дерущихся. Те в большинстве своем были пьяны настолько, что думать забыли о политических разногласиях и дрались просто ради драки.

В переулок за театром выскочили перемазанные кровью, но хохочущие актеры, на ходу запихивая свои костюмы в сумки, и двое-трое зрителей, как Ори. Только что прошел легкий дождь, но ночь была теплой, и казалось, будто город вспотел.

Петрон Каррикос, рассказчик, отклеил усы — над его верхней губой остался призрачный след резинового клея — и прилепил их на одинокую афишу проповедника-возрожденца, снабдив его густыми бровями. Вместе с Каррикосом и еще несколькими актерами Ори пошел на запад, к Кадмийной улице. Оттуда они выйдут к станции «Салакусские поля», не подходя близко к «Веселым нищим».

Вечер был не слишком поздний, и по улицам на границе Салакусских полей и Шумных холмов вовсю сновал народ. Чуть ли не на каждом углу стояла милиция. Ори пробрался сквозь толпу зевак и театралов, миновал любителей музыки, толкавшихся у будок с вокситераторами, оттолкнул пару-тройку големов, которые огромными марионетками покачивались в толпе, помеченные поясами с цветами своих хозяев. Стены пестрели знаками. Те, кто умел читать граффити, узнавали из них о нелегальных выставках, театрах и актерских сквотах.[5] Салакусские поля превращались в колонию богемы выходного дня. Раньше богатые бездельники и золотая молодежь селились здесь, ища забвения в разврате и дешевых удовольствиях, теперь же приходили сюда ненадолго, точно туристы. Ори презирал их. Художники и музыканты съезжали, агенты и торговцы недвижимостью скупали освободившиеся дома, арендная плата росла, а в делах наблюдался упадок. Что ж — вперед, в Шумные холмы.

Улицы под трескучими иликтробарометрическими вывесками были полны прохожих. Ори кивал тем, кого знал по собраниям и спектаклям: женщине у дверей серебряных дел мастера, коренастому какту, раздававшему флаеры. Кирпичные стены покосились, но не обрушились, дома лепились друг к другу, сверкая металлическими и бетонными заплатами, размалеванные

яркими рисунками, спиралями и непристойностями; над ними там и сям уходили в небо шпили храмов, дозорные вышки милиции и высотные здания. Вечер перетекал в ночь, толпа на улицах редела.

Поезд проходящей над крышами надземки домчал Ори до станции «Коварная», где он перешел на другую платформу; друзья постепенно выходили, вот и Петрон сделал пересадку до холма Мог, и Ори остался один среди развалившихся на сиденьях поздних пассажиров, от которых разило джином. Он прошел мимо группы людей в комбинезонах — рабочих второй смены: те отвернулись, не желая глядеть на пьяниц. Опустившись на сиденье рядом с пожилой женщиной, Ори проследил за ее взглядом сквозь заляпанное грязью стекло. Он тоже стал смотреть в окно на проносившийся мимо громадный город, похожий на кишевшую болотными огнями бескрайнюю топь. Поезд пересек реку. Ори понял, что женщина смотрит в никуда, и стал подражать ей: лишь дрожание огоньков на каком-нибудь перекрестке — суставе города — изредка привлекало его внимание.

На улице в районе Сириак, где жил Ори, не было принято занавешивать окна. Просыпаясь ночью, он выглядывал наружу и при свете газовых фонарей видел в доме напротив огромные неподвижные силуэты спавших стоя. Улицу населяли какты. Он и сам снимал комнату у доброй ворчливой женщины-кактa, которая, когда Ори переехал, без малейшего усилия подхватила одной зеленоватой рукой все его чемоданы и отнесла наверх.

Тускло светя огнями, предутренние поезда проносились под окнами верхних этажей. Они отправлялись к холмам юга или на огромный северный терминал, расположенный между двумя реками, — анархическое скопление разных стилей, нервный узел города, известный как Вокзал потерянных снов.

Ночь продолжала делать свое дело. Теплый влажный воздух отнимал клейкость у клея и проникал в швы кирпичной кладки в самых старых районах города, в бандитских бараках и увитых плющом развалинах Собек-Круса. На окраинах Костяного города в торговых складах ночевали целые семьи. По Барсучьей топи бродили кошки, а под утро мимо витрин магазинов брел в свою нору барсук. Под облаками выжидали аэростаты — зловещие и неподвижные.

Две реки протекали сквозь город и сливались в один могучий поток, Большой Вар, который, стеная, катил свои грязные воды в поисках моря под мостами, мимо городских окраин, мимо лачуг в окрестностях Нью-Кробюзона. Нелегальные обитатели города по ночам ненадолго появлялись на улицах и прятались снова.

Существовала целая ночная промышленность. Кто-нибудь всегда бодрствовал в элегантных особняках и высотках, в отделанных красным камнем особняках Хнума и в гетто ксениев — в Оранжерее и на террасах домов Кинкена и Ручейной стороны, покрытых застывшими выделениями хеприйских домовых червей. Жизнь бурлила везде.

Все газеты города молчали о случившемся и на следующий день, и после. Однако горожане все же узнавали о происшедшем.

Нужным людям Ори сам сообщал, что был там. Проходя мимо магазинов и пабов Сириака, он ловил на себе взгляды и знал, что те, кто на него смотрит, — вон та женщина, этот водяной, тот человек или какт, даже некоторые переделанные, — на стороне Союза. Стараясь не выдать волнения, Ори подносил к груди кулак в тайном приветствии, на которое иногда получал ответ. Между собой сторонники Союза общались при помощи сложных движений пальцев, передавая на безмолвном жаргоне сообщения, разобрать которые Ори не мог. Он утешал себя тем, что они, возможно, говорят о нем.

Члены Союза обсуждают его на своих тайных сходках. Ори знал, что это не так, но сама мысль была ему приятна. Да, он дружил с нувистами, которые не опустили руки, не растрачивали себя понапрасну и не стремились к эпатажу любой ценой. И он представлял себе, как все «союзники», позабыв о фракциях, стратегии и тактике, о милиции с ее осведомителями, придут поблагодарить Ори Кьюраса и его друзей за отлично устроенную провокацию. Конечно, такого никогда не случилось бы, но Ори нравилось мечтать об этом.

В Большой петле Ори брался за любую работу. За еду и жалкие гроши он нанимался и грузчиком, и разносчиком. Он грузил темно-серые части каких-то военных машин, которые, должно быть, отправлялись вдоль побережья через Скудное море и проливы на театр военных действий. Ори работал на сортировочных станциях и подъездных путях, в компаниях по сносу домов, разгружал баржи у Мандрагорова моста, а вечером выпивал с товарищами по работе — друзьями на день.

Ори был молод, и бригадиры наезжали на него, но с оглядкой. Они были раздражены и обеспокоены. Проблем везде хватало. На заводах Большой петли, Паутинной стороны и Эховой трясины наступили тяжелые времена. Вблизи литейных мастерских на Гудящей дороге Ори видел шрамы от костров там, где в последние недели стояли пикеты. На стенах виднелись знаки, оставленные инакомыслящими: «Торо», «Человек-Богомол жив!», шаблонное изображение Железного Совета. А у Развилки Трирога, где меньше года назад милиция рассеяла толпу из сотен

демонстрантов, стены до сих пор были в щербинках от пуль.

Тогда все началось в концерне «Парадокс»: увольнения спровоцировали стихийное возмущение, которое скоро выплеснулось на улицы, и во всей округе не осталось ни одной целой витрины, ведь к рабочим концерна присоединились другие, чьи требования варьировались от возвращения уволенных до увеличения зарплаты, а закончилось все руганью на мэра и на выборную лотерею, требованиями дать право голоса. Полетели бутылки, в том числе с зажигательной смесью. Раздались выстрелы — милиция то ли отстреливалась, то ли начала первой: погибли шестнадцать человек. С тех пор кто-то упорно писал их имена мелом на перекрестке, а кто-то так же упорно их стирал. Проходя мимо этого места, Ори всегда осторожно прижимал к груди кулак.

В пяльницу Ори ходил в «Зазнобу бакалейщика». Около восьми вечера двое мужчин покидали бар и больше не возвращались. За ними уходили другие, группами и поодиночке. Ори допивал свое пиво и выходил якобы в туалет, но, убедившись, что за ним не следят, сворачивал в пятнистый от сырости коридор и поднимал крышку люка, ведущего в подвал. Из темноты на него молча глядели собравшиеся — подозрительно и приветственно в равной мере.

«Хаверим», — обращался к ним Ори: слово, взятое из древнего языка. Они отвечали: «Хавер», что значило: «товарищ, ровня, заговорщик».

Однажды — такое случилось впервые — пришел переделанный. Его руки срослись в запястьях; он сжимал и разжимал пальцы, напоминая птицу.

Регулярно приходили две женщины-вязальщицы с подпольной фабрики у железнодорожного моста в Бездельном броде, докер, машинист, а еще клерк-водяной в костюме из особой ткани, которая позволяла ему сидеть в воде в пиджаке, брюках и галстуке. Стоя слушал выступления инакомыслящий из кактов. На бочонках дешевого вина и пива, как на столах, лежали запрещенные газеты: помятый «Крик», «Наковальня» и несколько экземпляров «Буйного бродяги», самого известного бунтарского листка.

— Спасибо, что пришли, хаверим. — Мужчина средних лет говорил спокойно и властно. — Приветствую нашего нового друга, Джека. — Он кивнул переделанному. — Война с Тешем. Внедрение в милицию. Свободные профсоюзы. Забастовка в пекарне Пуррилла. Мне есть что сказать по каждому пункту. Но я хочу уделить несколько минут разговору о моем — о нашем, «ББ», — подходе к расовому вопросу. — Он поглядел на водяного,

затем на какта и продолжил говорить.

Именно такие разговоры и дискуссии сблизили Ори с кружком «Буйного бродяги». Три месяца подряд каждую вторую неделю он покупал газету у одного торговца фруктами на Темной стороне, и наконец хозяин лавки спросил Ори, не хочет ли он обсудить поднимаемые в листке вопросы со знающими людьми, и дал адрес этого тайного сборища. Ори не пропустил ни одного собрания, чаще других выступал с вопросами и возражениями, яростнее других спорил, — правда, потом почти перестал, — и вот однажды, когда они с руководителем кружка остались после собрания одни, тот с обезоруживающей простотой назвал ему свое настоящее имя: Курдин. Ори открыл свое, хотя на собраниях они, как и все остальные, продолжали называть друг друга Джеками.

— Да, да, — говорил Курдин, — думаю, что это правильно, Джек, но вопрос в том — почему?

Ори развернул свой экземпляр «ББ» и просмотрел его наискосок. Все те же наставления о необходимости согласованных действий, сердитые и содержательные аналитические статьи, отчеты о забастовках, забастовках, забастовках. Стоило двоим-троим рабочим отложить инструменты хотя бы на полчаса, — неважно, добились они чего-нибудь или нет, — и о них тут же упоминали в газете. А уж если стычку устроили человек двадцать, а то и сто, если пропал из виду член гильдии или находящийся под подозрением деятель профсоюза, то и подавно. Газета превратилась в хронику происшествий, больших и малых. Ори стало скучно.

Несколько статей были вырезаны. Собрания все больше и больше угнетали его. На них ничего не происходило. Жизнь шла где-то в других местах. В «Веселых нищих», к примеру.

Ори постучал по своему экземпляру газеты.

— Где Торо? — спросил он. — Он убрал еще одного, я слышал. В Хнуме. Он и его команда вырубили охрану и застрелили судью, который там жил. Почему здесь ничего об этом нет?

— Джек… наше отношение к Торо известно, — сказал Курдин. — В прошлом выпуске мы посвятили ему целую статью. Мы не… это не наш способ действий…

— Знаю, Джек, знаю. Вы его критикуете. Придираетесь, — (Руководитель собрания промолчал.) — Торо не отсиживается по углам и дело делает, ясно? Он борется, а не сидит и ждет неизвестно чего, как вы. А вы все выжидаете, а ему говорите, что он вперед батьки в пекло лезет?

— Все совсем не так. Я никогда не стану нападать на тех, кто

борется против судей, милиции и мэра, но, Джек, Торо не может изменить мир в одиночку или с кучкой единомышленников…

— Нет, но кое-что он все-таки меняет.

— Этого мало.

— Но это уже кое-что.

Ори уважал Курдина, поняв многое благодаря беседам с ним и его брошюрам. Отдаляться от него не хотелось, но самодовольство лидера стало приводить Ори в бешенство. Этот человек в отцы ему годится, — может, он просто состарился? Они сидели и молча ели друг друга глазами, пока остальные смотрели то на одного, то на другого.

Позже Ори извинился за свое поведение.

— Какая мне разница, — ответил Курдин. — Груби сколько хочешь. Но вот что я скажу тебе, Джек… — Они были одни, и Курдин тут же поправился: — Скажу тебе правду, Ори. Я беспокоюсь. Похоже, ты катишься по наклонной плоскости. Эти твои пьесы, эти куклы… — Он покачал головой и вздохнул. — Я не против, честное слово, я слышал о том, что случилось в «Веселых нищих», и, знаешь, вы молодцы, ты и твои друзья. Но стрельбы и эпатажа недостаточно. Ответь мне на один вопрос. Твои друзья, выступающие с «Гибкими куклами», — почему они выбрали такое название?

— Вы же знаете.

— Нет, не знаю. Я понимаю, что это своего рода дань уважения, и меня это радует, но почему именно ему, а не Сешеху или Биллу Ле Джинсену, почему не Поппи Луткину?

— Потому что тогда нас арестовали бы.

— Не валяй дурака, парень. Ты прекрасно понимаешь, о чем я, — если хочешь насолить мэру, есть сотни имен, но вы выбрали именно его. Основателя и главного редактора «ББ» — не «Кузницы», «Борьбы трудящихся» или «Шила». А почему? — Курдин хлопнул себя газетой по ляжке. — Я отвечу тебе, парень, — понимаешь ты это или нет: только его одного по-настоящему боятся власти. Потому что он все говорил правильно. И о фракциях, и о войне, и о плюрализме. А Билл, Поппи, Зеленый Неклинг и прочие, в том числе и Торо… Послушай, Торо со всей своей бандой, даже Джек-Полмолитвы — люди, конечно, хорошие, хаверим, но в таких вещах их подход ни к черту не годится. Бен был прав, а Торо — нет.

Ори не понял, чего в словах Курдина было больше: высокомерия, убежденности, страсти или исследовательского интереса. И он был слишком зол, чтобы разбираться.

— Так ты и над Джеком-Полмолитвы насмехаешься?

— Да нет, конечно, я же не говорю, что…

— Да кем ты себя возомнил, слюни господни? Торо делом занят, Курдин. Он действует. А ты — ты только болтаешь, «ББ» болтает. А Гибкий Бен умер. И уже давно.

— Ты несправедлив, — услышал Ори ответ Курдина. — У самого еще молоко на губах не обсохло, а туда же, мне про Гибкого Бенджамена рассказывает.

Говорил Курдин беззлобно, скорее желая пошутить, но Ори взбесился.

— Я хоть что-то сделал! — орал он. — Я хотя бы действую!

ГЛАВА 8

Никто, похоже, не знал, что стало причиной войны с Тешем. У приверженцев «Буйного бродяги» были свои теории, у правительства — свои, за которыми скрывались какие-то махинации, но там, где протекала жизнь Ори, никто не знал, из-за чего и даже когда война началась.

Много лет назад в Нью-Кробюзоне случился затяжной спад, и экипажи торговых кораблей стали рассказывать о неизвестных судах, совершавших на них молниеносные пиратские нападения. Исследовательские экспедиции и торговля ньюкробюзонцев оказались под угрозой. За свою историю Нью-Кробюзон постоянно колебался между принципом самодостаточности и колониальной политикой, но, как замечали его уязвленные лидеры, никогда еще по планам, связанным с заморской торговлей, не наносилось столь неожиданного удара.

После нескольких столетий колебаний и охлаждения отношений город заключил соглашение с ведьмократией, и корабли под флагом Нью-Кробюзона опять начали беспрепятственно бороздить воды пролива Огненная Вода. Так был открыт морской путь к тучным землям на дальней оконечности континента и близлежащим легендарным островам. Корабли возвращались в гавань, и моряки рассказывали о Маруаме. Годами они плавали за тысячи миль от дома и привозили из крокодильих городов-двойников под названием Братья слитки золота с вкраплениями драгоценных камней. А потом на море снова начался разбой, на этот раз беспощадный, и в Нью-Кробюзоне начали понимать, что это — открытое противостояние.

Таинственные суда Теша, всегда ветхие — баркентины и щегольские лодочки под парусами из яркой материи, — и их матросы с выкрашенными хной бородами и подпиленными зубами перестали появляться в порту Нью-Кробюзона. Прошел слух, будто по давно забытым дипломатическим каналам тайный посол Теша сообщил мэру города о том, что два государства находятся в состоянии войны.

Сообщения о кораблях, ограбленных моряками Теша в проливе Огненная Вода, появлялись все чаще и носили теперь официальный характер: об этом писали в газетах и правительственных информационных листках. Мэр ратовал за отмщение и ответный удар. Военно-морской флот стал вербовать больше новобранцев, — как слышал Ори, в том числе и насильственно.

Война пока еще шла далеко и казалась абстракцией — морские сражения в тысячах миль от Нью-Кробюзона. Но конфликт разгорался все больше. Министры все чаще говорили о нем в своих речах. Вновь сделанная ставка на заморскую торговлю оказалась неоправданной: зарубежные рынки не спешили распахнуться для Нью-кробюзонских товаров, доступ к редким предметам роскоши был отрезан. Корабли уходили и не возвращались. Закрытые некогда заводы так и не заработали — наоборот, переставали работать все новые, и вывешенные на их воротах объявления о «временной остановке производства», словно в насмешку, поросли мхом. В городе наступил застой; работы не было, целые районы превращались в трущобы. Комиссованные солдаты начали возвращаться домой.

Инвалиды войны просили милостыню в Собачьем болоте и Речной шкуре, а заодно рассказывали о своих несчастьях всем желающим. Покрытые шрамами, лишившиеся рук и ног в бою или в переполненных лазаретах, они носили следы таких ранений, которых не мог нанести никто, кроме солдат Теша.

Сотни вернувшихся оставили на войне разум и, рассеянные по всему городу, в безумном бреду синхронно твердили одни и те же слова на неведомом шипящем языке. Ори слышал, что у некоторых глаза превратились в набухшие кровью мешки, но зрения они не лишились и непрестанно кричали, видя повсюду смерть. Люди боялись ветеранов, как собственной нечистой совести. Однажды, много месяцев назад, проходя по улице, Ори увидел человека, который разглагольствовал перед толпой, потрясая своими руками, серыми и безжизненными, точно вымоченными в отбеливателе.

— Вы знаете, что это такое! — кричал он им. — Знаете! Меня слегка задел взрыв, и вот, видите? Костоправы думали отнять мне руки, говорили, что от них все равно проку нет, но они просто не хотели, чтобы вы увидели…

Он повертел своими жуткими конечностями, и те заколыхались, точно бумажные, но тут подоспели милиционеры, заткнули ему рот и повели прочь. Ори успел заметить ужас на лицах зевак. Неужели в Теше и впрямь вспомнили давно забытую науку изготовления цветовых бомб?

Неуверенность в завтрашнем дне, упадок нравов, страх стали приметами городской жизни. И тогда правительство собралось с силами. Два или три года назад оно объявило о переходе к особой наступательной тактике. Стало больше работы и больше трупов. Каждый знал кого-нибудь, кто сам ушел на войну или напился с незнакомцами в портовом кабаке и исчез. На верфях Устья Вара, города-спутника Нью-Кробюзона, начали строить

броненосцы и субмарины, и это стало толчком к возрождению: на заводах и фабриках, разбуженные войной, заработали прокатные станы и загрохотали молоты.

Гильдии и профсоюзы были объявлены вне закона либо сильно потеряли в правах. Новые рабочие места создавались даже для тех, кто привык нищенствовать, хотя толку от них было мало. Напряжение в Нью-Кробюзоне достигло предела, город надрывался из последних сил.

Каждая эпоха порождает своих разбойников. Когда Ори был ребенком, гремело имя Джека-Полмолитвы, Объездчик прославился в Неделю Праха, Алоиза с бандой знал каждый сто лет тому назад. Да и сам Джаббер в некотором смысле тоже был разбойником. Отвергнутые обществом, они устанавливали свои правила, и толпы людей, которые плевались при виде переделанных, клялись именем Джека-Полмолитвы. Разумеется, слава многих была раздута: в свое время это были обыкновенные карманники, которых народная молва почему-то возвела в ранг героев. Но некоторые существовали на самом деле, как Джек. — Ори не сомневался, что видел его. А теперь появился Торо.

Суккоту Ори проводил с актерами. Взяв зарплату за день, он встречался с ними в «Загоне», пабе у Холмового моста, где они играли в игры и спорили об искусстве, а вдали виднелись вымазанные слюной насекомых крыши Кинкена. Студенты и затворники богемных кварталов всегда радовались приходу Ори, ведь он был одним из немногих настоящих рабочих в их кругу. Вечером Ори, Петрон и другие устраивали арт-инцидент: надев костюмы свиней из пантомимы, они шествовали на Салакусские поля мимо «Часов и петушка», давно опошленных всякими выскочками и городскими позерами, приходившими туда поиграть в искусство. Актеры хрюкали на посетителей и поросячьими голосами визжали: «Ах, ностальгия!»

В пыледельник Ори грузил товары в порту, а вечером пил с работягами в одном из пабов Бездельного брода. Сидя в дымном, полном пьяного смеха зале, он скучал по пестроте «Загона». Его внимание привлекла одна барменша, и Ори вспомнил, что видел ее на каком-то подпольном сборище. Стоя рядом с ним, она отогнула край фартука и показала ему экземпляр «Буйного бродяги» в потайном кармане, предлагая купить, но обида и злость на Курдина навалились на Ори с новой силой.

Он так решительно замотал головой, что барменша подумала, будто обозналась. Ее глаза расширились. Бедная женщина, Ори вовсе не хотел ее пугать. Он убедил ее в том, что разговаривать с ним безопасно, называя ее Джеком.

— Я устал от них, — шептал он. — Устал от «Буйного

бродяги», который вечно толкует, что к чему, но никогда ничего не делает, устал ждать перемен, которые не наступают. — И он изобразил пародию на язык немых.

— Хочешь сказать, что это бессмысленно? — переспросила она.

— Да нет, смысл есть… — Ори в запальчивости ударил кулаком по столу. — Я уже несколько месяцев эту чушь читаю. То есть… милиция-то не сидит на месте. Дикобразы действуют. А с нашей стороны что-то делают лишь психи из Лиги Неумеренных или бандиты вроде Торо.

— Ты ведь это не всерьез, правда? — Джек старательно понизила голос. — Ты ведь знаешь про ограничения…

— Черт, Джек, да не заводи ты эту бодягу про «границы индивидуальной активности». Достало уже. Ну скажи, разве тебе хотя бы изредка не хочется наплевать на все с высокого дерева? Понятное дело, ты ждешь перемен, как все мы, но перемены все не приходят и не приходят, и тогда начинаешь жалеть, что нельзя просто взять и плюнуть на все.

Вечером рыбдня Ори вышел из поезда на станции «Селитра». В дымном сумраке он шагал по кирпичным трущобам Грисской пади, переполненным людьми, как садок кроликами, мимо хозяек, которые отскребали с крылечек своих домов копоть из труб машинофактур и завитки граффити да переговаривались из окна в окно. Возле старой конюшни стояла очередь за бесплатным супом. Формально деньги на благотворительность шли из Кинкена, и порядок поддерживали три хепри, вооруженные — в подражание их главным богиням, Стойким сестрам, — арбалетом, кремневым ружьем, копьем и сетью с крюками, а у одной даже был жаломет с метазаводным механизмом.

Хепри потягивались, распрямляя тонкие и гибкие женские тела. Общались они без слов, шевеля ножками и усиками своих жукообразных голов, радужных, двухфутовой длины. Головы испускали пахучие облачка. Обернувшись к Ори — тот видел свое отражение в фасетках их глаз, — хепри узнали его и жестом пригласили к котлу. Он стал разливать суп и передавать его терпеливо ждущим своей очереди бездомным.

Начало благотворительной кухне положили деньги из Кинкена, но работали там местные. Когда, по словам мэра, у города кончились средства на поддержку нуждающихся, стали возникать альтернативные структуры. То ли в надежде пристыдить правителей Нью-Кробюзона, то ли от отчаяния разные политические группировки запускали собственные социальные программы. Плохо продуманные, они не могли

удовлетворить всех желающих, однако партии конкурировали между собой, и одна программа вызывала к жизни другую.

В Каминном вертеле всем заправляли церкви: забота о стариках, сиротах и нищих лежала на верующих, монахах и монахинях. Открывая примитивные больницы и благотворительные кухни, секты еретиков и фанатиков заработали такой мощный капитал доверия, какой не собрать и за тысячу лет, проведенных в молитвах. Видя это, партия Новых Дикобразов решила не только избивать на улицах ксениев, но и открыть в Сантере приют для людей. Революционеры-подпольщики не могли последовать их примеру и заниматься благотворительностью открыто — их тут же арестовали бы.

Вот почему они согласились брать деньги Кинкена — по слухам, их давала сама Франсина Вторая, королева хеприйских преступников. Заправилы подпольной экономики нередко финансировали благотворительные программы: говорили, что из-за этого весь Костяной город стеной стоял за господина Попурри. Но откуда бы ни брались деньги, в приюте Грисской пади работали местные, и Союз настойчиво добивался, чтобы участие его сторонников не осталось незамеченным.

Когда бок о бок с непосвященными оказывались «союзники» разных направлений, это всегда приводило к расколу. Но спорить на политические темы приходилось шепотом во время перерывов.

Ори разливал бульон. Многих бездомных он помнил в лицо; некоторых знал по именам. Среди нищих было много переделанных. Вот, держась за лохмотья своего спутника, мимо проковыляла женщина с гладким лицом: от кончика носа до линии роста волос на нем не было ровно ничего, глаза удалили в наказание за какую-то провинность. Большинство стоявших в очереди были людьми, но впавшие в бедность представители других рас тоже не брезговали даровым супом. Приходил один кактус с прозрачными и хрупкими от старости иголками. Лица многих мужчин и женщин покрывали шрамы. Встречались и сумасшедшие: они пели гимны, бормотали что-то непонятное или задавали бессмысленные вопросы.

— А ты дубль? — приставал ко всем прилизанный старикашка с едва уловимым акцентом. — Дубль? Или неумеренный? А может, ты вне закона? Сынок, ты дубль?

— Ори? За отпущением грехов пожаловал?

Ладия работала в приюте постоянно, и сегодня была ее смена. Всех добровольных помощников она дразнила тем, что они приходили облегчить свою совесть. Она была неглупа и разбиралась во взглядах каждого. Когда Ори пошел на перерыв, она подошла и плеснула ему в чай чуть-чуть спиртного. За шумом

и чавканьем бездомных можно было не бояться, что кто-то подслушает их разговор.

— Вы как Торо, — сказал он ей. — Только вы да он делом заняты, меняете мир здесь и сейчас.

— Так я и знала. Знала, что ты из-за угрызений совести пожаловал, — ответила она, но это была шутка. — Ну что ж, вноси свою лепту.

Ори отработал смену, ни разу не потеряв терпения. Шепотом он разговаривал с теми, кто брал у него суп. Одни улыбались и отвечали, другие обдавали его запахом наркотического чая и перегара.

— Ты неумеренный? Или вне закона? А может, дубль? — прицепился настырный старикашка; Ори взял у него миску. — Точно, — сказал старик. — Ты точно дубль. Ты дубль, ты, сорванец.

С невинной улыбкой старик ткнул пальцем в живот Ори, где рубашка выбилась из штанов, открыв засунутый за ремень экземпляр «Буйного бродяги», «ББ».

Как можно более естественным движением Ори заправил рубаху, сходил к колонке, помыл миски (старик за его спиной дергал себя за бороду и твердил: «Ты дубль, да, дубль»). Потом нарочито медленно прошелся по комнате, раздал последние остатки хлеба и вернулся к старому весельчаку.

— Да, — сказал он спокойно и дружелюбно. — Я дубль, только об этом лучше помалкивать, друг. Не хочу, чтобы все знали, понимаешь? Так что сохрани это в тайне, ладно?

— Ну конечно. — Повадка старика вдруг изменилась. С присущей сумасшедшим хитростью он перешел на шепот. — Ну конечно, мы никому ничего не скажем, правда? Хорошие люди эти дубли. Вы, дубли. И эти, неумеренные, и свободные, и вне закона.

Лига Неумеренных, Свободный Альянс, Лига Объявленных Вне Закона — речь шла уже не просто о «Буйном бродяге»: старик перечислял политические течения внутри Союза.

— Хорошие люди, только болтают много, — сказал он и похлопал сведенными вместе пальцами, открывая и закрывая ладонь, точно рот.

— Сплошной треп. — Ори кивнул и улыбнулся.

— Да, поговорить они любят. Но знаешь, беды в этом нет, в разговорах. Это же не просто… болтовня.

— Кто этот старикан? — спросил Ори у Ладии.

— Спиральный Джейкобс, — ответила она. — Бедный старый псих. А что, он нашел себе собеседника? Может, ты ему

приглянулся, а, Ори? Как он тебя окрестил: вне закона, дубль, свободный?

Ори уставился на Ладию, не зная, понимает ли она, что говорит.

— А в язык и руки он с тобой уже играл? Язык или руки, Джейкобс? — крикнула женщина и замахала руками, высунув язык, а старик довольно крякнул и сделал то же. — Насколько я понимаю, он за руки и против языка. А присказку его ты слышал? «Много трепа, мало дела».

Когда Ори уходил в тот вечер домой, у выхода его догнал другой доброволец, добрый и недалекий мужичок.

— Я слышал, как вы с Ладией говорили о Джейкобсе, — начал он. И ухмыльнулся. А потом шепнул: — Слышал, что про него болтают? Откуда он взялся? Из банды Джека-Полмолитвы! Джаббером клянусь. Он был с Джеком, знал Порезанного и смог удрать.

ГЛАВА 9

На следующий день Спиральный Джейкобс в приюте не появился и через день тоже. Ладия уже не встречала Ори с прежним радостным удивлением. Он понимал, что женщина подозревает его в распространении наркотиков или контрабанды и следит за ним, но он работал на совесть, и Ладии оставалось только ломать голову.

В суккоту, подметая в приюте пол, Ори услышал:

— Ты вне закона? Или ты дубль?

Увидев его, Спиральный улыбнулся и сказал:

— А вот и мальчик. Постой, ты у нас, ты… — Он заморгал, поднял палец и подмигнул Ори, потом наклонился к нему и прошептал: — Ты дубль.

«Первый заход», — подумал Ори и напустил на себя скептический вид: мол, прощу убогого на этот раз. И только когда вся еда была роздана, а бездомные нищие и воришки семьями потянулись с промысла на ночлег, Ори, словно от нечего делать, подошел к Джейкобсу.

— Угостить тебя выпивкой? — спросил он. — Похоже, у нас с тобой есть кое-что общее. Так что можно поболтать. О дублях. О нашем друге Джеке.

— Да, о нашем друге. О Джеке.

Старик улегся на одеяло. Терпение Ори подходило к концу. Джейкобс достал из складок одеяла сложенную бумажку, в сгибы которой набилась грязь. По-детски ухмыляясь, он протянул ее Ори.

Было прохладно, когда Ори возвращался домой. Он шел вдоль надземки, которая тянулась над морем шифера, изгибаясь между кирпичными арками, точно кольчатое тело морского змея. Свет, словно от газовой лампы или свечи, вырывался из грязных окон проходящих поездов и разгонял тени, которые спешили спрятаться среди угловатых крыш, но стоило поезду показать хвост, как темнота снова выползала из-за печных труб.

Завидев патрули, Ори ускорял шаг, опускал голову и прятал руки в карманы. Взгляды милиционеров он ощущал, как прикосновения. Заметить их было трудно: милицейская форма была прошита магическими нитями, поглощавшими свет и источавшими тьму. Выдавало оружие: Ори всегда казалось, что милицию вооружают чем придется, вот и теперь во мраке он разглядел странный набор — дубинки, жалометы, кинжалы и револьверы.

Он помнил, как двенадцать лет назад, еще до Депрессии, в начале Войны конструктов, вселявшая в людей безотчетный страх система негласного полицейского надзора через сеть шпионов, осведомителей и офицеров в штатском впервые дала сбой и на улицах появились вооруженные люди в форме. Причину всего этого Ори забыл. Он был тогда мальчишкой и вместе с другими пацанами лазал по крышам Малой петли и Барсучьей топи, на северном берегу Вара, откуда было хорошо видно, как отряды милиции ведут заградительный огонь по мусорным кучам Грисского меандра.

С присущей детям агрессивностью они подключились к избиению городских конструктов — жутко завывающих чистильщиков улиц и сборщиков мусора, заводных или паровых, внезапно объявленных врагами. Толпы людей окружали и ломали металлические создания. Те даже не сопротивлялись — просто стояли и ждали, пока их не разнесут на куски, втопчут в грязь стекла, вырвут из нутра кабели.

Но были и такие, которые сражались. Из-за них-то и разгорелась война. Зараженные вирусом разума — этих программ не должно было быть, но они как-то проникли в конструктов Нью-Кробюзона, — их аналитические машины заработали самопроизвольно и породили холодное механическое сознание. Самосохранение стало главной целью их нового существования, и они подняли металлические, деревянные и трубчатые руки на своих былых владельцев. Но этого Ори не видел.

Мусорные кучи Грисского меандра милиция сровняла с землей. Сначала их обстреливали, потом поджигали, и только после этого специальные бригады убирали груды пепла и оплавленные обломки. До войны там был завод — рассадник смертоносных программ, уничтоженный милицией вместе с чудовищным разумом, управлявшим им. Он оказался не то демоном, не то еще кем-то в этом роде, а может, советом, куда входили мыслящие механизмы и их сторонники из плоти и крови.

Конструкты и разные машины не перевелись в городе и после войны, но их стало гораздо меньше, и на каждую нужно было получать лицензию. Остальных заменили големы, на изготовлении которых разбогатели отдельные маги. А бывшие мусорные отвалы Грисского меандра до сих пор лежали обугленные и засыпанные пеплом. Они были за чертой города, и кробюзонские ребятишки любили бегать на пожарище и приносить оттуда разные штучки на память, а еще пугать друг друга сказками о духах машин, которые бродят по бывшим помойкам. Но Ори считал, что главное последствие противоборства — милицейские патрули на улицах, не

исчезнувшие до сих пор. Через считаные месяцы после Войны конструктов начались мятежи безработных, и лишь немногие милиционеры вернулись тогда к штатской одежде.

Ори никак не мог решить, хорошо это или плохо. Среди подпольщиков бытовали разные мнения: одни говорили, что откровенное присутствие милиции — это демонстрация ее силы, другие — что слабости.

Бумажка, которую Спиральный Джейкобс дал Ори, оказалась древним гелиотипичееким изображением двух мужчин, снятых на крыше Вокзала потерянных снов. Снимок был плохо напечатанным, выцветшим, растрескавшимся от времени. К тому же его сделали со слишком большой выдержкой, так что изображения людей смазались, но узнать их было можно. Седобородый Джейкобс уже тогда казался старым, а его улыбка отдавала безумием. Лица человека рядом с ним не было видно: его сняли в движении, вполоборота, с поднятыми руками. Пальцы левой ладони были вытянуты вперед, а вместо правой кисти со снимка грозила мощная клешня богомола.

На следующий день спозаранку, когда бродяг выпроваживали из ночлежки, Ори уже ждал у ворот.

— Джейкобс, — окликнул он, когда старик, почесываясь и кутаясь в одеяло, вышел на улицу. От яркого света он сощурился.

— Дубль! Ты же дубль.

Дело стоило Ори дневного заработка. Пришлось взять такси, чтобы отвезти дряхлого старика на Мушиную сторону, где у парня не было знакомых. Всю дорогу Джейкобс говорил сам с собой. Ори заказал им обоим завтрак на площади у милицейской башни Мушиной стороны; над их головами в сотнях футов от земли канаты подвесной дороги тянулись к другой башне, под названием Штырь, в центре города. Джейкобс долго и молча ел.

— Много трепа, мало дела, Джейкобс. Как считаешь? Слишком много вот этого… — Ори высунул язык. — Недостаточно этого… — Он сжал кулак.

— Дело надо пытать, а не языком болтать, — добродушно подтвердил бродяга и впился зубами в печеный помидор.

— Это Джек так говорил?

Спиральный Джейкобс перестал жевать и бросил на него хитрый взгляд.

— Джек? Я тебе расскажу про Джека. Что ты хочешь о нем знать?

Его акцент, едва уловимый след иностранного языка, на миг стал отчетливее.

— Он-то дело пытал, а не языком болтал, Джек то есть? —

спросил Ори. — Так ведь? Иногда хочется, чтобы кто-нибудь дело делал, правда?

— Мы с Джеком прочли половину молитвы, — сказал старик с грустной улыбкой, все его безумие как рукой сняло. — Он был лучшим из нас. Я люблю его и его детей.

Его детей?

— Каких детей?

— Тех, кто пришел после него. Бычка, например.

— Да.

— Быка, то есть Торо.

— Торо?

Настоящее умопомешательство, темное море холода и одиночества, которое скрашивали лишь алкоголь да наркотики, плескалось в глазах Спирального Джейкобса. Но мысль, коварная, точно барракуда, еще бродила в них, и каждый взмах ее хвоста отражался на старческом лице. «Он меня испытывает, — подумал Ори, — проверяет, гожусь ли я на что-нибудь».

— Будь я чуть постарше тогда, я был бы с Джеком, — сказал Ори. — Он первый из всех, и тогда, и сейчас. Я пошел бы за ним. Знаешь, он умер у меня на глазах.

— Джек не умер, сынок.

— Я видел, как его убили.

— Ну это да, но вообще такие люди, как Джек, не умирают.

— Где же он сейчас?

— Думаю, сейчас Джек смотрит на вас, дублей, и улыбается, а про других, наших друзей, моих приятелей, он думает: «Ну, бычары!» — Старик закудахтал от смеха.

— Твои друзья?

— Ну да, мои дружки. У них большие планы! Я все про них знаю. Друг Джека — друг всей его родни.

— Кто твои друзья? — допытывался Ори, но Джейкобс не отвечал. — Что у них за планы? Кто твои друзья?

Старик покончил с едой, пальцами собрал с тарелки остатки и облизал их. Присутствие Ори было ему безразлично; откинувшись на спинку стула, он какое-то время отдыхал, а потом, все так же не глядя на своего спутника, встал и заковылял прочь, в хмурый, унылый день.

Ори пошел следом. Он не прятался — просто держался на несколько шагов позади Джейкобса и провожал его домой. Путь оказался неблизким: по Седрахской улице, через остатки рынка, к грохочущей Пряной долине, где стояли прилавки с зеленью и мясом.

Джейкобс часто заговаривал со встречными. Ему давали еду,

иногда монеты.

Ори наблюдал жизнь бродяжьей общины. Серолицые женщины и мужчины, похожие на капусту в своих многослойных одежках, то радостно приветствовали Джейкобса, то проклинали его с пылом родственных душ. В тени обугленного здания одной сгоревшей конторы Джейкобс больше часа пускал по кругу бутылку с бродягами из Пряной долины, а Ори пытался понять, что он делает и зачем.

Один раз кучка подростков, среди которых была девчонка-водяной, скакавшая по-лягушачьи, и даже молодой гаруда — малолетние бандиты все до единого, — решили пошвыряться камнями. Ори направился было к ним, но тут бездомные стали так ожесточенно кричать и размахивать руками, словно исполняли какой-то ритуал, и дети быстро исчезли.

Спиральный Джейкобс свернул на восток и пошел назад к Большому Вару, кирпичным трущобам и приюту в Грисской пади, который с таким же успехом мог считаться его домом, как и любое другое место в городе. Издали Ори наблюдал, как он спотыкается, как роется в кучах мусора на каждом перекрестке. Он приглядывался к находкам Джейкобса: как ни удивительно, но то был просто мусор. Ори вглядывался в каждый фрагмент, точно Джейкобс был посланием из другого времени, которое надлежало тщательно расшифровать. Текстом из плоти и крови.

Поджарый человечек лавировал в уличном потоке Нью-Кробюзона, среди телег, груженных овощами с ферм и с полей Зерновой спирали. По висячим мостам он переходил через каналы, — снизу плыли груженные антрацитом баржи, — нырял в полуденную толпу ребятишек, бранчливых торговок, попрошаек, редких големов, захудалых лавочников, соскребавших со своих прилавков завитушки граффити и лозунги радикалов, и шел между высоких отсыревших стен, кирпичная кладка которых чуть ли не крошилась прямо на глазах.

Много позже, когда багряные полосы заката уже пустили небу кровь, они достигли станции «Траука». Над их головами описывала дугу надземка, не разбирая дороги, проходя над террасами домов. Спиральный Джейкобс снова заметил Ори.

— Как ты с ним познакомился? — спросил Ори.

— С Джеком?

Джейкобс болтал ногами. Они добрались до Темной стороны и сейчас сидели, свесив ноги, на огражденной перилами набережной. Под ними торчала из воды крытая варом клетка — темный дом водяного. Джейкобс заговорил нараспев, и Ори подумал, что тот, наверное, пересказывает ему песню, сложенную

на его родине.

— Джек-Богомол был отрадой страждущих. Грозой ночных охотников. Это он пришел и спас этот город от сонной хвори, приключившейся, когда тебя еще не было на свете. Прорвался сквозь милицию. — Старик подвигал рукой, будто ножницами, одновременно сгибая ее в запястье. — Я сообщал ему все, что было нужно. Я был его разведчиком.

При свете газовых фонарей Ори смотрел на гелиотип. Он провел пальцем по клешне Джека-Полмолитвы.

— А остальные?

— Я присматриваю за всеми детишками Джека. У Торо неплохая голова. — Джейкобс улыбнулся. — Знал бы ты о его планах…

— Расскажи.

— Не могу.

— Расскажи.

— Не мое это дело. Пусть Торо сам рассказывает.

Старик назвал время и место. Ори сложил снимок и убрал его.

Нью-кробюзонская пресса полнилась историями о Торо. Причудливые гравюры изображали ужасную мускулистую тварь с головой быка. Статьи сообщали о раскатах бычьего рева над Мафатоном и Вороном, вблизи домов богачей и правительственных учреждений.

Каждому подвигу Торо присваивалось свое название, и газетчики просто помешались на них. В подвале одного банка пробили брешь, все стены заклеили листовками и похитили тысячи гиней, немедленно раздав несколько сотен детям Худой стороны. В «Обозрении» Ори прочел:

«По счастливой случайности это происшествие, получившее название „Дело миллионов из подвала“, не имело такого кровавого конца, как „Дело бродячего секретаря“ или „Дело вдовы-утопленницы“. Эти случаи должны напоминать публике о том, что бандит по кличке Торо — трус и убийца, заслуживший симпатию определенной части населения лишь своей удалью».

Известия достигали Ори и по запутанным тайным каналам. Трижды он приходил на угол, о котором говорил ему Джейкобс, — в Мертвяцком броде, под указателями направлений на Раконог и Зубной Путь, возле старого музея восковых фигур. Привалившись спиной к горячей от солнца штукатурке, он ждал, а уличные ребятишки пытались продать ему орехи и спички в ярких бумажных кулечках.

Каждое такое ожидание стоило Ори дневного заработка, а его

репутация среди однодневных нанимателей Большой петли становилась все хуже. Надо было придумать способ как-то совмещать два дела, иначе придется либо голодать, либо бродяжничать. Ори вернулся в кружок «Буйного бродяги», где сидел на чтениях — Джек среди других таких же Джеков — и вел разговоры о творящихся в городе беззакониях. Курдин ему обрадовался. Ори уже не так бурно выражал свой протест, с удовольствием лелея свою тайну. «Я уже не с вами», — думал он, ощущая себя шпионом Торо.

Когда Ори снова стоял на знакомом углу, к нему подошла девочка в рваном платье, лет десяти, не больше. С очаровательной щербатой улыбкой она глядела, как парень подпирает спиной стену музея. Потом протянула ему кулек с орехами, а когда Ори отрицательно помотал головой, сказала:

— Тот господин уже заплатил. Велел вам отдать.

Развернув кулек, весь в жирных пятнах от жареных орехов, он увидел четкую надпись: «Видел, как ты ждешь. Принеси жратву и серебро со стола богача». Под запиской красовался маленький кружок с рогами — знак Торо.

Все оказалось проще, чем он думал. Ори приглядел дом в Восточном Гидде. Потом заплатил мальчишке, чтобы тот разбил фасадное окно, а сам перепрыгнул через забор в сад, взломал заднюю дверь и схватил с обеденного стола приборы и жареного цыпленка. Спустили собак, но Ори был молод, и ему уже доводилось выигрывать забеги у сторожевых псов.

Никто не стал бы есть то жирное месиво, которое оказалось наутро в рюкзаке Ори. Это был лишь экзамен. На следующий день в том же месте Ори положил мешок у своих ног, а уходя, оставил его на мостовой. Он пребывал в радостном возбуждении.

«Ммм, вкусно, — гласила следующая записка, также послужившая упаковкой для уличного лакомства. — Теперь нам нужны деньги, друг, сорок ноблей».

Ори выполнил и эту задачу — сделал, что было велено. Прежде он никогда не воровал, хотя с ворами знался. Теперь они помогали ему или учили, что надо делать. Сперва, когда Ори удирал темными переулками с чужими сумками в руках, а вслед ему неслись вопли нарядных дам, эти анархические подвиги не пришлись ему по вкусу.

Он ненавидел себя в роли карманника-люмпена, но знал, что любая попытка добыть деньги более утонченным способом тут же привлечет внимание милиции. Теперь же, когда в сумерках он мчался по людным улицам, расталкивая прохожих, а его друзья-хулиганы, как было условлено, с шумом и гиканьем бежали

вслед, милиционеры лишь ненадолго врезались в толпу, помахивая дубинками.

Ори проделывал это дважды, и оба раза едва унимал дрожь. Дело заряжало его энергией; возбуждала мысль о том, что он наконец занят чем-то настоящим. В третий и последующий разы он уже не боялся.

Он ни разу не взял себе ни стивера из украденного и относил невидимому корреспонденту все до последней монетки. Передач было несколько — Ори сбился со счета. Грабежи превратились в рутину. Но, наверное, сорок ноблей он все-таки собрал: ему дали новое поручение. На этот раз оно прибыло в виде покрытого бороздками воскового рулона. Пришлось нести его в будку вокситератора.

Там он услышал голос, едва различимый из-за шипения и треска: «Все хорошо, мой мальчик, давай перейдем к делу: принеси милицейский значок».

Каждую неделю Ори встречал Спирального Джейкобса. Общались они на понятном только им языке сокращений и умолчаний. Ори не уходил от разговора, но и не откровенничал, а в речах Джейкобса временами присутствовала логика. Парень понял, что безумие старика напускное — по крайней мере, отчасти.

— Они дают мне задания, твои дружки, — сказал Ори. — Похоже, эти парни не очень-то рады новичкам, а?

— Новичкам не рады, но если они возьмут тебя в друзья, то на всю жизнь. Я давно уже торчу в этом приюте. Торчу и высматриваю кого-нибудь, чтобы свести с ними.

Так же осторожно и умеренно они говорили о политике. Зато, оказываясь среди хаверим «Буйного бродяги», Ори помалкивал и наблюдал. Одно время их число пошло на убыль, потом вновь стало расти. С фабрики в Бездельном броде приходила теперь только одна женщина. Она все чаще брала слово, и ее речь выдавала растущие знания.

Ори слушал ее почти с ностальгией и думал: «Как же я это сделаю?»

Он отправился в Собачье болото, зная, что милиции там почти нет, зато есть где спрятаться. Операция потребовала двух попыток, подробного плана и нескольких шекелей. Все произошло ближе к ночи, под прикрытием балок Ячменного моста. Запыхавшийся парнишка подбежал к двум патрулям и сказал, что кто-то спрыгнул с моста в реку; его дружки стояли на берегу и кричали. В черной воде барахталась молодая проститутка, над

ней проносились поезда. Тонула девушка вполне натурально — плавать она не умела, но снизу ее поддерживали двое ребятишек-водяных, которые пускали пузыри, покатываясь со смеху.

В первый раз ничего не вышло: милиционеры посветили с берега, крикнули качавшейся на воде девушке «Держись!» — и пошли за помощью, не обращая внимания на громкие призывы ребятишек спасти ее. Тут появился Ори, выволок из воды бранящуюся проститутку и велел всем разбегаться.

Во второй раз один патрульный снял форменную куртку и сапоги, отдал их напарнику, а сам вошел в холодную воду. Водяные тут же нырнули, девушка здорово напугалась и стала тонуть. В воде началась неподдельная суматоха. Ребятишки с воплями скакали вокруг второго стража порядка, звали его на помощь, толкали к воде, пока тот, потеряв терпение, не взревел и не замахнулся на них дубинкой, но было поздно. Мальчишки уже добрались до свертка с одеждой, хотя милиционер и держал его в руках.

Ори оставил значок в старом ботинке на углу. Когда два дня спустя он вернулся, его ждали.

Старая Вешалка был кактом, но таким мелким и щуплым, что Ори оказался выше его. Вместе они пошли через мясной рынок. Краем глаза Ори заметил, что цены опять выросли.

— Не знаю, кто тебя к нам послал, и спрашивать не хочу, — заявил какт. — Скажи только, где ты был до нас. С кем?

— «ББ», — ответил Ори, и какт кивнул:

— Ну ясно. Не скажу про них ничего плохого, парень, но тебе надо выбирать. — И он посмотрел на Ори; за долгую жизнь его лицо почти побелело от солнца. Рядом с ним Ори чувствовал себя совсем мальчишкой. — У нашего друга все иначе. — Какт почесал себе нос, сжав кулак и вытянув вперед большой палец и мизинец. — Мне плевать, что там говорят Гибкий Бен и его компания. Философию можешь поцеловать на прощание в зад. Нам нет дела до прибавочной стоимости, до графиков спада-подъема и всего такого. Это у «ББ» одни идеи. Мне плевать, даже если ты лекции слушал в университете, — (Они стояли посреди рынка, вокруг вились мухи, витал теплый запах парного мяса, раздавались крики торговцев.) — Мне важно, что ты умеешь, парень. Чем ты можешь помочь нам? И нашему другу?

Его взяли посыльным. Ори должен был показать, на что способен, забирая запечатанные пакеты и сообщения, которые оставлял для него Старая Вешалка, и развозя их людям, которые смотрели на него с недоверием и выставляли за дверь, прежде чем открыть посылку.

Не желая порывать с друзьями-актерами, он заходил выпить в «Загон», посещал дискуссии «Буйных бродяг». Темы были такие: «Джаббер: святой или мошенник?», «Железный Совет: что стоит за рисунком на стене». Несгибаемая молодая вязальщица превратилась в настоящего политического лидера. Ори казалось, будто он подглядывает за ними в окно.

В первую неделю месяца тэтис, когда вдруг нагрянули холода, Старая Вешалка взял его на дело — стоять на стреме. Ори лишь в последнюю секунду узнал, что от него требуется, и снова ощутил забытое возбуждение.

Они были в Костяном городе и смотрели, как сгущаются серовато-синие вечерние тени меж силуэтов Ребер. Древние кости, от которых получил свое название район, вздымались более чем на двести футов: пожелтевшие, растрескавшиеся, они разрушались медленно, как камни, а окрестные дома казались жилищами гномов.

Попурри, король преступного мира, должен был получить деньги. Ори даже не представлял, в какой момент его банда собирается перехватить посылку. Вне себя от волнения, он смотрел во все глаза, но милиция не появлялась. Ему был виден заросший кустарником пустырь между Ребрами, где пересчитывали выручку уличные акробаты и разносчики газет, не обращая внимания на останки чудовищной грудной клетки у себя над головами.

Ори яростно пялился в пространство и жалел, что у него нет пистолета. Мимо прошла компания юнцов; они поглядели на Ори и решили оставить в покое. Никто к нему не приближался. Сжимая изо всех сил свисток, Ори думал, что ничего еще не началось, когда Старая Вешалка подошел к нему сзади, резко дернул за плечо и сказал:

— По домам, парень. Дело сделано.

На этом все и кончилось.

Ори сам не мог сказать, когда его приняли в банду. Просто Старая Вешалка начал знакомить его с другими членами, приводить на тайные встречи.

В пивных, в грязных лачугах и лабиринтах Мертвяцкого брода Ори беседовал о тактике с командой Торо. Он был у них стажером и совестился, когда его новые товарищи насмехались над Союзом, называя его «здоровой задницей», или над «Буйным бродягой». Он продолжал посещать собрания «ББ», где видел воочию результаты своих новых занятий, читая газеты. Ограбление, во время которого Ори был дозорным, получило название «Боунтаунекого налета».

После каждого дела ему платили — немного, но вполне достаточно, чтобы примириться с потерей зарплаты, а потом и больше. Он щедро угощал всю компанию в «Загоне» и «Веселых нищих», друзья-актеры пили его здоровье. Это вызывало прилив теплых воспоминаний.

А в Мертвяцком броде у Ори появились новые друзья: Вешалка, Уллиам, Руби, Енох, Кит. Молодежь тянулась к банде Торо. Жизнь ее участников была насыщенней, чем у большинства людей, но постоянно висела на волоске.

«Теперь если меня поймают, то уж в тюрьму точно не посадят, — думал Ори. — По меньшей мере переделают. А может, я уже покойник».

В Большой петле теперь редкая неделя проходила без забастовок. В Дымной излучине тоже было неспокойно. Дикобразы атаковали гетто хепри на Ручейной стороне. Милиция прочесывала районы Собачье болото, Речная шкура и Шумные холмы, арестовывая членов профсоюзов, мелких воришек и актеров-нувистов. Во время одного из таких рейдов забили до смерти лидера поэтического течения Кап-Кап, и его похороны вылились в стихийный мятеж. Ори тоже был там и швырял камни вместе с остальными.

У него было такое ощущение, точно он просыпается. Город казался галлюцинацией. Напряжение висело в воздухе, точно влага перед дождем. Каждый день Ори встречал на улицах пикетчиков и выкрикивал вместе с ними какие-то лозунги.

— Дело пошло, — весело сказал как-то Старая Вешалка. — А когда мы все закончим, когда наш друг сможет наконец пробраться наверх и встретиться сам знаешь с кем…

Бандиты переглянулись, и Ори заметил несколько косых взглядов в свою сторону: люди Торо не верили, что при нем можно говорить, но и удержаться тоже не могли. Он проявил осторожность и подавил желание спросить: «С кем? Кто этот сам-знаешь-кто?»

Но Старая Вешалка уже глядел на тумбу для объявлений, распухшую от многих слоев афиш. На ней красовался подписанный крупными печатными буквами гелиотип, грубое изображение знакомого лица, на которое и смотрел Старая Вешалка, продолжая говорить. Ори его понял.

— Скоро мы покончим со всем этим, — сказал старый какт. — Все изменится после того, как наш друг кое с кем повстречается.

Ори много дней не видел Спирального Джейкобса, а когда наконец напал на его след, то оказалось, что старик совсем

спятил. Он давно не бывал в приюте. Джейкобс выглядел изможденным, еще более неухоженным и грязным, чем обычно.

По наводке других всеми позабытых мужчин и женщин Ори наконец нашел его в Вороне. Бродяга плелся мимо огромных центральных магазинов, мимо статуй и величественных фасадов из мрамора и недавно чищенного белого камня. В руке у Джейкобса был мел; через каждые несколько шагов он останавливался и, бормоча что-то себе под нос, рисовал на стене едва заметный бессмысленный знак.

— Джейкобс, — окликнул его Ори, и бродяга обернулся, так сильно взбешенный его вмешательством, что парень даже вздрогнул, но старик тут же взял себя в руки.

Они сидели на площади Биль-Сантум в окружении фокусников. Позади них в теплом закатном свете густо чернело здание Вокзала потерянных снов, — массивное, впечатляющее, оно поражало разнообразием стилей, а из пяти арок-пастей пятью лучами вырывались железнодорожные ветки, придавая постройке сходство со звездой. К западу от вокзала взмывал в небо Штырь — тонкая и высокая милицейская башня. Казалось, что Вокзал потерянных снов опирается на нее, как человек на посох.

Ори посмотрел на семь проводов, расходившихся с вершины Штыря. Один из них уходил на юго-восток, через квартал красных фонарей и славный целительным воздухом Каминный вертел, через Барсучью топь, квартал ученых, к еще одной башне, а затем к острову Страк, где у собрания двух рек заседал Парламент.

— Это мэр, — сказал Ори, хотя Спиральный Джейкобс его, казалось, не слушал, играя с куском мела и думая о своем. — Команде Торо надоело бороться с милицейскими капралами и прочей шушерой. Они хотят покончить со всем сразу. Убить мэра.

Со стороны могло показаться, будто Джейкобс спятил настолько, что ничего не понимает, но Ори видел его глаза, видел, как тот открыл и снова закрыл беззубый рот. Неужели он удивлен? А к чему еще могут стремиться благородный разбойник и его люди?

И хотя Ори говорил себе, что рассказал обо всем Джейкобсу из чувства долга, считая, что старый боец и товарищ Джека-Полмолитвы имеет право знать правду, дело было не только в этом. Ведь именно Джейкобс втянул Ори, пусть и не напрямую, в это жестокое и благородное дело — политическое убийство. Осуществление такого плана, был уверен Ори, потребует смелости, силы, сведений и денег. И это только для начала.

— Приходи завтра на суп, — сказал вдруг Джейкобс. — Обещаешь?

Ори пообещал. И наверное, даже догадывался, что было в

сумке, которую принес ему Джейкобс. Но все же, сидя поздно вечером в своей комнате, один, при свече, он не смог сдержать вздоха удивления.

Деньги. В монетах и ассигнациях. Тяжелые столбики монет, тугие пачки ассигнаций, десятки разных валют. В основном, конечно, шекели, нобли и гинеи, отчеканенные, самое позднее, десятки лет назад, но попадались дукаты, доллары и рупии, сандноты и таинственные боби, квадратные монеты и крохотные слитки золота из приморских провинций, из Шанкелла, из Перрик-Ная и даже из городов, в существование которых Ори не очень верил. То был осадок жизни разбойника или пирата.

Приложенная к нему записка гласила: «Вклад. В Хорошее Дело. В память о Джеке».

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ
зЕмЛя
ВиНоГрАдАрЕй

ГЛАВА 10

Голем смотрел на спящих путников. Он стоял у недогоревшего костра и был выше человека, даже выше кактa. Крепко сбитый, со свисающими вперед ручищами, он чем-то напоминал обезьяну. Голем сутулился, его спина была седлообразно выгнута, а глиняная кожа потрескалась от солнца.

На заре пробудившиеся насекомые атаковали его большое тело. Голем не шевелился. Пух и споры полетели над ложбиной, где укрылись спящие. Ветерок холодил их кожу. Беспощадная жара осталась на юге.

Первым встал Дрогон. Когда проснулись остальные, он уже ушел на разведку, и Элси с Помроем последовали за ним, чтобы Каттер побыл наедине с хозяином голема.

Каттер сказал:

— Зря ты сбежал, Иуда. Надо было остаться.

Иуда спросил его:

— Ты получил деньги, которые я оставил?

— Конечно получил, и инструкции тоже, но ведь я им, на хрен, не последовал, а? И разве ты теперь не рад? Что я тебе принес-то? — Каттер хлопнул по своему мешку ладонью. — Они не были готовы, когда ты уходил.

— Зато теперь одно разбито. — Иуда печально улыбнулся. — А оставшегося мало.

— Разбито? — Каттер был потрясен. А он-то тащил их в такую даль. — Тебе не надо было уходить, Иуда, особенно без меня. — Он тяжело дышал. — Ты должен был подождать.

И Каттер поцеловал его — с настойчивостью, которая всегда овладевала им в такие моменты, даже с отчаянием. Иуда ответил на его поцелуй, как всегда, терпеливо и нежно.

Даже теперь, с удивлением осознал Каттер, мысли Иуды Лёва занимало что-то, кроме происходящего здесь и сейчас. Он всегда знал Иуду таким и сначала думал, что имеет дело с типичным ученым, более или менее рассеянным. Каттер держал в Барсучьей топи магазин, и среди его посетителей было немало ученой братии. Он очень удивился, различив в речи Иуды легкий акцент уроженца центральных районов.

Их первая встреча состоялась больше десяти лет тому назад. Выйдя из задней комнаты, Каттер застал в магазине Иуду, погруженного в созерцание эзотерики, от которой ломились черные деревянные полки: записные книжки, метазаводные механизмы, таинственные препараты из растений. Высокий худой

мужчина, много старше Каттера, с ломкими длинными волосами и обветренным лицом, он широко раскрытыми глазами глядел на все, что его окружало. Дело было вскоре после Мусорной войны, и Каттера заставили сдать свой уборочный автомат. Вот как получилось, что он сам мыл пол и злился. Клиенту он нагрубил.

Когда Иуда пришел снова, Каттер сделал попытку извиниться, но тот лишь посмотрел на него внимательно. Когда он пришел в третий раз — его интересовали алкалиды и лучшая, самая плотная глина. — Каттер спросил, как его зовут.

— А мне вас как называть — Иуда, Юд или доктор Лёв? — спросил Каттер, и тот улыбнулся.

Никогда в жизни Каттер не чувствовал, чтобы другой человек так глубоко проник в его помыслы и понял их, как при виде той улыбки. Без малейшего усилия или насмешки он открыл истинные намерения Каттера. Тогда же Каттер постиг, что перед ним не рассеянный ученый, как он считал до сих пор, но святой. Очень скоро он влюбился.

Они стеснялись друг друга. Не только Иуда и Каттер, но Иуда и Помрой, Иуда и Элси. Иуда снова и снова расспрашивал их о том, как умер Дрей, как погибли Фейх и Игона. Еще раньше, когда путешественники рассказали ему о своих потерях, он пришел в ужас и сильно помрачнел.

Он слушал истории гибели путников, как слушают легенды. Игона в водяном столбе; Дрей, парящий с раскинутыми руками. Вот только смерть Фейхечриллена под шквальным огнем трудно было переложить в рассказ.

Иуду пытались вызвать на разговор о том, чем он занимался все это время. Но он лишь отмахивался, как будто говорить было не о чем.

— Я ехал. На своем големе. Я направил его на юг, через лес, к Мелкому морю. Там я оплатил проезд на тот берег. И поехал на големе к западу, через деревни кактов. Они мне помогали. Я пошел через ущелье. Я знал, что за мной гонятся. И устроил ловушку. Слава Джабберу, что ты это понял, Каттер.

На мгновение лицо его сделалось страшным. Он выглядел усталым. Каттер не знал, что выпало на долю Иуды и что угнетало его теперь. Его тело покрывали шрамы: знаки невзгод, о которых он не хотел говорить. Поддержание жизни в големе не требовало больших усилий, но энергию Иуде приходилось тратить не только на это создание.

Каттер положил ладонь на серый бок твари.

— Отпусти его, Иуда, — сказал он.

Тот взглянул на него, как и обычно, с изумлением и

медленно улыбнулся.

— Отдохни, — велел он и коснулся грубо сработанного лица голема.

Глиняный человек не пошевелился, но что-то покинуло его — некий орган. Он едва заметно осел, с тела посыпалась пыль, трещины на боках внезапно стали суше. Голем навсегда остался стоять там, где стоял. Постепенно он развалится на части, а щели в боках станут приютом для птиц и разных тварей. Потом останется лишь небольшой холмик и со временем тоже исчезнет.

У Каттера зачесались руки толкнуть голема, чтобы тот завалился на бок и рассыпался сразу, а не стоял, застряв во времени. Но он удержался.

— Кто такой Дрогон? — спросил Иуда.

Без коня шептун казался потерянным. Он находил себе разные дела, чтобы не мешать другим говорить о нем.

— Распоряжайся тут я, его бы здесь не было, — заявил Помрой. — Слишком уж он силен для простого шептуна. И мы не знаем, откуда он взялся.

— Он бродяга, — объяснил Каттер. — Батрачит на ранчо, охотится. Верховой бродяга, короче. Он как-то прослышал про твой побег, — слухи сейчас распространяются быстро. К нам он пристал потому, что хочет найти Железный Совет. Думаю, ему что-то нужно, и никаких сантиментов. Он не однажды спасал нам жизнь.

— Он идет с нами? — спросил Иуда.

Все посмотрели на него. Каттер осторожно начал:

— Понимаешь… тебе не обязательно идти дальше. Мы можем вернуться. — (Иуда странно посмотрел на него.) — Я знаю, ты думаешь, что, раз установил в твоих комнатах голем-ловушку, тебе нет дороги назад, и ты прав, они обязательно будут следить за тобой, но, черт возьми, Иуда, ты ведь можешь уйти в подполье. Ты же знаешь, что Союз тебя защитит.

Иуда переводил взгляд с одного на другого; пристыженные, они не выдерживали и отводили глаза.

— Вы не верите, что он еще там, — сказал Иуда. — В этом все дело? Вы здесь только из-за меня?

— Нет, — ответил Помрой. — Я с самого начала говорил, что я здесь не только из-за тебя.

Но Иуда уже не мог остановиться.

— Вы думаете, что его больше нет? — Он говорил со спокойной уверенностью, почти как священник. — Он существует. Как я могу вернуться, Каттер? Разве ты не понимаешь, зачем я здесь? *Они ищут Совет.* А когда найдут, то уничтожат. Они шли

воевать с тешанами, но случайно натолкнулись на Совет и решили, что не могут допустить его существования. Я слышал об этом от старого знакомого. Это он рассказал мне о том, что Совет нашли, и о том, что с ним хотят сделать. Я должен предупредить Совет. Я знаю, что Союз меня не поймет. И может быть, даже изгонит из своих рядов.

— Мы отправили им послание, — сказал Каттер. — Из Миршока. Они знают, что мы идем за тобой.

Иуда достал из своего мешка бумаги и три восковых цилиндра.

— От Совета, — объяснил он. — Самому старому письму семнадцать лет. Первый цилиндр еще старше. Ему почти двадцать. Два последних прибыли три года назад, и в день прибытия им было по два года. Я знаю, что Совет существует.

Как попадали письма к Иуде, никто не знал. Может, их везли через лес Феллид к морю, оттуда на кораблях через пролив Огненная Вода в Шанкелл и Миршок, потом в Железный залив и Нью-Кробюзон. Или кружной дорогой через горы, или за сотни миль через леса и болота близ Толстоморска. Через сам Толстоморск, лежащий среди равнин. Либо по воздуху, либо с помощью магии, но они добрались-таки до Иуды Лёва.

«Почему бы тебе просто не написать ответ, а, Иуда? — подумал Каттер. — Они ждут, ты же знаешь. Но знают ли они о твоем приходе? И сколько сообщений затерялось в пути?»

Каттер представил себе кусочки воска, рассыпанные по придорожным канавам. И клочки бумаги с шифровками, носящиеся по степи, точно опавший яблоневый цвет.

Вид этих бумаг и цилиндров с бороздками — звука, запечатленного во времени, — вызывал в нем трепет. Это были артефакты из легенд Союза, то, о чем рассказывали путешественники и инакомыслящие.

Что было известно Каттеру? Впервые он услышал о Железном Совете в детстве, и это была сказка, наподобие историй о Джеке-Полмолитвы, Торо или Волхвосстании. Когда он повзрослел и понял, что Парламент может и лгать, — а значит, в болотах к югу от города могло и не быть никаких происшествий, — стали говорить, что Железный Совет увели туда, где никто и никогда его не найдет. Даже те, кто якобы видел Совет своими глазами, только и могли, что указывать куда-то на запад.

«Почему же ты ни разу не показал мне их, Иуда?» — подумал Каттер. Ведь они так много спорили обо всем, постепенно сближаясь друг с другом. Иуда знал циничность Каттера и пытался повлиять на него, объяснить, что цинизм засасывает его, как болото. Есть способы сомневаться во всем, не впадая во мрак,

повторял он, и иногда Каттер пытался следовать его советам.

Их дружба длилась более десяти лет, и за это время Каттер многое узнал от Иуды, да и сам научил его кое-чему. Именно Иуда ввел Каттера в Союз. Были жаркие споры, которые разгорались в магазине Каттера, и в его тесной квартирке, и в его постели. Но ни разу за все время их совместных политических размышлений, в которых Иуда неизменно играл роль неотмирного мятежника, а Каттер — скептичного попутчика, он не видел этих предметов, посланных самим Железным Советом.

Каттер не ощущал себя преданным, просто он был ошеломлен. Знакомое состояние.

— Я знаю, где находится Совет, — сказал Иуда. — Я могу найти его. И то, что вы пришли, прекрасно. Давайте продолжим путь.

Иуда беседовал с мастером шепота. Разумеется, никто, кроме него, ответов Дрогона не слышал. Наконец Иуда кивнул, и все поняли, что шептун идет с ними. Помрой злился, несмотря на все заслуги Дрогона.

Иуда не стремился к первенству, он ничего особенного не сделал, просто сказал, что идет дальше и все могут идти с ним, но они невольно признали его вожаком, как всегда. То же самое было и в Нью-Кробюзоне. Иуда никогда никому не приказывал и часто в своей отрешенности не замечал никого вокруг, но те, кто оказывался рядом, ловили каждое его слово.

Путники готовились к долгой дороге. Впереди были недели пути. Их ждали троны, горы и леса, а также реки и, может быть, пропасти, а в конце, возможно, Железный Совет. Спать легли рано, но Каттер проснулся оттого, что Помрой и Элси занимались любовью. Они старались не шуметь, но не дышать и не возиться было не в их силах. Шум пробудил в Каттере желание. С вожделением и нарастающей нежностью он прислушивался к любовной возне друзей. Он потянулся к Иуде и поцеловал его, просунув ему в рот свой язык, и тот сонно ответил на поцелуй, но тут же отвернулся и заснул.

Один под своим одеялом, Каттер молча мастурбировал, глядя на спину Иуды, пока не кончил на землю.

ГЛАВА 11

Неделю они шли на север и северо-запад, среди зелени. Было тяжело. Степь стала неровной. В пейзаже преобладали болота и карстовые воронки, которые становились все глубже, холмы пестрели чапаралем и кривыми от засухи деревьями. Путники шли по дну расселин. Трижды мастер шепота показывал им, что они бессознательно выбирают путь, по которому шел кто-то раньше, — словно ступают по призракам следов.

— Куда мы идем?

— Я знаю, где это, в какой части света, — ответил Иуда. Он сверялся с картой и совещался с Дрогоном, знатоком степи, храня суровое спокойствие кочевника.

— Почему ты здесь? — спросил Иуда Дрогона; шептун ответил прямо ему в ухо. — Да, но мне это ни о чем не говорит.

— С тобой он такого не проделывает, — сказал Каттер. — А ведь он может кого угодно подчинить себе этим своим чертовым шепотом. Именно так он по крайней мере дважды спасал нам жизнь.

Кугуары и гитвинги следили за ними с невысоких холмов или с воздуха, и тогда путешественники стреляли, чтобы отпугнуть их. Им угрожали рощи растений-суккулентов. Листья их, словно покрытые воском, были острыми, как сабли, и такими тяжелыми, что даже не шелестели на ветру.

«Смотрите». Шепот Дрогона. Он тащил с собой все принадлежности кочевника. Дрогон привык к таким местам, но без лошади ему было неуютно. Он показывал путникам то, чего те не заметили бы. *«Здесь была деревня»*, — сказал мастер шепота; и точно, они разглядели реголиты[6] фундаментов, сохранившиеся в земле, словно память ландшафта о стоявших здесь некогда домах. *«Это не дерево»*, — прошептал он, и все увидели ствол старинной пушки или чего-то похожего, опутанный плющом и покрытый язвами непогоды.

Однажды ночью, пока остальные крепко спали, поужинав дичью, Каттер проснулся, сел и увидел, что Иуды нет. Он тупо пошарил в его постели, будто надеясь обнаружить его там. Мастер шепота поднял голову и помрачнел, увидев, что Каттер беспокойно щупает одеяла Иуды.

Оказалось, Иуда ушел по направлению ветра и спрятался от него в небольшом углублении у холма. Из своего мешка он достал литой железный аппарат, такой тяжелый, что Каттер удивился, как такую вещь можно было донести сюда. Иуда знаком велел Каттеру сесть ближе к вокситератору. Он уже вставил в

него один из своих ребристых восковых цилиндров и положил руку на рукоять.

Улыбнувшись, он опустил иглу-звукосниматель на верхнюю бороздку.

— Можешь послушать, — сказал Иуда, — раз пришел. Вот что гонит меня вперед.

Он повернул рукоятку, и через треск и беспорядочные щелчки до них донесся мужской голос. Низкие частоты не воспроизводились, к тому же голос то ускорялся, то замедлялся, в зависимости от скорости вращения рукояти, и его модуляции были трудноуловимы. Порывы ветра уносили слова, как только те выскакивали из раструба.

— *…не смущайся что мы едва знакомы ведь говорят ты из наших сестра вот я и подумал что тебе лучше узнать об этом от нас а не от бумаги дело в том что он умер Узман умер и похоронен мне жаль что тебе довелось вот так это услышать жаль что тебе вообще довелось это услышать по правде говоря умер он спокойно имей в виду он умер тихо мы похоронили его впереди и теперь он под нашими путями кое-кто говорил что его надо отнести на кладбище но я был против я сказал им вы знаете что он не этого хотел он велел нам сделать все как надо все как всегда поэтому я их заставил мы носим по нему траур он не велел не надо организованного траура сказал он когда мы сражались они сказали мне и после пятна он сказал нам не плачьте но празднуйте но сестра я ничего не могу поделать нам не запрещается горевать а ты оплакивай сестра продолжай и я тоже буду это я это Рахул а теперь до свидания.*

Игла дернулась и остановилась. Иуда плакал. Каттер не мог этого вынести. Он протянул было руки, но передумал, видя, что его объятия сейчас некстати. Иуда не всхлипывал. Ветер обнюхивал их обоих, точно пес. Луна едва светила. Было прохладно. Каттер смотрел, как слезы текут по щекам Иуды, и страдал от неисполнимого желания прижать этого седовласого человека к своей груди.

Выплакавшись и насухо вытерев лицо, Иуда наконец улыбнулся Каттеру, а тот отвел глаза и осторожно заговорил:

— Ты ведь знал его, того, о ком он говорит. Я вижу. Кто прислал тебе это письмо? И чей это брат?

— Мой, — сказал Иуда. — А я — сестра. Я его сестра, а он — моя.

Перед ними вырастали невысокие холмы, покрытые роскошным ковром ярких цветов. Пыль липла к потному Каттеру, приходилось вдыхать цветочную пыльцу. Путники еле ползли по

незнакомой земле, придавленные жарой и грязью, словно мухи, которых окунули в патоку.

На зубах скрипел шлак. Впереди, за линией холмов, небо словно выцвело, и не только от зноя. Столбы черного дыма тянулись вверх, постепенно рассеиваясь. Они казались недосягаемыми, как радуга, но на следующий день запах гари усилился.

Появились тропы. Вступив на обитаемую территорию, путники приблизились к очагам пожаров.

— *Смотри!* — обратился мастер шепота к каждому по очереди.

На холмах далеко впереди наблюдалось какое-то движение. Взглянув в подзорную трубу Дрогона, Каттер увидел, что это люди — человек сто. Они тянули тележки с пожитками, подгоняли животных-кормильцев: жирных птиц размером с корову, толстых, четырехлапых. Лишней парой ног им служили тощие голые крылья.

Караван изнемогал от усталости и отчаяния.

— Что там происходит? — спросил Каттер.

К полудню путники оказались в местах, где землю покрывали трещины, и пошли оврагом такой глубины, что в нем запросто скрылся бы многоэтажный дом. Там они увидели куски чего-то коричневого: казалось, будто завернутая в бумагу и перевязанная бечевкой посылка упала с большой высоты. Оказалось, к скале привалился фургон со сломанными колесами, весь разбитый и обгоревший.

Вокруг лежали мужчины и женщины с проломленными головами или развороченными от пуль животами, содержимое которых выплеснулось им на одежду и обувь. Их аккуратно рассадили или разложили там, где их застигла смерть, и оставили, как солдат в ожидании приказа. Рота покойников. Перед ними, точно полковой талисман, лежал ребенок, свернувшийся калачиком. Его пронзил обломок клинка.

Но это были не солдаты, а обыкновенные крестьяне, судя по одежде. Днище повозки устилали их пожитки: изорванные тряпки, непривычной формы посуда — чайники, горшки и утюги.

Каттер и его товарищи смотрели, зажав ладонями рты. Дрогон обмотал платком нижнюю часть лица и шагнул к трупам, спугнув с них тучи мух. Взяв деревянную спицу, он потыкал ею в тела так осторожно, точно оказывал им знаки внимания. Солнце иссушило мертвецов, кожа завялилась. Каттер видел, как из-под нее выпирают кости.

Повозка накренилась, когда Дрогон заглянул в нее. Он присел на корточки и стал изучать раны, опуская в них свою

спицу, а остальные наблюдали за ним, порой испуская звуки. Когда мастер шепота осторожно взялся за клинок, пронзивший мальчика, Каттер отвернулся, чтобы не видеть, как шевельнется мертвое тело.

— *Они мертвы уже несколько дней,* — услышал Каттер шепот Дрогона, стоя к нему спиной. — *Это ваши. Выковано в Нью-Кробюзоне. Милицейский клинок.*

Роковые пули были выпущены из милицейских пистолетов; клинок, пронзивший ребенка, держала рука милиционера — мужчины или женщины. Милицейские кинжалы исполосовали полог фургона; руки уроженцев Нью-Кробюзона разбросали крестьянский скарб.

— Я же говорил, — очень тихо произнес Иуда.

«Может, уйдем отсюда? — подумал Каттер. — Не хочу при них говорить».

Часто дыша, он поднял голову и увидел Помроя и Элси, прижавшихся друг к другу.

— В моем письме, Каттер. Ты помнишь? — Иуда не сводил с него глаз. — Я говорил тебе, что ухожу из-за этого.

— Мы недалеко от границы с Тешем. Все это не значит, что милиция ищет Железный Совет.

— У них база на побережье, откуда они посылают эти отряды. Эта… работа… лишь половина задания. Они идут на север. Они ищут Совет.

За каньоном мертвецов начиналась открытая местность. Зная, что милиционеры, разделавшиеся с беженцами, вряд ли ушли далеко, путники двигались осмотрительно. Стоило Каттеру закрыть глаза, как он видел перед собой этих терпеливых покойников. Дрогон шел впереди по тропе в зарослях полыни. Впереди вставал дым — над полудикими, поросшими кое-где кустарником нолями на склонах холмов.

Все вокруг говорило о варварском налете. От запаха гари нечем было дышать. С ружьями наперевес путешественники вышли на первое маленькое поле.

Борозды и межи, взрытая земля — когда-то она была оливковой рощей. Там, где небольшие деревца были вырваны из почвы, приходилось переступать через распростертые щупальца корней. Засохшие оливки валялись повсюду, точно звериный помет. Обугленные пеньки торчали из воронок, словно скульптуры. Валялись человеческие трупы, обгоревшие до костей.

Когда-то там стояли хижины, но их сожгли. На равнине, среди невысокого кустарника и пересохших ручьев, дымились, точно шлаковые отвалы, груды черного мусора. Тошнотворно-

сладко пахло мертвечиной. Каттер прорубался через сухой летний подлесок.

Первое время он никак не мог понять, что перед ним. Кучи мусора оказались грудами трупов; из них торчали обугленные останки каких-то копытных животных, крупных и тяжелых, как буйволы, только с хоботами и бивнями. Зверей покрывали панцири из пепла и сморщенных листьев. Корни торчали из шероховатых боков.

— Виносвиньи, — сказал Иуда. — Мы в стране Галагги. Вот сколько мы прошли.

Поднялся ветер, и глаза путешественников обжег прах с вершины холма, пепел олив, виноградной лозы и листьев. Мертвые животные зашелестели.

Помрой нашел канаву, где шили десятки мужских и женских трупов. Хотя после смерти прошло много дней, штрихованные татуировки были хорошо различимы. Трупные пятна покрывали кожу цвета пемзы, с каменным пирсингом.

Это были пастухи-виноградари. Кланами, целыми коленами кочевали они по жарким северным степям, присматривая за стадами виносвиней. Они шли за животными следом, защищали их от врагов, а когда наступало время собирать урожай, с изумительным искусством увертывались от рогов агрессивных травоядных, срывая зрелые гроздья, налившиеся на их боках.

Каттер сглотнул. И все сглотнули, глядя на мертвецов, растерзанных на клочки пушечным огнем.

— Это может быть колено Предика, или Хариума, или Гневры, — сказал Иуда.

Вокруг, догорая, дымили виносвиньи вместе с выросшим на них урожаем.

Целый день отряд шел по обожженным холмам, через изрубленные в щепки оливковые рощи, встречая на своем пути истребленные стада плодовых животных и обугленные трупы виноделов. Целый загон огромных мясных птиц пошел на корм червям. Кругом стояла тишина, лишь трещали непрогоревшие угли и глухо стучали обугленные ветки. Иные тела сохранили следы учиненного над ними насилия. У одной женщины задранная юбка стала жесткой от крови; здоровяк винодел получил пулю в живот, а глаза ему выкололи кинжалом. От вида гниющей плоти Каттера выворачивало наизнанку.

Они обнаружили одну живую виносвинью, свалившуюся в каменный бассейн. Животное тряслось от голода и лихорадки. Хромая, зверь бродил по кругу и пытался рыть землю копытом. На боках, словно жилы, вздувалась сетка виноградных корней; листья покрывали его, будто мех. Ягоды симбиотического

растения засохли. Каттер пристрелил его из жалости.

— Вот почему какты решили драться, там, на юге, — нарушил долгое молчание Помрой. — До них дошли слухи об этом. Поэтому, увидев милицию, они решили, что настал их черед.

— Но зачем, зачем все это? — спросила Элси, с трудом сдерживая слезы. — Галагги ведь не Теш, это дикие земли. Здешние племена не относятся к Тешу.

— Нет, но так можно нанести Тешу вред, — ответил Иуда. — Вино и масло из Галагги продаются на его рынках. У милиции не хватает сил напасть на сам город, но ударь по крестьянам, и пострадают сундуки Теша.

Пределы нанесенного на их карты мира давно остались позади. В двух-трех сотнях миль к юго-западу на приморской равнине лежал Теш. Каттер думал о нем, хотя и не представлял, какие картины должны вставать перед его внутренним взором. Какой он, Теш, Город ползущей жидкости? Рвы с водой и стеклянные кошки, равнина Катоблепаса, корабли торговцев, дипломаты-бродяги и, наконец, Плачущий Принц.

Тысячи морских миль отделяли Железный залив от далекого берега к северу от Теша, на котором Нью-Кробюзон обустроил свой плацдарм. Милиции приходилось, оставив позади Шанкелл, плыть по морям, кишащим пиратами и птицами пиаса, и пробираться через пролив Огненная Вода, где интересы тешских соседей защищала ведьмократия. Сухопутных маршрутов через дикие степи Рохаги не существовало, и путь срезать было негде. Вот почему эта война так тяжело давалась Нью-Кробюзону. Его корабли месяцами бороздили враждебные воды. Каттер был потрясен неистовой мощью своего города.

В тот вечер путники ужинали незрелыми фруктами с мертвой виносвиньи и грустно шутили насчет того, какой прекрасный урожай удалось собрать. На второй день пребывания в стране виноделов они обнаружили останки грабителей. Оказывается, не все складывалось так, как того хотела бы милиция Нью-Кробюзона. Это были останки насхорна — носорога в панцире из железа, переделанного в танк для действий на равнине: двухэтажный, с поднятыми стволами пушек на крупе, с шеей, усиленной поршнями, вместо рога — огромное сверло. Насхорна взорвали и изувечили крестьянскими орудиями. Вокруг валялись потроха и механизмы.

Там же лежали шестеро погибших милиционеров. Знакомая форма странно смотрелась среди этого зловещего пейзажа. Их зарезали. На земле лежали брошенные серпы виноделов.

Вся страна кишела пожирателями падали. Похожие на лисиц твари рылись в земле в поисках мертвечины. Ночью путников

разбудил выстрел Дрогона.

— *Упырь,* — шепнул он каждому по очереди.

Ему не поверили, но наутро все увидели труп: бледный, как выходец из могилы, обезьяноподобный, с широким зубастым ртом, на безглазом лбу — засохшая кровь.

Дорога вела на север, стало прохладнее, но не намного. На жаре, среди упырей, трупов и одуряющей вони гниющих плодов и дыма, в стране, превратившейся в страшный призрак самой себя, Каттеру казалось, будто он пробирается окраинами какого-то ада.

Несколько дней они карабкались по отвесным каменным стенам, и вот на севере вдруг замаячили покрытые лесом холмы. Иуда обрадовался.

— Нам туда, — сказал он. — Там кончается вельд; это граница земли Галагги.

Израненная после прохода милиции земля осталась позади. Отряд миновал зону примитивного земле- и виноделия, ту полоску в несколько десятков миль шириной, которая еще недавно заслуживала названия страны, а теперь лежала в руинах. Теперь воздух стал влажным, а путь пролегал через приветливые округлые холмы медно-красного цвета. Шел теплый слабый дождь — вирга, который высыхал, не достигая земли.

То были места, которые посещали одни мудрецы древности да странники. В Нью-Кробюзоне ходили разные слухи об этих невиданных краях, где среди лета сохранялись островки льда, термиты размером с собаку строили города, а облака спрессовывались в гранит. В пяльницу запах гари снова защекотал путникам ноздри. Вскарабкавшись по склону холма, где из-под их ног сыпался щебень, они увидели, что от леса их отделяет полоса заросшей кустарниками земли и на этой земле прямо перед ними что-то горит. У всех вырвались крики изумления.

Всего в нескольких милях от них. Хелона. Ее титанические ноги были раздвинуты, грудной щиток прижат к земле. Панцирь вздымался, как гора, опоясанная стеной из кератина, а выше громоздились наслоения костной ткани, которые человек из поколения в поколение превращал в башни и подвесные мосты. Гигантская черепаха была больше ста ярдов в длину и жила так долго, что на ее спине возникло целое многоярусное поселение с зубчатыми стенами. Хрупкие наросты на панцире превратились в жилые кварталы, шпили, зиккураты, колокольни, соединенные висячими мостами и пронизанные лабиринтами улиц и тоннелей; и все в них — мягкие изгибы на месте углов, причудливые плоскости стен, мостовые, облицовку — покрывал пестрый

черепаховый узор. Хелона была мертва и горела.

В воздухе пахло паленым волосом. Над панцирем жирными клубами поднимался дым. Из раскрытой пещерообразной пасти текла кровь и другие жидкости.

Поверженную черепаху окружали нью-кробюзонские крепости на колесном и гусеничном ходу, а также передвижные орудия. Два насхорна с экипажами, командиры в низких креслах сидят на шеях у носорогов, держа ручки управления, соединенные напрямую с нервными узлами животных. Милицейская пушка, причинившая такие разрушения, наверное, была мощнее, чем казалась.

Пешая милиция двигалась прямо на путников. Они преследовали колонну беженцев, спасавшихся из развалин черепашьего города.

Дрогон и Иуда вели отряд через кусты, как вдруг раздалось отрывистое «кхе-кхе-кхе» и тут же — крики людей и свист пуль. Бросившись на землю, они лежали неподвижно, пока не убедились, что пули предназначены не им, и тогда поползли к подножию холма, где скрылись за глиняной баррикадой. Выше, под прикрытием деревьев, залегла цепочка подавленных страхом беженцев. Не все были людьми. Одни прятались за поваленными стволами или в ямах, другие побежали. Их крики ужаса терзали слух.

На вершине холма занял позицию отряд милиционеров. Их было едва видно. Офицеры припали к картечницам; тут же налетел шквал грохота и пуль, и многие беженцы попадали.

Каттер в ярости смотрел на происходящее. Новые пули взрыли землю, умирающие задергались в попытке отползти. Один хелонянин поднес что-то к губам, раздался тонкий свист, где-то высоко в небе закричали, и милиционеры споткнулись о магию свистка.

Дрогон наблюдал за вершиной в подзорную трубу. Иуда повернулся к нему и в ответ на его шепот воскликнул:

— Что она делает?

На холме раскинуло черные кожаные крылья нечто, сооруженное из проволоки и темной кожи, ростом выше человека. Раздались щелчки, будто раздвигали что-то металлическое. В несколько приемов конструкция раскинулась, словно пюпитр. Воздух загудел — началась магическая церемония: женщина-офицер сделала несколько пассов, раздался треск, и проволочно-кожаная махина тронулась с места.

Запрокинув голову со стеклянными глазами, существо дважды взмахнуло кожаными крыльями, взмыло в воздух и понеслось к холму, где скрылись галаггиты. Его конечности

походили не на руки или ноги, а на продолговатые клинки, острые и блестящие. Тварь потерла ими друг о друга со звуком натачиваемых ножей.

Уродливая кукла летела к прятавшимся беглецам. Иуда вытаращил глаза, а потом заговорил, едва не захлебываясь от ярости и презрения.

— Полуфабрикат, — сказал он. — А еще тупее придумать не могли?

Выпрямившись во весь рост, он шагнул на вершину пологого холма; Каттер тут же пошел за ним и прицелился.

Летучий милицейский убийца пролетел над ранеными, завывающими от страха, и настиг человека со свистком. Тот выдавил еще одну слабую ноту, но в твари не было жизни, которую можно было отнять. Она вонзила в человека свои клинки, несчастный закричал и умер, истекая кровью.

Иуда зарычал. Каттер выстрелил вверх, чтобы прикрыть его. Иуда завыл и впился глазами не в летающий ужас, а в женщину, которая им командовала. Проволочная штуковина оторвалась от останков своей жертвы и взмахнула рукотворными крыльями. Иуда набрал полную грудь воздуха, словно готовясь ринуться в бой.

Никто не стрелял. Все, даже перепуганные галаггиты, смотрели, как кожаная птица пикирует на Иуду, раскинув ножи-крылья. Каттер выстрелил, но не мог сказать, попал он или нет.

Иуда поднял с земли горсть пыли и камней. Его рык стал громче и перешел в вопль, когда тень нависла над ним.

— Против меня? — Его голос потрясал своей мощью. — Голема — *против меня*!

Совсем по-детски Иуда швырнул заряженной пылью в чудовище. Последовал ошеломляющий энергетический взрыв. Голем сразу же камнем устремился вниз — сила, заставлявшая его лететь, исчезла.

Иуда стоял над грудой покореженного металла, который покинула заимствованная жизнь. Несколько мгновений стояла тишина. Иуду трясло от злости. Он ткнул пальцем в вершину холма:

— Голема — против меня?

Картечница нацелилась на Иуду, но раздались ружейные выстрелы, управлявший ею милиционер вскрикнул и погиб от руки невидимого Дрогона. Внезапно воздух прошили десятки пуль из винтовки Дрогона, мушкетона Помроя, револьверов Элси, Каттера и напуганной милиции.

Иуда шагал сквозь канонаду. Низким басом он выкрикивал какие-то слова, но Каттер ничего не мог разобрать — он бежал за

Иудой, чтобы прикрыть его. Вдалеке нью-кробюзонские милиционеры кричали и беспорядочно палили с холма вниз. Иуда Лёв достиг кургана, сложенного из тел галаггианских мертвецов.

Чародей просунул руку между трупов и рявкнул. Все взволновалось кругом, когда мировую энергию пустили в новом направлении; мгновение застыло, разбухло и разразилось невиданным. Куча трупов встала, превратившись в голема из плоти; он двигался, хотя нервы внутри тел давно омертвели.

Гора мертвого мяса, истекая не остывшей еще кровью, зашагала по полю боя. Своими очертаниями голем лишь отдаленно напоминал человеческую фигуру: пять или шесть тел слились в одно, складываясь без разбора, как попало. Ногами голему служили коченеющие трупы: у одного, перевернутого, голова стала ступней нового существа, при каждом шаге все больше расплющиваясь — до полной неузнаваемости. Туловище было собрано из рук и костей; одни мертвецы стали руками, другие — головой, и создание с ужасающей скоростью неслось вверх по холму, теряя по дороге куски самого себя. Его путь отмечали вопли виноградарей, разглядевших в этой жуткой пародии на человека своих детей и возлюбленных. Позади голема шагал Иуда, излучая энергию, которая сверхъестественной пуповиной соединяла его с монстром.

Милиционеры на холме не могли бежать и стали отстреливаться, когда голем из мертвецов добрался до них. Куски плоти сыпались с него, пока он взбирался на вершину, а там солдаты Нью-Кробюзона еще больше обезобразили голема огнем из винтовок и картечниц. Но он все равно успел измолотить их до смерти и размазать по земле. Удары наносили тела мертвых мужчин и женщин, превращенные в его кулаки.

Когда на вершине холма все стихло и последний солдат упал замертво, голем перестал существовать. Составлявшие его трупы рассыпались по земле.

Мертвые милиционеры носили камуфляж, украсив его отрезанными ушами, вырванными зубами и какими-то нашивками, обозначавшими, сколько убитых на счету их носителя. Все до единого были в масках.

Двое выжили. Один, контуженный свистом, бредил, мечась в сверхъестественной лихорадке, которой наградил его волшебный свисток; другому пуля из мушкетона Помроя раздробила кисти рук, и он визжал, не сводя взгляда с кровавого месива на месте пальцев.

Дрогон обшаривал трупы. Главные силы — те, что у хелоны, — скоро опомнятся и пошлют разведчиков узнать, что произошло с их карательным отрядом.

Иуда устал. Сооруженный им голем — такой большой и так быстро возникший — отобрал у него много сил. Он обыскал убитую капитаншу-чародейку, чьего раздвижного голема он с такой легкостью дезактивировал. Ее снаряжение — батареи, сосуды с химикатами и колдовской камень — он забрал себе.

Иуда избегал встречаться с Каттером взглядом. «Стесняется своей выходки», — подумал тот. Иуда, который поднимался на холм, точно некий разгневанный дух, Иуда, который наделил мертвых подобием жизни. Иуда, големист с непревзойденным могуществом и опытом: с тех пор как Война конструктов вынудила богачей расстаться с механическими слугами, он сколотил на своем искусстве целое состояние. Но до этой смертоносной прогулки Иуды с големом Каттер никогда не видел, чтобы его товарищ демонстрировал свою мощь, а тем более упивался ею.

«Голема — против меня?» Ярость вспыхнула в Иуде на удивление быстро, и теперь он пытался стушеваться.

Беглецы следили за ним. Среди них были люди с хелоны — мужчины и женщины с кожей разных цветов, в одеждах удивительного покроя. Были жуки ростом с ребенка, ходившие на задних лапах. Они смотрели радужными глазами, протягивая усики к Каттеру. А мертвые жуки лопались с сухим треском, забрызгивая все вокруг сукровицей.

Среди людей выделялись носившие простую одежду охотников. Они были выше хелонян, их кожа отличалась холодным серым оттенком.

— Виноградари, — догадался Каттер.

— Дважды беженцы, — отозвалась Элси. — Они, наверное, сбежали от милиции на черепаху, а теперь снова вынуждены бежать.

Один из виноградарей заговорил, и путникам с хелонянами долго пришлось перебирать разные языки, прежде чем они обнаружили несколько общих слов. Пока беженцы, поднимая пыль, уходили через кустарник к теплому лесу, Дрогон обыскивал поле боя, а Иуда отдыхал. За их спинами всхлипывали раненые милиционеры.

— Нам пора, — сказала Элси.

Они продолжили путь вместе с последними хелонянами, группой молчаливых людей-насекомых и двумя беженцами-виноделами и вошли в лес. Позади трясся и бушевал в колдовской лихорадке нью-кробюзонский милиционер.

Этот лес совсем не походил на Строевой. Здешние деревья были тверже, их опутывали лианы, ветви гнулись под тяжестью

мясистых листьев и темных незнакомых плодов. Кричали неведомые животные. Испуганные, растерянные хелоняне смотрели на Иуду с нескрываемым отчаянием. Им не хотелось покидать могущественного человека, который их спас. Но в отличие от Каттера и его компаньонов, ставших за время пути отличными ходоками, хелоняне двигались неуклюже, и путников это злило.

Медлить было нельзя, и они обогнали беженцев, которые не выдержали ритма, заданного сухощавыми, тренированными телами путешественников. Каттер знал, что милиция бросится за отрядом в погоню и тем, кто отстанет, несдобровать, если их обнаружат. Но он слишком устал, чтобы мучиться угрызениями совести.

Ни слова не говоря, люди-насекомые нашли в лесу свои тропы и двинулись по ним. К ночи с путниками остались лишь виноделы, обладавшие выносливостью охотников. Наконец, когда хелоняне совсем отстали, решено было сделать привал. Странная то была компания — виноделы и Каттер с товарищами разглядывали друг друга за ужином, с молчаливой приязнью подмечая различия.

В первые два дня их преследовал грохот военных машин. Потом все стихло, и много дней путники шли в тишине, однако были уверены, что погоня не отстала, а потому не сбавляли шага и старательно заметали следы.

Виноделы — Бехеллуа и Сусуллил — шли с ними. Они часто впадали в тоску и лили слезы, в основном по привычке, оплакивая потерю своих животных-кормильцев. Вечерами они подолгу нараспев разговаривали у костра, нисколько не смущаясь тем, что спутники их не понимают. Иуда переводил обрывки их бесед.

— Что-то про дождь, — говорил он, — а может, про гром… а еще про змею, луну и хлеб.

У Элси был спирт; виноделы напились и станцевали историю. В какой-то момент они исполнили сложный двойной хлопок и обернули к зрителям новые лица: волшебство, передававшееся в их роду из поколения в поколение, превратило их в игривых чудовищ, придав зубам сходство с клыками. Под действием заклинания их уши вытянулись и стали похожи на крылья летучих мышей.

Виноделы спрашивали путников, куда те идут. Иуда говорил с ними на смеси разных языков и пантомимы. Каттеру он объяснил, что сказал виноделам, будто странники ищут друзей, некий миф, то, что потерялось, но что они должны спасти, чтобы

оно в один прекрасный день спасло их, — одним словом, Железный Совет. Виноделы глазели на него, ничего не понимая. Каттер не мог взять в толк, почему они не уходят. Вечерами виноделы и путники учили отдельные слова из языков друг друга. Каттер пристально смотрел на Сусуллила и видел, что тот поймал его взгляд.

По утрам шел теплый дождь, как будто джунгли покрывались испариной. Путники прорубались через лианы и чапараль, отбиваясь от комаров и бабочек-вампиров. Ночами, едва сбросив рюкзаки, они падали на землю — грязные, измученные, в пятнах крови. Помрой и Элси закуривали и сигарами прижигали пиявок.

Рельеф менялся, и с ним менялся лес, постепенно переходя в горы; делалось прохладнее. Деревья становились ниже. Появились ибисы и нектарницы. Виноделы ловили и пекли древесных крабов. Бехеллуа чуть не погиб — королевский панголин хлестнул его ядовитым языком. Изредка, когда кто-нибудь выбивался из сил, Дрогон просил разрешения пошептать ему. Все, кроме Помроя, соглашались, и человек передвигал ноги, повинуясь неслышному для остальных приказу.

— Ты знаешь, куда мы идем, Иуда?

Иуда кивал Каттеру, совещался с Дрогоном, снова кивал, но от Каттера не ускользала его тревога. Он то и дело сверялся с компасом и отсыревшими картами.

Каттер внезапно ощутил страшную усталость, словно Нью-Кробюзон был кандалами, которые везде приходилось таскать на себе, словно любое незнакомое место было отравлено воздухом родного города.

Помрой и Элси снова стали заниматься любовью. Иуда спал один. Каттер слушал и заметил, что Бехеллуа и Сусуллил тоже слушают, а потом с изумлением увидел, как они, посовещавшись тихонько на своем языке, сели и начали без всяких церемоний мастурбировать в такт, трогая друг друга. Увидев, что на них смотрят, виноделы прервались, и Сусуллил жестом предложил Каттеру присоединиться, после чего тот поспешно закрыл глаза.

Утром Бехеллуа исчез. Сусуллил пустился в объяснения.

— Ушел в город на деревьях, — перевел Иуда после нескольких попыток. — В лесу есть город. Туда уходят все, кого прогнала с насиженных мест милиция. Все, кто выжил во время бойни в деревнях виноделов, хелоняне, кочевники из вельда. Город всех изгнанников в лесу. Там они нашли бога, который может дать ответ на любой вопрос. Сусуллил говорит… Бехеллуа пошел, чтобы рассказать им… про нас.

«Про тебя, — подумал Каттер. — Про то, что ты сотворил. С милицией. Ты становишься легендой. Даже здесь».

— А он почему остался? — спросила Элси.

— Иуда вдохновил его, вот и все. Как вдохновляет нас всех, — ответил Каттер спокойно, без иронии.

Каттер шагал по пятам за Сусуллилом. К вечеру они вышли на прогалину, и если бы не Сусуллил, который отпихнул его в сторону, Каттер врезался бы в замшелые кости, выдававшие присутствие дерева-ивоглота. Его гибкие, как ивовые прутья, щупальца были опушены и покрыты папоротниками, точно шипами. Каттер не мог сказать, какому животному принадлежали кости, только видел, что среди них есть и свежие, без наростов.

Какой-то человек — обитатель лесной чащи — сидел на нижних ветвях дерева. Его голова и плечи скрылись в зарослях. Болтавшиеся ноги раскачивались и пинали воздух: дерево занималось перевариванием. Сусуллил приблизился к нему, и Каттер взвыл.

Растение-хищник протянуло к охотнику сучья-щупальца, которые, казалось, раскрылись в движении, хотя это могло быть всего лишь случайным шевелением листвы. Винодел упал на землю, подкатился к стволу и взмахнул серпом, потом сделал кувырок назад и выполз из тени дерева-анемона. Ноги пойманного в ловушку жителя лесов продолжали содрогаться.

— Ох, какая гадость, — сказала Элси.

Сусуллил держал в руках срезанный им плод. Маленький, коричневый и комковатый, он отдаленно напоминал человеческую голову. Из всех плодов Сусуллил выбрал тот, который вырос после поглощения человека.

«Еще одно культурное различие», — подумал Каттер вечером. Все собрались вокруг костра, Сусуллил поедал свою добычу. Помрой, и Элси, и даже тихий Иуда не скрывали своего омерзения. Для них это было все равно что лакомиться собачьими какашками. Каттера затошнило, когда Сусуллил откинулся назад и улегся поспать и переварить жуткий плод — выжимку из покойника. Прежде чем закрыть глаза, Сусуллил украдкой бросил на него взгляд.

Помрой и Элси легли, а Иуда с Каттером задержались у огня. Когда Каттер наконец пошел ложиться, то поймал на себе одобрительный взгляд Иуды и понял, что тот знает о его намерениях. Его охватил знакомый прилив чувств.

Каттер дождался, пока все вокруг ровно засопят во сне и лагерь зальет лунный свет. Когда он разбудил Сусуллила и впился губами в его губы, вкус мертвеца перешел с языка винодела на его собственный.

ГЛАВА 12

А потом солнечные лучи прорвали густой, перевитый лианами полог. Элси с Помроем увидели Каттера, лежащего рядом с Сусуллилом. Ни слова не говоря, избегая встречаться с ним глазами, они начали собираться.

Если Сусуллил и уловил их смущение, то хорошо скрыл это, равно как и свою симпатию к Каттеру, которая, казалось, улетучилась вместе с ночью. Пока Каттер скатывал одеяло, служившее им подушкой, к нему подошел Иуда и тихо, благостно улыбнулся — благословил.

Каттер вспыхнул, сглотнул и перестал укладывать вещмешок. Потом приблизился к чудодею и тихо, чтобы не слышали другие, сказал:

— Я и раньше не нуждался в твоем долбаном одобрении, Иуда, а теперь и подавно.

Все было как в Нью-Кробюзоне, когда он, ведя к себе мужчину, встречал Иуду где-нибудь по дороге — в Кипарисовом квартале или в старой крепости близ площади Сэлом. Однажды Иуда пришел в День Спасения, ранним утром, и дверь ему открыл молодой чернявый мальчик, с которым Каттер проснулся в одной постели. Как и всегда при виде партнеров Каттера, Иуда удовлетворенно, даже одобрительно улыбнулся, и улыбка не сошла с его лица, когда Каттер отодвинул мальчишку и встал перед Иудой, закрыв за собой дверь.

Выходя на охоту, Каттер невольно оглядывался: не наблюдает ли Иуда за ним из-за угла?

Каттер воображал себя художником, музыкантом, писателем или автором вольнодумных статей, человеком скандальной репутации, обитателем Салакусских полей, а был всего-навсего лавочником. Лавочником из Барсучьей топи, чьи клиенты — сплошь книжные черви. Барсучья топь была тихим и странным районом; страсти, знакомые его жителям, были совсем не те, что у богемных обитателей южного берега.

В Барсучьей топи колдуны-вероотступники могли распахнуть дверь там, где ее вроде бы не было. Иногда от них сбегали существа из магической плазмы, и тогда пребывание на улицах становилось смертельно опасным, а дебаты мыслителей всегда могли закончиться метанием друг в друга субионов с бледным зарядом. Барсучья топь была районом историческим и не лишенным некоторой привлекательности, однако найти там мужчину было решительно негде. Поэтому когда в тавернах

южного берега Каттер замечал знакомые по Топи лица, то делал вид, будто не узнает их, и они отвечали тем же.

Каттер презирал и трансвеститов в нижних юбках и макияже, и украшенных цветами эстетов-извращенцев, которые встречались по ночам на Салакусских полях. Насупившись, он шагал по каналам на границе района Пей-и-пой мимо мужчин-проституток, с которыми он не разговаривал. Не ходил Каттер и в притоны, гнушаясь брать напрокат чью-нибудь задницу. Кончилось то время. И лишь изредка он посещал припортовые районы, где матросы, предпочитавшие не гнуть спину в море, а зарабатывать своим телом, ловили мужчин.

Вместо этого, крайне редко, он позволял себе затеряться в толпе и проскользнуть незамеченным в таверну — из тех, которые не так-то просто отыскать, где в полупустых комнатах у скудных баров сидят в клубах дыма старики, жадно разглядывая каждого новопришедшего, где одни мужчины собираются группами и хохочут чертовски громко, а другие чураются компании и весь вечер не поднимают глаз, где все женщины — это мужчины, то есть трансвеститы, или бывшие мужчины, то есть переделанные, чей пограничный статус притягивает кое-кого.

Каттер был осторожен. Он предпочитал не самых привлекательных: вдруг красавец окажется милиционером или подсадной уткой из отдела по борьбе с распущенностью, который с потрохами сдаст Каттера своим дружкам, а те забавы ради назначат специальное наказание в виде побоев и изнасилования.

Ненавидя Топь и чувствуя себя из-за этого деревенщиной, Каттер ждал, когда там появится подходящий человек, решив быть разборчивым и ничего не стыдясь.

Двенадцать лет прошло с тех пор, как Каттер повстречал Иуду Лёва. Ему было тогда двадцать четыре, и что-нибудь все время выводило его из себя. Иуда был старше на пятнадцать лет. Очень скоро Каттер полюбил его.

Они редко трогали друг друга. Не чаще нескольких раз в год Иуда Лёв уступал настойчивым просьбам Каттера, не дожидаясь, пока они перейдут в мольбу. Сначала это случалось с известной частотой, но со временем уговорить Иуду становилось все сложнее и сложнее. Каттеру казалось, что причиной всему не убывающее влечение Иуды, и без того не слишком сильное вначале, а что-то более сложное, чему он не в силах был подобрать названия. Каждый раз, занимаясь с Иудой любовью, Каттер не мог избавиться от ощущения, будто тот снисходит до него. Его это бесило.

Он знал, что у Иуды были женщины, а возможно, и другие

мужчины, но, судя по тому, что он слышал и представлял, Иуда встречался с ними тоже нечасто и вряд ли с большей охотой. «Сейчас я заставлю тебя поорать», — думал Каттер, пока они потели в объятиях друг друга. Страсть самого Каттера в таких случаях граничила с насилием: «Ты у меня получишь». Здесь крылась не жажда мести, а отчаяние: Иуда был с ним доброжелателен, но не более того.

Иуда учил Каттера, вкладывал деньги в его дело, ввел в Союз. Когда Каттер понял, что близость всегда будет между ними лишь актом возвышенной дружбы, продиктованным грешной и святой щедростью, подарком Иуды, он попытался прекратить их отношения, но не вынес тяжести воздержания. Взрослея, он оставил привычку огрызаться по всякому поводу, но был в нем некий гнев, от которого избавиться не удалось. Частично его гнев, как члена Союза, был направлен против Парламента. Частично — против Иуды Лёва, несмотря на пылкую любовь Каттера к нему.

— Каттер, хавер, — обратился как-то к нему Помрой. — Прости, что спрашиваю, я ничего такого не имею в виду, но ты, часом, не… гомопалон?

Сленг давался Помрою с трудом. Слово было не ругательное, скорее даже ласкательное, пригодное для непринужденного общения. Каттеру хотелось поправить его и сказать: «Нет, я педераст», но он передумал, решив, что это было бы уж слишком претенциозно и жестоко.

Все хаверим знали об этой особенности Каттера, но никто его не осуждал — по крайней мере, открыто. Напротив, раз или два ему откровенно сказали, что настоящий мятежник не может судить искалеченную жертву извращенного общества. Сам он никогда не заговаривал об этом, но, видит Джаббер, извиняться или прятаться тоже не собирался.

Все знали, что Иуда спит с ним, но, к ярости Каттера, никто не ходил вокруг да около его старшего товарища с осторожными намеками, даже в те дни, когда они появлялись на собрании, поменявшись одеждой.

— Это же Иуда.

Секс переставал быть сексом, как гнев переставал быть гневом, а стряпня — стряпней, если речь шла об Иуде. Каждый его поступок был словно взвешен на весах какой-то загадочной добродетели. Каттер был извращенцем, но Иуда Лёв был просто Иудой Лёвом.

Элси с Помроем стали стесняться Каттера. Но в пути неловкости не место: скоро они уже протягивали ему руки и

тащили его, или он их, по скользкому, покрытому переплетением корней берегу.

На Сусуллила произошедшее почти не подействовало. Казалось, он не жалел о ночи с Каттером, но продолжения не просил. Каттеру хватило самокритичности, чтобы усмотреть в ситуации смешную сторону. Три ночи подряд он ходил к нему. Совокупления давались нелегко, Каттеру приходилось привыкать к наклонностям своего партнера. Сусуллилу нравилось целоваться: этому занятию он предавался с пылом новообращенного. Но дальше ласк руками дело не шло. Попытка Каттера поласкать его языком вызвала в нем откровенное отвращение. А когда Каттер подставил кочевнику свой зад и тот понял, чего от него хотят, то своим хохотом перебудил весь лагерь, и остальные лежали, притворяясь спящими.

Путники начинали привыкать к незнакомой фауне. Грибы-многоножки скользили по стволам деревьев, точно слизни, не то расползаясь по коре, не то вырастая из нее. С безумной скоростью проносились мимо обезьяноподобные существа, которых Помрой прозвал «адскими мартышками», — их конечности в непредсказуемом количестве росли из соединенных хребтов.

— Вы знаете, где мы, или нет? — спрашивал Каттер Иуду и Дрогона.

Лес редел. Дождь не прекращался, но стал прохладнее. В воздухе висел туман, а не пар.

— *Мы держимся троп*, — отвечал Дрогон.

«А куда эти тропы ведут?» — подумал Каттер.

Услышав чьи-то шаги, путешественники вскинули ружья, но тот, кто шел им навстречу, не прятался и криком предупредил о своем приближении; Сусуллил прокричал что-то в ответ и рванул вперед. Когда остальные нагнали его, он уже радостно жал руку Бехеллуа, из-за спины которого вежливо и осторожно кивали двое оробевших мужчин в лесном камуфляже.

Возвратившийся пастух улыбнулся путешественникам. Земляки погрузились в беседу.

Наконец Сусуллил повернулся ко всем, но заговорил только с Иудой, тщательно подбирая слова, хотя теперь остальные тоже могли его понять.

— Он пришел из лесного города, — сказал Иуда. — Им нужна помощь. Там какая-то опасность… она их уничтожает. Бехеллуа рассказал им о нас, о том, что мы сделали. Они думают, что у нас есть сила. И они предлагают нам кое-что взамен. Если мы им поможем… — Он снова стал слушать. — Если мы поможем им, их бог поможет нам. Даст нам то, что мы ищем. Они говорят, что их бог покажет нам путь к Железному Совету.

Скрытоград оказался горсткой домишек посреди поляны. Каттер меж тем уже представил себе мегаполис на деревьях, где люди перебираются с кроны на крону по веревочным мосткам, а ребятишки по лианам скатываются вам на голову из-под лиственного полога.

Вокруг поселка сохранились остатки частокола. Обитатели Скрытограда в одеждах цвета листвы высыпали навстречу путешественникам. Всюду виднелись в основном просмоленные или прорезиненные палатки. Попадались, кроме того, покосившиеся деревянные хижины, рядом с каждой — сырые дрова и мусорная яма. Жили тут большей частью люди, но кое-где по грязи суетливой пробежкой двигались двуногие жуки ростом с ребенка.

Эти жили в своих кварталах на окраинах и были своего рода фермерами. Они пасли миллионные стада насекомых, арахнидов и артроподов, выводили одно быстро сменяющееся поколение за другим, пока не получали бесчисленную армию муравьев размером с булавочную головку, многоножек длиной в фут и множество разновидностей нелетающих ос. Только им ведомыми путями они превращали своих питомцев в стены, мягко спрессовывая, склеивая и выравнивая живую массу так, чтобы хитиновые оболочки заключенных в ней существ делались чем-то вроде штукатурки. Так они строили бунгало и обустраивали норы, не забывая подкармливать свой строительный материал, чтобы составляющие его насекомые не умирали, но притирались вплотную друг к другу, утопали друг в друге и сливались друг с другом, образуя архитектурные сооружения, целое гетто из живых домов.

Человеческое население Скрытограда говорило на смешанном языке, образованном преимущественно из разных диалектов Галагги с небольшими вкраплениями тешского. У них был вождь с замашками убийцы; Каттер видел, что он знает о своей посредственности и нервничает, оказавшись волею судеб в роли правителя.

Каттер решил, что те беженцы, которые в состоянии позаботиться о себе, в этом поселении не задерживаются. Скрытоград был местом встречи утративших надежду. Неудивительно, что они отчаялись, как неудивительно и то, что стали кормом для какой-то твари.

Бормоча приветствия и кланяясь с напускной любезностью, жители проводили путешественников в низкое длинное строение с вышкой из обтесанных кольев. Строение оказалось церковью, где на стенах были вырезаны или вытравлены символы. Внутри

стояли столы, на них лежали узкие полоски зеркал и папирусные свитки. И еще — облачение из тонкой черной шерсти. Вождь оставил путников, а сам ушел.

Несколько секунд все молчали.

— Какого черта мы сюда приперлись? — сказал Каттер.

Эхо было ему ответом; по углам заметались невесть откуда взявшиеся тени. Каттер заметил, как вздрогнула Элси. Путники сбились в кучу, спиной к спине.

— Здесь что-то есть, — прошептала Элси. — Что-то внутри…

— Я здесь.

Гортанный голос походил на рык. С быстротой бывалых солдат путешественники бросились на пол и стали ждать.

— Кто ты? — спросил Иуда.

— Я здесь. — В голосе слышался акцент, речь была вязкой, точно слова застревали в глотке. Что-то мелькнуло, но слишком быстро, чтобы различить. — Полагаю, вас привели сюда за благословением. Одну минуту. Да, именно за этим. И еще за инструкциями. Вы будете охотиться для них.

Дрогон указал на стол. Шерстяное облачение исчезло.

— Ты говоришь на нашем языке, — заметил Каттер.

— Я малый бог, но все же бог. А вы — воины. В этом все дело, понимаете ли. Вы ощущаете себя воинами?

Казалось, будто голос сочится из стен, доносится со всех сторон сразу.

— Да, они так считают, — сказал Помрой. — А что в этом плохого?

Он медленно озирался — воинствующий безбожник в присутствии божества. Дрогон все заметнее вертел головой, шевеля губами.

— Ничего, — отозвался голос. — Совсем ничего. Только… нечего тебе тут время тратить. У тебя, ммм, у тебя ведь есть дочка от одной шлюхи в местечке под названием Устье Вара. Так что иди. Этот город обречен. Спасешь его от одной напасти, другая навалится.

Помрой то открывал, то закрывал рот. Элси наблюдала за ним. Ее лицо было неподвижно.

— А ты тогда почему здесь? — спросил Каттер.

— Потому что это мой город, который я велел им построить. Я им нужен. Ммм, а ты, ты сомневаешься в Союзе, не так ли, лавочник?

Каттер был поражен. Остальные смотрели на него. Голова Дрогона резко качнулась вперед. Он сделал такое движение, будто плюнул. Бестелесный голос вдруг задохнулся. Послышалась возня, что-то упало, кого-то стало тошнить, все вокруг

содрогнулось, и вдруг, дрожа от напряжения, из-за стола поднялся кто-то в клобуке: худое, покрытое глубокими морщинами желтое лицо, бритая голова, испачканный блевотиной рот, перепуганные глаза.

Она или он постояло с минуту, трясясь, точно от стужи, потом согнулось в приступе рвоты и побежало через всю комнату к столбу, за которым скрылось из виду. Каттер бросился за ним, Помрой — наперерез, но они столкнулись, никого не обнаружив. Человек исчез.

Голос зазвучал снова, гневный и боязливый.

— Не смейте больше так поступать со мной, — сказал он.

Дрогон зашептал Каттеру на ухо:

— *Я нашел его. Вычислил, где он прячется, и приказал шепотом. «Перестань читать»*, — сказал я ему. И велел: *«Покажись».*

— Погоди, мастер, — перебил его Каттер. — Эй, бог недоделанный, — крикнул он вслух. — Как тебя зовут? И почему ты говоришь по-нашему? Кто ты?

Мгновение стояла тишина. Каттер уже начал думать, что человек сбежал, воспользовавшись плащом-невидимкой. Но вот незнакомец заговорил, и Каттер сразу понял, что тот сдался, и не без облегчения.

— Я говорю на рагамоле потому, что учился читать на нем, чтобы постигать скрытый смысл ваших книг. Сюда я попал… как все, просто бежал. Я беженец. Ваша милиция обходит Теш стороной, до поры, но на равнине Катоблепаса они уже побывали. Они атакуют наши города и форпосты. Монастыри Теша. Я монах. Я служу Мгновению Утраченного. Мгновению Сокровенного.

Милиция бесчинствовала в окрестностях Теша. Горожане заперли ворота и до краев наполнили все рвы. Монастырь стоял вне городских стен, в заросшей вереском ложбине. Его не должны были тронуть.

Когда монахи узнали, что на них движется отряд переделанных рабов-убийц, то стали ждать подкрепления из Теша. Дни шли, а помощь все не прибывала; стало понятно, что их бросили. В панике монахи придумали бестолковый план. В монастыре был храм, посвященный Горизонту Множественности, и братия делилась на группы, служившие каждая своему Мгновению, — теперь они должны были превратиться в бригады.

Одни жаждали боя, другие — мученического венца. Монахи Кадмера, Мгновения Исчислений, зная, что им не победить, залегли среди вереска в ожидании вражеских пуль. Монахи Заори, Мгновения Волшебного Вина, допились до предсмертных

видений раньше, чем милиция успела приблизиться к ним. Но Мгновение Голубки послало своих птиц, чтобы те бросились в колеса милицейских механизмов и сломали их; Мгновение Иссушения превратило кровь милиционеров в прах; Фарру и Теке Шезим, Мгновения Забытого Снега и Памяти, объединившись, породили метель.

Но служившие в милиции маги были опытны, офицеры беспощадны, и в конце концов монастырь пал. А когда это произошло, спастись удалось лишь монахам Теке Вогу, Мгновения Сокровенного и Утраченного.

Послушников перебили, но монахам помогла скрыться набожность: нападавшие просто не видели их. Монахи ушли прочь — от пылающих развалин своего храма и от Теша, Города ползущей жидкости, который закрылся от обитателей монастыря, предоставив их своей судьбе. Они ушли в пустыню.

Все это поведал им монах, и Каттер заметил, что ему очень хотелось выговориться.

— Мы скрыты. Нам ведомо сокрытое от прочих. Нам доверены тайны. Мы находим утраченное. Мои ноги быстры; я странствую сокрытыми путями, потерянными тропами. Придя сюда, я велел построить этот дом. Здесь легко быть богом. Каждому, кто приходит ко мне, я рассказываю его тайну, которую он прячет от всех. Поэтому они и верят в меня.

— Как твое имя, монах? — спросил Каттер.

— Курабин. Монах Восьмого кольца Теке Вогу.

— Это мужское имя или женское?

Все засмеялись.

— Нам это безразлично. Вы спрашиваете, мужчина я или нет? — Внезапно голос зазвучал очень близко. — Не знаю.

Мгновение окутывало каждого монаха Теке Вогу, но не задаром. Монахи учились узнавать скрытое и находить потерянное. Но священные знания Вогу имели свою цену. В уплату за покровительство Мгновения посвященный должен был утратить что-то, скрыть это от самого себя, отдать Вогу.

— Я встречал монахов, которые не знали своих имен. Они скрыли их. Другие потеряли зрение. Третьи — семью или дом. А я… когда я покорился Мгновению, от меня скрылся мой пол. Я помню детство, но не помню, кем я был тогда — мальчиком или девочкой. Когда я мочусь, то смотрю вниз, но ничего не вижу. Мой пол скрыт от меня. — Курабин говорил без злобы.

— Значит, ты хочешь, чтобы мы выяснили, что это за штука на вас нападает? — спросил Каттер.

— Не я, — сказал Курабин. — Это они хотят, им нужны защитники. Какой смысл покровительствовать этому сараю?

Путники переглянулись.

— Среди богов ты, видимо, не самый заботливый, а? — поинтересовалась Элси.

— А разве я что-нибудь такое обещал? Они сами построили вокруг меня свой дурацкий город, они вечно что-то у меня клянчат. Я этого не просил. Разве меня кто-нибудь защищал? То, что сделал для меня Теш, могу сделать и я. Гори он ясным пламенем, этот город.

— Раньше ты говорил по-другому… — начал Каттер, но Иуда перебил его:

— А кто ты такой, чтобы судить их?

Он шагнул вперед и уставился на импровизированный алтарь, словно знал, где скрывается Курабин.

— Кто ты такой? — Иуда повысил голос. — Эти люди, которым пришлось бежать от тех, кто хотел убить их только за то, что они оказались соседями Теша, пришли сюда и стали обживать это место, как могли. Они начали все сначала и совершили только одну ошибку: нашли себе бога — в твоем лице. Они обещали нам помощь, обещали указать нам путь. Так давай, рассказывай. Мы найдем то, что угрожает этим людям, и спасем их. А ты найди для нас то, что ищем мы.

С потолка импровизированной церкви громко капало — это лесная сырость проникала внутрь.

— Рассказывай нам, где оно. В жизни не поверю, что тебе все равно. Тебе не все равно. Ты хочешь нам все рассказать. Ты хочешь быть их пастырем. Сам знаешь. Так рассказывай. Мы принимаем твое предложение. Сначала мы убьем для них эту тварь, а потом ты дашь нам то, что обещал.

— Ради вас я ничего не стану выносить из дома Вогу…

— Не прикидывайся благочестивым, ведь ты крадешь у своего бога по мелочи, чтобы впечатлить доверчивых туземцев. Давай говори, где тварь, мы с ней разделаемся, а потом ты скажешь, где Железный Совет.

— Я не ворую, — возразил Курабин. — Я покупаю. В обмен на каждое новое знание я отдаю часть себя. А это больно. Вогу ничего не дает задаром. Когда я узнал о шлюхе и дочери твоего компаньона, меня обожгло, как каленым железом, и я что-то потерял. Что-то ушло от меня и скрылось в складках Мгновения. Я наг перед вами. Что я должен для вас открыть? Железный Совет? Это дорого мне обойдется.

Снова наступила тишина, прерываемая лишь звуком капели.

— Тварь. Где она? — спросил Иуда.

Повисла длинная пауза.

— Подождите, — ответил голос обиженно, но с облегчением.

«Устал быть богом», — подумал Каттер. Он взглянул на Иуду, который стоял перед алтарем, дрожащий и неподражаемый. Каттер чувствовал, что Курабин растерян, сломлен. Когда-то у него была цель, но из-за отступничества монах ее лишился, и вот теперь, перед лицом праведного Иуды, обрел снова.

— Я попробую, — ответил голос, сдерживая приступ рвоты.

Когда Курабин заговорил снова, стало ясно, что ему больно: он говорил как человек, привыкший к страданию.

— Адский пламень. Черт. Я открыл ее. Тварь.

— Что ты потерял? — спросил Каттер.

— Имя человека.

Каттер понял, что этот человек был небезразличен монаху.

ГЛАВА 13

На заре они вышли к болоту. Грязь, неверные тропы, оголенные белые деревья. Над трясиной поднималась испарина. Деревья едва слышно шелестели.

Они пришли — изгои Нью-Кробюзона, Сусуллил, Бехеллуа и крошечная кучка храбрецов из Скрытограда. С ними был невидимый Курабин.

Каттер жаждал звуков. Ему хотелось запеть или засмеяться. Ландшафт игнорировал его, и Каттер чувствовал себя оскорбленным. Он пытался думать о своем присутствии среди этого пространства, но улавливал лишь обрывки мыслей о Нью-Кробюзоне, которые оставлял позади себя. Он засорял то, что было вокруг, остатками того, что было вокруг когда-то.

Иуда шагал впереди. Рядом с ним шел огромный восьмифутовый голем, собранный из поленьев и ножей, которые удалось найти в Скрытограде. Иуда сколотил их вместе, скрепив петлями вместо суставов, а шею кое-как смастерил из шарниров. Вообще-то он мог собрать такую куклу, просто коснувшись поленницы рукой, но голем, держащийся на одной магии, быстро высосал бы из него все силы или рассыпался на куски.

Перед походом Иуда снова слушал восковой цилиндр. *«Не смущайся что мы едва знакомы ведь говорят ты из наших,* — доносилось с него. — *Он умер Узман умер»*. Каттер видел, как опечалила Иуду эта старая весть, и снова задался вопросом, кем ему приходился этот Узман.

— А знаешь, как я стал големистом, Каттер? Я занялся големами задолго до Войны конструктов. Тогда это еще не приносило денег. Таинства големетрии, вот что влекло меня. Дело даже не в материи. Знаешь, что бывают големы из звука? Создать такого сложно, но можно. А голема из тени ты когда-нибудь видел? Вот это, — и он показал на шагающие дрова, — для меня всего лишь побочный продукт. Дело совсем не в нем.

Возможно. И все же они сотворили прекрасное и могучее орудие. Его голова качалась из стороны в сторону, глаза из дешевых бусин ловили первые рассеянные лучи. Ржавые ножи служили голему вместо пальцев.

— Зверь близко, — раздался голос Курабина. В нем звучала боль: монах расстался с чем-то в обмен на это знание.

Каттер поддел ногой кусок чего-то белесого, и тут же ругнулся с отвращением: это были останки какого-то животного. Они снова шлепнулись на землю, испустив облако вони. Каттер споткнулся, а Помрой обернулся и закричал что-то в ответ на

слова Элси.

— Сюда! — снова крикнула Элси, стоя над телом. Каттер заметил на нем жирную пленку — признак распада. Большая часть грудной клетки уже сгнила.

— Джаббер всемогущий, да мы у него прямо в гостиной! — воскликнул Каттер.

— Быстрее! — крикнул Иуда. — Быстрее, сюда!

Стоя прямо на краю трясины, он протягивал руку к юноше, облепленному пиявками. Тот был страшно худ и жевал кусок серого мяса, не поднимая глаз.

Каттер подавил крик. Он разглядел отощавшего мужчину, еле видного за водорослями и ветвями дерева. Мужчина жевал. Рядом с ним стоял тапир. Челюсти животного двигались.

— Иуда, — позвал Каттер. — Иуда, вернись!

Тот обернулся. Тела были повсюду, они не двигались, а только жевали. Мужчины, женщины, дрожащая собака.

Их рты были испачканы несвежей плотью, и от каждого из живых существ тянулось что-то вроде ползучего стебля.

Трясина забурлила, и сгусток, принятый Каттером за кусок дерьма, начал вставать. То, что сначала показалось ему камнями или отверстиями, обернулось глазами — сыпью черных глаз. Тварь поднималась.

Стебли оказались вовсе не стеблями, а щупальцами с присосками на них. Щупальца тянулись к тощим телам мужчин и женщин, детей и животных и впивались в затылок. Пережеванная пища поступала прямо в эти гротескные поводки-внутренности, по которым перистальтировала дальше. Все жертвы твари превратились в безмозглых проводников пищи. А сама она, насыщаясь, висела там, где сходились воедино все щупальца; еще несколько незадействованных болтались, как пустые шланги.

Тварь оказалась крупной, как обрюзгший мужчина, и чем-то отдаленно напоминала жуткого полипа. При этом она не висела на своих конечностях-кишках мертвым грузом, а парила, поддерживаемая то ли газами, то ли магической силой. На ее брюхе Каттер разглядел целый пучок ножек, похожих на крабьи, только невероятно длинных и тонких. Тварь стояла на них, как на высоких стебельках. Что-то капало с нее. Она наблюдала. Вот ее щупальца шевельнулись, и из них высунулись костлявые когти.

Торопливо и до странности изящно тварь засеменила на ножках, которые и держать-то ее не были должны. Ее конечности растягивались: тварь двигалась вперед, не тревожа своих безмозглых кормильцев.

Обитатели Скрыгограда бросились наутек, преследуемые клочьями теплого тумана и щупальцами твари. Та хваталась за

деревья своими когтями, похожими на птичьи, и повсюду на ней появлялись наросты, напоминавшие улиточьи рожки. Свою магазинную винтовку Каттер счел бесполезной и бросился к Иуде. Конечности твари, казалось, заполнили собой все пространство. На конце одной из них Каттер заметил крохотные глазки и пластичное отверстие с кольцом острых зубов, как у миноги.

Каттер выстрелил в распростертое в воздухе тело, попал, но пуля лишь вырвала крохотный кусочек, на месте которого выступили молочного вида капли. Целый клубок щупалец двинулся к нему, — они извивались, точно дерущиеся черви.

— Убейте ее! — заговорил откуда-то Курабин.

Прогремели новые выстрелы.

Каттер услышал слова Иуды:

— Подожди, подожди, — и тут же дерево и кожа замелькали у него перед глазами: это был голем. Он резанул по сплетенным щупальцам и отсек сразу несколько. Остальные обвились вокруг него, впились в затылок. Одна конечность-веревка задергалась. Несколько секунд она вздрагивала, напрягая железы, впрыскивая ферменты в древесину, а потом затихла, точно задумавшись.

Голем сражался по-простому: кромсал пальцами-ножами направо и налево, пользовался всей данной ему колдовской мощью. Из твари полетели клочья мяса, фонтаном брызнула кровь; она споткнулась, и все ее кормильцы, как один, перестали жевать. Помрой подскочил и сунул дуло своего мушкетона прямо в жировую прослойку. Плоть заглушила звук выстрела, но целая горсть пуль изрешетила внутренности.

Но тварь и тогда не упала, а только сбилась с семенящего ритма и завертелась на месте, и тут на нее снова навалился голем. Каттер наблюдал за движениями Иуды. Чудодей едва заметно шевелился, а голем повторял каждый его жест. Мало-помалу он просто разрезал хищника на куски.

Жертвы страшного существа были мертвы либо близки к смерти: слишком долго они служили жевательными машинами для прожорливого хозяина. Сусуллил и Помрой пострадали в бою; виноградарь позволил Каттеру промыть свои раны. Двое скрытоградцев погибли. Один упал совсем близко от неестественно тощих рабов твари, и те смогли дотянуться до него и даже надкусить.

Скрытоградцы набрали трофеев: это были останки жертв, которые вросли в тело твари и служили ей клыками и когтями. Каттер почувствовал отвращение, но пожалел, что не захватил с собой камеру. Он представлял себе снимок: Сусуллил, рядом Иуда, Элси и Помрой с мушкетоном, а он, Каттер, с другой

стороны, рядом с големом, и лица у всех такие спокойные, горделивые, как у заправских охотников.

В ту ночь в длинной хижине Скрытограда состоялась праздничная попойка Мужчины и женщины из племен охотников и собирателей, а также бывшие хелоняне плясали, перепившись самогона.

Крохотные люди-жуки сновали у них под ногами, ничего не говоря и даже умудряясь никому не мешать. Они просто приходили, молча собирали объедки, щупали ткань, из которой была сшита одежда танцующих, и потирали свои усики-антенны.

Сусуллил не отходил от Бехеллуа. Каттер наблюдал за обоими, зная, что ночью они встретятся наедине, и не мог отогнать навязчивую мысль о близости между виноградарями, хотя и сомневался, что такое случится.

Люди за столом рассказывали разные истории. Курабин, бог скрытоградцев, внезапно сделался деятельным, став ближе к ним. Монах невидимкой ходил среди обедающих и переводил.

При его содействии Сусуллил, пастух и виноградарь, поведал им историю лучшего урожая, полученного коленом Предика, когда был выбракован первый самец виносвиньи, а второму, чьи плоды были суше и лучше качеством, позволили покрыть самку. Он описал борьбу, которой сопровождался сбор урожая, и печаль, овладевшую им после гибели кабана. Когда рассказ подошел к концу, ньюкробюзонцы хлопали вместе со всеми.

Наступила их очередь рассказывать, и выбор пал на Каттера. Скрытоградцы тихо запели под бой барабанов, и Каттер, заговорив, стал невольно попадать в ритм. Сначала он замялся, опустил глаза, потом поглядел в потолок и вдруг, упрямый и хмельной, начал, бравируя своей смелостью:

— Это история любви, которой не должно было быть. А длилась она ночь и одно утро. Пять лет назад я нашел мужчину. Мы сидели в портовом кабаке. Я пригласил его к себе домой. В ту ночь мы напились наркочая и шазбы и занялись тем, чего каждому хочется, и нам было здорово.

Виноделы рассмеялись, когда Курабин перевел его слова. Элси и Помрой опустили глаза.

— Потом, ночью, когда он уснул, я перелез через него и пошел отлить, и мне на глаза попалась его одежда. Из кармана выглядывал маленький пистолетик. Я в жизни не видал такой хитрой игрушки, и, хотя это было не мое дело, я протянул руку и вытащил его, а с ним из кармана выпал крохотный значок. Милицейский. Он оказался милиционером. Я не знал, что делать. Из какого он отдела? По борьбе с наркотиками? Или с такими, как я? Так или иначе, я влип. Я даже подумывал застрелить его,

но ничего подобного не сделал. Вместо этого я стал думать: может, мне удастся быстро выпутаться или уговорить отпустить меня по дороге в тюрьму — и еще кучу всяких мыслей. В конце концов я понял, что сделать ничего не могу. И вернулся в постель. А пока я залезал, он проснулся. И мы занялись этим еще раз, — (Снова одобрительный смех.) — А рано поутру опять.

«Я пьян», — подумал Каттер. Ему было все равно.

— Но я, — продолжил он, — все время ждал и думал, как буду упрашивать его или подкупать: теперь-то я знал, что он любит. А потом я встал и выбежал из дома с мыслью, что, может быть, и не остановлюсь никогда. Сяду на корабль, сменю имя, но в тюрьму не пойду — не хочу стать переделанным. Тут я как раз миновал булочную, а потом зеленную лавку и почувствовал, что не могу взять и все бросить. Не могу просто исчезнуть. Поэтому я решил не делать ноги, а купить кое-чего. А потом пошел домой и разбудил его. Мы позавтракали вместе над моей лавкой в Барсучьей топи… и он ушел. Поцеловал меня на прощание и удалился. Больше я его не видел. И все удивлялся. Может, он и не собирался ничего предпринимать. Но по-моему, — по крайней мере, мне хочется так думать, — после той ночи и прекрасного завтрака, который я приготовил: рыба-гриль, острый хаш и фрукты со сливками, цветы на столе, как будто мы женаты, — он просто влюбился в меня по-настоящему на несколько минут. Нет, я серьезно. Я и сам в него влюбился. Как я его любил, когда он целовал меня на прощанье, — в жизни так не любил никого. Потому что он знал, что я знаю, — я уверен в этом, стопроцентно уверен. Это было его подарком мне — наше прощание и его уход. А завтрак — моим подарком ему. Ни до, ни после я никого не любил так сильно, кроме еще одного человека.

Когда стало ясно, что Каттер закончил, пастухи издали что-то похожее на лай, а кое-кто из слушателей зааплодировал. Даже Элси с Помроем чуть-чуть похлопали, правда, Помрой отводил при этом глаза. Глядя, как здоровяк бьет в свои огромные ладони, Каттер испытал внезапный прилив нежности. «Да благословят тебя боги», — подумал он, а Элси даже послала ему короткую улыбку.

Тут он увидел Иуду: големист улыбался не так, как все, ненамеренно и без теплоты, словно идол, и страсть Каттера к нему вспыхнула с новой силой.

Каттер не интересовался богами. В пантеоне Нью-Кробюзона были такие, которым он симпатизировал, обычно по еретическим мотивам: например, Раконог, чьи шуточки казались ему не столько бессмысленным дурачеством, сколько продуманным

ниспровержением устоев. «Ты ведь тоже мятежник, а?» — думал Каттер, пока жрецы в День Раконога проповедовали терпимость к богу-глупцу. Но он не поклонялся никому. Его редкие молитвы были циничны и немногословны. Однако он видел, какое могущество дает Курабину преданность божеству.

Монах находил потерянное и скрытое, хотя и дорогой ценой. Но высокомерие, которое сообщала Курабину такая власть, исчезло из его голоса. Каттер чувствовал в нем перемены. «Монаха надолго не хватит», — думал он.

— Галаггиты, они называют это… «собреч» или «собречин лулсур». Это игра слов. — Голос Курабина то появлялся, то исчезал, по мере того как монах добывал информацию. — «Собреш» означает «ненавистный», а «собр-чи» — «капитан». В моем языке этому нет названия. В Теше… мы не так подробно все классифицируем, как вы.

Каттер расслышал отвращение и ярость в голосе Курабина, когда тот упомянул Теш. Поэтому он совсем не удивился, когда на следующий день, едва все поднялись, Курабин пришел и объявил, что путники пойдут не одни. Что он не просто расскажет им, где искать Железный Совет, но и сам пойдет с ними.

«Отдохнуть хочет, — подумал Каттер. — Одному побыть. С нами. Смелости набирается. Будет находить для нас все больше и больше, любой ценой. Да и какая разница? Зачем ему — или ей — жить? Кому хранить верность?»

Пошел дождь, но не такой, как раньше. Солнечные лучи застыли в каждой капле, точно насекомые в янтаре, и оттого казалось, будто с неба стекает свет. Скрытоградцы махали странникам на прощание.

Сусуллил улыбнулся Каттеру и кивнул.

— Так мы с тобой и не поняли друг друга, а, брат? — сказал с беззлобной усмешкой Каттер.

Курабин — голос его был странным уханьем гермафродита — наскоро проговорил прощальные слова. Никто из жителей города, похоже, не расстроился, что бог покидает их.

Конечно, Каттер понятия не имел о том, что именно он сказал. «Теперь вы сами себе хозяева, и никакие боги вам не нужны, — например, так, — подумал он. — Или наоборот: храните память обо мне, а не то я вернусь и ослеплю вас своей яростью. Или даже так: никакой я не бог, а обычный парень, как вы, только запутавшийся в сетях идиотской религии».

Путники шли на северо-запад, потом на север, все время в гору. День, еще один день пути через медленно остывающий лес.

Подъем становился все круче, деревья вокруг — все ниже и все дальше друг от друга. Из луж пили воду какие-то существа, похожие на отощавших медведей, и другие, размером с кошку, вроде ос с зазубренными крыльями. Каттеру казалось, что он кое-что замечает; он думал, что за ними следят.

Из-за невидимого присутствия монаха отряд двигался теперь по-другому. Первым это заметил Дрогон.

— *Мы слишком быстро идем,* — сказал он Каттеру. И показал вперед, туда, где на горизонте ясно вырисовывался силуэт старого дерева с раздвоенным стволом.

— *Не выпускай его из виду,* — велел он.

Каттер попытался смотреть под ноги, но это сбивало его с толку; почва, по которой они шли, все время менялась, словно тропа перескакивала с места на место. В полумиле от них он увидел дерево на берегу реки. Услышав, как Курабин зашевелился и что-то громко сказал, Каттер пригнулся, чтобы пройти под колючей веткой, а когда выпрямился и сделал еще пару шагов, то остановился, услышав шепот Дрогона:

— *Я же говорил.*

Река осталась позади. Каттер видел, как она блестит сквозь подлесок, он видел старое черное дерево: его ветви торчали вверх и в стороны, точно воздетые в мольбе руки. Дерево тоже оказалось сзади.

И никакой телепортации. При каждом шаге Каттер чувствовал под ногами твердую почву. Его товарищи смотрели испуганно — все, кроме Иуды.

— Чем ты заплатил за них? — спросил големист у монаха. — За эти пути?

— Эти тайные тропы сокращают путь, но о них давно все забыли, — сказал монах. — Иногда Мгновение разрешает мне их найти. Но не всегда. — Голос его звучал устало. — Я же сказал, что доведу вас.

«К чему такая спешка, монах? — думал Каттер. — Тебе ведь некуда торопиться. Чем ты платишь за них, за эти секреты?»

Так они неслись вперед, хотя за весь путь ни разу не прибавили шагу да и привалы делали так же регулярно, как раньше. Скорости им прибавляли каждодневные усилия монаха, магическим способом находившего заветные тропинки. Идя по лесу, они огибали какие-то скалы и сразу оказывались на безводном плато. Леса кругом были такие голые, что просвечивали насквозь; путникам казалось, будто они попали в старый вытертый гобелен.

— Вот сюда… кажется, — говорил обычно Курабин, и стрелки

компасов крутились, как бешеные, когда путешественники преодолевали сразу несколько лиг — быстрее, чем верхом.

Каттер понимал, что Курабин ведет себя сейчас как отступник. Он буквально силой вырывал знания из обители Мгновения. С каждым днем звук его голоса становился все тише.

«Ты хочешь исчезнуть, — думал Каттер; монах лишился Дома и веры, история и родина отвергли его. — Ты хочешь перестать быть. Каждый затерянный путь, который ты открываешь, стоит тебе новой утраты — что-то скрывается от тебя. Тебе все это надоело. И ты выбрал такой конец. Решил придать ему осмысленность».

Их путешествие было медленным самоубийством Курабина.

— Ты же понимаешь, что творит монах, — сказал Каттер Иуде. — Хорошо, если он не исчезнет или не скроется раньше, чем доведет нас до места.

— Мы уже близко, — ответил Иуда.

Тут он улыбнулся, и его лицо осветилось такой радостью, что Каттер поневоле послал ответную улыбку.

Густые травы покрывали землю. Ледниковые впадины с глинистыми отложениями, болота и пыльные равнины чередовались с пологими холмами. Отряд был в пути уже много недель. Попадались руины и мескитовые рощи. Дикие хлеба колыхались на ветру, словно волнующееся море. Монах слабел, таял, но все так же выторговывал знание и вел путников мимо рек, пасущихся стад и сороконожек размером с питона, обвивавшихся вокруг древесных стволов.

Однажды встретились существа, которые вспахивали траву, точно киты мелководье, оставляя борозды, заполненные пылью и цветочной пыльцой. Это были боринатчи, бродяги, копытные номады равнин. Им попался семейный клан: молодняк шел впереди, королева — сзади. Бродяги были куда выше людей. Они продвигались вперед неверным галопом, размахивая негнущимися ногами, точно костылями.

Одна самка повернула к ним дружелюбную морду и помахала, с топотом проносясь мимо. Руки у боринатчей были устроены странно: со стороны казалось, будто они то втягиваются, то снова выходят наружу.

Путники уже давно стали одной командой. Их мускулы окрепли, а выстрелы сделались меткими. Порезы Помроя заросли и потемнели изнутри, превратившись в великолепные шрамы. Элси завязывала непокорные волосы куском ткани. Мужчины отрастили бороды, а свою шевелюру перехватывали сзади кожаным шнурком. Только Дрогон отказывался быть как все и

чисто брился раз в два-три дня. Экономя пули, запас которых таял, путешественники вооружились закаленными на огне деревянными копьями. Каттер решил, что они стали похожи на искателей приключений, флибустьеров равнин.

«Но это только кажется. Мы не просто так слоняемся, а по делу».

— Скоро, наверное, синн? — сказал он. — Или он уже наступил? Я запутался.

На пальцах они попробовали подсчитать, сколько недель провели в дороге.

Однажды вечером на привале Иуда слепил из глины четыре крохотные фигурки и, бормоча заклинания, заставил их танцевать, а его товарищи вместо музыки хлопали в такт. Закончив, фигурки поклонились по команде хозяина, а потом снова рассыпались в прах.

Иуда сказал:

— Я очень вам благодарен и хочу, чтобы вы это знали. — Все чокнулись стаканами с водой. — Я хочу вам сказать… мы так давно идем, что кажется, будто мы только для этого и вышли из дома. Но это не так. Я даже не знаю наверняка, верите вы в Железный Совет или нет. — Он улыбнулся. — Думаю, верите. Но, быть может, для кого-то из вас цель нашего пути даже не в этом. К примеру, ты, Элси, пошла из-за того, что провела какое-то время в борделе, — сказал он, и та, встретив его взгляд, кивнула. — Я знаю, почему ты здесь, — сказал Иуда Каттеру. — И даже ты, Дрогон… ты ведь скиталец… ты покупаешь и продаешь легенды и мечты, так? Именно они гонят с места на место бродяг вроде тебя. Ты с нами потому, что думаешь, будто Железный Совет похож на Марципановый дворец? Рай на земле ищешь?

— Зато я здесь не затем, Иуда Лёв, — сказал Помрой, а Иуда улыбнулся. — Ты очень много значишь для меня, Иуда, я готов умереть за тебя, но не сейчас. Все из-за Нью-Кробюзона. Там слишком многое поставлено на карту. Я здесь из-за того, что, по твоим словам, Совету грозит опасность. А еще потому, что ты можешь ее предотвратить, как я думаю. Вот почему я с тобой.

Иуда кивнул и вздохнул.

— Вот что я хочу вам сказать. Наша цель больше каждого из нас. Железный Совет… — Он сделал долгую паузу. — Он груб, потому что таким его вынуждают быть. Но это тот самый Совет. Железный Совет. А правители Нью-Кробюзона обнаружили его, не знаю как. Мой знакомый, мой старый друг мог с полным правом не говорить мне об этом, но он это сделал, хвала Джабберу! Ньюкробюзонцы нашли его — через столько лет. Столько, что большинство жителей города считают его мифом, а многие

тысячи думают, что он давно сгинул. Хаверим… друзья… Мы спасем Железный Совет.

На следующий день у Курабина состоялся долгий разговор с Мгновением. Невидимый монах плакал, умолял, издавал жалобные звуки.

Наконец Каттер заговорил.

— Монах, — позвал он. — Монах, что случилось? Ты здесь? Или тебя уже нет?

— Теперь известно, где Совет, — ответил Курабин помертвевшим голосом. — Я знаю, где его найти. Но я заплатил за это… Я забыл мой родной язык.

Отныне Курабин мог говорить только на рагамоле, языке путников, составленном из обломков разных наречий.

— Я помню свою мать, — сказал Курабин тихо. — Я помню слова, которые она нашептывала мне. Но что они значат, не знаю. — В его голосе не было ужаса, лишь бесстрастное приятие свершившегося. — Одно потеряно, другое найдено. Теперь я знаю, куда идти.

Они пошли тайными путями. Всю дорогу небо меняло цвет.

В пяльницу равнина осталась позади, и странники осознали, что уже давно поднимаются в гору; почва под их ногами шла резко вверх, а сами они лезли по крутым склонам поросшего каменным деревом холма, где им не хватало воздуха. Впереди их ждала огромная чаша из красного латерита:[7] каньон, который расширялся затем настолько, что не мог оказаться просто долиной. То был широчайший рубец на теле континента. Из-за узкой длинной скалы, похожей на рыбий плавник, валил черный дым, отравляя воздух.

Иуда стоял на краю, смотрел вниз, на дым, который не был признаком степного пожара, и выл. Звук чистейшей дикой радости исторгался из груди Иуды и словно отбрасывал его назад во времени, как будто ни один человек, ни одно разумное существо не имели права на такое беспримесное чувство. Иуда гоготал.

Быстрым, как и прежде, шагом он спустился и, бросив товарищей, устремился вдаль, следуя через прерию по едва намеченным тропам. Каттер нагнал его, но заговорить не пытался. Над сьеррой струился свет, густой, точно сироп.

Кто-то закричал, его слова отдались насмешливым эхом. Это был вопрос, приказ, повторенный на нескольких языках в быстро сменявшейся последовательности — в том числе на их собственном. Рагамоль, в двух тысячах миль от дома. У Каттера захватило дух. Из какого-то укрытия вышли трое человек.

— Стойте, стойте, — кричал один. — Рагамоль понимаете?

Каттер показал пустые руки. Он тряс головой в странном восхищении. Молодой человек говорил со смешанным акцентом: что-то накладывалось в нем на знакомый ворчливый выговор жителей южных кварталов, Собачьего болота, трущобного Нью-Кробюзона.

Иуда побежал навстречу троице: это были мужчина, женщина и узловатый какт. Солнце садилось за их спинами, они отбрасывали длинные тени, и Каттер не видел ничего, кроме силуэтов. Зато они должны были хорошо видеть Иуду, пока тот бежал к ним, спотыкаясь, вскинув руки над головой, весь омытый, затопленный предзакатным сиянием, словно отлитый из янтаря, с лучиками морщин, разбегающимися по лицу. Он смеялся и кричал.

— Да, да, да, мы говорим на рагамоле! — повторял он. — Да, мы с вами! Сестры! Сестры!

Он повторял это снова и снова и был так очевидно неопасен, пребывал в таком экстазе теплоты и радости, что человеческие стражи поверили и шагнули ему навстречу, раскрыв объятия, чтобы принять его как гостя.

— Сестры! — восклицал он. — Я вернулся, я дома, это я. Слава Железному Совету! О боги, Джаббер, во имя Узмана…

Тут незнакомцы вздрогнули. Иуда обнял всех по очереди, а когда обернулся, то из глаз его текли слезы и все лицо расплылось в такой улыбке, какой Каттер никогда у него не видел.

— Мы пришли, — воскликнул Иуда. — Слава Железному Совету! Мы пришли.

АНАМНЕЗ
вЕчНыЙ пОеЗд

С каждым шагом вода и корни растений все больше мешают идти. Время повернуло вспять, и молодой Иуда Лёв бредет по болотам.

— Снова, — говорит он.

Больше ничего не надо. Никаких «пожалуйста», и никакой нужды в них. Этот язык проникнут учтивостью до самых своих глубин. Чтобы нагрубить, надо сильно постараться, да еще и применить неправильные склонения.

— Снова, — говорит он, и крошка копьерук показывает ему свою поделку.

Ребенок морщит бровки — это, кажется, означает улыбку, — раскрывает ладонь, и вылепленная из грязи кукла встает на ножки-стебельки. Пальцами ребенок придает ей окончательную форму и, тихонько напевая мелодию без слов, заставляет двигаться. Глиняный человечек умеет только сгибать и разгибать ножки. Сделав так несколько раз, он лопается.

Они стоят на краю обширного пространства, окаймленного кривыми деревьями, прорезанного разбегающимися в разные стороны водными дорогами, паутиной каналов. Ветви склоняются над водой, и под ними есть тайные проходы, а растительность повсюду такая густая и мощная, так пропитана влагой, что кажется, будто это не листья колышутся на ветках, а вязкие капли стекают с них, приняв на мгновение вид и форму зеленого листа.

Болото подражает любому ландшафту — то растекается широкими лугами, то превращается в лес. Есть места, где грязь наслаивается так долго, что вырастают целые холмы. Корни деревьев, нависая над водой, образуют настоящие тоннели, запутанные и жутковатые. Есть и гиблые затоны, где из вонючей жижи торчат побелевшие остовы мертвых деревьев. Мошки и комары тучами слетаются к Иуде и немилосердно жалят.

Атмосфера болот не подавляет Иуду. Здешний воздух для него — как защитная оболочка. За месяцы, прожитые тут, он научился чувствовать ласку болот. Укусы постоянно гноятся, да еще и понос к тому же, — но Иуда любит эти места. Подняв голову, он смотрит на заходящее солнце сквозь светлые, как разбавленное молоко, облака. Сам себе он кажется не столько человеком, сколько элементом пейзажа — позеленевшим, покрытым плесенью, населенным инфузориями.

С грацией, присущей его виду, ребенок опускает в воду руку. Его пальчики расходятся от центра ладошки, словно лучи. Сжимает он их по-особому: заостренные пальцы заходят друг за друга, как лепестки закрывающегося на ночь цветка, а кончики сходятся в одной точке. Ногти сцепляются вместе, и вот — ладонь подобна наконечнику копья.

Молодой копьерук покидает Иуду Лёва, двигаясь на четвереньках. На ходу он поворачивает голову — мышцы напрягаются на жилистой шее — и безмолвно спрашивает, идет его спутник или нет. Иуда шумно шлепает следом, но копьерук относится к его неуклюжести снисходительно, будто перед ним новорожденный.

Сам он шагает, буквально пронзая поверхность воды копьевидными конечностями и так же легко вынимая их. А Иуда словно тащит за собой все болото, оставляя позади широкий след. Счастье, что родственники этого поросенка вообще позволяют Иуде ходить здесь: своим шумом он то и дело привлекает внимание существ, с которыми лучше не встречаться. Черным кайманам и боа-констрикторам наверняка кажется, что это барахтается в грязи какой-нибудь подранок.

Община копьеруков терпит и даже поощряет его присутствие здесь с тех пор, как он спас двух зазевавшихся ребятишек от хищника. Сам Иуда до сих пор убежден в том, что зверь преследовал его, но отвлекся на двух малышей, застывших на месте, когда животное поднялось перед ними на дыбы из болотной жижи и зашипело. Камуфляжные железы копьеруков начали выделять магоны, способные отвести глаза смотрящему, но поздно: хищник подобрался слишком близко, чтобы принять их за два пенька или что-нибудь в этом роде.

Но тут Иуда закричал, схватил дубину и стал колотить ею в металлический горшок из тех, которые изготовляют особи его вида, и поднял неслыханный для тихих болотных заводей шум. Испугать хищника он не мог: помесь морского льва, ягуара и саламандры с легкостью раздробила бы ему череп одним взмахом острого плавника, — но зверь пришел в замешательство и скрылся между корней водных растений.

Спасенные малыши побежали домой и в лирической арии, наспех сочиненной для пущей убедительности, поведали взрослым о происшествии, и с тех пор Иуду стали терпеть.

Копьеруки редко разговаривают. Иногда они молчат целыми днями.

Их община не имеет названия. Спальни с гамаками, приподнятые над камышами и водой, соединены мостиками, а

остальные комнаты вырыты в мокрой земле. Насекомые размером с Иудин кулак неспешно пролетают мимо, урча, как большие глупые коты. Копьеруки насаживают их на вертел и едят.

У копьеруков пух покрыт жирной смазкой и не пропускает воду: болотная грязь бусинками скатывается с него. Двигаются они, как птицы, переходящие вброд ручей. Они и похожи на птиц, но в то же время на тощих кошек; лица их неподвижны и почти лишены отличительных черт.

Рыжие самцы поют хвалы богам, а коричневые изготовляют орудия труда, строят хатки и трудятся на мангровых фермах. Самки охотятся — они крадутся, так медленно поднимая ноги, что те успевают обсохнуть, пока из воды не покажутся расправленные когти, и ни одна капля не потревожит водную гладь, когда пальцы снова сложатся в стилет, на миг зависающий над своим отражением. Все это — до появления какой-нибудь толстой рыбины или лягушки: тогда конечность стремглав пронзает воду и тут же выскакивает назад с растопыренными пальцами, а добыча наколота на запястье, словно кровавый браслет.

Между домами копьеруки-малыши развлекаются с големами из грязи так же, как в Нью-Кробюзоне дети играют на улицах в шарики и пристенок. Иуда делает записи и гелиотипы. Но он не ксенолог и не знает, как отличить главное от второстепенного. А потому он хочет изучить все: врожденную способность копьеруков к камуфляжу, их големов, травяные настои, умение отделять от времени мгновения.

Он не знает, как зовут копьеруков, не знает даже, есть ли у них имена, но некоторых он окрестил сам по особым приметам: Красноглазый, Старик и Конь. Одного из них Иуда опрашивает чаще всего; тот говорит, что големы — это игрушки, детские забавы, что-то в этом роде.

— Значит, ты их больше не делаешь? — переспрашивает Иуда, и копьерук, фыркнув, смущенно поднимает глаза к небу.

Иуда больше не краснеет от своих оплошностей. Насколько он может судить, дело тут в условностях, а вовсе не в способностях: взрослому копьеруку не придет в голову забавляться с глиняными фигурками, так же как взрослому ньюкробюзонцу — требовать, чтобы его посадили на горшок.

Иуда сопровождает самок. При свете дня их лоснящийся пух кажется покрытым блестящей глазурью. Они набирают целые охапки водяных пауков — каждый размером больше Иудиной ладони. Потом самки доят их и натягивают паутину между затопленными корнями и ветками, превращая ручеек в ловушку для рыбы.

Иуда замечает что-то необычное. Шустрая рыбка-мускул прорывает сеть, сверкая ярко-синей чешуей. И тут Иуда слышит песню — точнее, два-три наложенных друг на друга ритмических выдоха. «Бу, бу, бу, бу», — произносят в такт несколько самок, и рыбка мгновенно затихает. Она замирает, не закончив движения, точно внезапно вмерзнув в лед, и охотница выбрасывает свою руку-копье, причем пение прекращается и, когда рука уже совсем рядом с ней, рыбка дергается, но поздно. Несколько дней спустя Иуда видит это снова: самки собираются вместе и, едва открывая рты, мурлычут отрывок мелодии. Добыча застывает на месте.

В каналах поглубже живут пресноводные дельфины. Эти уродливые твари, судя по их виду, давно уже не знают притока свежей крови. Напуганные фырканьем гигантского крокодила-саркозуха, они прыскают в разные стороны. Детеныш копьерука пытается научить Иуду делать движущиеся фигурки. Молодняк давно уже считает его своим. Иудины фигурки ужасно неуклюжи, и копьеруки смеются, но по-своему — испуская вздохи.

Когда они поют перед своими статуэтками, Иуда добродушно старается подражать им, но помнит о своей роли клоуна и охотно ее придерживается.

— Шалабалу, — говорит он. — Каллам, каллай, каза!

Разумеется, у Иуды ничего не выходит. Сделанные ребятишками фигурки встают и шагают, а его кукла превращается в липкий комочек и падает.

Наступает конец лета, малярийный воздух становится чище. Раздаются выстрелы. При первых звуках далекой стрельбы копьеруки принимают защитный вид, и на несколько мгновений Иуда остается один среди небольшой группы деревьев. Наступает тишина, и обитатели болот медленно принимают свой обычный облик. Их взгляды устремлены на Иуду.

Появляются трапперы, обвешанные тушками мелких болотных тварей. Они исследуют заболоченные земли, собирая с них свою дань.

К одному из них Иуда приближается на десять ярдов, но он уже сам стал болотным жителем, и человек не видит и не слышит его, а только перехватывает поудобнее винтовку и тупо пялится в сторону, на текущую воду. Другой наблюдательнее — одним ловким движением он нацеливает винтовку прямо в грудь Иуде.

— Разрази меня господь, — говорит он. — Еще чуть-чуть, и мы бы тебя подстрелили.

Человек настороженно вглядывается в одежду и бледную кожу Иуды, потом тычет большим пальцем куда-то на север.

— Они там, милях в трех-четырех отсюда. К закату доберутся, — добавляет он.

Болотные твари притихли. Никто не плещется, не возится и не чирикает. Иуда медлит. Настал поворотный момент, и хотя он один виноват в том, что оказался здесь, ему все же нужно закрыть глаза и подумать обо всем — что есть и что будет. Он не даст этому моменту истечь: он пристанет к нему, как брехливая шавка к прохожему, и будет преследовать его, пока время не отползет, обливаясь кровью. Тогда он вернется назад, опечаленный.

— Ну вот, — говорит Иуда.

Теперь он — незаконное дитя времени. Все вокруг содрогается.

Узкая полоса земли, небольшой причал. На краю обширной трясины расчищен уголок — несколько акров колышущейся торфяной почвы, плоской, заваленной мусором. На приручeнном клочке поверхности теснятся палатки, фургоны и землянки с крышами из мха; туда ведет новая тропа. Слышны выстрелы.

Иуда несет в своем мешке подарок и букетик болотных цветов. Он видит группу людей в перемазанных грязно белых рубашках и толстых штанах. Они изучают карты и вглядываются, щурясь, в загадочные инструменты. Они варят еду на кострах, от которых валит черный жирный дым, густой, как след каракатицы. Они небрежно приветствуют Иуду: весь в тине и грязи, он, верно, выглядит духом болот. Переделанные вьючные животные тревожно переступают с ноги на ногу при его приближении.

Встает вождь — старик, крепкий и жилистый, точно пес. Не сводя с вождя глаз, Иуда идет за ним в его брезентовую палатку.

Свет с трудом пробивается сквозь тяжелую ткань. Мебель в палатке простая, из темного дерева, стоит шкаф с выдвижной кроватью — места мало.

Старик нюхает потрепанный букет. Иуда смущен: он совсем забыл городские манеры. Прилично ли дарить пожилому человеку цветы? Но тот нисколько не обижается, а, напротив, с удовольствием нюхает все еще прекрасные цветы и ставит в воду.

Он спокоен. Седые волосы собраны в аккуратную косицу на затылке. У него необычайно живые голубые глаза. Иуда шарит у себя в сумке — телохранители напрягаются и вскидывают оружие — и достает оттуда куклу.

— Это вам, — говорит он. — От копьеруков.

Человек с видимым удовольствием принимает подарок.

— Это божок, — объясняет Иуда. — Резчиков у них нет. Они делают только простые штучки.

В руках у старика — веревочное изображение духа предков. Иуда сделал его сам. Старик глядит в лицо из пеньки.

— Я хочу вас кое о чем спросить, — говорит Иуда. — Я не знал, что вы сами будете здесь…

— Я всегда здесь, когда идет освоение новых территорий. Это священный труд, сынок.

Иуда кивает так, словно ему сообщили нечто драгоценное.

— На болоте живет народ, сэр, — говорит он. — По-моему, я пришел из-за них.

— Думаешь, я не знаю, сынок? Думаешь, я не знаю, зачем ты здесь? Вот потому я и говорю тебе: мы заняты священным трудом. Я пытаюсь уберечь тебя от печали.

— Они совсем не такие, как пишет Шак в своем бестиарии, сэр…

— Сынок, я уважаю «Потенциально мудрых» больше, чем кто-либо другой, и мне ничего не надо объяснять. Давно прошли те времена, когда я считал изложенное в этом груде, скажем так, верным. Теперь все иначе.

— Но, сэр… Мне нужно знать, то есть я хотел бы узнать, как… точнее, где вы собираетесь вести вашу дорогу, потому что эти люди, копьеруки то есть, они, они… я думаю, могут не выдержать того, что вы им принесете.

— Я никому не хочу зла, но, видит Джаббер и все боги, поворачивать поздно. — Голос старика мягок, но от его пламенных слов Иуда холодеет. — Сынок, ты должен понять, что происходит. Мои планы не касаются твоих копьеруков, но если они встанут на моем пути, то будут раздавлены, это так. Знаешь, что перед тобой? Все, кто уже здесь, и все, кто еще прибудет, вплоть до последнего землекопа, до последнего клерка, до последней лагерной шлюхи, повара и охранника, все переделанные, все мы без исключения — миссионеры новой церкви, и в мире нет ничего, что могло бы прекратить наш священный труд. Я не желаю тебе зла. Это все, что ты хотел мне сказать?

Иуда смотрит на него в тоске. Его губы шевелятся в попытке произнести слово.

— Когда? — удается ему вымолвить наконец. — Какие у вас планы?

— Думаю, ты и сам знаешь о моих планах, сынок. — Старик спокоен. — А вот когда?.. Спроси у холмов. А еще спроси у духов и божков своей трясины, сколько тонн чистого песка и гравия способны они проглотить.

Он улыбается, трогает Иуду за колено.

— Ты уверен, что больше ничего не хочешь сказать? Я

надеялся услышать от тебя кое-что другое, но если бы ты хотел, то уже сказал бы это. Спасибо тебе за божка, и передай своим копьерукам мое уважение и глубочайшую благодарность. Я скоро увижусь с ними, ты ведь понимаешь, правда?

Он указывает на стену, где висит карта. На ней обозначены земли от Нью-Кробюзона до порта Миршок, включая Строевой лес и болота, и еще пространство внутри континента на несколько сотен миль к западу. Подробности отсутствуют: это неизученная территория. Но центр болота косо заштрихован.

— Я знаю, что с тобой происходит, сынок, — говорит старик, и в голосе его чувствуется неподдельная доброта. — Немало я повидал на своем веку людей, которые отуземились. Но это все надуманное, сынок, хотя сейчас тебе, наверное, кажется иначе. Однако я не собираюсь читать тебе мораль. И обвинять тебя тоже не буду. Скажу тебе лишь одно: это поступь истории, и твоему племени лучше отойти в сторону.

— Но черт побери! — восклицает Иуда. — Это же не пустая земля!

Старик смотрит на него озадаченно.

— Пусть выйдут из болота со своей вековой мудростью и преградят путь истории, которую я несу. Если смогут. Я не против.

Вернувшись в сердце болот, к копьерукам, Иуда не знает, что им сказать. Ветки деревьев смыкаются за его спиной: ненадежное укрытие, он это знает.

Ребятишки снова пытаются обучить его игре в големов. Прежде ему не удавалось ни одно, даже самое маленькое колдовство, и он уже стал считать себя бездарностью. Но вот, когда он пытается заставить глиняную куклу двигаться, взрослый копьерук подходит и кладет руку ему на грудь. Иуда открывает глаза и чувствует, как все внутри переворачивается. Неизвестно отчего — то ли от прикосновения, то ли от болотной влаги, то ли от сырой пищи, которую он ел долгое время, — но он ощущает в себе невиданные ранее способности и с изумлением замечает, что его глиняная модель движется, хотя и совсем чуть-чуть. Маленькие копьеруки одобрительно гудят.

— Сюда идут, — говорит он вечером; копьеруки только смотрят и вежливо слушают. — Сюда придут люди, они засыплют ваше болото. Они разрежут ваши земли пополам, и вам негде будет жить и охотиться.

Иуда вспоминает карту. Третья часть болота аккуратно заштрихована чернилами. Это значит, что пейзаж преобразится, деревьев не станет, миллионы тонн щебня переместятся с места

на место.

— Из-за вас они не остановятся. И планов своих не изменят. Уйти придется вам. Идите на юг, подальше отсюда, туда, где охотятся другие кланы.

Долгое время все молчат. Потом негромко раздаются короткие слова:

— Там охотятся другие. Мы им не нужны.

— Но вам необходимо уйти. Если вы останетесь, люди принесут вам разорение. Кланы должны объединиться и укрыться где-нибудь.

— Мы укроемся. Когда придут люди, мы будем деревьями.

— Этого мало. Люди будут осушать ваши земли. Они засыплют вашу деревню.

Копьеруки глядят на него.

— Вам надо уходить.

Они останутся.

Все последующие дни Иуда кусает локти. Он делит с копьеруками трапезы, наблюдает за ними, делает записи, гелиотипирует их жизнь, но страх, день ото дня нарастающий в его душе, подсказывает ему, что он готовит племени посмертный памятник.

— Бывают сражения, — отвечают ему копьеруки на вопрос о войнах. — Три года назад мы воевали с другим кланом, и многих наших убили.

Иуда спрашивает сколько. Копьерук поднимает обе руки — по семь пальцев на каждой, — сжимает и разжимает ладони, а потом прибавляет еще один палец. Пятнадцать.

Иуда качает головой.

— Погибнет больше ваших, куда больше, если вы не уйдете, — говорит он, и копьерук тоже качает головой: он перенял жест от Иуды и очень этим гордится.

— Мы станем деревьями, — говорит он.

Иудины фигурки уже могут танцевать, и с каждым днем делают это все лучше. Теперь он лепит из глины и торфа кукол ростом в фут. Он не знает, что именно происходит по его воле, и как ребятишки-копьеруки научили его этому, и что вложил в него тот взрослый, но Иуду приводят в восторг его новые способности. Его создания даже побеждают других в соревнованиях големов.

Это занятие радует Иуду, но и раздражает — слишком оно походит на бегство от реальности. Раз или два он делает попытку уговорить копьеруков уйти с ним в глубину болот. Он недоволен своей неспособностью подобрать нужные слова, чтобы сдвинуть

болотных жителей с места. В конце концов, говорит себе Иуда, это их культура, их жизнь, их природа — значит, им и отвечать. Но он понимает, что это самообман.

Иуда ощущает себя шестеренкой в механизме истории. Как бабочка, насаженная на иглу, он трепыхается, но деваться ему некуда.

Грохот доносится до них все чаще, а залпы охотничьих ружей не стихают ни ночью, ни днем. Иуда делает открытие. Он наблюдает, как копьеруки окружают амфибию величиной с теленка, хором поют ей свое «ах, ах, ах» и на полсекунды, не больше, амфибия застывает в сгустке времени. Тогда Иуда осознает, что ритм их заклинания перекликается с детской песенкой для управления големом. В сущности, тот же самый заговор, только разбитый на части и многократно усложненный.

Иуда одержим заклинаниями. Ему хочется законсервировать момент их произнесения, заморозить звуки, разъять их на части. Но все, что он может, — это записать их со слуха как можно ближе к оригиналу, а затем выяснить, как звуки связаны между собой.

Иуда работает быстро. Он чувствует, как внутри него словно затягивается узел. Красноглазый, с которым они почти подружились, помогает ему.

— Мы делаем фигуры, которые двигаются. Все, и молодые, и старые, только по-своему.

И Иуда понимает, что детские песенки — простое притворство: главное — руки. Ритмические песнопения охотников выполняют ту же работу, которую дети делают пальцами. Одно сродни другому.

Издалека доносится ритмичный грохот стройки.

Первым погибает молодой копьерук — с перепугу он забыл, что надо сохранять защитный вид. Его подстрелил траппер, тоже напуганный мельканием чего-то необычного — не то животного четырех футов росту, не то ствола гниющего дерева. Он не знал, кого подстрелил, и лишь по счастливой случайности да еще благодаря врожденной осторожности перед неизвестным не съел ребенка. Маленькое тело обнаружили члены клана.

«Они уже у озера», — подумал Иуда и представил, как бесчисленные вагонетки с землей, камнями и песком опорожняются в воду, постепенно стирая болото с лица земли.

Время пришло. Пора уводить клан подальше от этих мест, уговорить их скрыться. Другой возможности не будет. Но Иуду не слушают. Вечер за вечером он твердит одно и то же: здесь опасно, надо уходить, это не последняя смерть, — все без толку. Тогда он сдается и отстраняется. И снова превращается в наблюдателя.

Копьеруки негромко спорят между собой. Им не хватает пищи. Рыба и звери, на которых они охотились, либо ушли, либо задохнулись. В болото просачивается отрава: отходы жизнедеятельности тысяч мужчин и женщин, протекающие уборные, чистящие кристаллы, порох и наспех вырытые могилы загрязняют все вокруг.

В следующий раз трапперы застигают врасплох одинокую самку. Гул стройки не стихает ни на миг.

Возвращается группа охотников-копьеруков: они пытаются рассказать о том, что видели. Болото вычерпано до дна, что-то надвигается. Иуда знает, что теперь там работают паровые экскаваторы, а рабочие прибывают с каждым днем.

— Один пытался навредить нам, — говорит копьерук и показывает собравшимся отнятое им ружье.

На оружии — пятна крови. Они убили человека, и Иуда понимает, что теперь спасения для них нет. Их время вышло. Они этого не понимают. Свет солнца уже не для них. Все кончено. Иуда яростно учится, чтобы хотя бы в своих заметках сохранить этот народ, воздать ему последние почести.

После этого убийства на копьеруков открывается охота.

Рыжие самцы разворачивают своего запеленатого бога и несколькими ударами резца превращают его в духа мщения. Они воскрешают культ смерти. Избранные самки и коричневые самцы окунают свои руки-копья в отраву, которая убивает, проникая в тело сквозь мельчайший порез, но ровно через сутки она просочится сквозь кожу самих мстителей и убьет их, так что им остается лишь стать неистовыми воинами-самоубийцами.

Иуда видит плавающие в зеленых болотных окнах трупы ньюкробюзонцев, покрытые ранками от уколов копьеруков и раздувшиеся от яда. Если его заметят рядом с обитателями болот, то в обход всякого закона, но при всеобщем одобрении предадут медленной и мучительной смерти как предателя своей расы и своего города. Храбрецы-копьеруки устраивают засады на строителей дороги.

Группами по трое или четверо они убивают людей и кактов. За каждую пару рук-копий объявляется награда. Через несколько дней на болотах появляются новые люди — охотники за скальпами. Отбросы сотен культур, они бросают вызов всякому обществу, одеваясь в невообразимые лохмотья. Иуда наблюдает за ними из-за деревьев.

Жадное до кровавых денег отребье из Толстоморска и Хадоха, пираты-какты из Дрир-Самхера. Есть среди них и водяные, подонки из Чарчельтиста и Нью-Кробюзона. Одна семифутовая

женщина орудует двумя цепами и притаскивает множество мертвых копьеруков. Поговаривают, будто прибыл даже один гессин в полном вооружении. Ведьма с берегов пролива Огненная Вода добывает немало руккопий и, собрав из них устрашающий букет, погружается в охотничий сон, чтобы изгнать терзающих весь лагерь демонов сновидений.

— Уходите подальше, — снова говорит Иуда, и те, кто еще уцелел в поселении на болотах, прислушиваются к нему.

Они уходят на юг. Красноглазый говорит Иуде, что они найдут приют среди нового смешанного племени, куда вошли уцелевшие копьеруки из всех кланов.

— Я тоже скоро пойду, — говорит ему Иуда.

Красноглазый кивает — еще один жест, перенятый от человека.

В поселении нет больше детей, никто не делает големов. Остались лишь взрослые, а они более всего ценят воинскую доблесть, похваляются добытыми головами противников и ставят ловушки. Скрежет машин, перемалывающих камни, не стихает, стройка подходит все ближе.

Однажды Иуда встает, собирает свое добро — заметки, образцы, гелиотипы и рисунки, — покидает деревню и по лабиринтам водных путей направляется в зону строительства. Он потерпел поражение. Время обогнало его.

У края новой вырубки он встречает десятника, который кричит на рабочих. Иуда останавливается и смотрит. Мелкие, примитивные, не похожие на людей, они меняют при этом облик земли.

Десятник кивает Иуде, когда тот проходит мимо, и говорит:

— Это не озеро гребаное, это чертов кусок дерьма. — И харкает в черную воду. — Жрет и жрет песок, тонну за тонной, и все — как в бездонную бочку.

Лесорубы и сигнальщики, звеньевые, трапперы, инженеры, землекопы; какты, водяные, люди и переделанные. С лопатами и пилами, заступами и тачками. Трясина отступает под их напором.

Люди, какты и переделанные тачку за тачкой подвозят гипс и смешанную с гравием землю, затем опрокидывают их с края насыпи в воду. Паровой экскаватор безостановочно сыплет туда же один ковш за другим. Вода поглощает все. Водоросли, листья, пыль, зелень — защитный наряд болота исчез, осталось лишь непрестанно ширящееся кольцо воды. С чавкающим звуком груды земли и гравия уходят в глубину.

— Видишь? Видишь? — восклицает десятник. — Эта гребаная

дыра глубже, чем у шлюхи.

Когда-то здесь была трясина, и грязь засасывала все живое быстрее, чем удав проглатывает свою жертву. Груды камня, которые сыплют с подножия холмов, вздымаются все выше среди густой жижи. Благодаря им вода не размывает кучи земли и гравия. Так создается суша. По обе стороны от нее валяется истребленная попутно материя: лиственницы, мангровые деревья, охапки гниющей травы и кубышек. Плоская земляная лента в двадцать ярдов шириной, по бокам которой нет ни единого дерева, уходит в бесконечность сквозь мокрый подлесок, и по всей длине этой ленты Иуда видит повозки с землей и камнетесов, холящих и лелеющих ее.

Здесь же раскинулся целый палаточный город. Мулы, переделанные в амфибий, возят телеги. Иуда идет по насыпи. Там и сям из земли поднимаются обрубки свай, а за ними шевелит своими пальцами трясина. Насосы воют, осушая каналы, которые превращаются в грязевые коридоры, а им, в свою очередь, предстоит стать ложем для камней. Здесь трудятся бригады кактов, чьи могучие мускулы так и переливаются под колючей кожей.

Повсюду полно переделанных. На обычных людей — вольнонаемных работников, аристократов тяжелого труда, — они даже не глядят.

Ни один переделанный не похож на другого. Двух одинаковых Иуда не видел за всю свою жизнь. Их тела таковы, что трудно себе даже представить. На дорожном полотне трудится человек, передняя часть туловища которого сплошь покрыта тощими руками, взятыми у живых или у трупов. Рядом с ним прикован высокий человек; он стоически претерпевает мучения — в его грудь вшита живая лиса, которая бьется там в непреходящем ужасе.

А вот человек-краб, закованный в металлический панцирь, из-под которого валит дым. Или женщина — ибо и они попадаются среди переделанных, — превращенная в подобие водосточного желоба, к которому, словно после раздумий, добавили органические части. А вот мужчина — или тоже женщина? — чья плоть колышется в воде, выбрасывая чернильные пятна, точно осьминог. Люди с лицами в неожиданных местах, с телами из металла и резиновых трубок, с паровыми механизмами и лапами животных. У одного вместо рук — поршни во всю длину тела, служащие для ходьбы, у другого — обезьяньи лапы ниже пояса.

Переделанные таскают и возят тяжести, их надсмотрщики нередко пускают в ход кнуты. Дорожное полотно тянется сквозь чащу, ему не видно конца.

— Мой копьерукий друг, — говорит старик, приветствуя Иуду. — Мой копьерукий друг, я рад снова тебя видеть. Ты к нам насовсем? — (Иуда кивает.) — Я рад, сынок. Так лучше. Как поживает твой клан?

Иуда поднимает на него холодный взгляд, но не замечает никакого злорадства. Вопрос старика не подначка.

— Его больше нет, — отвечает Иуда, переживая свою неудачу.

Старик кивает и поджимает губы.

— Покажешь нам их жилища? — спрашивает он. — Надо будет снести. Нельзя сохранять места, куда они могут вернуться. Ведь здесь встанет город. Да, да. Мы стоим на подпочве поселения, которое назовут Большим Узлом или Большой Развилкой — я еще не решил. Деревню копьеруков я мог бы превратить в музей под открытым небом, чтобы с Паровой площади туда отправлялись пешие экскурсии. Но я предпочитаю разорить ее совсем. Ты мне покажешь, как ее найти? Если ее оставить, наверняка найдется копьерук, который пожелает вернуться; дети подрастут и захотят найти места, где они когда-то играли.

— Покажу.

— Молодец. Я понимаю тебя и восхищаюсь тобой. Тебе пришлось кое-что пережить, и я тебя за это уважаю. Ты нашел то, что искал? Я помню наш первый разговор. Ну, когда я пытался нанять тебя? Мне было кое-что от тебя нужно, ведь тебе кое-что было нужно от этой трясины, от копьеруков, так? Ты нашел это?

— Да.

Старик улыбается и протягивает руку, Иуда вкладывает в нее пачку свернутых карт, записей, материалов о болотных жителях. Старик молчит о том, что информация запоздала. Он просматривает листы и не говорит, что сведения недостаточны, что Иуда плохо выполнил свою часть договора. Еще один человек входит в палатку и торопливо рассказывает о каком-то споре, о просроченной дате. Старик кивает.

— У нас столько проблем, — говорит он. — Десятники недовольны городским магистратом. В городе просто не понимают, что мы тут делаем; присылают переделанных, которые ни на что не годятся. Забитые сваи ломаются. Сдерживающие стены вспучиваются, настилы рушатся. — Старик улыбается. — Ничего удивительного. Ну что ж, добро пожаловать назад. Остаешься у меня на жалованье? Или вернешься назад в город? Оставайся. Мы еще поговорим. А сейчас мне надо идти. Мы и так долго здесь проторчали: равнина позади, пожиратели ржавчины нас догнали. Они уже за деревьями.

Он прав. Иуда встречает их, пройдя совсем немного назад по полотну дороги, которое чем дальше, тем ухоженнее. В покоренной земле есть своя красота. Дорога, по обе стороны которой колышется трясина, — настоящее чудо.

За поворотом Иуда видит новых рабочих. Им уже не надо бороться с деревьями — бригада, выравнивающая болотистую почву под полотно, позаботилась об этом. Рабочие движутся в неповторимом рваном ритме созидания.

Толпа ползет навстречу. С частым стуком ложатся на землю шпалы, что-то трещит, как будто рвется материя, — это сползают с вагона-платформы металлические рельсы, люди и переделанные подхватывают их клещами и обманчиво-легким движением укладывают на место; тут же подходят здоровяки с молотами и слаженно, точно музыканты в оркестре, забивают костыли. А позади всех что-то огромное и шумное выпускает пар и следит за каждым их движением, непрестанно подталкивая вперед. Это поезд прячется в глубине мангровой рощи.

Много месяцев прошло с тех пор, как Иуда встретил старика впервые. Яни Правли. Безумный Яни, Железный Мастер. Встреча произошла в офисе ТЖТ, во время найма персонала, куда все остальные молодые люди явились в накрахмаленных рубашках и подтяжках.

Там были студенты университета, сыновья клерков, ищущие приключений богачи и мечтающие разбогатеть юноши вроде Иуды, уставшие от рутины подмастерья из Собачьего болота и Звонаря, чье воображение воспламенили истории для детей и книги о путешествиях.

— Много десятилетий я желал этого, — сказал Правли.

Он говорил убедительно. Добровольцы с уважением относились к этому человеку, втрое старше их самих. Богатство не подавило в нем личности.

— Дважды я ходил на запад разведывать маршрут, — продолжал он. — И оба раза, как ни печально, вынужден был вернуться. Туда мы и поведем наш путь. Там наша главная задача. Сейчас, на юге, мы лишь разминаемся. Это только начало.

Тысячи миль железнодорожного полотна, через горы, леса и болота. Иуду впечатлила страсть Правли. Даже его богатство, вложенное в такое дело, могло истощиться.

Правли ощупал Иуду, словно врач, простукал ему грудную клетку. Он лично раздавал должности, формировал бригады.

— Будешь доставлять сведения с болот. Там придется непросто. Надо знать, чего нам ожидать.

Вот как попал туда Иуда.

Первый рейс из Нью-Кробюзона. Команда из инженеров, жандармов, ученых и оборванных разведчиков, с дружеским снисхождением взиравших на длинноволосого Иуду. Их путь начался в двух-трех милях к западу от Нью-Кробюзона, под усиленной охраной. Врытый в землю город посреди равнины, бесконечные ряды запасных вагонов, веер железнодорожных путей.

Склады, способные вместить корабль, горы гравия, тес из Строевого леса. Толпы людей и кактов; хепри, беспокойно вертящие жукообразными головами; баржи с отверстиями в днищах, полные водяных; представители более редких рас. Кругом колыхались целые сады разнообразных конечностей. Повсюду заключались сделки, подписывались контракты, назначались встречи. Переделанных загоняли и грузили на зарешеченные платформы, точно скот. Железная дорога уходила вдаль, в ничейные земли за краем Строевого леса, пролегая через скалы, взорванные при помощи пороха.

Весна подходила к концу. Дирижабли летали туда и сюда над головами: с них изучали местность для прокладки маршрута. Иуда разглядывал пустошь из окна вагона.

Поезд был битком набит новоизбранными: вольнонаемные рабочие разместились на деревянных скамьях, переделанные ехали в зарешеченных вагонах. Иуда сидел вместе с другими топографами и слушал стук колес. Простые коротенькие поезда, ходившие в пределах Нью-Кробюзона, разогнавшись, сразу начинали тормозить перед следующей станцией. Им не хватало времени набрать хороший ход и уж тем более удержать его, а потому этот звук, стук идущего на полном ходу поезда, был Иуде внове.

Они миновали деревню: странное и уродливое зрелище. Запасные пути подходили к ней вплотную. Иуда разглядел старые мазанки бок о бок с наскоро сляпанными деревянными домами. За последний год поселение увеличилось по крайней мере втрое.

— Лихорадка какая-то, — сказал один землемер. — Долго так не протянется. Через пару лет они тут взвоют. Каждый дерьмовый городишко, мимо которого мы проходим, платит Правли деньги, или же какие-нибудь гангстеры из Нью-Кробюзона прибирают его к рукам и тоже дают на лапу. А все ради того, чтобы через город прошли рельсы. Не все выдержат такую гонку. Некоторые города скоро умрут.

— Или будут убиты, — отозвался другой, и все засмеялись. — Они начали строиться еще до того, как мы разведали землю. На

западе есть местечко, называется Целебное, так его, видите ли, построили люди из Трансконтинентального железнодорожного треста самого Правли. С ним самим и маршрут разрабатывали от Толстоморска до Миршока, город из ничего построили. С нуля. Он на полпути отсюда, перед болотной развилкой. Но только в тресте открылись махинации, один Джаббер знает какие, и Железный Прав с теми людьми теперь не разговаривает. Поэтому мы меняем маршрут, и никакая дорога в Целебное не придет. — Землемеры рассмеялись. — А город уже стоит. Новехонький, современный. И совершенно пустой. Самый молодой город-призрак в Рохаги.

Иуда представил себе мюзик-холлы, общественные бани, куда не заглядывает никто, кроме вьюнков да пыли.

Поезд остановился у новопостроенного города, и к вагонам хлынули торговцы с тележками. Они предлагали дешевую еду, дешевую одежду, отпечатанные ручным способом путеводители со всякими небылицами и карты новых земель. Продавали там и железнодорожные газеты. Иуда купил одну — листок под названием «Дом на колесах», плохо отпечатанный, кишевший орфографическими и синтаксическими ошибками. В нем преобладали жалобы рабочих, недовольных преимущественно дерзостью переделанных, юмор «ниже пояса» и рисованная порнография.

Рельсы свернули на юго-запад, мимо взбаламученной грязи и мусора на месте временного поселка рабочих, в скалы и степь. Однажды поезд пересек ущелье по новому мосту, который качался под ним. Иногда дорога огибала слишком крутые склоны, но в основном рельсы были проложены прямо, любое отклонение считалось просчетом. Там, где камень становился на дыбы, его взрывали, прокладывая тоннели, закопченные паровозным дымом. С запада на поезд смотрели горы. Это были Бежекские Вершины, опоясанные тенью. Когда поезд снова начал замедлять ход, оказалось, что это конец дороги.

Выяснилось, что в диких землях обитают люди — женщины в нижних юбках, запачканных землей холмистого края. Некоторые несли на руках ребятишек. Неожиданно их набрались целые сотни, и все они скопились в палаточном городке вблизи блестящих рельс. Проститутки странно смотрелись на фоне пустынного ландшафта.

Солнце село, загорелись костры. Иуда думал о тех, кто остался позади, о мертвых, больных и убитых, о детях, брошенных или задушенных, одним словом, похороненных вдоль дороги. Поезд замедлил ход, проезжая мимо скотины на выпасе:

жилистых полукровок, отчасти переделанных, — специально выведенные стадные животные. В этой помеси было больше всего козьего, судя по узким вытянутым глазам: звери довольствовались скудной едой — трава, мелкие кусты. Наконец за городом шлюх и стадами скота показался вечный поезд.

Обходя стороной рабочие бригады, Иуда шагал вдоль поезда. Это был состав, превращенный в город, или, наоборот, промышленный город, вставший на рельсы. Работа кипела там, где рельсовое полотно обрывалось и начиналась ничейная земля. Там проходила подвижная граница Нью-Кробюзона. Величайший город Бас-Лага, точно разбухающее чудовище из металла, вытягивал длинный железный язык, облизывая им города в долине.

А потом настали дни странствий за пределами железной дороги. Партия, с которой шел Иуда, оставила шпалоукладчиков позади. Рабочие срубали деревья, распиливали и обтесывали бревна, складывали их в груды и волокли к месту укладки. Дальше рельсов не было, только осколки камней, сложенные в насыпь. Раньше, когда они шли по шпалам, им казалось, будто они шагают по ступеням горизонтальной лестницы; теперь под ногами была лента дороги. Она пролегала через холмы и поднималась над ложбинами. До землекопов, которые соорудили эту насыпь, было еще далеко.

Пять дней они не видели никого, кроме птиц. Вокруг был зловещий горный пейзаж — изрезанные речными руслами каменные склоны. Изъеденные ветром скалы походили на стелы, случайно покрывшиеся барельефами. Дорожная насыпь тянулась, как нескончаемая руина, как остатки городской стены. Они услышали шум и подошли к отверстию в горе.

Строители уже пробили вход. Рядом с ним располагался лагерь с людьми, другие люди появлялись из недр горы, толкая перед собой тачки с обломками ее внутренностей.

Паровые экскаваторы сюда не добрались — слишком далеко от Нью-Кробюзона. Да и скала, наверное, была очень твердой, хотя Иуда не отказал себе в удовольствии представить, как штуковина величиной с вагон и с буром вместо носа пробивает ее насквозь и выходит с той стороны. У строителей в этой глуши не было ничего, кроме заступов да пороха, и они устраивали ложе для рельсов, которые придут сюда лишь месяцы спустя.

Переделанные с поршнями и молотами вместо рук и ног глохли от шума, который сами производили. У одного вместо рук была пришита пара огромных кротовых лап. Толку от них здесь

не было никакого, но рабочие превратили переделанного в свой талисман, так что он сидел в глубине тоннеля и подбадривал всех песнями. Жандармы ТЖТ несли стражу.

— Куда вы направляетесь? — спросил их главный надзиратель.

— На юг. В Толстоморск, на равнины.

— В болото, — добавил товарищ Иуды по разведочной партии.

— В болото, — повторил за ним главный. — Вот смеху будет, когда железная дорога туда доберется. Что за чертовщина, а?

Иуда улыбнулся. Его товарищ расхохотался. Семь недель спустя он испустит дух в лапах болотной лихорадки, Иуда останется один. Тогда, вспоминая гелиотипы и гравюры с изображениями низменных земель, Иуда представлял себе шныряющих между деревьями тварей, сочащиеся водой растения и покрывающую все грязь, местами густую, точно цемент.

Насыпь кончилась. Они догнали землекопов, которые убирали излишки земли там, где местность вставала на дыбы, и добавляли земли там, где она прогибалась слишком сильно.

Строительство шло на уступах, врезавшихся в холм. Он был похож на ступенчатую груду земли, но которой вверх и вниз сновали разнорабочие и вьючные животные. Клубилась лёссовая пыль. Несколько часов работы — и ступени превратились в пологую плоскость. Там, где был холм, пролегло ущелье.

«Бригады рабочих рассыпались по равнине, точно бусины беды», — подумалось Иуде.

И вот Иуда снова здесь. Вечный поезд догнал его, пройдя через болота.

Самое темное из болот расползается по карте, как нефтяная пленка по воде, но в него уже вторглись. Насыпь, усиленная подпорами из камня, проведена прямо в болотное нутро. На ней сияют рельсы. В прогалине между деревьями Иуда видит черный столб паровозного дыма.

Подходят поезда с припасами: они везут шпалы, солонину и черные чугунные рельсы. С одним из них Иуда может вернуться домой, в Нью-Кробюзон. Но в тишине болот он принял новое решение. Ничто еще не кончено. Ему рано возвращаться.

Насыщенная водой почва тормозит работу, и все бригады — землекопы, шпало- и рельсоукладчики — сходятся в одном месте, прямо перед вечным поездом. Вирмы роются в отбросах. Все, кого кормит стройка, сбиваются в кучу. Палаточный город окружает вечный поезд со всех сторон. В нем есть палаточные пивные,

палаточные дансинги, палаточные публичные дома, сборные домики из дешевого дерева, цирки — все для отдыха рабочих.

— Я был там, — говорит себе Иуда, глядя на болота. И продолжает: — Мне пора домой, но… но… — Ему трудно сказать, почему он не уходит. Грандиозность этого вторжения притягивает его.

Он возвращается в заброшенную деревню копьеруков. Там все разваливается, постепенно уходя в болотную грязь.

Желание отправиться в глубину суживающегося пространства болот, на поиски копьеруков, еще не иссякло в его душе. Но он человек, а копьеруки теперь убивают ему подобных. Попытка вспомнить былое не приносит Иуде удовлетворения. Он чувствует себя опустошенным.

Иуда наблюдает за землекопами. Словно чайка или птица-падальщик, он следует за медленно тянущимся поездом. Безжалостная трясина позволяет удлинять пути не больше чем на двадцать ярдов в день. А осень не ждет.

На границе болота, в палаточном городе и его жалких пригородах, кипит торговля, развивается примитивная промышленность. Там полно беглых, безработных, старателей, верховых бродяг с пистолетами, и чем дальше в глубину равнин уходит дорога, тем их становится больше. Приходят какты, водяные, ллоргисы, хепри и еще более загадочные создания: двуногие ракообразные в клобуках, как у монахов, какие-то твари с великим множеством глаз. Корыстные искатели славы, отбросы десятков цивилизаций.

— Как я могу вернуться, — говорит Иуда одному из них, бросая кости, — пока эта штука, поезд, находится здесь? Как?

Он стал бродягой, слоняющимся по городу-спутнику парового чудовища. Таких, как он, там тысячи, мужчины и женщины, многие без работы. Жалкая армия резервистов плетется по следам вечного поезда. Они просят милостыню за спинами жандармов.

Иуда лепит големов из грязи, которую находит в конце уложенного пути. Дорога не отпускает его.

Деревни, мимо которых проходит дорога, становятся богатыми и смертельно опасными — беззаконие, пороки, шлюхи, выпивка — в те несколько дней или недель, что идет строительство. Потом они умирают. Города живут чуть дольше.

Секс — такая же часть стройки, как выравнивание грунта, забивание костылей, скотоводство и бухгалтерия. Палаточный город проституток, сбежавших из нью-кробюзонских кварталов красных фонарей, повсюду следует за растущими путями и их

строителями. Мужчины называют это поселение Потрахом.

Появление поезда меняет все. Столетиями в чахлых лесках жили люди. Фермеры и охотники, отшельники и трапперы воевали между собой; местные племена и скрывающиеся от властей Нью-Кробюзона поселенцы-сектанты торговали и заключали договоры. Переделанные бежали в местные степи и становились беспределами. Теперь вся эта деятельность стала явной, и слухи о ней достигли Нью-Кробюзона.

Из города начинается массовый отток старателей, которые добираются по железной дороге до этой глуши, а потом пешком идут туда, где, по их предположениям, есть горное молоко, драгоценные камни или заряженные могуществом кости чудовищ. Открыли для себя эти места и беглые преступники, а за ними — их поимщики. Все они, исследователи и подонки, а также любопытствующие со всего континента, оставляют на новооткрытых землях свой след. Словно притоки громадной реки или пронырливые корни плюща, их маршруты ответвляются от железной дороги и снова впадают в нее. Путь Иуды не исключение.

Милю за милей бредя вдоль путей, Иуда понимает, что находится в неглубоком шоке. Каждую ночь он видит во сне копьеруков, слышит их отрывистый говор, дыхание с равномерными паузами. В снах они приходят к нему окровавленные, без рук.

Иуда шагает день за днем, проходит по мосту на опорах, кишащему рабочими и увешанному гроздьями переделанных с руками обезьян. В конце ветки пути внезапно ныряют в пыльную сланцевую котловину, где расположился город Так-Так. Как только не называют его первопроходцы: Мясорубкин, Картежинск, Дыроглазов и Пройдошинск.

В казино рабочие-путейцы играют бок о бок со щеголями в черных шелковых шляпах, при отделанных серебром кремневых пистолетах: это игроки, картежники, случайные люди. Одни приезжают из Нью-Кробюзона, Миршока и Толстоморска, куда должна прийти железная дорога, другие из более отдаленных мест. К примеру, вот этот какт — из Шанкелла; безымянный водяной, поговаривают, из Неовадана; Корош, шаман, — с пустоши Глаз Дракона, его традиционный плащ в виде черепахового панциря дополнен широкими брюками и гетрами.

Иуда смотрит, как они приветствуют друг друга и делают ставки.

— Корявая Шея, — говорит Корош на безупречном рагамоле. — Последний раз мы виделись в Миршоке.

— Иуда видит, как он отстегивает от пояса оружие, которое носят на его пустоши: булаву, усаженную шепчущими ракушками-каури.

Костей и карт здесь десятки видов. Есть кости с шестью, восемью, двенадцатью гранями, скособоченные кости, о которых никогда нельзя заранее сказать, как они упадут. Карты тоже непривычные: семи мастей; четырех, но непривычных — языки пламени, колеса, замки и черные звезды; а то и вовсе без мастей, с одними картинками.

Среди искателей приключений есть женщины: Фрей, чья улыбка беспощадна и прекрасна; Роза в соблазнительных платьях цвета крови, — она обмахивается металлическим веером с заточенными кромками. Через неделю после приезда в Так-Так Иуда встречает переделанного, хотя с такими замашками он может быть только беспределом, существом вне закона: опираясь на руки и волоча за собой нижнюю часть тела, которая шевелится, точно клубок насмерть сцепившихся змей, он обходит жандармов, а те притворяются, будто не видят.

Джек Змеиное Гнездо, — слышит Иуда шепот у себя за спиной. — Джек Большая Ставка.

Джек ползет в заднюю комнату, где наверняка играют по крупной, ставки принимают от кого угодно, а на закон кладут с прибором.

Иуда не хочет играть. Вместо этого он пробует подворовывать. Он делает из палочек голема и отправляет его под стол, на котором лежит самый большой куш. Кукла подходит к стулу удачливого игрока в черно-серебряном костюме, по прозвищу Стань-Первым, у локтя которого непрестанно растет гора векселей и фишек. Затем голем взбирается на перекладины и усаживается прямо под сиденьем. В казино полно народу, все кричат, и никто, кроме Иуды, не видит крохотной фигурки.

По его команде голем пытается открыть сумку игрока. Одно стремительное движение, красная вспышка, едкий запах серы — и голем превращен в горстку тлеющих углей. Сгусток дыма и пламени скользит по спине игрока и скрывается у него за пазухой. Все вскакивают, но Стань-Первым делает успокаивающий жест.

Иуда моргает. Разумеется, человек столь рискованной профессии, да еще и такой состоятельный, не может обойтись без защиты. Он не полагается на ведунов игорного заведения, вынюхивающих незаконное колдовство. У него свой демон-защитник. Выиграв столько, сколько хотел, Стань-Первым поднимается из-за стола и подходит к бару, где угощает выпивкой всех желающих и рассказывает истории о своих карточных

поединках, о местах, в которых побывал, и о том, как новая дорога привела его назад, в Нью-Кробюзон.

«Он перематывает дорогу обратно, — думает Иуда. — Отсчитывает назад милю за милей, точно карты».

— Сэр, я хочу пойти с вами.

Стань-Первым добродушно хохочет над угрюмым, покрытым синяками юношей вдвое моложе его самого. Игрока не надо долго уговаривать: ему лестно иметь собственного лакея. Он одевает Иуду в соответствующий костюм и учит ездить на муле, которого покупает специально для него.

— Теперь ты мой пленник, — говорит игрок.

По заросшей полынью и вереском степи они переезжают из одного придорожного городка в другой, время от времени выходя к дороге и ее строителям. Рельсы меняют ландшафт: деревья становятся реже, звери — пугливее.

Иуда больше не делает големов, разве что оставаясь в одиночестве. В пути Стань-Первым — сама любезность и красноречие, но стоит им прибыть в город, где есть возможность сыграть, как он начинает изображать хозяина, заставляет Иуду стоять за его стулом во время игры и подавать носовые платки и конфеты. Иуда — такая же часть его облика, как бархатный пиджак.

Игроки все время одни и те же. Иуда уже знает их манеру игры. Какт Корявая Шея — угрюмый грубиян, которого терпят лишь потому, что он играет хуже, чем думает сам. Красотка Роза услаждает взор и слух. А есть еще Жакар Казаан, и О'Кингхерст, и водяной Шечестер, и другие, и у каждого — своя излюбленная игра. У Стань-Первым есть демон, но и другие защищены — при помощи заклинаний, духов-хранителей или прирученных элементалей воздуха, обитающих в волосах. На глазах у Иуды шулеров и плохих игроков отстреливают и забивают до смерти.

Однажды ночью Стань-Первым проигрывает больше денег, чем Иуда видел в своей жизни, а два дня спустя отыгрывается, возвращая все с лихвой. На кон ставится что угодно: любовь, оружие, набальзамированные экзотические существа, но чаще всего — деньги. Иуда зажиливает пару монет, когда может. Он уверен, что хозяин знает об этом.

В степи Иуда также обязан сожительствовать с хозяином. Он не возражает: ему все равно, с кем быть, с мужчиной или с женщиной. В своей душе он находит самородок сострадания и чувствует, как тот растет. Это зародыш некоей благодати.

В сутках пути от железной дороги они слышат весть о приближении игроков из Мару'ахма. Все взволнованы.

— Я игрок по жизни, — говорит в ту ночь Стань-Первым. —

Нет такого вида или стиля игры, с которым я не сталкивался: я играл с простыми людьми, с нумерологами, гадающими по числам, с выпускниками академий, где учат искусству повышения ставок. И всегда выигрывал больше, чем проигрывал, иначе меня здесь не было бы. Но Мару'ахм… Я был там однажды, давно, и вот что я тебе скажу: Мару'ахм — рай для игрока, и если меня посчитают достойным, я попаду туда после смерти.

Мару'ахм, где казино и власть слились воедино.

— Понятное дело, там всё для тех, кто любит рулетку, да детские картишки и кости, но и настоящих картежников тоже не обижают. Десять лет назад, в тысяча семьсот семидесятом, я играл там так, словно сама Фортуна в меня влюбилась. Я все поставил на кон: и коня, и пистолеты, и жизнь — и все равно продолжал выигрывать. А потом пошли ставки, какие только в Мару'ахме принимают: я выигрываю закон за законом, играю в гранд-бридж и черную семерку, пока весь королевский Парламент в полном составе не является в казино — а дело уж ночью было, — и тут я ставлю на большой закон о собственности, сажусь против одного шустрого в картах королевского сенатора и наконец проигрываю, но замечаю, как он вытаскивает из рукава припрятанные карты и ими отыгрывает все законы назад, и тогда я вызываю его на дуэль, — я, конечно, не великий боец, но обидно было, — и вот мы стреляемся, с десяти шагов с поворотом, весь город сбегается поглядеть, болеют в основном за меня, уж мой-то закон о собственности им был бы на руку. До сего дня я уверен, что сенатора убил кто-то из них, а не моя пуля. Я-то никогда хорошим стрелком не был.

И он улыбается.

Нет игроков лучше мару'ахмцев, а они всегда и везде играют по своим правилам. Все, кто хочет играть с ними, собираются в условленном месте. На этот раз встреча назначена в крохотном городке у слияния рек, в сутках пути от железной дороги. Горожане шокированы при виде такого количества распутников на своих улицах: хорошо одетые мужчины и женщины с изукрашенными орудиями смерти заполняют таверны. Они привозят с собой иностранные вина, которые сначала продают хозяевам заведений, а потом покупают у них назад; они растлевают местную молодежь.

Настала зима. Выпал снег. До Иуды доходит слух о том, что строители дороги сели и не движутся — ждут погоды. Он чувствует, как что-то грызет его изнутри. Дорога — как Фраза, написанная на земле, и он должен расшифровать ее, но не может.

Что-то необычное прорывает тяжелые снежные облака. Это игроки Мару'ахма летят на диковинном корабле-змее, настоящей

живой твари, вертлявой, пернатой, с брюхом, отливающим перламутром. Приземлившись, существо мигает своими глазами-фарами и изрыгает пассажиров на землю. На них отделанные нефритом и опалами комбинезоны, а в руках — карты; пришельцев возглавляет принцесса. До жути наигранно она воздевает руки и с сильным акцентом кричит на рагамоле:

— Давайте играть!

Местные жители устраивают сельский праздник с танцами, но развлечение выходит топорным и неуместным. Повсюду гремят кости и круглые фигуры шатаранга — в четком, как стук колес, ритме. Мягко шелестят карты.

Стань-Первым садится за стол с одним неторопливым ребисом, картежником-гермафродитом из Мару'ахма, который не спеша обыгрывает его сначала в баккара, потом в зубастый безик и покер. Щелчком пальцев хозяин приказывает Иуде принести горячий шербет, но его бравада вульгарна. Он-она только улыбается.

Распечатана колода семиугольных карт, и начинается неведомая Иуде игра. Партнеры переворачивают карты, некоторые из них отбрасывают, из других крест-накрест выкладывают на столе цепочки.

Другие игроки появляются и исчезают, делают ставки по какой-то туманной системе, проигрывают, а банк все растет, и только Стань-Первым с гермафродитом сидят за столом неизменно.

Каждая ставка причиняет хозяину Иуды физическую боль. Собирается толпа. Одним поворотом карты мару'ахмский игрок выигрывает жизнь сторожевого демона своего противника, и дух появляется в облике крошечной обезьянки. Обзывая Стань-Первым всякими дурными словами, она вцепляется ему в лацканы пиджака, и те дымятся, но обезьянка лопается, оставив после себя лишь кучку сажи. Стань-Первым приободряется и выигрывает горсть часовых камней, но в следующем раунде он-она берет тройную взятку, и игроку остается только охать. С каждым проигрышем он словно истончается. Все труднее становится угадать, что у него на уме.

Стань-Первым становится агрессивным. Он выкрикивает ставки:

— Ставлю коня, год моих мыслей, ставлю своего слугу!

Он показывает на Иуду, тот мигает и качает головой: я, мол, тебе не вещь, — но поздно, ставка уже принята, Стань-Первым делает ход и проигрывает, Иуда больше ему не принадлежит. И парень пускается в бега.

На своем тощем муле Иуда поворачивает назад, к железной дороге, по пути пересекая следы охотников и трапперов. При нем деньги, которые он украл.

Иуда проезжает сквозь пустые оболочки городов, в которых всего месяц тому назад бурлила лихорадочная жизнь путейского лагеря. Он едет вдоль ручьев, вздувшихся от таяния снега. Укрывшись среди холмов, он наблюдает за дорогой и за стремительно мчащимися поездами, что оглашают мрачным ревом окрестности и везут к еще живым городкам ловцов удачи.

На четвертый день пути Иуда обнаруживает, что ребис, которому он проигран, идет по его следу. Слухи распространяются с ошеломляющей скоростью. Поэтому Иуда снова поворачивает на юг, поближе к трясине, где зима остановила стройку, и там, в ущелье, находит бандитский город. Равнины внезапно оказались переполнены ими, неспособными к труду беглыми преступниками. К тем, кто испокон века представлял угрозу для честных людей, присоединились те, кого на большую дорогу выгнали паровозы. Они — источник беспокойства.

В таверне Иуда нанимает стрелка по имени Масляный Билл, чью правую руку, в прошлом инструмент для обслуживания моторов, оружейных дел мастер превратил в латунный ствол с раструбом, чтобы увеличить площадь поражения. Пистолетчик против того, чтобы Иуда бежал: он отработает полученные от хозяина деньги, стоит только игроку-андрогину нагнать их. Решающая схватка происходит в замерзшей зимней пыли. Как только обитатели разбойничьей деревни разбегаются в стороны, игрок выпускает стайку кинжальных голубей, которые бросаются на Билла и принимаются рвать его когтями. Но тот с невиданной для Иуды скоростью — часовой и пружинный механизмы перезаряжают его орудийную руку — стреляет, и птицы разорваны в клочья: перья еще кружатся в воздухе, а мару’ахмец уже лежит мертвый в луже крови.

Дальше Иуда бежит с Масляным Биллом. Он не делает големов, стараясь стряхнуть воспоминания о копьеруках и железной дороге. Нов разбойнике он ощущает ту же жажду приблизиться к ней, что и в себе самом. Однако страсть бандита не столь сложна, как его собственная, и потому Иуде она кажется более чистой. В глубине души, под пленкой внешнего спокойствия, он знает, что должен понять железку.

Они платят в одних тавернах, грабят в других. Масляный Билл поет песни бродячих бандитов. Иуда развлекает его, делая големов — больше он ничего не умеет — из еды на столе и

заставляя их танцевать. Он пытается ритмично дышать, подражая копьерукам.

На равнине в каждом доме свои законы, и если у хозяев хватает сил, то пришельцев заставляют их соблюдать. Правосудие Нью-Кробюзона сюда не дотягивается. Нью-Кробюзону еще не нужны эти места, город не направляет сюда милицию: право блюсти закон и наказывать его нарушителей он передал ТЖТ, Яни Правли и его монопольной железной дороге. Здесь единственный закон — воля жандармов ТЖТ, но они либеральны до беспощадности и сторожат лишь несколько рудников и торговых точек.

В соответствии со своей репутацией Билл всегда нападает первым, и потому он убивает снова и снова. Каждый Раз, когда это происходит, жертвой становится какая-нибудь мразь вроде задиристого пьянчуги, пугающего всех подряд своими заколдованными шевелящимися татуировками, и все же наказание кажется Иуде чрезмерным. Иуда разглядывает труп, догола раздетый беспризорниками.

Тварь, зарождение которой Иуда чувствует в себе давно, сгусток беспокойства, начинает помахивать хвостом. Его компаньон ему не нравится.

Однако Иуда не расстается с Масляным Биллом, да и сам становится похож на бандита в своем пыльнике, а однажды даже меняет своего мула на краденую лошадь — ведь в одиночку Билл никогда не уйдет от дороги прочь. Они бродят по замерзшим холмам. Билл то и дело выводит их к рельсам.

— Смотри сюда, видишь вон там старые такие вагоны, они везут припасы для рабочих, прямо в болото. А те, другие, которые мы видели, для зевак из Нью-Кробюзона, которые приезжают посмотреть на дикий край, а вон тот, другой, с пулеметом позади паровоза, — на нем рабочим привозят жалованье.

И Билл улыбается. Иуде становится любопытно. Попытки ограбить железную дорогу бывали и раньше. Энергичные и смелые налеты устраивали бродяги на лошадях и в экипажах, а также беспределы, снабдившие себя лишними парами ног. Такие, мчась со скоростью поезда, на ходу убивали стрелков, брали вагоны на абордаж и скрывались с деньгами.

План Масляного Билла может и сработать. Он простой, без изысков, а еще Масляный Билл не испытывает ни страха, ни почтения к железке. Другие пытались подпилить опоры моста, чтобы поймать поезд в ловушку: Билл хочет взорвать мост, пока поезд едет по нему. Он хочет объявить военные действия. Тупая простота плана поражает Иуду почти до восторга.

— Мост у прохода Серебряная Кишка, — говорит Масляный

Билл, чертя по грязи. — Чертова штука, больше ста ярдов в длину. Мы спрячемся под ним и, как только поезд въедет на мост, подожжем фитиль и смоемся. Этот кусок дерьма наверняка такого не выдержит и завалится.

Суть плана в том, что после взрыва поезд перевернется и рухнет на промерзшие скалы, пролетев футов сто, и хотя много денег пойдет псу под хвост: что-то сгорит, двери вагонов заклинит при падении, часть банкнот будет испачкана кровью паровозной бригады и пассажиров, — но самородок-другой наверняка вывалится. Еще часть банкнот разнесет по ущелью ветром, а тут придет Масляный Билл да и соберет все, что сможет найти.

Дальше этого амбиции Масляного Билла не идут. Вор поталантливее наверняка постарался бы забрать из сундуков все монеты до единой и никогда не стал бы затевать бессмысленную бойню. Масляному Биллу все равно, что большая часть денег останется лежать в разбитом поезде, ему бы свою долю урвать, так что беззаботная жестокость его плана может сработать.

Внутри Иуды шевелится зародыш чего-то — не совести, но неясной добродетели. Иуда еще чувствует себя независимым от него, но чувствует, как тот гложет его изнутри. Он не хочет принимать участие в планах Билла, но не может одолеть бандита, а потому все время изображает безразличие, даже когда они крадут порох и возвращаются через Серебряную Кишку мимо зимних кактусов и выветренных черных скал к несущим конструкциям моста и его деревянным аркам, закладывают заряд в мерзлую, точно каменную, землю под самыми опорами, причем Билл обращается с ним так небрежно, что Иуда бледнеет. Наконец дело сделано, Билл засыпает, и Иуда может что-то предпринять.

Бросив коня, он карабкается по отвесной скале вверх, Цепляясь за камни одеревенелыми от холода пальцами, боясь оступиться. Он бежит целый день, пока не находит близ железной дороги хижину сигнальщика ТЖТ, у которой сбрасывают мешки с почтой проходящие поезда.

— Жандармы, — говорит Иуда, размахивая руками в знак того, что он безоружен. — Мне надо кое-что им передать.

Не проходит и суток, как Иуда возвращается на новом животном, следуя в миле позади патруля ТЖТ. Достигнув опор моста, он видит, что двое жандармов погибли, а порох Билла рассыпан.

Самого Билла нигде нет. Патруль оставил у моста охрану. Иуда смотрит на охранников с презрением. Разношерстная

команда производит далеко не тот эффект, что милиция Нью-Кробюзона. Это простые добровольцы, отличающиеся от прочих бродяг и искателей удачи только оружием и поясами цветов ТЖТ. Они понятия не имеют, как догнать Масляного Билла, да и желания такого не испытывают. Назначена награда за его голову, и это все.

Пока Масляный Билл на свободе, Иуда в опасности. Поэтому он присоединяется к охотнику за головами.

Поначалу Иуда полагает, что его компаньон — человек, но, услышав, как тот утробно хрюкает, неестественно сгибает шею и прикрывает глаза, принимая задание, понимает, что ошибся. Животное под ним лишь отдаленно напоминает коня: это мутант в лошадином обличье, который прикидывается обычным животным. Охотник стреляет из мушкета с фитильным замком, который плюется и ворчит и оказывается то ружьем, а то и арбалетом. Назвать Иуде свое имя охотник отказывается.

Так, один на лошади, другой на мутанте, скачут они через исполосованную рельсами степь — еще дикую, но уже несущую в себе семена цивилизации, точно горное озеро, в котором зародилась микроскопическая жизнь. Четыре дня идут они по следу Масляного Билла, читая условные знаки в специально заколдованной пыли, и наконец охотник настигает бандита в карьере. Белый камень помечен насечкой из пересекающихся линий, которые складываются в решетку как раз у бандита над головой.

— Ты! — кричит тот Иуде с яростью глупца, которого предали, но наемник убивает его на месте. Затем оружие охотника за головами пожирает труп.

«Быть может, и я стану таким», — думает Иуда и едет с охотником дальше. Они путешествуют из города в город, преследуя тех, кого не хотят ловить жандармы. Останавливаясь на станциях ТЖТ, они внимательно читают объявления о тех, за чьи головы назначена награда. Охотник не просит Иуду остаться с ним, но и прочь тоже не гонит. Он говорит свистящим шепотом, до того тихо, что Иуда не может понять, насколько хорошо охотник владеет рагамолем.

Тот убивает или калечит жертв иглами, выпущенными из ружья, или живыми сетями, или внезапными горловыми звуками и оттаскивает тела к придорожным станциям, где получает за них награду, но с Иудой не делится, хотя ничего и не требует от него. Счет обезвреженных похитителей овец, насильников и убийц неуклонно растет, денежки текут рекой. И хотя нечеловек убивает только всякую мразь, новая сущность в душе Иуды неспокойна.

Три дня скачут они через бедную каменную пустыню. Сгустки

камня рассыпаются в прах под копытами лошадей, точно тающие комья тумана. Перед ними открытый карьер, где лежат тела подрывников и жандармов, и вход в тоннели. Там, внутри, валяются полые кости давно издохшего зверя-божества. Костный мозг превратился в руду, и среди нее живет маленькое племя думателей.

Кости бога хочет забрать концерн «Стрелолист». Но упрямые думатели перебили рудокопов и никого не пускают к себе. Жандармы дали охотнику задание — изгнать первобытных людей.

Иуда наблюдает, как его спутник распаковывает свои химикаты. Он старается сохранять самообладание. Кругом неподвижность: ни птиц, ни облаков, ни даже пыли. Время тоже как будто остановилось. Иуда оборачивается и чувствует, как оно медленно возобновляет свой ход, пока охотник за головами смешивает масла и дистилляты в огромном котле, подвешивает его над костром, протягивает ко входу в пещеру кожаный шланг и закрепляет его на месте при помощи резины и шкур, которые запечатывают вход. Ночь идет на убыль. Рыжие отблески костра и медного котла то и дело ложатся на лица Иуды и охотника. Тот смешивает яды.

«Думатели в горной утробе, должно быть, ждут. Наблюдают», — думает Иуда. Они наверняка знают: что-то будет. Не в силах ничего с собой поделать, Иуда вспоминает копьеруков и их бесполезное сопротивление. Он спокоен, но червь сомнения гложет его, а странное создание внутри него — не совесть, но добродетель, чувствительность ко злу — разворачивается в полную силу. Он вздыхает.

— Лежать, — приказывает он ей. — Лежать!

Но странная тварь не унимается. Она шевелится внутри Иуды, вырабатывая гнев и отвращение, которые совершенно точно не принадлежат ему, но пропитывают его насквозь, так что Иуда разделяет их поневоле. Они прорастают внутри. Иуда думает о детенышах копьеруков и о думателях, притаившихся внутри небольшой горы.

Химикаты кипят и соединяются, а охотник продолжает добавлять вещества, пока красноватая жижа в котле не покрывается пузырями, которые, лопаясь, выделяют газ и едкий жирный дым, утекающие в пещеру. Охотник ждет. Ядовитый дым с воем втягивается в тоннель, жижа в котле яростно бурлит.

Гнев окончательно овладевает Иудой. Еще секунду он мешкает, но осознание того, что за это время целый кубический ярд смертоносного газа успел войти в тоннель, жжет его, как огнем, и он подходит к костру с наветренной стороны и опускает

левую руку под крышку, в самый дым. Охотник за головами смотрит на него, пораженный, ничего не понимая.

Газ горячий и едкий. Кожа на ладони Иуды сразу лопается, и он кричит от боли, но не убирает руку, а превращает свой крик в заклинание и собирает всю энергию, которой он научился управлять, и все умения, подсмотренные у других, собирает в прозрачнейший самородок ненависти и мести, а потом выталкивает его наружу в таком могучем и чистом катарсисе, какого не испытывал никогда в жизни. Магическая энергия вырывается из Иуды и создает голема.

Голема из дыма, газа и отравленного воздуха.

Иуда падает, сжимая изувеченную руку. Из котла по-прежнему валит дым, но не всасывается в тоннель, а задерживается у кромки и сворачивается в отравленный клубок, а еще дым вытягивается из-под навеса и трубы обратно. Дым выползает из котла, протягивая полупрозрачные лапы, похожие на львиные или обезьяньи, которые то появляются, то исчезают; облако встает над котлом, шевеля двумя, тремя, четырьмя, одной лапой, потом они все пропадают, и газовая туча то ли идет, то ли катится, то ли летит против ветра прямо к охотнику за головами, повинуясь приказу, вымученному Иудой.

Он еще никогда не создавал ничего столь громадного. Голем получился неповоротливый и нестабильный, порывы ветра вырывают из него куски, так что он съеживается на ходу, но все же достигает охотника. Тот палит в голема, как будто не видит, что пули пролетают насквозь, пробуравливая в бесплотном существе узкие ходы с тянущимися из них спиральками газа, а Иуда за спиной голема двигает руками, заставляя его идти. За големом тянется шлейф газа. Он сжимает охотника за головами в своих объятиях, так что тот против воли должен дышать составляющей его субстанцией. Кожа нечеловека, все нежные внутренние мембраны покрываются нарывами и лопаются, и охотник захлебывается собственными разжиженными легкими.

Когда нечеловек испускает дух, Иуда велит тающему голему подпрыгнуть повыше и отдает его на волю ветров; голем, подергиваясь, улетает. Иуда перевязывает руку и снимает все ценное с трупа. Тот едва заметно пахнет газом.

Иуда не знает, какую часть поселения думателей успел отравить газ. Да, сегодня победа осталась за ним, но это ненадолго. Он знает, что концерн «Стрелолист» все равно заставит ТЖТ послать на это кладбище нового охотника за головами: тот придет, увидит следы неудавшегося отравления и этот труп. Думателей все равно сотрут с лица земли и вычеркнут память о них из всех анналов, но участвовать в этом Иуда не

будет, даже наоборот — он хотя бы попытался противостоять этому.

Думатели обречены. Иуда жалеет, что не может ничего оставить для них. Вот если бы сделать для этих скал гигантского стража и погрузить его в сон — пусть проснется сам, когда будет нужен. Нелошадь умершего нечеловека сбегает в скалы, оставив пятно лишайника в форме животного.

«Здесь для меня все кончено, — думает Иуда; его руки дрожат, он весь дрожит. — Я убил человека или кого-то, очень на него похожего». Усилия, которых потребовало от Иуды колдовство, поддержание формы голема и, наконец, убийство, истощили его. Его трясет от страха и трепета перед совершенным: он убил человека, он сотворил голема не из глины, а из сгустившегося воздуха. «Все кончено для меня в этих дичающих землях. Это из-за нас они дичают». Он сам не верит тому, что сделал.

Иуда разбивает горшки, затаптывает дотлевающие угли и поворачивает назад, к железке.

Он бежит — железная дорога магнитом притягивает его. В каком-то богом забытом месте он наталкивается на еще не законченное земляное полотно. Его лошадь устала и дрожит в снежной пыли. Иуда направляется к холмам, в деревню, вблизи которой идет строительство.

Хотя рабочие всем обеспечены и палаточные бордели раскинулись даже здесь, вдали от поездов, землекопы и взрывники наведываются иногда в деревню козопасов, где за ними наблюдает Иуда. Несмотря на неодобрение старших, местные девушки гуляют с мужчинами из Нью-Кробюзона, а когда их родственники пытаются побить чужаков, то сами оказываются побитыми. Им остается лишь зализывать раны и молча терпеть вторжение.

— А что мы можем поделать? — говорят поселяне. Они заражены вялостью и долготерпением.

Необычайное спокойствие владеет Иудой с тех пор, как железная дорога прошла сквозь сто любимое болото. Точно сквозь стекло смотрит он на мир.

Для пастухов он — источник рассказов о городской жизни. Те не возражают, когда Иуда разбивает рядом с ними свою палатку. Они благодарны Иуде за то, что он не такая скотина, как мужики с вечного поезда. На ломаном рагамоле они задают множество вопросов.

— А правда, что от дороги молоко киснет?

— А правда, что от нее детишки помирают в утробах

матерей?

— А правда, что от нее рыба в реках дохнет?

— Как зовут дорогу?

— Я был там, где ее конец, — отвечает Иуда; вопрос: «Как зовут дорогу?» — приводит его в замешательство.

Он находит молодую женщину из местных, которая соглашается лечь с ним. Ее зовут Анн-Гари. Она несколькими годами моложе его, дикая и хорошенькая. Иуда думает о ней как о девушке, хотя ее восторги и пристальные взгляды, как кажется ему порой, больше пристали зрелой расчетливой женщине, а не юной простушке.

Иуда хочет взять Анн-Гари с собой — все равно она потеряна для своей семьи и деревни. Таких, как она, немало — двое-трое юношей и множество девушек, наэлектризованных появлением крутых рабочих парней и огненным дыханием паровозов. Родители обливаются слезами, а девицы продают скот строителям на мясо или меняют его на побрякушки из резных раковин, сделанные в железнодорожных мастерских. Юноши-пастухи вступают в бригады землекопов и засыпают русла рек. Девушки находят другие возможности.

Анн-Гари не принадлежит Иуде; он не может ее удержать. Их первая встреча состоялась, когда она была распалена дорогой и бросила свою девственность к его ногам со страстью, которая, как знал Иуда, не имела к нему никакого отношения. Он выжал все из тех нескольких дней, когда девушка принадлежала ему, и никому больше, словно старался запомнить ее как любовь всей своей жизни. С его стороны в этом не было никакой аффектации, только проигрывание роли; он дарил себя ей. А она, повиснув на Иуде, все время смотрела через его плечо, будто искала еще чего-то — не лучше, но больше. Скоро у Анн-Гари появились друзья. Она стала приходить к Иуде в деревню, принося запах Других мужчин.

Ее рубленый рагамоль изменился. Девушка стала пользоваться сленгом, нахватавшись у молотобойцев городских словечек. Иуда чувствовал, что за ее опьянением свободой скрывается холодный беспощадный интеллект и жажда знаний. Он показал Анн-Гари големов, которые выходили у него все сильнее и крупнее. Те позабавили ее, но не больше, чем тысячи других вещей.

Среди обитателей лагеря вспыхивают стычки. Шлюхи, которые покорно последовали за землекопами в эту глушь, отколовшись от основного лагеря, оскорблены появлением соперниц, деревенских девиц, не ждущих платы. Многие рабочие и сами напуганы этими ненасытными самками, которые не продают и даже не отдают любовь, а требуют ее. У них нет

правил. Они не знают запретов: некоторые даже пробуют связаться с лагерными пленниками, закованными в цепи переделанными. Те в ужасе сами бегут к надсмотрщикам.

Однажды холодной ночью Анн-Гари прибегает к Иуде перепуганная, грязная, окровавленная и избитая. Произошла драка. Толпа проституток прочесывала палатки. Они растаскивали любовников, держали мужчин мертвой хваткой благодаря численному превосходству, а каждую женщину тщательно проверяли. Местных, не берущих платы, выволакивали наружу, мазали машинным маслом и валяли в перьях. Жандармы сочувствовали профессионалкам, а потому не вмешивались.

Анн-Гари была с мужчиной на краю лагеря, когда ее настигло правосудие горластых шлюх. Она отбивалась кулаками, пустив в ход свою недюжинную силу деревенской девчонки: троих сбила с ног, четвертую — женщину постарше — пырнула в живот буравом. И сбежала прочь от своей побелевшей жертвы.

Иуда никогда не видел ее такой смирной. Он понимает, что ничего страшного не произошло. Никто не умер, и вряд ли умрет — буравчик-то крохотный. Местные получили свой урок, а о сопротивлении Анн-Гари никто и не вспомнит. Но страх, который внезапная вспышка насилия поселила в ее душе, не проходит, и Иуда отчасти рад этому, потому что теперь он, может быть, сумеет уговорить девушку поехать с ним. Ему надоела глушь, он хочет послать железную дорогу ко всем чертям и поехать домой; а еще ему нужен свежий взгляд, чтобы увидеть вещи по-новому.

Два дня они идут пешком к умирающей станции, к поездам. Покупают билеты в третий класс. Иуда наблюдает за Анн-Гари, которая смотрит в окно на редеющую траву и деревья, на реку, которая остается сбоку от них, на глубокие раны земли, на тьму тоннелей. Часами они сидят в молчании, слушая мерный стук колес, и мчатся к городу, в котором Иуда не был несколько месяцев, а Анн-Гари не бывала никогда.

Иуда снова в Нью-Кробюзоне и хлопает глазами, точно деревенщина. Они с Анн-Гари разбили палатку на Худой стороне, на крыше здания. Оттуда хорошо просматривается остов Крупнокалиберного моста, который давно превратился в волнолом: разводную секцию заклинило во время прохода судна, и она заржавела.

По дороге все страхи Анн-Гари испарились, и ничто не мешает ей исследовать Нью-Кробюзон. Каждый день она возвращается к Иуде, взволнованно рассказывая ему все подряд. Вот она в первый раз увидела хепри.

— Тут есть женщины с какими-то тараканами вместо

голов, — сообщает она.

Затем Анн-Гари осмотрела Ребра.

— Здоровенные такие, выше деревьев. Старые, твердые, как камень, кости торчат из-за крыш. Какая-то тварь издохла, и весь город стал ей могилой.

На поездах надземки она объездила весь город, от Травяной отмены на востоке до Вокзала, от Звонаря до станции «Холм» и Низин.

— Там есть один холм, у его подножия какие-то трущобы, вокруг них лес, но поезда туда не ходят, хотя там есть рельсы.

Это станция среди Строевого леса, на запасных путях. Ею давно не пользуются. Иуда слышал о ней, но никогда не видел своими глазами. Анн-Гари отправляется в Расплевы — опасное гетто, где живут опустившиеся горожане, а над их головами — редкие гаруды. Она смело шагает по вонючим, заваленным отбросами улицам в лес, к заросшим развалинам станции, а потом возвращается на поезде в Собачье болото и рассказывает обо всем Иуде. Девушка заново открывает для него Нью-Кробюзон.

Она рассказывает ему про Дом фуксий, про площадь Биль-Сантум и про Горгульев парк, про купол над кактусовым гетто, про зверинцы и прочие места, многие из которых Иуда в последний раз видел ребенком, а то и никогда. Она рассказывает ему о разных расах, которые встречаются на улицах. Ей нравится бывать на базарах.

Иуда зарабатывает им обоим на пропитание, развлекая народ соломенными големами. Однажды он сооружает из дерева фигурку покрепче, соединяя ее цепочками вместо шарниров. К ее рукам и ногам он привязывает веревочки и, пока его магия заставляет куклу танцевать, дергает за них, притворяясь обычным кукловодом. Зеваки охотнее расстаются с деньгами, когда видят в нем простого кукловода, а не мага, оживляющего материю.

Они снимают комнаты у доков Паутинного дерева, где их каждое утро будят фабричные гудки и тяжелый топот рабочих, идущих на смену. Анн-Гари встречается с наркоторговцами. Когда она возвращается, у нее расширенные глаза и от нее кисло пахнет шазбой. Несколько ночей она проводит не дома, а если приходит ночевать, то спит с Иудой и берет у него деньги.

Ей нравится гулять. Иуда ходит с девушкой на дальние прогулки, они идут между рядами домов, пересекая тени от разномастных фасадов. Анн-Гари спрашивает Иуду, почему здесь так строят, а он не знает, что ответить. Однажды мимо них проходит в обнимку пара хепри, подергивая головными ножками и распространяя вокруг горький запах своего химического

шепота. Иуда чувствует, как рука Анн-Гари замирает в его руке, и впервые в жизни сам замечает, как удивительны хепри, слышит лязгающий звук, который производят их челюсти-ножницы. Во всем вокруг он видит теперь необычные стороны.

Город на подъеме. У людей есть деньги, и на тротуарах выстраиваются очереди желающих немного подзаработать. Куклы Иуды пляшут бок о бок с певцами и музыкантами, акробатами и художниками, рисующими мелом на асфальте.

Наступает зима, но в городе странным образом тепло. Погода ленится. В красных отблесках костра Иудины големы развлекают студентов из Ладмида. Студенты — в основном очень молодые, хорошо одетые мальчики из центра города или старательные сыновья клерков, но попадаются и женщины, и даже несколько ксениев. Они проходят мимо подпрыгивающих деревянных кукол Иуды. Он сам немногим старше большинства из них.

Кое-кто бросает ему стиверы, марки и шекели, большинство прохожих не дают ничего. Один юноша вглядывается в движения куклы, ловит поток заклинаний и понимает, что марионетка — подделка.

— Так вот чем мы тут занимаемся, — говорит он. — Вот что ты тут делаешь. Магия, черт возьми, — моя специальность. А ты, значит, нагло являешься сюда со своим домодельным колдовством?

— Ну, так попробуй меня переиграть, — говорит Иуда.

Так борьба големов, детская забава копьеруков, приходит на улицы Нью-Кробюзона.

Небольшая толпа студентов собирается вокруг высокомерного парнишки в очках и загорелого, жилистого бродяги в лохмотьях. И хотя они криками подбадривают своего однокашника, Иуда чувствует их настрой и понимает, что эти сынки толстосумов не прочь поглядеть, как их приятель, заурядный сын простого наемного рабочего, проиграет чужаку. Симпатии золотой молодежи к сопернику едва не заставляют Иуду уйти, но ставки уже сделаны, и его шансы высоки: только он сам поставил на себя.

Он шепчет что-то своему голему, шипит и заикается, подражая копьерукам, и тот разрывает земляного голема соперника на куски. Легкая победа.

Иуда подсчитывает выигрыш. Проигравший несколько раз сглатывает и подходит к нему. Он не лишен ума и такта.

— Отличная победа, — говорит он. И даже улыбается. — У тебя есть и техника, и сила. Я еще никогда не видел, чтобы кто-нибудь заклинал голема, как ты.

— Я учился не здесь.

— Вижу.

— Попробуем еще? Новая схватка?

— Да! Да! Еще! — кричит один из студентов. — Приходи завтра, кукольник, а мы подыщем тебе противника получше нашего Пенниго.

Но ни Пенниго, ни Иуда не глядят на студента. Они смотрят друг на друга и улыбаются.

Конечно, им далеко до гладиаторских боев, подпольных клубов Каднебара и его последователей: там для любителей кровавых потасовок устраиваются и поединки на ножах, и схватки двоих людей с одним кактом, и рукопашные бои без правил. Но Пенниго с Иудой становятся партнерами и устанавливают правила игры. Их лига привлекает к себе внимание, поединки големов входят в моду.

Поначалу приходят лишь студенты-сверхъестественники, потом появляются их профессора. Но слухи бегут быстро, и скоро поглядеть на бои стекаются маги-самоучки и подзаборные колдуны из всех городских трущоб. Новый спорт не то чтобы противозаконен, но существует без разрешения и, как почти все занятия такого рода, постоянно находится под угрозой запрета. Вчерашняя забава быстро превращается в бизнес, и вот уже приходится откупаться от милицейских осведомителей, давать на лапу университетскому начальству и привратникам. Всем этим занимается Пенниго.

Они не похожи на героев, эти энтузиасты: они ревностно преданы игре, взвинчены и прилежны. С каждым разом их становится все больше.

Они углубляются в детали, снабжают свои создания клинками или жестяными доспехами, а то приделывают им острые ноги-шила и зазубренные спинные плавники. Такие куклы называются големахами, боевыми машинами, их выставляют друг против друга согласно весовым категориям.

Иуда — первый среди игроков. Победы даются ему легко. Простая и примитивная техника копьеруков дает свои плоды. Конечно, и у него бывают проигрыши, но в беспощадной лаборатории игры он быстро учится исправлять свои ошибки.

— У тебя редкий дар, Иуда, — говорит Пенниго.

Пенниго не в силах одолеть Иуду, зато может его тренировать. Он не понимает чуждой магии копьеруков, зато может проанализировать ее и сопоставить эти знания с теми, которыми уже владеет. Он привязывает Иуду к магиографу и проверяет его катексис, отвечающий за извилины мозга.

— Ты силен, — сообщает он Иуде.

Анн-Гари дважды приходит посмотреть на поединок. Она болеет за Иуду и радуется его выигрышу, но спорт ее не увлекает. Ей больше по душе механизмы. Она ходит на конечные станции смотреть на прибытие поездов, посещает заводы, на которые удается пробраться, и бродит между рабочими, разглядывая машины.

Иуде нравится побеждать. Его возбуждает собственное искусство. Какое-то время они с Пенниго прибегают к старой уловке: Иуда притворяется, будто проигрывает, а когда ставки повышаются, разделывается с соперником. Но их быстро раскусили.

Теперь он звезда, Лёв из Болота. Другая знаменитость — Лотаниель Дюрейн, профессор магии, который руководит своими смоляными големами-кошками под именем Лот Человек-Кот. Оба обожают свои псевдонимы. Есть еще Нянька, неприметная женщина, которая, по словам Пенниго, скорее всего, консультирует милицию. Она любит приделывать своим големахам хлесткие хвосты из цепей. Первое место всегда достается одному из них, но чаще всего — Иуде.

Чем сильнее маг, тем больше подвластная ему масса. Скоро они начинают экспериментировать с весом. Но ни одна кукла крупнее большой собаки драться не может. Иуде становится интересно, какой величины голема он при желании может заставить двигаться.

Как организаторы поединков големов, сильнейшие практики и приемщики ставок, Иуда и Пенниго хорошо зарабатывают. Бои привлекают внимание журналистов, участников становится все больше. Иуда начинает скучать. Он не сражается ни с кем, кроме Лота и Няньки. И пристально наблюдает за тем, как они оживляют свои конструкции. Вслушивается в их заклинания. Теперь он сражается не только ради заработка, но и ради знаний.

Каждый раз, когда его голем оживает, Иуда ощущает свою связь с копьеруками.

— Я хочу узнать об этом все, что можно, — говорит он.

Пенниго приводит его в университетскую библиотеку и показывает тексты по големетрии. Он просматривает заголовки: «Теория магии», «Пределы действия плазмы», «Спор о границах нежизни».

— Я хочу все это прочесть, — говорит он.

Зима стоит мягкая. Иуда водит Анн-Гари на каток. Ей нравится, что Иуду узнают на улицах.

— Привет, Болотный! — окликает его один прохожий; у Иуды слегка портится настроение.

Они идут вдоль украшенных морозными узорами витрин, по центральным улицам Ворона, увешанным световыми шнурами и зимними цветами. Они заходят в кафе выпить горячего шоколаду с ромом. Анн-Гари не смотрит на Иуду. Девушка смотрит куда-то поверх него, и на лице ее прекрасная улыбка, но взгляд скользит мимо Иуды.

«До свиданья», — думает Иуда и улыбается ей в ответ.

Когда падает снег, все дома в городе ненадолго становятся на одно лицо: исчезают карнизы старых церквей с завитками, сливаются со стенами темные каменные опоры и все бесчисленные бетонные терраски, местами выложенные кирпичом, пропадают домишки рабочих, слишком убогие или примитивные, чтобы говорить о каком-то стиле. Все скрывает пушистый белый снег, но постепенно он тает, и дома словно приходят в себя, покрываясь слякотной испариной.

Иуда одевается в броское тряпье, по которому его узнают на улицах. Когда он идет по городу, за ним увязываются ребятишки из Собачьего болота вместе с тощим молоденьким кактом и подскакивающим по-лягушачьи водяным: они просят сделать им големахов. Иной раз Иуда оживляет для них кучку монет и пускает к ним, а дети смотрят и разбирают ее на части.

Анн-Гари не хочет учиться грамоте, но, узнав, что Иуда пролистывает все газеты, следя за успехами Трансконтинентального железнодорожного треста, требует читать ей каждый вечер, когда они вместе, а это случается все реже и реже.

— «…Суровая зима, — читает Иуда статью из „Перебранки“. — Те рабочие, которые еще не сбежали с болот, заняты преимущественно тем, что клянут погоду, однако им повезло хотя бы в том, что копьеруки, эти вероломные твари, покинули топи и больше не досаждают строителям. Сообщения с юга подтверждают, что бригады путейцев из Миршока, несмотря на более мягкую погоду, также не добились больших успехов…»

— Миршок — это где? — спрашивает Анн-Гари. Иуда таращит на нее глаза. Она ничего не знает ни о форме дороги, ни о ее будущем. Он рисует ей карту.

— Три ветки, — говорит он, чертя перевернутое и слегка покосившееся «Y». — Нью-Кробюзон. Миршок на берегу Скудного моря. Толстоморск на равнине. Из каждого тянется ветка, все они встречаются в трясине. От Нью-Кробюзона до места встречи пятьсот миль, оттуда до каждого из остальных городов по двести пятьдесят.

Иуда скрывает собственную одержимость дорогой, якобы утоляя интерес Анн-Гари. А сам непрестанно думает о людях, о

том, что видел, о братстве молотобойцев, меняющих облик земли.

Дорога еще не достигла развилки. Сообщают о кратковременных, но дорогостоящих забастовках. Иные журналисты утверждают, будто жандармы ТЖТ сбежали, не в силах ни совладать с рабочими, ни подавить сопротивление местных князьков, мимо чьих владений проходит дорога. Мэру пора прекратить делиться властью, говорят они. Железную дорогу должна охранять милиция Нью-Кробюзона. Но никто не верит, что так будет. Правительство против.

— «Забастовщики жалуются на погоду, — читает Иуда. — Они бастуют из-за холода. Но чего они хотят от треста? Разве остальные рабочие, надсмотрщики, переделанные, сам Правли не мерзнут так же, как они?»

— Нет, — говорит Анн-Гари.

Иуда смотрит на нее. Она ест засахаренную сливу и пожимает плечами.

— Нет, не мерзнут.

Иуда учится. Под руководством Пенниго он не только расширяет свои возможности, но и начинает понимать, что делает. Его подход остается интуитивным и бессознательным, но трудные, туманные тексты кое-что проясняют и улучшают его способности.

— «…То, чем мы занимаемся, есть не что иное, как вмешательство, — читает Пенниго Иуде свои конспекты, — реорганизация материи. Живое нельзя превратить в голема, поскольку жизненная сила организма — это взаимодействие плоти, животной или растительной, со своими собственными механизмами. Неживое, напротив, инертно, ему просто довелось лечь так, а не иначе. Мы придаем этому совпадению смысл. Мы не приказываем материи, а лишь указываем на тот порядок, который уже присущ ей изначально. Вот почему в этом процессе наряду с наблюдением большую роль играют утверждение и убеждение. Мы видим структуру и, указывая на нее, находим механизмы, которые используем, чтобы повернуть все по-своему. Ведь новая структура утверждается не в статике, а в движении. Големетрия есть прерывание. Это подчинение статичного „оно“ динамичному „я“».

Иуда вспоминает копьеруков и железную дорогу. Он и сейчас еще шепчет подобно болотным жителям, когда заставляет големов двигаться. Понимание этой науки приходит к Иуде все быстрее. Она захватывает его воображение.

Однажды они не успевают вовремя заплатить нужному офицеру, и в их зале устраивается проверка. Разумеется,

милиционерам в масках ничего не стоит найти у посетителей шазбу, истинный чай и даже, как они утверждают, сонную дурь. Организаторам приходится отстегнуть кому следует, и пока Пенниго занимается спасением бизнеса, Иуда думает о другом.

Големетрия — это прерывание. Големетрия — это материя, видящая себя по-новому, это приказ, который реорганизует ее, это задание. Как же контролировать материю в его, Иуды, отсутствие? Как приготовить ее к действию и заставить ждать?

Он покупает батареи, переключатели и провода, он покупает таймеры, он пытается думать. В газетах под видом отчетов публикуют заведомую неправду о ТЖТ. Кто-то провоцирует скандал.

Иуда не видел Анн-Гари много дней. Внезапно он понимает, что девушка не просто нашла кого-то другого на пару дней, но ушла совсем. И он знает куда.

Ей понравился Нью-Кробюзон, разжег в ней страсть и интерес, но для Анн-Гари все его жители, его история, наслоения камней и столетия борьбы есть не что иное, как продолжение железной дороги. Только там она дома.

Анн-Гари ушла домой, к рельсам и вечному поезду. Она знает, что возмездие проституток ее не настигнет. Крестик, нарисованный помадой на зеркале Иуды, — это ее прощальный поцелуй. Анн-Гари помогла Иуде увидеть город по-новому, и он благодарен ей за это. Выясняется, что девушка взяла у него немало денег.

Бои големов ему наскучили. Пенниго увязает все глубже, налаживая связи с бюрократами из Парламента, здание которого ржавым гвоздем торчит из воды у слияния двух рек. Бои проводятся все реже, потом прекращаются совсем, но Пенниго это не тревожит: он все богатеет и наконец однажды приглашает Иуду в дорогущий ресторан в Ладмиде, где тот в своем уличном тряпье чувствует себя скованно. Пенниго говорит ему:

— Знаешь, для твоего таланта есть другой способ… гм, другой рынок сбыта.

Иуда понимает, что его время ушло и что Пенниго с потрохами продался правительству. Иуда остается без работы и без библиотеки. О нем быстро забывают.

Несколько недель Пенниго засыпает Иуду письмами с предложениями встретиться. Тот корявым почерком пишет отказы — ровно с такой частотой, чтобы не показаться невежливым.

На рынках, где полно старых и ворованных книг, он скупает все о големах. Уйма денег уходит на бесполезное барахло, и

совсем немного — на редкие толковые работы, над которыми бьется Иуда.

«Что же я такое делаю? — спрашивает он себя. Природа собственных навыков остается ему непонятной. — Я делал голема из газа. А можно ли изготовить голема из еще менее уловимой субстанции? Големетрия — это вмешательство, это спор, так могу я вмешаться и сделать голема из темноты или из смерти, из электричества, звука, трения, идей или надежд?»

Иуда берет несколько заказов. Для эксцентричного богача, который презирает металлический лязг машин, он делает двух прекрасных слуг, мужчину и женщину, — настоящее произведение искусства из проволоки и наполненных песком кожаных валиков. Плату он требует высокую: работа отнимает силы.

По милости странной личинки, которая завелась у него внутри и не дает покоя, Иуда бродит по городу. Личинка словно тянет его куда-то; Иуда чувствует, что его глазами она смотрит на мир. «Во мне живет великая добродетель, — думает он без всякого высокомерия, — но она вроде незваного гостя. Я ощущаю ее как нечто постороннее. Делает ли она меня лучше? Добрее? Или, наоборот, портит?»

Иуда думает об Анн-Гари и читает в газетах, что строительство дороги снова набирает темп. Начинаются парламентские слушания. ТЖТ и самого Яни Правли обвиняют в махинациях. Рабочие гибнут от несчастных случаев, уклоны выравниваются необъяснимым для инспекторов способом, а следы температурного воздействия и ширина зоны отчуждения по обе стороны насыпи вызывают вопросы, на которые ТЖТ отказывается отвечать. Слова «жертвоприношение» или «демон» никто не произносит, но растет общая убежденность в том, что Правли одержим блеском золота и грандиозными стройками, что он не позволит ни географии, ни климату, ни политике стать у него на пути. Планы Правли отражены в названии его компании, и эта дорога — лишь малая их часть.

«Иуда, Иуда, Иуда». Собственное имя преследует его. Что-то должно случиться.

В Нью-Кробюзоне изготовляют новые товары или воспроизводят те, которыми торговали в Обильные Годы. В искусстве наконец кое-какие подвижки. В городе строят дома, в доках — суда. Магазины набиты новейшим ассортиментом. На улицах рядом с афишными тумбами, словно дикие цветы после половодья, появляются печатные вывески: на них — человек, кричащий в сложенные рупором ладони.

— Что это такое? — спрашивает себя Иуда и заходит в будку.

Там стул, какой-то аппарат, ряды кнопок с буквами и цифрами, трубка и наушники. Он читает инструкцию, опускает в прорезь монету. Появляется список названий:

Новогодняя речь мэра.

Как жаль, что это только песенка.

Маленькая симфония Требюшанда.

И так далее. Иуда выбирает мюзик-холльный номер «Лучше в работный дом», прижимает ухо к раструбу и словно завороженный слушает, как что-то, прежде сдерживаемое, щелкнув, становится на место, скрытая энергия вырывается на свободу, доносится какой-то треск; и вдруг он слышит шум и вздрагивает, потому что этот шум — песенка, ее поет неизвестная хористка, оттенки голоса которой неразличимы из-за треска, но все же это голос, и, несомненно, поющий. Иуда даже разбирает слова.

— А если впереди — работный дом, то мы туда отправимся вдвоем, всегда мы будем рядом, только так, я от тебя, мой милый, ни на шаг.

Иуда слышит слова: они пойманы в ловушку.

Все дело в воске — это он придает словам осязаемость. Иуда возбужден этим открытием. Воск может заставлять звук ждать и появляться тогда, когда нужно.

Новая технология, укрощение времени. Ее придумали для бесконечного повторения уличных песенок. Иуде она нужна совсем с другой целью. Он просматривает свои записи, сделанные в болоте. Он превращается в затаивший дыхание сгусток энергии и чувствует, как Нью-Кробюзон отступает от него.

«Сколько раз я опускал руки перед силой?» Он вспоминает обо всех тех, кто погиб потому, что он предвидел момент, когда появятся охотники за головами, или милиция, или железная дорога, или газ, и всегда пасовал перед неизбежным. «Я боюсь времени».

Но те, кто развлекает других, смогли прервать сердцебиение времени. «Они законсервировали прошлое», — думает Иуда. Живущий внутри него паразит — добродетель, скрытая святость — шевелится.

Как просто, оказывается, взять и стряхнуть с себя Нью-Кробюзон; месяцы, проведенные в этом городе, без усилий превращаются в воспоминания.

Иуда пишет своим немногим клиентам. Пишет Пенниго, благодарит его за усилия, желает удачи, обещает, что они

увидятся после возвращения Иуды, в которое он не верит.

Есть еще одна техника, которой он жаждет овладеть. В Кинкене он разговаривает с хепри — устные вопросы, на которые Иуде пишут ответы, — и выведывает у них все, что им известно о метазаводных механизмах. Потом он покупает магические батареи и до изнеможения заряжает их собственной кровью.

У него получается не сразу. Возле дома, где живут беспризорники, поклонники его таланта, он натягивает поперек тротуара тончайшую нить. С первыми лучами зари одна девчушка просыпается и выходит из дома, чтобы украсть что-нибудь на завтрак. Ее грязные ножки разрывают нить, волокно лопается, гудение, щелчок — и батарея включается; и вдруг от кучки камней у двери отделяется фигурка и, пританцовывая, направляется к девочке. Замерев, та наблюдает.

Крошечный голем высотой с детскую ладонь танцует точно так, как учил его Иуда, когда бормотал заклинания и настраивал приспособления, готовя пусковой механизм. Танцуя, голем подходит к девчушке: он сложен из монет. Споткнувшись, голем падает и рассыпается, а девочка собирает монетки с земли.

Иуда наблюдает за ней из подворотни. Он велел голему исполнять заранее подготовленную программу, заставил его ждать. Задуманная Иудой ловушка сработала. Он не знает, делал ли кто-нибудь такое раньше.

И вот он снова на болотах. Повсюду лед, стебли вьющихся растений задеревенели и стучат на ветру, животные спят, трясина отдыхает. Рабочий лагерь и поезд остались во многих милях позади.

Дорога провела Иуду мимо городов, превратившихся в трупы, вглубь земель, не укрощенных, но лишь изуродованных строительством, и дальше, по засаженным деревьями насыпным островам, этим перешейкам из привозного камня, в самое сердце болот. Иуда углубляется все дальше в поисках своих бывших одноплеменников.

У него большая поклажа: новый вокситератор с цилиндрами, камера, ружья. Он идет нарочито шумно, чтобы его не приняли за траппера, и поет песни, которым научили его копьеруки: песню завтрака, песню приветствия, песню пожелания доброго дня. Он идет, не пряча рук.

Когда те появляются, Иуда видит, что они совсем из другого, незнакомого ему племени, и затягивает песню добрых соседей, а потом песню с просьбой войти. Копьеруки окружают его, то прикидываясь деревьями, то принимая свой обычный вид, скалят зубы, грозят смертоносными руками-копьями, но Иуда не убегает;

тогда его начинают бить, но он не уходит; и тогда его ведут в тайную деревню копьеруков. Их кланы и родовые союзы порушены: они последние из своего народа.

Ребятишки сбегаются поглазеть на него. Вот оно, последнее поколение копьеруков.

Добродетель всколыхнулась внутри Иуды, но он знает, что перед ним — мертвый народ и ничто этого не изменит. Болотные жители берут его с собой на охоту — самки вместе с самцами, теперь не до традиций, — и он снова слышит «ах, ах, ах», мелодию многих выдохов и отчетливые ритмы голосов. Вода взвихряется и тут же успокаивается.

Иуда вытаскивает слуховую трубу и записывает звуки на восковой цилиндр. Затем проигрывает запись: крутит рукоятку и слышит ритм их голосов. Он видит его. Видит его форму. При помощи линзы он рассматривает цилиндр и чувствует себя географом воскового континента. Иуда изучает песню, ее провалы, петляющие долины, пики и пустыни. Он вращает ручку медленно, прослушивая еще раз в замедленном темпе.

К своему стыду, Иуда скучает среди обреченного народа. В промозглой сырости болота он трудится изо всех сил, записывая по отдельности все элементы песен, не пропуская даже плохо слышных или исковерканных звуков, но все вокруг угнетает его. Копьеруки не строят больше уединенных жилищ и зеленых убежищ в лесах, им не до того: из наспех сооруженных соломенных хижин они отряд за отрядом уходят на войну, гонимые духами болот, и совсем скоро сами станут духами.

Иуда не хочет этого видеть. В его груди словно кто-то поворачивает кинжал. Душа копьеруков перешла на восковые цилиндры. И наконец Иуда покидает их во второй раз.

И снова поезд. Он продвинулся. Иуда видит тысячи лиц, которых не наблюдал раньше. Рельсы разветвились. У развилки растет город. Великолепное зрелище.

Отполированные поездами рельсы лоснятся. Они виляют в недостроенные депо, становятся пустыми еще запасными путями, сворачивают к сортировочным горкам, минуют покосившиеся домишки недостроенного города. Дальше дорога раздваивается. Одна линия устремляется в самое сердце болот, где внезапно останавливается среди деревьев.

Другая исчезает на западе. Путейцы возвращаются с вырубки, неся костыли и молоты, с которых капает вода, и сами они грязные и потные, словно из боя. С каждым выдохом их шарфом окутывает лента пара, мгновение тянется за ними и тут же исчезает.

Оказавшись на огромной строительной площадке Развилки, бурно растущего города, Иуда чувствует, как его добродетель толкается внутри него, точно ребенок в утробе, и понимает, что вернулся, что останется здесь не как паразит, но как участник происходящего. Он пришел, чтобы помогать, и его песня — первый вклад в общее дело. А вот это, эта решимость трудиться на дороге — вклад номер два.

Ветеран рельсового пути, Иуда еще никогда не работал на великой стройке. Вызревающее в нем существо ведет себя беспокойно. Оно хочет, чтобы Иуда поучаствовал в общем титаническом усилии.

Иуда шагает вдоль рельсов прочь из мокрого леса, к холмам, но железо неумолимо. Желтая насыпь становится выше. Со всех сторон его окружают люди и целые шеренги лошадей, повсюду тянет дымом от костров; пахнет травой, деревом, бурым углем. Иуда идет мимо палаток и замечает, что они разбиты даже на крышах вечного поезда. Какты и переделанные тянут соединенные цепями плуги, выравнивая почву. Группами ходят жандармы.

Вечный поезд ползет вперед, едва вращая колесами. По два громадных паровоза прицеплены спереди и сзади, из перевернутых конусов труб на многие ярды вверх вырывается черный дым. Паровозы-первопроходцы куда больше тех, что ездят по нью-кробюзонской надземке. Спереди у них предохранительные решетки, прожектора светят ярко, и насекомые бьются в темноте о стекло с таким звуком, точно кто-то барабанит по нему пальцами. Паровозные колокола звонят торжественно, как в церкви.

Среди вагонов есть один бронированный, с вращающейся башней. Есть передвижной офис, есть закрытые вагоны-склады, есть что-то вроде зала для приемов, есть вагон, залитый изнутри кровью, — бойня на колесах, а следом очень высокий, с большими окнами, весь в фальшивой позолоте, с символами разных богов и Джаббера. Церковь. За ней четыре или пять громадных вагонов с узкими дверями и рядами крохотных окошек, с трехуровневыми нарами внутри. Они битком набиты людьми, их середки провисают от тяжести, точно коровьи животы. В конце едут платформы с крытым верхом и без него. За ними шагают рабочие. Звучит симфония молотов.

Поезд идет через невысокие заросли по плоской равнине. Укладчики спешат, нагоняя землекопов.

Иуда — единственный, кто просто так шагает рядом с поездом. От остальных его отличает чувство, будто он чего-то ждет. Настроение у него приподнятое. Но вокруг много плохого.

Он слышит, как ворчат люди и какты, замечает страх переделанных, привязанных у своих загонов. Бригадиры ходят с оружием. Раньше такого не было.

Далеко впереди землемеры ставят вешки согласно картам, нарисованным Яни Правли и его командой лет двадцать тому назад, когда старик сам ходил в экспедиции. За ними, на пустынной земле между поездом и авангардом строительства, землекопы тянут высокую толстую насыпь. Позади землекопов мостостроители ставят опоры и наводят переправы через непроходимые места, а проходчики пробивают тоннели в скалах.

Но все они впереди. Иуда таскает шпалы.

Вот как происходит укладка. Ранним утром сотни людей поднимаются под звуки колокола и завтракают мясом с кофе в обеденном вагоне, где миски прибиты к столам; или же собираются в группы возле путей и жуют свою пищу там. К первым относятся люди нормальные, те, кто занят на тяжелых работах; какты из нью-кробюзонской Оранжереи, парочка ренегатов из Шанкелла.

Остальным, то есть переделанным, которых стража приводит кормить в наручниках, достаются объедки. Среди переделанных есть женщины: нижняя часть тела у них — механизм или торс животного, а передвигаются они при помощи пара. Этим пленницам, навеки сросшимся с паровыми котлами, дают угольную пыль и плохой кокс.

Поезда останавливаются далеко позади. Рельсы складывают штабелями вдоль полотна, а затем доставляют укладчикам на огромных телегах, запряженных лошадьми, птероптицами или переделанными быками. Бригады рабочих сменяют друг друга в строгой очередности, исполняя сложный танец труда. Одни подходят, вскидывают молоты, со звоном опускают их на рельсы и уходят, рельсы привозятся опять, повозки наполняются снова и снова, и путь их с каждым разом все длиннее. Десять футов, сотни фунтов железа зараз — так нарастает дорога.

«О Джаббер, что мы несем с собой? — думает Иуда, наблюдая за работой многих сотен рук. — Что мы делаем?» Громкоголосое и непреднамеренное великолепие труда завораживает его.

За работой Иуда поет песни, тайно превращая каждый холодный деревянный брус в безрукого и безногого голема, стремящегося в немногие секунды дарованной ему жизни соскочить с запряженной лошадьми повозки и занять свое место на земляном полотне. Иуда чувствует, как каждый безмозглый кусок дерева помогает ему, и от этого ему становится легче. Он работает больше, чем следовало бы. Когда мальчики приносят

питьевую воду из поезда, которого даже не видно, вокруг них завязывается потасовка: каждый хочет попить первым, покуда пыль и слюна не испортили воду. Многочисленные переделанные ждут.

Соседям по палатке Иуда нравится. Они слушают его рассказы о болотах и делятся с ним тяготами своего существования.

— Чертовы переделанные бунтовать вздумали. Жрачки им, видишь ли, мало. А шлюхи цены все задирают и задирают. Говорят, дома с деньгами тоже неважно. Ты ничего об этом не слышал? Говорят, жизнь там все дороже, а зарплаты все ниже.

За укладчиками шпал идут укладчики рельсов и те, кто забивает костыли, а за ними, рыча и покачиваясь, все ближе подползает многоуровневая громада поезда, с которым обращаются как с божеством из железа, плоти и крови.

Иуда наблюдает, как переделанного наказывают кнутом, и внутри у него все бунтует, так что он едва не лишается чувств. Однажды между свободными и одним из переделанных — судя по его заносчивости, недавно вышедшим с карательной фабрики, — завязывается драка. Остальные переделанные поспешно оттаскивают своего собрата назад, увертываясь от ударов. Шпалоукладчикам приносят еду переделанные женщины. Иуда улыбается им, но женские лица — точно каменные.

В дни выдачи жалованья через оттаивающую трясину, словно по волшебству, пробирается поезд. Вольнонаемные рабочие спускают свои денежки в Потрахе и у самогонщиков. В такие ночи Иуда не выходит из палатки. Лежа на койке, он прислушивается к выстрелам, шуму драк, голосам жандармов, воплям. Потом достает вокситератор, проигрывает хрипловатые песни копьеруков и делает пометы в своих записях.

«Конец пути» — газета, которую печатают на вечном поезде. В ней полно орфографических ошибок, скабрезных шуточек и неприкрытого восхваления ТЖТ, с разрешения которого она издается. «Конец пути» читают все, и все спорят о том, что в нем самое плохое. Иуда дважды видел, как люди тайком читали другие газеты.

Он бредет назад к поезду. Наступает его очередь тянуть рельсы.

Сначала Иуда не делает из рельсов големов. Тяжесть металла беспощадна. Под тусклым небом Иуде кажется, что скалы наблюдают за ним. Каждый рельс — четверть тонны, четыре сотни на милю. Цифры становятся смыслом существования Иуды.

Бригады составляют либо только из переделанных, либо

только из вольнонаемных, никакого смешения. Пятеро мужчин, три кактa или один здоровяк передел берутся за рельс — кто щипцами, а кто и собственными конечностями, — поднимают его и нежно, как повитухи младенца, укладывают на место. Особые рабочие измеряют ширину колеи, затем их сменяют молотобойцы.

Иуда снова начинает превращать каждый рельс в несуразного голема. В его бригаде никто не замечает, как, точно рыбины, трепещут куски прокатной стали, помогая ему. Иуда кладет их на землю, наудачу выбирая места. Он становится все выносливее. Однажды ему приходит в голову заночевать на крыше поезда, чтобы посмотреть, каково это. Кое-кто держит там коз и даже разводит костры за тщательно сделанным ограждением.

Один бродячий лудильщик, он же циркач, прибился к поезду и постоянно развлекает народ. Иуда смотрит на фигурки из грязи, которые танцуют по его приказу, хотя они и не големы. Это просто материя, управляемая человеком на небольшом расстоянии, словно при помощи невидимых ниток. Такие куклы не обладают ограниченной реальностью, псевдожизнью, нерассуждающим разумом, который позволяет усваивать и исполнять команды, — простые марионетки, и все.

Вагоны и скалы вокруг расписаны лозунгами, и каждое утро появляются новые. Иногда это просто бранные слова в адрес товарищей или начальства, к примеру: «На хуй Правли». Дважды, когда звон колокола вырывает Иуду из сна и бросает в сумеречное утро, он видит на вагонах и деревьях листовки.

Некоторые из них простого содержания: «Достойную зарплату», «Профсоюзы», «Свободу переделанным», а внизу подпись, маленькое «ББ». Другие убористо исписаны бисерным шрифтом. Иуда начинает читать, но подходит десятник и срывает листовку.

БУЙНЫЙ БРОДЯГА

КОНЕЦ ПУТИ

Приложение третье

Смерть все чаще собирает свою жатву на железной дороге, поскольку в погоне за прибылью ТЖТ постоянно пренебрегает техникой безопасности. Рельсы лежат на костях рабочих, как свободных, так и переделанных…

— Ради Джаббера, что болтают эти мудаки? — ворчит кто-то. — Кто не хочет достойной зарплаты? Да и насчет гильдий, лично я не против, но свободу переделанным? Они же преступники, черт их дери, или эти разини забыли?

Иуду привлекает смелость инакомыслящих: те подкрадываются к поезду ночами, прямо под носом у жандармов. Если они будут пойманы, то живыми не уйдут. Так и останутся лежать среди этих скал.

Экземпляры «Буйного бродяги» находят на камнях, под столами. Не всем хватает, но лучше столько, чем ничего. Иуда берет несколько экземпляров и читает, когда никого нет рядом.

Только теперь он осознает, какие драмы разыгрываются на дороге. Обычно он работает не поднимая головы, — даже град пуль, проливающийся на рельсы, не отвлекает его от дела. Позже он узнает, что большой смешанный отряд беспределов и боринатчей появляется намного восточнее, чем обычно, и обстреливает бригады арьергарда. Напавших прогоняют, но жандармов очень тревожит то, что гордые и свободолюбивые боринатчи не побрезговали выступить против строителей дороги в союзе с подонками-беспределами.

Недели труда, мили пути и тонны железа, и вот приходит весна, дни потихоньку удлиняются. Растительность вдоль дороги становится все более редкой. Вместе с рабочими своей бригады Иуда отсиживается за перевернутым вагоном, пока боринатчи забрасывают их непонятными снарядами. Орудийная башня вечного поезда вертится, и земля вокруг расцветает воронками.

Иуда читает «Буйного бродягу»:

У боринатчей, или странников, есть полное право ненавидеть ТЖТ. Сейчас их родовые земли расхищаются

предпринимателями Нью-Кробюзона, а вскоре и правительство с милицией пожалуют. Кто не слышал страшных историй об избиении местных жителей Нова-Эспериума? Смерть каждого рабочего — это трагедия, однако виноваты в них не боринатчи: они мстят не тем, но их страхи обоснованны. Во всем виноваты Яни Правли, мэр и богатеи Нью-Кробюзона, для которых коррупция — что мать родная. Наш девиз: *Железную дорогу — народу, мир — туземцам!*

Потрах совсем рядом. Иуда туда не ходит, предпочитая, к вящей тоске шлюх, обслуживать себя сам или, виновато пряча глаза, по пяльницам наведываться в овраг, где мужчины перепихиваются с мужчинами.

Каждую неделю в загонах для переделанных наступает послабление дисциплины: устраиваются пьяные оргии, во время которых переделанных женщин отдают таким же мужчинам, а наливают всем без разбора, и все это при попустительстве надсмотрщиков. Иуда наблюдает, как на следующее утро женщины окунаются в ледяную реку, визжат и пьют слабительное, чтобы не забеременеть. За этим наблюдает добряк-караульный. Он помогает женщинам бинтовать следы от укусов и синяки, наказывает мужчин, которые дерутся слишком часто или слишком больно. — Худо бабенкам приходится, — говорит он. Поезд с зарплатой обычно запаздывает: если на день-другой, то рабочие только ворчат, но иногда без денег проходит целая неделя. Такое случается трижды, и каждый раз дело кончается забастовкой. В хаосе наступившей демократии путейцы бросают орудия труда и окружают главный поезд, не давая ему хода, пока не получат все свои денежки до последнего шекеля. Рабочие сами растеряны из-за своей многочисленности. Среди сотен мускулистых мужчин зелеными башнями высятся богатыри-какты. Проститутки, клерки, врачи, землемеры, разведчики и трапперы сбегаются посмотреть на них.

Иуда стоит среди рабочих и дрожит от возбуждения. Событие раскрепощает его, и на короткое время Иуда чувствует свое единство с тем, что живет у него внутри. «Вмешательство», — думает он. Есть такие, кто всегда бросает работу одним из первых, — костыльщик-какт по кличке Толстоног, которого Иуда считает сторонником «Буйного бродяги», или Шон Саллерван, драчливый мастер на все руки. Иуда — никогда не в первых рядах, но неизменно во вторых.

В ответ на пикеты переделанным увеличивают норму

выработки. Едва успев заверить бастующих в том, что все возможные меры для скорейшей выплаты денег уже приняты, бригадиры поворачиваются к переделанным, которым придется до конца стачки работать за себя и за смутьянов. Закованные в цепи изуродованные мужчины и женщины содрогаются под ударами плетей и под заклятиями караульных-магов; они падают, не выдерживая тяжести грузов и собственных конечностей.

— Бестолочь хренова, — вопит один из надзирателей и лупит упавшего человека, чьи руки очень чувствительны, так как покрыты множеством глаз. — За каким чертом вас плодят только, павлинов этаких? Каждую неделю им твержу, нам нужны переделанные для строительства, а не для приколов гребаных. Вставай, дальше вкалывай.

Трое людей и какт наблюдают за заключенными, не в силах помешать дороге удлиняться. Они морщатся, но смотрят.

— Тупые ублюдки, — говорит какт. Рабочие жалеют переделанных, но не могут простить им срыва стачки. Поезд с деньгами в конце концов приходит.

> Оргия бессмысленных спекуляций достигает невиданного размаха, финансисты, словно нагуливающие жир киты, плавают в море украденных или несуществующих денег, меж тем как цены на землю и акции ТЖТ взлетают до небес. Долго так продолжаться не может. Все меньше людей приходит на выборы, вонь от сговора между насквозь прошившим ТЖТ и правительством удушает, и слабость фундамента существующего режима скоро даст себя знать. Когда богачи трусят, они становятся опасны. Наш девиз: *Правительство для нуждающихся, не для богатых!*

Терпению переделанных приходит конец. Один из них умирает от побоев, нанесенных охранниками. Это не первый случай, но на сей раз покойник пользовался любовью и уважением товарищей, поэтому на следующий день многие переделанные отказываются выходить на работу и устраивают шумные похороны. Беспрецедентное событие долго переваривают; сообщения о нем устремляются в оба конца пути.

Непримиримых переделов выстраивают вдоль поезда. Жандармы занимают свои позиции. Пушечная башня вечного поезда вращается.

«О боги», — успевает подумать Иуда.

— Все, кто хочет вернуться на работу сейчас, поднимите

руки, — говорит капитан.

Переделы смущены. Капитан ждет пять секунд, потом поворачивается спиной, подает кому-то знак, и с башни стреляют.

Снаряд взмывает в воздух и падает в гущу переделанных. Позднее Иуда понимает: заряд наверняка уменьшили, чтобы раскаленная шрапнель не засыпала поезд. А пока он слышит взрыв, видит вспышку и кровавую просеку в рядах переделанных.

Сильный, обученный рабочий забивает костыль тремя ударами. Но большинство — четырьмя; какты и переделанные на паровом ходу — двумя. Только трое выдающихся и всеми уважаемых кактов могут сделать это с одного удара. Есть, правда, одна переделанная женщина, которая тоже так умеет, но в ее случае это не считается достоинством.

Иуда — вольнонаемный костыльщик. Лучший на линии. Костыли он превращает в големов, которым велено прятаться в землю, вот почему с каждым ударом костыль сам заскакивает на место.

Удары молота по железу напоминают Иуде песни копьеруков. Ах, ах, ах. Ах, ах, ах. Он вспоминает свой вокситератор, вслушивается и пытается растащить на куски фрагменты ритма, накладывающиеся друг на друга. Тут он замечает Толстонога, который говорит с кем-то, стоя спиной к загону с переделанными, а по другую сторону стоит мужчина, как бы случайно привалившийся к ограде. Но Иуда знает, что тот слушает.

Именно в компании Толстонога Иуда снова встречает Анн-Гари.

Он старается заслужить дружбу вспыльчивого кактa, разговаривает с ним о дороге и устрашающей каменной пустыне вокруг, о том, какой сухой и холодной выдалась зима, и о слухах, ползущих по дороге, словно товарные вагоны. Бригады из Миршока опять бастуют, в Толстоморске, как обычно, зачем-то сменилось правительство.

Они покуривают или пускают по кругу самокрутки с травкой, сидя у костров Потраха, где к ним подсаживаются и женщины. Однажды в дрожащих отблесках огня Иуда видит Анн-Гари. Она одета вызывающе, как шлюха; их взгляды встречаются, но если Иуда вскрикивает и подбегает к ней, то она лишь улыбается.

Она позволяет Иуде ходить вместе с ней. Сделавшись проституткой, Анн-Гари для других девиц понемногу превратилась сначала в няньку, а потом в организатора и покровительницу. Она стала всеобщей наперсницей, ее непохожесть на других — искушенность вкупе с доверчивостью, как у пастушек былых времен, — привлекает молодых и

неопытных девушек, которые идут к ней за помощью. Анн-Гари разговаривает с Шоном и Толстоногом. Анн-Гари устраивает разные дела, активно посредничает.

Иуда наблюдает за ней у загона переделанных. Ночью она приходит к месту, за которым не наблюдают сторожа, и, как Толстоног до нее, становится спиной к ограде, а за ней, как бы случайно, уже маячит переделанный.

С ним еще один, почти мальчик, вряд ли даже двадцати лет от роду. Паника, которая иной раз охватывает переделанных, толкает его к Анн-Гари. Иуда подходит ближе. Отвращение к собственным телам толкает переделанных на самоубийство, а порой на убийство, к тому же мальчик может дотянуться до Анн-Гари. Но, услышав, о чем разговор, Иуда замедляет шаг.

— Я умру, умру, я не могу так, мне холодно, посмотрите на меня, — твердит парень. Он хватается за длинные тараканьи лапы, которые окружают его шею, точно брыжи, но в то же время скребут и царапают тело. — Я сбегу.

— И куда же ты подашься? — спрашивает Ани-Гари.

— Пойду домой по шпалам.

Связной Анн-Гари наблюдает. Из его тела торчат какие-то трубки и клапаны — части парового механизма, который не помещается внутри.

— Пойдешь по шпалам?

— Домой. Или к беспределам.

— Домой? Куда? В Нью-Кробюзон? Ты же переделанный. И ты хочешь туда? Или к беспределам? Станешь бандитом. Только они далеко и к дороге не подходят. Да и жандармы тебя подстрелят, не успеешь и двадцати миль пройти.

Парень на мгновение смолкает.

— Я пойду на юг. На север. На запад.

— На юге море. До него сотни миль. А рыбу ловить ты умеешь? На севере безлюдные пустыни и горы. На запад? Парень, там какотопическая зона. Хочешь туда?

— Нет…

— Нет.

— Но если я останусь, то умру…

— Возможно. — Анн-Гари поворачивается и смотрит на парня, и Иуда понимает, что взгляд девушки проникает до самого его нутра, и неведомая сущность в нем распрямляется. — Многие из нас умрут на этой дороге. Может, и ты умрешь и будешь похоронен, как свободный человек, под рельсами. Может, нет. — Она протягивает руку и хватается за цепь ограждения так, что почти касается мальчика; лапы вокруг его шеи вздрагивают. — Но пока ты жив. Постарайся не умереть ради меня.

Иуда теряет дар речи. Он уверен, что Анн-Гари никогда не видела этого парня прежде.

Анн-Гари не спит с Иудой, но одаряет его поцелуями, от которых на долгие мгновения захватывает дух. Больше она не целует так никого. Но когда Иуда хочет большего, Девушка убежденно и решительно — так, что ему становится не по себе, — называет цену.

— Я же не клиент, — возражает он.

Анн-Гари пожимает плечами.

Иуда понимает, что дело не в продажности.

Снова весна, на стрелочных переводах сильно пахнет горячим железом. Зимой работа шла медленно, зато теперь люди скидывают с себя лишнюю одежду, темпы растут и путейцы почти нагоняют землекопов.

Они уже на большой равнине, в центре которой лежит Толстоморск. Вместе с жарой вечный поезд вторгается в безжалостную солончаковую пустыню, где от пыли першит в глазах и в носу, точно от простуды, и пахнет жидкостью для бальзамирования. Земля не успевает остыть за ночь, и потому рабочие из зимних холодов попадают в пекло. Город на колесах покрывается грязью, стада мясного скота — язвами. Мясо гниет. Караваны водовозных бочек непрерывно курсируют между поездом и источниками пресной воды, осушая все ручейки и речушки, какие удается найти.

Земля живая. Она проваливается за спиной у рабочих, обнажая зоб и пасти гигантских пылесосущих хищников. Земля вспучивается. Начинается земляной шторм, каменные диски взлетают в воздух, бомбардируют поезд.

— Мы на плохой земле, — твердят все.

Бригада разведчиков возвращается из мягкой, как шелк, пыли пустынь, нахлестывая своих верблюдов, а в телеге лежит человек, скованный по рукам и ногам грязевой коркой… нет, статуя… нет, все же человек, покрытый каменными наростами вроде опухолей. Окаменевшего человека, присутствие жизни в котором выдает лишь дрожание губ, укладывают в постель.

— Он вырвался из-под земли…

— Мы думали, это туман…

— Мы думали, это дым…

Но это дымный камень, который облаком вырвался из-под земли и мгновенно затвердел. Человека приходится освобождать при помощи резца. Панцирь сходит вместе с кусками плоти.

Несколько дней спустя вечный поезд достигает следов того

прорыва. Плавно изогнутые столбы дыма стоят абсолютно неподвижно. Струи газообразного камня застыли в самых невероятных формах, приводя на ум то морские приливы, то волны смога. Скальные испарения оказываются тверже базальта.

Дымный камень отвердел как раз поперек насыпи, и самые сильные мужчины берут молоты и отправляются к прегради. Рабочие хватаются за окаменевшие куски ветра; со стороны кажется, будто они лезут на облако. Дымный камень крошится на узкие осколки, и через несколько часов молотобойцам удается пробить в нем проход такой ширины, чтобы мог пройти поезд. Так возникло ущелье среди твердого тумана.

Все устали от набегов беспределов, которые атакуют дорогу с каким-то вздорным упрямством. «Беспределы не враги!» — утверждает новое поколение рукописных плакатов, но рабочим, наблюдающим последствия их набегов, трудно с этим согласиться.

Иуда не может понять, чего хотят нападающие, — они ведь тоже гибнут во время налетов. Сам он этого не видел, но слышал, как с места одного набега собрали мертвых и умирающих налетчиков, разложили на рельсах и пустили по ним поезд. Разбойники уносят железные детали, механизмы, изредка угоняют скот. Неужели ради такой малости стоит рисковать жизнью?

Земля чудит, складываясь в поросшие лесом скалы. Землекопы совсем близко, их задерживает внезапный выход на поверхность твердых пород; одна бригада тоннелестроителей уже два года бурит проход в граните и все не может прорваться на ту сторону.

Строителей захлестывает коричневый ручей. Это насекомые спасаются от землекопов и лесорубов, которые сводят под корень их лес.

Люди ругаются и пытаются прикрыться. Миллионы хрупких тел бомбардируют каждого: хитин колется. Насекомые крупные, величиной с фалангу какта. Они пытаются грызть даже поезд. Мелких тварей перемалывают механизмы, они гибнут под колесами, от раздавленных тел становятся скользкими рельсы. Приходится сыпать песок, чтобы обеспечить хоть какое-то сцепление.

Позади поезда поднимается крик: это насекомые набрасываются на шлюх, редких попрошаек и скот — в общем, на всех, кто сопровождает стройку.

Впереди бесприютный лесок, голые, как скелеты, деревья. Землекопы уже попали в его ловушку. Сама земля бросила им вызов, и они замедлили ход. Землекопы, строители мостов и тоннелей сходятся в одном месте, поезд и путейцы нагоняют землекопов, шлюхи и попрошайки приходят следом, и все останавливается.

Земля собирается складками и превращается в каменную губу двухсотфутовой высоты, — подъем для поездов слишком крутой. Дорога ныряет в пасть почти законченного тоннеля. Иуда карабкается на вершину скалы. Другой ее склон отвесный, за ним — провал. Иуда видит почти достроенный мост; опоры в двухстах футах под ним указывают место, где будет выход из тоннеля. Корзины с рабочими спускаются вниз, те сверлят отвесную стену, закладывают в отверстия заряды и поджигают шнуры, затем корзины поднимаются.

Мост кишит переделанными. Леса спускаются до самого дна ущелья. Мостовики машут новоприбывшим, которые смотрят на них сверху. Встреча радостна для всех.

Люди месяцами работали среди желтых, как кости, деревьев. Их кожа стала землистой. Машинисты и кочегары огромных машин покрыты коркой дорожной грязи. Ученые и канцелярские служители высовываются из своих нор, едва поезд останавливается; сверху парят вирмы. Полудикие поездные кошки крадутся, высоко поднимая лапы.

Вечером устраивают грандиозный праздник, мостовики и тоннелестроители страшно рады новой компании. Иуда пьет. Под тягучие звуки шарманки он танцует с Анн-Гари, а она танцует сначала с ним, потом с Шоном Саллерваном и Толстоногом. Все четверо курят и выпивают вместе. Мужики одурели от дешевых наркотиков и заговоренного самогона, который они гнали тайком в периоды безделья.

Между рабочими есть разница. Иуда замечает, что мостовики и тоннелестроители, которые так много времени провели в плохих землях, что сами стали частью пейзажа, не делают разницы между людьми, как его товарищи. И хотя переделанные здесь живут отдельно, а охрана пытается соблюдать сегрегацию, жестокость окружающей природы не способствует обособлению. Впечатление такое, будто по металлической ветке, соединяющей рабочих с Нью-Кробюзоном, как по проводу, текут городские предрассудки. Поездные переделанные разглядывают местных переделанных. Иуда видит, что они все понимают, как все понимают жандармы и надзиратели.

Иуда и его бригада укладывают рельсы в тоннеле, до самого тупика. Они продвигаются очень медленно. Люди, которые живут

в скале, как черви в земле, прячутся в углублениях, сделанных в стенах и вымазанных изнутри воском. Они привыкли к кострам и ведьминым огням вместо солнца. Друзьям Иуды страшно. Они часто моргают, встречая взгляд широко расставленных бесцветных глаз проходчиков. Удары молотов страшным грохотом отдаются в темноте.

Заняться им нечем. Они чистят поезд, хотя и напрасно, разведывают землю на несколько миль в обе стороны от дороги, расширяют колодец. Но они не могут помочь строителям тоннеля, не умеют строить мосты, и потому им остается только ждать, играть в карты, трахаться и драться.

У землекопов работа есть. Они продолжают копать по ту сторону каньона, откуда до Толстоморска еще больше ста миль по пустыне. Но прежде чем двинуться туда, они хотят получить жалованье, а денег опять не привезли.

Очень скоро все узнают, что денежная труба снова засорилась. Тоннелестроители в ярости. Их и так давно уже кормили обещаниями: они надеялись, что поезд привезет деньги и им выдадут жалованье за несколько месяцев. Землекопы отказываются продолжать работу. Уже несколько недель прошло с тех пор, как из дома пришел последний поезд.

Что происходит? Ни скандала, ни столкновений; просто нарастает гнев, и взгляды становятся слишком пристальными. Проходчики глазеют, пока новоприбывшие срубают грязные деревья, чтобы сделать из них плохонькие шпалы.

Один проходчик получает ранение: обычное дело там, где постоянно работают с порохом, — но он ведет себя так, словно это первый случай.

— Гляньте, — говорит он, поднимая окровавленную руку, красная кровь ярко выделяется на фоне белой пыли, которая покрывает его с головы до ног. — Они нас тут подыхать бросили.

В ту ночь Иуда идет в овраг, где собираются мужчины — любители мужчин, а вернувшись, встречает Толстонога.

— Митинг, — говорит он. — Это не мы, это они, — и показывает на огни орудийной башни вечного поезда. — Нам надо подумать. Они отправляют назад гонцов, хотят, чтобы Правли послал деньги немедленно.

На следующий день двое кактов затевают драку; они такие здоровые, что надсмотрщики могут только смотреть, как два человека-растения крушат друг другу волокнистые кости тяжелыми молотами.

— Что-то неладно, — говорит Анн-Гари Иуде; они сидят на почерневшем обломке скалы, отколотом от горы при помощи огня, холодной воды и могучих рук переделанных. — Девочки

напуганы.

У входа в тоннель находят несколько экземпляров «Буйного бродяги». Ни дня не проходит без драки или злобной выходки: кто-то разбил прожектор паровоза, кто-то нацарапал на локомотиве ругательства.

Каждый день землекопы сходятся вместе: они отказываются прокладывать насыпь через каньон. Бригадиры находят им другую работу. Землекопы не бастуют, но отказываются делать то, чего от них ждут. Они готовы выметать мусор из тоннеля или подносить инструменты, но если они пересекут каньон, то наступит последний этап их работы — укладка ста с небольшим миль насыпи до Толстоморска. Но они не хотят — по крайней мере, сейчас, когда железная дорога должна им столько денег. Начать работать сейчас — значит сдаться.

А потом наступает ночь. Вдоль всего поезда и в черноте тоннеля зажигаются огни. Бродячие звезды ярко светятся, проплывая мимо своих неподвижных сестер. Иуда делает голема из чертополоха.

— Что это?

Иуда поднимает голову. Все вокруг неотрывно смотрят куда-то вверх. Потом начинают двигаться крошечными запинающимися шажками, точно их тащат на веревке.

— Что это? — спрашивает Иуда, но тот, к кому обращен вопрос, только кричит и тычет пальцем в сторону вершины холма.

— Гляди, гляди! — восклицает он. — Вон он, там!

На гребне холма раздается шум, словно камни и кусты вибрируют, распевая неслыханный гимн. Люди на склоне кричат и начинают спускаться, из-под их ног ручейками текут мелкие камешки. Падая, люди налетают друг на друга. Иуда хватается за какие-то корни и сохраняет равновесие.

Трепетная песня — голос встревоженной природы — звучит громко. Над ними сидит паук. Нет, нет, не может быть, эта громада размером с дерево, большое дерево с симметрично склоненными ветвями, не может быть пауком, но это именно он и есть, паук, причем куда крупнее даже самого крупного мужчины.

— Ткач.

— Ткач.

Люди повторяют одно. В их голосах не слышно страха, один лишь чистый трепет.

Ткач. Эти огромные пауки не совсем боги, но очень близки к ним. По крайней мере, они настолько отличаются и от людей, и от ксениев, и от демонов, и от архонтов, что и представить невозможно, а их мощь, их мотивы, их цели постичь не легче, чем

научиться смотреть сквозь железо. Создания, которые борются, убивают и гибнут, превращая все в красоту, в причудливую паутину, ибо так они видят мир: сплетение нитей, образующих невозможную спиральную симметрию.

Иуде лезут в голову песенки о Ткачах. Страшилки для детей вроде: «Сказал он мне: „Считай, она твоя“, но задушил, и вот она ничья. Паук, паук, паук-свинья» — и прочие балаганные дурачества. Но, глядя на это существо на гребне холма, источающее несвет — или это свет? — Иуда понимает, что все известные ему песни не имеют смысла и ничего не объясняют.

Паук завис в сложной неподвижности. Черная, как смоль, капля тела, ни одного светлого пятнышка на голове. Четыре длинные изогнутые лапы упираются в землю острыми кинжалами-когтями, еще четыре, покороче, подняты вверх и застыли в воздухе, словно паук находится в центре паутины. Длиной он в десять, а то и двенадцать футов, и — что это? — он поворачивается, поворачивается медленно, плавно, точно спускается на паутинке, и все вокруг замирает. Иуда чувствует, как его тянет вперед, словно весь мир опутан паутиной и паук с каждым движением подтягивает ее к себе.

Униженный всхлип вырывается из горла Иуды. Это невидимые путы Ткача исторгают его. Всхлип — что-то вроде дани непроизвольного восхищения.

Склон холма усыпан мужчинами и женщинами с железной дороги: они стоят, как приклеенные, и смотрят, некоторые пытаются убежать, иные глупцы стараются подобраться поближе, точно к алтарю, но большинство просто стоит и смотрит, как Иуда.

— Не трогайте его, не подходите близко, это же чертов Ткач, — кричит кто-то далеко внизу.

Громадный паук поворачивается. Камни продолжают петь, и Ткач вместе с ними.

Его голос идет из-под камней. Он точно трепет в пыли.

— …РАЗ И РАЗ И РАЗ И ДВА КРАСНЫЙ КРАСНЫЙ-ЧЕРНЫЙ СИНЬ ЧЕРНЫЙ СГИНЬ КОЧКОРЕЗЫ ТРАЛИТЬ РВИ ВРИ ВИРА ЛИРА И КОНТРАКТ МОИ ШПАЛЫ ЗАПОЗДАЛЫЙ ДЕТКИ КЛЕТКИ КАМНЕТЕС И ПЯТИЛЕТКА ТВОЙ ЗВУК МЕДЛЕННЫЙ ЛОВУШКИ СТУК РИТМ В ОРУДИИ И КАМНЕ…

Голос превращается в ритмичный лай, от которого подпрыгивают мелкие камешки.

— …ЖРИ РИТМ ЖРИ ЗВУК ДАЙ ПУЛЬС СЕРДЦА СТУК МАГ…

Мысли и структура вещей пойманы в ловушку и втягиваются в Ткача.

— …ТОЧИ И ТРИ ЛЮБИ ЗАБУДЬ ЧТО БЫЛО ЗАБУДЬ ЗАБУДЬ

ТЕБЯ ЗОВУТ РАКАМ АДЕВА РАКОМ ДЕВА ОТСКОЧИ ТОРЧИ НАПЕРЕКОР ТОМУ ЧТО БУДЕТ СТРОЙ…

Ткач поджимает передние лапы и тут же роняет их, слегка пошатнувшись, а сам все пухнет и продолжает впитывать свет, пока Иуде не начинает казаться, что и он сам, и земля под его ногами, и дающие ему опору чахлые деревца — это всего лишь старый выцветший гобелен, по которому бежит живой паук.

Одну за другой поднимая острые, точно ножи, лапы, Ткач приближается к краю пропасти и танцует вдоль него, с хитроватой игривостью оборачиваясь, чтобы взглянуть черными созвездиями яйцевидных глаз на обесцвеченных мужчин и женщин, которые крадутся за ним. При каждом повороте его головы они застывают и отшатываются, но стоит ему отвернуться и продолжить путь, как они снова тащатся за ним, словно привязанные.

Тварь соскальзывает с края утеса, и люди бегут смотреть, как огромный паук неверной походкой, словно идущая на шпильках девушка, ковыляет по отвесной стене. Он разгоняется, бежит, нелепо колышась всем телом, во весь опор несется к мосту, к балкам и фермам, пронзающим скалу на полпути ко дну ущелья, и вдруг прыгает и оказывается на недостроенном мосту, где, уменьшенный расстоянием, сначала вертится вокруг своей оси, кувыркается, а потом, будто колесо без обода, легко вкатывается туда, где днем мартышками висят и трудятся переделанные.

— …ЛОМАЙ ЛОМАЙ… — Голос паука слышен так ясно, как будто он стоит рядом с Иудой. — ЖМИ КИСТЬ ДЫХАНЬЕ ЗАДЕРЖАВ ВМЕШАТЕЛЬСТВА ЖДУТ ДЬЯВОЛЫ ДВИЖЕНЬЯ ВОСХИЩЕНЬЯ ПОХИЩЕНЬЯ СТРОЙ ПОСТРОЙ БАШНИ ВЗДОХ ВЫСОК КУРС НА ЗВЕЗДУ И ЧИСТ ТЫ ПРЕКРАСЕН ВО ВРЕМЕНИ ТОМ РАВНИННЫЙ ПАРА ЧЕЛОВЕК…

Внезапно Ткач исчезает, и рассеянный ночной свет снова заливает взор Иуды. Ткач исчезает, но пятно в форме паука еще долго стоит перед глазами людей, прежде чем они понимают, что на мосту никого нет, и, отвернувшись, расходятся. Кто-то плачет.

На следующий день нескольких человек находят мертвыми. Они лежат, глядя бесцветными глазами в ткань палатки или в небо, и тихо, радостно улыбаются.

Один старый сумасшедший прошел со строителями много миль, молча наблюдая за тем, как орудуют кувалдами молотобойцы и продают забвение шлюхи, и стал чем-то вроде полкового знамени, талисмана удачи. После паука он вдруг забрался на гору над устьем тоннеля и сначала понес какую-то тарабарщину, а потом заговорил нормально. Он объявил себя

пророком паука, а рабочие, хотя и не повиновались его приказам, все же поглядывали на старика с уважением.

Вот старик проходит меж вынужденно бездействующими путейцами, кричит строителям тоннеля, чтобы они бросали заступы и голышом бежали на север, в неизведанные земли. Он велит им совокупляться с пауками в пыли, ведь на рабочих — обрывки пряжи паука. Они — это новая раса.

— Мы видели Ткача, — говорит Иуда. — Немногим выпадает такое. А мы видели.

На следующий день забастовку объявляют женщины.

— Нет, — говорят они мужикам, которые подходят к палаткам и пялятся на них, ничего не понимая. Женщины встречают их с оружием в руках: они теперь сами себе милиция, патрули в драных юбках.

Женщин несколько десятков, и они полны такой решимости, что самим удивительно. Гонят прочь всех подряд: молотобойцев, проходчиков, жандармов. Те, получив от ворот поворот, не уходят. Возникает стихийная демонстрация протеста мрачных, изголодавшихся по ласке мужчин. Поднимается ропот. Одни отходят подрочить за скалы, другие просто отступают. Но не все.

Две толпы пылят, сойдясь вплотную. Приходят жандармы, но что делать, не знают: женщины ничего не нарушают, просто отказывают мужчинам, а те просто ждут.

— Нет монет — ласки нет, — говорит Анн-Гари. — Нет монет — ласки нет, нет монет — ласки нет.

— Авансом больше не даем, — говорит она Иуде. — С тех пор как мы здесь, а денег нет, все они ходят и ходят к нам в кредит. И свои, и жандармы, а теперь еще и новенькие. А эти женщин давно не видели; от них потом все болит, Иуда. Приходят и говорят: «Запиши на мой счет, девочка», и ведь не откажешь, хотя и знаешь, что они никогда не заплатят. Кира глаз потеряла. Приходит к ней один проходчик — запиши, мол, на мой счет, она отказалась, а он ей кулачищем как двинет, глаз-то и вон. Белладонне руку сломали. Так что нет монет — ласки нет, Иуда. Теперь деньги только вперед.

Женщины защищают Потрах. На улицах патрули с дубинками и стилетами; есть и передний край. За детьми присматривают по очереди. Наверняка не все женщины рады такому повороту событий, но несогласные молчат из солидарности. Анн-Гари и другие покачивают юбками и хохочут на глазах у мужчин. Иуда не единственный друг разъяренных шлюх. Он, Шон Саллерван, Толстоног и еще несколько человек наблюдают за ними.

— Да ладно вам, девчонки, что вы затеяли? — говорит,

улыбаясь, один бригадир. — В чем проблема? Чего вы добиваетесь? Вы нужны нам, красотки.

— Все, Джон, больше вы нас не обманете, — отвечает Анн-Гари. — Хватит обещаний. Платите, а до тех пор никаких ласк.

— Нет у нас денег, Анн, ты же знаешь, лапушка.

— Не наша проблема. Пусть ваш Правли вам заплатит, тогда и мы… — И она виляет бедрами.

В ту ночь кучка мужчин, то ли обозленных, то ли навеселе, пытается проложить себе путь сквозь кордон, но женщины набрасываются на них и избивают с такой яростью, что те отступают, прикрывая разбитые головы руками, вопя не только от боли, но и от изумления.

— Ах ты, стерва такая! — кричит один. — Ты мне башку разбила, стерва, дрянь!

Женщины не пускают к себе мужчин и на следующий день, и это уже не выглядит забавным. Один вытаскивает из штанов свой член и трясет им со словами:

— Платы захотели? Ну так я вам заплачу. Нате, подавитесь, грязные шлюхи, вам бы только деньги загребать!

В толпе мужчин есть такие, кто искренне любит своих спутниц по долгому пути, и они быстро затыкают наглецу рот, но кое-кто радостно хлопает.

— Деньги получите — добро пожаловать, — отвечают женщины. — Вопросы не к нам, ублюдки озабоченные.

Попытка проникнуть в лагерь силой повторяется. На этот раз заводилами становятся проходчики. Они собираются карать и насиловать. Но затея не удается: женщины-переделанные, посланные полоскать белье возле Потраха, поднимают тревогу. Они замечают крадущихся мужчин и начинают визжать; те бросаются на женщин, чтобы заткнуть им рты. Тут на помощь прибегает отряд проституток.

В потасовке несколько мужчин получают удары кинжалами, какой-то женщине разбивают лицо, а когда проститутки одолевают непрошеных гостей, одну из переделанных обнаруживают лежащей без сознания: она контужена, из головы течет кровь. Нормальные женщины, помешкав немного, относят ее в свой лагерь, чтобы оказать помощь.

Утром объявляют забастовку проходчики. Они собираются у входа в тоннель. Бригадиры сбегаются на торг. Рабочие выдвигают своего переговорщика: тощего мужчину, несильного геомага, чьи ладони почернели от базальта, который он превращает в жидкую грязь.

Он говорит:

— Мы войдем внутрь, когда девчонки снова пустят нас

внутрь.

Его люди смеются.

— У нас тоже есть потребности, — добавляет он.

Проститутки и проходчики заявили о своих требованиях. Землекопы работать не хотят, путеукладчики не могут, вот они и сидят на солнышке, дуются в кости да карты или дерутся. В лагере становится небезопасно, как в степях. Вечный поезд стоит. Жандармы и бригадиры совещаются. Идет теплый дождь, от которого не становится свежее.

— Сношайтесь с пауками, — вещает сумасшедший старик. — Пришло время перемен.

Все тихо. Только строительство моста идет своим чередом, но теперь по вечерам рабочие, закончив трудиться, пересекают ущелье, чтобы своими глазами взглянуть на забастовку. Они приходят — колючие хотчи, тренированные и обузданные переделкой обезьяны, переделанные люди с телами приматов. Они хотят видеть бунт и ходят от одного края ущелья к другому.

Газетчики с вечного поезда, которые посылают свои истории в город с оказиями, внезапно получают новую тему для освещения. Один из них делает гелиотип женского пикета.

— Не знаю, что и написать, — жалуется он Иуде. — В «Перебранке» не приветствуют статей о шлюхах.

— Сохрани столько пластин, сколько сможешь, — советует ему Иуда. — Такое не следует забывать. Это важно.

На самом деле это выросшая в нем странная тварь, святое нутро Иуды глаголет через него. При мысли о том, что он слышит голос этого существа, Иуда на мгновение лишается дара речи.

— Все мы дети паука, — вещает старый сумасшедший.

На скалах находят переписанные вручную экземпляры «Буйного бродяги».

> Это не три забастовки, и даже не две с половиной. Это одна стачка, против общего врага и с общей целью. Женщины нам не противницы. Их не в чем винить. Нет монет — ласки нет, говорят они нам: так пусть это станет и нашим девизом! Мы не уложим больше ни одной шпалы, ни одного рельса, пока обещанные нам деньги не станут нашими. Они начали, мы подхватим. Наш девиз: «Нет монет — ласки нет!»

Как только надсмотрщики понимают, что мужчины и женщины не перестанут бастовать, сломив друг друга взаимными

обвинениями, наступает перемена. Иуда чувствует это, когда замечает, как с новой деловитостью начинают сновать туда-сюда бригадиры.

Уже становится жарко; Иуда обливается потом, когда идет, не позавтракав, вместе с другими праздными рабочими к устью тоннеля. Проходчики выстраиваются в боевом порядке, вскинув на плечо заступы. Перед ними встают жандармы и бригадиры с отрядом переделанных в цепях.

— Ну давайте, подходите, — говорит один из надсмотрщиков.

Иуда его знает: им всегда прикрываются, когда нужно принять непопулярные меры. Появляется делегация проституток — двенадцать женщин во главе с Анн-Гари. Проходчики начинают выкрикивать обидные слова. Женщины молчат и только смотрят. Позади них, точно бык, сопит поезд.

Надсмотрщик выходит вперед и останавливается напротив переделанных. Повернувшись к забастовщикам спиной, он разглядывает разношерстную толпу существ, снабженных излишками металла и чужой плоти. Иуда замечает, как Анн-Гари шепчет что-то Толстоногу и еще одному мужчине, а те кивают, не оборачиваясь. Взгляды обоих устремлены к переделанным. Один из них — мужчина с резиновыми трубками, выходящими из тела и вновь входящими в него, — ловит взгляд Толстонога и едва заметно склоняет голову. Рядом с ним — совсем молодой парень, из шеи которого растут хитиновые ноги.

— Берите заступы, — командует бригадир переделанным. — И марш в тоннель, камни дробить. Указания получите на месте.

Ответом ему — молчание и неподвижность. Между переделанными и бастующими вклиниваются жандармы.

— Берите заступы. В тоннель шагом марш. Копать до конца. Тоннель должен быть пройден.

И снова все молчат. Люди с вечного поезда знают, как используют рабочую силу переделанных, и многие начинают заранее кричать: «Штрейкбрехеры, подонки». Но крики скоро стихают, потому что никто из переделанных не трогается с места.

— Берите заступы.

Когда и на третий раз никто не подчиняется, надсмотрщик берется за хлыст. Тот со свистом взвивается в воздух и опускается. Раздается крик, и один из переделов падает, закрывая окровавленное лицо.

Раздаются испуганные крики, некоторые переделанные начинают двигаться, но кто-то из них отдает негромкий приказ, и все остаются на своих местах, кроме одного, который срывается с места и бежит к устью тоннеля с воплем:

— Я не хочу и не буду, вы меня не заставите, это дурацкий план!

Никто на него не смотрит, и он скрывается в темноте. Юноша с тараканьими ногами на шее дрожит и упорно не отрывает глаз от земли. За его спиной человек с трубками что-то говорит.

— Берите заступы.

Надсмотрщик надвигается на переделанных.

Что-то вскипает внутри Иуды. Вокруг него поднимаются ропот и гнев.

— Берите заступы, или мне придется вмешаться и обезвредить смутьянов. Заступы берите и в тоннель, а не то…

Люди начинают кричать, но голос надсмотрщика перекрывает их крики.

— А не то мне придется принять меры против…

Нарочито медленно он обводит взглядом объятых страхом переделов, одного за другим, долго смотрит на человека с трубками, единственного, кто не отводит глаз, а потом хватает дрожащего парнишку, который кричит и вырывается.

— А не то мне придется принять меры против этого заводилы, — заканчивает надсмотрщик.

Мгновение никто в толпе не произносит ни звука. Тогда надсмотрщик жестом подзывает к себе двоих жандармов, и толпа тут же взрывается воплями, а жандармы сбивают парня с ног.

И, как это бывало, когда пели копьеруки, Иуда видит сгустившееся время. Он наблюдает, как опускаются полицейские дубинки, как юноша неумело прикрывает руками свою голову и хитиновые ножки. Он успевает проследить полет птиц над собравшимися здесь, успевает разглядеть все лица в толпе, ставшие вдруг неодолимо притягательными.

Все поражены и заворожены происходящим. Передел с трубками, который опекал парнишку, стоит, стиснув зубы. Укладчики, напротив, разинули рты от жалости, а проходчики из-под прикрытия скалы смотрят с тупым недоумением, даже страхом, и повсюду, куда ни посмотрит Иуда, пока защелкиваются наручники и жандармы сдерживают толпу, он видит колебание. Все напряженно колеблются, глядят друг на друга, на воющего парнишку, на палки, снова друг на друга; колеблются даже жандармы, все медленнее нанося удары, а их коллеги неуверенно поднимают оружие. Нарастают голоса.

Иуда замечает Анн-Гари: подруги держат ее, а та царапает ногтями воздух с таким видом, будто вот-вот умрет от ярости. А люди кругом подавляют дрожь, точно перед прыжком в ледяную воду, и всё переглядываются, выжидая, и тут Иуда чувствует, как

что-то внутри него рвется наружу, это его странная доброта вырывается на свободу и подталкивает их, и он улыбается, несмотря на кровавую жару, и все приходят в движение.

Но первый шаг делает не Иуда — он никогда не бывает в числе первых — и не передел с трубками, не Толстоног и даже не Шон, а какой-то совершенно неизвестный проходчик, стоящий в первых рядах. Он выходит вперед и поднимает руку. Этот рабочий словно проламывается через напряжение, утвердившееся в мире, разбивает его и выплескивается во время, как вода, перехлынувшая устье капилляра, за проходчиком устремляются другие, и вот уже Анн-Гари бежит вперед, и переделанный пытается удержать дубинки и кнуты жандармов, и сам Иуда тоже бежит и вцепляется своими загрубевшими от работы руками в глотку кого-то в форме.

Горячечный звон затапливает уши Иуды, и он слышит только биение собственной ярости. Он поворачивается и Дерется так, как его научили драться на железной дороге. Иуда не слышит выстрелов, только чувствует, как пули прошивают воздух. Колдовская энергия вскипает в нем, и, сцепившись с жандармом, он инстинктивно превращает его рубашку в голема, который сдавливает тело противника. Иуда бежит и сражается, и все безжизненное, чего касаются его руки, на миг обретает иллюзию жизни и, повинуясь его приказам, вступает в бой.

У жандармов есть кремневые ружья и кнуты, но их самих слишком мало. Есть среди них и маги, но куда им до милицейских: ни плевков сгустками энергии, ни превращения нападающих в кого-нибудь — только самые примитивные заклинания, с которыми рабочие справляются и продолжают борьбу.

Среди укладчиков кактов больше, чем среди надсмотрщиков. Эти громадины налетают на охранников ТЖТ и обрушивают на них зеленые кулачищи, буквально ломая их пополам. Они прикрывают своих друзей, а у жандармов нет дискометов, чтобы разрезать растительную плоть.

Передел с трубками утаскивает тело парня с ногами насекомого. На ходу он вытаскивает из кармана кусок угля и мусолит его во рту, черня губы. Двигается он бегом. Те из жандармов, кто еще способен пошевелиться, отступают. Другие устилают землю бок о бок с изувеченными переделанными и нормальными людьми. Все заканчивается очень быстро.

Иуда бежит. С него капает пот. Жандармы, окруженные сбросившими кандалы переделанными, размахивают оружием, затем стреляют, и переделанные падают. У поезда жандармы

перестраиваются.

— Нам надо… — кричит Иуда.

Рядом с ним — передел с трубками, который кивает и тоже кричит, и сразу появляются те, кто подчиняется ему: другие переделанные и свободные люди, мужчины и женщины, среди них Ани-Гари и Шон, и все они выполняют команды ни на кого не похожего человека.

— Да, — говорит он Иуде. — Со мной.

Они срезают угол, пробежав через заросли мертвых деревьев, и вот перед ними вечный поезд. Он выдыхает дым и плюется паром, когда разношерстная толпа окружает его. Его предохранительная решетка ощерилась, точно целая пасть гнилых зубов. Топки пышут огнем так, будто поезд через трубы всасывает энергию солнца. И везде люди — одни прыгают с поезда, другие устремляются к нему. Соскакивают с коек на крышах вагонов, с открытых платформ, где спят вольнонаемные, отовсюду, таращат глаза на приближающихся жандармов и забастовщиков, кричат. На бегу и жандармы, и забастовщики пытаются склонить их на свою сторону.

— …они, они…

— …ложись, это ублюдки переделанные…

— …они стреляли в нас, избивали…

— …разойдись, ублюдки, а то всех перестреляю…

— …стойте, ради Джаббера, черт, стойте, черт вас дери…

Жандармы с ружьями наголо неровным строем окружают поезд, и две волны: любопытствующих — с одной стороны и бастующих рабочих, проституток, переделанных — с другой, застывают на месте. Жандармы отступают к вращающейся орудийной башне.

Мгновение все колеблются между дальнейшим напором и смятением. Анн-Гари и человек с трубками подходят ближе. У мужчины бесстрастный вид, у Анн-Гари — наоборот. За их спинами выстраивается армия переделанных. Они не шагают, а рывками переставляют ноги; на некоторых еще видны обрывки цепей и кольца от оков, снятых при помощи камня или украденного ключа. Они не шагают, они чуть не падают с каждым движением ног, и солнце ярко играет на их изувеченных телах. В его лучах остро поблескивают лезвия самодельных клинков.

Переделанные отрывают планки от изгороди, за которой им приходилось жить, размахивают снятыми с ног цепями. Они вооружаются осколками, черепками от горшков, вделанными в дерево. Скоро их уже не десятки, а сотни.

— Господи, кто их выпустил, что вы наделали? — раздается чей-то истерический вопль.

Неведомая сущность внутри Иуды вспучивается от желания видеть их. Она раздувает его, ворочается, как ребенок во чреве матери. Иуда кричит, приветствуя и предостерегая восставших.

Четвероногие мужчины, словно бизоны, везут на своих спинах седоков с бесчисленными конечностями; бегут женщины на удлиненных руках, сделанных из конечностей животных; другие мужчины топочут ногами-поршнями, напоминая ожившие отбойные молотки; есть тут и женщины, сплошь покрытые кошачьими усами или щупальцами в палец толщиной, с кабаньими клыками или бивнями, выточенными из мрамора, со сцепленными шестернями на месте рта, со множеством собачьих или кошачьих хвостов, заменяющих юбку, с каплями чернильного йота из насильно привитых желез, с выделениями всех цветов радуги; и все это скопление преступников, всю разношерстную толпу сближает одно — близость свободы.

Жандармы убрались, спрятались в своей бронированной конуре — орудийной башне. Иные похватали мулов и лошадей из общественного загона и умчались прочь.

— Нет, нет, нет.

Многие проходчики и путейцы напуганы освобождением переделанных. Никто не знает, кто это сделал и как. Кто-то украл ключи, и все зашевелилось в поселении кандальников (хотя не все вышли на волю, некоторые по-прежнему льнут к своим цепям).

— Не для того мы здесь. Не для того все было. — Проходчик кричит Шону Саллервану, не желая разговаривать ни с Анн-Гари, ни с главой переделанных, разминающих конечности. — И я не хотел, чтобы того мальчишку избили, потому что он ничего не сделал, но это же глупо. Что вы, черт возьми, затеваете? А? Мы уже…

Проходчик бросает взгляд на переделанного, который, помаргивая, смотрит на него. Его слегка передергивает.

— Ты только не обижайся, мужик. — Теперь он обращается к переделанному. — Слушай, не мое это сраное дело. Ты же видел, мы больше не дадим им избивать вас просто так. Но ведь вам нельзя, вам надо вернуться, это… — Он тычет пальцем в орудийную башню.

Но поздно. Осада началась, наступила странная тишина.

— Черт возьми, люди погибли, — говорит проходчик. — Они *погибли*, их нет больше.

Парень с тараканьими ногами погиб. Других переделанных скосили пули. Одного какта раскроило летящей доской. Кучей лежат трупы жандармов, изувеченные тяжелыми молотами,

заостренными кольями и другим эрзац-оружием дорожных рабочих. Отупевшие от горя провожатые толпятся у могил.

Возвращаются охотники. Проститутки сидят на скалах в забытой богами сердцевине мира и смотрят на поезд. Кочегары и тормозные кондукторы волнуются, когда ошалевшие от свободы переделанные набиваются в кабину паровоза и тянут за рычаги, а те, которые снабжены собственными котлами, поворовывают кокс. Люди озадаченно бродят туда-сюда и спрашивают друг у друга, что происходит. Они смотрят на солнце, смотрят, как покачиваются мертвые стволы, и ждут, когда кто-нибудь возьмет власть.

Ими владеет особого рода беспокойство — кругом такая тишина, но ясно, что долго она не продержится. Жандармы захватили огневую точку и примыкающий к ней вагон; остальные под контролем переделанных. Жарко; скрежещет, вращаясь, орудийная башня.

Вольнонаемные видят в Саллерване с Толстоногом вождей переделанной толпы, но рядом с ними стоят Анн-Гари и пронизанный трубками мужчина, которого, как выясняет Иуда, зовут Узман.

— Веди своих парней обратно. Что они тут делают? — говорит переговорщик от рабочих. Он указывает на башню. — Смотри, что там готовится. Против тебя. Короче, вот наши требования. Ты заводишь своих обратно, нам платят зарплату, и никто не будет наказан…

Он обращается к Шону, но отвечает Узман.

— То есть вы получите деньги, а мы должны отдать обратно его? Поезд?

Он смеется, и становится ясно, что предложение свободных — чистое безумие. Те хотят, чтобы переделанные добровольно отказались от свободы! Узман смеется.

— Мы еще не решили, что будем делать дальше, — говорит он. — Но мы решим.

Все кричат, как на уличном митинге: жандармы в башне спорят между собой, переделанные доказывают что-то переделанным, укладчики, механики, проходчики — все бранятся. Из орудийной башни доносятся звуки: там над чем-то работают. Забастовщики наблюдают из-за баррикад. Луна в небе расколота на две почти ровные половины: темную и светлую. Она убывает. При лунном свете, а также в лучах прожекторов и фосфорном свечении заклятий мужчины и женщины вечного поезда собираются на сходку.

— Мы не можем просто ждать, — говорит Толстоног. — Люди

уже бегут. Одни боги знают, сколько жандармов сбежало — лошадей почти не осталось. Дрезин тоже. А ведь это не просто надсмотрщики убегают, Узман. Мы должны принудить их сдаться.

— Зачем? — открывает рот Анн-Гари; тварь внутри Иуды начинает шевелиться. — Зачем нам это? Чего ты хочешь от них, хавер? Они ничего не могут нам дать. Сейчас они просто напуганы, потому и сидят в башне, но когда им придется выбрасывать дерьмо наружу, вот тогда они и откроют пальбу.

Эти четверо говорят на повышенных тонах. Толпа медленно поворачивается к ним.

— Нам надо выдвинуть требования, — говорит Толстоног. — Они приведут подкрепление. К тому времени наши требования должны быть готовы.

Вмешивается Шон:

— Какие требования? Освободить проклятых переделанных? Никогда этого не будет. Признать новые гильдии? Чего именно мы хотим?

— Надо придумать, — отвечает Толстоног. — Надо послать в Нью-Кробюзон своих гонцов, пусть они поговорят с тамошними гильдиями и выработают совместные требования. Если мы сможем заручиться их поддержкой…

— Ты бредишь. Разве они пойдут на это? Ради нас? Нет, нам самим надо взять ситуацию в свои руки. Отныне это все наше, — говорит Узман.

Раздаются свист и проклятия в адрес переделанных. Анн-Гари кричит; она так взволнована, что ее загадочный акцент снова становится заметен.

— Заткнись, — говорит она оратору. — Не проклинай переделанных, сам от этого лучше не станешь. Зачем мы здесь? Вы дрались. А вы, — она оборачивается к проходчикам, — забастовали. Из-за нас. — (Сопровождающие ее проститутки кивают.) — Но почему вы дрались с жандармами? Потому что они, вот эти самые переделанные, не сорвали вашу забастовку. Не сорвали. Ради вас они выдержали побои. Ради того, чтобы ваша забастовка продолжалась. И ради нас. Ради меня.

Анн-Гари протягивает руку к Узману, хватает его и притягивает к себе; тот молча, хотя и удивленно, поддается. Девушка целует его прямо в рот. Он переделанный, это небывалое нарушение приличий. Все вокруг возмущены, шокированы, но Анн-Гари кричит во весь голос:

— Переделанные забастовали ради нас, чтобы вас не сломили. Мы бастовали против вас, а вы — против нас, но переделанные — они за всех нас, дураков. И вы это знаете. Вы сражались за них. А теперь их же презираете? Это они спасли

вашу чертову забастовку, да и нашу тоже, хотя мы и бастовали друг против друга. — И она снова целует Узмана; одни проститутки в ужасе, другие в восхищении. — Говорю вам, если кто-нибудь и заслуживает службы в кредит, то это чертовы переделанные.

Ближайшие к Ани-Гари и самые воинственные проститутки нарочито стараются прикоснуться к Узману.

— Мы должны заручиться поддержкой, — кричит Толстоног.

Но его никто не слушает. Все слушают Анн-Гари. Иуда делает из пыли голема.

Уже глубокая ночь, но почти никто не спит. Голем Иуды выше его самого, его скрепляют масло и грязная вода. Старик, объявивший себя пророком паука, стоит за спиной Анн-Гари и выкрикивает какие-то туманные похвалы ей, пока девушка спорит с Толстоногом.

Со стороны поезда к ним приближается жандарм, размахивая белым флагом.

— Они хотят поговорить, — говорит женщина на хитиновых колесах.

— Подождите, — кричит он на ходу. — Мы хотим покончить со всем этим. Хватит взаимных обвинений. Мы замолвим за вас слово перед ТЖТ, выбьем у них денег. Никто не останется внакладе. И с вами, переделанные, мы можем договориться. Может, вам скостят срок. Мы обо всем договоримся. У нас масса возможностей.

Радостный гнев освещает лицо Анн-Гари. Парламентер шарахается от нее, но та устремляется мимо него к поезду, а за ней мчатся переделанные, Толстоног, Узман и Иуда, который на ходу шлепает своего голема по заду, точно младенца, и тот, разбуженный заклятием, мчится за ним. Те, кто видит голема, от изумления разевают рты.

Толстоног кричит Анн-Гари:

— Постой, подожди, куда ты? Подожди же!

Узман тоже что-то кричит, но, пока осаждающие поезд переделанные прячутся за частоколом, Анн-Гари останавливается прямо перед башней. В руках у нее ружье.

Узман с Толстоногом кричат на девушку, но она продолжает шагать по ничейной земле перед поездом. Только голем Иуды следует за ней. Башенное орудие поворачивается к Анн-Гари. Она неловко вскидывает ружье. Кроме фигуры из масла и грязи, возле нее никого нет.

— Никаких сделок с вами, ублюдки, — кричит она и спускает курок, невзирая на то что пули не могут пробить броню.

Гремит выстрел, переделанные бросаются к ней на выручку, с

башни доносится голос капитана, он что-то приказывает своим людям: Иуде не разобрать, это «Не стрелять» или «Огонь!». Он велит голему прикрыть собой Анн-Гари, и тут же раздается одиночный выстрел, а следом начинается целая ружейная канонада.

Все, кроме голема и Анн-Гари, бросаются на землю, повсюду крики и кровь. Выстрелы прекращаются. Трое валяются на земле. Остальные, в основном переделанные, но и нормальные тоже, зовут на помощь. Анн-Гари молчит. Плотная субстанция голема изрешечена пулями.

— Нет, нет, нет, — кричит капитан. — Я не…

Но переделанные не ждут. Они кричат. Кто-то оттаскивает Анн-Гари назад. Иуда видит ее лицо, на нем улыбка, и он чувствует, что улыбается сам.

Начинается маленькая война.

— Что ты делаешь? — визжит Толстоног на Анн-Гари, но его вопрос уже не имеет смысла.

Жандармы, вольнонаемные, проститутки и переделанные вступают в общую потасовку, но понемногу дело проясняется: с одной стороны — переделанные и их друзья, с другой — жандармы и все, кто не приемлет неистового восторга освобожденных. Иуде страшно, но он ни на миг не жалеет о рождении этого буйного ребенка.

Переделанные атакуют башню, вооружившись мушкетами, самодельными бомбардами и собственными конечностями-молотами. Они обстреливают башню камнями и кусками рельсов, которые со звоном отскакивают от брони. Рядом с Иудой — человек с наростом из клешней краба на подбородке; внезапно он падает, сраженный пулей жандарма. Иуда отправляет своего голема в обход башни, и земляная плоть того крошится от пуль.

Он не слышит выстрела тяжелого орудия у себя над головой. Просто перевернутая двуколка, между колесами которой залегли люди, вдруг становится огненным столбом, из которого во все стороны летят острые, как ножи, осколки дерева и брызжет кровь, а в следующий миг на ее месте уже дымится обугленная воронка. Иуда мигает. Он видит обломки. Он видит, что потемневшее существо, ползущее к нему и оставляющее влажный улиточий след, — это женщина, чья обожженная кожа покрылась копотью, словно по сырому мясу пошла черная паутина трещин. Иуда удивляется, почему женщина молчит, хотя у нее горят волосы, — но тут же понимает, что это он ничего не слышит. В ушах звенит. Орудийный ствол, как вальяжный курильщик, выпускает кольцо дыма.

Башня поворачивается. Мятежники — переделанные, проститутки и примкнувшие к ним вольнонаемные — бегут прочь.

Иуда встает. Медленно. Делает шаг, его голем тоже. Орудие поворачивается рывками — видимо, механизмы плохо смазаны. Голем прижимается своим грязным телом к товарному вагону. Карикатурно подражая движениям Иуды, он подтягивается на руках и влезает на крышу, оставляя на стене жирный отпечаток.

Орудие на башне стреляет снова. Снаряд пронзает облако жирного дыма, и в нескольких ярдах от башни часть полотна встает дыбом, люди летят с него в разные стороны. Ставя ноги на выступы и в пазы, голем карабкается на башню. Даже стволы ружей, из которых целятся в него жандармы, он использует как ступени и поручни. С безразличием к себе, невозможным для существа мыслящего и чувствующего, он лезет наверх, теряя по дороге куски плоти, уменьшаясь в размерах, и достигает цели, несмотря на палки и заостренные колья, которые пронзают его гравийно-грязевое тело и отнимают силы, несмотря даже на потерю обеих ног, которые падают на броню двумя бесформенными кучками, точно испражнения. Орудие разворачивается, и по команде Иуды голем засовывает в его ствол руку.

Ствол доходит ему как раз до плеча. Орудие заткнуто заговоренной грязью, из которой состоял голем. Раздается выстрел, и пушка странно дергается, точно поперхнувшись снарядом. Ствол разносит на куски, голем превращается в дождь из грязи. Дым и пламя вырываются наружу, башня содрогается, ее верхушка вспыхивает мрачным светом и раскрывается, не выдержав брутального напора, точно с силой разжатый кулак.

Клубы едкого дыма рвутся вверх, и вместе с градом осколков из башни выпадает убитый. Остов пушки бесцельно вертится. Иуда весь заляпан останками голема. Мятежники радостно кричат. Он их не слышит, но видит.

Повстанцы захватывают поезд. Жандармы выбрасывают ружья и выходят наружу, окровавленные, с обожженными, слезящимися глазами.

— Нет, нет, нет! — кричит Узман; он ест уголь, его бицепсы играют.

Толстоног, Анн-Гари и еще несколько человек, которых Иуда уже узнает в лицо, пытаются остановить избиение, когда оно становится слишком похожим на убийство, отбирают ножи. Люди кричат, но уступают. Жандармов сажают на цепь там, где раньше сидели переделанные.

— Что теперь?

Эти слова Иуда слышит повсюду, куда бы ни пошел.

Теперь поезд принадлежит переделанным. Они мастерят флаги для своей внезапно обретенной родины и размахивают ими с вершины взорванной башни. Никто не ложится спать. Надзиратели скрываются в пустыне, а с ними уходят многие вольнонаемные и некоторые проститутки.

— Ради всех богов, пошлите сообщение в город, — говорит Толстоног. — Нам надо наладить связь, — добавляет он, и Узман кивает.

Вокруг них толпятся другие вожди нежданного бунта: они спорят до хрипоты, хоть им и не хватает слов, принимают решения.

Анн-Гари обращается ко всем:

— Нельзя поворачивать, назад мы не пойдем, только вперед.

И она показывает на пустыню.

Восставшие выбирают посланцев. Гонцов. Среди них — переделанный с железными ногами на паровом ходу; растопырившись во все стороны, они со страшной скоростью вносят его на вершину любой горы, в то время как торс болтается над ними, точно безвольный пассажир. Другой — мускулистый мужчина, превращенный в странное шестиногое существо: ниже пояса от его тела отходит шея огромной двуногой ящерицы из тех, которых полуприручили для езды обитатели бесплодной пустыни. Он кажется очень высоким, так как стоит на своих ногах рептилии, вывернутых коленями назад, за ними начинается упругий хвост; когтистые передние лапы у него прямо под человеческим туловищем. Много месяцев он служил разведчиком, возил на себе жандарма с ружьем за спиной.

— Ступайте, — говорит им Узман. — Держитесь поближе к дороге. И подальше от людей. Идите в города. Идите в лагеря рабочих, в Развилку. И, ради Джаббера и дьявола, в Нью-Кробюзон. Расскажите им. Расскажите новым гильдиям. Скажите, что нам нужна помощь. Сделайте так, чтоб они пришли. Если они нас поддержат, если остановят ради нас работу, то мы этот бой выиграем. Переделанных, свободных — всех ведите.

Они кивают и говорят: «Узман», как будто в самом его имени содержится утверждение.

Посланцы уезжают на лошадях, поднимая клубы пыли. Человек-насекомое на паровом ходу мгновенно срывается с места. Узловатый человек-рептилия набирает скорость, скача по ошметкам вересковых зарослей вдоль железнодорожного полотна. Птицы и другие летучие твари наблюдают за ними с высоты. Те, у кого нет крыльев, в ужасе шарахаются в стороны, словно

завидевший опасность косяк морских рыб.

Проститутки стали пускать к себе мужчин, но на жестких условиях, без оружия и в присутствии женской охраны. После того как Анн-Гари поцеловала Узмана, некоторые не отказывают даже переделанным.

— В Нью-Кробюзоне такое на каждом шагу, — говорит Анн-Гари. — Нормальные сплошь и рядом трахаются с переделанными. А что, если кто-то попадает на карательную фабрику, жена от него сразу уходит?

— Ну, в общем, да. Считается, что иначе неприлично.

— Нов городе так делают на каждом шагу, а кроме того, ложатся друг с другом люди, хепри, водяные.

— Верно, — отвечает Иуда. — Но это полагается скрывать. А эти женщины… твои женщины… они же не прячутся.

Анн-Гари смотрит на луну, ждет, пока та пройдет у нее над головой, и наблюдает, как ее последний отсвет тает за скелетом моста.

— Городские гильдии нам не помогут, — говорит она. — Такого, как здесь, еще не было.

На фермах моста под ними движутся факельные огни. Мостостроители вернулись к работе сами, без надсмотрщиков.

— Что ты им сказала? — спрашивает Иуда.

— Правду, — отвечает Анн-Гари. — Объяснила, что нельзя останавливаться. Потому что наступает Переделка.

Через три дня, на восходе солнца, возвращается паровой передел-паук. Он долго пьет и только потом начинает говорить.

— Они идут, — сообщает он. — Жандармы. Их сотни. У них новый поезд.

Это пассажирский поезд особого назначения, объясняет он, с которого сняли всех туристов и искателей удачи, ехавших в глубь континента.

Вольнонаемные почти все разбежались. Но некоторые, хотя и обиженные тем, что их неожиданно уравняли с переделанными, все же стали частью этого нового города, надеясь своими глазами увидеть, что будет дальше. Вместе со всеми они пришли на собрание обитателей поезда, на сходку. Есть среди них и идейные, не хуже переделанных: они входят в команду диверсантов, отправленную разбирать пути позади поезда. А машинисты, кочегары и тормозные кондукторы останутся обучать переделанных.

Они движутся назад через преображенную ими же местность. Та и раньше не была неизменной: жизнь то просыпалась в ней, то

замирала. Они проходят там, где земля, когда в нее вгрызались, была каменной, а теперь стала похожа на пятнистую кожу ящерицы, сочащуюся молочно-белой кровью на стыках рельсов. В других местах земля уподобилась книжной обложке, где из нанесенных костылями ран торчат клочья бумаги. Чтобы задержать преследователей, строители убирают рельсы.

Строительство наоборот. Все навыки и умения рабочих служат для того, чтобы разобрать пути, вытащить костыли, унести подальше рельсы и шпалы, разбросать камни. Они перепахивают дорожное полотно и собираются домой.

Но…

— Баррикаду снесли, — сообщают вернувшиеся разведчики. — Рельсы и шпалы привезли с собой. Пути кладут заново. Через три дня жандармы будут в лагере.

В тоннеле горит свет; идет строительство.

— Что вы делаете? — спрашивает Иуда.

— Заканчиваем тоннель, — отвечает Анн-Гари. — И мост. Осталось совсем немного.

Ее влияние растет. Анн-Гари и больше, и меньше, чем вождь, размышляет Иуда: она личность, в которой сконцентрированы разнообразные желания и жажда перемен.

В темных влажных недрах люди вгрызаются в последние ярды камня. Иуда смотрит вниз, на мост. Новодел кажется ему смехотворным: ненадежное кружево из металла и дерева, на скорую руку брошенное поверх настоящей конструкции. Всего лишь эрзац — мостом его можно назвать с большой натяжкой.

К своему удивлению, Иуда попадает в состав тайного совета, разрабатывающего стратегию. Встречи происходят в горах: Шон, Узман, Анн-Гари, Толстоног, Иуда. Параллельно в среде рабочих возникает шумное вече.

Каждую ночь рабочие собираются при свете газовых фонарей. Сначала все было вполне жизнерадостно — выпивка, кости, амуры; но по мере того, как жандармы приближаются, а Узман и его сподвижники на командных высотах разрабатывают план действий, характер сходок меняется. Люди с поезда начинают именовать друг друга братьями.

Но вот на сходку приходит Анн-Гари и посягает на мужские разговоры. С ней приходят другие женщины, они вклиниваются в мужскую компанию. Не все этому рады, иные пытаются заткнуть Анн-Гари рот.

— Ты тут не работаешь, — говорит один строитель. — Ты шлюха деревенская. И сходка эта не для тебя, а для нас.

Анн-Гари отвечает какой-то грубостью. Ее выступление

примитивно-красноречиво: оно состоит из лозунгов, наспех собранных вместе, и это останавливает Иуду. Ему кажется, будто заговорил поезд. Даже пламя застывает.

— …не должна говорить? — слышит он. — Если не мне говорить, то кому же? Кто, как не мы? Чьим горбом, как не моим и вашим, выстроена эта железная дорога? Мы вошли в историю. Иного пути нет. Нет пути назад. Вы знаете, в чем наш долг. И куда он нас ведет.

Когда она умолкает, несколько секунд стоит тишина, потом чей-то голос уважительно произносит:

— Проголосуем, братья.

Узман заявляет, что они, конечно, могут считать иначе, но Анн-Гари предлагает им бегство. А это не ответ. Или они испугались?

— Никакое это не бегство, — отвечает Анн-Гари. — Просто здесь мы кончаемся. И начинаются другие люди.

— Это бегство, — отвечает он. — Утопия.

— Это обновление. Мы обновляемся, — настаивает она, но Узман качает головой.

— Это бегство, — твердит он.

Они разбирают пушечную башню и загоняют поезд в тоннель, а пути позади него разбирают. На склоне горы все еще раздаются взрывы, слышится шум, то же на странном новом мосту. Работают как одержимые.

Жарким утром до них доносятся удары молотов и шум паровых машин. Это поезд с жандармами. Над кронами иссушенных жарой деревьев поднимается дым.

Рабочие собираются в тоннеле. Каменные стены его грубо обтесаны — получилось множество миниатюрных плоскостей. Там, где их воображаемые продолжения пересекаются, возникают тени.

Узман, генерал отверженных, отдает приказы, которым те предпочитают повиноваться. Создается армия переделанных и свободных; в нее входят оставшиеся клерки, ученые и бюрократы, несильные геомаги, прочий народ — нищие, сумасшедшие, не способные работать, и проститутки, с которых все началось. Как следует вооружившись, они уходят в ночь. Поезд спрятан в дыре внутри горы.

Наступает предрассветный холод. Жандармы переваливают через хребет и огибают выступ горы. Они идут пешком, едут в запряженных переделанными лошадьми бронированных телегах, летят в пропеллерных аэростатах на одного человека. Они

несутся по воздуху и спускаются прямо на убежища строителей дороги.

Жандармы бросают фанаты. Раздается громоподобный грохот, обитатели поезда визжат. Никто не может поверить в то, что это начало. Все оглушены и окровавлены. Вот и началось. Ошметки глины и копоти каскадом сыплются на голову.

Те, у кого есть ружья, отстреливаются. Один, второй, третий жандармы, истекая кровью, падают с неба и волокут подальше свою странную упряжь или отдаются в объятия смерти, летят или падают камнем. Но их все больше. Они прожигают воздух своими огнеметами.

— Дави их, — командует Узман, и его войско обрушивает на пеших жандармов валуны и бревна, а те перестраиваются и открывают огонь из арбалетов.

С обеих сторон маги заставляют воздух колебаться, вызывают из небытия клочья псевдотумана, чтобы скрыть реальные объекты, посылают энергетические стрелы, которые шипят, как вода в раскаленном масле, и наносят странные повреждения. Вокруг — хаос битвы. Непрестанно слышится кашель выстрелов и людской визг, падают жандармы, но чаще — повстанцы.

Однако бывает и по-другому. На поле боя появляется отряд кактов, которые лишь морщатся, когда их кожу пробивают пули. Они приводят жандармов в ужас: те бегут, едва завидев колючих великанов, но их офицеры, хотя и без дискометов, поливают кактов щелочью, разъедающей их зеленую кожу.

— Мы просто сброд, — говорит Узман и озирается в отчаянии.

Анн-Гари молчит. Ее взгляд направлен поверх голов жандармов, поверх столба дыма от их приближающегося поезда.

Иуда сделал голема и посылает его жандармам навстречу. Это создание — часть самой железной дороги. Оно состоит из дрезин, кусков рельсов и шпал. Его руки сделаны из шестерен. Вместо зубов — решетка. Вместо глаз — какие-то стекляшки.

Голем выходит из тоннеля. Он неуязвим. Он шагает осторожно, как человек.

С каждым его шагом бой, кажется, затихает. Уродливая, бессмысленная потасовка приостанавливается. Голем обходит мертвых. Впечатление такое, будто движется сама Дорога.

А затем голем останавливается, и это потрясает Иуду, потому что он не давал такой команды. Подходит новая телега, она везет старика и его телохранителей. Старик тепло приветствует всех. Яни Правли.

Один человек в окружении Правли весь увешан амулетами. Маг. При виде голема он вперивается в него взглядом и двигает

руками.

«Так это ты его остановил?» Иуда не верит.

Яни Правли останавливается в гуще боя. Конечно, он нашпигован заклинаниями, отклоняющими пули, но все равно зрелище сильное. Он говорит с горами. Голем стоит в нескольких ярдах от Правли, лицом к нему, как на дуэли, и тот обращается к искусственному созданию тоже, как будто говорит с железной дорогой.

— Люди, люди! — кричит он и двигает руками так, будто гладит воздух; жандармы медленно опускают ружья.

— Что вы делаете? Мы знаем, что здесь происходит. И нам это ни к чему. Кто приказал расстреливать этих людей? Кто отдал такой приказ? Нам надо во всем разобраться. Покончить с этим бардаком. Мне говорили, все дело в деньгах. И в грубости надсмотрщиков. — Он поднимает мешок, лежащий у его ног. — Вот деньги. Мы заплатим всем вольнонаемным, которые остались. Вы давно заработали свои деньги. Слишком давно, и мне жаль, что так вышло. Я не могу управлять движением денег, но привезти то, что вам причитается, в моих силах, и я это сделал.

Иуда молчит. Эффекта ради он заставляет голема помотать головой.

— А теперь о вас, переделанные. — Яни Правли улыбается грустной улыбкой. — Не знаю, — говорит он. — Я не знаю. Вас покарали по закону. А я законов не пишу. У вас есть долг перед фабриками, где вас переделали. Ваши жизни вам не принадлежат. Ваши деньги… у вас их нет. Но поймите, что я не думаю о вас плохо и ни в чем вас не виню. Я знаю, что вы — люди разумные. Мы договоримся. Заплатить вам я не могу. Закон не позволяет. Ноя могу откладывать деньги. ТЖТ заботится о своих рабочих. Я не потерплю, чтобы мои добрые переделы страдали от грубости невеж бригадиров. В том, что так вышло, я виню только себя. Я не слушал советов и прошу вас простить меня за это… Но мы их приструним. Назначим специального человека для защиты ваших прав. Он будет разбирать жалобы и сможет наказывать надсмотрщиков, недостойных своего значка. Мы все исправим, понимаете?.. Я стану откладывать деньги, которые ушли бы к вам, будь вы обычными людьми, а когда мы проведем дорогу, то на эти деньги построим для вас дом. Убежище. Оно будет в городе, но если Нью-Кробюзон окажется настолько глух, что не услышит голоса разума, то мы поставим его здесь, у дороги, проложенной вами. Я не потерплю, чтобы вы надрывались на работе. Для вас построят жилища, будут водить в баню, кормить хорошей едой, и вы сможете освободиться, когда закончите работать здесь. Не верите? Думаете, я лгу?.. Хватит, перестаньте. Стройка стоит. Вы

и дальше будете ее задерживать? Люди, люди… вы не святотатцы, я в это верю, но сейчас вы творите безбожное дело, хотя и понятно почему. Я не виню вас, но поймите, вы не даете появиться на свет тому, чего заслуживает мир. Перестаньте. Давайте положим этому конец.

Иуда стоит. Он отдает голему приказ. Тот своей запинающейся металлической походкой должен подойти поближе к Яни Правли.

— Не будьте дураками, — слышит он у себя за спиной голос Узмана. — Чуть что — на попятный? Думаете, Правли на вас не плевать?

Но его прерывают чьи-то крики. Кто-то стреляет. Кто-то вопит.

— Нам этого боя не выиграть, — говорит Иуда громко, хотя никто его не слушает.

Он забирается на скалу и приказывает железному голему бежать.

Тот бежит, как человек на паровом ходу, железные суставы его скрежещут. С топотом проносится он сквозь шквал пуль, оставляя громадные следы на земле, подскакивает, бросается вперед и рушится всей своей деревянно-металлической тушей на врага, ломая кости жандармам. Иуда не видит Яни Правли, но следит за тем, как голем, точно пловец, кидается в море сражения и разваливается на части, — и понимает, что Правли жив.

— Отходим, отходим! — кричит Шон, или Толстоног, или еще кто-то из самозваных генералов.

Но отходим — куда? Укрыться негде. Ружейные выстрелы на время рассеивают жандармов, но оружие у тех куда совершеннее, и надолго их не сдержать. Бой идет отчаянный, не на жизнь, а на смерть. Жандармы наступают развернутым строем, оттесняя переделанных к горам, куда те бегут, отчасти повинуясь приказу, отчасти спасаясь бегством.

Но вот из-за поворота накатывает рокот. Что-то приближается.

— Что это, что там, что?.. — повторяет Иуда.

Наемники ТЖТ отходят к своему поезду, где, судя по звукам, завязывается новый бой.

С той стороны, откуда они пришли, где начиналась железная дорога, близится шум, которого Иуда никогда не слышал. Копыта отрывисто грохочут, барабаня по твердым камням. Кавалерия странников. Боринатчей. Они надвигаются со скоростью, вселяющей трепет. Их длинные, выше человеческого роста, не гнущиеся в коленях ноги совершают вращательные движения, как

на шарнирах, молотя копытами воздух и толчками продвигая боринатчей вперед.

С нечеловеческой грацией они подбегают все ближе, их лица — то ли морды бабуинов, то ли деревянные маски — неподвижны и незабываемы, как у насекомых. Странники обрушиваются на жандармов, которые кажутся гномами рядом с ними, и, выворачивая негнущиеся ноги под самыми невероятными углами, опрокидывают телеги, едва удерживая равновесие, когда те кренятся и с грохотом рушатся.

Боринатчи сбрасывают на землю врагов, их руки движутся в иных плоскостях, чем те, которые доступны зрению Иуды.

Ощупью они преодолевают измерения, их руки становятся невидимыми и, протягиваясь через пространства, слишком широкие для людей, хватают жандармов или наносят им раны. Странники атакуют, скрывая орудия нападения в им одним ведомых уголках действительности, где те лишь на мгновение вспыхивают пурпурными цветами или жидкими серебристыми масками, а там, где боринатчи наносят удар, жандармы падают, рассеченные на части, раздавленные или странно уменьшенные, издают беззвучные крики и спотыкаются о внезапно выросшие под ногами складки почвы.

Странников несколько десятков — целый отряд. С ними бежит и посланец с телом ящерицы, отправленный в Нью-Кробюзон.

Жандармы отступают, призрачные палицы боринатчей убивают и ранят их со всех сторон. Яни Правли нигде не видно. Посланец-передел подскакивает на бегу, как равнинная ящерица. Странники подталкивают его локтями, бормочут жилистыми ртами, а он смеется и хлопает их по бокам и кричит:

— Анн-Гари, я сделал, как ты велела! Они пошли со мной! Они сделали, как ты сказала! Я нашел их!

Когда она успела? Иуда не представляет. Когда она успела, как узнала, когда смогла поговорить с теми, кого потом выбрали в послы, когда поняла, что у нее другие планы, почему заподозрила, что жандармы будут атаковать и пошлют за подкреплением? Как узнала, где искать боринатчей?

Человек-ящерица не пошел туда, куда его послали, — он выполнял задание Анн-Гари. И спас поезд.

— Видите, видите? — ликует Анн-Гари. — Я знала, что боринатчи ненавидят дорогу и ТЖТ.

— Я сделал все, как ты велела, — вторит ей человек-ящерица. — Я рассказал им, что делает ТЖТ, и попросил помощи.

— Ты пошла против Совета, — говорит ей Узман.

Ани-Гари выдерживает его взгляд и ждет, пока тишина не станет неловкой, а потом с сильным акцентом говорит:

— Мы уходим.

— Ты пошла *против Совета*.

— И спасла всех.

Вокруг собираются люди.

— Здесь не твое королевство.

Анн-Гари моргает и с удивлением смотрит на Узмана. В ее взгляде читается: «Неужели ты и правда так туп?» — но, подождав мгновение, она повторяет, на этот раз медленно:

— Мы уходим сейчас.

— Ты пошла против Совета.

Иуда вмешивается, пугаясь собственного голоса. Все смотрят на него. Позади Иуды переступает с ноги на ногу и раздраженно сучит недоделанными пятками земляной голем.

— Узман, — говорит Иуда. — Ты прав, но послушай.

— Без Совета что мы такое? — перебивает его Узман.

Иуда кивает:

— Что мы такое без него? Знаю, знаю. Ей не следовало идти против решения Совета. Но ты видел, Узман, что сделали жандармы. Они не собирались отступать. Они пришли, чтобы нас прикончить, Узман. Что же нам было делать?

— Надо было идти к другим, — говорит Узман. — Надо было предупредить городские гильдии. Мы могли бы…

— Поздно, — говорит Иуда. — Нет времени выяснять. Мы никогда не узнаем. Нам надо идти. Сейчас мы с ними не сладим.

— Куда нам идти, к беспределам? — спрашивает Узман повышенным тоном. — Я мятежник, Иуда. А ты хочешь, чтобы я драпал, как последний бандит? — Он в ярости; звуки выстрелов еще слышны. — Ты хочешь, чтобы мы прятались в горах, как кучка трусливых идиотов? Ты этого хочешь? Да иди ты к черту, и ты, и твоя Ани-Гари… Все, что у нас есть…

— У нас ничего нет, — перебивает Иуда.

— У нас есть все, — парирует Анн-Гари.

Они смотрят друг на друга.

— Мы не отдадим того, что имеем, — говорит Анн-Гари; ноги Иудиного голема дрожат. — Все останется с нами. Наша кровь и наши мышцы. Наши мертвые. Каждый удар молота, каждый камень, каждая ложка еды. Каждая пуля из каждого ружья. Каждый удар плетью. Море пота, сошедшего со всех нас. Каждый кусок угля в топке каждого паровоза или переделанного, каждая капля, которую вы оставили во мне и в моих сестрах, все, все в этом поезде.

И она указывает на темный тоннель, где продолжается

работа.

— Все. Мы проложили историю. Мы сделали историю. Мы отлили ее в металле, и поезд оставил ее позади. А теперь мы сами все это взорвали. Но мы пойдем дальше и возьмем нашу историю с собой. Переделка. Она — наше богатство, наше все, все, что у нас есть. Мы возьмем ее с собой.

И забастовщики Железного Совета соглашаются. Даже Узман ничего не может поделать.

Боринатчи уходят, маша руками сразу в нескольких измерениях.

— Спасибо, спасибо вам! — кричит Иуда.

В чреве горы поезд ломает последнюю каменную преграду. Тоннель, в котором так долго царила кромешная тьма, заливает свет.

Поезд выкатывается на скелет моста, столь поспешно приготовленный для него. Поезд вздрагивает и накреняется. Мост качается. Поезд шатается, как пьяный. Иуда перестает дышать.

Но поезд, набирая ход, продолжает идти по настилу на тонюсеньких, совсем недавно возведенных фермах. Изрыгая дым, он проходит высоко над ужасной пропастью, наспех изготовленный мост раскачивается от его движения, — и вот наконец остановка.

Поезд в безопасности. Он на твердой земле, по ту сторону горы.

Мятежники вступают на внушающее ужас сооружение, дети плачут на руках у матерей. Люди застывают на месте с каждым порывом ветра, но на ту сторону перебираются все, никто не падает в пропасть.

Среди них какты, обычные люди, одна-две хепри с жукообразными головами, прибившиеся к лагерю бродяги и попрошайки, стайка по-собачьи верных вирмов, но есть и более странные племена — мятежные ллогрисы и молчаливые хотчи — и многие сотни переделанных любого вида. Среди них кочегары, машинисты и тормозные кондукторы, бывшие клерки, несколько надсмотрщиков, вовремя переметнувшихся к повстанцам, охотники, мостостроители, разведчики и ученые, отказавшиеся покинуть свои лаборатории, проститутки, строители тоннелей, волшебники из простонародья, выявители лжи и низкопробные колдуны, безработные бродяги, копавшиеся в лагерных отбросах, а теперь ставшие вровень с остальными, и сотни путейцев.

Поезд — все их богатство и история. Это их движущийся город, их железный, покрытый смазкой шанс. Они его не упустят.

Железный Совет не упустит. Начинается путь Железного Совета.

Он ничем не отличается от того пути, который привел их сюда. Все то же самое. Рельсы и шпалы подвозят, команды рабочих сгружают их на землю, укладывают сначала шпалы, потом подтаскивают рельсы, укладывают их, тремя точно выверенными ударами забивают костыли — раз, два, три. Впереди трудятся бригады землекопов, но на этой бескрайней плоской равнине им почти нечего делать: с немногими выходами породы на поверхность они справляются легко, а с мелкими кучками камней уже не возятся.

Путь тот же и одновременно не тот. Сроки невероятно сжаты. Важность задачи задает невиданный прежде темп. Расстояние между шпалами теперь куда больше: здесь лишь однажды пройдет поезд. Такой путь долго не продержится. Да и не надо. Дорога, которая строится теперь, — это лишь призрак, набросок настоящего пути. Поезд ползет, как ребенок.

Едва он проходит участок пути и почва перестает колебаться под его тяжестью, как рабочие снимают рельсы и шпалы. Мулы волокут их мимо складских и мастерских вагонов, где сложены сотни других рельсов и шпал, мимо дороги и самого поезда, вперед, туда, где день и ночь горят глаза паровоза. Там их сгружают, а потом снова кладут перед поездом.

Мили и мили рельсов и шпал, новых, но неизменных. В них — настоящее и будущее поезда, история оставляет на них шрамы, но, снятые и уложенные вновь, они становятся будущим. Поезд везет собственную дорогу, поднимает ее, переносит и стелет перед собой: не дорога, а короткая лента, один миг пути. Не линия, протянутая во времени, а условный, скоротечный отрезок, возрождающийся под колесами поезда, оставляющий по себе лишь след на земле.

Скорость, с которой они движутся теперь, затмевает все прежние достижения. Одна миля в день была пределом производительности, теперь он превзойден во много раз. Громадная переделанная женщина, одним ударом забивающая костыль, теперь нарасхват, а раньше ее считали уродом и не допускали до работы. Рельсы ложатся и встают, ложатся и снова встают. Они торчат на несколько сот ярдов впереди и позади поезда.

— Жандармы идут.

Иуда отправляется назад с командой разрушителей.

— Хочу попробовать с големом, — говорит он и прикасается к хлипкому мосту, посылает свою силу через металл, как по проводу, создает нежизнь; никто его не слушает. — Я хочу превратить эти рельсы в голема. Хочу передавать приказания по

рельсам.

Иуда слышит треск потревоженного железа, которое пытается встать и превратиться в громадную фигуру. Он дрожит. Мощь его недостаточна. Его компаньоны взбираются на шаткий мост и скрываются в тоннеле. Они не делают голема, однако готовят вмешательство.

Иуда возвращается к поезду, который берет курс на Толстоморск. Он поворачивает. Какой-то популярный в народе комитет, собрание уполномоченных или просто слишком громогласная группировка, заседающая на брезентовом верху платформы, руководит рабочими. Они отклоняются от невидимой линии и направляются туда, где ждет легкомысленный город. Под слаженными ударами молотов вечный поезд ложится на новый курс. Иуда помогает рабочим поднять последние рельсы и перенести их вперед. Теперь пути идут в другом направлении.

Вечный поезд идет теперь на западо-северо-запад — в дикую пустыню, где нет дорог, да и самой ее нет на картах. Поезд одичал. Иуда затаивает дыхание.

(Много позже он слышит треск и гул взрывов и думает, что это не выдержал и рухнул плохо построенный мост. Это поезд с жандармами попытался поцеловать собственный хвост и оказался на дне пропасти, погубив людей и военное снаряжение. Иуда вспоминает Масляного Билла с его планом и думает о следах крушения, которыми будет устлано ложе пересохшей речушки. Земля постепенно поглотит поезд и обломки моста, дерево и железо, превратив их в окаменелости.)

Вечный поезд одичал. Железный Совет встал на путь отступничества.

Весна уже славит лето, а вечный поезд атакуют насекомые, которых Иуда в жизни не видел: одни похожи на фонари из сложенной в гармошку бумаги, другие — на крохотных монахов в капюшонах. Их сок красен, как кровь.

Иуда тянет рельсы. Он поднимает их с земли, разрывая связь с прошлым. Позади него все, кто крутился вокруг поезда, занимаются неожиданно нашедшимся для них делом. Заступами они разрывают землю там, где лежали пути.

Но это плохая маскировка. Поезд не может пройти, не оставив следа. Еще много лет земля будет наращивать новую кожу, а горные кролики и лисы перечеркивать своими тропами колеи, много лет будут лить дожди и дуть ветры, прежде чем полностью заживет шрам, оставленный вечным поездом.

Столько еще работы впереди. Бегство — непростая штука.

Несколько миль в день. Многоразовые рельсы сворачивают то

в одну сторону, то в другую, обходя препятствия: небольшие озера, отдельно стоящие скалы. Бригады землекопов засыпают мелким камнем провалы в земле. Пыльный след тянется за поездом. Вот он достигает редкой рощицы, которая, кажется, жила в ожидании железной дороги, и там происходит собрание Железного Совета.

— Нам необходимо планирование. Нам нужны разведчики, охотники, нам нужна вода. Нам надо наметить маршрут.

— И куда же мы пойдем?

— Братья, братья…

— Какой я тебе брат! — раздается женский голос.

— Ладно, черт тебя дери, пусть будут сестры! — И все смеются.

— Сестры, сестры…

— Все вы знаете, что они на этом не успокоятся. — Это говорит Узман, и все стихают. — Это не шутка… Мы в опасности… Братья… сестры… Мы пошли против Яни Правли. Он этого не забудет. На нас будут охотиться и найдут.

Из его трубок вырывается пар. «Ты не хотел, чтобы мы оказались здесь, — думает Иуда. — Ты вовсе не этого хотел. Ты не хотел порывать связь с миром. У тебя была красивая мятежная мечта — вступить в контакт с гильдиями, как будто они могли прийти нам на помощь. Ты и сейчас ее не оставил. Хотя, будь по-твоему, ничего такого не вышло бы».

Узман — хороший человек.

— Дело не только в жандармах. ТЖТ назначит цену за наши головы. Мы украли их поезд. Мы украли дорогу. Думаете, они с этим смирятся? Все до единого рохагийские охотники за головами пойдут по нашему следу. А город? Что вы, черт возьми, думаете, там про нас забудут? — (Стоит тишина, только слышно, как насекомые бьются в стекло фонаря.) — Дорога принадлежит и Нью-Кробюзону тоже, а мы ее украли. Думаете, они дадут переделанным уйти и спокойно жить в диких землях? Милиция наверняка уже ищет нас. Милиция… У них есть дирижабли. Они будут искать нас с воздуха. Черт, думаете, они дадут нам отсидеться где-нибудь и построить идиллическое царство беспределов? Они пригонят поезд назад, набив его нашими головами. Не получится у нас найти себе маленькую долину ни в десяти, ни в тридцати, ни даже в ста милях отсюда. Если бы можно было… но нам надо бежать. Нам надо убежать. Дайте мне чертову карту. Вы что, не понимаете, что мы сделали? Чем мы стали?

Нестройная масса переделанных. Город для них, для их друзей из числа ксениев и свободных людей. Для воров и убийц,

насильников, бродяг, казнокрадов и лжецов.

— Вы как деревяшки, — говорит Узман, не скрывая внезапного удивления. — Куски дерева, над которыми поработал божественный нож.

Они моргают и смотрят на него, стоя в тени угнанного ими поезда.

Лишь на три дня отклонившись от запланированного маршрута, Железный Совет оказывается в местах, которых нет на карге. Чуждые земли окружают их. Имя им — Срединная Дуга. Они в диких землях Рохаги.

Наиболее разумных вирмов отправляют исследовать обширные пустые пространства, от которых у этих мелких городских тварей кружится голова. Им дают задание — разыскать отставших охотников и водоносов с телегами, ушедших на поиски воды. А также разведчиков: возвращаясь к своим, те пойдут туда, где был когда-то тоннель, но не обнаружат ничего, кроме следов гигантского побоища. Оглядев гниющие на солнце трупы жандармов, они не смогут понять, что случилось с их поездом. Поэтому вирмы должны собрать всех затерявшихся посланцев Совета.

Дела идут. Беглецы находят источники воды и наполняют ею целый вагон, предварительно замазав в нем щели. Приводят в порядок орудийную башню, заклепав и заварив в ней все дыры, — становится похоже на то, что было. Переделанные поспешно усваивают новые знания; под руководством оставшихся ученых они учатся чертить карты.

— Куда мы идем?

Ночами беглецы играют на банджо и дудках, сигнальный колокол поезда превращается в литавры, паровой котел — в барабан. Женщины и мужчины снова ложатся вместе. Иногда на закате пяльницы Иуда ходит за облегчением на бессловесные мужские встречи, но однажды он ложится с Анн-Гари, и они ласкают друг друга искренне и нежно.

Местность постепенно становится неузнаваемой, и это восхищает Иуду. На шестой день существования Совета отрезок дороги длиной в милю глотает собственный хвост и движется дальше, а поезд въезжает в фантастический мир синих суккулентов, где на него сразу обрушивается лето. И тут откуда ни возьмись появляется отряд жандармов и охотников за головами.

Но они сильно недооценивают Совет. Их всего тридцать, людей и ксениев, на них куртки из растрескавшейся от жары кожи — утыканные шипами, они превращены в оружие. Со знаменем

ТЖТ жандармы выходят из зарослей цвета синяка. Мелкие твари вроде суетливых грибов прыскают от них в разные стороны.

Жандармы открывают стрельбу и кричат в рупоры:

— Сложить оружие! Нарушители закона, сдавайтесь!

Неужели они думают, что Железный Совет так легко напугать? Иуда почти благоговеет перед такой глупостью. Двенадцать из тридцати тут же убивают, остальные уносятся прочь.

— За ними, за ними, в погоню! — кричит Анн-Гари, и самые быстроногие из переделанных срываются с места, держа оружие наперевес. — Они знают, где мы!

Но убить удается всего шестерых. Остальные убегают.

— Мы обречены, — говорит Узман; с тех пор как они оторвались, поезд не прошел еще и ста миль. — Они вернутся за нами.

Беглецы расставляют ловушки — бочонки с порохом, сложного состава батареи и запальные шнуры. Поезд направляют между двумя каменными выступами, и геомаги вместе с оградомагами врезают в каменные стены иероглифы и оставляют заряженные батареи — так, чтобы вес повозки с жандармами заставил камень растечься холодной магмой и затвердеть, как только авангард преследователей увязнет в ней. Таков план.

Иуда устраивает голем-ловушки. Батареи и соматургические турбины его собственной конструкции устроены так, что упавшее дерево, куча костей, груда земли или выброшенные обломки шпал встанут и будут драться за Железный Совет.

Ночами он обходит беглую железную дорогу в компании Анн-Гари и Узмана; несмотря на взаимные нападки, они не могут друг без друга. Стратег и визионер. Жизнь в вечном поезде не затихает и ночью. Вовсю работают мастерские. Переделанные чинят те кремневые ружья, которые еще можно починить, и производят новое оружие. В горнах они переплавляют отслужившие свое рельсы на панцири и тесаки. Свой город на колесах они превращают в машину войны.

— Уже недолго осталось, — говорит Узман. — Настанет время, когда нам, возможно, придется бросить поезд и бежать.

— Нельзя, — отвечает Анн-Гари. — Без поезда у нас не станет ничего.

Группа лидеров в служебном вагоне склоняется над так называемыми картами: они составлены в основном по легендам, да и то отрывочным. Столы черного дерева и стены с инкрустацией изрезаны и покрыты граффити еще с первых дней мятежа, когда упившиеся повстанцы упражнялись в дикарских искусствах.

— Вот это. — Узман тычет пальцем в карту. — Что здесь?

— Трясина.

Палец Узмана движется дальше.

— Неизвестно.

— Солончаки.

— Каменные осыпи.

— Неизвестно.

— Угольные шахты.

— Неизвестно.

— Дымный камень. Колодец с дымным камнем.

Узман грызет костяшки пальцев и смотрит в окно. За окном члены Совета тащат рельс с одного конца краденой дороги на другой.

— Есть у нас метеомаги?

— Девчонка по имени Тома. — Кто-то качает головой. — Высвистывает ветер, чтобы посушить платье, ничего серьезного, так, салонный фокус…

— Нам нужен человек, способный поднять бурю…

— Нет, — вмешивается один из исследователей. Это юноша, который отрастил бороду и щеголяет в пропитанной потом рабочей робе. Он качает головой. — Я знаю, что вам нужно. Ты думал прорваться через дымный камень?

— Не надо. Ты видел, что было с Малком, когда его зацепило? Он чуть не умер. Да ты сам видел.

— Но есть же наверняка способ понять, когда оно начинается…

Молодой человек пожимает плечами.

— Давление, — отвечает он. — Трещины. Что-то вроде извержения гейзера. — Он снова пожимает плечами. — Мы осмотрели все это, когда попались. Слишком сложно.

— Но можно же предсказать…

— Да, можно, но, Узман, сам подумай. Эти карты — сплошные догадки. Мы в Срединной Дуге. А о ней нам точно известно лишь одно. — Его палец скользит к верхнему краю карты; вагон качает. — Видишь? Вот это?

Его палец упирается в участок, заштрихованный красным. В двухстах милях от поезда, меньше месяца пути при нынешнем сумасшедшем ритме. Участок примыкает к колодцу с дымным камнем, если старые картографы не ошиблись и дымный камень тут действительно есть.

— Знаешь, что это?

Конечно Узман знает. Да и все остальные тоже. Это какотопическое пятно.

— Ты же не поведешь нас к пятну, Узман?

— Я никуда не могу вас повести. Совет сам решает, куда он пойдет. Но я говорю вам, что это единственный шанс. Решайте, хотите вы этого или нет. Если нет, то я останусь с вами и буду сражаться — и мы все погибнем.

— Но это же пятно.

— Нет, мы не пойдем через само пятно. Только по краю. Через его окрестности.

Вид у Узмана еще тот. Он стоит и кажется блестящим. Он вспотел от жара собственных трубок и ест уголь. Его губы стали черными.

— Через пятно мы не пойдем. Нам надо пересечь равнины дымного камня…

— Если они там есть.

— Если они там есть. Нам надо пересечь равнины дымного камня, а за ними лежит окраина какотопической зоны. Даже если они пойдут через камни, то в зону — никогда.

— И ты даже знаешь почему, верно, Узман? По очень веской причине.

— У нас нет выбора. Нет, это не так. Мы можем бежать. Бросить поезд здесь и податься в беспределы. Или сохранить его. В нем наш пот. Это наша дорога. Но если мы хотим его сохранить, то должны решиться на это. Мы должны уйти далеко отсюда, или мы погибнем. Поэтому нам надо на запад. А что на западе? — Он тычет пальцем в карту. — Какотопическая зона. Нам надо пройти по самому ее краю.

В голосе Узмана звучит что-то похожее на мольбу.

— Люди заходили туда и раньше. Ничего с нами не случится. Нам ведь надо. — Он умоляет. — По самому краешку.

Он открылся полтысячелетия тому назад — разлом, сквозь который в мир хлынул мощный поток смертельно опасной злокачественной энергии, известной как Вихревой поток. Силы, превосходящей всякое понимание. Люди вблизи от разлома могли превратиться в крысоподобных стеклянных тварей, а крысы — в демонов, или неестественные звуки, или ягуаров, а деревья — в невозможные мгновения, в невероятные фигуры. Там рождались чудовища. Земля, воздух и само время были там больны.

— Да какая, в общем-то, разница, — говорит кто-то. — Метеомагов у нас все равно нет, и вызывать элементалей никто не умеет, а без хорошего постоянного ветра через дымный камень все равно не пройти.

Иуда облокачивается на стол; челка пляшет у него перед глазами. Он разглядывает чернильный ландшафт.

— Ну что же, — говорит он. — Ну что же…

Соматургия, големетрия предполагают вмешательство.

А для превращения неожившей материи в служанку необходимо убеждать, нашептывать. Только так можно создать жизнь.

— Ну что же.

«Я могу сделать голема из воздуха, — думает Иуда. — Это будет клочок воздуха в воздухе. Он побежит вместе с нами. Воздух будет бежать сквозь воздух».

Это отнимет у него все силы. Но Иуда знает, что сможет провести их сквозь дымный камень.

Иуда уверен, что они согласятся.

Он идет бок о бок с Узманом, рядом с ними шагает голем. Все трое давят ногами сочные стебли. Странная это тройка: переделанный пускает пар из пронзающих его труб; борода высокого костлявого Иуды развевается, точно кусок грязной ветоши; голем переставляет невидимые ноги. Поезд едва заметно скользит вперед.

В небе висит луна цвета топленого жира, точно незаживающая рана в ночи. Позади, насколько хватает глаз, Иуда видит поезд, поезд и поезд: извергая дым, он бьет в сигнальные колокола и лязгает колесами, будто оркестр люмпенов. В полумиле перед ним переделанные кладут рельсы, а еще дальше команды землекопов наскоро выравнивают местность. Позади состава рабочие разбирают дорогу на части, аза ними тянется процессия, похожая на вереницу пилигримов.

Иуда повсюду видит город. Этому его научил Нью-Кробюзон. Наблюдая, как поезд огибает похожий на хлебную горбушку пригорок, он видит изгиб Вара, каменную набережную, вдоль которой выстроились пакгаузы. При виде накренившегося дерева ему вспоминается пьяный житель Нью-Кробюзона, привалившийся к стене под таким же углом.

«Мы не властны над собственными воспоминаниями. — Думает Иуда, — не мы выбираем, что нужно запомнить». Даже теперь, став гражданином святилища на колесах, он все Равно носит с собой Нью-Кробюзон.

— Дымный камень нас не спасет, — говорит Узман; вечный поезд отвечает ему вздохом. — Милиция пробьется через него или перелетит по воздуху. Не дымный камень, а какотопическое пятно. В нем наше спасение.

На следующий день жандармы совершают вылазку и убивают

пятьдесят повстанцев прежде, чем кто-либо из переделанных успевает схватиться за оружие. Вирмы визжат, что в них стреляли. На своем диком наречии, изобретая на ходу грамматические правила, они рассказывают о виденном и расправляют кожистые крылья, показывая дырки от пуль.

Жара. Перед ними новый отрезок пространства — нагорье с хорошей жирной почвой.

— Кто это такие? — (Возникает паника.) — Кто-то преследует нас!

Животные бегут вровень с поездом, покусывая его за колеса. Нет, это не животные, потому что они то и дело тают, меняют форму и отрываются от земли, а еще через них проходит свет. И пули тоже, не производя никакого действия.

Иуда испуган, но страх покидает его, и он с растущим удовольствием начинает наблюдать за тварями. Они исчезают и появляются снова всякий раз, когда поезд продвигается еще чуть-чуть.

Это демоны движения. Они не атакуют, а забавляются. Игривые, как дельфины, они выныривают из-под земли и кувыркаются вместе с колесами. Они поглощают их ритмичный стук, бесконечное «чу-чух, чу-чух». Тысячелетиями демоны питались лишь легкой поступью охотников да зверья, а теперь упиваются тяжелым звоном металла о металл. Принимая незаконченные формы лис и скальных крыс — единственных животных, которых они видели, — демоны постепенно тают на глазах. Они изучают пришельцев и через несколько часов, к восторгу путейцев, уже неумело копируют людей и кактов.

— Глянь, глянь, это же ты, толстая башка, как есть ты.

Веселые твари появляются вновь и бросаются к колесам, чтобы поесть еще. Стоит обитателям поезда сойти на землю, как демоны начинают виться вокруг их ног, пожирая эхо шагов. Одна женщина пускается в пляс, и воздух вокруг нее вскипает от демонов, то видимых, то невидимых, которые экстатически наслаждаются ее поступью. Вскоре едва ли не все обитатели поезда — переделанные, бывшие шлюхи и даже стряхнувшие с себя суровость какты — высыпают наружу и начинают выплясывать кто во что горазд. Они скачут, прыгают, пританцовывают, гримасничают и бьют в ладоши. Демоны, переливаясь в солнечном свете, вьются у их ног. Начинается соревнование: чем сложней и ритмичней коленца, тем больше пищи для демонов.

Солнечные лучи принимают цвет высушенной ими травы. Иуда улыбается, глядя на поезд, танцоров и демонов. Что-то

почти пасторальное, похожее на праздник урожая видится ему в этой процессии, ползущей вдоль поезда, который рывками движется между кустиков жесткой степной травы и пересохших ручьев вперед, к землекопам, которые прокладывают ему путь, точно идолопоклонники жертвенному животному. Словно укрощенного зверя, они тянут его на железном поводке рельсов, а по обе стороны внезапно усмиренного железного коня сотни жрецов ликуют, взметая в воздух летнюю пыль. Вокруг их лодыжек морской пеной вскипают демоны-кинетофаги. Иуда задумывается об энергии, которую они извлекают из ритма. Магия пульса. Какая странная питательная энергия скрыта в повторяющихся звуках.

Иуда смотрит и чувствует, что любит Железный Совет. Он ставит треногу. Гелиотипист из него никакой, но сейчас, глядя через видоискатель на приплясывающие ноги, ползущий поезд, косые солнечные лучи, Иуда знает, что снимок у него получится. Разумеется, после проявки в крошечной темной комнате снизу будет видна лишь расплывчатая масса демонов и мелькающих ног, но зато сам поезд, тела танцоров и улыбки на их лицах выйдут отчетливыми. Иуда запечатлеет все это в коричневых красках, сохранит для будущего, как некогда копьеруков и их песню.

С востока движется аэростат. Он приближается к ним, слегка подскакивая, точно толстый хищник.

Хулиганы вирмы вопят и на лету осыпают его отборными ругательствами. На фоне кожаного левиафана они кажутся соринками; и все же им удается слегка раскачать гондолу. Иуда слышит приглушенные звуки, похожие на треск хлопушек, и вирмы бросаются врассыпную: должно быть, в них стреляли. Затем они ныряют в воздухе. Разом сложив крылья, они камнем летят к земле, метя в поезд, и тут же раздается громкое «кхе», словно кто-то откашлялся; из окон аэростата летят стекла и валит черный дым.

— Есть, — говорит Узман.

Дирижабль накреняется. Черный пороховой дым клубами валит из его подбрюшья. Но он еще сможет добраться до Нью-Кробюзона или своей базы за горизонтом, где ждут приказа передовые отряды милиции. И где стоят другие воздушные суда, целый воздушный флот с бомбами наготове, с окнами такой толщины, что их не пробить горшком с зажигательной смесью.

Нью-Кробюзон нашел их. В ту ночь Совет устраивает собрание, и то, что происходит на нем, нельзя назвать даже хаосом. Идеи, одна бредовее другой, сыплются как из рога изобилия. Все кричат. Женщины, которые раньше были шлюхами,

посылают Анн-Гари говорить от своего имени.

Находят их и другие. Люди идут из степей. Весть о Железном Совете распространяется с особыми песнями, по которым можно вычислить, где он. Эти песни передаются из уст в уста, привлекая обездоленных и тех, кто вне закона.

Беспределы. Небольшое племя. Беглецы из Нью-Кробюзона, давно живущие на свободе. Их вожак — человек с бесполезными тараканьими усиками вместо рук. Есть мужчина с прорезиненными клешнями, еще один — с мордой крокодила, и огромная шавка с хорошенькой женской головкой, а тело у нее кобелиное. Судя по шкурам, в которые они одеты, и украшениям из просверленных камешков и звериных жил, а также по цвету кожи, принявшей оттенок темного дерева или чая, Иуда заключает, что они пустились в бега много лет назад.

— Мы про вас слышали, — говорит один из них; он и его семья разглядывают поезд, они не смотрят ни на стражу, ни на Иуду, ни на его голема из обглоданных птичьих костей. — Говорят, вы идете на запад. Вокруг света… Еще говорят, — продолжает он, — вы новую жизнь строите. Подальше отсюда. Мы пришли спросить… — Тут он умолкает. — Мы спросить хотели… — снова начинает он.

На что уполномоченный Советом Иуда кивает:

— Да, мы возьмем вас с собой.

Кочевники без числа. Беглецы и преступники. Жители степей и случайные встречные: безмолвные боринатчи, огромными скачками несущиеся вровень с поездом, даже одинокий гаруда, спустившийся с небес и назначенный командиром над крикливыми вирмами. Железный Совет принимает всех.

Крутые беспределы и храбрецы боринатчи, заключив неправдоподобное перемирие, с угловатой грацией проносятся вдоль поезда, окружают его со всех сторон. «Это наша защита, — думает Иуда. — Они пришли, чтобы пожелать нам удачи. И помочь».

Еще трижды случаются молниеносные кровопролитные нападения охотников за головами. Стрелки скрываются прежде, чем беглецы успевают отомстить.

— Это ничего, — говорит Узман Иуде. — К нам приходит больше народу, чем они убивают.

Ночью, в свете прожекторов, он выступает перед толпой. Ани-Гари поддерживает его, и, хотя кочегары и машинисты жалуются, что запасы угля убывают с каждым днем, хотя рабочие выбиваются из сил, Совет решает ускорить продвижение. Теперь

пути кладут ночью и днем. Мужчины и женщины, бесчувственные от усталости, видят сны между двумя взмахами молота.

Железная дорога пожирает милю за милей. В темноте скалы шарахаются от движущихся паровозных огней, точно пытаясь убежать. Насекомые и твари размером с насекомых своими телами выбивают ритм на стеклах фонарей, вспыхивая крохотными факелами, когда попадают внутрь. Цепь тусклых огней — поезд — растянулась на ночной равнине.

Ландшафт вокруг навевает тревогу. Совет в напряжении. Новички становятся козлами отпущения, их обвиняют в шпионаже. Сердитый, обезумевший от страха мужик едва не забивает одного новичка-беспредела насмерть, но Иуда и еще несколько человек вмешиваются и сначала уговорами, а потом кулаками убеждают его отпустить жертву. Однако никому не приходит в голову, что мужик-то, может, прав и среди них есть шпионы.

На краю равнины возникает то, что они ищут. Горы дымного камня. Их неподвижные силуэты сначала видны нечетко, потом яснее. Выслан отряд — проложить тропу сквозь твердый туман.

Вечный поезд превращается в крепость. Его деформированная орудийная башня щеголяет новыми железными заплатами. Никто не ходит без дубинки, многие заостряют их и превращают в копья с каменными наконечниками, приделывая к древку петли. У многих ружья — примитивные и нестандартные. Совет ждет.

Тварь внутри Иуды заворочалась снова, и он знает, что, хотя время еще не пришло, скоро ему предстоит покинуть Совет.

Поезд идет мимо отрогов дымных гор. Пейзаж становится похож на тревожный сон: повсюду твердые, как базальт, клубы застывшего дыма и сгустившихся облаков, по которым шныряют выносливые горные твари. Кое-где стоят каменные плюмажи и фонтаны: это гейзеры, застывшие в момент извержения. Железная дорога проходит мимо них, через сольфатары[8] вырвавшихся наружу газов.

Землекопы Железного Совета взрывами проложили проход. Вот почему изящные силуэты застывшего дыма соседствуют с грубой простотой рваных краев.

Чаще всего попадаются волны камня, но есть и слегка спиралевидные колонны, вершины которых напоминают жгутики: здесь газ вырывался наружу при очень спокойной погоде. Поезд ныряет в арки, образованные порывами ветра, которые приподнимали расплавленный камень над землей.

Дорога ползет вперед, пути кладут и поднимают снова.

Прекрасный и неземной пейзаж лишает покоя. В любую минуту под ногами может открыться провал, а вырвавшийся из него туман заполнить легкие — и человек будет умирать в неподвижной агонии. Никто не разводит огонь, не варит еду. Лишь внезапными рывками движется вперед поезд, стараясь побыстрее оставить позади дым из своих труб: он не должен отвлекать. Иуда ждет, готовый выпустить воздушного голема. Любой камень, который пробыл скалой час или тысячу лет, может внезапно снова превратиться в дым.

На горизонте появляется армия на переделанных лошадях, верблюдах, паровых драндулетах, скрипящих множеством колес. Не нарушая строя, войско вступает на территорию дымных гор. Вирмы Железного Совета выслеживают их, летая выше, чем может доплюнуть самый опасный гейзер.

Землекопы борются с причудливыми неровностями. Непривычные к капризам ландшафта, они тревожно осматриваются: не задето ли устье какого-нибудь дымного колодца?

Другие бригады кладут в ямы огромные заряды и присыпают их фунтом, а руководит ими ползающая геоэмпатка. В примитивном экстатическом трансе она лижет языком землю, чавкая, как зверь. Ее дар не так уж велик или ярко выражен, и проникновение в тайны земных глубин обессиливает ее, низводя до животного состояния.

В ложбинах между грядами каменного дыма, затвердевшего по направлению ветра, Совет возводит баррикады. В миле от них дымят паровозы вечного поезда, рабочие снимают и кладут рельсы. Анн-Гари и Узман остались там, а Иуда, Толстоног и сотни других устраивают засаду.

Им уже хорошо видно приближающееся войско. Иуда опустошен своими приготовлениями. Он так устал, что сны в его сознании мешаются с явью. Он должен как можно скорее вернуться к Совету, защитить товарищей. Он устроил ловушку на предохранительной решетке и объяснил, как привести ее в действие при появлении песчаного тумана, но без его руководства воздушный голем скоро распадется.

— Наверняка будут и другие нападения, — повторяет он вслед за остальными. — Нью-Кробюзон явно не будет сражаться лишь на одном фронте. Но сейчас думать об этом некогда: нападающие уже совсем близко; и, не дожидаясь, пока первый залп их пушек сметет укрепления, Железный Совет бросается в атаку.

Вирмы, молотя по воздуху толстыми кожистыми крыльями,

уворачиваются от выстрелов и сбрасывают глиняные гранаты. Пули находят их в полете.

Взрываются бомбочки, начиненные всем, что только нашлось у Совета: порохом, обломками инструментов вместо шрапнели, бутылками с самодельной кислотой, вонючими магическими веществами, маслом. Нефть и едкие щелочи Растекаются вокруг, горячий дым застилает поле боя, милиционеры ломают строй и тут же перестраиваются, их шеренга снова подается под вторым натиском вирмов. Яркое солнце внезапно кажется Иуде очень холодным.

— Уже скоро, — бормочет он, слыша свой голос. — Не так много времени нужно.

Приставив к глазам бинокль, он подается вперед. Вирмы, отбомбившись, гадят на врагов, выражая тем самым свое презрение к ним. И вот один прошит пулями: это Авватри, свирепый самец, с которым Иуда знаком лишь шапочно, получает полный заряд свинца и долетает до земли больше похожим на тряпку, чем на крылатое существо.

Повстанцы стреляют из арбалетов, сделанных в мастерских Совета. Они взрывают приготовленные заранее заряды и обрушивают на головы атакующих камнепады. Иуда знает, что исход этого боя зависит от него. Он встает и выпрямляется во весь рост на краю укрепления. Провода тянутся от него в две стороны, к батарее и к трансформатору. От собственной храбрости его бросает в дрожь.

Мужчины и женщины в укрытии за его спиной — все, у кого есть хоть малейшие способности к колдовству, — делают надрезы на руках и туго перематывают их проводом Механизм, который соединяет их, груб, собран из подручных материалов и потому требует не условного, а весьма обильного кровопускания.

— Давай! — кричит Иуда.

Шон заталкивает разъемы в гнезда, мотор воет, и все помощники Иуды начинают шататься — силы выкачиваются из них и направляются к зажимам на Иудиной груди.

Звук, который издает Иуда, невозможно описать. Кожа на его теле натягивается и вибрирует, словно кто-то тычет в него пальцами. Из праха поднимаются люди. Они преграждают дорогу армии. С Иуды льется пот. Его рвет. Он двигает руками. Люди — големы — с тяжким топотом шагают вперед.

Их десятка два, а может, больше. Они крупнее настоящих людей. Сделанные заранее, они ждали в засаде. Они идут к нью-кробюзонским милиционерам. Иуду трясет. Самые слабые из его помощников уже отключились. На его теле выступает кровавый пот.

Черные големы маршируют вперед. Одного разбивает копытами милицейский конь. Торс упавшего голема дергается, пытаясь ползти на руках, а Иуда вздрагивает, точно в него попали камнем. Он перебирает руками в воздухе, точно тянет что-то невидимое и кладет на место. Земляные люди-машины оказываются в гуще боя, и лошади шарахаются от них. Охотники за головами и милиционеры в форме уворачиваются, когда Иудины подопечные протягивают свои руки к ним. Одни големы так и застывают, раскинув руки. Другие стискивают вырывающихся жертв в объятиях. Иуда старается заставить их употребить свою недюжинную силу на то, чтобы они, пробившись сквозь окружение простых солдат, начали душить офицеров. Тех окружает плотное кольцо сражающихся, они рубят земляные тела и целятся из пистолетов.

— Да стреляйте же, черт вас дери! — вырывается у Иуды.

Противники не слышат его, но повинуются команде. Пуля вгрызается в голема. Его тело состоит из пороха и кремней.

Раздается страшный грохот, вспышка, и голем исчезает в столбе взрыва. Человекоподобная вещь становится огненным вихрем грязно-серого оттенка, камни, спрятанные в ней до поры, устремляются наружу, и ближайшие охотники за головами надают как подкошенные; жар от вспышки достигает другого голема, и тот взрывается тоже, а когда дым рассеивается, Иуда видит черные кратеры и волны трупов вокруг них: обугленное и окровавленное мясо лежит в эпицентре, то, что напоминает человеческие тела, — чуть поодаль, а еще дальше — живые, вопящие люди.

— Стреляйте, — говорит Иуда снова.

Свистят пули, сыплются горящие стрелы из баллист. Стрелы находят цель, и рукотворные фигуры превращаются в огненные смерчи.

Один за другим натыкаются они на атакующих, сжимают их в объятиях, погребая сначала в груде пороха, а потом в огне. Пороховые големы — ходячие бомбы — пробивают в армии большую брешь. Иуда стоит и слушает ритмический рев: это колотится его сердце. Товарищи радостно выкрикивают его имя. С Иудина лица капает кровь. Последний голем, неуклюже ступая, преследует солдат противника, те в ужасе разбегаются. Какой-то лучник попадает в него стрелой: вспышка — и насыщенное пылью пламя распространяется во все стороны.

Сотни милиционеров и охотников за головами живы и невредимы, но они колеблются, слыша крики товарищей, видя, как копыта их лошадей оскальзываются в жиже из мертвецов. К тому же возвращаются вирмы, повстанцы устраивают новый

камнепад, а арбалетчики осыпают нападающих толстыми железными иглами.

— Лёв! — скандируют люди вокруг.

— Да! — кричит вместе с ними Иуда Лёв.

Пехотинцы Железного Совета — самые могучие из переделанных и храбрецы-какты, с заступами и тяжелыми мачете в руках — обрушиваются на атакующих. Иуду втаскивают назад в окоп и осыпают поцелуями. Его товарищи бледны, они дрожат, у них холодные руки и ноги — столько энергии высосано из них, — но сейчас они все равно сильнее его. Иуда закрывает глаза.

Он задремывает, чьи-то руки переносят его в безопасное место. Ему снятся взрывающиеся големы, солнце, но внезапно наступает пробуждение.

— Что, что такое? — вскакивает Иуда. — Что случилось?

Толстоног и Шон показывают на восток и вверх, в небо.

— Там еще. Они напали на поезд.

Шон с Иудой едут вдвоем на лошади, приспособленной для скоростной езды. Иуда не чувствует своего тела. Шумная, разношерстная армия милиционеров и охотников за головами оказалась грубой приманкой.

«Что ты теперь будешь делать, големист? — спрашивает он себя. — Как остановишь их? Никак, ты просто умрешь».

Умереть вместе с Советом.

«У тебя слишком мало сил, ты ни на что не годен. Посмотри, сколько крови из тебя натекло». Но почему-то Иуда не верит, что сейчас умрет. Он бы не поехал туда, если бы думал иначе.

В небе полно людей: это милиционеры болтаются под туго натянутыми куполами. Иуда видит дым от поезда и слышит взрывы. Аэронавты сбрасывают бомбы, превращая наросты дымного камня в цепочку кратеров, которые сливаются в траншею вокруг поезда.

«Что ты будешь делать, големист?» — спрашивает себя Иуда. Сделать что-нибудь необходимо. Та непонятная тварь внутри него, которую можно назвать любовью к добру, не дает ему покоя.

Люди разбегаются: они снова стали беженцами. Мужчины, старики, напуганные и раненые, новички, не слишком преданные поезду и равнодушные к пострадавшим, женщины с детьми — все карабкаются через осколки твердых облаков. Шон с Иудой проносятся мимо них к рельсам. Они спешат в гущу битвы.

Вот поезд отстреливается из кое-как заделанной орудийной башни. У Совета численный перевес, но милиция сильнее в бою. Небо впереди неестественного тускло-серого цвета, в пятнах, которым там совсем не место.

Далеко впереди, под защитой гвардии переделанных и

кактов, трудятся строители. Вкапывая как бешеные, они разгребают обломки слоистых каменных облаков. Когда один падает на рельсы, убитый или раненный пулей милицейского снайпера, на его место тут же заступает другой, и работа не прекращается ни на секунду.

Иуда вступает в бой.

Поезд милиция не остановит: убьют, конечно, многих, но остались считаные ярды, и сколько бы рабочих ни полегло — вот и еще один упал, обливаясь кровью, — поезд все равно пройдет. Аэростаты — вот что пугает Иуду. С запада доносится шум дождя, но никакого дождя нет.

Шон вдруг обмяк. Иуда чувствует, как он откидывается назад, обхватывает его руками, попадает пальцами во что-то мокрое, слишком обильно текущее для пота, и понимает, что его друг мертв. Лошадь спотыкается и останавливается, Иуда спешивается, волоча за собой друга с развороченной грудью. Он тащит его но земле, пока вокруг них не начинают раздаваться залпы, и тогда он оставляет мертвого друга лежать, а сам бежит сквозь ряды повстанцев, вдоль поезда, пригибается, на ходу выхватывает что-то из кучи брошенного оружия. Это оказывается арбалет. Иуда проклинает его за вес и небольшую дальность стрельбы, но все же натягивает тетиву, торопясь мимо покореженных вагонов к паровозу, где осталась его ловушка.

Спустив тетиву, он выпускает чакри, острый, как скальпель, затем смешивается с переделанными и протискивается к решетке локомотива. У милиции есть маги, они обстреливают повстанцев дротиками, заряженными вредоносной энергией, и наносят сверхъестественные раны. С риском для жизни вирмы атакуют милиционеров, и те начинают отступать.

— Они бегут! Мы побеждаем! — визжит одна вирма в порыве истерической гордости, но преждевременно: милиция просто уступает место дирижаблям.

— Давайте! — раздается крик. — Готово!

И составной дом, кренясь и вздрагивая, ползет вперед и вверх через каменный туман, так что всем кажется, будто он вот-вот сойдет с рельсов и разобьется об осколки дымного камня. Насыпь из обломков дышит, но держит, вагоны движутся, пули отскакивают от их железной шкуры. На вершине насыпи поезд тормозит, потом начинает спускаться. Вдруг под путями обнаруживается пустота, под тяжестью поезда ломается рельс, вагоны кренятся, но, по счастью, желобчатые колеса сохраняют сцепление с дорогой, и состав, содрогаясь, как раненый зверь, сползает на ровную землю.

— Не останавливайтесь! — кричит Иуда, и сотни повстанцев

бросаются догонять поезд. — Давайте же!

Небо и земля не такие, какими должны быть. Раздается такой звук, будто где-то далеко, близ солнца, ударили в гонг.

Геоэмпатка стоит у глубокой трещины в напластованиях дымного камня. Она перемазана грязью, ее глаза еще хранят память о полуживотном состоянии, но она глядит на Иуду и, упреждая его вопрос, кивает и показывает на землю.

— Вот здесь, — говорит она. — Мне так кажется.

Поезд выплевывает дым и нетерпеливо шипит.

— Сюда, сюда, скорее, — кричит Анн-Гари из кабины.

Вирмы несутся над утесами туда, где на краю обрыва остались последние повстанцы. Бегут переделанные. Какие они маленькие — неужели никто этого не видит? Иуда смотрит на запад, в небо. Неужели никто не видит это небо? Эту землю?

Перед ним открывается панорама, похожая и непохожая на все, что они видели до сих пор.

«Что же это?» В нескольких милях к западу, для здешних расстояний — просто чепуха. «Боги, мы же в Срединных Землях, нас нет на карте, нас нигде нет». Каменистая почва точно подергивается рябью, течет, как жидкий воск, все плывет перед глазами Иуды, но он продолжает смотреть. Земля куда-то ныряет. Равнину испещряют деревья, но они движутся: может, это не деревья? Они моргают или ему кажется? Они то вспыхивают темным пламенем, то гаснут, а может, все дело в его глазах, но нет, это с деревьями что-то не так — или они не деревья вовсе? За деревьями гора, но она вся словно покрыта рябью: что, если это мираж или курган и он куда ближе, чем кажется; а вдруг это соринка в глазу Иуды? Все не такое, каким должно быть.

Летают твари, похожие на птиц, но не птицы, летают во множестве совсем мелкие птицы: кажется, что встала пелена дождя. Совет собирает своих раненых, а Иуда тем временем засмотрелся на небо. Оно ворочается, как ребенок.

Обессиленные, истекающие кровью бойцы карабкаются, садясь в поезд.

— Давайте, — кричит Узман.

Он стоит на гребне скалы и смотрит вниз, на каменные расселины, на повстанцев, силящихся добраться домой.

— Быстрее, быстрее, — повторяет Узман.

Еще несколько человек пробираются к поезду, но по голосу Узмана Иуда понимает, что всем не успеть, милиция перегруппировывается. Уже слишком поздно. Узман смотрит на подрывников, на геоэмпатку. Строители продолжают работать, вечный поезд ползет вперед, медленно, но верно он покидает дымные горы.

— Это лишь окраина какотопического пятна, — говорит Иуда, глядя вверх. — Мы на самом его краю.

Но он чувствует землю; он ощущает ее энергию так, как не должен ощущать. Он видит, что Узман в отчаянии.

Повстанцы так надеются спасти всех своих товарищей, что медлят с подрывом трещины до тех пор, пока первые ряды милиции не вступают в схватку с переделанными. Наконец с небольшой запинкой звучат один за другим три взрыва, и мощный шквал дымного камня вырывается из пор земли, превращается в туман, который быстро закупоривает весь прорытый землекопами тоннель, а затем понемногу затвердевает и распространяется уже медленнее.

Узман плачет от жалости, видя, как волны тумана окутывают замешкавшихся переделанных. Он наблюдает, как расползается газовая скала.

Всем своим нутром Иуда ощущает приход чего-то нового. Рукотворный неживой объект, гигантский человекоподобный вихрь приближается к нему: это Анн-Гари освободила из ловушки Иудина голема. Внутренне съежившись, Иуда собирается с духом и восстанавливает контроль над своим творением: он поднимает руки, будто хочет взять голема за руки, и вместе они бегут к растекающейся массе дымного камня. Голем входит прямо в нее, протягивает руки, разгоняет клубы дыма, безуспешно пытаясь расчистить проход.

Иуда держится ярдах в двадцати от медленно ползущего тумана, который удушает, затвердевая. Из глубины каменеющей массы доносятся сдавленные крики. Вдруг облако возмущенно вспучивается в одном месте, Иуда видит внутри него движение: это не ветер и не случайное колебание. Протянутые в мольбе руки разрывают туман, из ниоткуда появляется человек, весь облепленный серыми клочьями, которые тут же превращаются в силиконовый панцирь, человек падает на землю, за ним другой, которого рвет туманом, а вот и третий — израненный частицами тумана, он прорывается, изнемогая, через облако, как через крутое тесто.

Иуда приближается к ним. Первый человек, вырвавшийся наружу, оказывается милиционером — его форма видна сквозь прорехи в каменном эпидермисе, — но невозможно злиться или ненавидеть его, видя, как он дрожит, как пытается дышать через рот, забитый минеральной пастой. Второй — член Совета. Его уже не спасти. Товарищи пытаются разбить булыжник, закрывший ему все лицо, но когда это им удается, их друг уже мертв — они проломили ему череп.

— Надо ехать, — кричит сверху Узман. Он страшно подавлен,

но старается держаться.

Там, где прошел поезд, камень кипит. Рельсы теряются в тумане, их уже не достать, они останутся там навеки — или, по крайней мере, до нового разжижения камня. Иуда Уничтожает своего голема, и потоки воздуха вокруг него изменяют направление.

Что-то движется. Иуда вздрагивает, видя, как из новых напластований камня высовывается по локоть человеческая рука и, словно ползучее растение, продолжает искать опору, хотя нервы внутри тела несчастного уже начинают умирать.

Аэронавты, разгромив отдельные секции поезда своими бомбами, все же находятся в растерянности, ведь их товарищи-пехотинцы внезапно оказываются замурованными в толще дымного камня. Осмелевшие повстанцы открывают по летунам огонь. Чей-то выстрел удачен: падает пробитый шар, из которого вытекает газ.

Наспех перестроившись, аэронавты стайкой шершней летят прочь над невысокими свежевыросшими холмами. Узман выкрикивает команду, и повстанцы торопятся разоружить упавших аэронавтов, а также подобрать ткань, из которой изготовлены дирижабли.

— Надо нам научиться не брезговать и падалью, — говорит Узман и смотрит в небо. — Это не последний раз, — произносит он раньше, чем Иуда успевает почувствовать облегчение.

Но облегчение все же приходит в тот день, когда они вступают в неисследованные земли. Облегчение, смешанное с пронзительной грустью: Совет скорбит по многочисленным павшим.

— Они не все попали в ловушку, — говорит Узман; Иуда даже морщится от того, насколько хочется Узману верить в чудесное спасение. — Некоторые не успели спуститься.

То есть остались там, откуда наступала милиция. Слабое утешение. Иуда пытается представить, что чувствовали люди, милиционеры и члены Совета, наблюдая, как огромное грозовое облако превращается в камень и пожирает их товарищей.

Оказавшись в незнакомых местах, повстанцы присматриваются к тому, что вокруг. Они вздрагивают, замечая при свете факелов подвижки ландшафта. Вдалеке они видят другие огни, движущиеся совершенно противоестественно, и слышат крики незнакомцев — или свои собственные, вырвавшиеся несколько часов тому назад, чтобы вернуться неузнаваемым эхом.

Спасшиеся понемногу собираются вместе. Пути слегка

отклоняются от прежнего курса. «На север», — пробегает шепоток. Узман ведет их в какотопическую зону. Они пройдут по самому ее краю, но все равно глубже, чем следовало бы.

Закрыв за собой дверь — проход в дымных горах, — на рассвете они впервые видят новый пейзаж. Местность покрыта обычным кустарником, но кажется волшебной после серой каменной пустыни. То возвышенности, то провалы. Постепенно растительность становится гуще. Деревьев кругом теперь видимо-невидимо; каждое сторожат каменные зубы и обвивают ползучие растения с цветами настолько яркими, что они кажутся искусственными. Маленькие озерца и другие вкрапления оживляют ландшафт, но там, куда направляется поезд и куда ведут рельсы, земля резко меняется. Иуда чувствует это. И остальные тоже. Через вибрацию колес.

Не все тени лежат в одной плоскости.

— Мы только одним глазком глянем, — говорит Узман. — По самому краешку пройдем.

Тени падают, как им вздумается, и ветер дует с нескольких сторон сразу — Иуда чувствует это. Земля, стоит на миг отвернуться, тут же меняет очертания.

Скольких непогребенных мертвецов они оставили позади. Вот и Шон лежит где-то, точно спит.

В один из последних дней Иуда таскает рельсы. Он выкапывает их из-под новых камней, из-под чьих-то мертвых рук, грузит на запряженную мулами телегу и везет к началу поезда: там рельсы снова положат на землю. Из окаменевшего тумана остаются торчать две железные культи.

За повстанцами следят звери и растения с глазами. На вторую ночь Иуда и его друзья собираются у костра, который благодаря какой-то магии горит белым пламенем. На совещание собрались Узман, Анн-Гари, Толстоног и те, кого избрали машинисты, лозоходцы, тормозные кондукторы, водоносы, бывшие шлюхи и прихлебатели.

— Вы сделали это, — говорит Иуда; Узман и Анн-Гари невозмутимо выслушивают его похвалу. — Вытащили нас. И привели сюда, в это странное место.

— Это еще не конец.

— Я знаю. Но у вас все получится. Верьте мне. Где-нибудь за этими землями вы найдете себе место. Где-нибудь далеко. Куда они не последуют за вами. Даже если вам придется обогнуть Землю. Вы найдете там дичь и плоды, вы остановите свой поезд. Там вы будете охотиться, удить рыбу, разводить скот — все, что захотите. Вы будете читать, а когда прочтете все книги из

поездной библиотеки, напишете свои. Вы обязательно найдете такое место.

— А здесь? Что с нами будет здесь?

— Не знаю. Будет трудно, но вы справитесь. — Иуда сам не знает, с чего это он заговорил как пророк. Да это и не он говорит; это его нутро, поселившаяся в нем добродетель. — Они не пойдут туда за вами. Спорю на деньги.

Все смеются. Деньги стали украшением. Некоторые все еще берегут их, но на банкнотах давно уже рисуют дети. А из монет сделали монисто.

— А Узман был прав, хотя он и ошибался, — продолжает Иуда. — Нам надо было связаться с Нью-Кробюзоном. Подумайте об этом. А то никто ведь так и не узнает.

Наступило молчание.

— Вы, конечно, можете ничего никому не говорить и просто исчезнуть, и тогда люди станут рассказывать, что однажды, когда строили железную дорогу, один поезд взял и уехал. Переделанные стали беспределами и забрали его себе. Но вам-то нужно не это. Те переделанные, которые в городе, Ждут. И они заслуживают большего.

— Но есть те, кто знает, что случилось…

— Да, но заходят ли они открыть правду? Вы станете легендой, этого уже не изменить, но какой легендой? Хотите стать легендой, которая не умрет? С которой будут считаться? Хотите, чтобы рабочие шли на забастовку со словами «Железный Совет» на устах?

Анн-Гари улыбается.

Иуда говорит:

— Я возвращаюсь, чтобы воспевать Железный Совет.

Сначала некоторые заявляют, что Иуда струсил и боится идти с ними через окрестности пятна, но на самом деле никто в это не верит. Просто им жаль его отпускать.

— Нам нужны твои големы, — говорит какая-то женщина.

— Как ты можешь нас бросить? Разве тебе безразличен Совет, Иуда?

Тут он взрывается.

— Это вы у меня спрашиваете? — говорит он им. — У меня?

Им становится стыдно.

— Я буду воспевать вас. Я все им расскажу. А вы сидите тихо.

Вспыхивает порох, собравшиеся моргают.

Не один Иуда покидает Совет здесь, под неестественными небесами, где чувствуется близость какотопической зоны, а

впереди ждет страшный Вихревой поток. Пусть даже придется идти обратно через дымные камни.

— Кто-то уйдет, остальные справятся, — говорит Иуда. — Идите к беспределам: они не подадутся в Нью-Кробюзон, слишком они переделаны.

— Вы справитесь, вы прорветесь, сестры. — Он смотрит на них без тени сомнения. — Держите, — говорит он, протягивая вокситератор. Все в недоумении. — Вот. Если сделать так, он сохранит все, что вы скажете, — (Они смотрят, как Иуда загружает валик, и забирают все чистые цилиндры.) — По одному каждый год, — говорит он медленно. — Присылайте мне их, где бы вы ни были. Шлите морем, с верховыми, пешими, как угодно. Посмотрим, дойдут ли они до меня. Я хочу слышать ваши голоса. — Он смотрит на Анн-Гари. — Я хочу слышать твой голос.

Одного за другим он заключает их в объятия. Он крепко обнимает своих товарищей, даже тех, чьи имена ему неизвестны.

— Слава Железному Совету, — говорит он каждому. — Слава Железному Совету.

Вдруг Иуда озорно целует Узмана прямо в рот; тот вздрагивает, хочет отстраниться, но передумывает. Поцелуй длится недолго.

— Не будь суров к парнишкам в ночь на пяльницу, — шепчет он переделанному прямо в ухо, и Узман улыбается.

Потом Иуда обнимает Анн-Гари, и она целует его, как целовала тогда, когда они впервые стали любовниками. Иуда притягивает девушку к себе за бедра, а она берет в свои ладони его лицо.

— Слава тебе, — шепчет он ей в рот.

Он уже забыл, насколько быстрее путешествовать в одиночку. Не проходит и дня, как он оказывается у дымных камней. Руку пойманного в ловушку человека, пробившуюся сквозь камень, обглодали звери, так что торчит лишь красная кость.

Иуда шагает по верхушкам каменных валов, как по волнам. Он видит следы боя и разбросанные трупы. В полдень он чувствует тени и обнаруживает у себя над головой косяк воздушных судов, направляющихся к вечному поезду. Иуда притеняет ладонью глаза и опирается на посох.

Наверное, он должен испугаться за судьбу товарищей, но ему не страшно. Он видит, как дирижабли меняют строй. Стоя один на земле, Иуда улыбается, пока аэронавты проплывают над ним, точно медлительные барракуды. Похоже, они колеблются. Он садится, прислоняется спиной к гранитному завитку и смотрит.

Иуда видит дым от паровоза. Средних размеров воздушный корабль несмело нарушает границу какотопической зоны. Отсюда пейзаж кажется совершенно обыкновенным, но Иуда чувствует, как что-то пагубное вскипает под кожей мира.

Приблизившись к поезду, дирижабль сбрасывает бомбы. Иуда видит крохотные цветы взрывов над холмами. Но и теперь ему не страшно.

Небо вдалеке конвульсивно содрогается. В нем возникает какой-то подвижный пузырь, извивается что-то живое: это не облако, просто часть самого неба становится вдруг ощутимой и толчками, точно кальмар, плывет над землей, плохо различимой на таком расстоянии. Плывет со странным звуком. Иуда задерживает дыхание. Происходит заминка. Дирижабль словно спотыкается, вновь становится различимым и вдруг меняется: совсем чуть-чуть, теперь он ниже сидит в небе, — а потом разворачивается и убирается прочь с такой быстротой, что лучше сказать — улепетывает.

Поезд продолжает свой путь в глубь пятна, в глубь какотопической зоны, которая только что победила Нью-Кробюзон.

Иуда в пути уже несколько месяцев и теперь бредет чуть ли не бессознательно, как помешанный. По высохшим руслам рек, по болотам, скалам, по лесам со стекловидными деревьями и по лесам, которые сначала кажутся ему окаменевшими, — только потом Иуда понимает, что это огромные скелеты. Он шагает через царство позвонков, ребер и грудин, через ландшафт, состоящий из костного вещества, со своим подлеском и своими падальщиками.

Он оставляет позади озера, сплошь покрытые пузырями: это племена водяных бьются между собой не на жизнь, а на смерть. Он видит дымовые трубы, торчащие из склонов гор: там деревни троглодитов. Иуда гостит в позабытом всеми племени жрецов. Его грабят разбойники-беспределы. Он сам становится членом банды.

Его тело снова становится телом путешественника. Накачанные мышцы рук и грудной клетки спадают, и он снова начинает походить на манекенщика, закаленного в пути. Его кормит щедрость гаруд, которые, ни слова ни говоря, бросают ему сверху еду. Он идет вперед по грубо начерченным картам, которые только что не лгут, и по компасу. Он возвращается не тем долгим путем, который привел его к дороге, а коротким, прямо на восток.

Среди базальтовых скал в сотнях миль от Нью-Кробюзона Иуду застает гроза: в небе точно вырастают сверкающие деревья в

несколько миль высотой. Таинственные силы задерживают разряды, и те ветвятся, превращаясь в ослепительный, как вспышка магнезии, лес.

Иуда видит очертания низких крыш ржавого, сожранного временем железного города. И болото с заговоренной каким-то магом грязью: его башмаки сразу превращаются в червей. И могильный холм, внутри которого захоронена церковь, и поля диких ягод, и прекрасные пригорки. Пять раз на него нападают звери, трижды — мыслящие существа. Иуда сражается или бежит.

Он привык молчать. Его движения стали легки и точны. Последнего голема он сделал из травы много недель тому назад: они шли бок о бок, и Иуда разговаривал с ним, пока того не унесло ветром. Иуда встречает одичавший скот, видит остатки изгородей и заброшенные пастбища, которые тянутся на много миль.

И вот наконец Иуда спускается с обрывистых холмов и останавливается как вкопанный. Вот он делает шаг вперед, спотыкается, падает на колени. Холодно. Какое же сейчас время года? Иуда ползет вперед и касается рельсов.

Кажется невероятным, что он может коснуться этого металла, этих железных лент, уходящих вдаль, несмотря на географию и погоду, обильно политых людскими потом и кровью, удобренных их костями — и все же таких ничтожных, беззащитных перед временем и пылью.

И людей. Кто-то приходил сюда поживиться. Целых секций пути уже нет. Колея то выглядывает из грязи, то снова ныряет в нее. Последний поезд прошел тут давным-давно.

Иуда смотрит вдоль путей в сторону севера и вспоминает, как укладывали насыпь. Болота остались далеко на юге.

Вернувшись в город, Иуда выяснит, отчего умерла дорога. Оказывается, денежные потоки заблудились в ее шлюзах, а казнокрадство достигло таких размеров, что государство вынуждено было вмешаться, чтобы избежать позора. А когда ушей инвесторов достигли слухи о мятеже и Железном Совете, деньги совсем перестали поступать. Тогда попытались в срочном порядке реанимировать ТЖТ: вольнонаемным подняли зарплату, осужденных сплошь и рядом превращали в переделанных, и все же отток капиталов продолжался. Скоро Трансконтинентальный железнодорожный трест лопнул, оставив от дороги рожки да ножки.

Иуда выяснит все очень скоро, вернувшись в город. Пока что он только улыбается, поднимает свой упавший мешок и, прежде чем встать, поглаживает рельсы рукой, словно кошку. В этом жесте чувствуются любовь и даже грусть.

Он встает и шагает по мертвым рельсам. Подпорные стены сразу же заключают его в свои объятия. Окружающий пейзаж исчезает. Он словно ныряет в тоннель, который ведет прямо в Нью-Кробюзон и который ждал его все это время.

— Нью-Кробюзон, — говорит он шепотом, хотя вот уже несколько дней не произносил ни слова. — Нью-Кробюзон, я буду возвращаться к тебе всегда.

Это не признание влюбленного, не вызов, не отголосок смирения или запальчивости — это слова, в которых всего понемногу.

Он продолжает свой путь, в заплечном мешке — гелиотипы Железного Совета. Истина, бегство, новая жизнь, распространение демократии, утопическое царство переделанных.

— Вы станете легендой, — говорит он, и птицы слушают, — и эта легенда будет правдивой.

Иуда шагает по железной дороге назад к городу, к башням Нью-Кробюзона.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ
лАзУтЧиК

ГЛАВА 14

Толпа преследовала калеку — солдата или матроса, участника тешской войны. В последнее время такие, как он, заполонили все улицы, точно из-под земли выскочили.

Газеты помалкивали о том, что война проиграна, но количество раненых и увечных говорило само за себя. Ори представлял себе, как переворачиваются и идут ко дну нью-кробюзонские броненосцы, а вода вокруг кипит от взрывов, представлял, как качаются на волнах мертвецы, как их пожирают морские черви и акулы. Ходили страшные слухи. Не было человека, который не знал бы о Битве на Дурной Земле или Сражении на Солнце.

Первые партии раненых горожане встречали со страхом и уважением. Конечно, это были милиционеры, на которых смотрели недоверчиво, но все же они сражались и пострадали за родной город, поэтому их было по-настоящему жалко, и в моду вошли патриотические песни. Те немногие граждане Теша, которые еще оставались в городе, были перебиты или ушли в подполье. Всякий, кто говорил с иностранным акцентом, рисковал нарваться на драку.

Преступников теперь чаще отправляли на фронт, чем в тюрьму или на переделку. Многие нищие калеки, вопившие теперь о тешских душепушках или эфритовых ветрах, были мобилизованы насильно. Вернувшись с передовой, они превратились в позорное напоминание о войне.

Ветеранов сначала привечали, потом нет и наконец стали гнать и презирать. Их былые товарищи-милиционеры очищали от них парки и площади в центре. Ори сам видел, как с усаженной цветущими деревьями Церковной площади тащили человека, чья кожа рвалась и лопалась под натиском прущих наружу резцов, а он вопил что-то о зубной бомбе.

Ньюкробюзонцы давали деньги благотворительным организациям, которые заботились о пострадавших от магии. Конечно, речи и марши в поддержку войны не прекращались, трубы трубили, военные знамена развевались: «парады свободы», вот как все это называли. Но вернувшихся с войны инвалидов со странными ранами боялись за дурной глаз.

А что сказать про тех, чьи увечья были просты и привычны, без всякого колдовства? Исполосованные шрамами, слепые, зачастую безногие, они вешали на грудь таблички с надписями «Витеран тешской войны» или «Пострадавший за Н-Кробюзон». Конечно, среди них было немало обычных нищих, придававших

застарелым увечьям сомнительный батальный блеск, и на них-то и вымещали ньюкробюзонцы обиду и тревогу по поводу войны.

Стоило одному бросить колкую фразу вроде: «Да ты таким родился, лживый урод», и тут же могла собраться толпа и прогнать несчастного калеку по улицам города. Разумеется, делалось это в защиту чести Нью-Кробюзона. «Как смеешь ты, паршивец, равнять себя с нашими парнями, которые сражаются и погибают?» — говорили ревнители справедливости. На Темной стороне толпа окружила плотного безрукого калеку, крича, что он лжец и в жизни на палубу не поднимался. В него швыряли камни, а он выкрикивал, что состоял в таком-то чине. Ори прошел мимо них.

Другие жертвы войны просто помалкивали. Это были переделанные, милиционеры-рабы, произведенные специально для военных действий и выжившие после отправки на фронт. Когда их комиссовывали, то отнимал и пришитое раньше оружие. Намекни они хотя бы, что полученные при этом шрамы — не говоря уже про израненную плоть, выбитые глаза, сломанные кости — тоже военного происхождения, их в лучшем случае осмеяли бы. Ори проходил мимо них.

Лето выдалось прохладным, и он шел под буйными кронами деревьев, пока крики толпы и обвиненного в мошенничестве нищего не стихли вдали. Ветерок сопровождал его и под арку станции «Темная вода». Улицы были узкими, как вены, черные бревенчатые и белые глинобитные дома соседствовали с кирпичными, а в одном месте из пепелища торчали, словно кости, обугленные стропила недавно сгоревшего дома. В Пинкоде, районе на западе Нью-Кробюзона, стены впитывали влагу из воздуха и отдавали ее с испариной назад, отчего штукатурка на них покрывалась кистами пузырей. Из них сочилась разноцветная блестящая мокрота.

Он шел на север, туда, где улицы становились шире. Площадь Пыльной Недели оказалась ухоженным садиком из шиповника и высоких камней, на который выходили украшенные лепниной эркеры квартала Ближние стоки. Ори там не понравилось. Он вырос в Собачьем болоте. Нет, со шпаной с Худой стороны он не знался, до этого не доходило, но мальчишкой Ори бегал по деревянным мосткам между домами, облепленными пристройками-скворечниками, — голь на выдумки хитра — и сверху вниз глядел на сушилки с бельем и отхожие места. Он рыскал но придорожным канавам в поисках оброненных мелких монет, дрался, познал секс и научился скорострельному жаргону Собачьих Стай — сплошь клятвы да обещания. В географии Ближних стоков и вообще городского центра Ори не разбирался.

Он не понимал, где тут бегать ребятишкам. Здешние дома подавляли Ори своим строгим видом и в ответ вызывали у него ненависть.

Ловя взгляды хорошо одетой местной публики, он напустил на себя вызывающий вид. Приближалась ночь. Ори ощупал свое оружие.

На перекрестке он заметил связных. Старая Вешалка и другие делали вид, что не знают его, но до Решетчатой авеню они шли с той же скоростью, что и Ори, огибая углы, опушенные ивами.

Это была одна из красивейших улиц города. Украшенные колоннами фасады жилых домов и магазинов испещряли окаменелости, в старом «стиле могильных костей». На некотором протяжении их прикрывал знаменитый гласхейм — воздвигнутый века назад фасад из витражного стекла, изображения на котором разнились от здания к зданию. Его охраняли часовые, и ни одна телега не проезжала мимо по булыжной мостовой из страха вызвать град осколков. Однажды Ори предложил устроить провокацию и разбить фасад, но даже люди Торо были шокированы и отказались. Они не за этим сюда приходят. Старая Вешалка, ссутулившись, приблизился к зданию конторы.

И тут начался хорошо срежиссированный балет, который они многократно репетировали в здании заброшенного склада: две ступеньки, раз, два, и Ори у двери, три, четыре, натыкается на женщину по имени Катлина; оба зашаркали ногами, как было условлено; Ори споткнулся; Маркус с Вешалкой проскользнули в офис, а Ори и Катлина подняли отвлекающий крик.

Вокруг потрескивали иликтробарометрические лампы, из-за чего гласхейм ярко светился, а Ори и Катлина походили на призраков. Каждый осыпал другого бранью; Ори следил за дверью позади Катлины, готовый в любую секунду назвать партнершу сукой, — условный сигнал, по которому та должна была своими криками отвлечь всякого, кто попытается войти в офис, пока их товарищи гам. Сейчас они, наверное, как раз допрашивают свою жертву. «Так кого ты выдал?» — спрашивает Вешалка.

Стражники стеклянного экрана подошли ближе, но смотрят только на Ори с Катлиной. Лавочники глядят настороженно и изумленно, богатые покупатели наблюдают через витрины кафе. Ори был поражен. Неужели они не знают о том, что происходит? В каком мире живут обитатели Ближних стоков?

Скоро — от этой мысли Ори становилось не по себе, как он ни старался ожесточить свое сердце, — скоро Старая Вешалка убьет осведомителя. Убьет мгновенно, а потом ударит мертвое тело двузубым кастетом и оставит следы, будто от удара бычьих рогов.

«Идет война, — хотелось закричать Ори. — За пределами города. И внутри тоже. В ваших газетах пишут об этом?» Вместо этого он продолжал играть.

Торо дал им четкие инструкции, без всякой горечи или злорадства, — просто подчеркнул, что необходимо сделать. Это было и вправду необходимо. Каким-то образом Торо связал этого человека с волной арестов, с милицейской башней, с арестными бригадами, которые хватали членов гильдий и активистов. Человек в этом офисе был из милиции, шпион, через него держали связь все осведомители. Вешалка вытянет из него все, что сможет, а потом убьет.

Ори вспомнил о том, как он впервые увидел Торо.

Это случилось благодаря деньгам Спирального Джейкобса. «Я хочу сделать свой вклад», — сказал тогда Ори и дал Вешалке понять, что речь идет не об очередном отчислении с недельной зарплаты. «И хочу стать одним из вас», — добавил он, на что Старая Вешалка поджал свои зеленые губы и кивнул, а потом, два дня спустя, пришел к нему сам. «Идем. Деньги возьми».

По Ячменному мосту они пошли из Собачьего болота на Худую сторону. Их глазам открылось апокалиптическое зрелище окаменевших шлаковых куч и заброшенных верфей, где на мелководье догнивали остовы судов. Никого не интересовали эти проржавевшие изваяния. Старая Вешалка подвел Ори к ангару, где когда-то строили дирижабли, и оставил ждать снаружи, в тени швартовой вышки.

Банда была в сборе — всего несколько мужчин и женщин. Среди них — переделанный по имени Уллиам, крупный мужчина лет пятидесяти с лишним: лицо его смотрело назад, поэтому ходил он осторожно. Подождали еще. Наконец отраженный городом предзакатный свет ворвался внутрь сквозь разбитое окно, заиграл на осколках, не выпавших из рамы, — и, окруженный сиянием, появился Торо.

При каждом его шаге с пола поднималась пыль. «Торо», — подумал объятый трепетом Ори, пристально глядя на него.

Торо двигался как мим, и его подчеркнуто мягкая походка так не походила на поступь быка, что Ори едва сдержал смех. Торо был тоньше его, меньше ростом, почти как ребенок, но в каждом его шаге чувствовалась уверенность, которая говорила: «Бойся меня». Тонкую фигурку венчал огромный головной убор из железа и меди, такой тяжелый на вид, что было непонятно, как его выдерживает такая изящная мускулатура, но Торо держался твердо. Разумеется, шлем изображал голову быка.

Это была стилизованная голова, вся в металлических

шишках, изборожденная следами былых боев. То был легендарный шлем — не просто кусок металла. Ори чуял привкус колдовства. Рога были из кости или черного дерева. Морда оканчивалась решеткой, изображающей зубы; для дыхания служило кольцо в носу. Глаза были изумительные: круглые маленькие бусинки из закаленного стекла, светившиеся белым — от внутренней подсветки или колдовства, Ори не знал. Человеческих глаз за ними видно не было.

Торо остановился, поднял руку и заговорил: из узкой грудной клетки вырвался такой глубокий, по-звериному рокочущий бас, что Ори пришел в восторг. Тонкие струйки пара вырвались из кольца в носу, и Торо откинул голову. Ори был поражен: его голос и в самом деле был голосом быка, говорящего на рагамоле.

— Ты что-то мне принес, — сказал Торо, и Ори, нетерпеливый, как пилигрим, бросил ему мешок с деньгами.

— Я считал, — сказал Старая Вешалка. — Там много старых монет, куча таких, которые хрен сбудешь, но немало и настоящего добра. Он хороший парень.

И Ори приняли. Никаких испытаний, никаких дурацких заданий на проверку лояльности.

Как новичка, его ставили дозорным или использовали для отвлекающих маневров, но ему было этого достаточно. Он стал частью чего-то. Ори даже не помышлял оставить сколько-то денег себе, хотя прожить на них он смог бы долго. Кое-что он все равно получал: за участие в преступлениях и актах мщения ему платили.

Нью-Кробюзон стал для Ори новым городом. На любой улице он сразу искал пути отступления и вычислял пути возможных набегов: в этом ему помогали навыки городского детства.

Постепенно его жизнь стала более напряженной. Сердце колотилось, когда он проходил мимо милиции; глаза сами искали знаки на стенах. Там, среди ругательств, порнухи и прочей ерунды попадалась и серьезная информация. Между написанных мелом девизов, рун и пиктограмм встречались примитивные заклинания (наговоры, обереги, сглазы на молоко и пиво). Иные, вследствие какого-то поветрия, рисовали буквально на всех углах: завитки, похожие на ракушку, иероглифы с торчащими остриями. Его интересовали граффити, посредством которых банды общались между собой. Немногословные, написанные краской призывы к бою или переговорам. Апокалиптические лозунги и сплетни: «Грядет Джаббер», «Спаси нас, Ведне!», «ЖС возвращается!» Торо с его людьми находился где-то между объявленными вне закона и «ББ», с одной стороны, и

беспощадными налетчиками восточных кварталов, с другой. Тем и другим была известна команда Торо.

Дважды Ори вступал в переговоры с бандитами. Вместе с Вешалкой и Уллиамом-переделом он ходил то ли уговаривать, то ли запугивать молодых головорезов, называвших себя Грифами Темной стороны, чтобы те держались подальше от доков, куда после их наглых выходок могла нагрянуть милиция. Ори смотрел на Грифов с неприкрытой ненавистью, но все же дал им денег, как велел Торо. В другой раз он один пошел в Костяной город, где под сенью огромной, пострадавшей от времени грудной клетки со всеми предосторожностями купил у визиря господина Попурри солидную партию шазбы. Что делал с ней Торо, Ори не знал.

Самого Торо он видел редко. Часто он вообще подолгу ни с кем не встречался и не говорил. Его новые друзья не читали книги газет, как было принято в компании «ББ». Они только играли в старом складе на Худой стороне да «ходили на разведку», то есть слонялись без всякой цели. Никто не заговаривал о конечной цели существования банды, о главном плане; никто не обсуждал то, ради чего они собрались. Имя мэра и даже само слово «мэр» не называлось, обычно говорили «председатель» или «поросячий босс»: по вольным словам опознавали своих. «Как полагаете, когда мы сможем отправить нашего председательствующего друга в бессрочный отпуск?» — спрашивал иногда кто-нибудь из своих, и они пускались в обсуждение подробностей повседневной жизни мэра и начинали чистить оружие.

Ори не всегда знал, чем заняты его товарищи. Нередко он узнавал об этом из сплетен или газет: очередное дерзкое ограбление, освобождение узников переделочной фабрики или убийство богатой четы на Плитняковом холме. Последнее происшествие особенно взбесило журналистов, которые на страницах своих газет готовы были заживо содрать с Торо кожу. Ори мрачно задумался о том, что натворили эти невинные жертвы, у скольких людей они отняли нормальное тело или жизнь. Он порылся в коробке, куда члены банды складывали милицейские трофеи вроде значков или служебных контрактов, но не нашел ничего, что проливало бы свет на эту тайну.

Взнос старика Джейкобса дал им возможность раздавать взятки направо и налево, хотя большую часть денег Торо предназначил для какого-то таинственного проекта. Его сторонники скупали информацию и устанавливали связи. Ори попытался заново выстроить свою собственную сеть. Он долго пренебрегал старыми друзьями, не видел Петрона и актеров уже много недель. Ему, как новоиспеченному разбойнику, их

выступления казались слишком легкомысленными и манерными. Наконец Ори разыскал их и обнаружил, что ему сильно не хватало их диковатого лицедейства.

А еще он узнавал от них новости, поняв, что, проводя целые дни с новыми товарищами, отрезал себя от городских слухов. Тогда он снова начал не реже раза в неделю появляться на благотворительной кухне в Грисской пади. И решил снова ходить на собрания кружка «Буйного бродяги».

Он старался не забывать Спирального Джейкобса. Найти того оказалось непросто. О старике давно никто не слышал, и Ори разыскал его, лишь оставив послания служителям ночлежек и другим бродягам, которые для старого нищего вроде семьи.

— Где ты был? — спросил Ори, но Джейкобс ушел в себя и ничего не ответил; туман в голове старика рассеивался лишь тогда, когда он вспоминал о прошлом, о Джеке-Полмолитвы.

— Откуда ты столько знаешь о планах Торо, Джейкобс?

Старик засмеялся и закивал.

«Может, ты друг Торо? — подумал Ори. — Может, вы встречаетесь по вечерам и вспоминаете прошлое, Джека?»

— Почему тогда ты сам не отдал им деньги?

Молчание.

— Значит, ты их не знаешь?

Никто из последователей Торо не узнал Джейкобса по описанию. Ори расспрашивал его о Джеке-Полмолитвы. «Думаю, я тебе симпатичен, — думал Ори; старый сумасшедший заботился о нем, как о сыне. — Наверное, ты дал мне денег, чтобы помочь и мне, и им». Слабоумие Джейкобса то отступало, то опять возвращалось.

— Давно тебя не видели, — сказал Петрон.

Они выбрали для встречи сомнительное кабаре в Шумных холмах, стараясь не обращать внимания на стриптизершу у шеста и наркотики, передававшиеся из рук в руки.

— Занят был.

— Нашел другую компанию?

Петрон не злился и не обвинял: в богемном мире приятельские отношения быстро сходили на нет. Ори пожал плечами.

— Мы ставим хорошую вещь, хочешь, возвращайся. Новое шоу будет называться «Руд и Гуттер и посольство дьявола». Имя Рудгуттера, понятное дело, использовать нельзя, но речь идет об этих летних Кошмарах, много лет назад. Ходят слухи, что кое-кому это было на руку.

Ори слушал и думал: «Через несколько лет ты будешь про

меня ставить шоу: „Ори и Мэр, пропоротый Быком“. Но тогда все будет иначе».

Две пяльницы подряд он ходил в «Зазнобу бакалейщика». В первый раз никто не пришел. Во второй перед Ори откинулся люк подвала, и он попал на встречу кружка «Буйного бродяги». Джеков прибавилось. Переделанный, которого Ори видел несколько месяцев назад, был там. Еще были грузчик-водяной и калека-кактус, которых Ори не помнил. Несколько человек листали брошюры.

Собрание вела горячо выступавшая маленькая женщина — старше Ори, но все же молодая. Говорила она хорошо. Она долго разглядывала Ори, а когда ее лицо приняло неопределенное выражение, он вспомнил ее: это была вязальщица из потогонки.

Речь шла о войне. В воздухе висело напряжение. «Буйный бродяга», в отличие от многих других диссидентских группировок, не только не разделял официальных или неофициальных целей войны, но заявлял, что сделает все для поражения Нью-Кробюзона.

— Вы что же, думаете, Теш лучше? — спросил кто-то недоверчиво и сердито.

Вязальщица ответила:

— Дело не в том, кто лучше, а кто хуже. Наш главный враг здесь, внутри города.

Ори молчал. Он наблюдал за ней и напрягся лишь на секунду, когда кто-то чуть не набросился на вязальщицу с кулаками из-за ее «любви к Тешу», но та успокоила задиру. Ори не верилось, что она убедила всех: он и сам не имел об этой войне четкого мнения, кроме того, с обеих сторон войну ведут ублюдки, а лично ему, Ори, наплевать. И, однако, женщина справилась хорошо. Дождавшись, когда остальные уйдут, он захлопал в ладоши — полушутливо-полувсерьез.

— А где Джек? — спросил он женщину. — Тот, который сидел тут раньше?

— Курдин? — ответила она. — Исчез. Схвачен. Милицией. Больше ничего не известно.

Воцарилось молчание. Женщина собирала свои бумаги. Значит, Курдин мертв, или сидит в тюрьме, или еще хуже того.

— Жаль.

Она кивнула.

— А вы хорошо говорили.

Снова кивок.

— Он мне про вас рассказывал. — Вязальщица отвела глаза. — Много рассказывал. Он расстроился, когда вы перестали приходить. Много думал о вас. Говорил: «Мальчика Душит гнев.

Надеюсь, он знает, как с этим справиться». Ну и как оно там… на воле, Джек? Как оно с бандой Боно, или с Торо, или с парнями Поппи, или с кем ты теперь? Думаешь, никто ничего не знает? Чем ты теперь занимаешься?

— Делом, в отличие от некоторых. — Но Ори, не желавший вступать в перепалку, разозлился на собственную запальчивость и поэтому спросил: — А как вы стали председателем?

Ори хотел сказать: «Вы так много знаете, умно говорите, вы поднялись так высоко». При их последней встрече он был опытным диссидентом с радикальными взглядами; теперь он повидал смерть, закалился, отведал милицейского ножа и научился разговаривать с подонками из восточных районов, но эта женщина знала больше, чем он, а прошло всего несколько недель.

Та пожала плечами:

— Вопрос времени.

Она хотела продемонстрировать Ори свое пренебрежение, но вдруг посмотрела прямо ему в глаза.

— Как вы… как ты мог связаться с ними сейчас? В такое время? Разве ты не видишь, что происходит? Не понимаешь, к чему все идет? Не чувствуешь? На прошлой неделе забастовали пять литейных заводов, Джек. Пять. Платформа Строптивых гильдии докеров ведет переговоры с водяными о создании межрасового профсоюза. И это, хаверим, сделали мы, «ББ». Следующий марш протеста мы превратим в митинг, и нам уже больше не придется плесневеть здесь. — Она обвела стены руками и хлопнула себя кулаками по бедрам, чуть не топнув при этом ногой. — А разве ты не слышал, что говорят? Кто возвращается? Кто скоро будет с нами? И в такое время ты решил поискать приключений? Отошел от общего дела?

При этих словах Ори не сдержал презрительной усмешки. Уж эти «ББ» со своим жаргоном — только и слышишь от них: «общее дело, общее дело».

— Мы не сидим сложа руки, — сказал он.

От ее отповеди ему стало неловко, а может быть, грустно, тоскливо. Он ничего не знал о событиях, о которых говорила она, а ведь не так давно он сам был бы их частью. Но возбуждение и гордость, переполнив его, рассеяли тревогу, и Ори улыбнулся.

— Эх, Джек, — сказал он. — Знала бы ты, что мы задумали.

Дверь офиса распахнулась, и оттуда вышли Маркус со Старой Вешалкой, но видел их только Ори. Какт поймал его взгляд и скрылся в толпе любопытных.

Осторожно, не слишком резко, Ори дал Катлине понять, что

все кончено, и оба понизили голос, будто устав от ссоры. Ори шагал под арками надземки вдоль Правой линии, а над его головой освещенные газом поезда неслись в коричневом сумраке на Худую сторону, где ждал Торо. Оставив за спиной мертвеца, Ори возвращался к таинственному боссу, которого встречал так редко, а лица не видел вовсе.

ГЛАВА 15

Ори шел к докам Паутинного дерева. Там должно было состояться собрание, якобы стихийное, о котором Союз и каждая из его группировок оповестили всех несколько недель назад. Ни в «ББ», ни в «Наковальне» объявить о нем было нельзя, поэтому пришлось положиться на граффити, язык немых и слухи. Милиция их и так накроет, вопрос только в том, раньше или позже. Толпа собралась перед фасадом складов «Парадокса»: докеры, несколько клерков, в основном люди, но не только; даже переделанные жались по углам.

Из каналов, соединявших доки с рекой, за собравшимися наблюдали водяные. В нескольких десятках ярдов оттуда, за домами, у места слияния Вара и Ржавчины, начинался Большой Вар — широкая река, отделявшая восточные районы города от западных. Когда по ней шли океанские корабли, Ори видел мачты, проплывающие над крышами, и реи — выше печных труб.

Над головами пролетели аэростаты. «Быстрее», — подумал Ори. Невесть откуда взявшаяся группа мужчин и женщин клином врезалась в толпу и целенаправленно двинулась вперед. В центре клина шагал какой-то человек, которого довели до кирпичного сарая и вытолкнули на крышу, как на сцену, где к нему присоединился еще один. Ори знал его: член Союза, из объявленных вне закона.

— Друзья! — закричал он. — Здесь кое-кто хочет с вами поговорить, он мой друг, его зовут Джек, — (В толпе безрадостно заулыбались.) — Он хочет рассказать кое-что о войне.

Времени было мало. Милицейские шпионы наверняка уже побежали доносить. На посту магического подслушивания внутри Штыря целый эшелон слухачей наверняка уже навострил уши, вылавливая сообщения на запретные темы из сумбурного потока информации. «Быстрее», — подумал Ори.

Оглянувшись, чтобы оценить размеры толпы, Ори поразился: за ним стоял Петрон. Значит, проявляя инакомыслие на подмостках, актер ходит и на акции протеста: риск тут гораздо больше, чем быть поздно вечером подкарауленным и избитым на Салакусских полях. Ори оценил это.

«Союзники» были повсюду. Ори заметил кое-кого из Лиги Неумеренных и из сторонников выборной реформы; редактор «Буйного бродяги» тоже была там. Оратор не принадлежал ни к одной из фракций, а потому все представители вечно колеблющегося, беспорядочного, раздираемого внутренней борьбой и скрепленного товариществом братства считали его

своим. И каждый старался привлечь его на свою сторону.

— Ему есть что сказать, — кричал человек из объявленных вне закона. — Наш Джек… наш Джек только что с войны.

Внезапно наступила тишина. Человек оказался солдатом. Ори замер. Что за чушь? Все знают, что в армию вербуют обманом, что переделка преступников в солдат идет полным ходом, но, как бы то ни было, этот человек — милиционер, пусть даже формально. А его взяли и привели сюда. Тот шагнул вперед.

— Не бойтесь меня. Я пришел… я пришел, чтобы рассказать вам… ну, как оно там на самом деле, — заговорил приглашенный. Прирожденным оратором он не был, зато орал Так громко, что слышали все до единого, а его напряжение Удерживало слушателей на месте.

Говорил он быстро — видно, был предупрежден, что времени дадут мало.

— Я никогда еще не выступал вот так перед людьми, — продолжал он, и все услышали дрожь в голосе человека, который был на войне и убивал во славу Нью-Кробюзона.

Эта война — вранье (сказал он). Вот мой значок. (Он вынул его из кармана кончиками пальцев, словно тот был покрыт грязью. «Для города он уже умер», — подумал Ори.) Месяцами не сходили мы с корабля, прошли пролив Огненная Вода, до самого края земли доплыли, думали, что на кораблях и воевать будем, нас ведь к этому готовили, тренировали, как матросов-пехотинцев, да и корабли тешские уже шли на нас, мы видели их, видели, как ворочаются их орудия, ищут нас, но тешане так нас и не увидали, а милиция сейчас уже не та, не так предана городу, парни из Собачьего болота так и вовсе пошли воевать потому, что работы нету. И тут нас выпустили на берег и велели идти освобождать тешские деревни.

Но им не нужна свобода. Я такое видел… Что они с нами делали… И что мы делали с ними в ответ… (Тут на улице началась возня, примчались разведчики Союза и, отчаянно жестикулируя, сообщили что-то внезаконнику на трибуне, а тот, нагнувшись, зашептал оратору. Ори приготовился бежать. Милиционера-отступника понесло.) Никакая это не война за свободу, ни для нас, ни для них, тешане ненавидят нас, а мы — их, и, черт побери, там бойня, обыкновенная бойня, они высылали своих ребятишек нам навстречу, напичкав их проклятиями, чтобы нас расплавить, и мои люди плавились у меня на руках, и я творил такое… Вы и понятия не имеете о том, что там делается, в Теше. Они не такие, как мы. Джаббер, я делал с людьми такие вещи… (Второй человек стал торопить его, тянуть за руку к краю

крыши.)

Так что пошлите куда подальше и милицию, и эту войну. Тешанам я не друг, слишком много перенес от них, но их я ненавижу в сто раз меньше, чем этих. (Он ткнул пальцем в сторону дворца с базальтовыми колоннами — резиденции Парламента, протыкавшей небо высокомерно воздетыми трубами и бивнями-зубцами.) Если кого и надо убивать, так не тешских крестьян, черт возьми, а тех, кто послал нас туда. Кто их оттуда вытащит? (Он поджал большой палец и сделал вид, будто из указательного стреляет по Парламенту — оскорбление, принятое у переделанных.) Пошли они в жопу со своей войной!

И тут кто-то из «Буйных» рявкнул:

— А потому сражайтесь, пока не проиграете, сражайтесь до полного поражения!

А те, кто счел этот призыв глупым, ответили сердитыми возгласами. Они вопили, что мятежники на стороне Теша, что они агенты Города ползущей жидкости, но до рукопашной не дошло: раздались свистки охраны, и толпа стала рассеиваться. Ори торопливо царапал записку на клочке бумаги.

Милиция приближалась. Люди были наготове и стали разбегаться. Ори тоже побежал, но не к воротам или пролому в изгороди, а прямо к оратору.

Он протолкнулся мимо препиравшихся членов Союза. Его узнали, но приветствия и вопросы не успели слететь с губ, как Ори уже несся вдогонку яростному солдату-Джеку. В его карман он сунул бумажку со своим именем и адресом и шепнул:

— Кто их оттуда вытащит? Мы. На этих надежды нет. Приходи ко мне.

И тут заурчали пропеллеры и над толпой всплыл аэростат. Из его брюха выпали веревки, по ним скатились вооруженные милиционеры. Где-то лаяли собаки. Ворота складов «Парадокса» были забиты народом, началась паника.

— Заградители! — раздался чей-то крик.

И правда, над изгородью поднялись причудливые продолговатые тела, окаймленные выступами и естественными отверстиями, а на этих огромных, покрытых волокнистой бахромой существах сидели милиционеры и дергали их за обнаженные нервы, плавно направляя прямо на толпу «союзников». С болтающихся щупальцев капал яд. Ори побежал.

На улице наверняка ждут другие милиционеры: секретные агенты в гражданской одежде. Надо соблюдать осторожность. У Ори все чесалось при мысли, что какой-нибудь снайпер с аэроплана, возможно, уже держит его на мушке. Но он знал на

этих улицах все ходы и выходы. Почти все пришедшие на митинг уже скрылись в кирпичных лабиринтах Нью-Кробюзона, пробежав мимо напуганных лавочников и бродяг на углах; через несколько кварталов они внезапно перешли на шаг и как ни в чем не бывало продолжили путь. Позже, переправившись через реку, Ори бурно обрадовался известию о том, что никого не убили и не арестовали.

Солдата звали Барон. Так он представился Ори, не заботясь о секретности и безопасности, как то было принято у инакомыслящих. Он объявился два вечера спустя. Когда Ори открыл Барону, тот стоял, держа его записку в руках.

— Скажи мне, — начал он, — что вы делаете? И кто ты, черт возьми, такой, а, хавер?

— Почему тебя до сих пор не арестовали? — спросил Ори.

Барон объяснил, что в самоволку ушли со гни милиционеров. Большинство из тех, кто собирался жить подпольно, залегли на самое дно, занимались спекуляциями на черном рынке и старались не попадаться на глаза бывшим коллегам. В городе такой бардак, сказал солдат, что выследить всех до единого беглецов у милиции все равно не получится. Без мятежа или стачки не проходит и дня: безработных становится все больше, только и слышишь, как то Дикобразы бьют ксениев, то ксении с инакомыслящими молотят Дикобразов. Даже в Парламенте уже завели речь о пользе компромисса и о том, что надо договориться с гильдиями.

— А я и не прячусь, — сказал Барон. — Мне плевать.

Они подходили к «Жуткому болтуну» в Речной шкуре, рядом с кактусовым гетто. Ори специально не пошел ни в «Загон», ни в другое место, известное как оплот инакомыслия, чтобы избежать возможной слежки. Здесь, в Речной шкуре, улицы напоминали тихие водосточные канавы между отсыревшими деревянными домами. Худшее, что тут могло случиться, — это потасовка с обдолбанными кактами-подростками, которые шатались по улицам, делали келоидные татуировки на своей зеленой коже и сидели на решетках у Оранжереи — сооружения в восемьдесят ярдов высотой и четверть мили поперек, стеклянные стены которого рассекали надвое нью-кробюзонские улицы. Недоросли-кактусы внимательно следили за Ори и Бароном, но не приставали.

С Бароном в прошлом что-то случилось, подумал Ори. Нет, тот не сказал ничего особенного, наоборот: пережитое им угадывалось по недоговоркам и паузам в беседе. В солдате

чувствовалась затаенная ярость. Ори знал, что страшных историй о войне столько же, сколько людей, вернувшихся с нее. Барон напряженно думал об одном и том же, о каком-то случае, миге, — что произошло тогда: кровопролитие, убийство, метаморфоза? — об ужасе, который превратил его в агрессивного, озлобленного человека, готового убивать тех, кто когда-то платил ему деньги. Видимо, там, в прошлом, была боль, были погибшие друзья.

Каждая группировка Союза обхаживала Барона и других беглецов из милиции. Ори с рассчитанным презрением излагал взгляды различных фракций. Он рассказывал истории о приключениях Торо, о работе его команды и понемногу втянул Барона в свою деятельность.

Барон был ценным призом, и тороанцы обрадовались ему. В ту ночь, когда Барон стал одним из них, Торо пришел и положил костлявую ладонь на грудь милиционеру, приветствуя его.

В тот раз Ори впервые увидел, как передвигается Торо. Когда Старая Вешалка и остальные члены банды закончили разговор, Торо опустил литую металлическую голову, выставил рога вперед и оттолкнулся. Опираясь на пустоту, на воздух, он напряженно стремился вперед, его колдовские рога нащупали точку, зацепились за нее, вселенная изогнулась и растянулась сразу в двух местах, и Ори почувствовал, как волшебство разрывает воздух, как рога пронзают мир, — и вот Торо проскочил в возникшую дыру. Рваная рана, нанесенная реальности, тут же закрылась, словно рот, и Торо исчез.

— Как он это делает? — спросил Ори Уллиама-переделанного в ту ночь. — Почему он главный? Я не жалуюсь, ты же знаешь, верно? Просто спрашиваю. Как он это делает?

Уллиам улыбнулся.

— Желаю тебе никогда этого не узнать, — ответил он. — Без Торо мы ничто.

Барон привнес в банду суровый армейский дух. Говоря о войне, он трясся и едва не рычал от ярости, на коже выступали веревки вен. Но, берясь за дело, будь то месть милицейским осведомителям или показательное избиение наркоторговцев, покусившихся на территорию Торо, он с неизменным спокойствием обрабатывал, кого велели, не моргнув глазом.

Товарищи по банде его боялись. Их пугала механическая настойчивость Барона, легкость, с которой он бил и убивал, то, как мертвели при этом его глаза: жизнь, казалось, уходила куда-то далеко в глубь него. «Мы ничто», — думал Ори. Прежде тороанцы мнили себя отчаянными головами, — им и вправду

случалось делать ужасные вещи ради грядущих перемен, — но их анархический гнев был неумелой бравадой в сравнении с холодным, лишенным эмоций мастерством солдата. Барон приводил их в трепет.

Ори вспомнил первый раз, когда он видел убийство, — казнили капитана-осведомителя. Обыскать дом труда не составило. Все доказательства были налицо: списки имен, ордера на арест. Но несмотря на всю их ненависть к этому человеку, несмотря на память о павших братьях и сестрах, несмотря на воспоминания Уллиама об исправительной фабрике, привести приговор в исполнение оказалось нелегко. Ори тогда закрыл глаза, чтобы не видеть выстрела. Пистолет дали Уллиаму, чтобы тот отомстил за свое унижение, но Ори подумал, что не только поэтому: переделанный не мог видеть свою жертву. Его голова была повернута затылком вперед, глаза смотрели в пустоту. И все равно — Ори был готов спорить на что угодно — в момент выстрела Уллиам зажмурился.

Барон, напротив, ходил, куда ему говорили, дрался, с кем велели, и убивал без пощады, если таков был приказ. Он двигался, как лучшие из конструктов, которых Ори помнил со времен своей юности: хорошо смазанная, отлаженная, не думающая металлическая машина.

Когда Грифы Темной стороны опять начали просачиваться на территорию Торо, да еще и нагло задирать его людей, Ори, Еноха и Барона послали, чтобы положить нашествию конец.

— Только одного, — сказал им Торо. — С заячьей губой. Он у них голова.

Ори, отменный стрелок, захватил с собой кремневое ружье, Енох вооружился двойным арбалетом, но возможности пострелять им не представилось. С непринужденностью профи Барон проверил и вычистил оба ствола своей магазинной винтовки.

Парни и девчонки, прихлебатели юных Грифов, слонялись у лестницы, ведущей в мансарду на Темной стороне, потягивали наркочай и покуривали шазбу. Ори и Енох шли следом за Бароном. Того дважды окликали какие-то наркоши, якобы поставленные сторожить; оба раза солдат отшивал их одним взглядом или произнесенной шепотом угрозой. Ори все еще преодолевал последний на лестнице поворот, как вдруг услышал короткие быстрые удары, треск дерева и крик.

Когда он подбегал к дверям, прогремели два выстрела. Двое парней лет семнадцати визжали, скорчившись на полу: пули попали им в ноги. Остальные, бросая оружие, разбегались кто куда, а Барон продолжал двигаться. Кто-то выстрелил в него, Ори увидел красный цветок, распускающийся на его левом рукаве;

Барон хрюкнул, его лицо исказилось от боли и снова окаменело. Два быстрых точных выстрела обезоружили или напугали тех, кто стрелял в него, а он уже надвинулся на юнца с заячьей губой — организатора преступлений, и застрелил его на глазах у Еноха и Ори.

«Ему все равно, жить или умереть, — подумал Ори в ту ночь; Барон приводил его в ужас. — Он убьет всякого, только прикажи. Он убьет всякого, только позволь».

Этот человек учился своему делу не в лесу. Мгновенно и жестоко он очистил комнату от всех, кто в ней был, на раз-два-три проверил углы. Научиться так работать можно только в городе, и не за один раз, тут опыт нужен. А значит, Барон вовсе не был вчерашним безработным, который ухватился за первый подвернувшийся шанс и оказался в армии.

«Что же будет делать Торо?» — размышлял Ори. Он никогда не видел своего босса в бою.

— Откуда у него этот шлем? — спросил Ори.

Уллиам ответил, что когда Торо пришел то ли с исправительной фабрики, то ли из тюрьмы, то ли из диких земель, а может, из нижнего города, то долго и упорно искал мастера и материалы для создания шлема, известного как расульбагра, или бычья голова. Уллиам рассказал невероятную историю о силе шлема, и об опасностях его изготовления, и о долгих годах, которые ушли на это.

— Годы он провел в тюрьме, годы собирал свой шлем и годы его носил, — сказал Уллиам. — Ты еще увидишь, на что эта штука способна.

Каждый член банды получил задание. Ори послали воровать горное молоко и магические жидкости из лабораторий. Он знал: что-то готовится. В данных ему инструкциях он видел отблески большого плана.

«Раздобудь план нижних этажей Парламента». Что-о? Ори не знал, с чего начать. «Сойдись поближе с каким-нибудь клерком из магистрата. Узнай имя секретаря мэра. Наймись на временную работу в Парламент, жди новых распоряжений».

Ори предчувствовал, что грядут бунты и забастовки. Он не был причастен к движению, но волновался.

Спиральный Джейкобс снова стал приходить на благотворительную кухню. При виде его Ори почувствовал странное облегчение. В ту ночь Джейкобс был в нормальном состоянии и смотрел на парня хитрым взглядом горностая.

— Твои деньги до сих пор нас выручают, — сказал Ори. — Но теперь мне дали задание, которое я никак не могу выполнить. — Он рассказал. — Что мне делать?

Они сидели в Грисской пади на набережной у слияния двух рек, где над водами Большого Вара вздымались остров Страк и шпили Парламента. В вечерних сумерках его огни казались серыми; их отражения в воде были тускло-коричневыми. С Малого Страка доносилось мяуканье кошки, которую непонятно как занесло на узкую полоску земли посреди реки. Спиральный сплюнул на столбы, отмечавшие границу Старого Города. Это были невообразимо древние вертикальные камни, обвитые резьбой, словно лентой: стилизованные фигуры карабкались по ним от подножия до Вершины, изображая события из ранней истории Нью-Кробюзона. Над самой поверхностью воды их попортили вандалы-водяные.

— Хватаются то за одно, то за другое, так? — Джейкобс взял у Ори сигаретку. — Дальнего прицела у них нет, вот что. Пробуют разные подходы. Внутрь ведет много путей.

Он сделал затяжку, задумался и встряхнул головой.

— Черт, а Джек сделал бы по-другому, — вдруг засмеялся старик.

— А как сделал бы Джек?

Джейкобс не отрывал взгляда от тлеющего кончика сигареты.

— Мэр не может оставаться в здании Парламента вечно. — Джейкобс говорил очень отчетливо. — С другой стороны, такой человек не может просто пойти погулять или покататься верхом. Ему нужна охрана, так? Которой можно доверять. Куда бы тот ни отправился… Джек рассказывал мне, он за ними наблюдал… так вот, куда бы ни пошел мэр, за ним идут клипейцы. Только им доверяет мэр. — Джейкобс поднял голову и смотрел совершенно серьезно. — А теперь представь, что один из гвардейцев переметнулся. Что его подкупили.

— Но ведь их выбирают так, чтобы нельзя было подкупить…

— История… — Джейкобс говорил отрывисто и веско, Ори затих. — Полна. Кровавых. Трупов. Тех. Кто доверял. Неподкупным.

Он назвал Ори имя. Старый бродяга уходил восвояси, а юноша неотступно смотрел ему вслед. Прихрамывая, Джейкобс то возникал в свете фонарей с грязными стеклами, то исчезал в темноте, пока не дошел до конца переулка, где прислонился к стене — усталый старик с измазанными мелом руками.

— Куда ты? — спросил его Ори. Река приглушала его голос, он не отзывался эхом от окон и кирпичных стен, но уносился прочь и быстро затихал. — И, черт побери, Джейкобс, откуда ты

знаешь такие вещи? Приходил бы ты к Торо, — сказал он, возбужденный и обескураженный. — Откуда ты это знаешь? Ты лучше нас всех, вместе взятых, так приходи же к Быку, будь с нами. Хочешь?

Старик облизал губы в замешательстве. Что он скажет? Ори видел, что тот принимает решение.

— Не все тропы Джека быльем поросли, — ответил наконец Джейкобс. — Есть всякие способы узнавать. И слышать. И я их знаю. — Тут он постучал себя по носу, точно комедийный заговорщик. — Я много чего знаю, правда? Только стар я уже для ваших игр, парень. Это вам играть, молодым и сердитым.

И он повторил имя, а потом улыбнулся и пошел прочь. Ори знал, что должен пойти за ним, сделать еще одну попытку привлечь его к делам банды Торо. Но глубокое уважение, до странности похожее на трепетный страх, удерживало его. Ори давно уже пристрастился носить на одежде спиралевидные знаки, которые Джейкобс рисовал на стенах. Спиральный Джейкобс ходил своими путями, то появлялся, то исчезал, и Ори не мог отказать ему в праве на это.

ГЛАВА 16

Старая Вешалка чуть не запрыгал от восторга, когда Ори назвал имя, но бодро отверг легенду об источнике сведений.

— Нет, парень, сколько в самом правильном баре Шека ни просиди, такого не узнаешь, — сказал он. — Это информация для своих. Так что не заливай. У тебя есть контакт, которым ты не хочешь делиться. Кто же это такой? Может, женщина? Офицерская шлюшка какая-нибудь? Уж не решил ли ты составить собственную сеть, а, Ори? Ладно, дело твое. Не знаю, как у тебя получилось, но это — чистый клад. Если, конечно, не липа. Так что не будем с этим спешить. Я тебе доверяю, парень, иначе не привел бы к нам. Так что если ты бережешь свой контакт, думаю, у тебя есть причины. Правда, мне это не нравится. Если ты затеял какую-то игру… — («Если ты перешел на другую сторону», — хотел сказать он.) — Или даже если причины основательные, но ты сам ошибаешься, короче, если ты связался не с теми людьми и всех нас заложил, знай: я убью тебя своими руками.

Ори нисколько не испугался. Просто Старая Вешалка начал его ужасно раздражать. Он осторожно подошел к кактy и взглянул ему в глаза.

— За эту информацию я готов отвечать жизнью, — сказал Ори, чувствуя, что говорит истинную правду. — Я сам убью мэра, оторву башку этому змеиному правительству. Но знаешь, Вешалка, скажи-ка мне одну вещь. Что, если бы я тебя разыгрывал? Если бы эта информация, которую я добыл для нас, — ведь с ней мы можем наконец выполнить давно задуманное, — если бы я и впрямь тебя подставил, то как бы ты потом убил меня, а, Вешалка? Ты сам оказался бы трупом.

Это была ошибка — Ори понял по глазам кактa. Но заставить себя пожалеть о сказанном не мог. Пытался, но не мог.

Барон устрашал всех. Члены банды видели, что стрелять и драться он умеет, но не были уверены в его умении убеждать. Они с тревогой наставляли его до тех пор, пока солдат не взорвался и не послал их подальше — мол, ему должны доверять. Выбора не было.

— Нам нужен человек, который знает, как милиционеры говорят между собой, — сказал Торо. Механизм или магия шлема превращали его слова в рев.

Ори смотрел на тело, маленькое по сравнению с головой, но при этом совсем не смешное: жилистое и крепкое, как у танцора. Невыразительные круглые глаза — два фонаря — излучали свет.

— Мы бандиты, — продолжал Торо. — С милицией разговаривать не умеем, они вмиг нас раскусят. Нам нужен человек без преступного прошлого. Один из них. Знающий казарменный жаргон. Короче, милиционер.

Казармы милиции были разбросаны по всему городу. Иные были замаскированы, но каждая имела надежную защиту — колдовство плюс множество оружия. Однако возле любой казармы был паб для милиционеров, и расположение этих кабачков знали все инакомыслящие.

Бертольд Сулион, человек, чье имя Спиральный Джейкобс назвал Ори, а тот сообщил товарищам, был, если верить Джейкобсу, тем самым разочарованным гвардейцем, чья верность переродилась в алчность или нигилизм. Его участок находился в здании Парламента, рядом с резиденцией мэра или даже прямо в ней. Значит, надо было искать в пабах возле надземки и милицейской башни, на окраине Барсучьей топи, там, где сливались две реки.

Барсучья топь, рассадник волшебства. Старейший район Старого Города. В его северной части, на мощеных улицах, было полно покосившихся деревянных пристроек с односкатными крышами, набитых магическим оборудованием. Там обитали карсисты, бионуманисты, физицисты, универсальные маги. Однако в южной части Топи колдовские эликсиры уже не спускали в канализацию, а в воздухе не пахло заклятиями. Исследователи и те, кто кормился вокруг них, не выдерживали соседства с вечно лязгающей надземкой. Зато отсюда открывался замечательный вид на здание Парламента и остров Страк посредине реки. Сюда-то и приходили клипейские гвардейцы промочить горло.

Этот район был сплошь промышленным. Серые, безжизненные улицы. Здания из бетонных блоков и металлических балок, которые разваливались от старости и небрежения. В здешние пабы — «Поверженный враг», «Барсук», «Компас и морковка» — и зачастил Барон в поисках Сулиона.

Заголовки «Маяка» и «Перебранки» твердили о медленном, но верном триумфе Нью-кробюзонских войск в проливе Огненная Вода, о гибели тешских шанн-лодок и освобождении крепостных в тешских землях. На нечетких гелиотипах крестьяне улыбались кробюзонским милиционерам, офицеры помогали отстраивать разрушенный продовольственный магазин, а милицейский хирург лечил крестьянского ребенка.

Сотрудники «Наковальни», газеты Союза, разыскали другого беглого офицера, такого же, как Барон. Тот совсем иначе

рассказывал о войне.

— Что бы он ни говорил и что бы мы там ни творили, нам эту войну не выиграть, — сказал Барон. — Ни за что.

Ори подумал, уж не в этом ли главная причина его недовольства.

— Барон напоминает мне о том, что я повидал, — сказал Уллиам. — О самых плохих вещах.

Это было вечером на Пелорусских полях, в южной части города. Тихий уголок, населенный клерками и конторскими служащими, местами напоминал зажиточную деревню с цветниками площадей, по случаю зимы лишенными растительности, с уютными фонтанами, приземистыми церквями и повсеместным культом Джаббера. Сплошная идиллия, а рядом — оживленная Виньонская улица с ее обувным рынком и чайными притонами.

Уллиам и Ори рисковали, придя сюда. С ростом забастовок и преступности жители Пелорусских полей почувствовали себя словно в кольце блокады. Пока парламентарии договаривались с гильдиями, чьи требования становились все более согласованными, а в газетах Союза преобладал отнюдь не вежливый тон, в Пелорусских полях зрело беспокойство. Уважаемые граждане создали Комитеты защиты приличий и по ночам патрулировали улицы. Перепуганные рекламщики и судейские клерки преследовали ксениев и бедно одетых переделанных, не оказывавших сопротивления.

Но были там и заведения вроде кафе Боланда.

— Дамы, господа, немного осторожности, — говорил обычно Боланд нувистским поэтам-бунтарям, приходившим выпить кофе и посидеть подальше от чужих глаз у занавешенных плющом окон.

Ори и Уллиам сели за один столик. Уллиам повернул свой стул так, чтобы смотреть на Ори.

— Мне доводилось видеть людей, которые вот так врываются в комнату, — сказал Уллиам. — Они и сделали меня таким, какой я есть.

Вот почему Торо не послал меня к Попурри — я на него работал. Давным-давно. — Уллиам показал на свою шею.

— За что тебя переделали? И почему так?

Подобный вопрос указывал на доверительные отношения. Уллиам глазом не моргнул, услышав его, — даже не вздрогнул. Он рассмеялся.

— Ори, ты все равно не поверишь, мой мальчик. Ты был в те времена младенцем, а может, и не родился. Сейчас уже всего не припомнить; все прошло и быльем поросло. Я был тогда вроде

пастуха. — Он снова расхохотался. — Повидал я разное. А каких зверей пас! С тех пор ничего не боюсь. Только знаешь, когда я увидел, как Барон врывается в ту комнату, я… не то чтобы испугался, просто вспомнил, что чувствуешь в таких случаях.

Немного погодя Уллиам спросил:

— Как ты думаешь, когда мы с этим покончим, что будем делать? С этим делом… с председателем?

Ори потряс головой.

— Мы все изменим. Раскачаем по полной. — Возбуждение нарастало в нем, как всегда, стремительно. — Когда отрубленная голова покатится и упадет, народ проснется. И тогда нас ничто не остановит.

«Мы изменим все. Изменим ход истории. Мы разбудим города, и они сами стряхнут свои оковы», — думал Ори.

Когда они вышли на улицу и прошли несколько шагов, старательно держась подальше друг от друга, ибо Пелорусские поля были не тем местом, где нормальный человек мог спокойно идти рядом с переделом, где-то рядом, на соседней улице, раздался визг. Кричала какая-то женщина, ее голос звенел над пустынной ночной Виньонской улицей.

— Началось, началось, только что, — кричала она, и Ори с Уллиамом напряженно переглянулись, не зная, бежать ли ей на помощь. Но тут голос перешел в плач и скоро стих, а они, повернув на север, никого не обнаружили.

Во вротник, двенадцатого октуария что-то заслонило холодное летнее солнце. Позже Ори не мог вспомнить, видел ли он все своими глазами или так часто об этом слышал, что рассказ превратился в воспоминание.

Он ехал в поезде — но Сточной линии, над лачугами Расплев, в сторону холма Водуа с его шикарными домами. Кто-то в вагоне завизжал, Ори не обратил внимания, но тут завопили остальные; он поднял голову и посмотрел в окно.

Надземная дорога была проложена по эстакаде. Поезда шли сквозь гущу толстеньких, невысоких каминных труб и башен с отвалившейся из-за сырости штукатуркой — они напоминали болотные деревья. Восток просматривался хорошо, предметы отбрасывали тени в обильном свете утреннего солнца, а на его диске чернело какое-то пятно. Крошечная фигурка в центре солнечного сияния, резко очерченный силуэт: он принадлежал не человеку, не морскому гаду и не стремительной хищной птице, а словно всем им понемногу, то ли по очереди, то ли сразу. Двигался он невыносимо медленно, словно выплывал из солнца, шевеля всеми своими несовместимыми конечностями

одновременно.

В лицо Ори ударили выделения стоявшей рядом женщины-хепри — волна страха, и, пока он протирал глаза, видение исчезло. Позже он узнал, что все люди в городе, где бы они ни были в тот миг, от Плитнякового холма на севере До Барачного села семью милями южнее, видели одно и то же: тварь плыла прямо на них из центра солнца, постепенно увеличиваясь.

Она приблизилась, затмив собой светило, так что город погрузился в серый полумрак. Неведомое существо то ли плясало, то ли плыло по небу. Поезд стал тормозить — до станции «Мертвяцкий присест», следующей остановки, он не дойдет. Должно быть, машинист тоже увидел солнце и в ужасе нажал на тормоза.

Небо над Нью-Кробюзоном блестело, как намасленное. Или как сгусток плазмы. Тварь, казалось, не знала, какой выбрать размер: сначала сжалась до крошечной точки на солнце, потом в один страшный миг разрослась так, что город рядом с ней показался игрушечным, и над всеми его улицами раскрылся огромный глаз с радужкой в недобрых чужеродных переливах, который заглянул в каждый дом, в душу каждого, кто поднял голову к небу, — и люди завизжали от ужаса, а тварь исчезла.

Ори услыхал свой крик. Глаза болели, и он не сразу понял, что это от солнца, ведь он смотрел прямо на сияющий диск, который только что загораживала тварь. Весь день зеленые пятна плыли у него перед глазами — так сильно их обожгло.

В тот вечер в Дымной излучине начались бунты. Разъяренные рабочие с фабрик побежали к Кургану Святого Джаббера — громить за что-то милицейскую башню. Вероятно, за неумение защитить их от страшного всевидящего ока. Другие побежали на Ручейную сторону, где было хеприйское гетто, желая наказать чужаков, как будто это они наслали видение. Члены Союза, бывшие в толпе, охрипли, доказывая рабочим их очевидную глупость, но не смогли остановить вооруженное меньшинство, жаждущее покарать ксениев.

Слухи распространялись быстро, и Ори узнавал о новых нападениях, когда те были еще в разгаре. Так, всего лишь через несколько минут после события он узнал, что милицейскую башню окружает плотное кольцо защитников, что наготове стояли заградители, что против мятежников брошены эти медузоподобные твари.

Ори испугался за хепри из гетто.

— Мы должны пойти туда, — сказал он.

И пока он и его товарищи скрывали лица и прятали под одежду стволы, Ори заметил холодное недоумение на лице

Барона. Он понимал: Барон идет на Ручейную сторону не потому, что его волнует судьба тамошних хепри, а потому, что организация, в которую он вступил, приняла такое решение.

— Торо нас найдет, — сказал Ори.

Экспроприированный экипаж промчал их через Эховую трясину, нырнул под колоссальные ребра Костяного города, вылетел на мост Данечи, миновал Барсучью топь, а в небе повсюду торчали черные дирижабли, освещенные огнями гондол. На улицах было полно милиции: особые команды со щитами, в зеркальных масках, с заговоренными дубинками и мушкетонами для разгона толпы. Енох хлестнул птероптиц. Мимо пронеслись окраины Ворона, где люди толпами бегали от одной развороченной витрины к другой, таща мануфактуру, консервы и аптекарские снадобья.

Несколькими улицами дальше мрачным осколком, который тянули в семь разных сторон линии надземки, над крышами вздымался Штырь, откуда правила милиция. А рядом, то пропадая из виду, то возникая вновь, маячил купол невероятного колосса — Вокзала потерянных снов.

Экипаж рванул под арки Южной, затем Сточной линий, вслед ему заливались милицейские свистки. «Слепые идиоты, — думал Ори о людях, которые выплеснулись на улицу. — Драться с хепри, надо же такое придумать. Вот почему Мы Должны скорее вас разбудить». Он проверил оружие.

Когда они прибыли, первая и самая страшная волна насилия уже схлынула, но в гетто все еще было неспокойно. Улицы, по которым они шли, были освещены кострами из горящего мусора. Сто лет назад на Речной стороне строили люди и для людей, строили из барахла, как попало, и потому дома клонились друг к другу, как больные. Их укрепляли воском и биссусом, которые выделяли хеприйские домашние черви, колоссальные и веретенообразные, приученные специально для строительства жилищ. Ори с друзьям и шли между домов, едва различимых под слоем застывшей слюны, которая отливала жирным желтым блеском в свете факелов.

На безымянной площади творился последний разбой. Милиционеров, разумеется, видно не было: защита хепри не входила в их повестку дня.

Двадцать или тридцать людей атаковали храм. Фигура Грозной Гнездовой Матери, украшавшая некогда вход в здание, валялась на земле, разбитая вдребезги. Это была жалкая ремесленная поделка: громадной мраморной женщине, украденной или купленной по дешевке, спилили голову, а на ее

место прикрепили болтами сваренного из кусков проволоки жука-скарабея. Теперь от этого символа бедности и пламенной веры остались одни осколки.

Нападающие выламывали дверь. Из окон второго этажа за ними наблюдали осажденные, чьи глаза насекомых не выдавали никаких эмоций.

— Дикобразы, — сказал Ори.

Почти все люди были одеты в боевую форму партии Новых Дикобразов: темные деловые костюмы с закатанными брюками и шляпы-котелки — на стальной подкладке, как было известно Ори. Вооружены они были бритвами и цепями. У некоторых были пистолеты.

— Дикобразы.

Барон перешел в атаку. Первый же его выстрел пробил стальную подкладку в шляпе одного из нападающих, превратив ее в корону из фетра, крови и металла. Дикобразы замерли и уставились на него.

«Господи, выберемся ли мы отсюда?» — подумал Ори, перемещаясь на указанное ему место: там имелось ненадежное прикрытие — выступ стены. Сняв выстрелом одного противника, он присел на корточки за камнем, по которому яростно застучали пули.

Полминуты тороанцы ощущали себя загнанными в угол, и это было страшно. Ори видел суровое лицо Барона, видел, где укрылись Руби и Уллиам. Лицо переделанного было искажено мукой; Руби шептала ему на ухо, командуя, куда стрелять. Некоторые из Дикобразов разбежались, но самые отчаянные сбились в кучу, и те, у кого были пистолеты, прикрывали тех, у кого их не было.

А потом, когда Ори готовился подстрелить надвигавшегося на него плотного Дикобраза, чей костюм явно был ему тесен, раздался жуткий треск, и в воздухе между Ори и ошалевшим от неожиданности его противником что-то возникло. Поверхность предметов будто натянулась, ткань мира выгнулась в двух близлежащих точках, искажая свет и звук, дефект превратился в трещину, и через этот разрыв реальность выплюнула Торо.

Прорыв тут же затянулся. Торо взревел. Присев и выставив вперед рога, он сделал прыжок в несколько футов и, ко всеобщему изумлению, оказался прямо перед толстым Дикобразом, чья полицейская дубинка разбилась о темные лучи, которые выходили из рогов Торо и непонятным образом поглощали свет. В следующий миг оба рога насквозь пронзили толстяка, который раскрыл рот, выблевал струйку крови и рухнул, словно туша, соскользнувшая с крюка.

Торо снова взревел и тем же странным бодливым движением, словно идя на поводу у источавших тьму рогов, подскочил к другому человеку и пронзил его, и во мраке ночи всем показалось, будто рога впитывают кровь. Ори был поражен. Пуля одного Дикобраза пробила полупрозрачные покровы тьмы, выступила кровь, и Торо опустил голову, отшатнулся, но тут же выпрямился и боднул воздух, отчего стрелок отлетел на несколько шагов и растянулся на земле.

Но хотя Торо быстро вывел из строя троих, численное преимущество все равно было на стороне Дикобразов, которых к тому же подогревала злость на предателей своей расы. Словно танцуя, они уворачивались от рогов. Иные, правда, делали это весьма неуклюже, зато некоторые оказались превосходными кулачными бойцами и стрелками. «Не вызволить нам этих хепри», — подумал Ори.

Послышался быстрый топот многих ног, и Ори отчаялся, решив, что это новый отряд уличных бойцов бежит на помощь товарищам. Но Дикобразы уже отступали, а увидев, кто идет, и вовсе обратились в бегство.

Появились какты — мужчины и женщины; хепри, державшие жалометы — коробка и два стремительно вылетающих провода с шипами на концах; хриплоголосые, по-лягушачьи подпрыгивающие водяные. Один ллогрис с тремя ножами. Больше десятка представителей различных нечеловеческих рас явились сюда, проявив удивительную солидарность. Командовала ими полная женщина-какт.

— Скабеис, Анна, — крикнула она, указывая на убегающих Дикобразов. — Чеж, Силур! — Она ткнула в сторону храма, и пестрая ксенийская армия затопила площадь.

Ори онемел. Дикобразы отстреливались, но бежали.

— Кто вы, черт побери, такие? — крикнул кто-то из тороанцев.

— Всем встать молча, — скомандовал своим Торо. — Орудие на землю, отвечайте на вопрос.

Водяной и ллогрис прокричали что-то осажденным, потом открыли двери. Перепуганные хепри высыпали на улицу и кинулись по домам. Некоторые обнимали спасителей. Самцы хепри — безмозглые жуки-скарабеи двухфутовой длины — плотным клубком выкатились на улицу и тут же прыснули в разные стороны в поисках темноты и тепла. Ори задрожал: только теперь он почувствовал холод. И услышал треск пожаров, которые горели повсюду, так что казалось, будто вся Речная сторона была окутана изменчивым покровом из мрачных огней. В их неверном свете он увидел детей, выходящих из храма вместе с матерями. У

девочек головки-скарабеи изгибались, шевеля всеми лапками, — это соответствовало возбужденным крикам человеческих детей. Две женщины-хепри несли новорожденных, их тела были в точности как у человеческих младенцев, только на коротких детских шейках вместо голов сидели личинки, все в перетяжках.

Ори опустил руку с пистолетом, но хепри, одна из вновь пришедших, бежала прямо на него. Утыканные шипами провода ее жаломета оставляли спирали искр в темноте.

— Подожди! — крикнул ей Ори.

— Аилса!

Звук собственного имени, произнесенного женщиной-кактом, остановил хепри.

— У него пистолет, Пальцы Вверх, — сказал кто-то из водяных, на что получил ответ:

— Ну и что? Должны же быть исключения.

— Исключения?

— Они под защитой.

И Пальцы Вверх показала на Торо.

В сумятице боя никто из ксениев не заметил человека в шлеме. Увидев его, они ахнули — каждый паевой манер — и дружно шагнули к нему.

— Бык, — повторяли они, уважительно приветствуя его. — Бык.

Торо и Пальцы Вверх совещались так тихо, что Ори не улавливал ни слова, наблюдая вместо этого за лицом Барона. Ни единый мускул не дрогнул на нем, пока глаза внимательно рассматривали каждого ксения по очереди. Ори знал, что солдат просчитывает, как и в каком порядке стал бы их убирать, получи он такое задание.

— Прочь, прочь, прочь, — заторопился вдруг Торо. — Сегодня вы молодцы. Спасли жизнь многим, — (В полуразрушенном храме не осталось ни одного хепри.) — А теперь вам надо уходить. Увидимся на месте. Не мешкайте.

Ори вдруг понял, что Торо устал, тяжело дышит, дрожит и кровоточит.

— Идите, возвращайтесь, о бое поговорим позже. Речная сторона сегодня под защитой Разношерстной Армии. Вооруженных людей будут отстреливать на месте, — заключил тот.

А потом — убежище на Худой стороне. Стены окрашивались лучами зари. Лежа бок о бок, они перевязывали друг другу раны.

— Заешь, Барону ведь наплевать, — сказал Ори; он и Старая Вешалка тихо беседовали, заваривая успокаивающий чай. — Я

наблюдал за ним. Его не заботило, спасутся эти хепри или умрут. Его не заботило, что до них доберутся Дикобразы. Его вообще ничего не заботит. Он меня пугает.

— Меня тоже, парень.

— Почему Торо его не выгонит? Зачем ему Барон?

Глядя на него поверх чайника, Вешалка бросил туда горсть изюму и добавил меда.

— Затем, парень, что он ненавидит председателя больше, чем мы с тобой. И сделает все, чтобы его свалить. Кстати говоря, привел-то его ты. И правильно сделал. Мы тут за ним присмотрим.

Ори промолчал.

— Я знаю, что делаю, — продолжил Старая Вешалка. — Мы будем за ним следить.

Ори ничего не ответил.

Пожары в Шумных холмах, в Эховой трясине, на Темной стороне. Мятежи на Ручейной стороне и в Собачьем болоте. Погромы в гетто, бессмысленное покушение на Оранжерею — пороховая граната вылетела из окна поезда Южной линии и выбила пару стекол. Союз вывесил на улицах плакаты с осуждением беспорядков.

— Что произошло у башни на Кургане Джаббера?

— Три атаки: сначала милиция бросилась наутек и укрылась в подвале. Потом отбилась. Как всегда.

В Пряной долине проявилась какая-то подозрительная магия; в Барачном селе, в Хнуме и в Ближних стоках кто-то нападал на комитеты самообороны, созданные в припадке страха респектабельными гражданами, — по слухам, это было дело рук толпы переделанных.

— Что за дьявольская ночь. О боги.

Все летело в тартарары.

— А все из-за той штуки на солнце.

— Да нет, не в ней одной дело.

Просто страх достиг критического предела, а появление зловещего призрака выпустило его на свободу, дало выход Ужасу и ярости. «Защищайте нас!» — вопили люди, круша Те самые механизмы, которые призваны были это делать.

— Просто она стала последней каплей, — сказал Ори.

— Но что, во имя Джаббера и его гребаных святых, это было такое?

— Я знаю. — Когда Барон открывал рот, его товарищи замолкали. — Я знаю, что это было. По крайней мере, у меня свое мнение на этот счет, и оно совпадает с мнением милиции и мэра.

Это был шпион. Или, как они говорят, удаленный наблюдатель. Тешская камера слежения. Ее прислали посмотреть, что мы тут делаем, какие у нас планы.

Все так и разинули рты.

— Я же вам говорю, — продолжил Барон. — Войну мы не выигрываем. Эта штука не очень мощная — она ведь нас не тронула, так? Война еще не кончена. Но они уже за нами следят. Мало нам обыкновенных шпионов, которые наверняка тут есть, так они еще показывают нам — смотрите, мол, мы вас видим. У Теша много всяких странных штук. Их наука — не наша наука. Пока что они прислали этот глаз. Дальше — больше.

На другом конце света, за изгибами береговой линии, где физика, магия и география повиновались иным законам, где скалы были из газа, где селения строились на костях исследователей, где купцы и первопроходцы погибали от свирепого правосудия западных рохаги, где существовали города, государства и целые монархии, устройство которых было неведомо кробюзонцам, шла война. Милиционеры гибли за притязания Нью-Кробюзона, за новые территории и рынки сбыта, за идеи, как говорят. За что-то непонятное. А в ответ на пули, пороховые бомбы, магию, огнеметных псов и элементалистов Нью-Кробюзона Теш, Город ползущей жидкости, послал своего шпиона изучить врага.

— Но как? — заговорил Ори. — Нью-Кробюзон… Он же сильнее всех… или нет?

— Тебе еще не надоело? — осклабился Енох. Голос его звучал устало. — Нью-Кробюзон, величайший город-государство мира и так далее? Дерьмо на палочке…

— Нет, не дерьмо, — сказал Барон, и они снова умолкли. — Он прав. Нью-Кробюзон — действительно самое мощное государство Бас-Лага. Но не всегда сильнейший побеждает. Особенно если он считает, что раз сильнее его никого нет, то ему и драться не надо. Нас побеждают. И правительство об этом знает. Им это не нравится, они хотят обратить поражение в победу, но вот какая штука: с войной надо кончать, и наверху это понимают. Вот почему они торгуются за мир.

Солнце поднималось все выше, его лучи проникали в окна склада под все более острым углом, одного за другим выхватывая сидевших на полу, запутываясь в их волосах, играя бликами на коже Старой Вешалки. Впервые за последние несколько часов Ори согрелся.

— Они что, сдаться хотят?

Конечно, сдаваться никто не собирался. По крайней мере, на

словах: в речах власть предержащих, в нью-кробюзонских учебниках истории, в передовицах лояльных правительству газет о поражении не будет ни слова. Речь будет идти лишь об историческом компромиссе, о тончайших оттенках предельно отточенной стратегии. Но даже соратники мэра по партии Жирного Солнца и коллеги по Правительству городского единства будут разочарованы. Ведь они — как и все остальные — будут знать, что это за «компромисс». Что Нью-Кробюзон потерпел поражение, как бы ни называл это мэр.

— Они уже нащупывают контакты, — продолжал Барон, — но пока не знают даже, как говорить с Тешем. Уже много лет с нашей миссией там нет связи. А тешских шпионов в Нью-Кробюзоне наверняка до хрена и больше, только непонятно, кто они и где их искать. В здании посольства всегда пусто. Тешане по-другому дела делают. Поэтому правительство уже испробовало магию, посыльные суда, дирижабли… и на этом не остановится. Почтовых голубей пошлют, если надо будет. Настолько они хотят переговоров. И никто не должен знать о том, что происходит, пока в один прекрасный день нам не скажут: «Хорошая новость, ребята, мэр принес мир». А тем временем наши бедолаги будут драться и умирать на суше и на море.

Под чужим небом. Ори почувствовал, как у него кружится голова.

— А ты откуда знаешь? — спросил Старая Вешалка. Он слушал стоя, сомкнув ноги и сложив руки на груди. — Откуда ты знаешь, что они задумали, Барон?

Тот улыбнулся. Ори опустил глаза, надеясь, что никогда больше не увидит этой улыбки.

— От того, с кем я сейчас выпиваю, Вешалка. Ты сам знаешь. Я столько пива высосал в этой чертовой Барсучьей топи, что уж теперь-то знаю. Не зря же я торчу там со своим новым лучшим другом, Бертольдом Сулионом.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ
нАсТуПаТеЛьНоЕ
ОтСтУпЛеНиЕ

ГЛАВА 17

— Вот оно. Здесь. Это его край. Край какотопического пятна.

Задолго до этого канюки прервали свой плавный полет и рассеялись в воздухе. Ягуар споткнулся, осторожно крадучись, на полушаге и был таков. Исчез. Пыль и черный дым распугали зверей. Казалось, сотни лет прошли с тех пор, как здесь впервые раздался этот громкий грубый звук.

По открытой ране земли, словно бацилла, крохотная палочка, отравляющая кровь, полз Железный Совет, загрязняя местность вокруг себя. Коптящий и чадящий металлический бог для животных. И, как много лет назад, одни люди клали перед ним рельсы, другие заметали его следы, а третьи брали дорогу сзади и переносили ее вперед, чтобы та легла под колеса грохочущей машины.

Куда бы он ни направлялся, везде он был незваным гостем. Состав нигде не становился частью пейзажа. Он был проклятием истории в редколесье на склонах холмов и среди густого покрова настоящего леса, в межгорных долинах и на изрезанных каньонами плато, кое-где пронзенных рогами твердых скальных возвышенностей. И в зловещих местах, где природа взбунтовалась, вроде медленно движущихся холмов, гейзеров дымного камня, фульгуритовых статуй и застывших электрических бурь он тоже был как бельмо на глазу.

Город-призрак. Город, все жители которого, и мужчины, и женщины, были заняты лишь тем, что выравнивали землю и клали на нее рельсы. Все они были непрошеными гостями.

Как их предки, первые члены Совета, — некоторые еще находились среди них, — они были мускулисты, загорелы и знали свое дело. Переделанные, нормальные, какты и прочие стали виртуозами строительства: одни, вооруженные клещами, тянули рельсы, другие укладывали шпалы — и все это под стук забивающих костыли молотов, такой ритмичный, что хоть танцуй.

Для тепла они носили шкуры; платья и штаны делали из перешитых мешков. Они украшали себя отслужившими свое кусками железа и распевали убогие кричалки, бравшие начало от старых рабочих песен, да недавно сложенные баллады о самих себе.

На запад мы пошли,
Местечко там нашли,
Живем себе, не тужим,

Между собою дружим,
Свободные, поем.

В центре человеческого муравейника, где сотни людей только и делали, что обслуживали его многочисленные нужды, охраняемый стражей и дозорными — на вершинах холмов и деревьев, а также в небе, — полз он, причина всего, поезд. Время не пощадило его. Он стал иным. Он одичал.

Скотобойни, спальные места, орудийная башня, библиотека, зал для собраний, рабочие кабины, старые вагоны — все было на месте, и все стало другим. Все покрылось зубцами, обросло башенками и надстройками. Между новыми башнями протянулись веревочные мосты, которые то провисали, то натягивались, как струна, если поезд шел по кривой. Осадные орудия были привязаны к крышам. В стенках вагонов появились новые окна. Некоторые вагоны, словно старые церкви, покрылись плющом и другими ползучими растениями, а орудийной башни просто не было видно за листьями и стеблями. Две платформы целиком отвели под огороды, где росли всякие съедобные травы. Две другие тоже покрывала земля, но трава на ней росла только между могильными плитами. Несколько полудиких демонов движения игриво покусывали паровоз за колеса.

Появились новые вагоны. Один, построенный целиком из отполированных водой бревен, с заделанными смолой щелями, покачивался на тонких колесах, то ли недавно отлитых, то ли отремонтированных. Это были вагоны для представителей иных рас, присоединившихся к Совету: передвижные бассейны для водяных жителей. Поезд был длинный, паровозы тянули и толкали его с двух сторон — два впереди, два сзади. Дымовые грубы их с металлическими фланцами были все в охристых разводах, изображавших языки пламени. Первым шел огромный старый паровоз с ярко выкрашенной решеткой, над которым самодеятельные художники так потрудились за прошедшие годы, что он, казалось, распух и готов был лопнуть от переизбытка деталей.

Его прожекторы, как и следовало ожидать, стали глазами в обрамлении толстых проволочных ресниц, а решетка — ртом с выпирающими зубами. Зубы были настоящие — огромные клыки диких животных, где привязанные, а где и привинченные. Огромный нос был приварен спереди к утолщению на дымовой трубе, из-за которого она выглядела дурацким придатком. Заточенные поручни походили на рога. За этой неуклюжей физиономией громоздились трофеи и тотемы. Целый зверинец

черепов и высушенных головных панцирей скалился в смертельной ярости с боков машины: зубастые, с разинутыми ртами, плоские, безглазые, рогатые, с ртами-присосками и зубами-ресничками, с костяными гребнями, до ужаса похожие на человеческие и совсем ни на что не похожие. Там, где на трофеях сохранилась шкура, она потемнела от дубильных веществ и выгорела на солнце, кости и зубы покрылись сеткой трещин и копотью. Обезображенный паровоз нес на себе останки, точно огнедышащий охотничий бог.

Они прокладывали путь по едва заметному следу былой дороги. Иногда она пропадала из виду — а может, это ландшафт за десятилетия сдвинулся с места и поглотил ее. Иногда в холмистом краю, на берегу озера они часами долбили скалу, чтобы найти вход в ущелье. А там, прорубаясь через кусты ежевики и заросли молодых деревьев, встречали среди ползучих сорняков призрак железнодорожной насыпи — пронизанный корнями растений земляной вал, по которому они когда-то проехали в другую сторону. Они находили запасы изъеденных временем рельсов и шпалы — некоторые даже лежали на своем месте, — укрытые брезентом, земля под которым пропиталась машинным маслом. И тогда новые рельсы клали встык к старым, дождавшимся хозяев.

— Это мы их тут оставили, — говорили старики, чьи руки укладывали этот путь. — Теперь я вспомнил. На всякий случай. Как знать, подумали мы тогда, вдруг доведется вернуться.

Оставленные про запас рельсы ускоряли движение — подарки из далекой молодости, завернутые в промасленный брезент и оставленные среди скал.

Иуда Лёв учил Каттера укладывать рельсы.

Когда потрепанный отряд впервые появился в степи, он вошел в нее неслышно. Измученные путники достигли цели и не верили своим глазам. Помрой и Элси молчали, мастер шепота Дрогон поглубже надвинул на глаза шляпу, невидимый, но осязаемый Курабин устал и съежился от постоянного разведывания местности и вызнавания секретов. Каттер подходил к Иуде при каждом удобном случае. Когда мог, брал его за руку.

Куда ни глянь, под небом в завитках облаков всюду колосилась возделанная степь. Засеянные злаками поля граничили друг с другом, все вместе обведенные, точно изгородью, железным овалом дороги. За ней тоже были поля, но не сплошь, а вперемежку с зарослями диких трав.

Проводники вели их внутрь, травяные волны расступались и снова сходились у них за спиной. Путешественники видели

людей, которые трудились на полях. Там, где раньше не было ничего, оказалась плодоносная земля. Путники молчали, и только Иуда беспрестанно улыбался и шептал: «Слава». Мужчины и женщины сновали по тропкам, соединявшим крытые дерном придорожные избушки: все как в обычной деревне, только дорога тут была железной и по ней ходил поезд.

Иуда всматривался в лица местных, а когда они подходили ближе, с хохотом восклицал:

— Слава!

Те кивали в ответ.

— Привет, привет, привет, — сказал Иуда, когда к ним подошел какой-то малыш, чей отец точил серп, время от времени поглядывая на сына.

Иуда присел на корточки.

— Ну, здравствуй, маленький товарищ, сестренка, хавер, — сказал он и поднял руку, благословляя. — Как жизнь, а?

А потом он отпрянул и издал звук счастья. Не заговорил, не запел, а завопил от восторга, услышав металлический скрежет и увидев облака сажи, когда степные травы расступились, пропуская поезд под названием «Железный Совет». Из глубины степей, дрожа деревянными и металлическими башнями, покачивая веревочными мостами, к ним приближался город на колесах.

Всю свою поклажу они сбросили наземь.

— Железный Совет, Железный Совет! — восклицали они, увидев клыкастый паровоз.

И вот он подошел, поезд, следующий по кольцевому маршруту, как делал уже давно, — не бродяга, но домосед, обходящий дозором свою страну. Остановился.

— Я Иуда Лёв, — закричал Иуда. И шагнул к поезду, как будто собирался войти на остановке. — Я Иуда Лёв.

Кто-то вышел из кабины паровоза, и Каттер услышал крик: слов он не разобрал, но Иуда побежал к паровозу, твердя чье-то имя:

— Анн-Гари!

ГЛАВА 18

Когда-то здесь была топь. Трясина, замаскированная ползучими стеблями под твердую землю, внезапно оказывалась лишь ковром растительности на поверхности вязкой жижи. Пассажиры поезда бросали туда обломки камней, наводили понтонные мосты, затопляли целые деревья, наспех срубленные в какой-нибудь роще. Там, где они прошли двадцать лет назад, срубая на своем пути все подряд, торчали трухлявые пни, между которых уже выросли молодые деревца. Железный Совет медленно полз по рельсам, проложенным вровень с водой, а то и чуть ниже ее поверхности. Поезд обрел степенность жителя мелководья. Под ним и вокруг него раздавались голоса болотников, кипела водяная жизнь.

Помрой укладывал шпалы. Элси прибилась к фуражирам. По ночам путников навещал Курабин и рассказывал им то, что ему (или ей) удалось выведать у гор и трясин, — их секреты. В неторопливости, с которой монах платил за эти откровения, Каттеру чудились тоска и трусливая жажда смерти. Курабин потерял в этой жизни все и бессмысленно растворялся в мире, служа своему богу.

Дрогона взяли в охрану. Он стал одним из стрелков, охранявших Железный Совет, пока тот, пыхтя, рывками продвигался вперед. Каттер оставался с Иудой, не желая отпускать его. Рельсы они клали вместе.

Иуда был сказочным героем. Дети прибегали посмотреть на него — да что там дети, приходили мужчины и женщины, еще не родившиеся в ту пору, когда Железный Совет отправился в путь. Иуда был добродушен, делал големов, и все восхищались. О големах каждый слышал с детства. Однажды у костра они спели ему песню о том, как похожие на животных деревья пытались укрыться от звука.

Они спели Иуде историю самого Иуды. На мотив хоровой рабочей песни они спели ему о том, как он остановил солдат, сделав чудовище из грязи, и спас Железный Совет, и о том, как он ушел в пустыню и сотворил там армию, и о том, как он спустился в подгорное королевство думателей, где сделал женщину из простыней принцессы, и о том, как та положила простыни в свою постель и убежала с Иудой Лёвом за море.

Ночами Каттер прижимался к Иуде, и тот иногда отвечал на его страсть со сдержанностью человека, совершающего благой поступок. Иногда Каттер входил в него, иногда, наоборот, отдавался сам. Те ночи, когда они не были вместе, Иуда проводил

с Анн-Гари.

— Я получил твое письмо, — сказал Иуда в ту ночь, когда они прибыли. — Твой цилиндр. С голосом Рахула. Про Узмана. Слава ему.

— Слава ему.

Узман умер внезапно, сказала она: от закупорки сосудов, каких — собственных или вшитых, — они так и не узнали.

— Вокситератор еще у тебя?

— Сколько писем ты получил от нас?

— Четыре.

— Мы послали девять. Отдали их тем, кто шел торговать на побережье, и просили передать на любой корабль, который пойдет на юг мимо тешских берегов, войдет в пролив и доберется до Миршока, а оттуда до Нью-Кробюзона. Интересно, какие ты получил.

— Они у меня с собой. Всё, что я пропустил, ты мне сама расскажешь.

Они улыбались друг другу — немолодой человек и женщина, раньше времени состарившаяся от солнца и непосильного труда, но не утратившая былой энергии. Каттеру она внушала благоговейный страх.

В первый долгий вечер, когда их знакомили со всеми, они встретились с Толстоногом. Тот сбрил свои колючки, и Иуда крепко обнял коренастого седеющего какта. Были и другие, кого големист узнал и радостно приветствовал, но лишь Толстоног и Анн-Гари занимали его по-настоящему.

Остальные его знакомые вели тихое фермерское существование или превратились в кочевников, трапперов, охотников с окладистыми бородами. Во главе Совета стояли Анн-Гари и новички.

Куда бы она ни шла, ей везде были рады. Худая и жилистая, вся в морщинах, она была обезображена временем, но какое поразительное это было безобразие: живое и страстное. На своем кольцевом пути поезд посещал фабрики, фермы, силосные башни и усадьбы, выросшие за годы вдоль дороги. И везде Анн-Гари выходила, чтобы пройтись.

Люди несли ей фрукты, пирожки с дичью и пряными травами, а она угощала ими свою свиту — женщин от семнадцати до семидесяти. Для Каттера всеобщая любовь к ней была необъяснима. Анн-Гари держала Иуду под руку. Вместе они смотрелись потрясающе. Жители страны Железного Совета радостно кричали и приветствовали Иуду, угощали всех едой и выпивкой, целовали в обе щеки. И с чудным акцентом

скандировали: «Нью-Кробюзон, пошел на хррр!»

Вечный поезд служил им ратушей, церковью и храмом. А еще — крепостью. Свистя на ходу, он обходил дозором свою страну, населенную крестьянами, охотниками, учителями, врачами и машинистами. Среди них было много кактов, но очень мало кактоk, горстка водяных, лозоходцев и предсказателей и их дети. В воздухе носились вирмы. Самые старые из них давно позабыли Нью-Кробюзон; самые юные никогда его не видели.

Другие расы были представлены здесь небольшими группами. Почти все говорили на нью-кробюзонском варианте рагамоля, но были и такие, кто пользовался загадочными тоновыми языками, и речь их звучала сплошным откашливанием. Все они пришли сюда, чтобы строить дорогу. Молодежь была вся нормальная, зато среди тридцати-сорока-летних почти все носили следы переделки. То были первые члены Совета. Его творцы.

Призрак насыпи карабкался по склону.

— Смотри, вон там.

Камень прогрызли щели.

— Это не то место, где мы потеряли Маримона? Вон тот утес? Он пошел вверх так быстро и…

Из уважения они немного постояли там, где ландшафт напомнил им о давней гибели товарища.

Животные в большинстве своем разбегались от Железного Совета, но встречались такие крылатые и горные хищники, которые не прочь были закусить отставшим путешественником: зубастые твари размером с медведя, карабкавшиеся по отвесным каменным стенам при помощи лап с липкими подушечками, или клубки спутанных щупальцев с козьими ногами и крыльями, как у летучих мышей. На караул в таких местах обычно ставили кактов — от них не пахло мясом, привлекавшим плотоядных.

Где возможно, Совет держался старого следа, но иногда пути приходилось прокладывать заново. При помощи порошков, синтезированных в лабораториях, Совет прорывался сквозь толщу гор. Края иных обрывов еще соединяли мосты, наведенные много лет назад. Обычно несколько человек взбирались на них, чтобы проверить на прочность, и топали изо всех сил, а эху их шагов вторил скрип трущихся друг об друга досок. Многие мосты рухнули. Серые от времени деревяшки догнивали внизу, а над ними из каменных склонов торчали навстречу друг другу обломки балок.

Совет двигался по новым рельсам, бросая их прямо на землю, или по старым, сдирая с них ржавчину. Там, где путь упирался в утесы, в нескольких милях вбок находились следы старого

полотна. Но теперь Совет повсюду ждали грубо сработанные, но достаточно вместительные тоннели. Все годы, пока Совет вел тихую жизнь на краю земли, батальоны путейцев посменно выезжали в глушь и строили тоннели на случай немедленного отступления.

На третий день после прибытия Каттера с товарищами состоялась торговля. Примчались не сгибающие ног и презирающие границы измерений боринатчи: трава, по которой они скакали, даже не шелохнулась. Они разложили перед торговцами Совета свои таинственные товары: сгустки волос, мокроты и драгоценных камней — порожденные землей безоары. [9]

— Мощные амулеты эти штуки, — шепнул Каттеру кто-то из местных; Железный Совет был причастен к тайнам разных магий.

«Если уж вы нас нашли, то можете с нами торговать». Предметами купли-продажи были хлеб, мясо, информация и инженерные секреты. Именно изобретениями своих специалистов Железный Совет по праву гордился, выгодно продавая их дельцам от Братьев, из Вадонка, из кочевых племен.

Ничего подобного Совету, его жизни не существовало. Нигде в мире. Каттер был возбужден. Чуть ли не с самого рождения он слышал про Железный Совет. В детстве это была волшебная история, потом — захватывающая приключенческая повесть и наконец, когда появился интерес к политике, возможность чего-то нового. И вот Каттер своими глазами увидел все и был разочарован, хотя не мог понять почему.

Он был не в состоянии постичь, чем отличаются эти люди от остальных. И тихо бесился оттого, что не видел в этой жизни ничего особенного, но, наблюдая, как эти люди пашут землю, пасут скот, пишут, спорят, растят детей и занимаются тысячью других самых обыкновенных дел, понимал, что они выглядят и ведут себя как совсем новые существа. В голове не укладывалось, как такой человек может, к примеру, сдирать старую краску с паровоза и красить его заново, то есть заниматься чем-то таким, что Каттер видел и прежде.

Денег у них не было — только для торговли за кольцом дороги. И Каттера это почему-то злило. Он не мог взять в толк, зачем повстанцам вздумалось брать пример с отсталых хозяйств на тощих землях, где батрак в жизни не видел монет, а брал то, что давал ему за работу господин. В безденежной экономике ему чудилось что-то ненастоящее: как будто если платить зарплату не деньгами, а чем-то другим, то человек будет красить паровоз не сверху вниз, а как-то иначе.

Лишь много дней спустя Каттер понял, что ошибался. Что-то все-таки менялось. Здесь по-другому красили паровоз, и землю пахали, и ножи точили, и бухгалтерию вели.

«Это новые люди, — думал он. — Не такие, как я». Эта мысль страшно беспокоила Каттера.

В один ужасный день он едва не запрезирал то, что видел. Он ненавидел Совет за то, что тот его отвергал. За то, что Совет удивляет слишком мало — и слишком сильно в то же время. А потом он понял, что дело вовсе не в Совете, а в нем, ну конечно же, в нем самом.

«Я не был здесь, когда все начиналось. Я не создавал здесь всего своими руками, как эти старики, и я не родился здесь, как молодежь. Я не сделал это место, и оно не сделало меня».

— Неблизкий сюда путь.

Новички, Анн-Гари и другие члены правления проводили вечер в зале собраний. Специально для Иуды завели старомодный вокситератор, и с воскового барабана понеслись ритмичные, как удары молота, звуки рабочих песен о странствовании Железного Совета на запад: это были отрывки из «Песен для человека с големами».

— Я расскажу, как все было на самом деле, — заговорил один человек, когда закончился ужин. — Песни, конечно, не врут, но в них не все сказано. А ты должен знать все.

Наступала ночь, холодало, люди за столом жевали лепешки.

— Неблизкий сюда путь, — повторил тот человек и рассказал им о какотопическом пятне, хотя и без подробностей. — Мы еще легко отделались. Почти месяц вдоль безумной земли бродили, — заключил он.

А еще он рассказал, как два года с лишним Совет посылал разведчиков в неведомые земли, которых нет на карте, и как те плутали там, не всегда находя дорогу обратно, и как в Совете ссорились, прокладывая маршрут, и как учились все делать сами. И как, прокладывая рельсы, случайно угодили на войну. Сами того не зная, они поставили свой поезд между двумя воюющими кланами каких-то лесных тварей, полулюдей-полуживотных, и те стали осыпать их камнями и дротиками с двух сторон, обзывая захватчиками. Мятежный поезд встречался с посланцами государств, о которых в Нью-Кробюзоне едва слышали: Вадонка, королевства наймитов, и Чарчельтиста, водного города. Члены Совета обучались языкам, торговле и этикету в режиме жестокой необходимости.

— После какотопической зоны мы словно заново открывали землю.

Бедные ошарашенные ньюкробюзонцы. Каттер чувствовал,

как они жалеют себя молодых, скитавшихся по непостижимым местам наперегонки с преследователями. Они понимали, что многого недобрали в прошлом. Тогда они просто шли и шли, хлопая глазами по сторонам да забивая Костыли, и извинялись, когда понимали, что залезли на чью-то землю. Не обходилось и без жертв: страшную цену приходилось платить за нечаянное вторжение во владения того или иного деспота, монарха или полубожества.

— Однажды мы завели Совет в какой-то лес, а там жила магматическая лошадь, и она сожрала весь наш уголь. Помните? А помните, сколько парней мы потеряли из-за той жуткой твари, которая оставляла стеклянные следы?

Природа жестоко наказывала чужаков. Их пожирали хищники, бил мороз, опаляла жара. Они умирали от голода, от лихорадки и от жажды, когда их обозам с водой случалось заблудиться. Но они клали рельсы и заучивали уроки, эти скрывающиеся от правосудия беглецы.

А когда бывала нужда, они вооружались против племен, даже за подношения не дававших проехать по их земле. Было и то время, которое сами члены Совета коротко и стыдливо именовали приступом идиотизма, — тогда поезд раздирала гражданская война между сторонниками разных стратегий и маршрутов. Генералы тормозного вагона и головного локомотива швырялись гранатами, гоняясь друг за другом по всему составу, на крышах вагонов неделю не прекращались партизанские вылазки, в коридорах шла резня.

— Это была тяжелая зима. Мы голодали. И были болванами.

До конца рассказа никто не поднимал глаз.

И вот началась степь. Мятежники нанесли ее на карту и установили отношения с соседями.

— У нас здесь больше карт, чем в центральной библиотеке Нью-Кробюзона.

Поезд продолжал путь. Наконец, далеко на западе, разведчики Совета вышли к морю.

— В поезде наша сила. Приходится держать его в форме.

Они не могли позволить ему стоять. Для них это было равносильно предательству. Они с самого начала знали, что даже если найдут место, где смогут отдохнуть, где сама земля не будет противиться им на каждом шагу, то и там их поезд не будет стоять на месте. Они боготворили его, хотя и на языческий манер. Они придали ему новый вид, превратили в чудовище, постоянно совершенствовали механизм, способный пожирать все, что может гореть. И построили новую жизнь.

На это ушли годы. По мере необходимости сооружались

постройки. Вырос город. Кочевники и заблудшие искатели приключений всех племен потекли в столицу всех отрекшихся. К Железному Совету.

Жители сами управляли городом. Общим голосованием они выбирали делегатов, исходя из возраста, стажа работы и других соображений, а те составляли комитеты. Спорили при этом ужасно, в ход нередко шли не самые похвальные методы убеждения: изнанка демократии — коррупция и демагогия. Одни ратовали за продолжение движения, другие призывали остановить поезд. В первые годы демократического правления фракции раскалывались на новые фракции из-за разногласий о методах хозяйствования. И так, выбирая и занимая выборные должности, споря, голосуя, расходясь во мнениях, делегаты Совета приводили все в движение и продолжали строить жизнь.

— Раньше я был смазчиком, — закончил рассказчик. — Смазывал колеса паровоза.

— И ты знаешь, зачем я здесь, — ответил Иуда. — Время выбора опять пришло. Пора уходить. Двигаться дальше.

ГЛАВА 19

Когда-то Железный Совет шел по чужому плоскогорью, оставляя позади целые цивилизации. Теперь, лоб в лоб столкнувшись с собственной историей, он возвращался по своим следам через их руины.

Вот место, где раньше стоял храм, а может, и целый священный город. Рельсы ложились в тени разбомбленного зиккурата, и дым от паровозов вставал над переплетением лиан. Костыли крошили изуродованных мраморных богов, запутавшихся в корнях. Удары молотов Железного Совета сотрясали мертвые дома. Сажа ложилась на барельефы, изображавшие битвы небожителей. Железный Совет прорывался сквозь город, опутанный плющом, мимо башен, обреченных на разрушение.

— Есть у меня один старый знакомый, — сказал комитету Иуда. — Когда-то мы были партнерами. Одно время он служил правительственным чиновником, теперь работает на большой концерн, но ухо держит востро. У нас с ним общее прошлое, а иногда ему бывают нужны големы для работы. Тогда он приходит ко мне и мы беседуем.

Иуда рассказывал Каттеру об этих странных встречах, когда Пенниго, ставший его врагом, едва не лаял на него от злости, но все-таки приходил выпить с ним. Это были не споры, а какие-то представления.

— Я и вижусь-то с ним только потому, что он сообщает мне информацию, которую я передаю Союзу, — объяснял Иуда. — И по-моему… по-моему, он не так глуп, чтобы совсем ничего не понимать. Просто он как бы делает мне подарок.

Комитет внимал. В него входили и люди постарше, и помнившие Нью-Кробюзон переделанные, и бывшие околопоездные шлюхи. Но больше половины делегатов были молоды: они еще не родились или пешком под стол ходили, когда возник Совет. Они смотрели на Иуду.

— Слухи ходят всегда. Я расспросил его по-своему, так что он думает, будто сам мне все рассказал. Он и объяснил мне, что происходит. Вы слышали про войну с Тешем.

Подробности им известны не были, но не заметить противоборства, от которого сотрясался весь Бас-Лаг, Совет не мог, да и искатели приключений из буша приносили новости.

— Была бойня в проливе Огненная Вода: его теперь зовут Кровавым. Морскую магию ведьмократии удалось одолеть, и

флот переходит в наступление вдоль всего побережья. А это тысячи миль. И еще одна экспедиция вышла в путь, несколько недель тому назад. Подводные лодки под прикрытием обычных кораблей. Может быть, даже под руководством гриндилоу, не знаю. Они идут сюда. Путь, конечно, неблизкий, но они наверняка где-то недалеко. Если не высадились уже. Город ведь вас так и не забыл. Там помнят Железный Совет, слава ему. Люди шепчутся о вас. Пишут на стенах: «Железный Совет». Парламент вас не простил и не забыл того, что вы сделали. А теперь они знают, где вы.

Иуда подождал, пока тревога собравшихся уляжется.

— Нельзя всю жизнь прожить, скрываясь. Вы это знали. Как они пронюхали, бог весть. Слюни господни, двадцать лет прошло, что угодно могло случиться за это время. Один бродяга сболтнул другому, тот — третьему, и так дальше; кто-то из ваших мог пробраться в Нью-Кробюзон, попасться и выдать информацию на допросе. Среди вас мог оказаться шпион.

Он продолжал говорить, перекрывая поднявшийся шум.

— Новые техники дальновидения. Не знаю. Главное, что теперь им известно, где вы. Вас обнаружили. Я даже не знаю, насколько давно. Через какотопическое пятно, через степи Галагги, через леса и прочие места, по которым нас провел Курабин, войска не провести ни за что.

«Но ведь сначала его с нами не было, Иуда, — подумал Каттер. — На что же ты рассчитывал?»

— Однако война все изменила. Потому что теперь пролив Огненная Вода открыт. Они идут вокруг, морем. Они попытаются пройти мимо Теша, затем вдоль мару'ахмских берегов и высадиться на краю степи. Угроза приближается не с востока, а с запада. До сих пор такое было невозможно. Сестры, товарищи, члены Совета. Все вы в смертельной опасности. Пощады не будет никому. Сюда придут, чтобы вас уничтожить. Вам не позволят жить. Поэтому уходите. И еще, сестры… им надо покончить с вами сейчас, как никогда раньше.

Иуде сложно было объяснить Совету, какой хаос царил теперь в Нью-Кробюзоне. Старики вспоминали собственные стачки и то, чем они закончились для них, но даже они смутно помнили Нью-Кробюзон, который к тому же был за много тысяч миль от них. Иуда попробовал освежить их память.

— Там кое-что происходит, — сказал он. — Им надо привезти назад ваши головы. Чтобы сказать горожанам: «Смотрите, что мы сделали. Смотрите, что будет с теми, кто попытается бунтовать. Смотрите, что стало с вашим Советом». Они идут, чтобы уничтожить вас. Пора в путь, пора снова класть рельсы. Надо

уходить. Идите на север, куда глаза глядят. Хоть в тундру. Ледяной поезд с погонщиками медведей. Доберитесь до моря Холодный Коготь. Куда хотите. Прячьтесь. Только не оставайтесь здесь. Потому что они придут, они найдут вас и не сложат оружия до тех пор, пока не отправят на тот свет всех вас, всех до единого.

— *Конечно, можно и спрятаться*, — внезапно и пылко зашептал Дрогон Каттеру в ухо. — *Но есть и другая возможность. Вернуться. Скажи им, пусть возвращаются. Скажи.*

Он просто шептал, а не приказывал, но так настойчиво, с таким неожиданным пылом, что Каттер повиновался.

Несколько дней оцепеневший Совет не принимал никаких решений. Выстроенный ими город не вызывал в делегатах никаких сентиментальных чувств. Они всегда настаивали на том, что поезд — их настоящий дом, а все постройки — лишь дополнения к нему, как вагоны без колес. Но жизнь, налаженная за долгие годы, средства к существованию, добытые тяжелым трудом, — вот чего будет не хватать.

— Нам лучше остаться. Мы справимся со всем, что бы ни случилось, — объявили молодые граждане Совета, но их родители, переделанные, тут же бросились объяснять своим детям, что такое Нью-Кробюзон.

— Это вам не стадо боринатчей, — говорили они. — И не банда конокрадов. Тут совсем другое дело. Послушайте, что говорит Лёв.

— Да, но теперь у нас есть технологии, о которых господин Лёв, при всем к нему уважении, не имеет и понятия. Магия мха, облакомантия — он о таком слышал?

Эти виды колдовства они переняли у загадочных местных племен. Но родители качали головами:

— Это же Нью-Кробюзон. И думать забудьте. Это вам не кот чихнул.

Иуда развернул складное зеркало, которое принес ему из города Каттер.

— Здесь только одно, — сказал он. — Второе разбито, а без него это просто игрушка. Но даже будь у нас второе, все Равно этого не хватило бы. Надо уходить.

Самых сообразительных вирмов послали за сотни миль от Совета — следить за побережьем. Прошла неделя.

— Ничего не обнаружено, — сказал первый, вернувшись, и Иуда разозлился.

— Они близко, — предупредил он.

От конкретных советов он воздерживался. Зато Дрогон как

сумасшедший твердил Совету: «Надо вернуться». Он неустанно повторял жителям города, что это их долг. Его рвение удивляло многих.

Каттер пошел на танцы. Его успокаивали грубые посиделки; пьяные парни и девушки отплясывали деревенский вальсок. Он тоже менял партнерш, пил и закусывал дурманящими плодами. Он нашел крепкого паренька, который позволял тискать себя, в том числе за причинное место, и даже целовать, пока все это напоминало не секс, а мальчишеские забавы вроде борьбы. Потом, когда Каттер вытирал руки, парень внезапно разговорился с ним о том, что предпримет Железный Совет.

— Конечно, мы уйдем, это все знают, — сказал он. — Думаешь, мы плюнем на то, что говорит Иуда Лёв? Только одни говорят, что надо идти на север, другие — на юг, и никто не знает, куда направиться, а у нас, у меня и еще кое у кого, есть план. Мы хорошо подумали. И придумали вот что: идти надо не на север и не на юг, а на восток. По своим собственным следам. Пора вернуться домой. В Нью-Кробюзон.

Тогда Каттер понял, что Дрогон тут ни при чем. Такова была воля народа.

— По-моему, что-то приближается, — сказал Курабин — голос, лишенный тела.

Дрогон подхватил:

— *Они это знают. И потому все больше и больше тех, кто хочет вернуться в Нью-Кробюзон.*

— Нет, — ответил Иуда; Каттер видел, что им владеют противоречивые чувства: гордость, страх и злость, отчаяние, смущение. — Нет, они обезумели. Это же смерть. Они не выдержат натиска одного батальона, как же им справиться с городом? Какой смысл бежать от одной милиции к другой? Нельзя им возвращаться.

— Они делают ставку не на это. Ты же сам их подначивал, разве нет? Своими разговорами о том, что там происходит. Они решили, что их появление будет последней каплей и ситуация переломится в их пользу, Иуда. И по-моему, они не ошибаются. Они хотят вернуться к народу по дороге, устланной лепестками роз. Вернуться домой, в новый город.

— Нет, — ответил Иуда, но Каттер видел, как взволнованы Помрой и Элси; волнение пробивалось даже сквозь его, Каттера, насмешливую сдержанность.

Поднялся страшный шум — так всем хотелось назад.

— Все дело в скорости, — заявила одна переделанная

старуха. — По пути сюда мы оставляли на земле много лишних рельсов, на случай если придется ехать обратно. Теперь, когда на нас охотятся, надо пройти много миль, чтобы оказаться в безопасности. Придется ехать быстро. Дорога нас ждет. Миля там, другая здесь. Глупо не воспользоваться ими. — Она притворялась, что высказывает лишь практические соображения.

Иуда спорил, но Каттер видел, что он горд желанием своего Совета вернуться назад и участвовать в нынешних нью-кробюзонских событиях. Страх заставлял Иуду отговаривать своих сограждан, а чувство истории — наоборот.

— Вы не знаете, — говорил он кротким голосом. — Вы не знаете, как все будет, что там происходит. А нам надо, чтобы вы жили. Это самое главное. Я, черт возьми, был вашим бардом, и я хочу, чтобы вы жили.

— Дело не в том, что нужно вам, господин Лёв, при всем Уважении к вам, — а в том, что нужно нам. Нам нельзя драться с этими ублюдками, мы должны бежать, так пусть наше бегство будет осмысленным. Давайте пошлем в Нью-Кробюзон весточку. Пусть знают, что мы идем домой.

Так говорил молодой человек, рожденный через пять лет после Совета и взращенный в степях. Затем встала Анн-Гари и с пафосом начала:

— Я родилась не в Нью-Кробюзоне…

После чего разразилась сагой о своей тяжелой жизни.

— Я никогда не думала, что у меня будет своя страна. Теперь моя страна — Железный Совет, и какое мне дело до Нью-Кробюзона? Но Железный Совет — неблагодарное дитя, а я всегда любила таких. Нью-Кробюзон не заслуживает благодарности — я была там и знаю; а мы — дети, которые завоевали свободу. Мы одни такие. А теперь, когда другие дети тоже решили проявить неблагодарность, мы можем им помочь.

Каттеру показалось, будто прибытие их отряда вместе с Иудой освободило Железный Совет, избавило его от какой-то скованности, и на поверхность выступило некое стремление, до того не проявлявшее себя. Делегаты Совета приводили разные доводы, призывая вернуться в Нью-Кробюзон, но на самом деле их устами говорила жажда, сокрытая в душе каждого. Сцены мятежа, описанные Иудой, воспламеняли их.

Когда Каттер попытался облечь свое ощущение в слова, у него ничего не вышло. Они пришли — из такой дали, такой ценой — предупредить Совет о том, что ему надо спасаться, а он хочет развернуться и пойти назад?

Но Каттер чувствовал, что в возвращении Совета есть своя логика, хотя и не мог выразить ее словами. Пока он слушал Анн-

Гари, это чувство овладевало им и другими тоже.

Когда Анн-Гари закончила, граждане Совета стали с возгласами «ура» выкрикивать ее имя, а потом принялись скандировать:

— Нью-Кро-бю-зон!

Помрой и Элси ликовали — они не ожидали такого поворота событий. Курабин довольно хмыкнул, хотя Нью-Кробюзон вызывал в нем не больше теплых чувств, чем Теш, предавший свои монастыри: просто жители Совета и их теплый прием впечатлили его. Он радовался, что сможет внести свою лепту в их усилия. Дрогой был в восторге. Иуда молчал, напуганный и гордый.

Страх Иуды не укрылся от Каттера. «Совет должен, по-твоему, остаться легендой, да? — думал он. — Это „Мы-идем-домой“ не дает тебе покоя. Ты еще больше любишь Совет за это, но ты его творец и хочешь, чтобы он был в безопасности. Чтобы он оставался мечтой для всех». Каттер понимал, что ради Железного Совета Иуда пошел бы на что угодно. Любовь его к Совету была всепоглощающей.

Они разрушили город, снесли домишки из прутьев и грязи, общественные здания, превратили все в пыль. Собрали урожай, какой был. Многие из граждан Совета чувствовали себя оскорбленными.

Вечный поезд, даже с обновленным подвижным составом из того, что нашлось в диких землях — корявые бревна и камень, — не мог поместить всех. Сотням людей придется снова плестись пешком у поезда в хвосте, как делали раньше лагерные приживалы. Некоторые отказались ехать: одни ушли в горы, другие решили фермерствовать на насиженных землях в бывшем кольце железной дороги.

— Вы умрете, — сказал Иуда, — как только они придут.

Те ответили грубовато-сердечными шутками.

«Бравада быстро с вас слетит, — подумал Каттер, — когда самые сильные и хорошо вооруженные отряды милиции придут сюда за Советом, а найдут лишь горстку стареющих фермеров». Он наблюдал за оставшимися, зная, что они обречены. И желал им быстрой и легкой смерти.

Каттер не знал, была ли Анн-Гари любовницей Иуды, но видел, что их любовь друг к другу непритворна и глубока. Конечно, он ревновал, но не больше, чем ко всем остальным, кого любил Иуда. Он привык любить без взаимности.

Последнюю ночь перед тем, как Железный Совет покинул свое степное убежище, Иуда провел с Анн-Гари. Каттер сидел в одиночестве, обхватив себя руками, и вспоминал свою возню с тем мускулистым парнем.

На следующий день все собрались. Каттер вышел на окраину города, где дикие травы смял поезд и потоптали фермеры. Здоровяк Помрой уже размахивал там своим мушкетоном, словно серпом, и Элси обнимала своего возлюбленного за талию, и Дрогон в широкополой шляпе вел выпрошенного у конезаводчиков Совета скакуна, двигая губами и шепча неизвестно кому, и трава шевелилась под ногами Курабина, что шел (или шла) тайными тропами по подсказке странного божка, а им навстречу рука об руку шли Иуда с Анн-Гари, и любопытные утренние букашки кружили возле них.

Следом двигался Железный Совет. Скоро его гражданам предстоит класть рельсы, выстроившись в шеренгу, разбивать камни, вести извилистый путь между глыбами песчаника, но пока они просто идут вперед. Железный эллипс сделался прямой, жители Совета снова стали строителями. Разведчики и лозоходцы, охотники и землекопы, а прежде всего, конечно, укладчики рельсов разорвали кольцо, окружавшее их город, и снова вытянули его в прямую линию, повернув ее вспять, туда, где земля еще хранила их прежний слабый след.

С далекого запада на них надвигалась кровожадная милиция, солдаты, жаждущие убивать. Железный Совет содрогался и двигался вперед, на восток, домой.

Вот как все было. А теперь перед ними лежал край воистину дурной земли.

— Вот оно. Здесь. Это его край. Край какотопического пятна.

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ
гОнКа сОюЗа

ГЛАВА 20

ЧУДОВИЩА: СНАРУЖИ И ВНУТРИ. ДВА ВРАГА НЬЮ-КРОБЮЗОНА: СОГЛЯДАТАЙ И ПРЕДАТЕЛЬ. НОЧЬ СТЫДА.

Газеты разразились осуждением. Проклятия тому, что уже окрестили Мятежами в День Небесного Глаза, набирались самым крупным шрифтом. Передовицы пестрели гелиотипами мертвецов, забаррикадированных в магазинах и задохнувшихся в дыму, разбившихся при падении из окон, застреленных.

В следующую пяльницу Ори ждал, что в «Зазнобе бакалейщика» соберется целая толпа, но никто из «бешеных» не пришел. Он стал заходить туда каждый день, в надежде встретить кого-нибудь знакомого. Наконец в пыледельник Ори увидел вязальщицу, которая собирала деньги и шепталась о чем-то с хозяином.

— Джек, — окликнул ее Ори.

Женщина обернулась и посмотрела на него с недоверием, но, узнав его, слегка смягчилась.

— А, Джек… Говорить придется быстро. Мне надо идти. Закажи вина и выкладывай. Что, в штопор вошел? — усмехнулась она, показав на угольно-черные спирали на его одежде Они теперь повсюду. Со стен перешли на одежду. Каковая шпана в такой щеголяет. Нувисты, радикалы. Какой в них смысл?

— Это связующее звено, — ответил Ори осторожно. — С Джеком-Полмолитвы. Я знаю человека, с которого все началось.

— Я, кажется, о нем слышала…

— Он мой друг. Я хорошо его знаю.

Наступило молчание. Оба пригубили вино.

— Собрание пропустил… — продолжил Ори.

— Какие теперь собрания? Ты спятил, Ори… то есть Джек? — Женщина с ужасом поглядела на него. — Прости меня, Джек, прости, пожалуйста. Курдин сказал мне, как тебя зовут. И где ты живешь. Не стоило, конечно, но он считал, что я должна доставить тебе экземпляр «ББ», если понадобится. Я никому не говорила.

Ори не подал виду, что неприятно поражен, и покачал головой.

— Так что с собраниями? — спросил он, и женщина мигом забыла о раскаянии.

— Зачем они нам, когда такое творится? — Ори снова покачал головой, и та издала звук, похожий на всхлип. — Джек,

Джек… Джаббера ради. Чем ты занят? Разве тебя там не было?

— Проклятье, конечно, был. Я был на Ручейной стороне. Я… — Он понизил голос. — А что это за Разношерстная Армия, хотел бы я знать? Я как раз защищал несчастных хепри, которых ваш чертов безмозглый простой народ пытался изничтожить.

— Разношерстная? Скажи, если бы ты был ксением и никто не отстаивал твои интересы, кроме ублюдков-компрадоров из департамента Разных Тенденций, разве ты не поискал бы новых друзей? И не смей презирать народ. Дикобразы не народ, а отребье, и ты это знаешь. Твой друг Петрон и тот знает; не смотри на меня так, Джек, его имя всем известно, он — один из гибких. И хотя мне не очень по душе все эти глупости, которыми занимаются нувисты, — наряжаются зверюшками, и тому подобное, — но Петрону я доверяю. Чего не могу сказать о тебе, Джек, и это грустно, ведь цель у нас, как мне кажется, одна. Я в этом уверена. Но я не доверяю твоему суждению. По-моему, ты просто глупец, Джек.

Ори даже не рассердился. Он привык к заносчивости «бешеных». Он просто глядел на женщину холодно и раздраженно, хотя по-прежнему с толикой уважения — в память о Курдине.

— Притворяясь пророком, Джек, — сказал он, — не забывай держать глаза открытыми. Когда я сделаю свой ход… ты об этом узнаешь. У нас есть план.

— Говорят, Железный Совет возвращается.

Лицо женщины засветилось радостью.

— Он возвращается, — повторила она.

Все, что мог сказать по этому поводу Ори, было и без того очевидно. Ему не хотелось оскорблять собеседницу, и он попытался придумать что-нибудь, но не смог.

— Это сказка, — заявил он.

— Вовсе нет.

— Легенда. Никакого Железного Совета нет.

— Это они хотят, чтобы ты так думал. Раз никакого Железного Совета нет, значит, мы никогда не будем у власти. Но если Совет есть — а он существует, — значит, мы уже делали это раньше, сделаем и опять.

— Джаббер всемогущий, да ты себя послушай…

— Ты хочешь сказать, что никогда не видел снимков? Или они, по-твоему, ненастоящие? Думаешь, они специально построили поезд и заставили людей топать за ним, а впереди пустили женщин, шлюх? Да еще и детишек на крышу посадили?

— Что-то, конечно, было, я не спорю, только давно. Была

обычная стачка, которую разогнали. А они все давно умерли…

Женщина засмеялась.

— Ничего ты не знаешь. Они хотели задушить Совет, они и сейчас хотят того же, но он возвращается. Кто-то из Союза отправился за ним. Мы получили известие. А для чего им туда идти? Сказать Совету, чтобы он возвращался, только так. А граффити, ты что, их не видел? Они же повсюду. Вместе с твоими спиралями и завитушками. ЖС-Я. Железный Совет — Я. Жду Свидани-Я. Он возвращается, и знать об этом — уже вдохновляет. Железный Совет нужен народу, и народ найдет его и будет верить в него, Джек… А вот чего ты не знаешь, — продолжала она и даже перестала сердиться, — мы тоже делаем шаги. Слышал бы ты, что говорит Союз.

Женщина пригубила вина и подняла на Ори глаза, даже с некоторым вызовом. «Она молиться готова на свой треклятый Союз», — подумал тот. Собрание мятежников, которое объединяло различные их группировки и неприсоединившихся.

— Многие в Парламенте уже зачесались, — продолжила она. — Они не хотят этого признавать, но на некоторых фабриках мы решаем, выходить людям на работу или нет. И наверху готовы вести с нами переговоры. Парламент больше не правит Нью-Кробюзоном единолично. В городе двоевластие.

Вязальщица протянула через стол руку.

— Мадлена, — сказала она отчетливо. — Ди Фаржа.

Он пожал ее ладонь, тронутый таким доверием.

— Ори, — сказал он, как будто женщина не знала.

— Вот что я тебе скажу, Ори. Мы все бежим наперегонки со временем. Союз торопится, чтобы все было готово в срок. Остались считаные месяцы, а может, недели. И мы не ходим вокруг да около, мы мчимся прямо к цели. Мы же не дураки какие-нибудь. Мы спешим построить то, без чего нам не обойтись, — канал… — она оглянулась, — канал для передачи приказов, информации. Прошлой ночью был дан старт. Путь впереди долгий, но начало уже есть. Говорят, война выходит нам боком. На улицах полно калек. Если уж тешане смогли послать эту… — она зажмурилась и затаила дыхание, вспоминая пережитой ужас, — эту штуку, небесного соглядатая, то кто знает, на что они еще способны? Времени… вот чего нам не хватает, времени. А Железный Совет возвращается, — повторила она. — И когда люди об этом узнают, тут-то все и закрутится.

«Может, мы и впрямь в одной команде, — подумал Ори с грустью, которая озадачила его самого. — А гонка Союза — это и наша гонка».

— Все мы куда-то бежим, — сказал он вслух.

— Верно, только некоторые — не в ту сторону.

И тогда Ори задумался о том, как все будет. О том миге, когда все обездоленные, все трудяги, простой народ, если ей так больше нравится, узнают, что мэра, главы партии Жирного Солнца, повелителя Нью-Кробюзона, больше нет. Как все будет тогда?

— Хочешь вдохновения? — сказал он. Маниакальное упорство Мадлены снова его разозлило. — Я тебе его дам. Еще благодарить меня будешь, Джек. Мы задумали такое, такое… Людей пора будить.

— Они уже проснулись, Джек. Только ты этого не видишь.

Ори покачал головой.

Клипейский гвардеец Бертольд Сулион утратил веру в город, в мэра, в закон, которому присягал. Об этом рассказал Барон.

— Была, да вся вышла, вера то есть, — так он сказал. Клипейцам тоже не слишком доверяют. У них в присяге так и написано: «Я вижу и слышу лишь то, что мне позволяют мэр и мои обязанности». Так что Бертольд знает мало. Разве лишь то, что войну мы проигрываем. А еще он видит, какие сделки проворачивает правительство, пока его бывшие однокашники сражаются и гибнут. Наверху все прогнило. Вот и его верность: была, да сплыла.

Барон тщательно выбирал слова.

— Верность — такая штука… Она внутри тебя, как кровь. — Он постучал себя пальцем в грудь — А когда верность загнивает, как кровь при заражении, то вытекает из человека капля за каплей. И ее место занимает что-то еще, или остается пустая оболочка. Сулион сейчас — как раз такая оболочка. Он мечтает выложить все, что знает, и для отвода глаз просит много денег, но дело-то не в деньгах. Просто он хочет стать предателем. И хочет, чтобы мы ему в этом помогли. Хотя сам этого, может, и не подозревает.

На Худой стороне никого не было.

«Ключи здесь, — гласила записка, приколотая к стене двузубым кастетом. — Встречаемся на новом месте». Ниже — адрес. Енох и Ори прочли записку и уставились друг на друга. Енох всегда был туповат, но сейчас и Ори разделял его недоумение.

— Плитняковый холм?

На краю города, в конце главной ветки, уходившей от Вокзала потерянных снов на север, лежал Плитняковый холм. Там жили банкиры, промышленники, чиновники, знаменитые

артисты. Вдоль широких проспектов стояли роскошные дома, за которыми раскинулись общественные сады. Цвели разные деревья, баньяны выбрасывали узловатые ползучие ветви, которые укоренялись, превращались в стволы и давали новые побеги, пробивавшиеся меж черных плит мостовой.

Много лет посреди Плитнякового холма зияла гнойная язва трущоб — результат хаотичного градостроительства. Двести лет назад мэр Тремоло Реформатор велел застроить склоны холма, давшего название всему району, дешевыми домами для ветеранов Войны с пиратами, чтобы они, по его выражению, жили рядом с теми, за кого сражались. Местные богачи не жаловали новых поселенцев, и мэрский план «стирания межклассовых границ» подняли на смех. Без должного финансирования то, что задумывалось как скромное жилье, превратилось в трущобы: штукатурка отвалилась, черепица попадала. Маленькая община здешних бедняков добиралась до работы и обратно на поездах, а соседи предпочитали надземке собственные двухколесные экипажи и ждали, когда обнищание соседей достигнет критического предела. Что и случилось пятнадцать лет назад.

Бедняков выдворили из их ветшающих жилищ и поселили в бетонных десяти- и пятнадцатиэтажках Эховой трясины и Пряной долины. Тогда их бывшие соседи любопытства ради скупили заброшенные, пустующие хибары, и деньги наконец пришли в трущобный район. Часть домов подновили, соединили по два и по три и стали продавать нуворишам: скоро жить в перестроенных «коттеджах для бедноты» стало модно. Но несколько улиц в самом сердце безымянного квартала решено было сохранить, законсервировать, превратив в музей трущоб.

Туда-то и направились Енох и Ори, предварительно приведя себя в порядок и облачившись в лучшие свои костюмы. Ори никогда не видел этого огромного памятника нищете. Конечно, отбросы на улицах там не валялись, и никакой вони не чувствовалось уже больше десяти лет. Но в стеклах по-прежнему зиял и дыры (еле видимые скобы поддерживали их острые края, не позволяя появляться новым трещинам), а стены покосились и облезли от сырости (специальные подпорки и магия удерживали их от полного разрушения).

Все дома, как и положено экспонатам музея, были подписаны. Бронзовые таблички рассказывали историю трущоб и живописали условия, в которых жили когда-то люди.

«ЗДЕСЬ, — прочел Ори. — ВИДНЫ СЛЕДЫ ПОДЖОГА И СЛУЧАЙНЫХ ВОЗГОРАНИЙ, КОТОРЫЕ ПОСТОЯННО СЛУЧАЛИСЬ НА ЭТИХ УЛИЦАХ, ОТЧЕГО

МНОГИЕ ИХ ОБИТАТЕЛИ ЖИЛИ СРЕДИ ОБГОРЕВШИХ РАЗВАЛИН».

Дом был прокопченным и черным, как антрацит. Его обугленную поверхность покрывал для сохранности слой бесцветного лака.

В некоторые комнаты и отхожие места можно было войти.

«ЦЕЛАЯ СЕМЬЯ ИЗ ШЕСТИ ИЛИ ВОСЬМИ ЧЕЛОВЕК МОГЛА ЮТИТЬСЯ В ТАКИХ УЖАСНЫХ УСЛОВИЯХ».

Следы трущобной жизни оставались на своих местах, смотрители каждый день стерилизовали все это и заново покрывали пылью.

«КАЖЕТСЯ НЕВЕРОЯТНЫМ, ЧТОБЫ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ МОГЛА БЕСПРЕПЯТСТВЕННО СУЩЕСТВОВАТЬ ТАКАЯ НИЩЕТА».

Дом, к которому они направлялись, оказался классическим образцом местной архитектуры: большой, красивый, выложенный мозаикой из раскрашенного галечника. Ори подумал, уж не ошиблись ли они адресом, но ключи подошли. Енох нахмурился.

— Я здесь уже бывал, — сказал он.

Дом был пуст. Он оказался муляжом. Все комнаты и портьеры на окнах были белы, как кость. Ори раздражал трепет Еноха перед этим строением и садом за ним.

На улицах Плитнякового холма попадались прохожие, мужчины в дорогих костюмах и женщины в шарфах — в основном люди, но не только. Тут были каналы для состоятельных водяных: их тоже можно было видеть на улицах. Одетые в легкую водонепроницаемую одежду, с виду совсем как мужской костюм, они ползли, рывками подтягивая задние конечности, и жевали сигары, которые люди курят, а водяные едят. Какты попадались редко — среди них преуспевали немногие. Даже конструкты, механические слуги на паровом ходу, дребезжали здесь по улицам, и этот звук напомнил Ори дни его детства, когда они были везде. Богатые обитатели Плитнякового холма могли приобрести лицензии, подтверждающие, что их агрегаты прошли тщательную проверку, введенную после Войны конструктов. Хотя теперь даже богачи предпочитали големов.

Эти пустоглазые куклы из глины, камня, дерева или проволоки, изображавшие мужчин и женщин, двигались с нечеловеческой осторожностью. Они перетаскивали тяжести,

носили своих хозяев, и все время тупо смотрели то в одну, то в другую сторону, подражая человеческим движениям, как будто и впрямь могли видеть, а не повиновались выданным инструкциям без всякого вмешательства мозга и органов чувств.

Все тороанцы прибывали с одни и тем же вопросом на устах:

— Что мы тут делаем?

Явился Барон, одетый шикарно, как все местные. Костюм из шерсти ягненка, рубашка из тончайшего хлопка и шелковый галстук идеально сидели на нем. Все вытаращили глаза.

— Ах да, — сказал он — чисто выбритый, подстриженный, с тонкой сигаретой в пальцах. — Вы теперь мои слуги. Так что привыкайте.

И, сев спиной к стене непривычной, огромной, пустой комнаты, он рассказал о Бертольде Сулионе.

Торо был с ними. Ори понял это внезапно. Он не знал, как давно масляная лампа освещала странный силуэт в углу, отбрасывая на стену дрожащие силуэты рогов. Наступил вечер.

— Зачем мы здесь, Бык? — спросил он. — И где Уллиам?

— Уллиам не сможет часто приходить сюда. Переделанный на этих улицах — большая редкость. А вы здесь потому, что я вам велел. Закрой рот, и узнаешь зачем. Я дам вам денег. Купите себе одежду. Отныне вы — слуги. Для любого постороннего вы — дворецкий, лакеи, горничные. Держите себя в чистоте. Вы должны соответствовать.

— А что, Худая сторона под подозрением? — спросила Руби.

Торо не сидел, а как бы полулежал в воздухе, опираясь на что-то невидимое. Ори чувствовал магическое напряжение, исходившее от его рогов.

— Наша цель вам известна. Вы знаете, чего мы хотим, Ради чего строим. — Неестественно низкий голос Торо поражал, как заряд статического электричества. — Председатель находится в Парламенте. На острове Страк. Посреди Реки. В воде подходы к нему стерегут водяные, берег патрулируют какты, в каждой комнате охрана. Лучшие в городе маги ставят глушилки, злоуловители и капканы из заклинаний. Туда нам не попасть. Но есть еще Штырь и Вокзал потерянных снов. Сами-знаете-кто проводит много времени внутри Штыря — командует милицией. Или на вокзале: в посольском крыле, на высокой башне.

Вокзал был не просто точкой, куда стекались все нью-кробюзонские поезда. Он был трехмерным городом под кирпичной оболочкой. Говорили, будто размеры этого архитектурного сооружения бросали вызов законам не только стиля, но и физики.

— Когда наша будущая жертва там, то противостоять приходится не одним охранникам вокзала.

Но и с ними нелегко было справиться. Бойцы специального подразделения милиции, защищавшие здание, были прекрасно вооружены и обучены.

— Куда бы ни шел наш председатель, клипейские гвардейцы везде следуют за ним. Они — наша головная боль. Вы спросите, а может, в городе? Когда вы в последний раз видели кого-нибудь из Жирных произносящим речь? Они слишком напуганы и заняты переговорами с Тешем. Значит, нам нужна другая стратегия.

Настала долгая пауза.

— Сами-знаете-кто совсем рядом, у своего близкого друга, некоего судьи. Судью зовут Легус. Они видятся каждую неделю. Об этом все болтают, надо только знать, у кого спросить. Встречаются в собственном доме Легуса, где он живет как обычный гражданин и может побыть самим собой. Там они чувствуют себя свободно. Иногда не расстаются до самого утра… Встречи происходят раз в неделю, иногда два раза. В доме судьи… В соседнем доме.

Шум и крики.

— Как ты узнал? — кричал один.

— Не может быть! — вторил другой.

— А это чей дом? Где ты взял ключ?

И тому подобное.

Ори силился вспомнить — точнее, уклонялся от воспоминания, которое маячило в дальнем углу памяти, то исчезая, то возвращаясь вновь. Ори видел, что и остальные тоже кое-что припоминают, только не знал, что именно, ведь для него самого еще не все прояснилось.

— Не так-то просто было узнать подлинное имя владельца, — продолжал Торо. — Но я это сделал. Времени ушло много. И все же я его выследил.

Звуки его голоса долетали до Ори, точно сквозь завесу.

— Это же тот дом… — начал было Ори и умолк.

Никто его не услышал, и он был рад этому. Он не знал, чего ему хочется сделать. И не понимал, что чувствует.

«Это тот дом, в котором жила престарелая чета. Я слышал о них несколько месяцев тому назад, вскоре после того, как отдал тебе деньги. О них тогда кричали все газеты. Их убил ты, или Старая Вешалка, или кто-то из наших, и не за связь с милицией. Они были богаты, но убивать только за это ты бы не стал. Дело было не в богатстве, а в том, где они жили. Если бы они исчезли, ты смог бы купить их дом. Вот на что пошли деньги Джейкобса».

Ори показалось, будто ему дали под дых. Он часто открывал и закрывал рот.

Все его инстинкты противились услышанному только что. Мозг кипел. Ори вспомнил свою былую неуверенность, отчаянную жажду знаний, а потом знания придавили его своей тяжестью, идеи стали расплывчатыми, и с этой постыдной путаницей в голове он пришел в Союз, где перепробовал все фракции и течения в поисках твердой почвы, политического приюта, которым позднее стала для него банда Торо — Торо с его злостью и анархическим запалом. Неуверенность нахлынула на Ори с новой силой. Он осознавал свои чувства — произошло нечто ужасное, он ошеломлен, — но тут вспомнил призывы «союзников» не рассматривать события в отрыве от контекста.

«А если одна смерть предотвратит десяток других? Если смерть двоих спасет целый город?»

Ори молчал. Он понял, что ничего не знает в точности, что ему надо многому научиться, что лучше ему оставаться в этой команде и что надо сперва понять суть происшедшего, а уж потом судить. Торо наблюдал за ним, затем повернулся к Вешалке. Ори видел, как тот скривился. «Они поняли, что я знаю».

— Ори, послушай…

Остальные смотрели, ничего не понимая.

— Да, — промычал Торо.

Ори вдруг почувствовал себя слабым и неловким — ученик перед учителем. Его едва не затошнило от страха. Магический гул, исходящий от Быка, пробирал его до костей.

— Да, — повторил Старая Вешалка. — Это тот самый дом. Они были старыми, богатыми и одинокими, без наследников, дом все равно выставили бы на продажу. Но нас это не устраивало. И не думай, Ори, будто никто не чувствовал боли и вины. Стоит нам попасть в дом по соседству, и наше дело сделано… Мы победим. Победим.

И тут, перебивая старого какта, заревел Торо. Звериный рев постепенно перешел в треск электричества и прогибающегося железа. Негромкий, он целиком заполонил комнату и голову Ори, а потом стих, и Ори обнаружил, что смотрит прямо в стеклянные светящиеся глаза Торо.

— А когда мы победим, весь город будет наш, — сказал Старая Вешалка. — Снимем одну голову с плеч. Сколько других будут спасены?

Один за другим, тороанцы соображали, в чем дело.

— Думаешь, мы не пробовали другие средства? Дом судьи под надежной охраной. Там не устроить засаду. Даже рогам босса не прорвать защитный барьер. И сами мы не можем пройти.

Оружие тоже бессильно: ни пуля, ни взрывчатка, ни камень не пробьют его стены, дом прямо-таки набит заклинаниями. А все из-за того, кто приходит в гости.

— Канализация кишит упырями — через нее никак. У нас просто не было выбора. Подумай как следует. Ты еще можешь выйти из дела.

«Как вышло, что именно мне задают этот вопрос? А остальные, им что, не надо решать?» Но все смотрели только на него. Даже до Еноха дошло, в чем дело, и он с открытым ртом думал о том, что происходило в ту ночь за его спиной, пока он стоял на карауле. Барон и Старая Вешалка не сводили с Ори глаз. От напряжения кактвытянулся в струнку и застыл. Барон, напротив, расслабился. Уйти ему, конечно, не дадут — Ори знал это. Если он откажется пойти с ними, то он мертвец. Если согласится, то, может быть, тоже. Вдруг они решат, что ему нельзя доверять?

Надо так надо — это был девиз всех инакомыслящих. Однако сперва следовало доказать, что это действительно надо, победив в жарком споре. Но ведь они так близки к цели… Они нашли лазейку туда, где их жертва окажется наконец без защиты, одинокой и уязвимой, и желание принести свой дар Нью-Кробюзону перевешивало все прочие соображения. Всего две смерти отделяют их от цели… так вправе ли Ори стоять на пути у истории? Что-то в нем дрогнуло. «Надо так надо», — подумал он. И склонил голову.

Стена на втором этаже, отделявшая дом от участка судьи Легуса, была предварительно подготовлена. Сняли несколько дюймов штукатурки и деревянной дранки. Под стеной устроили подкоп.

— Глубже нельзя, заклинания сработают, — сказал Старая Вешалка.

С невероятной осторожностью он коснулся открытого нутра стены, глядя на Ори. Лицо того застыло: он слушал. Торо готовился несколько недель. «А другие банды у тебя есть? — думал Ори с непостижимым для него самого чувством. — Или мы единственные? На чье имя записан дом? Вряд ли ты купил его сам, правда?»

Барон говорил что-то со свойственной ему механической четкостью. «Надо бы мне послушать, — сообразил Ори, — Похоже, это план».

— Сулион у места взрыва. Так мы выигрываем две вещи: узнаём, кто где находится и что собирается делать, и делаем первый шаг. Если его там не будет, мы покойники.

«Милицейская тактика, — подумал Ори. — Вот чему я учусь сейчас». И он снова подумал о том, сколько милиционеров вернулись с войны, переполненные такой же злобой, о том, на что они способны. Наблюдая за Бароном, Ори понял, что тот всем своим существом стремился к этому мигу, что для него не существовало никакого «потом», что он жил только местью.

«Эпидемия убийств. Вот что нас ожидает. Если все эти самовольщики и ветераны не найдут другой отдушины. А еще их будут вербовать Дикобразы. Они с радостью возьмут таких, как Барон».

«Помоги нам Джаббер». И Ори снова захотелось обезглавить правительство, прямо сейчас, немедленно. «Скоро, — подумал он. — Уже скоро».

У него было такое чувство, будто он сбился с пути. Пришлось несколько раз повторить себе, что он находится именно там, где должен.

ГЛАВА 21

Люди ходили по улицам Нью-Кробюзона, задирая голову вверх: там виднелись аэростаты и вирмы, сотни созданий — местных, чужих и рукотворных, — которыми кишело небо над городом. Прохожие вглядывались в суровый солнечный лик и ждали, не покажется ли на нем еще одна страшная живая тень.

— Все еще пытаются договориться, — сказал своим Барон; он узнал это от Бертольда, а тот решил так потому, что вылазки мэра в посольское крыло, где помещались дипломаты и переводчики, не прекращались.

Ори вернулся в ночлежку. Ладия обрадовалась ему, но глядела испуганно. Ори поразился тому, как она измучена. Прямо на полу, по обыкновению, лежали мужчины и женщины, грязные, как сама грязь, упавшие там, где их одолела сила тяжести, — только теперь вся комната была в шрамах. Стены покрывала татуировка из трещин и содранной краски; окна были заколочены досками.

— Дикобразы, — объяснила Ладия. — Три дня тому назад. Прознали, что мы тоже… сотрудничаем. Хотя мы сами виноваты, разбрасывали газеты повсюду. А потом эта заваруха в Собачьем болоте нас отвлекла, да и вообще, невозможно всегда соблюдать осторожность. Вот мы и расслабились.

Ори заставил ее лечь. Ладия подшучивала над ним, пока ее укладывали на старый диван, но потом все же не выдержала и расплакалась, ухватилась за Ори и держалась несколько секунд, а после этого высморкалась, похлопала его по плечу и заснула. Сам он занялся уборкой. Кое-кто из бездомных взялся помочь.

— Здесь вчера был театр, — сказала ему одна женщина с выбитыми зубами, вытирая столы. — Выступали какие-то «гибкие». Приходили поиграть для нас. Было здорово, хотя ничего подобного я прежде не видала. Слышно, правда, было плохо. Но все равно здорово, и вообще, так мило, что они пришли сюда специально для нас.

Джейкобса уже много дней никто не видел.

— Здесь он где-то. Занят только. Видел? Его закорючки повсюду.

Нарисованные мелом спирали, которые Джейкобс оставлял везде и от которых пошло его прозвище, все множились, превратившись в подлинную заразу. Их рисовали краской, восковыми мелками и дегтем, вырезали на стенах храмов, царапали на окнах и на железных балках.

— Думаешь, это с него все началось? Может, он сам кому-то

подражает. Или вообще никто ничего не придумывал. Слышал, как оно обернулось? Люди используют их как лозунг. Они везде на слуху.

Ори все видел и слышал. Спирали, которые заканчивались нецензурной бранью в адрес Парламента. Вопли «Спиралим на хрен!» при появлении милиции. Почему так случилось именно с этим знаком, а не с любым другим из тех, что годами пятнали городские стены?

Угол, в котором ютился старик, посерел от спиралей. Чернильные и карандашные, большие и маленькие, они пересекались под разными углами, а местами спирали складывались в большие спирали, образуя сложный узор. «Похоже на буквы», — подумал Ори. Спирали закручивались по часовой стрелке и против нее, потом вдруг обрывались на полуобороте, число и направление завитков все время менялось, и каждый щетинился отростками.

Ори приходил девять ночей подряд. Он специально записался в ночную смену.

— Мне это необходимо, — сказал он Старой Вешалке. — Когда день настанет, я сделаю все, что мне велят, но до тех пор мне надо чем-то заняться.

Тороанцы хотя и не доверяли ему, но что-то вроде отпуска все же дали. Уходя от них, Ори то и дело останавливался — будто бы поправляя застежку ботинка — и, опершись о стену, оглядывался, не идет ли кто за ним. Он был уверен, что за ним следят — не Барон, так кто-нибудь другой, и стоит заговорить с человеком, который покажется подозрительным его товарищу по братству Быка, как Ори убьют. А может быть, никакой слежки и не было. Ори не понимал, значит он что-нибудь для своих товарищей или нет.

В «Загоне» Петрон Каррикос подарил ему сборник своих стихов, выпущенный в «Издательстве гибких» на средства автора.

— Давненько тебя не видно, Ори, — сказал он.

В его словах сквозила осторожность; видно было, что Петрона так и подмывает спросить: «Где ты был? Совсем пропал куда-то», — но он только угостил Ори стаканчиком граппы и стал рассказывать ему о своих планах. В руках он держал номер «Буйного бродяги» — прикрывал название, но газету не прятал, осмелев после недавних событий.

Ори прочел одно четверостишие вслух:

«Из железа и дерева свой цветок
Ты бережешь для кого-то.
Урок, упрек, каменный шок

Собачьего болота».

Он кивнул.

Петрон рассказал Ори о Гибких: кто чем занят, кто куда подался, кто исчез.

— Самюэль свалил. Торгует барахлом в какой-то пошлой галерейке на Салакусских полях. — Он фыркнул. — Нельсон и Дровена по-прежнему в Шумных холмах. Там сейчас, конечно, все по-другому, ну, ты представляешь. Но мы выступаем везде, где можем, где собираются наши. В церквях, в залах собраний и прочих местах.

— И как же принимает Конвульсивных Новых народ?

Хождения в народ были краеугольным камнем второго Манифеста нувистов. В голосе Ори звучала насмешка.

— Замечательно, Ори. Просто замечательно.

Петрон рассказал, что, несмотря на запрет властей, рабочие военных заводов Дымной излучины и Большой петли провели подпольный конгресс профсоюзов, в котором участвовали и другие предприятия. Делегаты литейщиков, корабелов, красильщиков тайно встретились в Собачьем болоте, чтобы выработать совместные требования к Парламенту.

— От Союза тоже выступали, — сказал он, и Ори кивнул.

«Треп, треп и еще раз треп», — вертелось у него на языке, но он смолчал.

В бесцельных блужданиях по городу, которые Петрон именовал перестройкой городской структуры, они оказались у людного рынка на набережной канала в Пей-и-Пой, где внезапно услышали крик.

— Что это, боги, что это? — кричал кто-то, и толпа колыхалась то вперед, то назад: люди бежали поглядеть, что случилось, и тут же бросались назад, огибая прилавки с книгами и побрякушками.

Возле шлюза на земле билась в конвульсиях женщина. Ее юбки измазались в грязи, волосы, будто черви, шевелились от разрядов статического электричества, которое пропитывало воздух. Увидев ее, люди замирали, потом делали рывок, словно хотели броситься к ней, схватить и оттащить подальше, но, заметив что-то в воздухе, отшатывались.

Все началось с жидкого, тошнотворного тумана, багрового, как свежий синяк, — впечатление было такое, будто под кожей мира расползлась огромная гематома. Воздух свернулся, как прокисшее молоко, частицы материи сгустились из ниоткуда, комья протухшего эфира сложились в силуэт, из покрытой

струпьями пустоты и случайных теней возникло насекомое, которое покачивалось в пространстве, как марионетка на ниточке, то появляясь, то исчезая из виду, пока не стало ясно, что оно точно здесь: гнойного цвета, огромное, ростом с человека, с крючковатыми лапами. Это была оса с тонкой талией, широкой грудью, стеклянно блестевшей на свету, и торчавшим из брюшка жалом, которое сгибалось и разгибалось, точно манящий палец, источая жидкость.

Своим затейливым ртом оса почистила лапки, затем повертела уродливыми глазами-фасетками и уставилась на объятую ужасом толпу. Потом распрямила лапки одну за другой, вздрогнула и задвигалась, но не поползла, а качнулась вперед, как будто пошевелилась рука, державшая ее за нитку. Оса приближалась.

Женщина билась в припадке. Ее лицо почернело, дыхание остановилось. В передних рядах раздались хрипы, сипение. Упали еще двое. Мужчина и другая женщина колотились о землю, как эпилептики, брызгали блевотиной и слюной.

— Прочь с дороги!

Милиционеры. У ворот рынка. Они открыли огонь, звуки выстрелов стряхнули с толпы оцепенение, и люди с криком бросились врассыпную. Ори и Петрон пригнулись, но не побежали, а только отошли от чудища подальше и стали смотреть, как его расстреливает милиция.

Пули прошили его насквозь, раздался звон стекла и посуды. Женщина рядом с осой выхаркнула что-то и умерла. Оса дрыгала и сучила лапками в потоке налетавшего свинца, точно наживка в воде. Пули входили в жуткую плоть, оставляя на ней лишь рябь, некоторые вылетали с другой стороны, другие оставались внутри. Насекомое словно плясало в ружейном огне. Изо рта мертвой женщины текла черная жидкость, ее внутренности превратились в деготь.

Милицейский маг щелкнул пальцами и стал рисовать в воздухе таинственные знаки, от которых к осе тут же потянулись волокна плазмы, превращенные заклинаниями в сеть, но хищная тварь, все так же покачиваясь, прошла сквозь ее ячейки, скрылась на мгновение из виду, словно прикрытый веком глаз, потом полыхнул несвет — и тварь снова оказалась на месте, а сеть растаяла. Двое, ужаленные осой, лежали недвижно, а на лицах милиционеров появилась зловещая зеленоватая бледность, как от морской болезни.

И вдруг оса исчезла. Воздух очистился. В следующую секунду милиционеры начали оживать, и Ори взял себя в руки, но снова вскрикнул, когда призрак твари на миг опять возник перед ними,

напоминая раздутую вену, потом исчез, и так несколько раз, пока не пропал совсем.

— Это уже не в первый раз, — сказал Петрон; они бегом вернулись в «Загон», где теперь хлестали чай с ромом и сахаром, истосковавшись по теплу и сладостям.

— А ты про них слышал? Я сначала подумал, что это все глупые сплетни. Чепуха одна.

Видения отравляли вокруг себя атмосферу, и она убивала людей.

— Первое походило на личинку, — рассказывал Петрон, — в Галлмарче. Другое было деревом. А еще одно было кинжалом, и видели его, кажется, у Вороньих ворот.

— Про кинжал я слышал, — ответил Ори. Ему вспомнились странные заголовки в «Маяке». — А других не было? Швейной машины? Свечи не было?

— Проклятый Теш, верно? Это он воду мутит. Пора кончать с этой войной.

Неужели видения были оружием Теша? Каждое наверняка стоит бесчисленных психономов силы, особенно если вызывать их из Теша, а жертв выходит всего ничего. Так какой в них смысл?

— Да, но дело не только в этом, — сказал Петрон. — Не в одном количестве. Главное — влияние. На разум. На боевой дух.

На следующий день Ори услышал еще об одном видении — в Чабреце. Двое людей совокуплялись, стиснув друг друга в объятиях. Говорили, будто никто не видел их лиц. Они просто покачивались в воздухе, крутясь, как на бечевке, и двигали бедрами, вцепившись друг в друга руками. Когда они исчезли — а может, их прогнали, кто знает? — пятеро прохожих остались лежать на мостовой, извергнув из себя внутренности, превратившиеся в битум.

Когда Спиральный Джейкобс показался наконец в ночлежке, Ори не поверил своим глазам. Старик едва волочил ноги; кожа болталась на нем, как мешок.

— Всемогущие боги, — прошептал Ори, наливая ему суп. — Всемогущие боги, Джейкобс, что с тобой?

Бродяга взглянул на Ори, широко и красиво улыбаясь. Он его не узнавал.

— Где ты был? Так долго?

Джейкобс услышал вопрос и нахмурился. Он долго думал и наконец старательно выговорил:

— Вокзал потерянных снов.

За весь вечер он больше не сказал ничего осмысленного — то

бормотал вполголоса по-иностранному, то лепетал, как ребенок, улыбался, рисовал чернильные спиральки у себя на руках. Ночью, когда все захрапели, Ори пробрался туда, где Джейкобс сидел и разговаривал сам с собой. Обращаясь к нему, Ори видел лишь силуэт.

— Мы тебя потеряли, ведь так, Джейкобс? — начал он в смятении, едва сдерживая слезы. — Я не знаю, вернешься ты когда-нибудь или нет. Где ты был? А мне хотелось, так хотелось найти тебя, чтобы сказать спасибо за все. Ты меня не слышишь, ноя все равно скажу. Я должен сказать тебе все прямо сейчас, потому что, может быть, скоро я пойду туда и сделаю то, после чего я больше не увижу тебя, Джейкобс. И я хочу, чтобы ты знал… мы взяли твои деньги, твой подарок, и делаем с ним, что надо. Ты еще будешь нами гордиться. И Джек тоже гордился бы. Я обещаю. Что ты для меня сделал… о боги. — (Спиральный Джейкобс все бормотал и рисовал спиральки.) — Знать того, кто знал Джека. Получить его благословение. Вернешься ты или нет, Джейкобс, но ты всегда будешь частью этого. А когда все кончится и дело будет сделано, я позабочусь о том, чтобы весь город узнал твое имя. Если уцелею. Слово даю. Спасибо.

И Ори поцеловал морщинистый лоб, поразившись тому, как истончена старческая кожа.

В ту ночь луны не было, и газовые фонари Грисской пади потухли. В темноте кухню снова атаковали Дикобразы. Ори проснулся от выкриков «Сброд!» и стука метательных снарядов о деревянные ставни. Через щель в досках он разглядел нападавших. Они выстроились рядами; во мраке серели низко надвинутые котелки, тени от полей скрывали глаза, точно полумаски. Застегнутая на все пуговицы злоба заполнила улицу, под хлопчатобумажной тканью бугрились мускулы борцов, руки поправляли шляпы и затягивали потуже галстуки под белыми воротниками. Нападающие стряхивали с костюмов воображаемую пыль и помахивали дубинками.

Бродяги испугались, но ненадолго. Кто-то пришел им на помощь. Кто? Разношерстная Армия? Или смешанный отряд Союза? Ори не видел. Он слышал только выстрелы и крики, а потом Дикобразы дрогнули, повернулись и, словно стая одичавших клерков, бросились в битву.

Ладия и бродяги побежали кто куда. Ори кинулся было к Джейкобсу, но удивительно: старик спокойно и целеустремленно прошел мимо него, глядя прямо перед собой. Когда он миновал последних толпившихся у дверей бродяг, в конце улицы бушевала битва, из-за темноты казавшаяся лишь уродливой толчеей. Джейкобс повернул в другую сторону, к станции «Селитра» и

аркам надземки, уходившим на север.

Ори помешкал, думая, что в старом теле, наверное, совсем не осталось разума и говорить уже не с кем, но вдруг ему захотелось посмотреть, куда направится и что будет делать Джейкобс. В полной темноте ночного Нью-Кробюзона, не рассеиваемой огнями фонарей, Ори пошел следом за Спиральным Джейкобсом.

Он не следил за ним, как охотник за жертвой, а просто шагал чуть позади. При этом он старался ступать как можно тише, чтобы шелест его подошв эхом вторил шарканью старого нищего. Кроме них, на улице никого не было. По одну сторону тянулась изгородь из железа и дерева, по другую — влажная кирпичная стена. Спиральный Джейкобс то подскакивал на месте, то трусил вперед, мурлыча незнакомый мотив, потом вдруг вернулся на несколько шагов назад и кончиками пальцев, торчавшими из обрезанных перчаток, провел по шершавому железу, затем поскоблил ржавчину на нем. Ори подошел к нему сзади — почтительный и внимательный, словно ученик.

Бормоча что-то себе под нос, Спиральный Джейкобс белым от мела большим пальцем нарисовал знак, от которого получил свое прозвище, и на заборе возник поразительно совершенный математический символ. От него во все стороны полезли завитушки и сложились в замысловатый узор, по которому Джейкобс провел ладонью и пошел дальше.

Начался дождь. Ори вплотную подошел к оставленному Джейкобсом знаку: тот не расплывался от воды.

Мимо ободранной кирпичной арки станции «Селитра» и Дальше, к Мушиной стороне, туда, где еще горели газовые фонари и свет, отражаясь в сточных желобах, причудливо окрашивал желтизной стены и двери. Всю дорогу старик рисовал свои спирали. Однажды он расписался на оконном стекле, и масляная краска — или что это было — блеснула в свете лампы. Немощеная улица сомкнулась вокруг Ори и направила его вслед за полоумным наставником под кирпичную арку, за которой открылось широкое пространство, где иликтробарометрия брала верх над газом: зловещие красные и желтые лучи, замороженные и запертые в узловатых трубках.

Теперь они были не одни. Вокруг точно разыгрывался какой-то мрачный кошмар. Ори подивился тому, как незаметно пейзаж его родного города сменился адом.

Итак, по порядку. Громкий звук скрипок. Богачи, слоняющиеся по трущобам в компании изысканных шлюх, вываливаются из дверей питейных заведений и идут, совершенно пьяные, дальше, а бандиты, которые следят за ними, тянутся к

торчащим из карманов пистолетным рукояткам. К милицейской башне по надземке едет освещенный стручок вагона, гудит провод. Под вывесками — медлительными червячками огоньков в стеклянных трубках — живые картинки: одна нарисованная светом красногубая дама нехотя уступает место другой, со стаканом в руке, потом возвращается снова, и так без конца, в самозабвенном иллюминационном трансе. Отощавшие юнцы продают на углах самокрутки с дурью, милицейские патрули готовы к бою, от зеркальных забрал шлемов через улицу бьют отраженные лучи. Злоба, пустяковые пьяные драки, иногда стычки посерьезней.

К северу от моста Набоба, курсом на Речную шкуру. Окраиной Мушиной стороны, через пустыри и развалины. Тут Ори стал свидетелем конца какой-то жестокой драки и увидел толпу Дикобразов в костюмах; опрятные и зловещие, они шли старику и Ори навстречу, но пристали не к ним, а к студентам, которые со смехом гонялись за искрами магического света, непредсказуемыми, словно бабочки; раздался свист, и у ворот химического завода они увидели горящую жаровню, возле которой по очереди грелись пикетчики: толпа бастующих разрослась, ее пополнили сочувствующие с дубинками и вилами для защиты от Дикобразов, которые смерили их долгими взглядами, но, видя такое множество народу, прошли мимо.

Несмотря на поздний час, на панели просил милостыню исцарапанный кактенок с танцующей обезьяной. Его снисходительно-дружелюбно потрепал по макушке зеленый здоровяк, проходя мимо во главе целой банды — видимо, части Разношерстной Армии, которая охраняла порядок на страшных ночных улицах, притворяясь безоружной из-за близости милиции. Ксении едва заметно, с неким панибратским вызовом, кивнули члену Союза, тот просигналил что-то на языке немых другому прохожему, а когда мимо промчался напуганный милицейский патруль, нырнул в заброшенный мрачный проулок, где скорчились у костра наркоманы. И тут же, закричав, устремилась к земле и снова взлетела вирма.

Мимо проходили люди. Пахло выпивкой, дымом, наркотическим зельем, раздавались визг и вопли, похожие на птичьи крики.

Спиральный Джейкобс шел сквозь хаос, укрытый безумием, как щитом. Он останавливался, рисовал свои знаки, снова шел, останавливался, рисовал, шел по ощетинившейся шпилями старинной громаде моста Набоба, через Кинкен, обитель хеприйских богачей, аристократов и нуворишей, по площади Статуй, где стояли вылепленные из слюны фигуры причудливых

божеств. Обрывки хеприйских Разговоров накатывали волнами, наполняя воздух острым запахом химикатов.

Спиральный Джейкобс шел по узким улицам Старого Города, древнейшего из районов Нью-Кробюзона, изогнувшегося подковой меж топкими берегами двух рек, которые находились теперь в пределах мегаполиса. Все так же шаркая, бормоча себе под нос и рисуя спиральки на темных кирпичных стенах, он миновал Шек, район бакалейщиков и оплот Дикобразов. Ори вошел в Шек с опаской, но увидел не уличных бойцов в котелках, а нервных пузатых мужиков из комитета защиты, до смерти гордившихся собственной смелостью. Оттуда они вышли на окраину Каминного вертела, где стояли проститутки, с любопытством глазевшие на Ори. Спиральный Джейкобс нарисовал завиток — как раз между окном борделя с вывеской, обещавшей необычайные удовольствия, и линялым плакатом радикальной группировки, пытавшейся привлечь в свои ряды женщин, «занятых», как витиевато выразился автор, «в нестандартной сфере обслуживания».

Ворон, торговый центр города, пустовал. Лишь немногие забирались сюда в столь позднее время. Джейкобс и Ори миновали пассажи — сквозные проходы в домах, с двух сторон застроенные магазинами. Витрины пестрели мещанскими безделушками. Пассажи были украшены внутри причудливыми узорами из железных завитушек, которые старик ощупал с явным одобрением.

Потом Ори остановился, а Джейкобс пошел один к темному, в золотистых пятнах света сердцу Нью-Кробюзона. Замок, фабрика, город башен — так называли его одни; бог, сотворенный маньяком, помешавшемся на богостроительстве, утверждали другие. Это было не здание, но рукотворная гора, мешанина архитектурных стилей, дерзновенно соединенных в единое целое. Пять веток надземки выходили из пяти пастей этого чудовища, а может, наоборот, заканчивались в них, устремляясь внутрь, так что они, как хвосты крысиного короля, завязывались в узел и образовывали приютившее их здание. Вокзал потерянных снов. Нервный узел надземных дорог.

Спиральный Джейкобс вошел под арку рядом со Штырем, главной милицейской башней, и начал устраиваться на ночлег у порога храма из кирпича, бетона, дерева и металла, огромного и настолько заряженного электричеством, что он менял погоду вокруг себя и даже саму ночь.

Ори смотрел старику вслед. Вокзалу было все равно, что город кипит, что все уже не такое, как прежде. Ори повернулся к станции спиной, впервые за несколько часов обретя слух, и

услышал звуки борьбы и треск пожаров.

ГЛАВА 22

«Общий сбор, — гласило послание. — Немедленно». Ори нашел его приколотым к своей двери.

Отсутствовали только Торо и Старая Вешалка. Барон объяснял план.

— Не больше недели, — говорил он. — Столько у нас времени. По данным Бертольда. Нужно соблюдать осторожность. Это, — он нарисовал мелом квадрат, — комната наверху. Они будут там. Запомните: нападения никто не ждет, но справиться с клипейцами не так просто. Каждый из вас получит точные инструкции. Понятно? Запомните, как будете входить, что делать и как выходить обратно. И — все меня слышат? — не вздумайте отступать от плана, что бы ни случилось. Все поняли? Каждый делает то, что ему велено, а об остальном позаботятся другие.

«Значит, мы только одна из ячеек? — подумал Ори. — И есть другие, о которых мы не знаем?» Его товарищи беспокойно завозились.

Барон рисовал на плане новые и новые линии, повторяя инструкции до тех пор, пока они не слились в подобие мантры. Он говорил монотонно, как автомат.

Принесли новое оружие — винтовки, мушкетоны, огнеметы. Ори смотрел, как его товарищи чистят и смазывают их. Было видно, у кого дрожат руки. У него не дрожали.

С бесстрастной милицейской деловитостью Барон учил их занимать позицию, закрепляться на взятой территории. Они повторяли свои роли снова и снова, как будто репетировали пьесу. «Подход, поворот, шаг, шаг, подъем, захват, два, три, два офицера, два, три, шаг, поворот, наклон». Ори твердил свою инструкцию про себя. «Неужели у нас получится?»

— Возьмем неожиданностью, — вещал Барон. — У нас есть одно мгновение, единственная щелочка, чтобы просочиться внутрь. Им нечем будет нас удержать. И все-таки, Ори… — Он наклонился к юноше и без тени юмора, даже самого черного, сказал: — Не все из нас оттуда выйдут. Некоторым придется умереть.

Барон не выглядел напуганным. Похоже, ему было все равно, выйдет он или нет.

«Значит, и ты почуял?» — подумал Ори, имея в виду свою обособленность внутри банды. Он будто висел на тоненьком стебельке, который мог неожиданно оборваться. Ори до сих пор ощущал себя там, на незнакомых ночных улицах, бредущим вслед за Джейкобсом: он прощально машет старику, который

неустрашимо шагает через обезумевший, опасный, осквернённый город. Мысленно Ори был с ним.

Ори не волновался. И не боялся. Просто он перестал быть частью мира. За всем происходящим вокруг он наблюдал словно издалека. Даже нарастающие сомнения и те не трогали его.

Беспорядки продолжались. Глашатаи и мальчишки-газетчики неслись по теплеющей улице, далеко от своих обычных маршрутов, и выкрикивали газетные заголовки.

— Собрание в Собачьем болоте! — кричали они. — Парламенту предъявлены требования! Ксенийские банды! Союз подстрекает к мятежу!

Тороанцы сидели в доме, раньше принадлежавшем тем, кого пришлось убить. Они не обращали внимания ни на разносчиков новостей, ни на растущее возбуждение в городе.

Убираться давно перестали, комнаты сделались грязными и запущенными. Члены банды повесили на пояса кастеты; рога на них были заточены.

Судьи, даже верховные дожи, были гражданами города, такими же, как все: это подчеркивалось особо. Маски они носили только на работе, и то лишь ради анонимности правосудия. Поэтому любой дом в любой части города мог оказаться жилищем слуги закона. Дом на Плитняковом холме, по соседству с которым поселились члены банды, был элегантен, но ничем не примечателен.

Тем неуместнее выглядело прибытие большого количества гостей, собравшихся однажды ранним вечером, когда с юга доносилась стрельба: она стала в Нью-Кробюзоне настолько привычной и неотъемлемой от темноты, что милиционеры при ее звуках больше не бросались к своим дирижаблям. Поварам, горничным и лакеям дали выходной. Эти люди ничего не знали ни о профессии своего хозяина, ни о тех, кто ходит к нему в гости. Тем временем продолжали прибывать городские хлыщи и денди, одетые для спокойной домашней вечеринки. Явился даже один какт в шикарном костюме.

«Слуги, наверное, думают, что их хозяин устраивает оргии, — подумал Ори. — Что он интриган, греховодник и тайный наркоман». Гостями были милиционеры. Клипейцы. Они готовились к прибытию мэра.

Уллиам надел шлем, крепко затянул ремешок и вздохнул. Перед его глазами торчали два зеркала.

— Вот уж не думал, что придется надеть эту штуку снова, — сказал он.

— Я что-то не пойму, — приставал Енох к Ори. — Не пойму,

как я оттуда выйду.

— Нох, ты же слышал, как он сказал: через окно в буфетной, в сад и прочь.

«Ты не выйдешь оттуда».

— Да, да, знаю, я знаю. Только… Да, все правильно.

«Ты не выйдешь оттуда».

— Ты знаешь, когда наступит твоя очередь, Ори, — сказал ему тогда Барон.

И Ори ждал. Прислонившись к потрескавшейся штукатурке, он упирался лбом в тонкие ребра досок. «Шаг, шаг, закрепился, прицел, прицел, огонь».

— Ты понимаешь, что тебе нужно делать, Ори? Что от тебя требуется? — спрашивал его Барон.

«С чего вдруг такая… честь?» — удивился Ори. Почему именно его поставили на самый ответственный участок? Он был лучшим стрелком — после Барона, конечно, — и не надеялся выжить, но не убежал. Возможно, именно поэтому Торо принял такое решение. «Никто из нас не останется в живых, — думал Ори. — И все равно я сделал бы это хоть тысячу раз». Ничто не заставило бы его думать иначе.

— Ты знаешь, где должен быть я, и знаешь, где место Старой Вешалки. Кто-то должен прикрыть нас наверху, Ори.

«Ори, на позицию, — подумал он. — Ори, занять позицию».

Город тянул его книзу, как кандалы, Ори чувствовал его тяжесть. Он закрыл глаза. Ему показалось, будто он кожей чувствует шевеление тварей в стенах дома. Перед глазами Ори проходила вся его жизнь, до последнего мгновения. Ударил церковный колокол. В небе прокричал вирм. В Собачьем болоте продолжали сражаться его друзья.

Он услышал, как пришел и заходил внизу Старая Вешалка. Ори не поднял головы. Он слышал, как шагают ноги-стволы, как удивительно легко слоновые лапы кактa касаются пола. Немного погодя в реальности образовался прокол, потом прореха. Ори не оглянулся.

— Добрый вечер, босс, — сказал он.

Торо прибыл.

Между двумя и тремя часами пополуночи, когда небо стало темнее чернил каракатицы — так плотно облака закрыли звезды и неполную луну, — они начали.

Торо сотрясла нервическая дрожь, и он сказал:

— Заклинания охраны мигают.

Сулион, их осведомитель, оставил в замке ключ, перевернул

и натер колдовской солью один мощный охранный амулет, перерезал пучок проводов. Больше им ничего не было нужно.

Слушая шепот Торо, который сообщал обо всем, что улавливали его чувствительные к магическим колебаниям рога, Ори следил за продвижением членов банды.

Они уже вошли в соседний дом.

— У них есть эмпат, — сказал Торо. — Они знают, что мы внутри.

«Разумеется, у них есть чертов эмпат, — подумал Ори. — И эмпат, и шокер, и криомант, и кто угодно». Тут он остановился, чувствуя, как внутри него нарастает истерика.

Что-то его отвлекло. Какое-то ощущение. Шаги на лестнице? Прямо за стеной кто-то пробежал наверх, а остальные затопали вниз по ступенькам. «При первых признаках вторжения они раскалываются: внутренняя охрана идет к мэру, внешняя кидается на врага. Двигаются быстро, чтобы успеть вывести мэра».

Пока милиция спускается, Кит одолевает первый марш, поливая все подряд липким огнем из огнемета, и бежит дальше. За ним идут Руби и Енох с оружием и устраивают ловушки, в это время накатывается первая волна нападающих — им велено отвлечь противника, и телохранители бегут на шум, а Уллиам рассыпает под дверью порох, готовя взрыв. И наконец, вот оно — свидетельство их прорыва. Ори услышал стрельбу.

Он вспомнил, с какой смертоносной грацией двигались «гости»-милиционеры, понадеялся, что внезапность вторжения заставит их смешаться хотя бы ненадолго. На секунду он даже поверил, что банде удастся уйти.

Уллиам взорвал дверь. Значит, вся улица уже знает. Но время страшное, так что, может, соседи не скоро вмешаются. Кто-то из клипейцев наверняка отвлекся от основной работы, чтобы разобраться с новой угрозой. Первый этаж наверняка кишит людьми. И тут появится Барон.

Ори представил себе, как эффектно он появится. И с какой отвагой. И даже пожалел, что не увидит. Из окна второго этажа вылетит веревка с крюком и зацепится за подоконник в доме судьи. По ней, в новом шлеме и защитном жилете, проползет Барон и сбросит Старой Вешалке веревочную лестницу. В холле Барон привяжет свой заряд к перилам нижнего пролета и запалит длинный шнур. Потом, полив маслом лестницу и бросив спичку, чтобы запереть внизу как можно больше милиционеров, Барон издаст торжествующий рев и побежит наверх, а рядом — Вешалка с дискометом наперевес.

Внутренняя гвардия вышлет к лестнице разведывательный

отряд, и тут… о, Ори хорошо представлял себе изумление, которое они испытают при виде Барона, и решимость, с которой они кинутся на него. Он будет стрелять и пятиться, заманивая их. Как они поразятся, увидев нацеленные на них пистолеты, квадратные плечи, бронежилет и новый шлем, точную копию настоящего, со всеми заклепками-шрамами, шлем — голову быка.

— Торо! — завопят они. — Торо!

Или уже вопят?

Даже клипейцы испугаются, столкнувшись нос к носу Со знаменитым бандитом, изобретательным творцом столь многих смертей и мятежей. Придется им нападать. Ори плотнее прижал ухо к доскам, припорошенным остатками штукатурки. За ними шла какая-то возня.

— Они идут, — сказал Торо за его спиной. — Пора.

Ори услышал, как кто-то приближается бегом. Он достал свой многоствольный револьвер и отметил, что его руки нисколько не дрожат.

— Пора, ну же, — повторил Торо.

Ори знал: клипейские гвардейцы как раз должны пробегать мимо заложенного Бароном заряда, не видя ничего, кроме пожара внизу и фигуры быка, который бежит впереди них, отстреливаясь и мотая головой, так что рога со звоном ударяются о стены. Ори вспомнил, как он помог Барону застегнуть шлем.

— Что-нибудь видишь? — спросил он тогда, и Барон ответил:

— Достаточно, чтобы убивать.

Или умереть. Но Ори знал, что Барону все равно.

Старая Вешалка, как условлено, должен был расстрелять милиционеров-кактов из дискомета и только потом взяться за остальных; рядом с ним — настоящий снайпер, переодетый быком Барон. Вместе им следовало отвлекать милицию. Торо еще раз повторил, что время пришло.

Но оно еще не пришло, хотя могло прийти в любую секунду. Ори напрягся. «Шаг, еще шаг, два, три, быстро, быстро, еще шаг, огонь».

— Пора, — снова сказал Торо и на этот раз не ошибся.

Прогремел взрыв. Загудел, распространяясь, огонь, дождем посыпалась штукатурка, со стен вокруг Ори полетела пыль, с яростным грохотом заскакала по полу разная домашняя утварь: это заложенная Бароном бомба снесла лестницу, отрезав сражавшихся внизу от второго этажа. Комната, где ждал Ори, оказалась в изоляции.

— Пора, — сказал Торо, делая шаг.

И Ори, сунув за пояс пистолет, встал рядом с боссом, а тот весь подобрался, присел и вдруг с яростным ревом прянул вперед

и вонзил рога — нет, не в белый свет, как всегда, а самым что ни на есть обычным способом ударил ими в стену. Она тут же рухнула. Торо шагнул в пролом, Ори за ним, и вот они, белые от известки, обсыпанные кусками дранки, оказались в комнате соседнего дома, где на них с удивлением смотрели мужчина и женщина.

Спокойствие не изменило Ори. Время словно застыло. Движения его стали ленивыми. Он шел как сквозь воду.

В комнате тепло, повсюду картины и гобелены, богато украшенная мебель, камин, на кушетке женщина и мужчина, еще один, нет, двое мужчин стояли и смотрели на клубы извести, на дыру в стене, из которой вылезли Ори и Торо. Звучала музыка. Кто-то задвигался: человек в вечернем костюме легко, как кот, прыгнул к ним, так что взлетели фалды его фрака, и выбросил вперед трость, из которой выскочил похожий на стальной коготь клинок. Он был совсем рядом, и Ори, вскидывая свой пистолет, без всякого страха думал лишь о том, удастся ли вовремя поднять оружие и остановить нападающего.

Торо фыркнул. Наклонив голову, он боднул воздух и на расстоянии вонзил в телохранителя рога. Тот с двумя маленькими дырками в груди, обливаясь кровью, закрыл глаза и умер у ног Ори.

Ори задвигал пистолетом: шаг, шаг, прицел, один, два, угол, угол. Он услышал крик. Второй телохранитель, вскинув вверх руки, кричал:

— Сулион! Сулион!

Ори застрелил и его.

Осведомитель лежал на полу, из аккуратного отверстия в голове текла кровь. Мужчина и женщина сидели и совершенно спокойно смотрели на труп. Торо навел на них свой кургузый пистолет и взглянул на Ори белыми стекляшками глаз.

Разумеется, литая металлическая морда ничего не выражала. Никто не приказывал Ори убивать Сулиона. Он посмотрел на тело и не нашел своему поступку никаких оправданий. Что это было, паника? Или он сделал это нарочно?

За что он ему отомстил? Ори не знал. Он не дрожал, как и прежде.

Торо кивнул на дверь: «Сторожи». Ори переступил через труп Сулиона.

В конце коридора зияла рваными краями обугленная дыра. Внизу шел бой. Ори спросил себя, кто из его друзей еще жив. Подпитанный маслом огонь обвивал стены, как плющ. Через считаные минуты либо дом вспыхнет весь, либо милицейские маги залатают брешь, пробитую в нем бандитами.

— У нас мало времени, — сказал Ори. Он стоял рядом с Торо, напротив двух людей, которые все еще сидели у камина, и смотрел на них.

Из трубы вокситератора неслись звуки виолончели, прерываясь шипением, когда в воске оказывалась трещинка. Мужчине было за пятьдесят, он был широк в кости, мускулист, хотя и склонен к полноте, одет в шелковый халат. Лицо спокойное, умное. Он так пристально смотрел на Быка и Ори, что тот сразу понял: в его голове зреет план. Мужчина держал за руку женщину.

Его ровесница — так, по крайней мере, свидетельствовала история — отличалась абсолютно гладкой кожей. Волосы ее были белы, как пух. Лицо женщины Ори видел на сотнях гелиотипов. Она держала глиняную курительную трубку, тонкую, как пальцевая кость. Из чашечки еще шел пряный дым. На женщине была только шаль. Она не ежилась от страха, не хмурилась и не смотрела с вызовом. В ее взгляде было то же спокойствие исследователя, что и во взгляде ее любовника.

— Я вам заплачу, — сказала она без малейшей дрожи в голосе.

— Заткнись, — велел ей Торо. — Мэр Стем-Фулькер, пришла пора заткнуться.

Мэр Стем-Фулькер. Ори овладело любопытство. Не гнев, не отвращение и не жажда мести, а именно любопытство. Вот женщина, которая учинила бойню на «Парадоксе», из-за которой количество переделанных все росло и росло. Вот женщина, которая заключала тайные сделки с партией Дикобразов, так что погромы ксениев сходили им с рук. Вот женщина, которая в каждую официально разрешенную гильдию посадила своего информатора. Она возглавляла насквозь прогнившее правительство, при котором обнищание одних и казнокрадство других росли, как плесень. На ее совести была развязанная война. Мэр Элиза Стем-Фулькер, Госпожа Кробюзония, Матерь партии Жирного Солнца.

— Вы знаете, что живыми вам отсюда не выйти, — сказала она. Ее голос звучал ровно. Она даже подняла трубку, как будто собиралась еще покурить. — А я могу дать вам пропуск.

В голосе женщины не звучало надежды. Она посмотрела на своего любовника, и что-то промелькнуло меж ними. «Прощаются, — подумал Ори, и впервые за весь вечер что-то шевельнулось в его душе, какое-то сложное чувство, которое он не смог распознать. — Она знает».

— Заткнись, мэр.

Мэр и судья снова поглядели друг на друга. Элиза Стем-

Фулькер повернулась к Торо и, не выпуская руки мужчины, выпрямила спину, как будто хотела придать происходящему официальность, а затем действительно затянулась трубкой. Задержав дыхание, она на миг закрыла глаза, выпустила дым через нос и снова поглядела на Торо, и… «Боги, — подумал потрясенный Ори, — боги», — она улыбнулась.

— Ну и что ты творишь? — спросила она снисходительно, как добрая учительница. — А потом что будет, ты подумал? — Тут она поглядела прямо в лицо Торо, опять улыбнулась, сделала еще затяжку, задержала дыхание, насмешливо склонила набок голову и приподняла бровь. — А?

И тут Торо выстрелил в упор.

Когда пуля вошла в тело женщины, ее любовник подпрыгнул и с силой прикусил губу, но не сумел промолчать, — писк, похожий на кошачье мяуканье, вырвался из его груди и перешел в стон. Мужчина сидел и держал свою возлюбленную за руку, а та истекала кровью, запрокинув голову. Табачный дым струйкой выходил из ее раскрытого рта, а пороховой дым серной пуповиной на мгновение соединил ее голову с рукой Торо. Судья держал ее руку, чуть не плача, но потом справился с собой и заставил себя взглянуть на Торо.

Ори стоял, словно оглушенный, но в нем уже назревало сознание того, что они сделали дело и остались в живых. Мысль о том, что еще не поздно спастись, сверлила его неотступно. «Так идем же».

— Следи за ним, — сказал Торо, и Ори поднял пистолет. Торо принялся расстегивать ремни, которые удерживали тяжелый железный шлем. Ори не верил своим глазам: Торо снимал маску! — Не спускай с него глаз.

Во второй раз, без приспособлений, которые делали его таким раскатистым, голос Торо, казалось, дрожал, напоминая человеческий.

Что-то изменилось в комнате, когда Торо приподнял металлическую штуковину и, разорвав магический поток, снял ее с себя, как водолаз снимает свой тяжелый медный шлем. По плечам рассыпались мокрые от пота женские волосы.

Взгляд Ори был направлен на женщину, а его револьвер — на судью. Он уже давно перестал чему-нибудь удивляться.

Торо, разумеется, была переделанной. Она повернула голову — вся высохшая от прожитых лет и обид, превративших ее в Торо. Лицо было застывшим и голодным, как у зверя. На Ори она не смотрела. Сев на скамеечку для ног напротив судьи, она отложила свой рогатый шлем.

Над бровями у нее были приделаны две детские ручонки, которые вяло шевелились, играя влажными волосами.

— Когда шлем был надет, руки вытягивались и прятались в рога. Сейчас они покачивались перед лицом женщины, точно паучьи лапки.

Женщина села, закрыла глаза, вытянула руки, и ручки у нее на лбу тоже вытянулись. Несколько мгновений она молчала.

— Легус, — сказала она. — Я знаю, сейчас у тебя горе, но мне надо, чтобы ты выслушал меня.

Теперь Ори ясно различал в ее речи юго-западный акцент. Она пальцем показала на глаза судьи, потом на свои собственные — мол, смотри на меня — и слегка ткнула его пистолетом в живот.

— Я расскажу тебе свою историю. Мне надо, чтобы ты понял, почему я здесь, — (Тело мэра издало негромкий чавкающий звук: кровь или газы. Покойница сосредоточенно смотрела в потолок.) — Я все тебе расскажу. Может быть, ты и так уже понял. Но все равно слушай. Не так-то легко было разузнать твое подлинное имя — что вполне понятно, — но все же возможно. Для этого существует черный рынок имен. Но, если это тебя утешит, твое и там нашлось не сразу, судья Легус. Я долго искала. Из тюрьмы я вышла десять лет назад. По-тамошнему — прошла калибровку. А какие слухи там ходят… На каждого судью есть свое досье. Составленное из сплетен. Наркотики, мальчики, девочки, шантаж. Не все, конечно, правда. «Легус, — говорили мне. — Легус — хитрая сволочь. Ты знаешь, что он трахает министра внутренних дел?» Ее тогдашняя должность. — Женщина кивнула на остывающую Стем-Фулькер. — Это повторяли все. От каждого человека, которому я доверяла, в тюрьме и за ее стенами я слышала одно и то же. Знаешь, как долго я к этому шла, Легус? — Его истинного имени она не называла. — Готовилась. За один шлем сколько пришлось биться.

Детские ручки погладили ее лоб.

— Я сама себя сделала; я готовилась к этому долгие годы. Точнее говоря, Легус, меня сделал ты. Помнишь?

— Больше двадцати лет прошло. Помнишь высоченные старые башни в Корабельной пустоши? Конечно помнишь. Там я жила. И там убила мою девочку. Помнишь, судья? Мою дорогую Сесиль. Она все плакала и плакала, и я тоже, а потом я взяла ее на руки и, может быть, встряхнула ее слишком сильно, чтобы она успокоилась, — не знаю. Помню только, что, когда я пришла в себя, малышка не дышала. Тогда я завернула ее, прижала к себе, чтобы согреть, и понесла к лекарю, который принимал бесплатно

каждый синьдень, но, разумеется, напрасно. А потом был ты. — Она подалась вперед. — Теперь вспомнил?

Нет. Из тысяч людей, отправленных им на переделку, разве можно было запомнить одну женщину? Ори следил за Легусом. Торо протянула руку и с бессознательной родительской нежностью, играя, погладила детские пальчики.

— Ты сказал, это чтобы я не забыла. Я не забыла.

Она снова наклонилась вперед, и ручки Сесиль протянулись к судье Легусу, державшему мертвую руку мэра. Донесся шум: кто-то пытался ворваться в занятый ими дом. Торо достала кастет.

— Ее день рождения был две недели назад, — произнесла женщина. — Теперь она старше, чем была я, когда родила ее. Моя малышка.

Она встала и приставила дуло пистолета к виску Легуса. Тот стиснул руку Стем-Фулькер и приоткрыл рот, но ничего не сказал.

— Это тебе за меня, — сказала она. — За мужчин, из которых ты понаделал машин, и за женщин, которых ты превратил в чудовищ. В танки, в девочек-улиток, в рогатых лошадей и в промышленные механизмы. И за всех тех, кого ты запер в клозетах, называемых тюрьмами. И за тех, кто пустился в бега, чтобы ты их не нашел. И за меня, и за мою Сесиль, — да, ее смерть на моей совести, я это помню. Но из-за тебя она не упокоилась с миром. Девочка моя. Так что это и за нее тоже.

Она приставила ствол пистолета к голове судьи и ударила его рогатым кастетом сначала раз, потом еще и еще. Хот крякнул, рыгнул кровью, страшно изменился в лице и поднял руку, словно ища чего-то, — он не пытался прикрыться от ударов, а стиснул кисть своей умершей возлюбленной так сильно, что вывихнул ей пальцы. Судья не в силах был сдерживать криков боли и выхаркивал кровь на свой халат, пока Торо наносила один страшный удар за другим, целя шипами то в сердце, то в живот, — а над всей этой бойней ручки ее дочери играли с волосами умирающего судьи.

Ори неподвижно стоял, наблюдая за ней, и еще долго не мог пошевелиться. Он ждал, что предпримет Торо — эта маленькая женщина с выговором южных кварталов, не простившая обид. Прошла минута, две, а она ничего не предпринимала, только сидела, опустив голову, в луже крови, и тогда Ори заговорил.

— Идем, — сказал Ори; за дверью послышались шаги. — Нам пора.

Женщина все же обернулась к нему, хотя сначала ему показалось, что она так и будет сидеть, не шевелясь. Взглянув на

него, словно спросонья, она потрясла головой, будто услышала незнакомый язык. По ее глазам и молчанию он понял: она свое дело сделала и никуда не пойдет.

— И, и… — Гордость или самоуважение не позволяли Ори просить и мямлить, и потому он заговорил лишь тогда, когда убедился, что голос его не подведет. — И это был единственный способ, да? Использовать нас?

«Руби, Уллиам, Кит, все, кто дерется сейчас там, внизу, разве без них нельзя было обойтись? Без Барона и Старой Вешалки, черт возьми? Одни боги знают, сколько народу погибнет сейчас из-за тебя», — думал он.

Она кивнула на коченеющего мэра.

— Мы сделали то, к чему они стремились. То, ради чего они пришли сюда.

— Да.

«Да, но разница все равно есть. Это оказалось лишь прикрытием, а ты пришла сюда с другой целью, и это все меняет. Но меняет ли? Мы что, не победили?»

Средних лет женщина из юго-западных рабочих кварталов Нью-Кробюзона сидела в компании двух окровавленных трупов. Перед ней, неловко сжимая в руке пистолет, стоял юноша из Собачьего болота и прислушивался к шагам врагов. Все сделалось другим.

— Я хочу уйти, — сказал Ори, трясясь так, словно вся тревога, которую он долго подавлял, вдруг забурлила в нем. Он снова почувствовал, что у него появилось желание, впервые за много дней. И это было желание жить.

— Так иди.

Сквозь дыру в стене, через которую они вошли в комнату, он слышал стук — это выносили кувалдами дверь их пустого дома, и звуки отдавались на лестнице.

— Ты меня убила!

— Бога ради, Ори, иди.

Она пинком подкатила к нему шлем. Тот дернулся и закачался на рогах. Ори посмотрел на шлем, на женщину, опять на шлем и поднял его.

— Колдовская защита снята. Иди.

Шлем был очень тяжелым.

— Я не знаю, как им пользоваться. Что делать?

— Рванись вперед. Просто рванись вперед.

Крики милиции слышались все ближе.

— Ты отдаешь свой шлем мне?

Она хотела сказать: «Иди», но из нее вырвалось не слово, а животный вопль, полный боли. Ори попятился и поглядел на

покрытых липкой жижей мертвецов, в чьем обществе она оставалась, слишком усталая даже для того, чтобы гладить пальчики собственного ребенка.

— Зря ты это сделала, — сказал он. — Не надо было нас использовать. Ты нас подставила. Ты не имела права. — Ори поднял маску и покачнулся под ее весом. Собственный голос внушал ему отвращение. — Ты убила их. Может, и меня тоже. Но… работать с тобой было для меня честью.

Ори услышал скрежет крюков. Это милиционеры карабкались по веревкам и выкрикивали имя мэра.

— Ты не должна была так поступать. Но я рад, что ты… получила то, что хотела. Все надо было сделать по-другому, но и мы тоже получили то, что хотели.

Ори опустил шлем себе на голову и попытался отдать честь на военный манер, но Торо на него даже не смотрела.

Как только шлем сел на место, сразу стало легче. Внутри он оказался мягким, точно был обит сукном. У Ори не замечалось способностей к волшебству, но даже он сразу почувствовал, что окружающее его голову железо буквально пронизано магическими импульсами. Стеклянные глаза, сквозь которые он глядел, освещали комнату, добавляя четкости предметам; крепко затянув ремни и застегнув пряжки под мышками, Ори ощутил приток силы.

Он вдохнул. В шею словно воткнулись сотни крохотных иголочек; пальцы впились в железо. Жертвенная кровь для придания железу силы. «Как я это сделаю?» — хотел было закричать он. Но металлический выступ скользнул ему в рот, и Ори попытался то ли вытолкнуть его, то ли откусить, чувствуя, что на железе еще не высохла женская слюна. Собственный голос гудел в его ушах.

«Рванись вперед». Ори встал, как делала она, оттолкнулся налитыми новой силой ногами, едва не упал вперед, зашатался, обрел равновесие, попробовал вновь. Уткнувшись кончиками рогов в стену, он напрягся изо всех сил, но только вогнал острия в дерево. К двери бежали люди. «Рванись вперед», — сказала она. А в какую сторону?

Страстное желание жить накатило с такой силой, что Все мысли Ори устремились к тому, о чем он никогда не вспоминал без особой нужды: к дому, к его маленькой комнатке. Думая о ней, он сфокусировал свою мысль и снова ринулся вперед, стиснув зубы и крепко зажмурившись, и тут же почувствовал, как его страстное желание перетекает в два выступа там, где рога касались лба. Тогда он рванулся снова, ощутил какую-то преграду и тут же услышал приятный треск, словно рвалась плотная

вощеная бумага. Ори выдохнул, и воздух сначала отступил, а потом, как покрытая масляной пленкой вода, стал втягивать его в себя.

Ори застыл на краю маленькой дыры в бытии, которая вызывала у него омерзение, и вселенная напряглась. Впереди его ждала кромешная тьма. Он извернулся так, что рога оставались в дыре, и попытался поймать взгляд женщины, которую гладили по щекам детские ручки. Та не глядела на него. И на трупы убитых ею людей — тоже.

Милиция была у дверей. Ори оттолкнулся и весь отдался движению, которое увлекло его в сделанную им прореху, прочь из комнаты, где тихо плакала самая знаменитая преступница эпохи и коченела правительница всего Нью-Кробюзона, и на миг, на очень долгий миг оказался в утробе времени, в складке вселенной, ослабев телом настолько, что со дна души мутной струей забил страх: а вдруг сил хватит лишь на то, чтобы пробить внешнюю оболочку реальности и скользнуть, подобно личинке, в раствор между мгновениями, между кирпичиками бытия, но вынырнуть обратно он не сможет и останется вечным пленником измерений, мелкой соринкой в изменчивом пространстве — времени? Что тогда?

Но движение продолжалось, и много, много времени спустя, через секунду после первого треска Ори услышал второй; оболочка универсума снова раздвинулась, теперь с другой стороны, и выплюнула его, точно щепку. Он упал на землю, мокрый от переливчатой крови мира, — его неумелый прорыв нанес травму реальности, — но влага тут же испарилась, сверкнув на мгновение радугой, и Ори, ошалевший от полета и снова сухой, оказался один в грязном переулке.

Некоторое время он лежал, тихо поскуливая, пока не унялась дурнота, похожая на приступ морской болезни, и силы вновь не вернулись к нему.

Он понятия не имел, где оказался. Голова кружилась. Шлем Торо превращал его в легкую мишень. «Скоро я отдохну», — думал он, как в тумане. Голова болела, особенно в том месте, где основания рогов касались лба. Ори прорвался, но не туда, куда хотел.

Ему было холодно, но не это беспокоило его сейчас. Бредя по лабиринту проулков, он споткнулся, поднял голову и увидел линию, пересекавшую его путь: черные, как ночь, арки, внутрь которых не мог заглянуть даже глаз Торо, кирпичные опоры и спинной хребет надземной дороги. А за ними, подсвеченные снизу софитами газовых фонарей, желтели Ребра. Значит, он в Костяном городе.

Несколько часов Ори спал, а проснувшись, увидел, что небо посерело. Он снял шлем и едва не потерял сознание, так что пришлось залезть в какое-то углубление внутри арки и там отдышаться. Тишина угнетала его. Издалека доносились отдельные звуки, так что казалось, будто город шепчет, но кирпичи, к которым прислонился Ори, молчали, не передавая вибраций. Поезда в Нью-Кробюзоне обычно ходят всю ночь, но сегодня не было ни одного.

Ори сделал из куртки мешок для шлема, пистолет сунул в карман и заковылял к Ребрам.

Воздух был душным и тугим, как проволока. «Что происходит?» Не могла весть о случившемся разлететься так быстро, он в это не верил. Воодушевление внезапно покинуло его и уступило место дурному предчувствию. «Что случилось?»

Улицы были пугающе безлюдны, редкие прохожие шли, опустив головы. Миновав крытые варом дома у Ребер, Ори двинулся на юг, оставляя кирпичные опоры надземки по левую руку, проковылял через Сантер и уже готовился свернуть на Ржавый мост, ведущий на Темную сторону, а оттуда податься в Сириак, как вдруг увидел огни и услышал барабанную дробь вместе со звуками рожков. Слишком громко для раннего утра.

Шум нарастал; Ори чувствовал приближение шока, его трясло, шлем давил своей тяжестью. На юге, у подножия холма Высокий Шипр, протянулась улица с цветочными и сувенирными лавками, над крышами которой должны были ходить поезда. Там была развилка: ветка от Правой линии уходила в сторону Паутинного дерева, а потом резко поворачивала на восток и шла через реку, в Собачье болото. У развилки дорога была перегорожена.

Ори моргал так долго, что слезы навернулись ему на глаза, пока в свете костров он разглядывал грубую преграду, пытаясь понять, что это такое. В теплых отблесках пламени казалось, будто посреди города внезапно выросла возвышенность. На ее вершине двигались люди.

— Стой! — раздался чей-то крик.

Ори продолжал идти, не понимая, что обращаются к нему.

Преграда оказалась баррикадой из плит и булыжников мостовой, телег, дымовых труб, старых дверей и перевернутых прилавков. Тонны городского сора пошли на сооружение небольшого горного кряжа, кордона из мусора футов десяти высотой, утыканного флагами. В одном месте из баррикады торчала мраморная рука.

— Стой, придурок! — (Раздался выстрел, отколов кусок

бетона.) — Куда идешь, дружище?

Ори высоко поднял руки и подошел ближе, помахивая ими в знак приветствия.

— Что случилось? Что происходит? — прокричал он, и на баррикаде засвистели. «Что это, какой-нибудь козел из Мафатона возвращается из отпуска?»

— Парень, где ты был? Там что — ни газет, ни киосков, ни глашатаев? — крикнул в ответ часовой. Свет падал на него сзади, и потому Ори видел лишь черный человеческий силуэт. — Вали домой.

— Это мой дом. Я живу в Сириаке. Что случилось? Сколько же я был между… Это все из-за нее, да? Вы уже слышали? Про мэра?

Им снова овладело возбуждение. Причем с такой силой, что он не мог говорить. «Может, я несколько дней там плавал, — подумал он. — Что случилось, пока меня не было? Неужели у нас получилось? Это произошло. Они проснулись. Это мы разбудили их. Боги!».

— Гром вас разрази, хаверим, пустите меня! Расскажите же, что случилось? — Позабыв про холод и усталость, он выпрямился, и желтые отблески костра лизали его фигуру. — Это случилось… Как давно она умерла?

— Кто?

— Мэр, конечно.

Ори наморщил лоб. Вокруг снова закричали: «Померла? Сука сдохла? А это что за дурак, псих какой-то, нашли кому верить…»

— Не знаю, о чем ты, приятель. Но, по-моему, тебе пора идти.

И Ори услышал звук взводимого затвора.

— Но что…

— Слушай, друг, за тебя кто-нибудь может поручиться? Потому что без этого мы никого не впускаем и не выпускаем. Ты на ничейной земле, а это не самое безопасное место. Так что сваливай подобру-поздорову в Старый Город или называй имя. Назови свое имя, и мы выясним, кто ты.

Из-за баррикады высунулись еще головы; теперь часовой был уже не один. За его спиной возникла целая банда вооруженных людей и не только людей, между развевающимися флагами показались ружейные дула.

— Здесь ты на пороге, приятель, — продолжил тот, — так что выбирай, на чьей ты стороне. И мы сюда не вчера пришли. В городе уже давно две власти, парень. Так что у тебя было время подумать. Теперь ты либо с севером, — (бандиты гримасами выразили свое неодобрение), — где все по-старому, либо с нами, с Паутинным деревом, Эховой трясиной и драным Собачьим

болотом, в будущем, то есть здесь. Иди сюда, только медленно, и руки не опускай. Дай-ка разглядеть тебя, дурень. — Это было сказано почти добродушно; пролетела и разбилась бутылка. — Подойди-ка поближе. Добро пожаловать на Свободные Территории, дружок. Добро пожаловать в нью-кробюзонский Коллектив.

ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ
пЯтНо

ГЛАВА 23

— Жаль только, что мы бежим от них.

— Ты же слышал. И знаешь, как обстоит дело. Нам надо соблюдать осторожность. Они вооружены и хотят нас извести.

— Но если мы должны от них убегать, то почему тогда в сторону города? Там ведь еще опаснее.

— Нет, вовсе нет. Тут ведь какая задумка? Мы предупреждаем о своем приходе заранее. Наше возвращение все меняет. Так что, когда мы туда доберемся, нас уже будут ждать. И это будет совсем другой город.

После очередного круга Каттер и его собеседник, подустав, прислонились к стенке вагона-танцзала. Путешествие было невеселым, и ночь за ночью граждане Совета разгоняли тоску, отплясывая под импровизированные ритмы.

Не обошлось, конечно, без смертей: кто-то оступался и ломал себе шею, кто-то становился жертвой вирусов и бактерий или хищников внутренней части континента — зверей, которые внезапно выпускали когти, зубы или щупальца и убивали. Дрогон, охотившийся вместе с отрядом Совета, возвращался с головами странных хищников, новыми Ранами и историями. «Вот этот временами впадает в спячку, мы поймали его, когда он застыл, и я проколол ему сердце. А этот видит зубами».

Каттер наблюдал новые магические приемы, которым обучился Железный Совет. От милиции они не спасали.

Но поезд осложнял преследователям жизнь, взрывая за собой мосты и засыпая выемки камнями. Там, где прошел Совет, Иуда расставлял голем-ловушки и настраивал их так, чтобы те сработали при подходе большого отряда. Ловушек делалось много, и они поглощали силы Иуды. Каттер представлял, как фигуры големов вдруг вырастают из склонов холмов, из поваленных деревьев или из струй ручья, повсюду, где расставил свои ловушки Иуда. И каждым управляет один простой и неискоренимый приказ: «Убивай». Словно сама земля в сердце континента утратила первозданную дикость и, подчинившись порядку, вступилась за беглецов, обрушивая град ударов на милицию.

Если, конечно, милиция заберется так далеко, в чем Каттер не сомневался. Многие погибнут, но немало останется в живых. Раз уж они высадились и напали на след Железного Совета, то даже самые мощные големы Иуды не заставят их отступить. Сначала они нагонят заблудившихся, тех, кто отстал от поезда. Железный Совет надеялся на край какотопического пятна. Там он

рассчитывал скрыться от преследования.

— Вот уж не думал, что увижу это снова, — сказал Иуда.

Они стояли на скале и вглядывались в дорогу, испещренную движущимися точками: мужчины и женщины, кто верхом на вьючных мулах, а кто и пешком, спешили на помощь землекопам.

«А что, если Совет в пути переменит свое решение? — думал Каттер. — Что, если на полдороге большинство раздумает и решит вернуться?»

Ну вот. Солнце было у них сзади. Его лучи постепенно зеленели, как будто, садясь, оно покрывалось патиной. В этом нездоровом свете Совет смотрел на северо-восток, где лежало какотопическое пятно. Они шли к нему сотни миль, путь занял недели, и вот они наконец здесь, на его краю.

При виде пятна Каттер побледнел.

— Курабин, — позвал он, — открой нам секрет. Что оно такое? Что в нем происходит?

В воздухе раздался звук какого-то поспешного движения, и голос монаха ответил:

— Есть такие секреты, о которых я ничего не хочу знать.

Впереди лежал Вихревой поток. Ландшафт, искореженный неведомой дурной энергией, то и дело взрывающийся новыми формами, до ужаса щедрый на обличья. Одна перспектива сменяет другую. «То, что мы видим, — это не то, что он есть, — думал Каттер. — Это лишь одно представление о нем. Лишь один способ его бытия».

Даже там, на самом краю какотопических земель, пейзаж лишь наполовину походил на реальный — вторая половина напоминала дурной сон. Все здесь было шиворот-навыворот: каменные рога соседствовали с деревьями, похожими на каменные рога, в лесах из грибов и папоротников с человека ростом прятались карликовые сосны, а вдалеке, на отмелях речной дельты, небо словно застряло в расщелине между двумя слишком высокими выступами. Каттер не замечал никакого движения. Не-пространство тянулось до самого горизонта. Чтобы его миновать, надо было пройти много миль.

Каттер не мог понять, на самом деле он видит холмы или это какие-то мошки мелькают у него перед глазами: он знал, что такого не может быть, но невозможность сфокусировать взгляд ужасно раздражала. Что это там, вдалеке, лес? Который тянется на много миль? Или не лес, а яма для варки гудрона? А может, вовсе не яма, а море костей, или стена, украшенная решетчатой углеродной мозаикой, или струп величиной с город?

Он не мог понять. Он видел гору, но гора тут же обретала

новую форму, и снег на ее вершине окрашивался в Цвет, совсем не характерный для снега, и вообще это уже не снег, а что-то живое и экзотически-мрачное. Удаленное нечто протягивало усики размером с дерево к приближающейся тьме. В небе зажглись огни, засияли звезды, пролетели птицы, взошли луны, две или три, которые оказались брюшками огромных летучих светлячков, а потом все исчезло.

— Смысл всего этого непостижим для меня. — Голос Курабина был страшен. — Есть вещи, которых Момент Скрытого и Утраченного не знает или боится открывать.

Пейзаж Вихревого потока изобиловал намеками, страстями и жизнью; звероскалы там охотились, «как всякий нормальный гранит», невозможное сплошь и рядом становилось возможным. Каких только историй они не наслушались: и о дереве-таракане, и о гибридах мух и духов, и о насекомых-рептилиях, и о тварях, похожих на деревья, и о деревьях, превращающихся в дыры во времени. Уразуметь все это Каттер был не в силах. Его глаза и мозг работали, силясь охватить все.

— Как им это удалось? Проехать сквозь все это?

— Насквозь никто не ехал, — сказал Иуда. — Это невозможно. Не забывай. Рельсы клали по самому краю. В одном шаге от самого жуткого.

— В одном шаге от смерти, — сказал Каттер, и Иуда склонил голову. — А что за твари там живут?

— Сосчитать невозможно. Каждая — единственная в своем роде. По-моему, там есть… там есть шанны, червеки на окраинах…

— То есть там, куда мы идем.

— Да, именно там.

На окраине какотопической зоны они проведут недели три. Три педели они будут прокладывать рельсы настолько близко к зараженной местности, насколько хватит смелости. За пять сотен лет, прошедших с того момента, как земля болезненно содрогнулась и извергла Вихревой поток из своего чрева, кто-нибудь наверняка проходил здесь. По крайней мере, Каттер знал историю крылатого человека по имени Калли; доходили до него и другие россказни о приключениях внутри пятна.

— Должен быть другой путь, — говорил он.

Но нет, все твердили, что другого пути нет.

— *Это единственный способ уберечься от милиции*, — шептал Дрогон. — *Единственный способ наверняка оторваться от преследователей. Дальше границы они не пойдут. У них приказ: в зону ни при каких условиях не заходить. И вообще*, — он зашептал

чаще и другим тоном, — *так они — я имею в виду Совет — нашли путь. Проход в другую часть континента. А знаешь, как долго это пытались сделать до них? Найти проход? Через дымный камень, горы, болота, холмы? Так что не надо ничего менять. Другого пути может не быть.*

Несколько миль были уже пройдены, когда Иуда исчез в арьергарде поезда и вернулся, измученный. Каттер стал кричать, чтобы тот не смел больше уходить в одиночку, но Иуда лишь улыбнулся в ответ, словно святой.

Укрытые ветками, лежали рельсы. Разведчики и землекопы соединяли их один за другим, и состав полз по краю пятна. Каттер залез на поезд, чтобы его обдувал ветерок. За паровозом бежали одомашненные демоны движения — дети и правнуки тех, первых, которые глотали ритм и кусали колеса. Маленькие бесплотные существа были напуганы. Каттер наблюдал за ними.

Он следил за скалами и деревьями, он слышал блеяние невидимых животных за грохотом машин и стуком колес. Вспыхивали драки из-за того, чья очередь спать в вагонах. Лагерь землекопов напоминал палаточный городок, в котором палатки стояли кругами — для безопасности. Но и это не спасало от воздействия какотопического пятна.

Воду выдавали по норме, и каждый день команды под предводительством лозоходцев-водяных отправлялись на поиски годных для питья источников; они всегда уходили на юг, подальше от Вихревого потока и от опасности. И все равно почти каждый день кто-то возвращался, оборванный и заикающийся, и приносил вещи того, кто сбился с пути, или тело того, кто подвергся изменениям. По ночам Поток протягивал свои пальцы и за пределы пятна.

— С ней все было хорошо, пока мы не собрались домой! — кричал охотник, сжимая переделанную женщину.

Ее безостановочно била такая частая и крупная дрожь, что вокруг конечностей и головы образовались и затем уплотнились нимбы, так что женщина стала тихо вскрикивающим комком полужидкой плоти.

— Тенефагия, — говорили люди, указывая на перепуганного до смерти мальчика, который светился так ярко, что полость его открытого рта была такой же светлой и хорошо видной, как волосы на голове.

Кое-кто, вернувшись, таял прямо на глазах — с такой скоростью пожирали его хищные черви. На пути Железного Совета попадались следы: узкие глубокие дырки, оставленные королевским морским ежом, и странные следы червеков — кучки истолченной в порошок земли на расстоянии четырех-пяти ярдов

друг от друга.

Некоторых пострадавших от Вихревого потока или диких зверей спасли и выхаживали в санатории — бывшем телячьем вагоне. Остальных похоронили: по традиции их закапывали перед путями. Однажды те, кто рыл могилу, наткнулись на кости кого-то из своих предков, погибшего в этих же местах, на пути к другому краю континента. Почтительно извинившись за беспокойство, рядом со старым покойником положили нового.

— Это неправильно, — ярился Каттер. — Скольких еще он заберет? Сколько будет погибших?

— Каттер, Каттер, успокойся, — сказала Анн-Гари. — Да, это ужасно. Но если мы остановимся и встретим милицию лицом к лицу, мы все умрем. И еще, Каттер… на пути туда погибло куда больше народу. Гораздо больше. Так что на этот раз мы совсем неплохо справляемся. Вечный поезд излучает безопасность. Он зачарован.

С каждым днем на обшивке паровоза появлялось все больше и больше звериных голов. Он превратился в нелепый памятник удачной охоте.

Встречая Дрогона, Каттер каждый раз замечал, что мастер шепота пребывает в постоянном изумлении. Охота доставляла ему удовольствие даже здесь, в дурных землях, и, куда бы Совет ни направился, он всюду пристально всматривался в утесы и расщелины, по которым пролегал путь, выслеживая малейшее движение в какотопической зоне. Он запоминал каждую мелочь, надеясь понять аномалию. Это был один способ существовать внутри Пятна. Но Каттер предпочитал другой: просто жить в надежде, что все это скоро закончится.

Вместе с командами собирателей Каттер ходил на поиски съестного, угля, торфа, всего, что могло гореть. Вместе с товарищами он ходил искать воду.

Главный лозоходец вынырнул из цистерны на колесах — специального вагона для водяных. Звали его Шухен. Он был хмурый и молчаливый, как, по слухам, и полагается водяному. Каттеру это нравилось. Его собственные цинизм, резкость и вспыльчивость располагали его к желчным и раздражительным водяным.

Всю дорогу Шухен покачивался в наполненном водой мешке, приспособленном под седло, а один из команды развлекал спутников рассказами о расколе между фракциями Железного Совета, не знающими, куда направиться дальше. Фракций было четыре: бывшие мятежники, циники, молодежь и пугливые старики. По его словам, неуверенность в правильности

выбранного пути нарастала.

Шух распластывал свои большие ладони и нюхал землю, похлопывая по ней и прислушиваясь. Через три часа они пришли. Чистая вода вытекала из скал и собиралась в водоеме между корней, почти не затронутых влиянием Вихревого потока, так что Каттеру даже показалось, будто он снова в Строевом лесу. Каждый раз при мысли об этом его долго не покидало чувство утраты.

Они наполнили свои бурдюки, но потом наступила ночь; стемнело так быстро, словно на небо накинули одеяло, и пришлось спешно разбивать лагерь. Костер разводить не стали.

— Слишком близко от зоны, — сказал Шух.

Прижавшись друг к другу, чтобы спастись от жестокого холода камней, двое переделанных попросили Каттера и его товарищей рассказать о Нью-Кробюзоне.

— Рудгуттер умер? Туда ему и дорога. Этот ублюдок мэрствовал с незапамятных времен. А кто теперь вместо него? *Стем-Фулькер?* Боги, смилуйтесь над нами.

Перемены в городе поразили их.

— Милиция патрулирует улицы в открытую? В форме? Что же у вас случилось?

Помрой коротко рассказал о Войне конструктов, о штурме городской свалки, о ходивших после этого слухах. История показалась невероятной даже Каттеру, который хорошо помнил эти события. А уж поверить в рукохватов, о которых поведал им Каттер, переделанные и вовсе отказались.

— Говорят вам, один из них за нами гнался, — возмутился он. — Несколько лет назад в городе прокатились мятежи. Тогда Стем-Фулькер заявила, что им удалось, как бы это сказать, установить контакт и что рукохватов неправильно понимали.

Рукохваты, смертоносные руки, вечный ужас человечества, были, по мнению одних, настоящими руками, отрезанными у трупов, другие считали их сбежавшими из преисподней демонами, но, так или иначе, они внедрялись в мозг жертвы и превращали его тело в совершенное орудие.

Стем-Фулькер тогда сказала, что приговоренным к смерти все равно суждено умереть, а город нуждается в помощи рукохватов и не сделать очевидных выводов будет глупой сентиментальностью. И разумеется, все станет происходить под жестким контролем.

Эти слова вызвали такое возмущение, что начался новый, неудачный Рукохватный мятеж. Люди уже собирали лодки, чтобы переправиться через Большой Вар к Парламенту, когда их атаковали те, от кого они защищались: мужчины и женщины внезапно поднимались над людьми и плевали в них огнем — это

и были рукохваты-воины, завладевшие телами осужденных.

Каттер говорил допоздна. Он очень боялся превратиться в мутанта.

— Что, если Поток и тут до нас доберется? — то и дело повторял он, а переделанные его утешали, каждый на свой манер. Один говорил, что двум смертям не бывать, а одной не миновать, второй утверждал, что зона далеко и все будет в порядке.

В ту ночь на них напали.

Каттера разбудил треск, словно кто-то рвал над его ухом полотно. Открыв глаза, он увидел серую луну и чье-то склоненное над ним лицо. Сначала ему показалось, что это сон, но послышались выстрелы. И Каттер мигом выполз из-под чудовищной хари, с любопытством склонившейся над ним.

Когда нахлынула волна страха, он уже покинул палатку и несся прочь, думая: «Где все остальные, что случилось, что делать?» Вырвавшись наружу, он яснее разглядел, что происходит, и наконец затормозил, изо всех сил стараясь сохранить равновесие.

Отряд стал собираться вокруг него. Люди бежали, стреляли, кто-то завизжал так, что Каттер тоже вскрикнул. Он Увидел, как зашевелились обрывки его палатки, когда тварь разорвала ее на куски и замахала клочками, точно крыльями. Он увидел, как что-то двигается, изгибая длинное тело наподобие петли. Тут же земля содрогнулась, словно на нее швырнули что-то тяжелое, и еще раз, и еще. Удары сыпались со всех сторон.

— Червеки! — крикнула Элси. — Червеки!

Тварь отшвырнула клочья палатки прочь, ветер поймал и завертел их, и тут, словно в дешевом балагане, из центра смерча появился некто жестокий и голодный, который пришел за Каттером и чуял его сквозь вощеную ткань. В вихре обрывков явился хищник. Человек-личинка. Корамит. *Homo raptorgeometridae*. Пяденица. Червек.

Каттер застыл столбом. Тварь плотоядно скалилась на него и быстро продвигалась вперед, изгибаясь и выпрямляясь. Каттер плохо улавливал ее движения.

Существо выглядело как человеческий торс, который вырастал, казалось, прямо из земли и был выше Каттера. Он заканчивался головой, по размеру вдвое больше человеческой. Тощие костлявые руки волочились по земле, пальцы сжимались и разжимались, хватая воздух. Почти человеческий рот не закрывался из-за длинных черных зубов, острых, как гвозди. Глаз не было заметно — только две впадины в глубоких тенях между

наплывами сморщенной кожи: если чудовище видело, то оно смотрело из темноты. Оно повернулось и, запрокинув лысую голову, стало принюхиваться, старательно открывая и закрывая зубастый рот. А потом оно сменило позу, и Каттер увидел его заднюю часть.

Это было омерзительное кольчатое тело колоссальной гусеницы, утыканное пучками волос, тускло-серое, в ярких предупреждающих пятнах. Многочисленные сфинктеры на нем сокращались и расслаблялись. Мужской торс плавно переходил в переднюю часть тела гусеницы, кости таза облекались личиночной плотью.

Двигался червек так. Спереди, под длинным торсом, находился пучок извивающихся ног, и еще две-три пары коротких ложноножек подпирали хвост. Изогнув свою заднюю часть огромной дугой, червек упирался ложноножками в твердую землю, откидывал торс назад и рывком поднимался, выпрямив кольчатое тело так, что человеческое туловище неуверенно закачалось в воздухе, а потом снова опустилось на упругие передние ноги.

Червек опять принюхался, опять выгнулся, подобрался и прянул вверх и опустился еще ближе, перемещаясь наподобие гусеницы, как бы измеряя пространство землемерной цепью. Каттер выстрелил и побежал. Тварь задвигалась быстрее. Люди пытались отбиваться. Оказалось, что гусениц несколько — в разных углах лагеря. Послышались ржание мула и крик.

В ярком лунном свете Каттер увидел другого червека: прижав огромной лапой к земле содрогающегося мула, он чавкал, а по его морде и груди стекала кровь, из-за темноты казавшаяся черной. Жевать как следует ему мешали зубы.

Один из нападающих издал рев, похожий на треск иликтрического разряда. Другие, распялив рты-пещеры, стали вторить ему.

Мулы и карликовые верблюды завизжали. Шух выстрелил. Заряд картечи снес червеку кусок черепа и расплескал мозги, но тот даже не упал, слишком тупой или выносливый, чтобы умереть. Вместо этого он качнулся вперед, схватил кого-то костлявой лапой и укусил. Человек закричал, но быстро умолк, когда червек разорвал его на части.

Шух выпустил заряд горящего какодила;[10] едкий состав облепил все тело гусеницы, которая неспешно принялась хлопать по себе руками. Потом чудовище снова издало все тот же гортанный рев, поднялось на задние конечности и превратилось в горящий факел, осветивший все вокруг.

Они были окружены тварями — на площадке в горах, у края

каньона, склон которого покрывали мелкие сыпучие камни, делавшие спуск невозможным. Каттер прижался спиной к скале и стрелял. Кто-то кричал. Иуда бормотал что-то себе под нос.

Крайний червек защелкал клыкастой пастью. Его голова разлетелась вдребезги, мозги и кровь забрызгали других тварей. Помрой перезарядил дымящийся гранатострел.

Каттер увидел, как следы колдуна из Железного Совета покрываются зеленью — это прорастали споры магического мха. Колдун заворчал, и сеть зеленых пятен испещрила шкуру одного червечеловека, а мшистый покров забил ему рот и глаза. Тот попятился, рыгнул и копями попытался сорвать бархатистый налет, но только пустил себе кровь.

Затем стрелки пустили в ход чакри — толстые диски с острыми краями или стрелы с серповидными наконечниками. Червеки обливались густой кровью, но не отступали. Иуда вышел вперед, его лицо искажала почти священная ярость. Он коснулся земли, и скрюченные пальцы свела судорога.

Секунду ничего не происходило, а потом червеки закувыркались на вздымающейся земле, которая начала принимать форму гигантского человека под воздействием магии, вмешавшейся в жизнь камней и скал. Вдруг в воздухе что-то щелкнуло, и все остановилось. Иуда пошатнулся и с размаху сел на камни, а земля встала на место. Человеческих очертаний больше не было видно.

Каттер закричал. Иуда держался руками за голову. Червека отделял от него один шаг.

Но Помрой со своим клинком оказался на месте. С сумасшедшей храбростью обреченного он ударил червека в человеческий живот, а Элси завизжала.

Помрой был очень силен. Мощь первого удара была такова, что червек на миг остановился, а Помрой, потеряв клинок, отступил и прикрыл собой Иуду, который съежился и посмотрел вверх как раз тогда, когда червек схватил Помроя. Гигантской ладонью тварь закрыла лицо человека и потащила его за голову с бессознательной жестокостью младенца.

Каттер услышал, как затрещала шея Помроя, как снова завопила Элси. Червек молотил мертвым телом из стороны в сторону. Иуда снова согнулся, вызывая из земли голема. На этот раз тот вышел полностью. Голем затопал ногами, осыпаясь при этом, и двинулся на ближайшее чудовище. Могучий удар подбросил гигантскую гусеницу в воздух. Ее задняя часть изогнулась, и она рухнула на землю, взорвавшись, как пакет с водой.

Элси рыдала. Приближался другой ползун. Иуда пошевелил

пальцами, голем обернулся и пошел к ним. Каттер мог поклясться, что это порождение земли имеет походку Иуды. Остановившись перед Советом, он разорвал на части еще одну пяденицу.

Червеки ненадолго замешкались, но стрельба не прекращалась, и они решили отступить перед могучим големом. Двое кубарем скатились по неровному осыпающемуся склону. Третий не на жизнь, а на смерть сцепился с големом, и они катались по земле, разбрызгивая грязь и кровь, пока не подкатились к краю каньона и не свалились вниз.

Иуда опустился на колени рядом с Помроем, а члены Совета побежали помогать товарищам. Каттер, трясясь, заглянул через край обрыва. Он увидел двух червеков, которые спускались по почти отвесному склону. На каменистом дне лежали тела двоих упавших и окровавленная груда земли, оставшаяся от голема.

Каттер подошел к Помрою и стиснул мертвого друга в объятиях. Потом обнял Элси, которая завыла и запричитала у него на груди. Иуду как обухом по голове ударили. Каттер схватил его свободной рукой и притянул к себе; так они и стояли все вместе. Элси плакала, трое мужчин держали тело Помроя, и Каттер чувствовал, как оно холодеет.

— Что случилось? — зашептал он в ухо Иуде. — Что произошло? Ты… с тобой все в порядке? Ты споткнулся… и Пом…

— Умер за меня. — Голос Иуды был абсолютно спокоен. — Да.

— Что случилось?

— Случилось… Только не здесь. Я не ожидал. Где-то далеко сработала голем-ловушка. Я экономлю химикаты и батареи, поэтому голем питался прямо от меня, а я не фокусировался на нем. Меня тряхнуло, и я упал.

Иуда закрыл глаза и опустил голову. Потом поцеловал лицо Помроя.

— Сработала ловушка, которую я поставил на нашем пути, — сказал он. — Ее привела в действие милиция. Произошел обвал. Они нас догоняют.

ГЛАВА 24

На побережье в сотнях миль от них (так сказал Иуда) ихтинео, один из экспериментальных Нью-кробюзонских ихтискафов, должен был пристать к земле. Чудовищная рыба выползет из океана, ее плавники превратятся в лапы-обрубки, и она затопает по суше, а когда они сломаются под ее тяжестью, огромная переделанная рыба ляжет на землю и содрогнется. Так должно было произойти.

Биомаги раздули помесь акулы и кита до размеров собора: чешуйки на ее коже оказались не ближе друг к другу, чем пузырьки ветрянки, между ними варикозными венами торчали узлы труб, таких толстых, что по ним мог проползти человек, плавники с небольшую лодку величиной легко ходили на смазанных шарнирах, из спинных труб валил белый дым. Пасть рыбы-парохода (по словам Иуды) раскроется со стальным скрежетом, а когда нижняя челюсть, словно подъемный мост, ляжет на землю, из нее выйдут нью-кробюзонские милиционеры с оружием в руках и пустятся на поиски Железного Совета.

— Нам было непросто, когда мы проходили здесь в первый раз. Мы обнаружили, что плутаем, пробовали уйти от пятна, но тропа изгибалась и возвращала нас в прямо в сердцевину Вихревого потока, где небо напоминало зубы или кишки. Многих мы тогда потеряли, — сказал человек.

Он был когда-то, давным-давно, переделанным из Собачьего болота. У него отняли обе руки, приставив вместо левой скопище птичьих лап, соединенных в области когтей, а вместо правой — толстый змеиный хвост. В Железном Совете он стал поэтом, чем-то вроде скальда, и внешняя простота его исполнения была наигранной: сложная, привлекающая внимание система пропуска слогов была лишь пародией на неуклюжие стихи новичка. Это было что-то вроде баллады, сложенной в память о тех, кто погиб от червеков.

— Многих мы потеряли. Они подходили к стеклу и просто исчезали, холм становился костью, потом грудой костей, потом снова холмом. Мы нашли проходы в этой ничейной земле.

Во всем Бас-Лаге не было ученого, который знал бы о Вихревом потоке и какотопической зоне больше, чем Железный Совет.

— И вот мы вернулись, земля пошатнулась, и Поток сделал то, что сделал. Часть рельсов пропала иль штопором стала, в землю зарылась, в каменных ящериц обратилась. Но осталось

довольно, нам хватит, чтоб выйти. Выйти туда, где между Нью-Кробюзоном и нами лягут равнины, и только. Сотни миль и недель, а может, и лун, но не лет, как когда-то.

На далеком западе милиция Нью-Кробюзона взяла их след.

Червеки приходили еще. На этот раз они напали на поезд; атаку отбили, но дорогой ценой. Волоча хвосты и выгибая тела, огромные гусеницы обступили состав и даже попробовали вгрызться в него: на металле остались следы твердых, как кремень, зубов и едкой слюны. Немало членов Совета погибло, прогоняя их. Являлись и другие твари: призрачные тени-псы, обезьяны с голосами гиен, поросшие листьями и травой.

Земля отторгала Совет. Рельеф менялся в ускоренном ритме, тектонические разломы возникали с невиданной быстротой, словно время сорвалось с цепи. Почва медленно ползла под ногами. Местами внезапно наваливался нестерпимый холод и мерзлота выдавливала из земли рельсы. Местами каменные стены сдвигались и подкрадывались ползучие холмы.

Рельсы клали на едва выровненную землю, шпаты укладывали через одну, любые, только бы проехать. Сделанная на скорую руку дорога существовала, лишь пока по ней шел поезд, а потом снова исчезала. На строительстве работали переделанные и молодое поколение Совета, никогда не видевшее родины предков. Когда путь лежал через обширную трясину, болото пожирало рельсы и шпалы.

Время от времени Каттер бросал лопату или молот, поднимал голову и видел гримасы какотопического пятна невдалеке: путаницу неба и земли, лицо ребенка, лиственный взрыв, зверя, застывшего в нерешительности между холмами и облаками. «Теперь мы его даже не замечаем», — изумленно соображал он и встряхивал головой. Небо было безоблачным, но на них сыпал мелкий дождь. «К какой только дикой чуши не привыкает человек», — подумал Каттер.

Когда все поняли, что милиция идет следом, пришло спокойствие.

— У пятна они остановятся, — сказал Иуда, но Каттер понимал, что он сам в это больше не верит; из окна поезда он делал гелиотипические снимки быстро меняющегося ландшафта и созданных Потоком существ, которые были не насекомыми и не ящерицами, не птицами и не металлическими шипами, но всем понемножку.

Иуда притих, замкнулся в себе. Однажды ночью он пришел к Каттеру и позволил младшему товарищу любить себя, что тот сделал поспешно, не скрывая нежности. Иуда улыбнулся,

поцеловал его и потрепал по щеке, но, боги, не как любовник, а как святой.

Большую часть своего времени Иуда проводил в вагоне-лаборатории, битком набитом колдовским хламом. Он заводил свой вокситератор, снова и снова слушал песни копьеруков. Каттер заглядывал в его записные книжки. Они были исписаны от и до: музыкальная партитура, изрезанная цветными полосами, знаками вопроса и паузы. Иуда бормотал какие-то напевы.

Однажды в сумерках Каттер увидел Иуду на краю поезда. Тот шепотом пропел что-то, хлопая себя по щеке од ной ладонью, а пальцами другой выщелкивая отрывистый ритм. Вокруг его головы застыла пыль, горсть мелкого мусора, мошки и комары, которых не колыхал даже ветер: полная и противоестественная неподвижность овладела ими. Но тут поезд дрогнул и прокатился несколько футов, и облако обездвиженных насекомых скрылось из виду.

Вирмы Совета летали на разведку в поисках края зоны Не все, конечно, возвращались: некоторые исчезали в складках пространства, или внезапно забывали, как летать, или окостеневали, или превращались в детенышей либо спутанные мотки веревки. Но большинство находило дорогу назад, и вот однажды, проведя несколько дней над чужой землей, где чудовищное мешалось с заурядным, они вернулись и сообщили, что не так далеко зона заканчивается.

Последний отрезок пути проложили вдоль тропы, которую землевидцы назвали мигрирующей, заверив, что она сдвинется с места и собьет преследователей с толку. Покрытый свежими головами хищников, паровоз втащил исцарапанные вагоны вверх по склону. Каттер понял, что забыл, как выглядит земля, не тронутая Вихревым потоком.

Состав забрался на гребень холма: впереди путейцы укладывали последние шпалы и рельсы, позади снимали стальную колею, по которой прошел поезд. Каттер увидел нанесенные ветром отложения дымного камня. Это странное место поражало динамичностью очертаний, но в нем не было патологической плодовитости раковой опухоли, присущей какотопической зоне.

— О боги мои, — услышал Каттер свой голос.

Не сговариваясь, все как один испустили приветственный крик, исполненный чистого восторга.

— О боги мои, клянусь Джаббером, мы выбрались, трах божий, выбрались!

Они пошли вдоль полоски скал, отделявшей область Потока

от здоровой земли. По ней, укладывая рельсы на плоский дымный камень, они вернулись на нормальную землю.

Вечный поезд шел через долину дымных камней. Когда-то ветер взвихрил жидкую массу, превратив ее в огромные кучевые облака, и теперь их плоские, похожие на наковальни верхушки служили отличной опорой для дороги, хотя рабочие нервничали и торопились, боясь внезапного разжижения.

— Где-то под ними земля, по которой мы прошли на пути туда, — сказал Иуда.

Каньон, прорубленный тогда, давно скрыли новые напластования камня.

Каттер, Иуда и Толстоног шагали под защитой толстого облака по самому краю пятна.

— Многие наши боятся, — ответил Толстоног. — Жизнь вышла из-под контроля. Такое чувство, будто мы уже не вольны выбирать, что нам делать.

Теплый ветер подхватывал и уносил его слова.

— Иногда так и есть, — отозвался Иуда. — Иногда история решает за нас. Остается только надеяться, что она сделает правильный выбор. Гляди, гляди, вон там, не оно?

Они нашли то, что искали: заросшую плющом вертикальную каменную стену, на вершине которой щетинились кусты. Почва здесь выглядела иначе, чем в других местах: было заметно, что ее когда-то долбили и взрывали. Под двадцатилетней растительной порослью угадывалось ложе дороги.

— Вот здесь мы и прошли, — сказал Иуда, — в первый раз.

Встав рядом с окаменевшим облаком, он потянул за какой-то стебель, и Каттер понял, что это не растение, а кость: высохшая кисть руки с болтавшимися кое-где кусочками выбеленной временем кожи.

— Не успел, — объяснил Иуда.

Там был замурован человек, застигнутый каменным приливом. Каттер смотрел во все глаза. Вокруг кости было кольцо воздуха, углубление, оставшееся на месте мяса. Его, должно быть, съели личинки и бактерии, образовав внутри камня пустоту в форме человеческого тела. Каверна, оссуарий в виде фигуры человека. А в нем — остатки костей и костной муки.

— Кто-то из наших, а может, милиционер. Не помню уже. А ты, Толстоног? Есть и другие. Тут их много. Тела внутри камня.

Они вскарабкались на вершину. Железный Совет полз вперед, вокруг него звенели молоты, в облаках дыма из его труб, как листья на ветру, кружили вирмы. Каттер наблюдал за движением поезда, внезапно ощутив, насколько необычны его очертания,

кирпичные и каменные надстройки, веревочные мосты между вагонами, сады на платформах и печные трубы посреди состава, дымившие не хуже паровозных.

А на востоке из камня торчали ржавые ружья милицейского образца.

В прилегавших к пятну землях, которые простирались до самого Нью-Кробюзона, стояла степная осень. Пассажиры Совета внимательно смотрели на озера, леса и холмы, а потом на свои карты. Они не могли поверить, что все это взаправду.

Снова пошли в дело карты, сохранившиеся с тех времен, когда Железный Совет был поездом ТЖТ. Вечный поезд еще не покинул бежевое пятно с поперечной черной штриховкой, означавшей малоизученные территории, но чем дальше к востоку, тем яснее становился рисунок: пунктир редколесья, акварельная гладь болот, четкие контуры гор.

— Это была уже не та дикая земля, по которой прокладывали железную дорогу, но подступы к городу. Совет мог прочертить по этой карте свой маршрут.

Они проверяли и перепроверяли. Это было настоящее откровение, которое впечатлило и ошеломило всех.

— За тем длинным озером. Толстоморск останется на юге. Нам надо обойти его и как можно скорее добраться до северного берега. Мы принесем в Нью-Кробюзон свою справедливость.

Даже сознание того, что их преследует милиция, не пугало.

— Они пошли за нами даже по краю пятна, — рассказывал Каттеру Иуда. — И привели в действие ловушку, которую я поставил в зоне.

Ни один милицейский отряд еще не заходил так далеко. А эти, должно быть, поняли, что Совет возвращается, и решили выполнить свою задачу до конца.

— Мы подойдем близко к горам, — (Хребет длиной в полтысячи миль простирался до самого Нью-Кробюзона, и до него было еще несколько дней пути. Но очертания кряжа уже показались на горизонте.) — Мы их обойдем; проведем поезд через предгорья. И на Нью-Кробюзон.

Идти оставалось несколько месяцев, но время шло быстро. Разведчики отправлялись узнать, где нужно поставить мост, навести переправу или осушить трясину, а где понадобится вмешательство тоннелестроителей и геомагов. Пульс истории забился чаще.

Мастер шепота Дрогон сиял, делясь с Каттером своими восторгами: они прорвались, дошли, почти добрались до Дома!

— Это нужно занести на бумагу, — шептал он. — Записать.

Такое еще никогда никому не удавалось, хотя многие пробовали. Конечно, до конца пути еще далеко, и земля впереди плохо нам знакома, но теперь мы точно доедем.

Иуда сидел на крыше вагона и разглядывал внезапно ставший привычным пейзаж.

— Это небезопасно, совсем небезопасно, — твердил он Каттеру.

Иуда много времени проводил один, слушая свой вокситератор.

— Каттер, Иуда, — обратилась к ним Элси, — нам надо вернуться в Нью-Кробюзон.

После смерти Помроя ее почти не было слышно. Элси обрела спокойствие, которое позволяло ей жить, замкнувшись в одиночестве.

— Мы не знаем, что там происходит; мы не знаем, как там дела. Надо сообщить им, что мы близко. Это может поколебать равновесие. Изменить ход вещей.

Впереди был еще долгий путь и много препятствий.

— Она права, — шепнул каждому из них Дрогон. — Надо все узнать.

— Не думаю, что в этом есть смысл, — сказал Иуда. — Но мы пойдем, когда настанет время. Пойдем и приготовим им радушную встречу.

— Но мы же не знаем, что там…

— Нет. Но это и неважно.

— О чем ты, Иуда?

— Неважно.

— *Ну, что ж, если он не хочет идти, то и не надо. Я пойду один*, — зашептал Дрогон. — *Я вернусь в город, поверьте.*

— Нас все равно найдут, — сказала Элси. — Даже если мы отклонимся на юг, в Толстоморске о нас, скорее всего, услышат.

— Как будто Совет не разберется с обыкновенными людишками из какого-то Толстоморска, — фыркнул Каттер, но она перебила его:

— А если нас найдет Толстоморск, то и Нью-Кробюзон тоже. И придется иметь дело со всеми сразу. С теми, кто идет за нами сейчас, и с теми, кто найдет нас позже.

Один из вагонов вечного поезда изменялся. Все уже решили, что вышли из окрестностей Вихревого потока без особых потерь, не считая больных жуткими болезнями в вагоне-лазарете и умирающих. Но, очевидно, не все миазмы пятна действовали

мгновенно. Когда какотопическая саркома навалилась на товарный вагон, в нем находились трое. Состав трясся по высокогорным лугам, между альпийских трав и тычущих в небо каменных пальцев. Однажды утром, когда все кругом припорошил мелкий, как пыль, снежок и укладчикам приходилось дышать себе на пальцы, прежде чем взяться за молот, дверь вагона заело. Те, кто остался внутри, могли лишь кричать сквозь щели в деревянной обшивке.

Вагон стали рубить, но топоры отскакивали от него, даже не оцарапав, и пассажиры Совета поняли, что это последний привет от зоны. Те, кто был внутри, уже устали и стихли.

За ночь их голоса стали вялыми и апатичными. На следующий день вагон начал менять форму, превращаясь в подобие вытянутой луковицы; деревянные стенки растягивались, а люди внутри издавали звуки, похожие на пение китов. Постепенно вагон стал просвечивать, и сквозь него можно было разглядеть силуэты, колышущиеся, точно в воде. Доски, гвозди, древесное волокно делались сначала молочно-белыми, потом прозрачными, в то время как вагон оплывал, свешиваясь с краев платформы, а его пленники, теперь совершено умиротворенные, лениво двигались в сгустившемся воздухе. Бутылки и банки, выплывшие из кладовых, утратили форму и вращались комками грязи.

Вагон превратился в огромную перегородчатую клетку, три ядра которой, все еще смахивавшие на людей, плавали в цитоплазме. Глядя сквозь стенки на своих товарищей, они махали им короткими ручками-жгутиками. Были такие, кто хотел отцепить этот курьез от поезда: пусть, мол, катится куда глаза глядят и живет или умирает согласно своей новой природе. Но другие возразили: «Там наши сестры» — и не позволили. Состав продолжал путь, толстая амебоподобная тварь колыхалась с каждым толчком поезда, ее обитатели улыбались.

— Что это, во имя Джаббера, такое? — спросил Каттер у Курабина.

— Во имя Джаббера, ничего. Не знаю. Есть вещи, за которые я не хочу себя продавать. И вообще, бывают секреты без смысла и вопросы без ответов. Это просто то, что ты видишь.

Через две недели после выхода из какотопической зоны они впервые за двадцать лет повстречали восточных поселенцев. Из-за холмов вынырнула небольшая группа бродяг — банда беспределов, человек двадцать — тридцать. Впрочем, в разношерстной компании были водяной-переделанный — редкая птица — и женщины, превращенные в промышленные машины

или игрушки.

С настороженной вежливостью они приблизились к поезду.

— Мы повстречали ваших разведчиков, — сказала их предводительница. Ее усовершенствовали, вживив ей в тело кнуты; она все смотрела и смотрела, и Каттер не сразу понял, что взгляд ее полон благоговейного трепета. — Они сказали, вы близко.

Переделанные Совета наблюдали за ней и ее бандитами.

— Все меняется, — сообщила переделанная в тот вечер на импровизированном пиру. — Что-то творится в городе. Его кто-то осаждает. Наверное, Теш. И внутри тоже что-то не так.

Но бродяги слишком далеко ушли и слишком долго пробыли вдали от породившего их города, чтобы знать подробности. Нью-Кробюзон был для них почти такой же легендой, как и для Железного Совета.

С Советом они не пошли: поклялись ему в вечной дружбе и вернулись к своей разбойной скитальческой жизни в горах, — но следующая группа переделанных, которых встретил Совет, присоединилась к нему. Каттер видел, что они пришли оказать уважение, поклониться самопровозглашенному городу переделанных и затем остались в нем как его полноправные граждане, члены Совета. Добравшись до северного берега озера, которое должно было прикрыть их от воинов из Толстоморска, Совет впервые повстречал переделанных, специально вышедших на их поиски.

Новость, должно быть, обгоняла состав: оседлые жители и странники несли ее неведомыми тропами.

Каттеру они представлялись инфекцией. Нити сплетен, фиброма, связавшая воедино весь Рохаги. «Железный Совет возвращается! Железный Совет здесь!»

В Совете царствовал раскол. Всеобщий порыв был таков, что о повороте назад и думать не приходилось. Но чем меньше оставалось до громадного города, тем сильнее волновались и нерешительнее становились старейшины.

— Мы знаем, что это такое, — твердили они. — Мы знаем, что нас там ждет.

И тем увереннее в своей миссии становились их дети. Никогда не видевшие города жаждали обрушить на него свою кару. Что это было? Возмездие? Гнев? Может быть, акт правосудия?

Эти молодые люди, хотя и не имели избыточной силы своих родителей, возглавили дело укладки путей и энергично, с энтузиазмом размахивали молотами. Переделанные Работали бок о бок с ними, но теперь всем заправляли не они.

Анн-Гари изменилась. Она сияла, став настойчивой и требуя продвигаться быстрее. Она забиралась на каменистые отложения, с грацией дикарки карабкалась на придорожный холм или ветку дерева и махала руками поезду, словно дирижер, повелевающий симфонией пара.

Внезапно все стало происходить очень быстро: рабочие прокладывали путь, разведчики сообщали то об ущелье, то о ручье впереди. Нью-кробюзонские традиции железнодорожного строительства сочетались с хитростями Запада: деревянные мосты через пропасти закрепляли при помощи прочных лиан, а вместо каменных опор использовали сгущенный цвет, который выдерживал тяжесть поезда, пока на него светило солнце.

— Там война! — сообщил один беспредел. — Теш обещал прекратить свои атаки, а они все продолжаются. Говорят, что Нью-Кробюзон выдвинул двух представителей с разными требованиями. У города больше нет единого голоса.

«Раз беспределы здесь знают, что мы идем, — думал Каттер, — не может быть, чтобы в Нью-Кробюзоне о нас не слышали. Слухи бегут быстро. Где же мы встретимся?»

Раз в два-три дня Иуда испытывал мучительный спазм, когда идущая по их следу милиция приводила в действие очередную ловушку. Каждая, наверное, уносила жизни нескольких солдат, но через некоторое время новый спазм подтверждал, что погибли не все. В минуты слабости Иуда пытался вычислить, докуда добрались преследователи.

— Они там, — сказал он однажды. — Я узнал последнюю ловушку. Они точно внутри пятна. Не могу поверить, что они туда полезли. Должно быть, им до смерти надо нас догнать.

На что похож голем, созданный из материи Вихревого потока? Гнетущий сгусток вещества, одушевляемый нежизнью?

Орда землекопов и путейцев повернула на северо-восток, и, хотя рельсы и шпалы они унесли с собой, остался нестираемый след: металлические детали, разбросанные по земле, шрам от рельсов. Небо остыло, и в потемневшем воздухе стал виден горный массив, возвышавшийся в нескольких лигах к северу. Сыпал мелкий темный дождь.

Здесь, примерно в трехстах милях к западу от остатков Нью-Кробюзонской железной дороги, им встретились беглецы. Не беспределы, а обычные граждане: мокрые до нитки, они, толкаясь, высыпали из тумана в миле перед поездом и распростерлись ниц перед урчащим механизмом, точно пилигримы перед святыней. Они и поведали Анн-Гари, Иуде и прочим членам Совета о том, что творилось и творится в Нью-Кробюзоне: о создании Коллектива.

— О боги мои, — сказала Элси. — Мы это сделали. Это случилось. Случилось! О боги.

Она была в восторге. Иуда сиял.

— Все началось в Собачьем болоте, — начал один беженец. — Само по себе.

— А вот и неправда, — возразил другой. — Мы знали, что вы — то есть Совет — возвращаетесь. И кто-то сказал, что надо готовиться к вашему приезду.

Железный Совет внушал этим беженцам трепет. Люди, которых они столько раз видели на знаменитом гелиотипе, стояли прямо перед ними. Каждое слово приходилось тянуть из ньюкробюзонцев клещами.

— Поэтому зарплаты никому не платят; люди голодают. А тут еще война, и бывшие милиционеры рассказывают, какая она на самом деле, и Теш продолжает атаковать. Люди не чувствуют себя в безопасности, город перестал быть для них укрытием… И еще мы услышали, что кто-то пошел искать Железный Совет.

При этих словах лицо Иуды дрогнуло.

— Теш атакует? — переспросил Каттер.

Беженец кивнул:

— Да. Насылает видения. А правительство все твердит, что оно вот-вот разберется с Тешем, война кончится, но кругом хаос, и никто не знает, сдержат они обещание или это пустые слова. К Парламенту пошла демонстрация с требованием защитить нас от Теша, но в толпу затесались люди, которые выкрикивали совсем другие призывы и раздавали листовки. Люди Союза, я так думаю. И тогда на нас спустили заградителей, шаннов и милицию. И тут кто-то закричал, что впереди рукохват. Такая свалка началась… Я сам там не был, слышал от других, вот и все. Трупы валялись по всей улице. А когда народ опрокинул милицию… По всему городу начали строить баррикады. Настало время нам самим сделать то, что нужно. Без милиции. Поэтому мы их не пускали. Только после этого мы услышали о смерти мэра.

Делегаты от всех районов города собрались на сходку и перекрикивали друг друга, сами не свои от страха и возбуждения, пока не поняли, что выборной лотереи больше нет, что каждый обладает прямой властью. Несколько дней спустя Антипарламент положил этой новоявленной демократии конец, но, клялся он, только на время войны. В Коллективе почти все стояли за переговоры с Тешем, контроль над южными морями никого не интересовал.

— Почему вы здесь? — спросили члены Совета.

Ньюкробюзонцы потупились, потом снова посмотрели на вопрошавших и ответили, что не выдержали накала борьбы и ушли, как сделали очень многие. В поисках Железного Совета они скитаются уже несколько недель.

Они не сторонники Союза или Коллектива, подумал Каттер, а простые люди, которые проснулись однажды под перекрестным огнем и решили бежать, сложив пожитки в тачки. Поиск Совета был для них не теоретической или политической задачей, а паломничеством сродни религиозному. И Каттер ощутил презрение к ним. Зато Иуда был очень рад.

— Это случилось, это происходит, — твердил он, чуть не плача. — Этот бунт, второе Волхвосстание, мы этого добились. Все началось из-за нас. Железный Совет… он вдохновил всех… Когда они услышали о нашем приходе…

Анн-Гари смотрела на него во все глаза. Заходящее солнце зажгло ореол вокруг головы Иуды. Он говорил так, как будто читал стихи.

— Мы сделали это много лет назад, но след от нашего поступка не исчез, он остался в истории. А значит, это мы начали восстание в Нью-Кробюзоне.

Он выглядел потрясающе прекрасным. Преображенным. По Каттер знал, что он ошибается. «Это не мы, Иуда. Все сделали они. В Нью-Кробюзоне. Совет здесь ни при чем».

— А теперь, — сказал Иуда, — мы идем в город, мы поддержим их. Старая дорога уже близко. Джаббер, кто бы мог подумать, мы въедем в обновленный город, мы сами станем частью его обновления. Мы везем с собой важный груз. Мы везем историю.

«Ты прав и не прав, Иуда. Да, мы везем историю. Но у них уже есть своя».

Каттер пришел к Совету не из-за Совета, а из-за Иуды. В этом была его вина, и он не мог забыть о ней. «Я здесь не ради истории, — думал он; невысокие горные пики смотрели на него сверху вниз, в холодной реке плескались водяные Совета, состав отдыхал в долине. — Я здесь ради тебя».

— Милиции не будет, — говорил Иуда. — Они знают о нашем приближении, но в городе такой хаос, что они просто не посмеют отвлечь хотя бы часть сил и бросить против нас. Когда мы придем, правительство уже сменится. Наше появление станет… заключительным аккордом восстания. Республика Нью-Кробюзон.

— С ходу уже ничего не вышло, — возразил кто-то из беглецов неуверенно. — Коллектив обстреливают день и ночь. Парламент опомнился и контратаковал…

— Эй, эй, эй! — Никто не видел говорящего. Звуки неслись из ниоткуда. — Эй, вы! Что это?

Голос принадлежал Курабину. Каттер искал складку в воздухе, но увидел лишь тень ветерка.

— Что это? — (Пилигримы-беженцы вытаращили глаза от ужаса, услышав лишенный тела голос.) — Выговорили про атаки, тешские атаки. Как они выглядели? Как призраки? А это, вот, вот, что это такое?

Раздались удары, как будто кто-то бил кулаком, потом пятнистая кожа сумки одной из беженок выпятилась там, где ее потянул Курабин. Женщина застонала, подумав, что это какой-то дух, и Каттеру пришлось прикрикнуть на нее, а Курабин все твердил:

— Откуда этот знак?

Ополоумев от страха, женщина разглядывала сложный спиральный узор на своей сумке.

— Вот это? Это знак свободы. Точнее, спираль свободы. В городе они везде.

— О-о-о-о!

— Да в чем дело, Курабин?

— Опишите мне тешские атаки.

Монах немного успокоился, но все еще говорил очень быстро. Каттер и Элси напряглись; Анн-Гари смотрела озабоченно; Иуда медленно мрачнел.

— Нет, нет, это… я это помню. Мне надо, я должен, я спрошу…

Голос монаха прервался. Послышался звук, как будто что-то складывалось, замелькали цвета. Курабин спрашивал что-то у Момента Скрытого. Наступила тишина. Беглецы смотрели испуганно.

— Как атакует Теш? — Голос Курабина зазвучал с новой силой. — Вы говорили о видениях. Это призраки без цвета? Пустота в форме разных предметов: зверей, растений, рук, чего угодно? И люди, отравленные ими, падают и умирают? Они появляются из ниоткуда, источают не блеск, так? Они появляются и сейчас. Так?

— Что это такое? Курабин, Джаббера ради…

— Джаббер? — Голос монаха истерически зазвенел. Курабин двигался, голос метался между ними. — Джаббер тут не поможет, и не рассчитывайте. Ничего еще не кончилось, все только начинается. А он заставил вас думать, что это знаки свободы. Спираль. О-о-о.

Каттер вздрогнул — голос приблизился к нему вплотную. Он ощутил чужое дыхание.

— Я ведь из Теша, не забывайте. Я знаю. Видения, которые появляются в вашем городе, мороки, это не атаки, это рябь. От событий, которые еще не произошли. Они как пятна во времени и пространстве. Что-то готовится, оно уже окунулось во время, как в воду, а это рябь, брызги, летящие впереди него. И там, где они упадут в мир, они начинают сосать из него жизнь, словно пиявки. Что-то грянет очень скоро, а эти спирали, эти завитушки приближают его приход. В Нью-Кробюзоне что-то неладно. Кто-то пустил в ход дипломатию. Отдельные призраки — это ерунда. Теш хочет большего. Он хочет похоронить ваш город целиком. Эти спирали — знак гекатомбистов.

Курабину пришлось объяснять несколько раз.

— Тот, кто оставляет этот знак, владеет многими магическими практиками. И это — последняя из них. В ней завершение закона. Она охватит ваш город и сотрет его с лица земли, поймите это.

— Но это же спирали свободы, — промолвил кто-то из беженцев, и Каттер едва не дал ему тумака, чтобы тот замолчал.

— Вы говорите, Теш согласился на переговоры? И они идут полным ходом? Нет, нет, нет. Это просто уловка. Теш готовится к последнему бою. К финальной атаке. Для нее нужны месяцы подготовки и уйма энергии. Зато она всех прикончит. И Нью-Кробюзон не будет больше разжигать войны. Никогда.

— Но что это, как это будет?

Курабин, однако, не стал отвечать на этот вопрос.

— Не будет больше ни войны, ни мира, — продолжал он. — А когда все закончится, на другой стороне события появится рябь, полетят брызги. Последние капли. Видения в пустыне, которая останется на месте вашего города. Тешане сотрут его с лица земли.

Было очень холодно, ветер, слетая с гор, уносил дымы от кухонных костров. Впереди и сзади прятались в бункерах железнобокого города члены Совета. Издалека доносились звуки, издаваемые горными обитателями. Кто-то разговаривал. Скрипел металл остывающего поезда.

— Что мы можем сделать? — в ужасе спросил Иуда.

— Если хотите… если хотите все исправить, вам надо найти его. Того, кто рисует эти знаки, кто навлекает беду. Надо найти его. И остановить… Вам — нам — надо вернуться в Нью-Кробюзон. Немедленно.

ЧАСТЬ ВОСЬМАЯ
пЕрЕдЕлКа

ГЛАВА 25

Битва у моста Петушиный гребень началась рано. Мягкий, словно разбавленный солнечный свет лился на войска, которые собирались по обе стороны реки. Застроенный домами тысячелетний мост соединял Речную шкуру на южном берегу Вара с Малой петлей на северном. За него Коллектив сражался отчаянно. Ошеломление первых дней, когда почти весь юг Нью-Кробюзона хотя бы формально оказался под властью Коллектива, прошло, и зона влияния повстанцев сильно уменьшилась. Несколько недель спустя мост сделался западной границей территории, которую контролировала секция Собачьего болота.

Дозорные с милицейской башни Мушиной стороны, давно занятой инсургентами, до зари следили за передвижениями войск Парламента, а повстанческие полководцы мобилизовали людей из нескольких округов. Милиция шла со стороны Ворона, через Каминный вертел, где не сбежавшие и не ушедшие в подполье отступники-жрецы молились за ту или другую сторону, а то и за обе сразу; а из Вертела — к Малой петле, где властвовали анархические люмпены. Там, среди увядающего барочного великолепия площади Ложного пути, где некогда прекрасные дома выглядели довольно нелепо из-за пузырящейся краски и осыпающейся штукатурки, они остановились. Солнечные зайчики от зеркальных забрал запрыгали в разные стороны. Нацелив пушки и картечницы на старые камни моста, милиционеры принялись ждать.

На другом берегу стягивал свои силы Коллектив, каждый батальон носил название своего округа.

— Виньонская дорога, ко мне. Улица Седой гориллы, на левый фланг.

Опознавательными знаками служили определенного цвета куски ткани или кушаки: зеленые у Виньона, серые у Седой гориллы. У каждого офицера была соответствующая головная повязка, хотя мужчины и женщины и так узнавали своих командиров, ведь они сами их выбирали. Отряды были смешанные, в них входили представители всех рас. И переделанные тоже.

Слухи о тактике милиции ходили разные.

— Они притащат заградители.

— Рукохватов.

— Драгонов.

— Они договорились с Тешем, и на мосту будут мороки.

Во главе каждого отряда Коллектива стояли экс-

милиционеры, тренировавшие своих новых товарищей настолько тщательно, насколько позволяла срочность. Если же одержимые демократическим восторгом граждане выбирали на роль офицера кого-нибудь желторотого, неопытного или просто негодного, а ложно понятая лояльность не позволяла им отказаться от своего выбора, в помощь такому назначали бывшего солдата, чтобы тот помогал советами.

Дирижабли, как рыбы-падальщики, висели в воздухе вдоль границ контролируемой Парламентом территории и наблюдали за Коллективом, недосягаемые для разрывных гарпунов, гранат или вирмских отрядов. Дозорные на юге не сводили глаз с аэростатов, чтобы вовремя предупредить о готовящемся налете.

Противостояние продолжалось. В Собачьем болоте боялись, не ловушка ли это, не готовится ли главный прорыв где-нибудь еще. Разослали гонцов: те добрались до Отвесного моста, до баррикад к югу от Костяного города и холма Мог, до хибар к востоку от Большепролетного моста, но везде было спокойно. В разгар утра зазвучали громкие хлопки взрывов — повседневный обстрел всех трех отделений Коллектива начался.

— Шумные холмы сегодня падут.

Секции были отрезаны друг от друга, и это ослабило их. После первых недель безумного возбуждения милиция перерезала коридор между Мушиной стороной и Шумными холмами, захватила Кинкен, отрезав Шумные холмы от Бездельного брода и Дымной излучины. Делались попытки установить воздушное сообщение, но дирижабли Коллектива в подметки не годились парламентским. Три повстанческие территории оказались разделены, связь осуществлялась безрассудными и ненадежными способами.

— Шумные холмы пали.

Это была самая маленькая секция, без промышленности, без фабрик и оружейных мастерских. В Шумных холмах восстала богема, и, хотя ее пыл был неподдельным, милиции она не могла противопоставить ничего, кроме энтузиазма и посредственной магии. Одно время секция Собачьего болота посылала своих людей по канализации и подземным улицам Нижнего города на помощь товарищам, но теперь это стало непозволительной роскошью. Им оставалось лишь сидеть и слушать, как в Шумных холмах под натиском атакующих рушатся дома.

— Может, из Дымной излучины им помогут, — сказал кто-то, но без особой надежды.

В Дымной излучине не было лишних бойцов. Коммуна свободных художников была обречена.

К полудню один из тех, кто отказался покинуть свои Жилища

на мосту Петушиный гребень, выполз из подвала с белым флагом в руке и был застрелен милицией. В соседних домах закричали так, что на берегу было слышно.

— Надо их оттуда вытащить, — ворчали коллективисты. Эти граждане находились в их зоне ответственности.

Возможно, милиция просто пыталась выманить войска Коллектива на мост. Возможно, те, кто так глупо отказался покинуть свои дома, потеряли право на защиту. И все же офицеры планировали спасательную операцию.

Из тактического совета прибыл посыльный с приказом. Командиром отряда Виньонской дороги была свирепая молодая женщина. На ее щите, как и у других офицеров, был прибит дорожный указатель с названием улицы, давшей имя ее подразделению. Она приказала своим мужчинам и женщинам взять старенькую пушку и двигаться с ней к мосту, а с другой стороны начала подтягиваться милиция. С юга приближались Стрелки из Оранжереи, взвод солдат-кактов.

Сколько споров вызвали эти монорасовые подразделения! Когда бригады хеприйских сестер-охранниц пришли и заявили, что будут сражаться за Коллектив, когда роты кактов предложили принять их на службу в качестве тяжелой пехоты, некоторые офицеры с пеной у рта доказывали вредность таких начинаний.

— Мы же коллективисты, — говорили они, — а не какты, люди, водяные, переделанные и так далее! Мы живем и сражаемся все вместе.

Такая позиция впечатляла, даже трогала, но не всегда в ней был смысл.

— Не хочет ли хавер, — спросил яростного сторонника равенства один делегат-водяной, насмешив всех, — присоединиться к нам сегодня ночью, когда мы отправимся тралить дно канала в поисках заложенных милицией бомб?

И раз нельзя было запретить водяным работать отдельно (хотя по настоянию тех же сторонников равенства в их отряды назначали по одному офицеру из представителей других рас в качестве дружеского напоминания — беспомощные, они несли символические обязанности), то глупо было отказывать в этом остальным. Тот, кто впервые взял в руки жаломет, рискует причинить вред своим же — не то что команда специально обученных хепри.

В случае с кактами пришлось подчиниться необходимости: на отряды силачей был большой спрос. В них включали разве что подвергшихся глубокой переделке, да и то с разрешения самих кактов. Стрелки из Оранжереи такое согласие дали: среди десятков кактов шагали двое переделанных — горы

трансплантированных мышц и промасленного железа.

— Спасательная операция, — сообщили им.

И под прикрытием атаки коллективистов, швырявших пороховые бомбы и бутылки с зажигательной и магической смесью, Стрелки вступили на мост. Они прочесывали дома в поисках жителей и если находили, то выводили в безопасное место сквозь бреши, пробитые ими в стенах между стоящими вплотную друг к другу домами.

На стороне милиции никакого движения не наблюдалось. Стрельба, конечно, была, снаряды пробивали дыры в камне, откалывали куски от фасадов, так что были видны комнаты; но в общем милиционеры чего-то ждали. Осмелев, коллективисты двинулись вперед и начали атаку с целью подавить огонь противника, в то время как их разведчики — хотчи, вирмы, люди-акробаты — поднялись на крыши и в небо, чтобы оценить обстановку. Тут ряды милиции расступились, и в воздухе повисли трое мужчин, которых, казалось, держали за горло чьи-то руки. Рукохваты.

Никакого белья на мосту Петушиный гребень давно уже не сушили, но остались натянутые поперек него веревки с похожими на сухофрукты прищепками, которые закачались вместе с новой волной обстрела. При виде парящих в воздухе человеческих фигур коллективисты едва не дрогнули.

Парламентские рукохваты носили шляпы-котелки и строгие костюмы с брюками чуть короче, чем нужно. Странная тактика для устрашения. Что это — тела осужденных Дикобразов? Или это те самые добровольцы, о которых ходило столько слухов? Мужчины и женщины, чья преданность правительству Нью-Кробюзона была настолько непоколебимой, что они согласились стать носителями для рукохватов? Священное самоубийство сторонников правых сил. А может, это обыкновенные казненные преступники, одетые в костюмы для того, чтобы деморализовать противника.

Летучие, напичканные магией, плюющиеся огнем, они были сильнее кактов — что-то вроде сверхсильных Дикобразов, которые воплощали в себе все тайные страхи повстанцев. Их костюмы пробуждали воспоминания о Кинкенской Ночи Осколков, когда Дикобразы напали на хеприйское гетто, убивая направо и налево, разбивая статуи из слюны на площади Статуй, топча беззащитных самцов и истребляя самок, пока земля под их ногами не покрылась ковром из стеклянных игл вперемешку с кровью и ихором. После того нападения, ярость которого заставила содрогнуться даже самых респектабельных граждан, милиция вынуждена была встать на защиту тех немногих

уцелевших хепри, что еще остались в городе. Но Дикобразам не пришлось скрываться: им позволили отступить спокойно, сохраняя достоинство, как победителям.

Теперь Дикобразы или те, кто очень их напоминал, спускались с неба. Коллективисты быстро попрятались в тени поврежденных бомбами домов. Пыль от кирпичей тысячелетней давности заставила их закашляться.

С юга вдоль моста, навстречу Дикобразам, неестественно быстро летел голый худой человек. Левая рука держала его не за шею или голову, а за лицо, темные пальцы расползлись по глазам и носу. Леворучный.

В гражданских войнах невероятные союзы не редкость. Среди рукохватов нашлись такие, которые решили восстать против своих сестробратьев: что ими двигало, странная любовь к ближнему или политический расчет, коллективисты так и не узнали. Их переговорщиков тошнило от одной мысли о том, чтобы заключить сделку с этими символами прогнившего паразитического общества, но теперь нельзя было пренебрегать ничем. Особенно потому, что несколько рукохватов-перебежчиков оказались леворучными.

Трое милицейских рукохватов были праворучными, воинами, но, при всей своей мощи, они шарахнулись, увидев своего собрата-противника на лице человека. Они пытались уйти подальше, но коллективистский рукохват подпрыгнул выше, чем может сделать обычный человек, и щелкнул пальцами. Один из одетых в костюмы начал задыхаться, так как леворучный перекрыл его железу усвоения. Праворучный превратился в слепую пятипалую тварь, вцепившуюся в мертвеца, который кубарем падал с неба, а за ним завершающим аккордом в грязные, медленные воды Вара летела его шляпа.

Второй щелчок пальцами, и еще один летун задергался, рухнул на камни мостовой и распластался в кровавой луже. Коллективисты радостно закричали. Но третий праворучный невидимкой прокрался вдоль карниза, и, пока его противник еще только разворачивал свое тело-прибежище, открыл «свой» рот и плюнул огнем.

Чернильно-синее пламя вырвалось изо рта и растеклось по коже голого человека, отчего тот сразу потемнел, а его жир затрещал, как на сковородке. Леворучный завопил голосом своего носителя, отражавшим, однако, его собственное состояние, и заставил поморщиться всех на полмили вокруг. Потом он упал, вспыхнул и сгорел.

Милиция расчехлила пулеметы, пули прошили воздух. Коллективисты залегли за камнями, а праворучный летел, не

обращая внимания на выстрелы, которые пронзали его заимствованное тело, ведь главное — рука — было надежно прикрыто.

На крыше одного из домов к северу от моста вырос маг-повстанец из Барсучьей топи, явившийся защищать Коллектив. Светящиеся точки бегали по его телу. Вдруг он беззвучно вспыхнул кобальтовой синевой, рявкнул и выплюнул цветную кляксу, которая бабочкой порхнула к ближайшему милицейскому орудию, взвилась над ним и обрушилась на канониров: те зашатались и сорвали маски с мгновенно ослепших и поблекших лиц.

Люди и пушка высохли, потрескались и рассыпались один за другим. Там, где они стояли, остались лишь кучки осколков, сухих, как трут.

Еще один крик радости, и командир Виньонского отряда бросилась вперед, стреляя из мушкета, но тут, вертясь и болтая черными тяжелыми ботинками, с неба слетел рукохват. С игривой злобой он обрушился на колонну коллективистов, круша людей и выплевывая белые огненные спирали, оставляя за собой обожженных мертвецов, умирающих и покрытые пятнами гари стены.

— Назад! Быстро!

Стрелки из Оранжереи покинули дома на мосту и начали отступать, стреляя из дискометов по милиционерам, которые ничего больше не ждали, перейдя в наступление под прикрытием огня. Их картечницы застрекотали снова. Рукохват и коллективистский маг сошлись лицом к лицу. Человек воздел руки, чтобы обрушить на врага молнию; рукохват поджег его одним плевком.

— Все назад, мать вашу, живо!

Милиционеры приближались. Но Стрелки вдруг повернулись и обрушились на них с неожиданной яростью. Огромные, покрытые колючками бойцы выглядели устрашающе. Милиция дрогнула.

Праворучный плюнул, но слишком рано — его плевок лишь опалил одежду. Один из кактов метнул мачете в носителя рукохвата и закричал от восторга. Здоровенный нож глубоко вошел в плоть человека, и тот рухнул. Толстыми ногами-стволами какты затоптали и забили паразита и его носителя до смерти. Изломанный строй Стрелков милиционеры обстреляли продольным огнем из картечниц, пули которых пробивали даже грубые литые доспехи кактов.

Осторожные какты начали отступать под прикрытием переделанного. Что-то пятнистое прилипло к его ноге. Его

товарищи-какты повернулись к нему, и тот плюнул огнем им в лицо. Носителя убили, но рукохват уцелел. И пробрался в ряды восставших.

По мосту надземной дороги, недалеко от Петушиного гребня, прогрохотал поезд. Рельсы на северном берегу перекрывала баррикада, но Южная линия к югу от Малой петли была в руках Коллектива. Поезд встал как раз напротив моста, из его окон коллективисты стали метать гранаты в милиционеров. Руководил им трущобный гаруда, паривший на восходящих потоках воздуха от взрывов. Гранаты все сильнее уродовали очертания крыш над Петушиным гребнем и сминали ряды милиции.

Но сил у восставших было недостаточно. Отстреливаясь от нападающих из поезда, милиция постепенно занимала Петушиный гребень. На востоке черный шип Парламента пронзал горизонт; оттуда, с вершины темного острова-дома, следили за этой и другими битвами — за воздушным налетом на доки Паутинного дерева, за прорывом к Ручейной стороне шаннов на двуногих скакунах, за сражением лояльных властям переделанных с коллективистами Эховой трясины, называвшими их предателями.

— *Пора.*

Приказ долетел со стороны секции Речная шкура: ее штаб располагался под эстакадой станции «Селитра». Френглер, выдающийся стратег, прошедший милицейскую выучку и вставший на сторону Коллектива, кричал:

— Решайте, мать вашу, хотите вы победить или нет! Времени нет, пора. Взрывайте мосты!

Мостов, которые напрямую соединяли владения Парламента и Коллектива, осталось немного, и повстанцы не могли отдать их милиции. Коллективисты-водяные, сторожившие входы в канализацию под поверхностью Вара, выслали подводных саперов.

Никому не нравилось то, что им предстояло сделать. Никто не хотел разрушать дорогие для всех старые мосты. Но они чувствовали, что иного выхода нет.

Ощупью они поплыли в мутной воде туда, где из ила поднимались опоры, и стали шарить в поисках зарядов, но ничего не нашли. В тревоге они вцепились друг в друга и залаяли на своем подводном языке, но тут из темной воды появились силуэты врагов.

— Предательство! — раздался чей-то крик, и на саперов обрушились милиционеры-водяные, шаманы верхом на вертящихся островках чистой воды, ундинах, которые схватили и удерживали повстанцев.

Кое-кому удалось сбежать, и они сообщили:

— Мы не можем взорвать этот чертов мост.

Оставался Отвесный мост. Но хотя на этот раз водяные действовали осторожно и избежали засады, заряда опять не оказалось на месте. Одни боги знали, когда его нашли и удалили. Планы Коллектива каленым железом выжечь милицию на своей территории потерпели крах.

— У Мандрагорового моста и в Холмах нас ждет то же самое. Они нашли вход.

Милиция приближалась. Коллективисты встречали ее заградительным огнем пушек, смертоносным колдовством и минами-ловушками: несколько улиц превратились в пустыню, от домов остались лишь обломки стен, бессмысленно таращившиеся выбитыми окнами. Милиционерам потребовался не один час, чтобы пробраться через руины, но они продолжали наступать. Мост Петушиный гребень снова был в руках Парламента.

Отступая, коллективисты строили новые баррикады. Из обломков разбомбленных домов соорудили основание, а сверху наваливали все, что попадалось: фабричный шлак, шпалы, мебель, древесные пни из Собек-Круса. При этом несколькими улицами к западу от Скамейной площади пришлось пожертвовать, чтобы сосредоточиться на главных магистралях. Защитникам южного берега послали сообщение, чтобы те готовились к прорыву, если вдруг милиционеры, перейдя мост, решат повернуть на восток.

Но те не повернули. Войска перешли реку, остановились на площади и стали врываться в дома — один из них только что покинули коллективисты, чье имущество милиционеры начали осквернять, мочась на гелиотипы и выбрасывая их в окна.

В Грисском меандре повстанцы выгребли из сточных канав десятилетиями копившийся там мусор и заблокировали им Отвесный мост. Худую сторону обстреливали, поредевшее население и немногочисленные отряды коллективистов, оставленные защищать район, спешно прятали оружие. Сама по себе Худая сторона никого не интересовала, но из нее открывался прямой путь в Эховую трясину и Паутинное дерево, а на противоположной стороне реки — в Собачье болото, сердце Коллектива. И поэтому за Худую сторону пришлось сражаться.

В северо-западной части города, куда не могли пробраться коллективисты из Собачьего болота, их братья по оружию попали в беду. Что-то готовилось в Варе и пойме Ржавчины — наверное, атака на Дымную излучину. А там машиностроительное производство и организованные рабочие, и если Дымная

излучина сломается, то этой части Коллектива конец.

В Шумных холмах все было просто.

— Мы раздавим эту банду педерастов, извращенцев и художников раньше, чем вы успеете почесать зад, — заявил один захваченный в плен командир милиции, и его надменное хвастовство скоро оправдалось.

Холмы долго не продержались: иного нельзя было ожидать от батальонов нувистов и балетных танцовщиков да печально знаменитой Смазливой Бригады — гренадеров и Мушкетеров из мужчин-проституток в платьях, с вызывающим макияжем, отдававших команды на жаргоне извращенцев. Встретили их с омерзением; потом стали терпеть, так как они дрались, как черти; потом отчаянно полюбили. Никто не желал их поражения, но оно было неизбежным.

Милиционеры взяли мост Петушиный гребень, опрокинув Стрелков из Оранжереи, и расположились на южном берегу Вара. Они готовы были но первому знаку ринуться в глубь Собачьего болота, оплота Коллектива. Всем коллективистам казалось — хотя ни один из них не осмеливался облечь свое чувство в слова, — что это начало конца.

Такие настроения царили в расколотом войной городе, когда в него вошел отряд Иуды и Каттера.

ГЛАВА 26

— Боги. Боги мои. Как, во имя Джаббера, вы здесь оказались?

Войти на территорию нью-кробюзонского Коллектива и покинуть ее было сложно. Сторожившие на баррикадах, были напряжены и испуганы. По канализации ходили патрули. Аэронавты Парламента набрасывались на любой неизвестный дирижабль, маги с обеих сторон были начеку, так что вход и выход стали опасным делом — настоящей эпопеей.

Люди передавали друг другу разные страшилки: о героическом стражнике, который, ни слова не говоря, отправился истреблять милицию; о парламентском отряде, который, заплутав в лабиринте городских закоулков, свернул не туда и оказался в самом сердце коллективистской территории. В последнее время много болтали о каком-то крестовом походе, целью которого будет похищение всех голодных ребятишек Коллектива.

Разумеется, сотни человек проникали на территорию Коллектива и обратно, пользуясь недосмотром охраны или магическими средствами. В верной мэру части города было полно сочувствующих; из Звонаря, с промышленных окраин Мертвяцкого брода, из районов, находившихся на военном положении, члены гильдий, мятежники и любопытные нередко пробирались в Собачье болото или на Ручейную сторону с просьбой принять их в Коллектив. Точно так же и в Коллективе многие тайно или явно желали ему зла и потихоньку пробирались в центр или оставались и шпионили.

Так что новоприбывших чествовали с долей подозрения. Иуда и его отряд вошли в город с востока, пробравшись через руины домов у Крупнокалиберного моста. Курабин помог им отыскать тайные пути, хотя сам истончался с каждым днем. С баррикад их не заметили. По узким ущельям между кирпичных домов они дошли до почтамта в Собачьем болоте, где заседал совет делегатов. И обратились к представителям Союза.

Каттер был опустошен. Сколько месяцев прошло с тех пор, как он покинул Нью-Кробюзон, и как сильно, до неузнаваемости, изменился за это время город. Это заставило его задуматься обо всем, вспомнить Дрея, Игону, Фейха и Помроя, вспомнить кости под железнодорожным полотном.

«Что это за город?» — думал он, пока они пробирались внутрь.

На башнях Крупнокалиберного моста, сотнями лет торчавших над водами Большого Вара, теперь стояли пушки, которые лениво

плевались снарядами; и без того убогая Худая сторона отныне была обезображена не только нищетой.

Причем повсюду. Пролеты Ячменного моста остались позади, улицы полнились повседневностью, чудовищной и прекрасной. Они были не совсем безлюдны. Перевязанные солдаты наблюдали за маленьким отрядом из развалин домов. Отдельные мирные жители торопились куда-то крысиной побежкой, сгибаясь под тяжестью мешков с едой, мебели и всякой ерунды, которую они перетаскивали с места на место. Им было страшно.

Из-за дорожной пыли, покрывавшей Каттера и его спутников с головы до ног, на них посматривали с любопытством — все были грязны, но их грязь отличалась от городской. Однако никого не удивляло то, что они путешествуют вместе: двое переделанных и четверо нормальных людей (при том, что никто не видел Курабина), ведущие в поводу усталых кобыл.

Впрочем, переделанные были сами себе лошадьми. Одним из них был Рахул, человек-ящерица: он служил агентом Анн-Гари в те дни, когда родился Железный Совет, его голос сообщил Иуде о смерти Узмана. Уже в возрасте, он все еще бегал на своих ногах, развернутых коленями назад, быстрее всякой лошади. Он вез на себе Иуду через дикие земли до самого города. Другой была женщина по имени Марибет, чью голову хитроумный маг посадил на шею ломовой лошади, утыканной птичьими когтями. На ней ехала Элси.

Многие молодые граждане Совета, никогда не видевшие Нью-Кробюзона, жаждали пойти с отрядом, но Анн-Гари заявила, что сейчас дорога каждая пара рук. А город от них и так никуда не денется. Железный Совет ограничился двумя представителями.

Переделанные глазели по сторонам, словно пара деревенских парней откуда-нибудь из Нищенских предгорий. Похоже, городской пейзаж глубоко потряс их. Они шагали сквозь разрушенную мечту о собственном прошлом.

По улицам бегали беспризорные дети — развалины заменили им площадки для игр. Бомбы стерли с лица земли одни кварталы, а другие превратили в мрачное фантастическое нагромождение одиноко стоящих стен, куч щебня, балок и проводов толщиной в руку, торчащих из-под земли: этакие сады развалин. И посреди них рождалась новая красота.

Ведьмы соорудили статуи необычных цветов из кирпича и разных обломков. В одном месте они достроили полуразрушенную, увитую плющом стену: вторая половина стала как бы нематериальным отражением первой, и через нее прыгали кошки и собаки. Они стали хищными, пугливыми животными: коллективисты голодали.

А вот — странное представление. На перекрестке дети Разыгрывали пьесу для родителей и друзей, доведенных до отчаяния, но прикидывавшихся гордыми и довольными, и все это под непрекращающиеся звуки бомбежки. На стенах были сложные спирали, они сплетались и расплетались. Невидимый Курабин прошипел:

— Точ-ч-но.

Однажды, когда они проходили мимо, началась паника: кто-то завизжал и с воплями «Морок! Это морок!» бросился прочь от движущегося цветного пятна. Но оказалось, женщину напугало свежее граффити, с которого поползла краска. Она смущенно засмеялась над своей ошибкой. Загудел клаксон, над Коллективом нависло рыбье брюхо аэростата, из которого полетели бомбы, штукатурка с кашляющим звуком посыпалась с домов. Все, кто был на улице, вздрогнули: выглядели они усталыми, но при этом не напуганными, а покорными судьбе.

Люди на улицах щеголяли в костюмах самых разных фасонов — последние побеги обнищавшего дендизма.

«Что это за место? — думал Каттер. — Не могу поверить, что я здесь. Не могу поверить, что я вернулся. Мы вернулись».

Он посмотрел на Иуду. Тот был сломлен. Его лицо исказилось от боли. «И этого мы добивались?» — прочел в его глазах Каттер.

В последние дни пути, на подступах к городу, эмиссары Совета сталкивались со множеством беженцев, бедных и не очень, из центра и пригородов. Там, на открытых землях, все они были заблудившимися.

— Слишком все это ужасно, — сказал им один, думая, что говорит с исследователями.

— Город уже не тот, — твердили все кробюзонцы.

— Сначала все было иначе, — сказала одна женщина с ребенком на руках. — Я бы осталась. Было непросто, но в этом был смысл. Тюрьмы и переделочные фабрики опустели, прошел слух, что Устье Вара отложилось, приходили известия из Коллектива, пока он не пал. А потом еда кончилась и мы стали жрать крыс. Пришлось уходить.

Перепуганный бакалейщик из Шека утверждал, что когда коллективисты захватили южную часть Пряной долины, то выгнали богачей из их домов, расстреляли мужчин, изнасиловали и расстреляли женщин, а детей превратили в рабов.

— Я решил уйти, — сказал он. — А вдруг они победят? Вдруг убьют мэра Триеста, как убили Стем-Фулькер? Я иду в Толстоморск. Там всегда ценили трудолюбивых людей.

Каттер шел по некогда знакомым улицам, где теперь лежали

кучи штукатурки, полоскались забытые знамена разных политических фракций, плакаты провозглашали идиотские теории, новые религии, новые вещи, новые способы бытия, разделение и расслоение. Шумная жизнь покинула улицы, но осталась в отголосках, в самих зданиях: стены их стали палимпсестами истории, хранящими память о других эпохах, восстаниях и войнах.

В совете делегатов было шестнадцать членов Союза. Пятерых удалось найти. Они не верили своим глазам, обнимали пришельцев, плакали.

— Я не могу поверить, поверить не могу.

Каждый из них по очереди обнял Иуду за то, что он нашел Железный Совет, а потом Элси и Каттера за то, что они нашли и привели назад Иуду. Поздоровались с Дрогоном. Иуда объяснил им, что с ними монах Курабин, беглец из Теша, и они, смутившись, неловко помахали неизвестно кому.

Потом подошла очередь переделанных. Представителей Железного Совета.

Благоговейно, нет, скорее подобострастно «союзники» из нью-кробюзонского Коллектива сжимали руки или хвостоподобные конечности переделанных, заверяя их в своей солидарности.

— Сколько лет, — прошептал один, стискивая руку Рахула, который ответил ему неожиданно нежным рукопожатием своих нижних, ящеричьих, конечностей. — Ты вернулся. Хавер, где ты был? Боги. Мы вас так ждали.

Спросить хотелось так много. Как все было? Где вы были? Как живете? Не скучаете? Эти и другие непроизнесенные вопросы витали в комнате, словно духи. Когда кто-то наконец заговорил, то все услышали:

— Почему вы вернулись?

Каттер знал некоторых делегатов. Он вспомнил старую кактку по имени Опухшие Веки, из Объявленных вне закона; человека по имени Терример, чья партийная принадлежность была ему неизвестна, и Курдина.

Курдин, издатель «Буйного бродяги», был переделан.

Переделку осуществляли в зависимости от веяний моды. Каттеру доводилось видеть такие фигуры и раньше: пантомимные лошадки, так называли их в народе. Курдина превратили в четвероногого. За его собственными ногами неуверенно шаркала вторая пара человеческих конечностей, а торс, которому они принадлежали, согнутый в талии, нырял в тело Курдина над пятой точкой, словно в мутную воду. Внутри него жил другой человек.

— Меня освободили, — тихо сказал он Каттеру, — когда все началось. Когда Коллектив брал верх. Они выпустили всех, кто был на исправительных фабриках. Но меня уже переделали.

— Курдин, — заговорил Иуда. — Курдин, что это? Что здесь происходит? Это Коллектив?

— Был, — ответил Курдин. — Был.

— Почему Железный Совет возвращается?

— Нас преследуют, — объяснил Иуда. — Нью-Кробюзон добрался до нас через пролив Огненная Вода. Они узнали, где мы. Сколько лет они ждали этого. Представляешь, Курдин, они даже в какотопическое пятно за нами полезли. Совет еще далеко, но скоро он будет здесь. Мы пришли, чтобы предупредить вас и посмотреть…

— Вы уверены, что милиция все еще идет по вашему следу? После пятна? А сами-то вы как через него пролезли?

— Мы их не стряхнули с хвоста. Может, их стало меньше, но они идут за нами. Даже если Парламент не верит в возвращение Железного Совета, посланные им убийцы все равно гонятся за нами.

— Но почему вы здесь?

— Из-за вас, конечно. Гром меня разрази, Курдин. Уходя, я уже знал — что-то происходит. Я знал, а когда рассказал Железному Совету, они решили, что пора вернуться домой. Чтобы стать частью всего этого.

«Но ты же не хотел, чтобы они вмешивались, Иуда».

Каттер поглядел на него со странным чувством.

— Мы возвращаемся. И вступаем в Коллектив.

Хотя на лицах «союзников» нарисовалась радость, Каттер мог поклясться, что к ней примешивалось еще что-то.

— Но Коллектива нет.

— Заткни пасть, — тут же набросились на Курдина остальные, — что за чушь ты несешь.

Но он, шокировав даже своих товарищей по кружку, встал на цыпочки — на все четыре ноги — и закричал:

— Мы все это знаем. Нам остались считаные недели, в лучшем случае. Все кончено. Нас окружили, сейчас добивают Дымную излучину. Шумные холмы, наверное, уже пали. На нашей стороне пятая часть комитета, остальные либо не знают, чего хотят, либо, того хуже, собираются мириться с мэром, как будто Парламенту сейчас это нужно. Нам крышка. Мы доживаем последние дни. А вы хотите втянуть в это дерьмо Железный Совет? Хотите, чтобы их тоже прихлопнули?

— Хавер, — заговорила молодая женщина, из «бешеных»; голос ее дрожал. — Тебе не понравится то, что я скажу…

— Я говорю это не из-за того, что со мной сделали…

— Именно из-за этого. Тебя переделали, хавер, а это трудно, теперь ты в отчаянии. И я не хочу сказать, что на твоем месте чувствовала бы себя лучше или что победа наверняка будет за нами, но я, черт возьми, считаю, что не тебе решать, крышка нам или нет. Лучше дерись вместе с нами, Курдин.

— Подождите, — Иуда говорил торопливо, как человек, чьи надежды рушатся прямо у него на глазах. — Послушайте меня, послушайте. Что бы ни было, что бы тут ни творилось, вы должны знать, что мы здесь не поэтому. У нас есть дело. Слушайте! Слушайте… Нью-Кробюзон падет… Мы слышали про видения, которые тут появляются, про мороки. Они ведь не прекратились?

— Нет, но стали меньше размером…

— Да. По той же самой причине, по которой брызги от упавшего в воду камня разлетаются в стороны, а не падают рядом с ним. Что-то надвигается. Теш не просит мира. Неважно, договариваются они с Парламентом, или с вами, или с теми и другими, или… им не нужен мир, они готовятся к концу. Мороки — это не оружие. Спирали — вот оружие Теша.

Когда коллективисты наконец поняли, то решили, что Иуда спятил. Но ненадолго.

— Вы думаете, это бзик? — яростно заорал Каттер. — Да вы хоть представляете, через что мы прошли, пока сюда добрались? Представляете, а? Что мы пытаемся сделать? Дьявольские спирали накликают на вас огонь. На всех вас — на Парламент, на Коллектив — без разбора.

Те поверили, но Курдин рассмеялся, когда Иуда попросил им помочь.

— Чего ты хочешь от нас, Иуда? У нас нет войск. Нет, войска есть, конечно, вопрос только в том, у кого это — «у нас»? Мне бойцы Коллектива не подчиняются. Стоит мне попытаться объяснить, что нам что-то нужно, и они тут же решат — даже сейчас, — что это очередная грязная уловка «бешеного», пытающегося подчинить себе Коллектив. Я здесь не военачальник; у меня власти над ними нет. Или тебе нужны «бешеные»? Именно они? — Курдин оглядел своих однопартийцев. — Нас мало осталось. Добровольцы Киррикострит на нашей стороне, да знал бы кто, как с ними связаться. Остальные на передовой. Дерутся на баррикадах, Иуда. Так что ты от меня хочешь? Думаешь, можно собрать чертовых делегатов и объяснить им ситуацию? Мы давно раскололись, Иуда, каждый

район за себя. Нам надо отбиваться от милиции.

— Курдин, если мы не положим этому конец, не станет не только Коллектива, но и всего города.

— Я понимаю. — Глаза переделанного покраснели, как будто он тер их песком. Тело Курдина покрывали струпья от ран, он едва стоял на ногах. — Чего ты от меня хочешь?

Они смотрели друг на друга, как два врага, и молчали.

— Мы нужны городу.

— Я понимаю, Иуда. Чего ты от нас хочешь?

— Должен быть кто-то, какой-то маг, без роду без племени…

— Я знаю, кто рисует спирали, — раздался голос.

— Конечно, должен быть, Иуда, вот и ищи его сам и не смотри на меня так. Чем смогу — помогу, но я понятия не имею, с чего начинать. Все кончено: приказы никто не отдает.

— Я знаю, кто рисует спирали. Я знаю, кто это делает.

Наконец все умолкли. Говорила молодая женщина из партии Курдина.

— Кто рисует спирали. Кто накликает беду. Кто агент Теша.

— Откуда? — спросил Иуда. — Кто?

— То есть его самого я вообще-то не знаю… но знаю того, кто с ним знаком. Он раньше был одним из наших, ну, почти. Я помню его по собраниям. И ты тоже, Курдин. Это Ори.

— Ори? Который ушел к Торо?

— Ну да. По-моему, он и сейчас с ним. Считают, что это Торо убил Стем-Фулькер, к добру или к худу. После убийства он исчез, но недавно его снова видели. Может, и Ори с ним. Может, он уговорит Торо нам помочь. Ори знает, кто рисует спирали. Он мне говорил.

ГЛАВА 27

Торо стал псом, безмозглым злым псом, который ходил по пятам за ненавистным хозяином, не в силах оторваться от него. Так казалось Ори.

«Мы это сделали!» — думал он сначала. Недолго, меньше одной ночи. Несмотря на потрясение и тоску, навалившиеся на него, когда он узнал об истинных мотивах Торо и ее манипуляциях, несмотря на собственную отчужденность от движения, принадлежность к которому, как он считал, определяла его личность, он все же гордился тем, что убийство мэра стало первотолчком.

Так он думал несколько часов вопреки очевидному: повстанцы, понятия не имевшие о том, что Стем-Фулькер больше нет, принимали эту новость с жестокой радостью, но ни добавочного рвения, ни подъема боевого духа она в них не вызывала. Постройка баррикад только начиналась, и рвения и боевого духа было и так в избытке, что бы ни творили тороанцы. Проведя несколько часов среди восставших, Ори понял, что рождение Коллектива никак не связано с уничтожением мэра.

Ори, он же Торо, без конца бодал рогатым шлемом ткань вселенной и пронизывал пространство. Двигался он теперь без затруднений. Он пробирался то в парламентскую часть города, то в Коллектив и, презрев все ловушки и барьеры, возвращался назад. Он преследовал добычу, словно пес. Его добычей был Спиральный Джейкобс.

Ну что ж, думал он тогда, казнь мэра станет частью революционного движения. Это события одного порядка. Мир изменился. Убийство станет частью этих перемен. Да, оно безобразно, но оно принесет свободу и даст толчок дальнейшим событиям. Коллектив будет неумолим. Центр падет. Как внутри самого Коллектива мятежники получат большинство, так и Коллектив победит Парламент.

В той части города, которую еще контролировали прежние власти, милиция перекрыла все входы и выходы. Население судорожно выступало в поддержку повстанцев, местами поднималось на борьбу, рвалось в Коллектив, но всегда терпело поражение. Ори ждал. Словно опухоль, в нем росло мрачное предвидение: смерть мэра не изменила ровным счетом ничего.

Став Торо, Ори перемещался в темноте, просачиваясь сквозь поры реальности, возникая то в тихом вечернем пригороде, то на

холме Мог, невидимый в толпе зевак. Обитатели центральных районов, Хнума и Мафатона, с криками глазели, как на фейерверк, на маслянистые цветы взрывов и на сияние колдовского несвета в окнах Парламента; словно в театре, они освистывали огненные лозунги, которые запускали в воздух маги-самоучки Коллектива.

«Скольких из вас я мог бы убить сейчас, — думал в такие моменты Ори, — за моих братьев и сестер, за моих погибших». И ничего не делал.

Много ночей подряд Ори приходил в пакгауз в Паутинном дереве. Ни один из его товарищей так и не появился. Он думал, что Барон мог уцелеть, но знал, что бывший милиционер к этому не стремился. Никто не пришел на встречу.

Своей квартирной хозяйке он платил векселями, и та, по доброте душевной, принимала их. В пределах Коллектива вообще царил дух товарищества. Вечерами они вместе сидели в гостиной и прислушивались к стрельбе. Прошел слух, будто Парламент впервые за двадцать лет решил воспользоваться военными конструктами.

Оружие Ори хранил под кроватью, рогатый шлем тоже. Он надевал его лишь по ночам, чтобы перемещаться в пространстве, сам не зная зачем. Однажды он проложил себе путь через недавно ставшие опасными улицы, мимо пьяных стражей Коллектива и трезвых, собранных воинов Парламента. Ори пронесся через рокочущую ночь и оказался на благотворительной кухне. Среди бездомных шли дебаты.

Ори вернулся туда еще раз, совсем недавно. Крыша исчезла, на ее месте лежали испражнения боевых червей-камнеедов, выпущенных на свободу Парламентом. Кухня опустела. Остатки агитационной литературы, которую давно никто не прятал, валялись мокрыми клочьями. Одеяла покрыла плесень.

Торо мог бы стать бойцом Коллектива. Он мог стоять на баррикадах, мчаться по бульварам между голыми от частых бомбежек деревьями, оставляя позади пронзенных милиционеров.

Но ничего такого он не делал. Тоска навалилась на него, неудача отбила все желания. В первые дни он пытался быть с Коллективом, укреплять линии обороны, ходить на публичные лекции и арт-шоу, которых было много в начале борьбы; позднее он мог лишь лежать на кровати и гадать, что он натворил. Он и в самом деле не знал. «Что я такое совершил? Чем я вообще был занят?»

В Сириаке он видел морок. Толстая закрытая книга в обложке разных нецветов вращалась, подвешенная на паутинке силы. Она

всасывала свет и тень, убила двух прохожих, а потом исчезла, оставив после себя призрак, который провисел еще день. Ори не испугался; он наблюдал за тем, как видение двигается, меняет положение в пространстве, стоя напротив покрытой надписями стены. Там, среди непристойностей и призывов, бессмысленных знаков и картинок, он заметил знакомые спирали.

«Я должен найти Джейкобса».

Торо мог это сделать. Его глаза различали свежие винтообразные закорючки. Благодаря какой-то магии их нельзя было стереть. Становясь Торо, Ори шел от одной спирали к другой, сравнивал их возраст и так выходил на след Джейкобса, похожий на огромную сверхсложную спираль.

Джейкобс, как и Торо, без малейших затруднений передвигался между территориями Парламента и Коллектива. Спираль его маршрута, как бы она ни изгибалась, всегда закручивалась к центру Нью-Кробюзона. Торо бродил ночами, прикрываясь тенью, которую собирал вокруг себя шлем. Через две недели после рождения Коллектива, в ночь заседания народных комитетов обороны и ассигнований, Ори надел бычью голову и, никем не замеченный, шагнул в Сириак-Вэлл, где нашел Спирального Джейкобса.

Старик шаркал по панели с палитрой красок для граффити в руке. Торо последовал за ним в переулок между двумя бетонными громадами. Там бродяга начал рисовать новую спираль.

Спиральный Джейкобс не поднял головы, только пробормотал:

— Здорово, мальчик, бывший дубль, а теперь безродный. Ты, значит, уцелел? Ну, здравствуй.

Заколдованное железо шлема не обмануло Джейкобса. Он знал, с кем говорит.

— Все вышло совсем не так, как мы рассчитывали, — сказал Ори; не сказал, а промямлил, даже самому противно стало. — Ничего не вышло.

— Вышло как надо.

— Что?

— Все вышло как надо.

Сначала Ори решил, что на старика снова накатило безумие и слова Спирального ничего не значат. И даже сам в это поверил. Но тревога не оставляла его и все росла, пока Ори посещал собрания на Темной стороне, в Эховой трясине и Собачьем болоте.

Надев шлем Быка, Ори снова разыскал Джейкобса. На это ушло два дня.

— Что ты имел тогда в виду? — спросил он; теперь они были в Шеке, под кирпичными сводами станции «Дальний Ворон», на которых Ори разглядел нарисованные завитки. — Почему ты сказал, что все вышло как надо?

Правда устрашила его, разумеется, но хуже всего было то, что он совсем не удивился.

— Ты что, думаешь, ты был единственный, парень? — переспросил Спиральный Джейкобс. — Кому только я не предлагал эту работенку. Но ты был лучшим кандидатом. Так что ты молодец, сынок.

— Зачем тебе это было нужно? — утробным голосом Торо спросил Ори, хотя сам уже знал ответ, угадал его: Джейкобсу нужен был хаос. — Кто ты? Зачем ты создал Коллектив?

Джейкобс бросил на Ори взгляд, в котором тот мгновенно распознал презрение.

— Уходи, парень, — сказал бродяга. — Такие вещи в одиночку не делаются. Это не я его создал. У меня были другие дела. А то, чем занимался ты, — безделица. Так что уходи.

Ори почувствовал сначала растерянность, потом унижение. Значит, все, что делали тороанцы, было лишь отвлекающим маневром. Торо, Барон, его товарищи… он еще не понимал, для чего их использовали, но в том, что использовали, сомнений не осталось. Внутри все оборвалось. Он задыхался.

Без всякой злости — наоборот, с неожиданным спокойствием — Ори понял, что должен убить Джейкобса. Из мести или для защиты родного города — он не знал. Он подошел ближе, поднял портативный арбалет. Старик не двинулся с места. Ори прицелился ему в глаз. Старик не шелохнулся.

Стрела вылетела и просвистела в воздухе, но Спиральный Джейкобс стоял на месте, глядя на Ори двумя абсолютно целыми глазами. Стрела впилась в стену. Ори вытащил многоствольный пистолет. Одна за другой пули, которые он выпускал в Джейкобса, входили в землю или стену, не причиняя старику ни малейшего вреда. Ори бросил оружие и ударил Джейкобса по голове, но, хотя тот не пошевелился, парень промазал.

Тут его обуял гнев. Он бросился на старика, который привел его к Торо, помог ему стать убийцей. Изо всей мочи, изо всех сил, приданных ему таинственным шлемом, Ори пинал ногами и молотил кулаками, но старик не шелохнулся.

Ори даже не коснулся Спирального Джейкобса. Он попробовал еще раз. Он не мог коснуться его.

Гнев Ори перешел в отчаяние, и даже коллективисты и

милиция в нескольких милях от них, привыкшие к грохоту боя, застыли, когда услышали его рев. Ори не мог коснуться старика.

Спиральный Джейкобс был пьян. Он был настоящим бродягой. Но не только.

Наконец он повернулся и, с трудом сохраняя равновесие, медленно побрел прочь, а Торо поплелся за ним, точно собачонка. Джейкобс пришел в центр, к подвалам Вокзала потерянных снов, и Торо за ним. Ори продолжал приставать к Спиральному Джейкобсу с вопросами, на которые тот не отвечал:

— Что ты делал? Почему я? А как же другие, какова их роль? В чем настоящий план? Что ты делаешь?

Коллектив. Настало время Переделки.

Поначалу, в первые дни, когда смешалось все: обиды, Жестокость, неожиданность, случайность, месть, альтруизм и эгоизм, необходимость, хаос и история, — короче, на заре существования нью-кробюзонского Коллектива — были те, кто отказывался работать вместе с переделанными. Нужда заставила их передумать.

Все произошло стремительно. Те, кто ратовал за свержение Парламента, были ошеломлены. Милицейские башни и правительственные твердыни на территории Коллектива внезапно оказались пустыми. Надземка остановилась. Пока мародеры обшаривали башни, а ушедшие в самоволку солдаты доставали припрятанное оружие, старый мир начал меняться. В речи, обращенной к рабочим сталелитейного завода, Тургисади, агитатор от Союза, махнул рукой толпившимся поодаль переделанным и закричал:

— Присоединяйтесь! Мы переделываем этот гребаный город, кто лучше вас знает, с какой стороны взяться?

Ори знал, что его бывшие друзья-мятежники, прежние однопартийцы, там, вместе с поднявшимся народом. Он мог бы им помочь и в шлеме Торо стать грозной силой на стороне Коллектива.

Но нет, Ори не мог. Он был сломлен. Ночь за ночью он отыскивал Спирального Джейкобса и ходил за ним по пятам, не способный больше ни на что. Он чувствовал, что так будет до тех пор, пока он не поговорит со стариком, не узнает, что он, Ори, сделал.

— Где остальные? — твердил он. — Что ты заставил нас делать? Зачем мы убили мэра?

Джейкобс не отвечал, поворачивался и уходил прочь. «Зачем ему нужен хаос?»

Не было такого случая, чтобы Ори не смог его найти.

Увиденные глазами Торо, спирали горели огнем. Ори был жалок.

— Беспокоюсь я за тебя, милок, — говорила его квартирная хозяйка. — Ты же просто с ног валишься, любому видно. Не ешь, поди? И не спишь?

Ори не мог говорить, только лежал целыми днями, ел, что давала хозяйка, а когда его тревога становилась непомерной, вставал, надевал шлем Торо и отправлялся на поиски Джейкобса. Целыми ночами он ходил по пятам за странным стариком.

Сначала Ори следил за ним в полной амуниции, ныряя в реальность и выныривая из нее. Во время этой ужасной самодеятельной слежки Ори заметил в передвижениях старика кое-что необычное. Тогда он снял шлем. Джейкобс не обратил внимания.

Ори шел за ним, не прибегая к магии Торо, и все же они оба каким-то образом попадали с территории Коллектива в парламентские районы, и наоборот. В ярком холодном свете иликтробарометрических труб Джейкобс по-стариковски шаркал мимо объятых темнотой домов — кирпичных, деревянных, бетонных, — а за ним неприкаянным странником шел Ори.

Иногда Джейкобс пускался в путь где-нибудь в Пряной долине, на краю территории Коллектива, проходил мимо ночной стражи, волоча ноги, и сворачивал в аллею, обсаженную мимозами. Он мог пройти по закопченному переулку где-нибудь на задворках, в тени деревьев и церквей, а потом повернуть и выйти вместе со своим преследователем, скажем, в Пинкоде. Две минуты ходьбы и четыре мили от исходной точки.

Ори ходил за Джейкобсом, а тот забавлялся с городской географией, легко перемещаясь между несопредельными районами. Позже Ори в одиночку пытался повторить его маршрут и, разумеется, не смог.

С Мушиной стороны на Ручейную, с Салакусских полей на Курган Святого Джаббера. — Спиральный Джейкобс вертел городом, как хотел. Он спокойно приближал один район к другому, растягивая какую-нибудь очень кстати опустевшую улицу так, что она приводила его к нужному месту. Он входил в Коллектив и покидал его, не встречая ни баррикад, ни милиции, а Ори шел за ним, твердя свои вопросы, и иногда от злости стрелял в старика или пытался Ударить его ножом, но каждый раз промахивался.

«Я в беде». Ори знал это. «Я попался». С ним что-то происходило: мысли крутятся вокруг одного и того же, расстройство, полное отчаяние. В вихре переворота, восстания, именуемого переделкой города, он, вместо того чтобы

наслаждаться каждым мгновением, занемог, плакал и все дни проводил в постели. «Со мной что-то не так».

Сил ему хватало только на то, чтобы ходить за Джейкобсом по его странным маршрутам да сидеть и лить слезы. Все время перемен, когда дни всеобщего возбуждения, строительства, споров и уличных митингов сменялись днями обид и потерь и наконец обернулись вооруженным противостоянием, ужасом и предчувствием конца, Ори нес свой тяжкий груз.

Коллективисты готовились к финалу, к последней битве, которая, они знали, не заставит себя долго ждать. Ори лежал и смотрел в окно на улицы, где царило насилие, и наблюдал сначала восход Коллектива, а потом его закат. Он видел, что милиция наступает. Каждую ночь Коллектив терял еще одну баррикаду. Милиция захватила печи для обжига на улице Свинарей, конюшни на проспекте Подсолнечника, пассаж в Сантере. Территория Коллектива съеживалась. Ори, он же Торо, лежал в одиночестве.

«Надо кому-нибудь рассказать, — думал он. — Спиральный Джейкобс — это беда. Он причина чего-то». Но Ори так ничего и не сделал.

Может ли такое быть: город полон тех, кого отверг Джейкобе? Растерянных людей, которые едва успели понять, что выполняют чье-то задание и в чем оно состоит, как все уже кончилось. А вот он преуспел, и еще неизвестно, к добру это или к худу.

— Тише, тише, — сказал ему Спиральный Джейкобс, когда они прогуливались как-то ночью.

Настенные рисунки старика становились все сложнее и таинственнее. Теперь Ори не плакал, но, как потерянный, плелся за ним и приставал с вопросами.

— Что ты заставил меня сделать, что ты делаешь сейчас, что ты тогда делал?

— Тише, тише. — Голос Джейкобса стал почти добрым. — Все почти готово. Нам нужно было что-нибудь, из-за чего поднимется шум. Теперь уже недолго осталось.

Ори вернулся домой и обнаружил, что его ждут: Мадлена ди Фаржа, сломленный, переделанный Курдин, которого он не видел несколько месяцев, и еще несколько незнакомых мужчин и женщин.

— Нам надо с тобой поговорить, — сказала Мадлена. — Нам нужна твоя помощь. Мы ищем твоего друга Джейкобса. Его надо остановить.

И тут Ори заплакал от радости, что кто-то, кроме него, знает, и теперь что-то можно будет предпринять, и ему не придется

делать все в одиночку. Он так устал. При виде этих людей, таких суровых и непреклонных, уверенно сжимающих оружие, не паникующих, как почти все в последние дни, он почувствовал, как что-то внутри него шевельнулось и устремилось к ним.

ГЛАВА 28

На юге отряду спасателей досталось сложное задание на улицах, отделявших Пряную долину от Садов Собек-Круса. Парк считался свободной от огня зоной, населенной беглыми заключенными и ренегатами всех мастей, неподконтрольной ни Коллективу, ни Парламенту. Коллективистам понадобились дрова: взяв топоры и пилы, они пошли валить деревья. Но им обошлись дорого и путь туда через обстреливаемые милицией улицы, и дорога назад, с поклажей. Нескольких подстрелили на краю парка: застигнутые врасплох люди падали на булыжную мостовую и оставались лежать в тени стен.

Решения по-прежнему принимались, но всеобъемлющая стратегия, превратившая Коллектив в единую силу, государство в государстве, больше не вырабатывалась. Во главе некоторых отрядов и теперь еще стояли умные офицеры, но какие бы приказания они ни отдавали, все операции оказывались не связанными между собой.

Из милицейской башни на Мушиной стороне давно вынесли орудия, магический арсенал и секретные карты. Толстые гудящие провода подвесной дороги расходились от ее вершины на юг и на север. На юге они вели к окраинной милицейской башне Барачной стороны; на севере дорога круто взмывала вверх, пролетая над мешаниной черепичных и железных крыш под стеклами Оранжереи и петляющим руслом Вара к центру Нью-Кробюзона. Там она подходила к Штырю, пронзавшему небо рядом с Вокзалом потерянных снов.

В последние безумные дни коллективисты Мушиной стороны набили взрывчаткой, химикатами и порохом два вагона надземной дороги. Незадолго до полудня они запустили по вагону в каждом направлении, заклинив предварительно тормоза. Толстенькие медные цилиндры со вставками из дерева и стекла с визгом понеслись над городом, набирая скорость.

Провода прогибались при проезде вагонов-стручков, врассыпную бросались удивленные вирмы, ругаясь последними словами.

Вокзал потерянных снов был сердцем города даже в большей степени, чем Парламент — мрачная крепость, очищенная от функционеров. Гримаса времени: «парламентское» правительство приостановило деятельность Парламента. Мэр принимал решения, сидя внутри Штыря.

Когда направлявшийся на север стручок пролетал над Речной шкурой, милиция забросала его гранатами. Не долетая до цели,

те падали в Шек и на приречные улицы Малой петли, где и взрывались. Но милиция не могла промахиваться вечно. Металлический канат взвизгнул под тяжестью стручка, и один или два снаряда пробили окна, влетели внутрь вагона и сдетонировали.

Стручок взорвался, смертоносный груз мгновенно превратил его в маленький ад; вагон сорвался с каната и рухнул вниз, чертя в воздухе дымную кривую. Разваливаясь на куски, он залил лавки и дома-террасы Шека дождем из огня и расплавленного металла.

Зато другой набитый взрывчаткой стручок летел к югу над бедняцкими кварталами, оставив позади баррикаду, отделявшую Пряную долину от Барачного села. С обеих сторон засыпанной кирпичами и щебенкой ничейной полосы на него смотрели милиционеры и коллективисты.

Стручок перемахнул через пустырь, а когда впереди встали высотные дома и дорога, поворачивая, пошла под уклон, нырнул. И врезался прямо в милицейскую башню Барачного села.

Вспышки взрывов засверкали на шпиле — один, второй, третий. Бетон вспучился и пошел трещинами. Растущее пламя пожирало шпиль изнутри; тот подскочил, отлетел прочь и стал падать, башня начала обрушиваться. Вся ее верхушка устремилась вниз, точно пирокластический поток во время извержения вулкана. Кувыркаясь, сыпались милицейские вагоны.

Тросы надземки угрожающе обвисли и на протяжении двух миль рухнули на город. Кольцами они упали на черепичные крыши, проделывая в ткани города полукруглые борозды, убивая всех на своем пути. С башни на Мушиной стороне трос полого свисал в направлении Пряной долины: раскаленный и страшно тяжелый, он уничтожил там несколько зданий.

Зрелище получилось эффектное, но коллективисты знали, что им уже ничто не поможет.

Почти все предприятия у Ржавого моста пустовали: рабочие и хозяева либо попрятались, либо ушли защищать Коллектив. Но несколько мелких фабрик еще пыхтели, принимая любые заказы за любую плату, — к ним-то и направился Каттер в день, когда упала милицейская башня.

Огни на древней улице стекольщиков давно потухли, но, потрясая тощим кошельком и взывая к политическому чутью ремесленников, Каттер добился того, что мятежники со «Стекольного завода Рамуно» снова раздули горны, достали поташ, папоротники, а также известняк — все для полировки и чистки. Каттер отдал им футляр с круглым зеркалом Иуды, которое он разбил. Стекольщики дали согласие отлить ему

замену. После этого Каттер пошел к Ори — дожидаться его и Иуду.

Если Каттер и встречал Ори раньше — что вполне вероятно, учитывая немногочисленность недовольных до эпохи Коллектива, — то он этого не помнил. По описанию, данному Мадленой ди Фаржа, Каттер представлял себе озлобленного, неуемного, драчливого мальчишку, рвущегося в бой и без конца бранящего своих товарищей за бездействие. Но парень оказался совершенно иным.

В нем чувствовался какой-то надлом. Какой именно, Каттер не понимал, но сочувствовал Ори. Тот замкнулся в себе, и Каттеру, Иуде и Мадлене пришлось приложить немало усилий, чтобы его разговорить.

— Оно уже близко, — предупредил Курабин. — Оно на подходе, надо спешить.

С каждым разом голос монаха звучал все тревожнее: разум, который руководил им, убывал день за днем. Так много понадобилось узнать в последнее время у скрытого тешского божества, что сам Курабин должен был вот-вот навсегда скрыться.

Но постепенное угасание не мешало Курабину пребывать в тревоге. Каждая спираль, мимо которой они проходили, вселяла в него (или в нее) страх, говорила о грядущем ужасе, о массовой бойне: Курабин называл эти символы духами братской могилы, массовыми убийцами, истребителями. Он утверждал, что, по его ощущениям, их время почти пришло. Каттер заразился от него тревогой и страхом.

Город оказался в кольце мелких мороков. По дороге к дому Ори Каттер заметил какую-то суету на соседней улице, а Курабин тут же вцепился в него невидимыми руками и с воплями потащил его туда. Подойдя ближе, они еще застали видение, которое прямо у них на глазах распалось на сложные фрагменты и исчезло, прихватив с собой, как им показалось, весь цвет и свет этого мира. Несколько коллективистов сбились в кучу и вопили, тыча в видение пальцами, но никто не упал замертво.

Курабин застонал.

— Это оно, оно, — повторял он, пока свет вокруг них мерк и видение исчезало. — Это последняя игра.

Каттер не знал, верить ли тому, что Ори убил мэра Стем-Фулькер. В голове это не укладывалось. Невозможно было представить, что уравновешенная беловолосая женщина, которую он так хорошо знал по гелиотипам и афишам, видел издалека во время общественных мероприятий и ненавидел всеми силами души, мертва. Каттер не знал, что с этим делать. Он просто сидел в комнате Ори и ждал.

Иуда пошел с Ори, который надел бычий шлем. Прильнув к нему, он прорвал кожу мира и оказался в своей старой мастерской в Барсучьей топи.

— Зачем тебе туда идти? — говорил ему Каттер. — Зеркало я тебе сделаю, Совету пригодится, — так что же еще? А твою мастерскую наверняка закрыли.

— Да, — отвечал Иуда, — наверное. И насчет зеркала ты прав, оно еще понадобится, но там есть и другие нужные мне вещи. У меня есть план.

Остальные были в арсеналах. Переделанные Железного Совета готовились защищать Коллектив на баррикадах. «Что может значить для них эта чужая битва?» — думал Каттер.

Он вспоминал путешествие, когда они под предводительством конного скитальца Дрогона, задолго до них исходившего те места, неслись сломя голову через дурные земли и пампасы, пробирались через обломки скал, преодолели сотни миль, пока перед ними, к западу от низины, от устья реки, не встал город. По пути им встречались города-призраки, напоминавшие груду пустых коробок, — в убогих домиках, высохших за многие годы после ухода жителей, обитала только пыль.

— Да, — шепнул ему тогда Иуда.

Перед ними вставало его прошлое — передовые посты железной дороги, остатки изгородей, помеченные сучьями могилки. Меньше тридцати лет назад здесь кипела жизнь.

Восстание Железного Совета и бегство вечного поезда стали заключительной частью кризиса — порожденного коррупцией, некомпетентностью и перепроизводством кризиса, сгубившего Трансконтинентальный железнодорожный трест Правли. Города и деревни, в спешке построенные среди равнин, стада коров и мясных животных-гибридов, стрелки и наемники, трапперы, все обитатели этих ублюдочных порождений золота и разбоя испарились в считаные месяцы. Свои дома они просто бросили, как змея — старую кожу. Ушли ковбои, бандиты, шлюхи.

Железный Совет наверняка уже ускорил ход. Снятие и укладка рельсов — дело долгое и трудное, но все же поезд просто пожирает расстояние. Прикинув, Каттер решил, что они уже на равнине. И милиция, которая прошла за ними полсвета, наверняка не потеряла след и тоже приближается к дому, день за днем сокращая дистанцию. Нелепее ничего не придумаешь — плестись через весь континент и обратно, жутким маршрутом.

Когда за окном стало смеркаться, а в доме — темнеть, Каттеру показалось, будто воздух в комнате вспучился и пошел в

двух местах рябью, а потом из пустоты высунулись рога. За ними, роняя капли энергии, которая служит кровью для реальности, возникли Иуда и Торо, обнявшись, словно любовники.

Иуда, споткнувшись, освободился, и разноцветные капли взлетели с него к потолку, но растаяли, не коснувшись известки. В руках он держал тяжелый мешок.

— Ну как, нашел, что хотел? — спросил его Каттер.

Иуда поглядел на него, и остатки мировой крови испарились.

— Все, что мне нужно, — сказал он. — Мы будем готовы.

Скрыть присутствие в Коллективе членов Железного Совета не удалось. Несмотря на ужас и отчаяние тех мрачных дней, люди обрадовались.

Возбужденные толпы истоптали все окрестности почтамта в Собачьем болоте, высматривая долгожданных гостей. Когда они наконец нашли баррикаду, на которой сражались Рахул и Марибет, та превратилась в подобие фронтового святилища.

Встав в очередь, коллективисты ждали, а над головами у них свистели милицейские пули. Каждый подходил к представителям Совета и задавал им вопросы — не больше трех, согласно неписаным правилам вежливости.

— Когда придет Совет?

— Вы пришли, чтобы спасти нас?

— Вы возьмете меня к себе?

Солидарность, страх и тысячелетняя глупость — всего понемногу. Очередь на улице вылилась в стихийный митинг, старые распри между фракциями вспыхнули вновь, несмотря на сыплющиеся с неба бомбы.

На другом конце улицы, по ту сторону баррикады, дозорные видели в перископы, как приближаются военные конструкты. Механические солдаты из железа и бронзы, со стеклянными глазами, с оружием, намертво приваренным к рукам и телу, двигались своим ходом. Столько конструктов сразу не видели уже много лет.

Они топтали ногами, давили гусеницами обломки кирпича и осколки стекол, усыпавшие улицу. Впереди ехал огромный бульдозер с клиновидным отвалом, который должен был разрушить баррикаду.

Коллективисты швыряли в него гранаты, бомбы, спешно послали за магом в надежде, что тот остановит уродливого монстра, но было поздно. Все знали, что придется отступать. И сдать баррикаду, а вместе с ней и улицу.

Крыши над ничейной полосой заняли простые снайперы и колдуны, готовые обрушить на конструктов и милицию огонь

выстрелов и заклятий. Поначалу они нанесли правительственным войскам серьезный урон, но потом в дело вступила картечница, и десятка два стрелков попадали с крыш, разбившись в лепешку и посеяв панику среди остальных.

Пока конструкты набирали скорость, коллективисты снялись с места и бросились врассыпную по переулкам. Рахул и Марибет не знали, куда бежать. Они двинулись ко второй линии баррикад, которая не закрывала их от огня милиции. Позднее Каттер услышал о том, что случилось: двое переделанных на мощных звериных ногах метались между двумя линиями обороны, а перепуганные коллективисты подзывали их к себе, пытаясь помочь. Марибет подвернула копыто, угодив в воронку от бомбы, и, пока она пыталась встать, а Рахул помогал ей, вцепившись в нее всеми своими руками, раздался скрежет — это бульдозер начал сносить баррикаду. Лояльный правительству кактмилиционер, первым перепрыгнув через тонны городского мусора, выстрелил Марибет в шею из дискомета.

Рахул рассказал им об этом, когда добрался до дома Ори. Впервые в Нью-Кробюзоне погиб представитель Совета.

На территории Коллектива появились плакаты, которые наполовину умоляли, наполовину приказывали жителям остаться.

> «КАЖДЫЙ БЕЖАВШИЙ — МУЖЧИНА, ЖЕНЩИНА ИЛИ РЕБЕНОК — ОСЛАБЛЯЕТ КОЛЛЕКТИВ. ВМЕСТЕ МЫ ПОБЕДИМ».

Разумеется, препятствовать массовому исходу они не могли: беглецы уходили под кордонами в Нижний город или умирающие предместья за Крупнокалиберным мостом.

Большинство стремились к Зерновой спирали и Нищенским предгорьям, а самые предприимчивые подались в Строевой лес, чтобы стать разбойниками. И лишь очень немногие с риском для жизни собирались в партизанские отряды и прокладывали путь через хаос городских окраин, мимо беглых милиционеров-бандитов, через кварталы бедняков, где люди одичали без еды, потому что Парламент забыл про них в этой схватке. На западе они проходили мимо давно заброшенных ангаров и складов, где некогда был центр деятельности ТЖТ. Там ржавели оставленные паровозы и платформы.

Но в офисах еще горел свет и продолжалась жизнь: это боролись за существование остатки компании Яни Правли, последняя команда из нескольких десятков клерков и инженеров. На плаву их держали финансовые спекуляции, сдача в металлолом железнодорожного имущества и услуги по охране и охоте за головами, которые оказывала устроенная по армейскому

образцу гвардия ТЖТ — крошечная, но сохранившая верность корпоративным принципам Яни Правли и презиравшая Дикобразов с их расовыми погромами. Именно они стерегли обширную территорию треста и порой натравливали на беглецов своих собак.

Беженцы брали инструменты и шли от бывшей конечной станции туда, откуда по проекту начиналась линия железной дороги Толстоморск — Миршок.

— Оно движется, внизу, оно, они, тешане, движутся. — Голос Курабина гремел где-то рядом с ними.

Все были в сборе: Дрогон и Элси, Курабин, Каттер, Иуда и Торо. Рахул стоял на страже. Они оплакивали Марибет. Курабин нервничал.

— Очень скоро что-то произойдет, — говорил он.

Чужим, неожиданно надломленным голосом Ори рассказывал историю своих отношений с таинственным бродягой: как тот дал ему денег, как показал гелиотип Джека-Полмолитвы. Как помогал Торо.

— Я не знаю, кто планировал операцию, — сказал Ори. — Джейкобс? Нет, нет, это был план Торо, я уверен, потому что он оказался совсем другим, чем я ожидал. Но он все равно сработал. А Джейкобс сказал, когда я его увидел… по-моему, ему было все равно. У него другое на уме. Для него это… просто маневр.

Они обещали дождаться Курдина и Мадлену, надеясь на их помощь. В то утро Иуда упросил их обратиться к делегатам за содействием, но что можно было сделать? Милиция отвоевывала дом за домом, урезая территорию Коллектива; уже ходили слухи о показательных казнях на возвращенных правительству улицах.

— Нам некого дать тебе, Иуда, — отвечал Курдин.

Они вернулись поздно.

— Пришли, как только освободились. Было тяжело, — сказал Курдин. — Здравствуй, Джек, — приветствовал он Ори.

— Сегодня мы потеряли Шумные холмы, — сказала Мадлена.

Она была сурова; оба были суровы. Мадлена старалась не поддаться отчаянию.

— Это было что-то особенное, — сказал Курдин. — Они продержались на два дня дольше, чем должны были. Милиция перешла Холмистый мост, а там засели все баррикадные бойцы, и тут откуда не возьмись появилась Смазливая Бригада. И дрались они великолепно.

На последнем слове Курдин внезапно перешел на крик и заморгал. В наступившей затем паузе были слышны разрывы бомб на передовой.

— Обуза, говорят некоторые. Да они дрались как львы. Они шли строем, в платьях и стреляли на ходу. — Курдин рассмеялся с нескрываемым удовольствием, вспомнив, как это было. — Потом бросились в атаку, закидали милиционеров гранатами — только подолы трещали. И, как были, с помадой и патронами в сумках, смели тех к чертям собачьим. В последние дни эти парни ничего, кроме сухих корок да крысиного мяса, не видали, а дрались, как гладиаторы в Шанкелле. Только картечницы их остановили. Они умирали, крича «ура» и целуя друг друга.

И он снова часто заморгал.

— Но их одних было мало. Нувисты погибли. Петрон и вся его команда. Милиция снова перешла в наступление. Завязались уличные бои, но было ясно, что Холмы потеряны. Сегодня пришел последний шар. Повстанцы в Шумных холмах пускали запечатанные стеклянные шары вниз по Вару, мимо острова Страк, а наши барочники и те, кто копается в речной грязи, ловили их и вынимали послания. Я пытался, Иуда, честное слово, хотя и считаю твой план безумием. Но у нас просто нет свободных людей. Все сражаются за Коллектив. Я их не виню, я и сам собираюсь к ним присоединиться. Нам осталась пара недель, не больше.

Мадлена смертельно побледнела, но молчала.

— Я не могу помочь тебе, Иуда, — продолжил Курдин. — Но кое-что хочу тебе сказать. Когда ты сбежал и пошли слухи зачем, я решил, что ты… не то чтобы спятил, просто поглупел. Весь ум растерял. Я и не думал, что тебе удастся найти Железный Совет. Я был уверен, что он давно погиб, превратился в ржавеющий посреди пустыни поезд. Полный скелетов. Я ошибался, Иуда. Ты и все вы сделали то, что я всегда считал невозможным. Не стану утверждать, что Коллектив возник благодаря вам, потому что это не так. Но признаюсь честно, когда прошел слух о том, что Железный Совет возвращается… короче, все сильно изменилось. Даже когда мы все считали, что это только слух, когда я думал, что это просто легенда, даже тогда ощущение было такое, будто… в общем, что-то незнакомое. Может быть, мы слишком рано прослышали о вашем возвращении. Может быть, в этом все дело. Но для нас все стало иначе. Однако я не совсем доверяю тебе, Иуда. Только пойми меня правильно, я вовсе не считаю тебя предателем. Ты всегда помогал нам големами, деньгами… но при этом ты наблюдал за нами издалека. Как будто ждал, понравимся мы тебе или нет. А это неправильно, Иуда. Удачи тебе. Если ты прав, что вполне вероятно, я желаю тебе победы. Но я не пойду драться вместе с тобой. Я дерусь за Коллектив. Если ты победишь, а Коллектив — нет, мне все равно незачем жить.

Пожалуй, тут была доля преувеличения, но все же Каттер в знак уважения вытянулся.

— Как ты планируешь покончить с этим, Иуда?

Иуда поджал губы.

— Я кое-что устрою, — сказал он.

— Что устроишь?

— Кое-что. А еще у меня есть тот, кто знает, что делать. Тот, кто знает тешскую магию.

— Я знаю, я знаю, — внезапно и громко заговорил Курабин. — Мгновение, которому я поклоняюсь, все мне расскажет. Поможет мне. Оно ведь тоже из Теша. И знает тех богов, к которым, наверное, обращается консул.

— Консул? — переспросила Мадлена, и когда Иуда объяснил ей, что Спиральный Джейкобс — тешский посол, Кур-дин засмеялся. Не самым приятным смехом.

— Так, стало быть, твой тешанин знает, что делать? — Курдин неуклюже проковылял к нему на своих четырех ногах. — Ты умрешь, Иуда. — Голос его был полон искренней печали. — Если ты прав, то тебя ждет смерть. Удачи.

Пожав всем руки, Курдин зашаркал прочь. Мадлена пошла с ним.

ГЛАВА 29

Несмотря на зиму, неожиданно стало тепло. Выражение «не но сезону» ничего не объясняло: в оттепели было что-то сверхъестественное, город как будто грелся изнутри. Температура на улицах сравнялась с температурой живого тела. Отряд скитался вместе с Торо.

Две ночи они бродили по улицам следом за Ори, который останавливался у каждой исписанной стены и подолгу вглядывался в рисунки. И каждый раз, когда им не удавалось отыскать Джейкобса, Курабин впадал в животное отчаяние. Иногда Торо проводил пальцем по спирали Джейкобса, находил какие-то знаки, кивал, опускал голову и исчезал на сколько-то минут, но каждый раз возвращался и тряс головой: «Нет, ни следа».

Однажды он просто не нашел старика; в другой раз нашел, но далеко, на самом севере города, где тот в тишине и покое Плитнякового холма оставлял свои каракули, нисколько не пугаясь Ори, как и раньше. Остальные просто не успели бы добраться туда. Ори следовал за Джейкобсом по всему городу, но, пока старик не вернулся в Собачье болото, для остальных он был недоступен, а Ори ничего не мог с ним поделать в одиночку.

Каждый день завершался мыслью о том, что человек, вознамерившийся уничтожить их город, разгуливает на свободе и до него даже не дотянуться. Они пытались обезопасить хотя бы улицы Коллектива. С берега реки они наблюдали бой между двумя враждебными поездами: милиционеры и коллективисты стреляли друг в друга через окна вагонов, двигавшихся параллельно по Правой линии.

Прилетели и улетели дирижабли, сбросив горы листовок.

«Люди так называемого Коллектива, — гласили они, — правительство мэра Триеста не станет мириться с массовыми убийствами и бойней, развязанными в Нью-Кробюзоне по вашей милости. После возмутительного случая с башней Барачного села все граждане, не желающие покинуть Коллектив, считаются соучастниками презренных махинаций ваших комитетов. Приближайтесь к милиции с пустыми, поднятыми вверх руками, громко объявляя, что сдаетесь…» И так далее.

Настала третья ночь. На улицы высыпали сотни коллективистов, представители всех рас — последняя волна мобилизации. Повсюду творилась безобидная магия: фокусники доставали из рукавов лоскутки света, цветомаги посылали ввысь стаи птиц, сделанных из сияния. Повстанцы устроили ночной

карнавал, как это уже было однажды.

То и дело прибегали люди с сообщениями о внезапном прорыве милиции, начиналась паника, потом выяснялось, что это лишь слух, ничего серьезного. Все пили и закусывали дрянной едой, которую удалось раздобыть в Коллективе или пронести через милицейский кордон. Настроение царило новогоднее. Звучали тосты за Иуду, Торо, Каттера и других, когда те проходили мимо под слабо светившими газовыми фонарями, поднимались кружки с самогоном и пивом за здравие Коллектива.

Курабин стонал — тихо, но отчетливо.

— Что-то происходит, — ни к кому не обращаясь, сказал Каттер.

Они миновали Борную развилку, где стоял клин домов старинной постройки, а в пересохших фонтанах военные сироты играли в пристенок и привязывали гильзы к хвосту шелудивого пса. Торо шел, даже не пытаясь скрыться, и дети, увидев его, стали показывать пальцами и улюлюкать.

— Эй, Бык, Бык, что делать будешь? Кого убивать идешь?

Каттер не знал, кто, по их мнению, Ори: просто человек в странном наряде или тот самый бандит-одиночка. Возможно, что в экзотическом мире Коллектива никто не испытывал трепета ни перед богами, ни перед тайнознанием.

Походкой ископаемого ящера подошел Рахул: в каждой человеческой руке он держал по ножу, мускулистые лапы рептилии были поджаты к телу.

— Идем, идем же, — сказал Курабин.

Возле каждой стены с граффити Ори останавливался и изучал рисунки, всматриваясь в них светящимися стеклянными глазами быка. Натужно фыркнув, он вдруг выпрямил ноги, ткнул в пустоту рогами и исчез, но тут же возник из новой прорехи на несколько футов дальше, причем так быстро, что Каттеру показалось, будто ноги Ори еще торчали из одной дыры, когда голова уже выглядывала из следующей.

— Он здесь, — сказал Ори. — Станция «Траука». Идем.

Меньше чем в миле. Они шли вдоль ограждавшей реку стены, мимо давно пустых рынков, напоминавших кладбище скелетов: повсюду торчали металлические ребра брошенных прилавков.

Они ничем не выделялись среди множества других людей, перебегавших с места на место в ту ночь. К Трауке вели узкие старые улочки, застроенные уродливыми домами, на которых поверх намалеванных краской лозунгов «Территория свободного Коллектива» и «Выкуси, Стем-Фулькер» кто-то другой вывел:

«Хана, братцы». Торо исчезал, на соседней улице появлялся снова, манил их к себе, одной рукой придерживая разрыв в коже мира, чтобы сквозь него следить за передвижениями врага, возвращался к отряду, чтобы указать путь. Впечатление было такое, будто по городу их ведет целая стая одинаковых людей с бычьими головами.

Со шлема Торо крупными каплями падала удивительная цветная кровь, валил густой пар; рога искрили, словно через них пропустили ток. Беспрерывное насилие над законами бытия перегружало магические каналы.

— Идем, — повторил Торо и снова поманил их. — Он здесь, в двух поворотах отсюда, налево и еще раз налево, он уходит, скорее.

В густой тени под кирпичным эркером Иуда остановился, чтобы соединить вместе два керамических проводника и какую-то воронку. Что-то щелкнуло, и магия началась. Иуда зашептал призыв — не заклинание, а именно призыв, по его словам, разница между этими понятиями была огромная, — не умоляя, а творя, созидая материю или идеоматерию. Каттер следил за тем, как сосредоточивается Иуда. Глядя на этого человека, к которому он никогда не испытывал ничего, кроме животной страсти, Каттер почувствовал трепет, мурашками прошедший по его коже, — перед ним был самый могущественный големист Нью-Кробюзона, маг-самоучка.

Сгущалась тьма: ее собирало вокруг себя Иудино устройство. Шевелилась темная плазма, становясь густой, тягучей массой, тени складывались в облако несвета и, точно вода, текущая в отверстие слива, собирались в конус, густея и мрачнея на ходу. Очищенные от теней кирпичи имели уродливый, противный природе вид. На них не падал свет, но ушедшая тьма обнажила их, открыв взгляду расчерченную на ровные квадраты бесцветность. В кирпичном тупике произошло нечто небывалое: среди полной темноты возник островок видимости без света, красок и теней.

Тени выползали из воронки, образуя нечто среднее между лужей масла и человеческой фигурой, темное, расплывчатое, но предельно ощутимое присутствие, тело, образованное чернотой. «Боги мои, так вот чему ты научился во время своих занятий?» — мелькнуло в голове у Каттера. На его глазах Иуда оживлял сотни других големов, но столь бесплотного, как этот, — никогда. Иуда поднял руки. Голем, созданный из темноты, ростом в восемь футов, распрямился, шагнул в ночь и наполовину растворился в ней: тьма на фоне тьмы, двигавшаяся как человек.

Иуда собрал оборудование и шепотом скомандовал:

— Вперед!

Он побежал, а его товарищи, ошеломленные увиденным, отстали, не сразу вспомнив, как переставлять ноги. Рядом с ними совершенно беззвучно скакал похожий на гориллу черный голем.

Налево, снова налево. В проулок между темно-коричневыми стенами со множеством окон, но без единой двери; стены нависли над улицей утесами из кирпича и известки, будто предлагали заглянуть куда-то вдаль, на страну, скрытую за их фасадами.

Впереди мчался Торо, один его рог вибрировал, охваченный пламенем. Он окликнул своих спутников, но его голос потонул в гулких содроганиях шлема, треске рогов, которые шелушились и раскалывались. Теперь занялся даже металл, и Ори, визжа, отчаянно дергал застежки. Освободившись, он выпрямился; пот ручьями стекал по его лицу.

— Вон он! — показал Ори рукой.

С дальнего конца улицы за ними следил старик, державший в руке кисть с каплей краски на ее конце. Повернувшись, он неуклюже, точно неопытный бегун, затрусил туда, где улица делала поворот. Это был Спиральный Джейкобс.

— Не спускайте с него глаз! — прокричал Ори и побежал, бросив шлем на съедение синему огню.

Каттер видел, как лопнули волшебные стеклянные глаза, вспыхнули странным цветом искры, пожирая тайну металла. Шлем больше не походил на голову статуи: теперь это был обыкновенный череп быка, охваченный огнем.

Они старались не отстать от Ори, который мчался так, будто сила быка все еще не покинула его.

— Вперед, не упускайте! — кричал он.

На краю их поля зрения, там, где длинный переулок изгибался влево, удивительно быстро двигался старый согнутый Джейкобс. Иуда и Каттер бежали сразу за Ори, рядом с ними маячил черный голем, чуть позади мчался Дрогой, остальные поспевали, как могли. Эхо заполнило переулок, отзвуки шагов метались в узкой щели между домами. Все прочие звуки исчезли: не было ни грохота войны, ни визга клаксонов, ни других шумов со стороны Парламента или Коллектива. Только стук подошв отражался от по-зимнему сырых кирпичных стен.

— Куда он? — прокричал Ори.

Каттер обернулся и увидел, что Рахул, отставший на несколько шагов, вдруг исчез за углом и не появился снова. Где он? Выскользнул из-под влияния Джейкобсовых чар, перекраивающих пространство, и его засосало в Нью-Кробюзон; одни боги знают, где он теперь выскочит из-за поворота.

Джейкобс продолжал бежать, и — что это — неужели он смеялся? Они понеслись быстрее, и тут с крыш снова обрушились звуки и свет. Дрогон неожиданно отстал, а Джейкобе продолжал идти, и краска все капала с его кисточки, а переулок между тем кончился, и шаги старика перестали отдаваться от стен, когда он вышел на открытое пространство. Преследователи выскочили за ним. Холодный ветер дул им в лицо: они снова были в городе, на другом конце все того же длиннющего переулка.

Рахула не было, исчез и Дрогон: оба оступились и потерялись в подвижном городе. Каттер оказался впереди. Иуда шел следом, а рядом с ним — нога в ногу — шагал темный голем. Спиральный Джейкобс был в двадцати ярдах и не глядел на них.

Что это за место? Каттер нашел в небе луну и посмотрел вниз: он оказался внутри полукруга стен и башен. Надо было разобраться: полукруг, да еще увенчанный шпилями монолит, а за ним минарет, да еще что-то огромное, со множеством огней, а над всем этим — мощный строй дирижаблей. Они явно оказались за пределами Коллектива.

Над ними возвышалась огромная колонна, от которой во все стороны бежали провода. Штырь. Они стояли во дворике неправильной формы. Стены были сложены из камней разной породы и цвета. Через бетонный пол под ногами передавалось какое-то подрагивание. Далеко внизу виднелась земля. Каттер смотрел вперед, на линию крыш, на раскинувшийся под ним город.

Вокзал потерянных снов. Ну конечно. Они стояли посреди огромного пустого амфитеатра, случайно образованного башенками и уступами здания и поросшего травой, так что на крыше станции возник пустырь. Не предусмотренное архитекторами, всеми забытое пространство внутри гигантской постройки. Проход, по которому они недавно бежали, казался с такой высоты не переулком, а трещиной в бетоне.

Из огромных кирпичей, рядом с которыми люди чувствовали себя куклами, торчали остатки деревянных перекрытий: открытое пространство было когда-то частью интерьера. Сверху донизу стену покрывали спирали — целый лес спиралей до самых небес. Одни были запутанные и сложные, как переплетение ветвей шиповника, другие — простые, как домик улитки. Сотни, тысячи. Не один месяц ушел на эту работу. У Каттера вырвался вздох. С вершины стены сквозь лес спиральных пиктограмм спускалась черная закрученная линия. Огромная спираль, фиксирующая это место в пространстве.

На краю усыпанного кирпичной крошкой, заросшего сорняками пустыря стоял Джейкобс, тешский посол. Он рисовал в

воздухе знаки и пел.

— Он торопится, — промолвил Курабин, чей бесплотный голос прозвучал совсем близко. — Мы заставили его начать. Он не был готов, но ему пришлось начать сейчас, раньше времени… Он пытается вызвать его, тизиака, духа-убийцу… чуете? Спешите. — И голос исчез.

Ори бежал — через пустошь, по засохшей высокой траве, которая трещала от холода, по открытому пространству, навстречу морю городских огней. Другие бежали за ним, хотя никто не знал, что делать.

Спиральный Джейкобс затрясся, и воздух вокруг затрясся вместе с ним. Сотни призраков начали сгущаться из пустоты. Каттер видел в воздухе клочок чего-то молочно-белого, вроде катаракты, который вдруг свернулся в комок, запульсировал, точно ползущий червяк, и превратился в бледный призрачный табурет — самый обыкновенный, трехногий, из тех, что стоят на кухнях. Рядом с ним возникло непомерно большое насекомое, а еще цветок, горшок и рука, свеча, лампа — все мороки, которые осаждали Нью-Кробюзон. Эти бесцветные призраки, на вид грубоватые и непропеченные, вертелись в воздухе. А когда Каттер подошел ближе, мороки закружились друг вокруг друга по замысловатым орбитам, медленно складывавшимся в невероятно сложную спираль, при этом ни разу не столкнулись и никого не задели. Вот они задвигались быстрее, и центром их вращения стал Джейкобс. Водоворот повседневных, до жути обыденных вещей.

Ори кинулся прямо в него. Призраки еще не вошли в полную силу; они еще не высасывали из него цвет. Вот Ори дотянулся до Джейкобса. Старик поглядел на него и что-то сказал: поздоровался, как показалось Каттеру.

Он видел, как Ори размахивал кулаками, пытаясь ударить Джейкобса, но все время промахивался, словно не мог рассчитать время и расстояние. Завопив, Ори упал на колени. Тут подоспел Иуда, а с ним и черный голем.

Огромная тварь развела непомерные черные руки, сжала Спирального Джейкобса в объятиях, и того тут же накрыл несвет. Какое-то время его не было видно. Джейкобс пошатнулся, замер, помутнел и потемнел, а вместе с ним остановились призраки, угасая, точно потушенные лампы. Они закружились снова, стоило Джейкобсу опять набрать силу и свет, а тот зарычал, впервые показав, что сердится.

Джейкобс пошевелил руками, и мороки сбились в косяк, развернулись и пронеслись сквозь голема, пробив в нем большую светлую брешь. Тот споткнулся, словно раненый, и снова,

повторяя движения Иуды, попытался задушить Джейкобса. Светлая прореха в темном его теле росла.

Сделав шаг назад, голем покачивался на тающих черных ногах, пока свет пожирал его изнутри. Джейкобс вырвался из его темных рук и оскалил почерневшие зубы. Мороки роились в воздухе. Джейкобс, точно клочьями паутины, был облеплен тьмой от голема, душившей его. Он изрыгнул из себя поток бестелесных теней. Разлившись по земле, тени поползли туда, где им полагалось быть, — под световые пробки. Темный голем упал, Иуда вместе с ним, и, пока он несколько секунд лежал без сознания, голем исчез.

Ори плакал, все пытаясь ударить Джейкобса и никак не попадая. Спиральный отвернулся, даже не взглянув на рыдающего юношу, который вскинул кулаки, едва не упав, и вновь замолотил воздух. Джейкобс выбросил вперед руку, поток материи подхватил Ори и швырнул к стене. От косяка отделилась небольшая стайка видений, подлетела к Элси и, не касаясь девушки, на миг обвила ее прозрачным щупальцем; вокруг Элси завертелись бесцветные предметы — миска, кость, клочок ваты. Ее лицо внезапно сделалось серым, она закашлялась, к глазам прилила кровь, но кровь странная, бесцветная. Элси не упала. Осторожно, словно укладываясь спать, она выбрала себе на полу местечко, легла и умерла.

Призрачный водоворот вертелся так быстро, что все мороки, казалось, слились воедино — что-то вроде потока взвихренного масла. Джейкобс нарисовал еще одну спираль, и все вокруг задрожало. Ори, будто вмурованный в стену, дрожал и постанывал.

Иуда очнулся. Джейкобс задвигал руками. Мороков не было; от них остался лишь молочно-белый осадок в воздухе, пронизанный полосами каких-то испарений. Джейкобс надрывался, таща что-то из пустоты: оно дрожало и упиралось. Постепенно, словно из-за угла или из-под воды начала возникать некая сущность.

Сначала она показалась Каттеру очень маленькой, а может, и очень большой, только далекой, но потом или выросла, или приблизилась, двигаясь очень медленно либо, наоборот, быстро, но из безумного далека. Каттеру никак не удавалось определить ее размеры. Он ничего не видел. Только слышал. Он ничего не видел. Но тварь производила звук. Та тварь, которую призывал Джейкобс, тот дух-убийца, несущий смерть городам, выл, и Каттер слышал его вой. Он приближался, двигаясь по спирали, точно растущая лоза, поднимался, будто выпущенный из колодца. Его вой походил на скрежет металла.

Каттер видел, как изменились внизу городские огни. Пока приближалась невидимая, но осязаемая тварь, дома словно освещались изнутри. Постройки Нью-Кробюзона засверкали. Уличные фонари и заводские огни стали походить на блестящие глаза.

Нью-Кробюзон стал оболочкой для неведомой твари. Она надела его на себя, как кожу, — или только разбудила то, что дремало в городе изначально? Каттер понял, что тварь совсем близко, когда бетонная стена подле них внезапно стала похожа на бок напряженного, готового к броску зверя. Тешский демон превратил в хищника сам город, пробудив в мегаполисе охотничий инстинкт.

«Громадный, какой же он громадный, когда же он кончится?» — подумал Каттер. И на него навалился сон, как смерть от внезапной кровопотери.

— Я знаю твоих богов, — сказал Курабин.

Тварь приближалась. Здания напряглись. Вид у Спирального Джейкобса внезапно стал испуганным.

Курабин был лишь голосом, движущимся в пустоте. И в этом голосе угадывались истерика, агрессия, жажда драки. Курабин дразнил Джейкобса. Каттер был уверен, что, не забудь монах свой родной язык, они услышали бы прерывистые, запинающиеся звуки тешского. Но Курабин помнил лишь рагамоль.

— Фокусничаешь… что, легко запугивать тех, кто не понимает, в чем дело, а? А ну как нарвешься на того, кто знает? На другого тешанина? Который может выведать секреты Теша? Твои секреты?

Спиральный Джейкобс что-то выкрикнул.

— Я тебя не понимаю, браток, — сказал Курабин, но Каттер не сомневался, что посол назвал его предателем. — Знаешь, кто я такой? — спросил Курабин.

— Да, знаю! — прокричал Джейкобс и выставил вперед руки, подтолкнув вихрь призраков туда, откуда доносился голос, но маслянистая воронка не встретила никакого сопротивления. — Ты — болтун-моментщик.

Иуда, пытаясь подняться, зарывал руки в грязь, которая тряслась, предчувствуя приближение духа. Он пытался сделать из нее голем, какой угодно.

— Он идет! — закричал Каттер.

Дух вылезал из своей могилы в реальность, вступая с ней во все более и более невероятные отношения. Кирпичи, а за ними и стены растягивались с его приближением. Строения шевелились.

— Все твои божки и демиурги живут в своих моментах,

тешанин. А мой Момент знает их все.

Голос Курабина грохотал, перекрывая шум от приближения демона-убийцы. Спиральный Джейкобс плюнул, и от его плевка по молочно-белому вихрю прошла волна. Курабин взревел и стал выкрикивать слова.

— Теке Вогу, — начал он, — пожалуйста, скажи мне… — Но его голос смолк, когда монах скользнул в то пространство, где жил и слушал его Момент.

Все замерло; застыл, казалось, даже близящийся дух. И тут вновь заговорил Курабин, задыхаясь, как от сильной боли: видно, бог заломил высокую цену. Каттер боялся даже представить, с чем монах расстался на этот раз, но кое-что узнать ему удалось. Как только демон Фазма Урбомах — на вид вроде дрожащего водяного знака — заполнил собой пространство, превращая кирпичи, шпили, флюгеры и черепичные крыши ночного Нью-Кробюзона в кошмарные когти и клыки, пробуждая город к жизни, ужаснувшей Каттера, Курабин выпустил свое тайное знание, и оно буквально втолкнуло демона туда, откуда он пришел. Урбомах силился вырваться снова.

Иуде удалось послать к Джейкобсу голема из земли и травы, но тот рассыпался, так и не успев достичь цели. Тогда Иуда поднялся и попытался сделать голема из воздуха, но того поглотил белый туман.

Спиральный Джейкобс выругался по-тешски, Курабин завизжал, а демон снова полез наружу, но последний вопль монаха — последняя истерическая мольба о помощи — сделал свое дело: знание было дано, и страшный убийственный дух заскользил в пропасть. Пока Спиральный Джейкобс осыпал проклятиями самый воздух вокруг себя, тот прояснился и изрыгнул какую-то фигуру. Это был монах: обессиленный, с залитым кровью лицом, Курабин улыбался и, забыв теперь и рагамоль, часто раскрывал рот, словно тюлень. Каттер разглядел, что у него не было глаз Такую цену пришлось уплатить за тайное знание, спасшее им жизнь. Протянув руку, Курабин схватил посла и шепнул ему последнее слово отступника-тешанина, уже вступившего в область истинной тайны, в то скрытое от всех место, где обитал Теке Богу. Воздух позади них расступился, и оба исчезли в образовавшемся провале вместе с Урбомахом.

Осталась лишь рассеянная в воздухе белизна. Но вот она начала густеть, сворачиваться в огромные хлопья, точно белок в кипящей воде, затвердела и завоняла. Уплотнившись, она просыпалась похожим на рис дождем, и небо и воздух вокруг снова стали пустыми.

Тишина сгустилась, потом отхлынула, и Каттер снова

услышал выстрелы вокруг. Перекатившись на живот, он увидел Иуду, который, шатаясь, вставал на ноги, точно пьяный от вони, оставшейся после мороков. Увидел неподвижно сидящего Ори, который врос спиной в стену и истекал кровью. Увидел кучку чего-то серого — тело Элси. Увидел, что над их головами пусто. Курабин, Спиральный Джейкобс и демон, изничтожитель городов, исчезли.

ГЛАВА 30

Они звали Курабина и вслух, и шепотом, но монах определенно исчез.

— Ушел в свой Момент, — сказал Иуда.

Элси была мертва и бесцветна. Ори сидел у стены, как пришитый, его кожа, соприкоснувшись с кирпичом, сама превратилась в кирпич. Стык покрывала запекшаяся кровь. Парень тоже был мертв.

Глаза Ори остались широко раскрытыми. Каттеру было ужасно жаль юношу. Он утешал себя тем, что лицо у парня такое мирное, спокойное. «Отдыхай, — думал он, — отдыхай».

Не спеша они обошли замкнутое пространство, в котором оказались, и обнаружили в кладке дыру. Нет такой стены в Нью-Кробюзоне, где не отыскалась бы лазейка. По крытым галереям, коридорам с гулким металлическим полом и лестницам они вошли внутрь Вокзала потерянных снов. Мертвых друзей пришлось оставить в потайном саду. Другого выхода не было.

В гигантском, перетянутом железными балками внутреннем пространстве вокзала, в самом его центре, куда сходились все пути, Иуда и Каттер бросили свое оружие, как могли, отчистили одежду, заляпанную брызгами призрачного дождя, и смешались с потоком припозднившихся пассажиров и милиционеров. Затем сели в поезд.

Вагон, везущий рабочих на ночную смену, задребезжал над непримечательным городским пейзажем Ладмида. Когда на севере показались купола Нью-Кробюзонского университета, они вышли на «Узловой станции Седим». Дождавшись, пока платформа не опустеет, Каттер повел Иуду к рельсовой развилке, откуда шла линия на Паутинное дерево и Собачье болото. Лунный серпик едва забрезжил над городскими огнями, когда они сошли на рельсы и двинулись на юг.

Несколько линий надземной дороги проходило по территории Коллектива — коллективисты даже пытались, чтобы не уступать Триеста, запустить собственную короткую надземку, от Сириакского пригорка до станции «Селитра» и от станции «Низкопадающая грязь» до станции «Обод». Обычные поезда и те, на которых развевались флаги Коллектива, должны были двигаться по одним и тем же линиям и тормозить над многоскатными крышами, разделенные несколькими ярдами пространства и вклинившимися в него баррикадами.

Огромные Ребра дугами вставали над городом. Примерно на середине, ярдах в двадцати над линией надземки, плавность

изгибов нарушал обломок: в одно из Ребер попал снаряд. Белый зазубренный край уже слегка пожелтел. Внизу на улице Каттер увидел рваную дыру в одной из террас: туда, круша все на своем пути, упал отломившийся конец Ребра. Там он и лежал в окружении руин — костяная бомба весом в несколько тонн.

Они шагали по ничейному отрезку дороги, по обе стороны которой любопытными перископами выглядывали из болота городских улиц колпаки дымовых труб, пока не увидели на путях баррикаду, освещенную факелами. Внизу в переулках шел бой: внезапное нападение милиции заставило защитников отступить и сдать несколько улиц, но коллективисты продолжали сопротивляться, отстреливаясь из-за уличных киосков, будок вокситераторов и фонарных столбов.

Из-за баррикады приближался военный поезд. Иуда и Каттер видели его огни и чувствовали поток воздуха. Пассажиры поезда обстреливали милицию снарядами. Состав шел с юга, из доков Паутинного дерева.

— Стоять, ублюдки! — донеслось из-за баррикады.

Каттер приготовился упрашивать, чтобы их впустили, но Иуда вдруг вышел из ступора и возвысил голос:

— Знаешь ли ты, с кем говоришь, хавер? Пропусти меня немедленно. Я Иуда Лёв. Иуда Лёв.

Дверь открыла квартирная хозяйка Ори.

— Неизвестно, вернется ли он, — сказал Каттер, и женщина, отведя глаза и поджав зеленые губы, кивнула.

— Уберусь позже, — сказала она. — Он хороший мальчик. Мне он нравится. Ваши друзья здесь.

В комнате Ори оказались Курдин и Мадлена. Девушка была в слезах. Тихо, как мышка, она сидела у постели. Там лежал Курдин, кровь которого пропитала матрас. Он был покрыт испариной.

— Ну как, мы спасены? — спросил Курдин, когда Иуда и Каттер вошли в комнату, и, не дожидаясь ответа, добавил: — Жаркое тут вышло дельце.

Они сели рядом. Иуда обхватил голову руками.

— Мы взяли в заложники несколько человек — священников, членов Парламента, однопартийцев бывшего мэра. А толпа… Они просто взбесились, — покачал головой Кур-дин. — Он мертв или умирает. — Курдин постучал себя по задней ноге. — Этот. Который у меня внутри. Вот, собственно, и все, что случилось плохого. — И он лягнул свою израненную заднюю ногу. — Иногда мне казалось, будто он хочет куда-то пойти. У меня в животе узел. Интересно, когда они его туда вставили, он был уже

мертвый или они сохранили ему жизнь? И как с его мозгами, они что, тоже там, внутри? Тогда он, наверное, сошел с ума. А значит, я был либо полутрупом, либо полубезумцем. А может, ходячей тюрьмой.

Он закашлялся, и выступила кровь. Долгое время все молчали.

— Жалко, нет, правда, так жалко, что вас не было с нами, когда все началось. — Курдин смотрел в потолок. — Мы сами не знали, что делаем. Люди на улице понимали все куда быстрее Союза. На нашу сторону переходили даже милиционеры. Приходилось бежать изо всех сил, чтобы не отстать от событий. Мы устраивали лекции, на них приходили сотни людей. Кактусы проголосовали за то, чтобы разрешить людям доступ в Оранжерею. Не буду говорить, что все у нас было хорошо, — нет. Но мы старались.

Снова наступило молчание. Мадлена не сводила глаз с лица Курдина.

— Хаос. Сторонники уступок требовали встречи с мэром. Петиционеры хотели мира любой ценой. Ястребы кричали, что мы должны раздавить Теш: по их мнению, город стал малодушным. Во главе всего — горстка людей Союза. И куча провокаторов вокруг. — Он улыбнулся. — Мы строили планы. И делали ошибки. Когда мы захватили банки, то Союз слабо настаивал на своей правоте или был вовсе неправ… в общем, дело кончилось тем, что мы стали брать у них деньги по мелочи, да еще с их позволения. Нам в голову не приходило, что это все наше.

Курдин долго молчал, и Каттер даже решил, что он умер.

— Когда-то все было совсем иначе, — сказал наконец Курдин. — Жаль, что вы этого не видели. А где Рахул? Я хотел поговорить с ним… Ну что же, он и те, кто с ним, кое-что увидят. Они ведь идут или нет? Одни боги знают, что им тут предстоит. — Курдин затрясся, как будто от беззвучного хохота. — Милиция наверняка знает о приближении Железного Совета. Это хорошо, что он возвращается. Пораньше бы только. Мы думали о них, когда делали свое дело. Надеюсь, они будут нами гордиться.

К полудню Курдин впал в кому. Мадлена присматривала за ним.

— Это он пытался остановить толпу, когда люди стали срывать зло на заложниках. Он пытался их защитить, — проговорила она.

— Слушай меня, — сказал Иуда Каттеру, они вышли в коридор; неуверенность Иуды как рукой сняло, он был тверд,

словно железный голем. — Коллективу конец. Нет, молчи и слушай. Ему конец, и если Железный Совет придет сюда, с ним случится то же. У них нет шансов. Милиция соберется на границе города. И будет просто ждать. Пока Железный Совет сюда доберется — недели через четыре, так? — с Коллективом давно будет покончено. И милиция соберет все силы для того, чтобы нанести удар. Но я им не позволю, Каттер. Не позволю. Слушай меня. Тебе придется им сказать. Тебе придется вернуться и рассказать им. Пусть уходят. Отведи поезд на север, найди путь через горы. Делай что хочешь. Пусть бросают поезд и идут в разбойники. Все, что угодно. Только пусть не появляются здесь… Молчи.

Каттер хотел что-то сказать, но тут же закрыл рот. Он никогда не видел Иуду таким: все спокойствие святого как ветром сдуло, осталась лишь воля, твердая, как кремень.

— Молчи и слушай, — продолжал Иуда. — Тебе надо идти. Выбирайся из города как хочешь и иди их искать. Если Рахул или Дрогон вернутся, я пошлю их за тобой. Но, Каттер, ты должен остановить поезд.

— А ты?

Лицо Иуды застыло. Казалось, он впал в задумчивость.

— Ты можешь потерпеть неудачу, Каттер. И если это случится, то я, надеюсь, смогу что-нибудь предпринять.

— Ты ведь знаешь, как пользоваться зеркалами? Ты не забыл? Ведь милиция… они прошли через какотопическую зону. Они догоняют Совет. Я, конечно, не уверен, но, кажется, подозреваю, что знаю, кто они такие. Только такие, как они, могут идти по следу так неотступно и двигаться так быстро. Если я прав, Каттер, тебе понадобится все твое умение. Тебе придется защищать Совет. Не подведи меня, Каттер.

— А ты? Что ты собираешься делать? Пока я буду уговаривать чертов Совет?

— Я уже сказал. У меня есть идея, как обезопасить Совет. План на самый крайний случай. Потому что, клянусь Джаббером, богами и чем угодно, Каттер, я не допущу этого. Останови их. Но если ты не сможешь, это сделаю я. Не подведи меня, Каттер.

«Ублюдок, — подумал Каттер, и слезы выступили у него на глазах, когда он попытался заговорить. — Какой же ты ублюдок, раз говоришь такое мне. Ты же знаешь, что ты для меня значишь. Ублюдок».

Каттер вдруг почувствовал страшную пустоту в груди, которая словно затягивала его, и ему показалось, будто все его чертово нутро потянулось к Иуде.

— Я люблю тебя, Иуда, — сказал он и отвел глаза. — Люблю. Все, что смогу, сделаю.

«Я так люблю тебя, Иуда. Я бы умер за тебя». Каттер заплакал, без всхлипов и без звука, тут же возненавидел себя за это и попытался смахнуть слезу.

Иуда поцеловал его. Он выпрямился, добрый и непоколебимый, нежно взял Каттера рукой за подбородок и приподнял его голову. Каттер увидел пятна сырости на обоях и дверной косяк, взглянул в худое, поросшее седой щетиной лицо друга. Иуда поцеловал его, из горла Каттера вырвался звук, и он разозлился сначала на себя, а потом на Иуду.

«Ну и ублюдок же ты», — думал или, вернее, пытался подумать Каттер, пока они целовались, но ничего не вышло. Он выполнит любую просьбу Иуды.

«Иуда, я люблю тебя».

ЧАСТЬ ДЕВЯТАЯ
зВуК и сВеТ

ГЛАВА 31

Дирижабль летел быстро. Ветер и вращающийся винт несли его над каменными останками. Мертвые города внизу, эти напоминания о железнодорожном буме, походили на выцветшие участки гелиотипа. Каттер смотрел на них из небольшой кабины.

Их отправил в путь Коллектив. Сначала запустили два отвлекающих шара с куклами вместо пилотов, и, пока милиция занималась ими, взлетел настоящий дирижабль. Пилот вел его низко, вокруг вставали городские многоэтажки. Протиснувшись между фабричными трубами бедняцких кварталов, он избежал нападения дирижаблей-перехватчиков.

Весь полет они провели в страхе перед воздушными пиратами, но, кроме бестолковых задир гитвингов да залетных вирмов, за городом никто не нарушил их одиночества в небе. Все мысли Каттера были только об Иуде. Каттер гневался на Иуду. Каттеру был нужен Иуда, и это было в нем неистребимо.

— Будь осторожен, Каттер, — сказал Иуда на прощание и обнял его. О том, что будет делать он сам и почему остается в городе, Иуда говорить не хотел. — Поспеши. Они уже вышли. Милиционеры прошли через какотопическую зону и преследуют Совет. Возвращайся. Когда Совет повернет назад или разойдется в разные стороны, возвращайся, я буду тебя ждать. А если они не повернут, опереди их, возвращайся в город, а я буду здесь, я буду ждать.

«Не будешь, — подумал Каттер. — Не будешь ждать так, как я хочу, — а ты знаешь как».

Пилот был из переделанных, вместо руки у него был питон, привязанный к телу. Говорил он мало. За три дня пути Каттер узнал о нем лишь то, что раньше пилот служил у главаря преступной группировки, а теперь предан Коллективу.

— Надо спешить, — сказал Каттер. — Что-то выходит из какотопической зоны. — Он понимал, что создавалось впечатление, будто некий хищник из Вихревого потока решил поохотиться, но поправляться не стал. — Надо найти Совет.

Каттер проверил оба зеркала. Городские стекольщики постарались на славу. Он показал их Мадлене ди Фаржа и объяснил, для чего нужны зеркала.

— Сколько раз ты это делал? — спросила она, и Каттер рассмеялся:

— Ни разу. Но Иуда Лёв объяснил мне как.

Каттер смотрел вниз, сквозь многие акры воздуха, усеянные

черными точками птиц и окалиной, которую разносил ветер. Под ними, словно дымный пол, клубились дождевые облака. На горизонте, далеко на юге, были видны люди. Процессия растянулась на много миль: это был авангард беглого поезда, опережавший даже землекопов и строителей мостов.

— Лети мимо, не приближайся, — сказал Каттер. — Пусть поймут, что от нас вреда не будет.

Его сердце часто забилось. Час они летели над колонной, пока не увидели землекопов, которые убирали обломки, выравнивали и подсыпали землю, затем рабочих с отточенными до автоматизма движениями, а там и вечный поезд.

— Вот он.

Каттер смотрел на него сверху. Он видел платформы, вагоны и башни, качающиеся веревочные мосты, разноцветные надстройки, украшения из черепов и голов, дым, который валил из всех труб — паровозных и всех прочих. И повсюду, в поезде, на поезде, вокруг поезда, сновали сотни членов Совета. Полыхнул заколдованный порох, раздался выстрел.

— Проклятье, они решили, что мы на них нападаем. Поворачивай, пусть проедут, не будем торопиться.

Поезд крался вперед по пути, который разворачивался перед ним и сворачивался за ним. Позади оставались мусор и шрамы на земле.

— Боги мои, как быстро они движутся. Так они доберутся до города через несколько недель, — сказал Каттер.

Недель. Как медленно. Как поздно. «Кроме того, — подумал он, — что поезд может сделать? Что?»

Он представил себе вечный поезд заброшенным, стареющим, отданным на расправу времени, дождям, которые превратят железо в рыжую пыль, ветрам, которые развеют ее, представил, как солома и черепица почернеют и сползут с его переделанных крыш, истлеют и превратятся в перегной. Сорняки разрастутся в тени платформ, их стебли пробьют твердый пол вагонов, ползучие растения опутают оси и колеса, будлея и жимолость будут царствовать вокруг. Пауки и дикие твари облюбуют укромные уголки, котел остынет. Последние запасы угля лягут в землю, как когда-то. Паровозные трубы заткнет песок, принесенный ветром. Поезд станет частью пейзажа. Скалы, на которых он найдет последний приют, сохранят его очертания.

Оставленная Советом насыпь превратится в странный элемент рельефа. И наконец, потомки нынешних членов Совета, бежавших по Каттерову наущению от приближающейся милиции и мести Нью-Кробюзона, дети детей их Детей, найдут его останки. Они набредут на диковинный холм и, раскопав его,

обнаружат свою историю.

За спинами самых последних переселенцев Совета, на краю дикой лесистой местности, виднелась огненная линия, вдоль которой что-то двигалось: всмотревшись в телескоп, Каттер увидел черные фигурки. Это были люди. Совсем рядом, всего в двух днях пути.

— О Джаббер, вот они, — сказал Каттер. — Это они. Милиция.

Когда они спустились, их уже ждали главы Совета. Анн-Гари и Толстоног обняли Каттера, потом повернулись к пилоту, и Каттер увидел в глазах коллективиста слезы.

Каттер был переполнен сознанием важности своей миссии. Его окружили, требуя отчета о том, что творится в Нью-Кробюзоне. Анн-Гари пыталась взять дело в свои руки и не отпускать Каттера от себя, но он не хотел оказаться с ней один на один и не собирался отдавать принесенную им весть в ее распоряжение. Он боялся могущества Анн-Гари: идеи, которые она воплощала, были слишком сильны для него.

— Слушайте, слушайте, — кричал он до тех пор, пока шум вокруг него не утих. — Милиция близко. Они прошли через какотопическое пятно. Через день-другой они будут здесь, В город вам нельзя. Надо бежать.

Когда они наконец поняли, о чем говорит Каттер, то мощное «Нет!» пронеслось по толпе, а Каттер вырвался из их рук, забрался на крышу вагона и затопал от ярости ногами. Горечь, грусть и что-то похожее на презрение, которое он всегда чувствовал, наблюдая политиканство Иуды и Союза, волнами нахлынули на него. Ему хотелось спасти этих людей от их собственного отчаянного желания.

— Глупцы! — закричал Каттер. Он понимал, что надо бы сдержаться, но не мог. — Слушайте меня, гром вас разрази. У вас на хвосте сидит отряд милиции, прорвавшийся через чертово какотопическое пятно, понимаете или нет? Они прошли весь мир, туда и обратно, только для того, чтобы убить вас. А в Нью-Кробюзоне таких еще тысячи. Вам надо вернуться. — Каттер пытался перекричать яростные вопли. — Я вам друг, друг, а не враг. Думаете, какого хрена я потащился в эту гребаную пустыню? Чтобы вас спасти, вот зачем. Сражаться с милицией у вас не хватит сил, а уж с теми, кто ей платит, и подавно.

Стайка вирмов взлетела, чтобы осмотреться. Члены Совета спорили. Но, к ярости Каттера, аргумент у них был всего один.

— Мы ведь побили милицию, много лет назад.

— Ничего подобного, — ответил он. — Эту дурацкую историю я знаю. Вы поймали их в ловушку только для того, чтобы вам хватило времени скрыться, а это не одно и то же. Здесь вы в степи, где бежать некуда. Сунетесь к ним — они вас убьют.

— Мы стали сильнее, и у нас есть свои колдуны.

— Не знаю, чем там вооружена милиция, но неужели вы думаете, что ваша гребаная магия мха остановит профессиональных убийц из Нью-Кробюзона? Уходите. Смывайтесь. Разбейтесь на мелкие группы. Прячьтесь. Иначе вам не выжить.

— А как же зеркала Иуды?

— Понятия не имею, — ответил Каттер. — Не знаю даже, смогу ли я заставить их работать.

— Надо попробовать, — сказала Анн-Гари. — И вообще, лучше приготовиться. Мы не для того прошли через континент, чтобы потом бежать. Если не удалось отвязаться от них, дадим им бой.

Каттер смешался.

— Коллектив выражает свою солидарность с вами и шлет вам горячий привет! — закричал вдруг пилот дрожащим голосом. — Вы нужны нам. Вы нужны нам в городе, и как можно скорее. Ваша борьба — это наша борьба. Приходите, участвуйте в нашей борьбе! — воскликнул он, и Каттер напрасно кричал: «Их борьба окончена!» — никто его не услышал.

Анн-Гари подошла к нему. Каттер едва не плакал от разочарования.

— Такова наша судьба, — сказала она.

— История творится не по плану! — выкрикнул он. — Вы все умрете.

— Не все. И это не причина, чтобы отступать. Ты же знал, что мы не пойдем на это.

Она не ошиблась. Каттер знал это с самого начала.

На закате вернулись вирмы.

— Их там на один вагон, — прокричал один.

Милиционеров оказалось меньше сотни, и, услышав об этом, члены Совета насмешливо засвистели. Их-то было в несколько раз больше.

— Да, но, боги мои, дело совсем не в количестве, — прокричал Каттер. — Думаете, они не припасли для вас никакого сюрприза?

— Вот поэтому тебе и надо приготовиться, — сказала Анн-Гари. — Потренируйся с зеркалами Иуды.

Совет собирал всех, кто мог сражаться. За поездом тащилась длинная вереница людей; всем им было велено было нагнать

состав, для большей безопасности. Рельсы тоже стали укладывать быстрее, чтобы загодя добраться до местности, где были хоть какие-то укрытия: несколько колонн вулканического происхождения, пять-шесть безводных холмов. Пользуясь накопленным за многие годы опытом, они начали готовиться к сражению.

— Его цепанули, — сказал один вирм, имея в виду своего товарища-разведчика. — Выдернули прямо из воздуха. Что-то утянуло его вниз, ясно?

Каттеру не представилось случая ни рассказать историю Коллектива, ни расспросить о жизни Совета. Все происходило в страшной спешке. Он отчаянно злился, видя, как Совет готовится умирать. Его мучило ощущение того, что он не справился, подвел Иуду. «Ты знал, что у меня ничего не получится, ублюдок. Вот почему ты все еще там. Готовишь план, чтобы запустить его после моего провала». И все же, хотя Иуда и не рассчитывал на успех его миссии, сам Каттер клял себя за неудачу.

В ту ночь никто не спал. В темноте к поезду подтягивались отставшие.

С первым светом Каттер и Толстоног выдвинулись на позицию: взобрались на двадцатифутовые каменные столбы, что вздымались в нескольких ярдах друг от друга, и встали лицом к солнцу, держа в руках Иудины зеркала. Но прежде Каттер разыскал Анн-Гари и сказал ей, что она подталкивает своих сестер, граждан Совета, к самоубийству. Женщина слушала Каттера с улыбкой.

— У наших колдунов есть то, что дал им Иуда, — сказала она. — У нас есть наша собственная магия плюс то, чему обучил нас Иуда. Есть и те, кто сможет вызвать големов в местах, где он оставил ловушки.

— Каждая приведенная в действие ловушка будет отдаваться болью во всем его теле. И неважно, где будет он сам.

— Знаю. И мы задействуем их все. По очереди. Когда подойдет милиция. Нам придется.

— Придется.

Стоя на вершине каменных стел, Каттер и Толстоног готовились. Только что рассвело, высоко в небе еще стояла бледная луна. Первые лучи солнца ударили в зеркала, и Каттер наклонил свое так, чтобы пучок отраженного света упал на отметку, нарисованную им на земле. Обученный Каттером Толстоног сделал то же самое, и пятна сконцентрированного света тревожными солнечными зайчиками скакали среди пыли и кустов, пока не встретились в одной точке.

Сотни граждан Совета готовились к бою — расходились по окопам и траншеям, устанавливали винтовки. Каттер глядел на запад, откуда должна была появиться милиция.

И та не заставила себя ждать. Сначала Каттер видел только пыль. Он посмотрел в телескоп. Милиционеры казались ему крошечными, и их действительно было очень мало.

Навстречу им вылетела стая вирмов с кислотой и метательными ножами. Следом — дирижабль со змееруким пилотом и двумя стрелками-добровольцами. Минуты складывались в часы, милиция приближалась, вирмы кружили над серой пустошью, низко летел дирижабль. Механизмы Иудиных ловушек были приведены в готовность; колдуны бормотали заклинания.

И вдруг из каменной пустыни выскочил обезумевший гражданин Совета. Спотыкаясь, он подбежал к своим, но не сразу смог заговорить: усталость и страх сковали ему язык.

— Я попал в ловушку, — вымолвил он наконец. — Они захватили мою старуху. Нас было восемь. Они заставили что-то напасть на нас из-под земли, из-под земли, слышите?

Человек вопил от ужаса. Люди вокруг переглядывались. «Говорил я вам, идиоты, — подумал Каттер, охваченный отчаянием. — Я предупреждал вас, ублюдков, что не все так просто, как кажется».

В двух милях от них вирмы встретились с конной милицией. Всадники казались безоружными и двигались строем. Но тут произошло что-то непонятное, и вирмы один за другим попадали на землю.

Несколько секунд все молчали. Потом началось:

— Что?..

— Как?..

— Ты видел, а?..

Никто пока не испугался — люди просто недоумевали. Каттер не знал, что именно случилось, но понимал, что страх не заставит себя ждать.

Последний вирм, сопротивляясь, накренился в воздухе, но скоро грязной тряпкой упал на землю. По частичкам крови, которые тот оставлял, летя вниз, Каттер угадал воздушный тромб. Он понял, в чем дело.

— Куда они деваются? — прокричал кто-то.

Бирмы боролись с воздушными течениями, которые нападали на них и разрывали на куски.

Дирижабль был уже рядом с милицией, и пули ровной строчкой прошили землю перед всадниками, взметнув пыль. А потом стрельба прервалась, и воздушное судно, внезапно

взбрыкнув, перевернулось и заплясало вверх и вниз, как корабль в бурном море. На несколько секунд пляска остановилась, потом дирижабль начал падать, но не под действием силы тяжести, а так, словно его моторы и пропеллеры все еще преодолевали сопротивление стихии. Невидимая рука выхватила дирижабль из воздуха и разбила на куски.

Вокруг приближающейся милиции начали собираться какие-то силуэты: они возникали то ли из воздуха, то ли из земли, то ли из пламени факелов, которые несли всадники. Вот они приблизились настолько, что можно было различить каждого. Все офицеры двигали руками, творя чары. Каттер видел, что от милицейской формы остались одни лохмотья, шлемы потрескались и выщербились, а там, где их коснулся Вихревой поток, кожа превратилась во что-то другое. Запекшаяся кровь и засохшая грязь покрывали лошадиные бока. Какотопическая зона оставила на конниках свое клеймо.

Несмотря на все испытания, их все же было несколько десятков. Обезумев от пережитого, они готовились мстить беглецам, заманившим их в какотопическую зону. Неудивительно, что они были так немногочисленны и так легко вооружены. Они не нуждались ни в боевых механизмах, ни в пушках, делая оружие из чего угодно, а то и прямо из материи мира.

Каттер видел их таинственные кнуты, смотрел, как те Рассекают воздух. Он понял, что вирмов и дирижабль сбили люфтгайсты, воздушные духи невероятной силы. Против Совета выслали отряд чародеев, чьим оружием становились призванные ими существа. Совет столкнулся с укротителями сверхъестественного, с заклинателями духов стихий, с элементалистами.

Каттер закричал своим товарищам. Он видел, что некоторые поняли, а другие от неожиданности испугались.

У Железного Совета не было своих элементалистов. Один человек держал в банке крохотного пленного яга, духа огня размером не больше огонька от спички. У некоторых водяных были ундины, с которыми их связывал договор; приказывать ундинам водяные не могли. И все же кое-кто понял, какая опасность угрожает Совету.

Элементалисты поделились на группы, каждая готовила свое заклинание.

«Все правильно, — думал Каттер. — Люди, которые умеют сражаться без оружия. Либо элементалисты, либо карсисты, только демоны чересчур ненадежны. Прокляни меня бог, отряд

элементалистов». Одно то, что Нью-Кробюзон рискнул жизнями таких ценных магов, показывало, как важно было для правительства уничтожить Совет.

— Давай задело! — крикнул Каттер Толстоногу и до отказа взвел пружину метазаводного механизма. Фокусируя отраженный свет и выравнивая луч, он то и дело оглядывался через плечо на нападающих.

«Кто же это будет? — думал Каттер. — Фульмены? Шаднерсы? Ундины?» Духи молний, камня или пресной воды, а может, и совсем другие: духи металла, солнца, дерева или огня. Или даже те, кого причисляют к элементалям условно: духи, сотворенные историей, рожденные из ничего и ставшие реальными. К примеру, дух бетона или стекла. Кого им ждать?

Он уже видел, как кольца пыли движутся против ветра, вытягивая воздушные конечности. Люфтгайсты. Милиция готовилась вызвать из небытия и других существ.

«Солнце? Или тьма?»

Маги швырнули свои факелы на землю, и пламя взвилось так, словно каждый отдельный язык разросся до невероятных размеров, и вся земля осветилась, а из пожарища с криками невыразимого удовольствия полезли существа, похожие на огненных псов и обезьян. Стая ягов, духов огня, чьи движения напоминали отчасти пульсацию, отчасти горение. Каттер видел, как не знавших узды коней загнали в кораль и запели над ними заклинания, а лошади визжали по-своему, по-лошадиному.

Один за другим кони падали в агонии, умирая с хлюпающим звуком, и выворачивались наизнанку: жилы, мускулы и внутренние органы еще теплых трупов срывались со своих мест и складывались в окровавленных хищников, лишенных кожи, — проазмов, элементалей плоти.

Воздух, огонь и плоть завертелись и понеслись в животном восторге. Колдуны выхватили закаленные волшбой кнуты и защелкали ими, а перепуганные звери с вызывающим ревом поднялись на дыбы, предвкушая драку. Кнуты грохотали, точно ремни из толстой кожи и иликтрические разряды, взлетая и падая быстрыми тенями. Каждый щелчок вызывал вспышку черного света.

Элементалисты бросили своих подопечных вперед. Воздух, огонь и плоть пошли в атаку. Граждане Совета завизжали. Началась стрельба, снаряды рвались в гуще духов стихий. Без далеко идущих планов, просто от страха, бойцы Совета привели в действие Иудины голем-ловушки.

Земля, рельсы и шпалы сложились в големов. Их было куда меньше, чем духов, и каждый питался силами Иуды. Где бы он ни

был, им наверняка овладела ужасная слабость. «Дальше будет хуже», — подумал Каттер и попытался сфокусировать зеркало.

Бомба взорвалась на пути ягов; огненный куст скрыл их из виду, жуткие крики блаженства понеслись из него. Когда пыль от взрыва улеглась, стало видно, что духи огня, еще крупнее прежних, несутся сквозь дым. Перед ними из земли поднялся строй големов.

Каттер ощутил, как бормочет метазаводной механизм, каждая пружина которого раскручивалась в головокружительных измерениях. Зеркало толкнулось, словно ребенок.

— Заводи свою машину! — закричал он, и, когда Толстоног выполнил команду, Каттер ощутил новый толчок.

Изо всех сил он вцепился в свое зеркало и увидел, как Толстоног сделал то же. Рекомбинантный свет, отраженный обоими зеркалами, разрастался.

Он закручивался, увеличиваясь в объеме. Это был не просто свет: он жил, имел длину, ширину и высоту, двигался. Каттер увидел, как что-то рыбообразное, ослепительное, сделанное из беспощадного солнечного света, выплыло из пустоты. Он почувствовал, как из организма утекают силы.

— Получилось, — крикнул он. — Двигай на них!

Держа свои зеркала так, чтобы те отражали друг друга, Толстоног и Каттер одновременно развернули их в сторону элементалистов, и огромный солнечный зайчик пополз вперед. Творилось что-то ужасное. Маги, держа на кончиках своих хлыстов по элементалю, сильно продвинулись, и, хотя передние ряды Совета обстреливали их из ружей, луков и всего, что попадалось под руку, проазмы приближались.

Пули входили в неуклюже слепленных мускулистых тварей, зарывались в них, отчего те выворачивались наизнанку и выплевывали назад кусочки свинца, заточенный кремень и железные лезвия. Проазмы, духи плоти, вызванные из лошадиных тел, достигли передней линии обороны.

Напоминавшие амеб и морских ежей, они вкатились на земляную насыпь, пользуясь торчавшими из них костями, как лапами, потом вдруг сделались похожими на людей или освежеванных, лающих диких псов, взобрались на самый гребень насыпи, помедлили немного и бросились на вопящих от ужаса людей, и тогда Каттер увидел, как они действуют.

Они ныряли в плоть человека. Ныряли и просачивались сквозь кожу первого, кто попадался на пути, заполняли собой его мышцы, проникали во внутренние органы; и пока жертва, ставшая их новым домом, изумленно таращила глаза и чесала грудь, шею или другое место, через которое вошел проазм, ее тело

раздувалось и лопалось или превращалось в кровавый комок с обрывками кожи, а проазм устремлялся дальше, став еще крупнее благодаря украденной плоти. Они преодолевали линию обороны, таща за собой людские внутренности, оставляя за собой ошметки окровавленной кожи, делаясь все больше и приобретая все новые кости-лапы.

— Джаббер сохрани нас, — прошептал Каттер.

Потянув свое зеркало, он почувствовал сопротивление.

Он и Толстоног с разной скоростью орудовали зеркалами, и существо между ними начало обиженно корчиться и разрываться, в прорехах между частицами его тела показались световые растяжки, похожие на слизь. Каттер закричал:

— Назад, назад поворачивай, а то расползется!

И они не без труда вернули световому голему его облик.

Хлысты милицейских бичевателей достигали намного дальше, чем казалось. Вверху зашлись в надсадном визге люфтгайсты: хозяева бросили их в атаку. Невидимые элементали кинулись вниз. Они забирались в отстреливавшихся и бестолково размахивавших оружием членов Совета, которые пытались выплюнуть духов. Но элементали протискивались в легкие людей и разрывали их.

Ударили батареи, посыпались бомбы, доморощенные маги напрягли все свои силы, и милиционеры перестроили ряды. Одного ранили, одного убили. Перед ягами встала огромная фигура голема из камней и обломков рельсов. Яги вцепились в него со всех сторон, повисли на нем, и огонь их тел стал перекраивать и переделывать голема, расплавляя металл. Лужа жидкого железа, в которую превратился голем, еще пыталась сопротивляться, но наконец металл Ручейками растекся по земле.

Граждане Совета доблестно сражались, но духи стихий, скача меж ними, точно расшалившиеся дети или веселые псы, учинили настоящую бойню. Прибегать к помощи духов, обращенных в хищную шаловливую плоть, грозило страшной опасностью: ведь их невозможно приручить. Но элементалистам требовалось подчинить их себе лишь на краткое время атаки. Яги и люфтгайсты, оставляя за собой огненные следы и шлейф непригодного для дыхания воз духа, неслись вперед, к вечному поезду. Им пытались противостоять големы: контролируемая разумом материя восставала против стихийных сил природы, обращенных в хищников. Элементали побеждали.

Однако, хотя духи воздуха в мгновение ока разрывали земляного голема на мельчайшие части, с воздушным им пришлось повозиться. Странная то была схватка, почти невидимая, на предпоследней линии обороны из всех

выстроенных Иудой. Внезапно с земли задули порывы искусственного ветра и преградили люфтгайстам путь, а там, где они столкнулись, разыгрался еле наблюдаемый шторм. Рукотворное и дикое, подчиненное разуму и едва контролируемое им сошлись в бою, пытаясь разорвать друг друга на части.

Обломки чего-то полетели с высоты и рухнули на землю, так что она вздрогнула от удара. Каттер понял, что то был воздух, сброшенный вниз в азарте схватки, куски плоти летучего духа, оторванные безжалостной рукой голема, или его конечность, откушенная неистовым люфтгайстом. Мертвая воздушная плоть лежала, растворяясь в воздухе.

Яги плевались огнем. Проазмы рыскали по полю боя, высасывая мягкие ткани трупов, глодая тела мертвецов. Каттеру стадо очень страшно.

Из ложбины, по дну которой бежал ручей, на одном из флангов отряда милиции, но далеко от него показался всадник. За ним мощным галопом приближался Рахул; на его спине, надвинув на глаза шляпу и раскручивая веревку с двумя каменными шарами на конце, как заправский ранчеро, сидел Дрогон, мастер шепота.

«Боги мои, — подумал Каттер, — а вот и кавалерия спешит на подмогу». Ему показалось, будто он бредит.

Вооруженные винтовками люди, кто на простых лошадях, а кто и на переделанных, прискакавшие из Нью-Кробюзона или бог весть откуда, незаметно прокрались по речным ущельям и начали меткую стрельбу. Много секунд прошло, прежде чем милиция справилась с изумлением и сообразила, где находится новый враг.

Хотя и немногочисленные, всадники, как опытные охотники, занимали выгодные позиции и стреляли по врагу из укрытия. Их мощные пули выскакивали из ружейных дул, грохоча, как снаряды, и ворчали на лету. Двое, трое, четверо, дюжина элементалистов один за другим попадали с седел, и граждане Совета закричали от радости.

Но оставшиеся милиционеры сориентировались быстро, слишком быстро, и взмахнули кнутами, которые так неспешно изогнулись в воздухе, что он будто наполнился призраками змей, игравших с пространством. Бичи опустились на крупы ягов, а те с визгом, к которому примешивался треск пламени, развернулись и бросились на новых противников. Стрелки, бомбардиры и маги Железного Совета поспешили на выручку, но яги оказались проворнее.

— Не отпускай его! Туда, туда, — вопил Каттер, кивком

указывая на край милицейского клина, и вместе с Толстоногом потащил упирающегося голема вперед. «Давай, — думал Каттер. — Появляйся же, черт тебя дери».

Сопротивляясь рывку не до конца родившегося голема, он наблюдал за тем, как яги навалились на стрелков. «Кто же они такие? — думал он. — Друзья Дрогона?» Когда нападающие были уже совсем рядом, Дрогон привстал на спине Рахула и приложил руку ко рту, словно шепча что-то. Один из элементалистов вдруг вскинул кнут и взмахнул им, хлестнув всю стаю ягов, и на этот раз их крик был исполнен не веселья, но ярости.

Дрогон шепнул опять, и другой милиционер сделал то Же самое, подняв кнут на приближающихся ягов, так что те попятились в воздухе, натыкаясь друг на друга и роняя капли горячей слюны на хозяев. Дрогон все шептал и шептал посылая команды то одному, то другому элементалисту, так что духи оказались раздражены и сбиты с толку. В конце концов милиционеры сами стали защищаться от их мести, мастерски вращая кнутами.

И тут родился световой голем. Теперь он существовал. Это произошло внезапно. Зеркало затряслось в руках у Каттера, когда голем зашевелился. Он возник на месте светового зародыша. Коренастая фигура — то ли мужская, то ли женская — сияла так ярко, что больно было глядеть. Но при этом она не изливала свет, а, напротив, впитывала его из окружающего пространства, и сильнейшее свечение внутри голема не выходило за его контуры. Встав, он шагнул вперед, увлекая за собой зеркала. Каттер и Толстоног наполовину тащились за големом, наполовину управляли им.

— Туда! — крикнул Каттер.

И они повернули зеркала так, чтобы голем своей неуклюжей походкой обошел крайние ряды граждан Совета, которые вскрикивали от изумления, гадая, уж не серафим ли спустился с небес на их защиту. Ослепленные на миг невозможно ярким светом, они затем переглядывались и смотрели на яркие отпечатки ног голема. Тот шагнул в самую гущу ягов. Там он чуть раздался в стороны, словно тесто, впитал в себя ягов и засиял.

Каттер ослабел. Борясь с духами пламени, бессильными против его ровного сияния, голем разгорался все ярче, пока не превратился в человекозвезду, холодный свет которой потушил жар ягов и стал непереносимым для глаз. И тут боровшиеся с ним яги исчезли, растворились в свечении голема, прибавив ему сил. Его бесшумные шаги отдавались незвуком.

Яги ударились в панику. Одни звериной побежкой бросились прочь, другие сплотились и, снова напав на голема, исчезли в его

свечении. Элементалисты вовсю работали кнухами, чтобы подбодрить напуганных духов, но только разозлили их, и те мимолетом обиженно покусывали хозяев, поджаривая их до смерти.

Милиционеры сомкнули ряды. Крохотные люфтгайсты, точно стрелы, обрушились на стрелков, пронзая их кожу и выпивая кровь. Дрогон прошептал новый приказ, и милиционеры, не в силах противиться ему, взмахнули кнутами, разрушая результаты своих трудов. Но они уже поняли, кто их главный враг, и выслали против него проазмов.

Каттер и Толстоног двинули своего голема против милиции, нацелив его на группу, окружившую некое подобие пушки. Они убивали животных. «Зачем они это делают?»

Пока проазмы настигали охотников и бросались в новые моря плоти, милиционеры выцеживали что-то из воздуха. Световой голем надвигался. Что задумал противник?

Тут с неба полилась струя света — узкий, еле видимый луч. Он упал на то, что казалось пушкой. Свет шел с луны — дневной луны, едва заметной на фоне солнца. Слабый лунный свет стекал в орудие, и на конце ствола открывалось отверстие.

Что-то блестящее двигалось в глубине ствола. Каттер смотрел как завороженный.

Он долго не мог понять, что видит, ведь ему нужно было вести светового голема через воронки от взрывов (бомбы все еще рвались), через разгром, учиненный гражданами Совета, которые стали наступать после исчезновения ягов, при том что проазмы занялись вновь прибывшими, а милиция потеряла контроль над люфтгайстами, все еще сеявшими смерть и разрушение в своих полетах над хорошо защищенным поездом, — и все же кое-что Каттер разглядел. Отрицая всякую систематику, новое явление увеличивалось в размерах. Каттер силился понять, что это такое.

Очертания объекта менялись ежесекундно. Сначала это был голый рыбий хребет, кости которого волнообразно изгибались, точно позвоночный столб или прорезиненный шланг.

Потом в нем появилось что-то медвежье, затем крысиное, выросли рога, существо растолстело, светясь так, словно все его внутренности, и кожа, и кости состояли Из фосфора. Так, как может светиться лишь гладкий холодный камень. Светлячок, маска смерти, деревянный череп.

Фехкарион. Лунный элементаль.

Каттер, конечно, слышал о нем, но не мог поверить, что эта стремительная, схожая со скелетом и с насекомым тварь, атакующая с такой быстротой, что глаз отмечал лишь намек на движение, некую складку в пространстве, — есть то самое лунное

создание, о котором ходит столько рассказов. «О боги мои, о Джаббер».

— Толстоног… нацеливай голема на эту штуку, быстро.

Однако голем не отличался быстроходностью. Размеренным шагом он шел сквозь ряды милиционеров, расставив руки. Требовалось время, чтобы коснуться каждого, мимо кого он проходил, раздавить голову и влить в нее столько света, чтобы он устремился наружу, срывая шлем, посылая длинные концентрированные лучи из всех дырок, пронзающих одежду, так что люди напоминали звезды, пока голем не отпускал их.

Фехкарион рождался из пустоты.

— Быстрее, — повторил Каттер.

Элементалисты отступали, прикрывая заклинателей луны. Они хлестали кнутами голема, с каждым ударом отрывая от него все новые и новые пучки света. С голема летели световые брызги. От каждого удара головы Каттера и Толстонога дергались. У обоих шла кровь. Но они заставляли голема двигаться.

О проазмах все забыли. Последний из них, с ревом проглотив двух стрелков, унес свое тело из костей и внутренностей в степь — догонять собратьев, убегающих от Дрогона и Рахула. Дрогой все шептал, но милиция прибегла к какой-то магии и больше не подчинялась ему. Враги нападали на него с кнутами и на голема тоже.

— Скорее, скорее.

Но вот ноги голема — яркие столбы — наступили на атакующих его людей, и те взорвались, переполненные светом. Лунный дух приближался, он уже протискивал в открывшуюся перед ним щель свое ледяное, пронизанное серым сиянием тело, и Каттер, увидев, какое оно огромное, чудовищно огромное, сделал рывок, и голем тоже сделал рывок и заблокировал лунную пушку, заполнив собой отверстие и продолжая проникать сквозь тело элементаля в орудие, где они с лунным духом сцепились не на жизнь, а на смерть, так что ослепительный свет — то холодный, то горячий, то серый, то белый, как магнезия, — струился из ниоткуда, точно пот.

Граждане Совета, увидев отступление проазмов, выслали вперед свою тяжелую гвардию: кактов и крупных переделанных.

— Пленников берите! — закричал кто-то, пока какты направо и налево рубили живых и полумертвых милиционеров, но тут раздался взрыв, все содрогнулось, и лунная пушка разлетелась на куски, рассыпавшись брызгами золотого и лунного света.

Милиция была повержена: ее остановили Дрогон со своими людьми и световой голем. Землю устилали тела мертвых элементалистов и многочисленных граждан Совета вперемешку с

обгоревшими останками элементалей плоти и их жертв, среди которых валялись комья света, постепенно утекавшие в землю. Уцелевшие милиционеры удирали в глубь степей но скользкому следу одичавших теперь проазмов — влажных окровавленных пузырей, начавших скитаться по равнинам Рохаги.

Раненые милиционеры лежали на земле, обездвиженные пулями, чакри или светом голема. Когда подходили граждане Совета, они яростно плевались.

— Так вас и растак! — повторял один сквозь обломки своего отражающего шлема. Злость в его голосе преобладала над страхом. — Трусы гребаные, заставили нас лезть в пятно, думали, оно нас остановит? Половина нашего отряда осталась там, но мы все равно сильнее, мы догоним вас где угодно, и теперь мы знаем дорогу сквозь пятно, мы нашли ее, а вам просто повезло с этим световым представлением и проклятым шептуном. Мы знаем путь.

Его пристрелили.

Никого из уцелевших милиционеров не оставили в живых. Погибших бойцов Совета закопали где могли, кроме одной переделанной женщины, прославившейся своим посредничеством во времена Идиотизма. Совет проголосовал за то, чтобы похоронить ее на передвижном кладбище — открытой платформе, где лежали все великие граждане. Милиционеров оставили гнить на месте, кое-кто не удержался от осквернения их тел.

Когда солнце снова встало над опаленной ягами равниной, Каттер нашел Анн-Гари и других вожаков Совета. Все выглядели измученными. Дрогон, Рахул и Толстоног были с ними. Каттер и сам шатался от усталости. Он крепко обнял Дрогона и передела, который вез того на себе.

— В прошлый раз мы убежали от милиции, — сказал Толстоног. — Теперь мы ее побили. Мы им показали.

Даже Каттер, хорошо знавший, насколько случайной оказалась победа, поддался всеобщему ликованию:

— Ага. Вы победили.

— Да, мы. Ты… свет… мы вместе это сделали.

— Ну хорошо, мы. Мы это сделали.

— Мы выскочили, и все, — сказал Рахул.

Дрогон зашептал, подтверждая его слова.

— Мы заблудились. Тот тоннель или переулок привел нас прямо в центр. Мы не сразу сообразили, куда попали. Но в ту ночь столько всего случилось. Вас мы больше не видели и не слышали. Никого. Мы даже не знали, справились вы с тем

тешанином или нет. Понятия не имели. Но, похоже, справились?.. Дорогу в Коллектив пришлось поискать, но, честно говоря, нам встретилось столько дыр, куда можно было сунуться. Когда мы узнали, что вы ушли, — нет, нет, я не виню тебя, сестра, вы же не знали, что мы вас ищем, — нам тоже пришлось возвращаться. Выбрались мы, значит, из города, и тут старина Дрогон исчез, а через два дня вернулся со своими друзьями.

— *Нас, всадников-скитальцев, не так много,* — сказал Дрогон Каттеру. — *Можно всех известить. Я знаю, где их искать. И они в долгу передо мной.*

— А где они сейчас?

— *Большинство погибли. Другие будут здесь завтра. Эти люди — бродяги, Каттер. Скажи им «спасибо» да не пожалей монет, вот все, что им нужно.*

— Мы знали, что милиция близко, — сказал Рахул. — И гнали изо всех сил.

— Вы как из-под земли выскочили.

— Мы шли охотничьими тропами. Дрогон знает их как свои пять пальцев. Мы неслись во всю прыть. В жизни не видел таких лошадей, как у этих ребят. Кстати, о тайных тропах. А где монах? Курабин. О нет… О боги. А Ори? Он тоже… Ори? О боги, боги. И…

— Элси.

— О нет. Нет. Боги мои.

— Не думал, что у вас получится, — сказал гражданам Совета Каттер. — Признаю, что ошибался. И я счастлив. Но этого мало. Я говорил вам, почему Иуда не пришел со мной… он над чем-то работает. В Коллективе. И все равно уже чертовски поздно. Слишком поздно. Он делает, что может. Выслушайте меня… Коллектив пал. Нет, заткнитесь и слушайте… Коллектив был… мечтой, но мечта кончилась. Рухнула. Если он еще существует, то это ненадолго. Остались считаные дни. Дни, понимаете? Пока Совет доберется до города, от Коллектива не останется и следа. В Нью-Кробюзоне установится военная диктатура. А что потом? Стем-Фулькер убили, и ни фига не изменилось: систему не свалишь, и не смотрите так, мне она нравится не больше, чем вам. Так что, когда вы прикатите в город со словами «Привет, мы — ваше вдохновение, принимайте», сами понимаете, что будет. Сами знаете, что вас ждет. Каждый гребаный милиционер в Нью-Кробюзоне, все до единой военные машины, все карсисты, маги и конструкты, все шпионы и перебежчики выйдут против вас. Вас убьют на подступах к городу, и надежда, которую вы до сих пор олицетворяете, умрет вместе с вами. Слушайте. Я повторяю вам

слова Иуды… Вы должны повернуть назад. Железный Совет должен повернуть назад. Или оставить поезд. Поход на Нью-Кробюзон — самоубийство. Вы умрете. Вас уничтожат. А этого не должно случиться. Это невозможно. Железный Совет должен повернуть назад.

ГЛАВА 32

— Вас уничтожат. Вы смерти хотите? Ваш долг перед миром — жить, вы нужны нам всем.

Но переубедить их, разумеется, не удалось. Они продолжали двигаться по холмистой земле, оставив следы боя позади. Каттер демонстративно ужасался тому, что они не хотят его слушать, но ничего другого не ожидал. Он изложил свои доводы, и граждане Совета ответили ему — каждый по-своему.

У одних Каттер встречал шапкозакидательство, приводившее его в ярость.

— Били мы Нью-Кробюзон раньше, побьем и теперь! — приговаривали они.

Каттер отвечал им подчеркнуто недоумевающим взглядом, зная, что они тоже знали, насколько их слова лживы и как все будет на самом деле. Они знали.

Другие подходили к делу более вдумчиво. Каттер не сразу находил что возразить.

— Кем мы станем? — говорил Толстоног. На тыльной стороне руки каката был рубец: вытравленное изображение змеи с крокодильим зубом. — Кем ты хочешь нас видеть, бандитами? Мы были свободными гражданами своей собственной республики. Ты хочешь, чтобы я забыл об этом и превратился в пустынного бродягу-головореза? Я лучше умру, сражаясь, Каттер.

— На нас лежит ответственность, Каттер, — говорила Анн-Гари.

В ее присутствии он всегда вел себя скованно. Присущий Анн-Гари пыл лишал Каттера воли — он сразу уставал и терял веру в себя, словно боясь, что против своей воли согласится с ней. Он понимал, что ревнует: никто не имел на Иуду Лёва такого влияния, как Анн-Гари.

— Мы — мечта, — говорила она. — Мечта простых людей. Все сошлось в ней, все вошло в нее. Мы вошли в нее. Мы — это она. История подталкивает нас.

«Что за тарабарщина? — думал Каттер. — О чем ты?»

— Настало время прорваться. Любой ценой. Мы должны вернуться сейчас, понимаешь?

Больше она ничего не говорила.

Друзья мастера шепота вскочили на своих коней, обычных и переделанных, и стали облачками пыли на горизонте, умчавшись кто на юг, а кто на восток. Дрогон остался. Каттер не мог понять зачем.

— Что тебе нужно от этого сброда? Ты же был в городе… ты знаешь, что нас убьют, если мы вернемся.

— *Их, может, и убьют,* — пожал Дрогон плечами. — *Они сами знают, что делают. Кто я такой, чтобы им указывать? Они уже не могут остановиться. Раз встав на рельсы, будешь идти по ним всю жизнь. Им нельзя сворачивать.*

«Тоже мне довод, — подумал Каттер. Кажущаяся инертность Совета ужасала его. — Если бы они посмотрели внимательно, то сразу поняли бы, что ошибаются… но они упорствуют, хотя и знают, что не правы… и это упорное стремление поступать вопреки фактам помогает им изменить реальность». Такой метод принятия решений в корне отличался от его собственного, он просто не умел так думать. Какой путь был более рациональным? Каттер не знал.

Железный Совет шел через сплошной туман. Овраги, пригорки и рощицы будто складывались из капелек висевшей в воздухе влаги за миг до приближения поезда и таяли, едва он проходил.

Смутно различимый пейзаж, местами такой знакомый, пробуждал забытые воспоминания. Это были нью-кробюзонские земли. По кустам боярышника, стряхивая с веток капли, порхали чижи. Это была нью-кробюзонская зима. До города оставалось несколько недель пути.

— Однажды, много лет назад, с нами шел один человек, — сказала Анн-Гари Каттеру. — В то время мы еще не стали Советом, к нам явился Паук и открыл нам тайны. Тот человек спятил и говорил только о Пауке. Он был вроде пророка. Но скоро он всем надоел, а потом на него вообще перестали обращать внимание. Мы его даже не слышали. Он говорил, а мы не слышали ни единого слова. Так и ты. «Поворачивайте, поворачивайте». — Анн-Гари улыбнулась. — Мы больше не слышим тебя, парень.

«У меня была миссия, — думал Каттер. — Я ее провалил». Ему не помогало сознание того, что его возлюбленный не ожидал ничего другого.

Каттер превратился в призрака. Его уважали — ведь он был одним из тех, кто пересек континент, чтобы спасти Железный Совет. Его нынешнее отступничество и настойчивые предсказания гибели Совета встречали вежливым молчанием.

«Я — призрак».

Каттер мог уйти. Он мог взять любую лошадь из общественных конюшен и ускакать. Он мог направиться к предгорьям, найти там заброшенную тропу, по ней выйти в Строевой лес и оттуда в Нью-Кробюзон. Но он этого не сделал.

«Побуду пока здесь», — была его единственная мысль. Бегство он решил отложить на крайний случай.

Он видел карты. Совет продолжит движение на восток, оставляя в земле дырки от костылей и полосу спрессованной путями глины, снова и снова пуская в оборот рельсы и шпалы, пока не доберется до остатков дороги в нескольких десятках миль к югу от Нью-Кробюзона. Там они переведут поезд на старые пути, поддадут жару и в считаные часы будут в городе.

Каттер припас бегство на крайний случай. На потом.

— Мы надеемся, — говорила Анн-Гари.

«Быть может, она права. Поезд придет, остатки Коллектива восстанут, правительство падет».

Оказалось, что на этих сырых землях жили и другие люди. Раз в два-три дня Совету попадались деревянные дома фермеров на вершинах холмов. Под крутыми склонами, где подъем становился пологим, — несколько акров обработанной каменистой земли. Фруктовые сады, огороды, загоны для грязно-серых овец. Обитатели ферм и отдаленных хуторов приходили взглянуть на Железный Совет, пока клались пути. Эти люди, с молочно-белой кожей от близкородственных браков, глазели на состав, даже не подозревая, что присутствуют при историческом событии. Иногда они приносили товары на обмен.

Наверняка были и города, где фермеры сбывали произведенное ими, но Совет не видел ни одного. Слух о нем — о беглом поезде, приближающемся с запада в окружении горделивой армии беспределов и их детей, — облетел всю болотную страну.

«В Нью-Кробюзоне наверняка тоже узнают. Может, на нас скоро нападут».

— Слышали? — спрашивала их одна беззубая фермерша; она предложила им ветчину, закопченную на яблоневых дровах, в обмен на их деньги (таинственные дублоны с Запада) и кусочек поезда на память (ей дали зубчик смазанной маслом шестеренки, и женщина взяла его с трепетом, как священную книгу). — Я про вас знаю. Слышали?

Она буквально настояла, чтобы Совет проложил путь прямо через ее жалкий клочок земли.

— Тогда мне и пахать не надо будет. Слышали? Говорят, в Нью-Кробюзоне беда.

«Наверное, Коллектив пал. Или перешел в наступление. Кто знает».

Дальше на восток — и стало ясно, что это за беда.

— Война кончилась, — сказал им один человек, чье пастбище

превратилось в вокзал, а крыльцо — в платформу.

Его ближайшие соседи покинули свои низинные владения и проехали много миль, чтобы своими глазами увидеть Железный Совет. На полях земледельца возникли боковые пути, и вокруг них толклось множество мужчин и женщин. Фермеры и охотники из пустоши с суровым удовлетворением наблюдали за ними.

— Войне конец, — говорил он. — Так я слышал. Воевали-то с Тешем али как? Ну вот, война кончилась, мы победили.

«Мы? Мужик, ты в Нью-Кробюзоне-то отродясь не был. Ближе чем на сто миль не подходил».

— Они сделали что-то и победили, и теперь Теш просит мира. А я почем знаю, что? Чего-чего? Какой такой Коллектив?

Нью-Кробюзон что-то сделал. История возвращалась. Тайная миссия, говорили одни; наемное убийство, твердили другие. Чему-то был положен конец, жизнь изменилась, на тешан нашлась управа, их принудили к переговорам или даже к капитуляции.

«Что-то изменило планы Теша? — криво ухмылялся про себя Каттер. — Подумать только». Похоже, что победа в войне усилила влияние Парламента и мэра, лишив Коллектив всякой поддержки. Тут уж было не до ухмылок. О таком тошно было даже думать.

— Забастовщики? Им конец. Правительство разобралось с ними.

Беглецы из города рассеялись по мокрым от дождя трясинам. Они приходили в деревни, мимо которых шел Железный Совет, и оставались там; заселили даже заброшенные поселки, выросшие в степи во время железнодорожного бума. Нередко рабочие стаей муравьев спускались с холмов на равнину, где клали рельсы на утоптанную тропу или возрожденную проезжую дорогу. Новые посельчане высыпали из бывших салунов, борделей и церквей и смотрели, как в считаные часы — Совет набирал скорость с каждым днем — укладчики наводили стальной путь поверх гужевой дороги и поезд проезжал там, где раньше видели лишь верховых бродяг да дилижансы.

— Вы слышали?

Одни и те же истории приходилось выслушивать десятки раз. Среди беженцев наверняка были те, кто жил на парламентской территории, но никто в этом не признавался: все назывались коллективистами, спасавшимися от милиции.

«Да уж ты-то, конечно, не врешь, — думал насмешливо Каттер. — Самый что ни на есть заводила, как и божишься».

— Вы слышали?

«О том, что война кончилась, Теш разбит, мэр снова у власти,

с восставшими расправились и Коллектив уничтожен? Да, слышали».

Хотя сомнения все равно оставались.

Их привечали в этих остаточных городах, предлагая секс и нью-кробюзонскую стряпню.

— Зачем вы здесь? Вы разве не слышали? Слышали? Никакого Коллектива больше нет. Одни подонки, какие-то террористы засели в Собачьем болоте, у них лишь несколько улиц во всем городе.

— А я слышал другое — что они еще живы и сопротивляются.

— А вы идете на помощь, идете сражаться за Коллектив? Я-то ни за что туда не вернусь. Там же настоящая война.

— А я вернусь. Можно с вами? Можно, я с вами?

Некоторые новоявленные скитальцы из числа молодежи решали примкнуть к Совету и возвратиться в Нью-Кробюзон, не выдержав и нескольких недель изгнаннической жизни.

— Расскажите нам про Железный Совет! — требовали они, и их новые сограждане рассказывали все, что знали сами.

Ходили и другие, невесть откуда взявшиеся, поразительные слухи.

— Вы знаете, — донеслось до ушей Каттера, — такого големиста — Иуду Лёва?

— Что? — переспросил он, подходя к беженцу, который это сказал.

— Големист Лёв, он собрал целую армию искусственных людей. Он делает их из глины в своем погребе и уже столько понаделал, что может захватить власть в городе. Его видели на окраине Нью-Кробюзона, рядом с товарной станцией, возле путей. Он что-то задумал.

Чем ближе они подходили к городу, тем больше узнавали от беженцев.

— Все кончено, — сообщил один. — Коллектива больше нет. Боги, как это грустно.

В ту ночь Каттер искал Дрогона и понял, что мастер шепота исчез. Он прошел весь поезд, спрашивая о Дрогоне у каждого встречного и прося передать ему, чтобы тот нашел его сам, но безрезультатно.

Конечно, шептун мог сесть на коня и отлучиться по своим делам, отправиться на охоту или просто поразмяться, но Каттер как-то сразу подумал, что Дрогон ушел насовсем. До Нью-Кробюзона было уже рукой подать, вот он и решил, что хватит с него Железного Совета, и ускакал восвояси.

«И это все?» Смылся по-тихому, без блеска и славы. «Больше тебе ничего не нужно, Дрогон? Даже проститься не захотел?»

Каттер приготовился уходить. Конец был уже близок. Он ощущал пустоту перед громадной потерей и постоянно Думал о том, где их встретит милиция, как она истребит Железный Совет. Переделанные, их родные и друзья, все граждане Совета, знали, что ждет их впереди. В рабочих песнях все чаще говорилось о войне. Люди смазывали оружие; в поездных и обозных кузницах ковали новое. Граждане Совета обзаводились ружьями, самодельными и краденными, шаманскими приборами наводки из стекла и латуни, охапками копий, оружием западного берега.

— Мы соберем людей, превратим их в армию и ворвемся в город. Мы повернем события вспять. Мы принесем историю с собой.

Каттер болезненно морщился, слушая эти бредни.

Тонкая струйка беженцев не прерывалась, люди шли, сами не зная куда, лишь бы оказаться подальше от ужасов Нью-Кробюзона.

Еще некоторое время поезд двигался по пустынным землям, где лишь изредка попадались полудикие фруктовые сады да рощицы плодовых деревьев умеренного климатического пояса. Потом наступил момент перехода. Только что они были в глуши, на дикой земле, и вдруг внезапно, без всякой подготовки оказались на обжитых территориях. Все поняли, что цель близка.

Вернулись землекопы и разведчики.

— Вон там. Сразу за ними. — Взмах рукой в сторону невысоких каменистых холмов. — Старые рельсы. По ним вниз, до Большой развилки на болоте. Оттуда прямо к Нью-Кробюзону.

Два дня пути. Каттер ждал, что в этой влажной местности им наперерез вот-вот бросится отряд нью-кробюзонской милиции — из тоннеля или из-за неприметного камня. Но никто так и не появился. Сколько ему еще быть с Советом? Он пытался их отговорить. Неужели придется снова брать в руки зеркало?

— Видели Иуду-големиста, он бродит по холмам, следит за нами. Недалеко от старых путей.

«Неужели? Вот как? — кисло подумал Каттер. Ему было страшно одиноко. — Где ты, Иуда?» Он не знал, что предпринять.

Некоторые из граждан Совета — в основном старики, еще помнившие исправительные фабрики, — предпочли уйти. Таких было немного, но достаточно, чтобы их отсутствие стало ощутимым. Обычно они отправлялись в холмы на поиски дров или пищи и не возвращались. Их товарищи, сестры, с презрением и тревогой качали головой. Многие боялись, и не все хотели и могли скрыть свой страх.

«Вот увижу старые рельсы, тогда и решу, как быть», — сказал себе Каттер и пошел с рабочими, которые прокладывали дорогу между выходами осадочных пород и базальта, делая выемку в мягкой податливой земле. И там — там были видны рельсы, мокрые, черные, но по-прежнему блестящие. Они лежали на этом месте больше двадцати лег. Плавно изгибаясь, дорога убегала вдаль, и рельсы, казалось, встречались на горизонте. Металлический путь. Шпалы вспучились от небрежения, но рельсы все еще держались крепко.

Граждане Совета закричали «ура»: оно прозвучало пронзительно в холодном сыром воздухе, но отдалось долгим эхом. Укладчики махали своими инструментами. Переделанные жестикулировали изуродованными конечностями. Дорога на Нью-Кробюзон. Та самая, старая дорога, заброшенная, когда финансовый крах и затоваривание на складах положили конец расцвету ТЖТ. Пути были оставлены на милость природы: Каттер видел, где края выемки сползли и похоронили под собой металл. Уже давно по рельсам не бегал никто, кроме диких тварей.

Кое-где рельсы растащили мародеры. Совету пришлось заменить их новыми из своих запасов. Железный Совет уже проходил по этому пути, еще не родившись, будучи обыкновенным поездом. Влажно мерцали камни, чернела земля, блестела колея. Каттер не сводил с нее глаз. Что там? Что происходит в его городе — там, где сражался Коллектив? Как он может уйти?

«Иуда, негодяй, где ты?»

Люди с молотами в руках клали рельсы и выверенными ударами выравнивали колею. Рабочие придавали дороге мягкие изгибы, чтобы их собственные рельсы, придя со стороны запада, плавно перетекли из одной выемки в другую, сомкнувшись со старым путем.

«Все это лишь постскриптум, — думал Каттер. — Послесловие к истории».

Коллектив проигрывал или уже проиграл, и все это останется в памяти людей лишь вспышкой насилия. «Мы снова все раскачаем и все изменим», — с грустным презрением вспоминал Каттер слова какого-то гражданина Совета.

«Величайший момент в истории Нью-Кробюзона. Сведенный на нет войной и ее окончанием, к которому я, то есть мы с божьей помощью приложили руку. А что еще нам оставалось? Стоять и смотреть, как погибает город?» Коллектив все равно был обречен, твердил Каттер себе, но без особой уверенности. Он рисовал на земле значки: длинный состав, люди бегут вдоль него, спасаясь от

чего-то или устремляясь к чему-то. «Может, Коллектив просто ушел в подполье. Затаился и ждет, как все в городе. Тогда мне лучше остаться». Но он знал, что уйдет.

Чтобы милиция и бандиты не застигли поезд врасплох, вдоль всего состава теперь выставляли стражу. Разбойники, как беспределы, так и нормальные, приходили в основном для того, чтобы примкнуть к Совету. Они появлялись каждый день, не зная, придется ли им пройти какую-нибудь проверку. Но граждане Совета принимали их легко, хотя иные беспокоились — мол, вокруг полно шпионов. В те последние дни все и так вышло из-под контроля, так что волноваться не было смысла. Горящие энтузиазмом новички попадались Каттеру на каждом шагу. Однажды он вздрогнул: ему показалось, что он видит человека, привязанного к лошади спиной вперед.

Возвращаясь как-то холодным вечером в поезд, Каттер вспугнул стайку скальных голубей и услышал голос, звучавший у него в ухе:

— *Подойди сюда. Мне надо тебе кое-что сказать. Тихо. Пожалуйста. Потихоньку.*

— Дрогон?

Ответом был только дурацкий птичий свист.

— Дрогон?

Только шелест сыплющихся камушков.

Это был не приказ, а просьба. Шептун мог заставить Каттера подойти, но предпочел попросить.

Дрогон ждал его среди темных холмов, мимо которых пролегала дорога.

— Я думал, ты ушел, — сказал Каттер. — Где ты был?

Рядом с Дрогоном стоял пожилой седовласый человек, державший ружье дулом вниз.

— Этот? — спросил старик, и Дрогон кивнул.

— Кто это? — спросил Каттер.

Старик убрал ружье за спину. На нем был старомодный жилет. Лет ему было восемьдесят, а то и больше, но держался он прямо, на Каттера глядел с суровым добродушием.

— Дрогон, кто это? Кто ты, черт подери, такой?

— Тише, парень…

— *Тихо,* — повелительно сказал Дрогон прямо в ухо Каттеру.

Старик заговорил:

— Я хочу объяснить тебе, что происходит. Это священный труд, и ты должен это знать. Скажу тебе правду, сынок: ты меня не интересовал и не интересуешь. — Речь его звучала напевно. — Я пришел, чтобы увидеть поезд. Я давно хотел увидеть его и

пришел в темноте. Но твой друг, — он кивнул на Дрогона, — настоял на нашей встрече. Сказал, что тебе может быть интересно.

Он наклонил голову. Каттер взглянул на пистолет в руке Дрогона.

— Вот что я хочу тебе сказать. Меня зовут Правли.

— Да, вижу, ты меня знаешь, ты знаешь, кто я такой. Признаюсь, меня это радует. Да, радует.

Каттер тяжело задышал. «Вот чертовщина». Неужели это правда? Он глядел на пистолет Дрогона.

— *Стой смирно.*

Это была команда. Каттер выпрямился так резко, что у него щелкнуло в спине. Конечности онемели.

— *Не шевелись,* — приказал Дрогон.

«Джаббер…» Каттер уже забыл, каково это, когда тебе приказывают. Он встряхнулся и попытался согнуть пальцы.

— Я Яни Правли, и я здесь, чтобы сказать тебе спасибо. За то, что ты сделал. Знаешь? Ты знаешь, что ты сделал? Ты пересек континент. Ты совершил то, в чем всю мою жизнь нуждалось человечество, и ты это сделал. А ведь я и сам пытался, и не однажды. Со своими людьми. Мы делали, что могли. Карабкались в горы, пробирались через ползучие холмы. Через дымный камень. Чего только не повидали. Ну да ты знаешь. Мы пробивались, мы погибали, мы поворачивали обратно. Нас ели звери, убивали люди, бил мороз. Но я пытался, снова и снова. А потом состарился… Все это, — он взмахнул рукой, — эта железная трасса от Нью-Кробюзона до болот, а оттуда на Толстоморск и Миршок, много для меня значила. Но не ради нее я трудился. Не только. Не о ней я мечтал. Ты знаешь. Я неотступно думал о другом, о дороге от моря до моря. Опоясать железом весь континент, от Нью-Кробюзона до западных берегов. Вот чего я хотел. Вот что есть история. Вот к чему я стремился, за что сражался. Вы понимаете меня, правда, вы, оба? Понимаете. Не стану притворяться: ты раздражал меня. Раздражал, еще как, ты ведь украл мой поезд. Но потом я понял, что ты делаешь… Это был святой труд. Превосходящий все, чего от тебя ждали. И хотя мне трудно было стоять в стороне, я наблюдал за тобой и не мешал. — Яни Правли сиял; его исполненные страсти глаза увлажнились. — Мне нужно было прийти и увидеть тебя. Рассказать тебе все. О том, что ты сделал и что делаешь. Я пришел чествовать тебя.

Каттер дрожал, словно попавший в ловушку зверек, — так его унижали приемчики шептуна. Напрягшись изо всех сил, он

пошевелился, и тут же глубоко в ухе раздался шепот — казалось, он отдавался даже в костях:

— *Стой смирно.*

«Черт тебя подери, чтоб ты провалился».

Воздух был тих и спокоен. Снизу доносился лязг металла. Было холодно.

— А потом ты исчез, ушел на запад и еще бог весть куда. Все кончилось, но я знал, что еще услышу о тебе, и услышал. — Яни Правли улыбнулся. — Преданный и поверженный, я сохранил и свою агентуру, и свою мечту. У меня есть друзья в Парламенте, они заинтересованы в моем успехе. До меня доходят слухи. Поэтому, когда они нашли вас — кто-то из лазутчиков или купцов-шпионов, плывя по морю, услыхал о городе-поезде и сообщил кому надо, а те сразу выслали разведчиков и нашли его, — так вот, я узнал об этом сразу же. И когда они послали своих людей за вашими головами, надеясь списать все на войну, я узнал и об этом тоже. Что мне оставалось делать? Только выйти вам навстречу. Ведь вы знаете путь. Вы знаете путь через континент. Понимаешь, что это значит? Это же священное знание. Я не мог допустить, чтобы оно погибло вместе с вами. Вы спешили, как могли, в иных местах я выбрал бы другой маршрут, например держался бы южнее Вихревого потока, но, что там ни говори, это ваш путь. Мне надо было его узнать. Поэтому я связался с вашим защитником в городе — он был при рождении Совета. Думаешь, это тайна? — Забавляясь смущением Каттера, он покачал головой. — Кому известно, куда ушел Железный Совет? Нам, разумеется. Мы давно знали, кто человек Совета в городе. Давным-давно я заплатил одному из его друзей, чтобы тот не терял его из вида. Так что я смог передать вашему защитнику весточку, и он пошел вас искать. Мы знали, что он найдет. А мы ему поможем. Поможем найти Совет и уговорить его вернуться назад. Мой мастер шепота.

Так значит, Дрогон — наемник. Охранник, агент ТЖТ. У Каттера похолодело внутри.

— А знаешь, говорят, он где-то здесь. Ваш защитник, Лёв. Его видели. С тех пор как Коллектива не стало, он места себе не находит. Слоняется вдоль линии, конца вашего ждет. Мы получили то, в чем нуждались. Мы пришли помочь вам и узнать путь. И узнали. Это сделал Дрогон, мой человек. Надежный человек. Нельзя было, чтобы они вам помешали. Пришлось остановить их. Ведь вы оказались почти дома. Нельзя было, чтобы вам помешали так близко от города. Вы были нужны нам здесь.

«Так вот почему Дрогон пришел. Этот чокнутый псих Правли дал ему задание. А те, другие, тоже из ТЖТ, что ли? Боги

милостивые. Ему было нужно, чтобы мы прорвались. Ему хотелось знать, что мы прошли весь путь целиком. Чтобы проследить наш маршрут. Ради этого он сражался с городом. Убивал милицию, чтобы посмотреть, как мы вернемся».

— И вот вы здесь. Тсс, тише, тише.

— *Спокойно,* — сказал Дрогон, и Каттер опять замер столбом.

— И вот вы здесь. Завтра вы встанете на старые рельсы. И вернетесь в город. Видишь, вы сделали все, что было нужно. Теперь я знаю, как проехать через континент. И как продраться через какотопическое пятно. Этот путь подсказала вам нужда, он выстлан вашими телами. И за это мы благодарны вам.

Дрогон, без всякой издевки или театральности, склонил голову.

— Будьте уверены, мы воспользуемся вашим знанием. Я построю железный путь. Этот континент будет создан заново, переделан, он станет прекрасным.

Каттер не сводил глаз с провозвестника денег и железных дорог. Он смотрел, не в силах пошевелиться, открыть рот, сказать Яни Правли, что тот сумасшедший. Теперь, после многих безуспешных попыток, Правли наконец взнуздает континент. Он опояшет его тонкой железной полосой и будет качать по ней деньги с востока на запад и обратно. Он изменит мир, а с ним и Нью-Кробюзон.

«А хватит ли ему сил? Путь-то не близкий. Чертовски не близкий… Но у него есть маршрут».

— Вот как все будет. Вас уже ждут. Коллектив уничтожен. Это вы знаете, правда? А милиция знает, что вы здесь. Они ждут. Они знают, где вас встречать. На запасных путях, где мы построили свой терминал. Их будет много.

Батальоны. Целые бригады. Выстроенные в шеренги, с картечннцами, терпеливые, как все специалисты по резне. Они не подгоняют своих жертв, а ждут, пока те пожалуют сами, и тогда обрушится шквал огня и железа, а маги начнут славную бойню. Ни световой голем, ни магия мха, ни мужественное сопротивление переделанных и их детей, ни беспощадность кактов, ни шаманские уловки здесь не помогут.

— Вы умрете. Я здесь, чтобы сказать вам это. Это прозвучало не как предупреждение, но как обычная реплика.

«Больше он вмешиваться не будет. До сих пор этого мерзавца заставляло помогать нам религиозное помешательство, священное безумие предпринимателя. Даже правительства он не боялся. Но теперь мы здесь, и он умывает руки. Мы дома, мы сделали то, что от нас требовалось, маршрут теперь известен: он в голове у Дрогона, в следах, которые мы оставили. Теперь этот

урод станет делать то, что давно замыслил».

— Знайте, что вы просто великолепны. Столько храбрости, столько силы. Ничего подобного я и не воображал.

Молодцы, просто молодцы. Но теперь все кончено… Я объясню, зачем я говорю тебе все это. Будет некрасиво, если ты не узнаешь. Ты должен знать, чем вы стали. Когда проедете последний поворот, ты увидишь подъездные пути, а на них милицию. И все поймешь.

Каттер вздрогнул. Дрогон следил за ним.

— Или можешь уйти сейчас.

Сердце Каттера забилось так часто, будто только со словами Правли он осознал эту возможность — словно тот давал ему разрешение на бегство.

— Можешь идти. Дрогон хотел, чтобы я предоставил тебе выбор. Вот почему я здесь.

«Дрогон? Неужели?» Каттеру достало сил скосить глаза и посмотреть на былого компаньона. Убийца в ковбойской шляпе отвел взгляд. Скромный дружеский поступок. Что он означает? Это последний шанс, подаренный Каттеру.

«У меня всегда был шанс», — подумал он, хотя чувствовал себя обладателем подарка от Дрогона.

— Степи Рохаги стали скрижалями истории, на которые вы вписали свои имена. Благодаря вам ТЖТ стал правдой, хотя до этого его имя заключало в себе лишь ложь. Но теперь он пересек континент. Ты свободен. Или… Или можешь остаться с нами. Поможешь нам пройти весь путь. Еще раз. Только теперь там, где мы пройдем, останутся лежать рельсы. — Правли смотрел на него, а Дрогон — нет. — Дрогон рассказывал мне о твоих способностях, как ты стал сначала путешественником, потом землекопом, потом разведчиком. И всегда сохранял независимость. Мы это знаем. Ты мог бы нам помочь.

«О боги мои, о Джаббер, срань господня, ты этого не говорил. Не говорил». А ведь все верно. Откровение. Вот как. Ослабленный колдовством Дрогона, Каттер тем не менее ухмыльнулся.

«Так вот оно что…» Он пытался заговорить, но не смог. Гримаса на его лице сказала все. «Да что вы там себе думаете, что?.. Кто я, по-вашему, такой? Думаете, мне настолько на них плевать? Я дрался с ними, путешествовал с ними, трахался с ними, а теперь возьму и брошу их на съедение вам? Предам их ради вашего священного похода за деньгами? Ведь к этому сводится вся ваша дерьмовая религия! И ты тут разговоры разговаривал, чтобы переманить меня? Хочешь, чтобы я был с вами? Потому что я знаю путь? Потому что я уже прошел его?

Хочешь, чтобы я был в твоей команде? Да за кого ты меня принимаешь?!»

Он стоял, вытянув руки по швам, внешне спокойный, но все его нутро плавилось от отвращения.

— Что скажешь? — спросил Правли.

Глубоко в мозгу Каттера голос Дрогона приказал:

— *Говори.*

— Да пошел ты! — тут же выпалил Каттер.

Правли кивнул и стал ждать.

— Отвали от моего поезда, мудак. А ты, ублюдок, перебежчик проклятый, ты, Дрогон, никуда от нас не денешься…

Каттер уже набрал в грудь побольше воздуха, чтобы закричать, но Дрогон заставил его умолкнуть.

— Думаешь, мы без тебя не обойдемся? — сказал Правли. Виду него был недоуменный. — Сомневаюсь. Вообще-то я даже уверен, что обойдемся. Сейчас мы пойдем. Я буду в депо, когда придет поезд. Я буду ждать. Появится желание — приходи, если твои взгляды переменятся.

Дрогон снова зашептал. Судорога жгучей болью свела конечности Каттера. Мастер шепота указал на проход в холмах и повел Яни Правли прочь. Обернувшись, он снова зашептал Каттеру:

— *Просто чтобы ты знал. Хотя, по-моему, ничто не изменится. На всякий случай. Потому что теперь все должно закончиться. Твои зеркала разбиты. Для верности.*

Яни Правли посмотрел Каттеру в глаза.

— Ты знаешь, где меня найти.

И они ушли, а Каттер остался напрягать непослушные мышцы.

«Почему вы не убили меня, ублюдки?»

Его рука поднялась. Это не имело значения. Он ни для кого не был опасен. То, что ему сказали, тоже не имело значения. Милиция ждет — он твердил эти слова неделю за неделей. Все знали, что он только об этом и думает. Нынешняя внезапная уверенность ничего не изменила: он всегда знал, что так и будет. Так почему что-то должно повлиять на мессианские планы Железного Совета?

Была еще одна причина, по которой Дрогон и Правли оставили его в живых: надеялись, что он все же передумает. Оба верили, что он покинет Совет, мчащийся навстречу кровавой расправе, и присоединится к ним. И Каттер ненавидел их за это, думая про себя: «Кто я? Кто я такой, что они так думают обо мне?»

Он немного всплакнул — то ли от попыток стряхнуть колдовство, то ли от чего другого. Он увидел себя со стороны, таким, каким, наверное, видел его Дрогон: из-за своей язвительности и одиночества Каттер выглядел потенциальным предателем.

Каттер достал зеркала из оружейного вагона: они лежали там, тщательно обернутые тканью. Стекло покрылось паутиной трещин, оловянная амальгама превратилась в пыль. Каттеру хотелось рассказать кому-нибудь о случившемся, но он боялся продемонстрировать жалкое торжество предсказателя, чьи слова сбылись, — боялся, что его сочтут злорадствующим, хотя наделе он испытывал лишь горечь. Он ненавидел эту свою черту и знал, что именно ее учуял Дрогон. Оттого ему и сделали такое предложение.

Он отнес разбитые зеркала Анн-Гари и рассказал обо всем.

Старые рельсы отражали лунный свет. На горизонте с восточной стороны виднелась черная полоса: Строевой лес.

Паровозные прожектора и кухонные костры окружал слабый ореол.

— Ну? — спросила Анн-Гари.

— Что «ну»?

— Да.

— Что ты будешь делать?

— А ты бы что сделал?

— Развернул бы паровоз, черт возьми. Развернул бы и поехал по рельсам на юг, а не на север.

— В болото?

— Для начала. Если другого способа уйти нет. Выжить, Анн-Гари. Выжить. Они ведь ждут. Завтра, может быть, послезавтра. Они там.

— Правда? И что?

Каттер закричал. Прямо в ночь.

— Как это «что»? Ты спятила? Или ты не слышала, что я говорил? И что значит твое «правда»?

Внезапно он замолчал. Они смотрели друг на друга.

— Ты мне не веришь.

— Не знаю.

— Думаешь, я лгу.

— Ну-ну, — сказала Анн-Гари. — Не надо. Ты верный друг Совета, Каттер, мы это знаем…

— О боги мои, ты думаешь, я лгу. И что из этого следует? Ты думаешь, о боги, ты думаешь, что я сам разбил чертовы зеркала?

— Каттер, не надо.

— Нет, думаешь.

— Каттер. Ты не разбивал зеркал. Я знаю.

— Значит, ты думаешь, что я лгу насчет Дрогона?

— Ты всегда был против нашего возвращения, Каттер. Ты никогда не хотел, чтобы мы оказались здесь. А теперь ты говоришь мне, что нас ждет милиция. Откуда тебе знать, что Дрогон и тот человек не солгали? Им известно твое настроение; они знают, что тебе сказать. Может, они просто хотят, чтобы мы испугались и сдались.

Каттер застыл с открытым ртом. Может ли быть, что Яни Правли просто хотел их напугать?

Возможно, Коллектив победил. Беженцы в каменистых землях на подступах к городу ошиблись, и Коллектив утверждает новую демократию, положив конец выборной лотерее, разоружив милицию и вооружив народ. Тем, кто пал, поставили памятники. Парламент отстраивают заново. Не гремят больше над головами милицейские стручки-вагоны, неопознанные дирижабли не таятся в облаках, в небе лишь вирмы, воздушные шары да флаги. Возможно, Яни Правли просто не хотел, чтобы они стали частью этого нового Нью-Кробюзона.

Нет. Каттер знал. Он знал правду. Все совсем не так. Он покачал головой.

— Ты должна сообщить Совету, — сказал он.

— Что я должна им сообщить? Что человек, которого мы никогда толком не знали и которому не доверяли, привел другого человека, которого мы не знаем? И тот сказал нам, что правда, в которой мы не были уверены, на самом деле правда, но не представил никаких доказательств? Ты этого хочешь?

Каттер почувствовал, как что-то подкатывает к горлу — какой-то сгусток отчаяния.

— О боги мои, — сказал он. — Тебе плевать.

Анн-Гари посмотрела ему в глаза.

«Даже если ты прав, — говорил ее взгляд, — даже если ты прав, и Дрогон с Яни Правли не солгали, и десятитысячная армия действительно ждет нашего прибытия, ничего не меняется, потому что мы те, кто мы есть, и никуда не свернем. Наше место здесь». Была ли она безумна?

— Мы — Железный Совет, — сказала она. — Нам некуда сворачивать.

Может, думал Каттер, побежать в ночь и рассказать правду этим отступникам, товарищам, хаверим, сестрам, которых он полюбил, и заставить, упросить их повернуть назад, поведать им о том, что их ждет, о том, что знали он и Анн-Гари? Но он ничего не сказал. И не крикнул. Неизвестно, надлом или слабость были

тому причиной, но Каттеру просто недоставало сил объявить правду. Ведь он знал, что все напрасно, никто из них не согласится повернуть назад.

ГЛАВА 33

Поезд медленно полз по старым рельсам, рабочие бежали впереди, то укрепляя ползущую насыпь, то сметая с рельсов сор, который мешал проехать. Они заваривали трещины в металле, забивали новые костыли, поднимая фонтанчики ржавчины. Однако ход их замедляло не только плачевное состояние дороги, но и недоверие к местности. Делая десять — пятнадцать миль в час, окруженный неровными зубцами базальтовых скал вечный поезд под названием Железный Совет продвигался на север, к Нью-Кробюзону.

Ружейные стволы торчали из каждого окна. Открытые платформы, заросшее травой маленькое кладбище, башни, палаточные городки на крышах были полны вооруженных граждан Совета Сидя на корточках, они пели военные песни.

— Расскажите про Нью-Кробюзон, — просили молодые, рожденные от шлюх в те времена, когда Совет еще был рабочим поездом, или от свободных женщин Бас-Лага, или от женщин Совета.

Позади поезда шли граждане Совета, не способные воевать, — дети, беременные женщины, переделанные. И старики. Колонна растянулась по путям на много миль, в ней пели другие песни.

Над головами носились вирмы, то улетая на разведку, то возвращаясь назад с вестями. Через несколько часов дорога поползла вверх, и поезд оказался на хребте, от которого в обе стороны сбегали вниз усеянные гранитными валунами склоны. Сначала вокруг были только пни, потом стали попадаться деревья, в кронах которых вопили какие-то твари.

Через много миль зловещий подлесок перешел в Строевой лес.

Время мчалось под гипнотический стук колес, уже позабытый Каттером, стертый из его памяти месяцами пути, когда Железный Совет двигался слишком медленно, чтобы отбивать ритм. Теперь скорость была как раз что надо. Стук колес, пыхтение паровой машины. Тревожное «ту-тук, ту-тук», вроде навязчивого хлопанья по спине, пробуждало память. Беспокойство поезда передалось Каттеру.

«Я узнаю, через миг я узнаю, — твердил он про себя. — Через миг я решу». Но вечный поезд не медлил, приближая его к Нью-Кробюзону, не давая времени подумать.

«Что же будет?»

Ружье он держал наготове. Тормозной вагон, в котором он

ехал, переполняли беженцы и чужаки, взволнованные и напуганные тем, что ждало их впереди. Дорога все петляла и петляла, точно пытаясь скрыть от них станцию назначения. «Далеко еще», — думал Каттер, но ему казалось, будто самым краешком глаза он все время видит мрачный огонь в конце пути.

— Мне надо домой, — сказал один. — Меня там кое-кто ждет.

«Кое-что, — мысленно поправил его Каттер. — Кое-что тебя ждет наверняка».

«Я не останусь. — Решение пришло внезапно. — Я не пойду к этому подонку Дрогону, но и подыхать ради его удовольствия тоже не собираюсь».

— Что же ты будешь делать? — спросил он себя вслух.

«Убегу».

— Куда?

«Куда надо».

— А как же Иуда Лёв?

«Я найду его. Если смогу».

Иуда Лёв.

«Ах, Иуда, ох, Иуда. Иуда ты, Иуда».

Ночь спустилась так быстро, словно тьма сгустилась в воздухе, но они не остановились. Свет спешил от них прочь по серой равнине, превращая поезд в сороконожку на лапках-лучиках.

Оставалось пройти пару десятков миль. Совершенно неожиданно дорога стала ухоженной и чистой. Каттер подумал, что здесь, должно быть, есть какое-то движение; возможно, город неизвестно зачем гоняет вагоны туда и обратно, перевозя призрачных пассажиров с одной призрачной станции на другую. Ранним утром, едва забрезжил рассвет, Каттер увидел на обочине каких-то людей: они махали веслами и метлами с толстыми пучками прутьев, крича вслед поезду: «Давай, давай!» и «Добро пожаловать!».

Беглецы из нью-кробюзонского Коллектива. Все больше и больше их выскакивало на насыпь из темноты, моргая от яркого света головного прожектора. Занимался день. Дезертиры пробирались через Строевой лес или через полные опасностей переулки к западу от Собачьего болота, где их подстерегали мстительные милиционеры. Именно из них сложились те самодеятельные рабочие бригады, которые очистили пути.

Ньюкробюзонцы размахивали шапками и шарфами.

— Давайте скорее домой! — прокричал один.

Некоторые плакали. Многие посыпали рельсы сухими

лепестками. Но были и такие, кто махал руками и кричал: «Нет, не ходите туда, вас убьют!», были и те, кто смотрел молча, с печалью и гордостью.

Люди бежали за составом и прыгали в него на ходу. Они бросали членам Совета и их детям еду и зимние цветы, торопливо обменивались с ними парой слов и прыгали обратно. Ощущение своей исторической миссии сделало пассажиров поезда суровыми и молчаливыми, но те, кто шел за ним пешком, встречали беглецов с радостью, обнимали и принимали их в свои ряды.

Люди бежали рядом с поездом, не отставая ни на шаг, и выкрикивали имена, разыскивая потерянных родственников.

— Натаниель! Он с вами? Натаниель Бесхольм, переделанный, деревянные руки. Ушел с поездом.

— Раздвоенный Нос! Мой отец. Он так и не вернулся. Где он?

Имена и обрывки историй срывались с губ тех, для кого возвращение Железного Совета было не только мифом, ставшим реальностью, но и надеждой на воссоединение семьи. В окна летели письма, адресованные сгинувшим в изгнании, а теперь, возможно, вернувшимся людям. Большинство писем было адресовано тем, кто умер или просто сбежал. Их читали вслух, делая всеобщим достоянием.

Наступил день — тот день, когда Железный Совет должен был достичь конца пути. Поезд не спешил, машинисты впитывали в себя каждое мгновение.

— Лёв, создатель големов! — прокричала надтреснутым голосом одна старуха, когда они проезжали мимо. — Он тут шастает, готовит вам встречу! Торопитесь!

«Что?» Каттер оглянулся. Внутри него быстро росло подозрение. «Что?»

— Не бойтесь, — кричал кто-то еще. — Слушайте, мы просто прячемся, мы коллективисты, мы ждем вас, мы будем стоять позади милиции. Но Каттер искал глазами женщину, которая кричала про Иуду.

«Недалеко уже». Возможно, к полудню они окажутся на месте, в конце пути, там, где их будет ждать милиция. «Осталось всего несколько миль».

«У меня есть план», — сказал ему Иуда.

«Боги. Боги мои. Он здесь».

Над головами летали туда-сюда вирмы Железного Совета. Самые быстрые из них скоро увидят город.

Каттер вскочил в седло и помчался вперед легким плавным галопом, которому научился за месяцы скитальческой жизни. Он почти не отставал от Анн-Гари, которую нес Рахул-передел.

Шаги Рахула гремели но земле, пока он несся вдоль железнодорожной насыпи, которая прикрывала его от ветра, словно поросший травой и одуванчиками волнолом. Каттер не выбирал дороги, и ветер хлестал ему в лицо, засыпая глаза пылью. Но он не обращал внимания. Он скакал вперед, а в небе вдруг удивительно быстро стали сдвигаться облака, неподалеку даже пошел дождь. Глазами Каттер следил то за путями, то за местностью впереди. Рельсы остались в стороне.

— Поезжай со мной, если хочешь, — уезжая, бросил он Анн-Гари. — Докажи, что я не прав. Вернуться всегда успеешь. Но если я прав, говорю тебе… говорю тебе, Иуда что-то задумал.

И хотя Анн-Гари разгневалась, настойчивость Каттера и его непонятное волнение — был он возбужден, встревожен или зол? — поразили ее и заставили скакать за ним следом.

Он подвел Иуду и потому должен был увидеться с ним, хотя сам не знал зачем: то ли умолять Иуду повернуть Железный Совет, если это еще возможно, то ли объясниться, то ли выразить ему свои сожаления но поводу проваленной миссии. Когда на пути Каттера встала стража, он потребовал позвать Анн-Гари.

— Вы должны меня отпустить, — сказал он. — Дайте мне лошадь, черт вас дери! Там впереди — Иуда! Я должен его увидеть!

Женщина притворялась бесстрастной, но Каттер заметил, как она вздрогнула. Анн-Гари согласилась поехать с ним.

— Как хочешь. Проследи за мной, если не доверяешь, мне плевать, но осталось всего несколько часов, а я, черт меня побери, должен его увидеть.

«Чем он занят?»

Позже. У самых окраин Нью-Кробюзона. Там, где над реками изгибались мосты, а дававшие убежище камни точил кислотный дождь. Длинные руки предгорий и здесь сминали землю в неопрятные складки, а с этих складок черными и темно-зелеными волнами сбегал Строевой лес, местами доплескивая пеной деревьев до самых путей. Между деревьев, в лесной тени, скакали Каттер, Рахул и Анн-Гари.

Вечный поезд быстро пропал из виду, петляли обновленные рельсы. Каттер мчался, словно был совсем один, вдоль полосы железа, вздымавшейся, как горделивая плоть, толстой ровницей выделяясь на волнистой ткани ландшафта. Вдоль нее еще стояли беглецы, они подбадривали его своими криками, но большинство стремилось к поезду. Они кричали:

— Где Совет?

— Пришли спасти нас?

— Они впереди, берегись, парень!

Но Каттер не обращал на их крики внимания и не отрывал взгляда от рельсов, вернее, от края полотна. Поезд остался в часе пути от него.

Ему казалось, будто Нью-Кробюзон всасывает его всей своей плотной массой из кирпича, цемента, дерева, железа, притягивает к себе очертаниями крыш, пунктирами дымков и химическими огнями. Каменистая земля хлынула навстречу путям, как река в половодье: дорога теперь шла по ровной местности. Рахул бежал рядом. За усеянным валунами лугом Каттер увидел плывущую баржу. Тут проходила граница возделанных земель. Каттер не отрывал взгляда от края дороги. Вот механизм на месте знака, какой-нибудь счетчик для измерения скорости или частоты прохождения поездов. А дальше — кучки камней, обломки металла между шпалами и рядом с рельсами.

Стая вирмов стремительно надвигалась со стороны Нью-Кробюзона, рассеявшись под быстро бегущими тучами и вопя:

— Они ждут! Их тысячи и тысячи! Шеренга за шеренгой! Нет!

Каттер на своем коне и Рахул неслись вдоль левого бока насыпи, пожирая расстояние с такой скоростью, что Каттер, завороженный движением, не отрывал глаз от дороги до тех пор, пока рельсы вдруг не сошлись в одну точку на горизонте: за очередной скалой вдруг открылось плоское пространство и заболоченное озерцо с каменистыми берегами, по которому ходили птицы, серые, как все вокруг. Безупречную перспективу замыкала огромная, как город, товарная станция, где рельсы расходились веером. Дым из труб мастерских, потускневшие за много зим гофрированные железные крыши депо — огромный терминал на окраине Нью-Кробюзона. Каттер вскрикнул и услышал крик Рахула: вдали, под серым облачным небом, их поджидал огромный зверь, ощетинившийся пиками и ружейными стволами, тускло поблескивавший тысячами и тысячами масок. Милиция.

— О боги мои.

«Иуда, где ты?»

Армия ждала.

— Где Иуда? — спросила Анн-Гари.

Она смотрела на людей, которые ждали впереди, и Каттер ужаснулся, разглядев в ее глазах вызов, воинственный огонь. Анн-Гари улыбалась.

— Наверное, мы его пропустили. Пошли, вернемся…

— Ты ничего не знаешь, верно, ничегошеньки ты не знаешь…

— Черт побери, Анн-Гари, мы еще можем его найти.

«Зачем мы его ищем? Что он сможет сделать?»

Скоро из узкой каменной горловины поезд выйдет на

открытое плато, где его ждет вся милиция Нью-Кробюзона. Каттер мысленно видел его. Вот он подходит, все ближе и ближе, граждане Совета бледнеют, видя, что ждет их впереди, но не теряют мужества, ведь они знают, что ничего сделать нельзя. Когда котел погаснет и паровоз остановится, милиция уже окружит их со всех сторон. Значит, им остается лишь пасть смертью храбрых в бою. Знание нахлынет на них волной; покрытые испариной, перекошенные от ужаса лица сотен свободных граждан вновь застынут в суровом спокойствии, и паровоз прибавит скорость. И на полном ходу врежется во вражеский строй.

— Жми, мы уже били милицию дважды, побьем и теперь! — раздадутся крики.

Лживые крики — но все радостно сделают вид, будто верят. Некоторые шепотом обратятся к своим богам, или ушедшим предкам, или любимым, станут целовать амулеты, которые ни от чего их не защитят. И закричат:

— Железный Совет!

— За Коллектив!

— За Переделку!

Железный Совет, вечный поезд, заревет, выталкивая пар из всех щелей, пронзительно зальются свистки в кабине машиниста, загрохочут ружья, посылая вперед ураган пуль. Поезд войдет в зону обстрела, и под скрежет изрешеченного пулями железа, под вопли умирающих страшной смертью повстанцев Железному Совету придет конец.

«Боги мои, боги».

Анн-Гари и Рахул отправились назад к Совету. Каттер, придерживая коня, поехал за ними. Он смотрел на приближающуюся груду железа. «Последний шанс». Через милю, не больше, ласковым объятиям скал придет конец. И снова над головами закружили вирмы, только говорили они с иным акцентом: это городские вирмы явились поприветствовать гостей.

— Скорее, скорее! — орали они. — Мы ждем. Там, за милицией. Вас дожидаемся.

И, описав в воздухе круг, они полетели назад, к каким-то железякам, сложенным на запасном пути.

— Анн-Гари!

Окрик донесся сверху, с края расщелины, футах в двадцати над их головами. Каттер поднял голову и увидел Иуду.

У Каттера вырвался крик. Он натянул поводья, Рахул и Анн-Гари тоже остановились и подняли головы. Иуда Лёв стоял на краю и бурно размахивал руками, пытаясь привлечь их внимание.

— Анн, Анн-Гари! — кричал он. — Каттер! — И он широко развел руки, подзывая обоих.

— Иуда… — вымолвил Каттер.

— Поднимайтесь, поднимайтесь. Что вы тут делаете? Что? Боги мои, да поднимайтесь же.

Тяжелому, как динозавр, Рахулу подъем было не одолеть, он скользил и съезжал назад. Пришлось ему ждать внизу, а Каттер с Анн-Гари, цепляясь за торчащие из склона корешки, вскарабкались наверх, выпрямились, и Каттер, все это время упорно глядевший себе под ноги, поднял бледно-серое, как сланец, лицо и взглянул на Иуду Лёва.

Иуда с непроницаемым выражением поглядел на Анн-Гари, потом заключил ее в объятия и долго не выпускал. Каттер смотрел. Каттер облизнул губы. Каттер ждал. Наконец Иуда повернулся к нему и с гримасой, отчасти похожей на улыбку, обнял его тоже, и Каттер на долю секунды буквально повис на нем. Закрыв глаза, он положил голову на плечо Иуды, но тут же выпрямился и сделал шаг назад. Отчетливо были видны рельсы, выходившие на равнину.

Они смотрели, все трое, смотрели друг на друга. Вот он: высокий, худой, поседевший человек по имени Иуда Лёв. «Кто же ты?» — думал Каттер. Вокруг лежало все то, что он ожидал увидеть. Бутылка с водой. Загадочные отходы големетрии. Телескоп.

Место было уединенное. До города — рукой подать. Снова прилетели и закружили над головами вирмы, истерически выкрикивая предупреждения.

— Чем ты был занят? — спросил Каттер. «Что ты делаешь сейчас?» — Они не остановились, Иуда, не повернули. Я пытался…

— Я знаю. Я знал, что они не согласятся. Неважно.

— Что произошло? В городе?

— Ох, Каттер. Кончено, все кончено…

Иуда был тих и напуган. Он взглянул мимо Каттера и Анн-Гари на поворот дороги — туда, откуда должен был появиться поезд. Потом снова на товарищей, опять на дорогу. Его внимание беспрестанно переключалось.

— Что будем делать? — спросил Каттер.

— Ничего уже не поделаешь, — ответил Иуда. — Он уже не тот, что прежде. Город… он опять изменился.

— Зачем ты здесь, Иуда? — спросила Анн-Гари. — Для чего ты пришел, Иуда Лёв?

Тон у нее был заговорщический. Они едва заметно улыбались друг другу, как соучастники. Голоса обоих звучали слегка игриво.

Даже перед неизбежной бойней, уже увидав милицию, Анн-Гари кокетничала. То и дело она протягивала руку и касалась Иуды, который отвечал ей тем же. Напряжение между ними напоминало зверька, который жался то к нему, то к ней — по очереди. Иуда то заглядывал ей через плечо, то снова смотрел в лицо.

— Иуда! — закричал Каттер, и тот обернулся.

— Да, да, Каттер. Конечно. — Он успокоился. — Зачем ты пришел?

— Что ты сделал, Иуда? — спросил Каттер.

Но тут раздался шум, Иуда радостно вскрикнул, словно маленький мальчик, и запрыгал на месте, тоже совсем по-мальчишески. В его глазах стояли слезы. Он плакал и улыбался.

Столб дыма показался в полумиле от них. Вечный поезд. Извиваясь, он выполз из расщелины, словно покрытый копотью червь из своей норы, ускорил ход, круто повернул, огибая край каменной бреши, и оказался совсем близко. Поднятый поездом ветер ударил Каттеру и Анн-Гари в лицо, когда они повернулись и увидели круглые огни паровоза, почти неразличимые при свете дня, но все же освещавшие камни и рельсы. Железный Совет вышел на последний отрезок пути.

«Нет!» Каттер не знал, сказал он это вслух или только подумал. Он не верил в то, что за спинами милиции прячутся революционеры. Он смотрел, как Железный Совет выходит из каменной расщелины навстречу смерти, и кричал или думал, что кричит: «Нет!»

Оскалив зубы предохранительной решетки, овеянный легендами, увешанный охотничьими трофеями паровоз-фетиш с ревом вез в бой лучших воинов — огромных переделанных, рычащих кактов с длинными ножами наголо, — а по бокам бежали спасшиеся из Нью-Кробюзона, подбадривали их криками и осыпали конфетти, словно в праздник. Весь осажденный город на колесах шел в бой; второй паровоз, все вагоны, каждая часть поезда стала оружием. Колеса отбивали железный ритм, дым валил из всех труб, все прильнули к окнам, готовые открыть огонь, без всякого плана, повинуясь безрассудным крикам «вперед!».

«Ту-тук, ту-тук, ту-тук, ту-тук». Каттер знал этот звук стучащих по рельсам колес. Подбежав к краю обрыва, он закричал, хотя его все равно не могли услышать. Он видел, как плачет и смеется Иуда, как без слез улыбается Анн-Гари. С невиданной прежде скоростью поезд пролетел мимо Рахула, махавшего лапами и руками.

Каттер споткнулся и услышал, как у него за спиной бормочет Иуда — в такт двухчастному ритму колес. Он пел вместе с

поездом, и в его песне было ожидание. Каттер склонился над пропастью и увидел поезд, а на нем граждан Совета, готовых к бою, последнему бою, на этот раз — к сражению за свой город. Перед составом, между шпалами, он увидел странное нагромождение препятствий: ничего настолько тяжелого, чтобы пустить под откос или даже повредить поезд, — просто предметы, старательно разложенные вдоль нескольких ярдов полотна и похожие сверху на детали какого-то знака.

— Ух, *ух, ух, ух,* — сказал Иуда. Ответное «ту-тук» донеслось снизу, и передняя часть Железного Совета оказалась над устройством, которое Каттер принял за остатки какого-то сигнала или недоделанной детали путевого хозяйства; но едва колеса коснулись механизма, как тот застучал, и стук сложился в ритм, а Иуда, хватая ртом воздух, рухнул на колени. Кожа на его лице и руках натянулась; казалось, даже мясо куда-то делось с костей. Каттер видел, как сильно сконцентрировался Иуда, как быстро утекала из него энергия.

Он слышал, как в отрывистый стук поезда влилась новая, мощная струя, точно ударные в противофазе. Железный Совет привел в действие оставленный Иудой выключатель, заложенная им батарея ожила и начала тянуть из организма силы, но видел это только Каттер. Он смотрел, как моргает и задыхается Иуда.

Крик Иуды отвлек Каттера и Анн-Гари от небольшого препятствия, устроенного между рельсами: болтов, металлических прутьев, кирпичей, прислоненных к шпалам или наполовину зарытых в гальку, на которые наехал Совет. Части устройства жестко приземлились прямо на подготовленные для них контакты. Строгий порядок их падения, а также материалы, из которых они были сделаны, стали причиной того, что каждая издавала свой, только ей присущий звук. Треск, щелчки и металлический звон сложились в тщательно выверенную мелодию, которая сплелась с безупречным ритмом колес; лишь несколько секунд, крошечный отрезок времени существовала магия пульса, ритмический палимпсест; каждая группа звуков начиналась в строго определенный миг, разрезая на куски время; и поэтому, когда огромная металлическая голова Железного Совета высунулась из каменных складок на открытое пространство, шум резал секунды, шлифовал их и придавал им форму через механизм, питавшийся жизненной силой Иуды Лёва, величайшего мага-самоучки в истории Нью-Кробюзона; грубая, могучая, неотвратимая точность этого нарезанного на куски времени изменила время, стала переменной внутри его.

Изменила его, превратив в голема, временного голема, который выпрямился, полный заимствованной жизни, рожденный

из звука и времени, встал и выполнил данный ему приказ — точнее, приказ просто сделался големом, эти два понятия совпали. Живая фигура, выкроенная из самого времени, с зарубками из неотшлифованных секунд и раздавленных мгновений по краям, там, где временные конечности примыкали к временному телу. Он был. Контуры фигуры терялись в разных измерениях, неведомых даже ее создателю и невидимых ни для кого из присутствовавших; тот, кто увидел бы ее целиком, понял бы, что фигура заключает в себе весь поезд.

Временной голем существовал, игнорируя линейность времени вокруг себя, он просто был. Словно диахронический тромб, он насмерть закупорил собой сосуд, по которому текли последовательные моменты, в немой надменности своего существования не обращая внимания на бьющий в него поток жизни.

С окровавленным лицом, трепеща и ловя ртом воздух, точно рыба на песке, оставляя за собой багровый след, обессиленный последним магическим актом Иуда Лёв подполз к краю обрыва, встал, качаясь, словно пьяный, заглянул вниз и улыбнулся. Каттер смотрел на него.

Раздался страшный шум. Что-то треснуло и загрохотало, как от мощного удара. Анн-Гари визжала. Она бежала с обрыва вниз, поднимая за собой тучи пыли, потом упала и покатилась, но снова поднялась на ноги, изорвав одежду. Рахул застыл, как громом пораженный, и глядел на Железный Совет в считаных футах от себя. Граждане Совета и примкнувшие к ним беженцы повскакали на ноги и ждали, сами не зная чего. Все смотрели на поезд.

Вечный поезд. Он же Железный Совет. Беглец, вернувшийся, вернее, возвращающийся и навсегда замерший. В полной тишине. В полной неподвижности внутри временного голема. Поезд внутри окаменевшего мгновения.

Кое-откуда он был почти невидим. Голем был грубо вы — сечен в потревоженном времени, с многочисленными сколами и гранями, замутнявшими вид. С некоторых точек зрения поезд вообще нельзя было ни увидеть, ни вообразить, ни вспомнить, каким он был, мгновение за мгновением. Неизменным было одно — поезд не двигался.

Дым, как пористый камень, на несколько ярдов возвышался над паровозными трубами, и лишь когда его ровные клубы достигали границы разрыва во времени и выходили за пределы голема, случайные порывы ветра подхватывали копоть и уносили ее прочь: последний привет уходящей истории. Напряженные граждане Совета по-прежнему держали ружья наготове, паровоз

рвался на окружающую город равнину, но все было отмечено неподвижностью.

Замыкающий паровоз, один из двух, которые толкали поезд сзади, избежал объятий застывшего мгновения, продолжил движение, сошел с рельсов и разбился, не вынеся столкновения с вневременной материей. Его котел взорвался, разметав горячие угли, железные обломки и тела умирающих машинистов. Задняя часть второго паровоза-толкача превратилась в гармошку, а там, где она соприкасалась с непреходящим големом, края раны были шероховатыми, точно по ним прошлись напильником.

Анн-Гари визжала. Примкнувшие к Совету беженцы продолжали выходить из расщелины в скалах, рассказывали друг другу о том, что случилось, передавали дальше слова:

— Железный Совет стал…

А чем он стал?

Поезд не издавал ни звука. Люди в вагонах были сгустками тишины. Железный Совет состоял из молчания. Анн-Гари визжала, пыталась схватить поезд руками, вскарабкаться на него, но время на поверхности голема ускользало от нее, вытекая из ее рук, или направляя их не туда, либо на мгновение перенося Совет куда-нибудь еще, так что Анн-Гари никак, ну никак не могла к нему прикоснуться. Она была во времени. А он — нет и потому оставался недостижимым для нее. Она видела поезд, видела застывших в разных позах товарищей, но пробраться к ним не могла. Другие, оставшиеся во времени, сгрудились вокруг нее. Анн-Гари визжала.

Во главе поезда, протянув вперед мощные колючие руки, стоял Толстоног и глядел на милицейские шеренги вдалеке. Он улыбался, приоткрыв рот. Рядом стоял смеющийся человек; струйка слюны, свисавшая из уголка его рта, натянулась так, словно готова была лопнуть. Со всех сторон поезд окружало застывшее облако пыли. Прожектор паровоза был зажжен, луч света неуклонно стремился вперед. Разъяренная Анн-Гари снова попыталась влезть на паровоз к Толстоногу, и снова ничего не вышло.

Каттер наблюдал невозможное. Когда Иуда положил ему на плечо руку, он подпрыгнул.

— Пойдем, — сказал големист не своим голосом. Жалкий сип вырывался из его груди вместе с кровью и мокротой, но улыбка не сходила с Иудина лица. — Пойдем. Я спас их. Пойдем.

— Надолго ли? Сколько это будет продолжаться? — услышал Каттер свой дрожащий голос.

— Не знаю. Может, пока все не будет готово.

— Они умерли.

И Каттер показал на хвост поезда. Иуда отвернулся.

— Так вышло. Я старался, как мог. Боги мои, я спас их. Ты видел.

Иуда встал, схватившись за живот. Шатаясь, он ловил ртом воздух, и капли крови складывались в узор вокруг его ног. Свет солнца, казалось, прибавлял ему сил. Иуда протянул руку, Каттер дал ему свою, и они стали спускаться со скалы по склону, противоположному дороге, причем Иуду шатало ветром, как тряпичную куклу. Доносившийся издалека шум означал, что милиция двинулась к ним. Заподозрив неладное, милиционеры сами пошли поезду навстречу.

Каттер с Иудой закончили спуск и пошли прочь.

ЧАСТЬ ДЕСЯТАЯ
пАмЯтНиК

ГЛАВА 34

С трудом плетясь по какой-то лисьей тропе, спотыкаясь, то и дело останавливаясь, чтобы поддержать Иуду, который мучился от позывов к рвоте, и откидывая волосы с его стареющего лица, Каттер желал только одного — чтобы эти мгновения не кончались. Водой из неглубокого ручья он смыл с Иуды кровь. Тот даже не замечал его — только тяжело дышал, сжимая и разжимая кулаки. Пока все это длилось, Каттер мог притворяться, мог делать вид, будто верит, что все кончится хорошо.

Очень медленно, обходными тропами, они приближались к Нью-Кробюзону. Каттер специально избрал такой путь, чтобы не попасться на глаза милиционерам, которых они слышали и видели, пока те подходили к застывшему поезду. Каттер думал о сотнях граждан Совета, которые, должно быть, разбегались теперь в поисках укрытия: кто в скалы, а кто назад, в болота. И с ними — беглецы из города. Каменные утесы сейчас похожи на садок, полный перепуганных кроликов.

— Иуда, — произнес Каттер, точнее, выдохнул. Он сам не знал, какие эмоции владели им в тот момент. Мысли его были о тех, кого убил поступок Иуды. — Иуда.

Они не скрывались и не прятались, оставляя то, что и должны были оставить, думал Каттер: отпечатки ног, пятна крови и сломанные ветки говорили сами за себя. Присев перед Иудой на корточки, он помог ему подняться. Остальные члены Совета тоже должны были бы выбраться из расселины, а потом спуститься вниз, но благодаря причудам ландшафта или преимуществу во времени Каттер и Иуда одни продирались сквозь заросли дрока и ломали по-зимнему голые кусты. В полном одиночестве. Как духи. Выйдя на открытую ровную местность, они стали оглядываться и наблюдать за приближением милиции, которая была еще далеко. Однажды Каттеру удалось даже заметить вечный поезд. Он был там, но отчасти — где-то еще: реальность точно прогнулась под поездом, не выдержав его веса, и он оказался на дне какой-то ямы, где и стоял совершенно неподвижно.

Медленно ползущие тени подсказали Каттеру, что короткий зимний день клонится к закату. Он понимал: что-то наверняка изменится теперь, когда время обтекает кусок безвременья. «Вот он я, тащу Иуду. Волоку его в Нью-Кробюзон». Ощущение того, что скоро этому придет конец, засело в Каттере, как заноза.

«Я ни о чем тебя не спрашиваю. Не спрашиваю, почему ты сделал то, что сделал. У нас нет времени». Но Иуда заговорил

сам.

— Ничего нельзя было поделать, совсем ничего. Не было способа уберечь их от беды. История шла своим чередом. Наступило неподходящее для них время. — Иуда был очень спокоен и говорил не с Каттером, но со всем окружавшим его миром. Как в бреду. Телом он был еще слаб, но голос звучал очень громко. — История шла своим чередом, и это было… Я и не знал! Я даже не догадывался, что могу сделать такое! Это было очень трудно, столько всего надо было спланировать, рассчитать, прочитать, и это так… — он затряс у себя перед лицом руками, — так меня измотало.

— Ладно, Иуда, ладно. — Каттер потрепал друга по плечу свободной рукой и замер. Теперь он обнимал Иуду. Неожиданно его глаза наполнились слезами, он сомкнул веки и стряхнул капли. «Ну мы и парочка», — подумал он и даже рассмеялся, и Иуда с ним.

«Нью-Кробюзон там». Иуда шел, куда вел его Каттер.

— Куда пойдем, Иуда?

— Отведи меня домой.

Каттер снова почувствовал слезы.

— Хорошо, — ответил он, глотая их. — Я отведу тебя домой.

Оба притворялись, будто это несложно. Надо только сделать большой крюк, выйти к возвышенности за товарной станцией, а оттуда повернуть сначала на север, мимо запасных путей ТЖТ, а потом на восток, к трущобам Нью-Кробюзона. Скажем, в Звонарь или дальше через холмы, к Вару, по которому плавают обитатели барж и мелкие торговцы. Может быть, они не откажутся взять с собой Иуду и Каттера, провезти их через Вороньи ворота, мимо Ручейной стороны и остатков хеприйского гетто, под железнодорожным мостом в Дымной излучине и доставить в самое сердце Нью-Кробюзона. Каттер шел на север, словно таков был их план.

«Что это было, Иуда? Что ты сделал?» Каттеру вспомнился рассказ Иуды о бесплотных големах, о копьеруках и их таинственной големетрии. «Я и не знал, что ты так умеешь, Иуда».

По пути встретились люди.

— Не в ту сторону путь держите, братцы, — сказал им кто-то с телеги.

Каттер с Иудой молча протопали мимо. Колеса повозки скрипели, крутили землю, становясь меньше и меньше. Каттер смотрел на птиц. «Еще. Чуть-чуть. Совсем немного». Он понятия не имел, кому или чему молится. Иуда опирался на плечо Каттера, и тот поддерживал друга.

— Посмотри на себя, — сказал он. — Ты только посмотри на себя. — Стирая грязь с лица Иуды, он смахнул ее на свою одежду. — Посмотри.

Приближалась вторая группка беженцев. В ней смешались различные расы: люди катили тачки, водяные, фыркая, высовывались из воды. Толстенная кактка тащила выдающихся размеров дубину. Она замахнулась ею на Каттера с Иудой, но, разглядев их получше, опустила. Была там и парочка хепри, чьи стройные женские тела скрывало такое количество шалей, что они шли, едва перебирая ногами. Хепри беседовали: на жукообразных головах, увенчивавших их тонкие шеи, двигались лапки и челюсти; в воздухе висели едкие облачка — слова и фразы. За ними, точно восклицательный знак в конце странно составленного предложения, вразвалку плелся конструкт.

Каттер уставился на него. Даже Иуда поглядел, превозмогая усталость. Конструкт поравнялся с ними и проследовал дальше.

Его конечности, тело и голова приблизительно напоминали человеческие, туловищем служила железная труба, головой — оловянная кастрюля с кусками стекла вместо глаз. Одна рука была его собственная, вторую явно приделали позднее: она блестела, отчищенная от налета ржавчины. Из отверстия размером с коробку для сигар выходили клубы дыма. С нечеловеческой точностью конструкт поднимал свои цилиндрические ноги и ставил их на дорогу. На той части тела, которая у человека именовалась бы плечом, он нес палку с привязанным к ней узелком.

Что это было — один из редких легальных конструктов, слуга или игрушка какого-нибудь богача? Или подпольный механизм, в безвестности переживший долгие годы запрета? Что он делал? Добровольно шел за своим владельцем в изгнание или педантично топал вперед, покорный числовым последовательностям, заложенным в его аналитическую машину? Каттер следил за ним с инстинктивным недоверием человека, выросшего после Войны конструктов.

С железным скрежетом конструкт повернул голову, смерил двоих людей взглядом меланхоличных, молочно-белых глаз. И хотя нелепо было даже предполагать, что шестеренками внутри головы движет какой-то самостоятельный разум, Каттеру вдруг показалось, будто после падения Коллектива город стал таким мрачным, что из него бегут даже машины. Конструкт продолжил свой путь, Каттер повел Иуду дальше.

Оставалось пройти еще несколько миль. Внезапно раздался шум. Каттер подумал, что милиция, должно быть, провела у замершего Железного Совета не один час. Шум приближался.

Каттер зажмурил глаза и съежился. Время истекало, как он и предвидел.

На небольшой, заваленной камнями прогалине дорогу им преградил Рахул, на звериной спине которого сидела Анн-Гари. Она скалилась, держа в руке многозарядный пистолет.

— Иуда, — сказала она и спешилась. — Иуда.

Каттер хлопал себя по карманам, пока не нашел пистолет, потом стал целиться трясущимися руками. Молниеносным ящеричьим прыжком Рахул пересек поляну, сжал Каттера звериными лапами, а затем, перегнувшись в талии, отнял пистолет и с грубоватым добродушием похлопал его по щеке. А потом пошел, волоча Каттера за собой, точно родитель малого ребенка. Тот воспротивился, но несмело, почти беззвучно. Он был почти уверен, что пистолет все равно не выстрелил бы: дал бы осечку или оказался незаряженным.

Шатаясь, как пьяный, Иуда смотрел на Анн-Гари со спокойной улыбкой пророка на лице. Та вся дрожала. Каттер пытался заговорить, прервать эту сцену, но никто не обратил на него внимания.

— Зачем? — спросила Анн-Гари и сделала шаг вперед, остановившись рядом с Иудой. Слезы текли по ее щекам.

— Они погибли бы, — сказал Иуда.

— Откуда ты знаешь? Откуда?

— Знаю. Ты же видела. Видела. Ты знаешь, что их ждало.

— Откуда ты знаешь, Иуда, да проклянут тебя боги…

Каттер никогда прежде не видел, чтобы Анн-Гари от злости выходила из себя. Ему хотелось заговорить, но он не мог, это был не его момент.

Иуда смотрел на Анн-Гари без малейшего страха, смотрел с таким безраздельным вниманием, что у Каттера, глядевшего на них, свело внутренности. «Только пусть не сейчас все кончится, только не так». Рахул придерживал его, точно защищая своими руками.

— Анн-Гари, — сказал Иуда нежно, хотя наверняка обо всем знал. — Неужели ты хочешь, чтобы они погибли? Неужели ты сама хотела погибнуть? Я пытался заставить вас повернуть, мы пытались… — («Ты знал, что они не свернут», — подумал Каттер.) — Теперь они в безопасности. В безопасности. Железный Совет будет жить вечно.

— Ты *замариновал* нас, ты, ублюдок…

— Вы все погибли бы…

— Верни все назад.

— Я не знаю как. Да и знал бы, не вернул, сама понимаешь.

— Верни.

— Нет. Вы погибли бы.

— Черт подери, Иуда, какое ты имеешь право…

— Вы погибли бы.

— Ну и пусть. — Анн-Гари выплюнула в него эту фразу. Настала долгая пауза. — Пусть погибли бы. Но ты не знаешь. Ты не знаешь, может, коллективисты и впрямь стояли позади милиционеров, готовые перебить их, как только мы прибудем, а теперь разбежались кто куда из-за того, что ты сделал. Ты же не знаешь наверняка, что их там не было? И ты не знаешь, кого еще наш приход воодушевил бы на борьбу, неважно, рано или поздно. Понимаешь? Рано или поздно они бы поднялись. Понимаешь, Иуда? Ты понимаешь? И не важно, погибли бы мы или нет.

— Я должен был… это же Совет. Я должен был позаботиться о вашей, о твоей безопасности.

— Он не твой, и у тебя нет права решать. Нет.

Иуда слегка согнул руки в локтях, расправил плечи и посмотрел на женщину сверху вниз. Связь между ними сохранялась, превратившись в силовую линию. Казалось, оба они высасывают энергию из атмосферы. В устремленном на Анн-Гари взгляде Иуды читались терпение и готовность.

— Он никогда не был твоим, Иуда Лёв. А ты так этого и не понял. Так и не понял. — Она подняла пистолет, и Каттер, вскрикнув, забился в объятиях Рахула. Ствол пистолета уткнулся Иуде в грудь, но тот даже не моргнул. — Эта штука внутри тебя… Это не ты создал Железный Совет, Иуда Лёв. Он никогда не был твоим. — Она сделала шаг назад и поднимала пистолет до тех пор, пока дуло не оказалось направленным в рот Иуде. — И может статься, ты умрешь, так ничего и не поняв, Иуда. Иуда Лёв. Железный Совет никогда не принадлежал тебе. И не тебе решать за него. Не тебе решать, когда наступит его время, когда он войдет в придуманную тобой историю. Мы пришли, когда пришла пора. Мы знали это. Мы так решили. А ты не знаешь, и мы теперь тоже не знаем, и никто никогда не узнает, что могло бы случиться. Ты украл этих людей у самих себя.

— Я сделал это. — Иуда перешел на шепот, — ради тебя, ради Железного Совета. Ради его спасения.

— Это я знаю. — Анн-Гари говорила спокойно, но голос ее по-прежнему дрожал. — Но мы не принадлежали тебе, Иуда. Мы были настоящими, пришли в свое время и приняли свое решение, а ты тут ни при чем. Неважно, ошибались мы или нет, это была наша история. Мы не выбирали тебя своим пророком, Иуда. И своим спасителем тоже. Но ты меня не слышишь, не можешь услышать. И то, что будет теперь, это не потому, что ты какая-

нибудь там жертва. Не надо нам никаких жертв. Но ты просто не имел права.

По голосу Анн-Гари Каттер понял, что наступил конец, и увидел, как задвигалась ее рука. «Ну же, — подумал он — Ну же, останови ее, Иуда».

В крохотный осколок мгновения, когда она уже готовилась нажать на курок, Каттер подумал: «Ну же».

«Вызови земляного голема». Сосредоточившись, Иуда мог бы вызвать из неласковой земли серого голема, и тот поднялся бы перед ним, вылепился бы сам из составляющей его материи и встал как есть, с корешками и обрывками травы; весь склон пришел бы в движение и вмешался. Голем заслонил бы Иуду от Анн-Гари, пуля застряла бы в его вязком теле, а потом земляное существо выхватило бы у нее пистолет, забросило куда подальше, обхватило Анн-Гари своими ручищами так, чтобы она не могла повредить Иуде, а тот приказал бы голему унести ее прочь или обездвижить, пока они с Каттером, огибая воронки от вырванных с корнем деревьев и минуя выкрошенные скалы, не дойдут до Нью-Кробюзона.

«Воздушного голема». Пусть яростный порыв неживого ветра хлестнет Анн-Гари по глазам и заставит ее промахнуться. Пусть покорное воздушное создание встанет перед мстительницей за Железный Совет и швырнет ей в лицо ее собственное платье, могучим дыханием моментально заткнет ствол ее пистолета, преградив дорогу пуле. И пока ветер, поднятый новой сущностью, будет закручивать столбики пыли и сдувать с кустов последние сухие листья, Иуда с Каттером убегут.

«Преврати пистолет в голема». Пусть сам ее пистолет станет маленьким юрким големом, плотно закроет рот и проглотит пулю вместо того, чтобы выплюнуть ее, а потом Иуда заставит его, насколько возможно, извернуться в руке Анн-Гари и направиться ей в лицо, и, пока она, онемев от неожиданной угрозы, будет стоять с открытым ртом, Иуда и Каттер скроются за перевалом и пойдут по тропе дальше.

«Преврати пулю в голема». Пусть она упадет. «Преврати в голема ее одежду». Пусть она упадет. «Преврати в голема те чахлые засохшие деревца. Преврати в голема облака. Тени, ее тень. Сделай еще одного звукового голема. Сделай нового голема из времени и звука, пусть тот парализует ее». Было очень холодно. «Спой быстрее свою ритмичную песнь, сделай голема из застывшего времени, пусть он держит ее, а мы пойдем».

Но Иуда не стал ничего делать, и Анн-Гари спустила курок.

ГЛАВА 35

Река Вар снова внесла Каттера в город. Это случилось ночью. Не спеша, согласно новым законам, власти Нью-Кробюзона вновь открывали торговлю по реке. Обитатели барж ждали установления новых маршрутов. Каттер въехал в Нью-Кробюзон в перепачканном углем комбинезоне, правя широкой, низко сидящей посудиной.

Дома, сначала десятки, потом сотни, разбегались от речного ветра вверх по берегам. Каттер, слушая доносившиеся из них звуки, вспоминал их вид и наконец понял, что приплыл домой. Подкупленному Каттером хозяину баржи не терпелось от него избавиться. Старое корыто оставляло за кормой радужные разводы и под непрерывное чихание двигателя везло их мимо покрытых варом домов близ Вороньих ворот, хеприйских построек Речной стороны с фасадами, облепленными выделениями червей, под старыми кирпичными мостами Нью-Кробюзона.

В небе сновали дирижабли. Длинные лучи их прожекторов шарили по земле, словно паучьи лапы. Один, жирный и желтый, уперся в лодку, потом дважды мигнул.

Каттер шел по Дымной излучине, мимо складов из белесого кирпича или бетона в разводах. Мимо пятен креозота, мимо потеков битума и обрывков плакатов, мимо припудренных штукатуркой куч битого кирпича, стекла и камня он приближался к улицам, когда-то принадлежавшим Коллективу. Каттер проходил мимо участков, где обитатели кварталов бурно голосовали по любому вопросу. Теперь эти места вернулись в свое исходное состояние: ежевика раскрошила цепкими ветвями бетон, заросли борщевика вздымались подобием дикого леса, джунглей для насекомых. На стенах виднелись спирали. Их смывал дождь.

Прошли дни, и Каттер затвердил новые правила, научился не попадаться на глаза милиционерам, которые патрулировали все без исключения улицы, но особенно на Речной и Темной сторонах, а также в Собачьем болоте. Они утверждали, что именно там засели недобитые коллективисты, и охотились на них, не зная пощады.

Каттер молчал, видя, как милицейские наряды волокут из разбитых зданий мужчин и женщин, которые громко вопили о своей невиновности или, напротив, выкрикивали повстанческие лозунги. Он опускал глаза. Но несмотря на свое оцепенение, на

пропускных пунктах он лгал без всякого страха, потому что ему было все равно, уличат его или нет, а миновав стражей, шел дальше, не чувствуя радости.

Центр города сохранил свою красоту. Площадь Биль-Сантум и Вокзал потерянных снов устояли. Рядом с ними казалось даже, что не было никакой войны. Спирали превратились в кляксы. Здание Вокзала потерянных снов нависало над городом, словно божество. Каттер поднимал голову и смотрел на очертания его крыш, разыскивая то место, где побывал.

В последние дни Коллектив повторил отчаянную попытку атаки с помощью надземки. Набитый взрывчаткой поезд покинул станцию «Селитра» и помчался, ускоряясь, к Вокзалу потерянных снов, чтобы разнести величественное сооружение на куски. Но этому не суждено было сбыться. Храбрый от спирта и близости смерти машинист-камикадзе протаранил затор у станции «Коварная» и попер дальше, к станции «Слюнный базар», но милиция взорвала поезд на подходе, проделав огромную дыру в паривше над городом паутине подвесных дорог. На поврежденной Южной линии шли восстановительные работы.

Плакаты на стенах, газеты, бесплатные прокламации на восковых валиках в каждой будке вокситератора в один голос твердили о победах правительства: тешская контрибуция, извинения дипломатов, возрождение общества. Мы живем в тяжелые, но полные надежд времена, говорилось в них. В числе надежд назывались и новые проекты, в том числе экспедиция через континент. Она должна была повлечь за собой новый виток экономического развития и экспансию на запад. Каттер бродил по городу. Речная сторона лежала в руинах. Трупы хепри, оставшиеся после Бойни Дикобразов, убрали, но пятна со стен кое-где так и не сошли. Оболочка извергнутого домовыми червями вещества местами потрескалась, обнажив кирпичную кладку стен.

Каттер бродил и наблюдал за строительством. По всему центру города зияли дыры от снарядов: куда ни повернись, всюду груды бетона, извести и обломков мрамора, а между переулками появились новые, выстланные обломками кривые ходы. В Барачном селе верхушку милицейской башни окутали леса. Подвесная дорога исчезла. Когда башню восстановят, дорогу проложат опять.

На холме Мог, недалеко от исконной территории Коллектива, на самой границе с охраняемой зоной, но где уже не действовали военное положение и комендантский час, Каттер снял жилье под своим новым именем. Он платил деньгами, заработанными в таких местах, где в прежней жизни ему не доводилось даже

бывать.

Нью-Кробюзон лежал в руинах. Статуи были разбиты, целые районы залиты кровью и обожжены огнем, на многих улицах остались лишь фасады домов — здания словно выпотрошили. Жилые дома, церкви, фабрики, плавильни сделались пустыми и хрупкими, как старые черепа. Обломки судов плыли по рекам.

Каттер узнал, как можно присоединиться к подпольной сети, при том что от нее остались лишь отдельные обрывки. Он узнал это, хотя люди никому не доверяли, не смотрели друг другу в глаза. Он узнал это, хотя поспешно стиснутый кулак зачастую считался призывом к восстанию: прохожие звали милицию или сами расправлялись с подозрительным типом, чтобы избавить район от недобитого инсургента, а заодно от визита эскадронов смерти. Каттер был осторожен и терпелив. Через две недели после своего возвращения в город он отыскал Мадлену.

— Сейчас уже легче, — сказала она. — Видел бы ты, что творилось в первые недели, боги мои. У каждой стены трупы тех, кто будто бы «оказал сопротивление при аресте». Один споткнулся, другой попросил передохнуть или плюнул не вовремя, а третий и вовсе шел слишком медленно, когда ему велели прибавить шагу, вот и все сопротивление. В предгорьях, возле копей Стрелолиста, открыт лагерь под названием «Сутори». Специально для коллективистов. Их там тысячи. Сколько точно, не знает никто. Там есть одно крыло — говорят, кто в него войдет, назад не вернется. Это уже после того, как перестают водить на допросы. Некоторым из наших удалось бежать.

Мадлена перечислила тех, кого знала, и рассказала, что с ними. Иные имена были знакомы Каттеру. Он не мог понять, то ли Мадлена действительно ему доверяет, то ли ей просто все равно.

— Мы должны рассказать обо всем, что случилось, — продолжала она. — Это наш долг. Но если мы скажем всю правду, те, кого не было здесь, решат, что мы лжем. Преувеличиваем. Так что же… может, не будем рассказывать про все ужасы, чтобы нам поверили? Есть в этом смысл?

Мадлена выглядела очень усталой. Каттер заставил ее рассказать все о падении Коллектива.

Узнав, как давно это было, он легко мог сказать себе: «Да, тогда уже некому было сражаться за Совет», но не сделал этого. Не сделал потому, что они не могли узнать продолжение истории: им не было позволено. Они не знали, чего лишило их вмешательство Иуды.

Тысячи тысяч разнообразных слухов о Железном Совете

расползались по Нью-Кробюзону.

Каттер часто ходил в сад медленной скульптуры в Ладмиде, чтобы посидеть в одиночестве среди изваяний, посвященных богу терпения. Сад тоже лежал в руинах. На каменных газонах, среди каменных кустов лежали огромные валуны осадочных пород, сплошь в трещинах и прожилках: в строго определенных местах пробивали отверстия и по капле вливали туда кислоту, которая медленно разъедала камень, а дожди, солнце и мороз помогали ей. Годы спустя валун распадался на части, приобретя заранее предугаданную форму. Медленные скульпторы никогда не открывали своих секретов, и их замыслы становились ясны лишь через много лет после смерти творцов.

Раньше Каттер всегда ненавидел умиротворяющую атмосферу этих садов, но теперь, поруганные, они стали ему милее. Кто-то — коллективисты или шпана из сочувствующих им — задолго до падения Собачьего болота перебрался через ограду и поработал над самыми крупными камнями. Из них наспех вырубили грубые и уродливые, но очень живые и забавные человеческие фигуры в непристойных позах и покрыли их призывами, повстанческими или просто похабными. На месте скучных, тщательно продуманных творений кислотных художников появились развязные клоуны. Каттер сидел, прислонившись к одному из недавно возникших уродцев: тот энергично тискал невероятной величины член, возникший на месте задуманной шеи лебедя, цветочного стебля, лодки или чего-то другого.

Каттер мало что помнил о той встрече в горах. Помнил хватку Рахула. Тот держал его, пока он — что? Бился? Кричал? Наверное, да, и кричал, и бился. Рахул держал Каттера, пока тот не упал от изнеможения.

Он помнил, как исчезла, растворилась вдали Анн-Гари, не удостоив его даже взглядом. Он помнил, что она села верхом на Рахула и заставила того повернуть к скалам.

— Назад, — приказала она. — К Совету.

Но что это значило, Каттер не знал. Точнее, тогда до него даже не дошел смысл ее слов. Только позже, кончив горевать, он понял.

Осталась ли Анн-Гари на воле или искала смерти и обрела ее? Каттер видел, как они оба, Анн-Гари и передел Рахул, уходили по направлению к камням, где ждал Железный Совет. Больше он их не видел.

Набравшись сил, Каттер взялся за Иуду. Он хотел похоронить его и старался не глядеть в изуродованное лицо друга. Наконец того удалось стащить со звериной тропы. Не глядя, на ощупь

Каттер закрыл умершему глаза. Долго держа холодеющую руку Иуды, Каттер не мог заставить себя коснуться его шершавых губ своими, пусть и хотел это сделать. Поэтому он поцеловал собственные пальцы, прижал их к бездыханному рту Иуды и долго не отнимал — будто надеялся, что, если не спешить, Иуда в конце концов очнется.

Он сложил над телом друга пирамиду из камней, но предпочитал вспоминать об этом как можно реже.

Совет не двигался. Каттер еще не ходил к нему, хотя знал, что рано или поздно пойдет, но все в Нью-Кробюзоне были осведомлены о том, что случилось с поездом. Даже смерть Иуды не освободила состав из вневременной тюрьмы. Газеты выдвигали разные теории случившегося — одна причудливее другой. Чаще всего в них упоминали о воздействии Вихревого потока вследствие прохождения поезда через какотопическое пятно. Но Каттер был уверен, что в правительстве есть люди, знающие истину.

Он пойдет навестить Совет, когда сможет. Он думал об Анн-Гари, как она шла по камням, как ехала на Рахуле.

Каттер рассказывает Мадлене об Иуде Лёве. Та слушает молча и сочувственно, отчего Каттера едва не прошибает слеза — так он ей благодарен. Однажды ночью Мадлена берет его с собой на старую бойню в Корабельную пустошь.

Они соблюдают осторожность, идут обходными путями. На подходе их приветствует кошачий вопль. Кошки возвращаются, ведь теперь горожане их не едят. Переступая через ручейки полусвернувшейся крови, Каттер и ди Фаржа входят в огромный темный амбар, гулкий, словно церковь, полный дыма из топок соседних фабрик. Звеня случайно задетыми крюками для туш, они подходят к замаскированной двери, за которой оказывается маленький печатный станок.

В ту ночь они работают вместе: поворачивают рукоятки, следят за тем, чтобы не загустевали чернила. Несколько сотен копий готовы засветло.

БУЙНЫЙ БРОДЯГА

Лунуарий 1806 года

«Порядок царит в Нью-Кробюзоне!» Безмозглые

лакеи. Ваш порядок выстроен на песке. Завтра Железный Совет тронется с места и, к вашему ужасу, загудит вместе с нами: «Мы жили, живы и будем жить!»

И вот между натянутых и разорванных проводов, опутывающих всю открытую местность, всю плоскую пригородную равнину, прошитую стальной ниткой рельсов, по тропинкам идем мы. Под луной между серых облаков или без нее, бессветной ночью собьемся в стаю и придем.

Придем туда. К Железному Совету. Мы придем к вечному поезду, ставшему воистину вечным, ибо навеки застыл он и его неподвижные колеса не завершили оборот. Он ждет. Демоны движения у его железных спиц ждут конца бесконечного мига.

Мы проходим мимо стражей на границе Нью-Кробюзона. Там, где под проволокой бежит ручеек или прорыта канава, мы проскальзываем по ней, если же ничего нет, мы осторожно режем проволоку или, подстелив тряпки, лезем через нее. По кромке истории мы идем туда, где время стало местом, где краткий миг занозой засел под кожей настоящего.

Мы идем неиссякаемым потоком, несмотря на все наказания. Старухи, юноши, мужчины, люди, какты, хепри, хотчи, водяные и переделанные — даже переделанные. Здесь, рядом с поездом, переделанные, проделавшие этот сложный и опасный путь, бывают вознаграждены: в нескольких ярдах от застывшего момента они становятся ровней всякому. Ну и конечно, ребятишки. Невоспитанные хулиганы, беспризорники, живущие, точно звери, на улицах Нью-Кробюзона, собираются в группы и сами приходят на эту странную площадку для игр. Мимо старых, заржавленных поездов, догнивающих на запасных путях ТЖТ, который строит новые планы и восстанавливает свою мощь, через изобилующие жуками пустоши, через мили и мили серой, засушливой земли, где нет ничего, кроме камней, сами серые, как камни, дети асфальта приходят к Железному Совету.

Вокруг поезда протоптана дорога. Подобраться к нему можно разными путями.

Вскарабкайся по каменистому склону, и у видишь застывший дым из паровозных труб. Встань на шпалы прямо перед паровозом и загляни ему в лицо. Медленно обойди поезд кругом — на это уйдет несколько минут. Коснуться его нельзя, но все пытаются. Время скользит вокруг него. Люди приходят. Его видят все. Железный Совет не стоит на месте, он несется вперед, он имманентен, а мы видим лишь один миг его существования. Обойдем состав кругом.

Из высокого раструба рвется черный дым, он еще сохраняет форму отверстия, через которое вышел, а ветер, запертый в одном мгновении с паровозом, подхватывает дым и сносит назад. Тесными маленькими кучками мы приближаемся к укрепленным впереди звериным рогам и клинкам воинов, которые ждут, встав плечом к плечу; мы смотрим на граждан Совета, застывших в крике.

Вот Толстоног — тот полинявший от старости здоровяк какт в окне кабины. Давным-давно он помог создать Совет. А теперь ведет его домой.

От одного члена Совета до другого проложены маршруты. Вот Брызгун, он так возбужденно кричал, что мелкие брызги слюны так и застыли вокруг его рта; это Лягушка, она как раз перескакивала с вагона на вагон, когда магия остановила ее на полпути; а это Стрелок, он только что выпустил пулю из своей винтовки, и та зависла в шести дюймах от ствола. Традиция предписывает остановиться и сунуть руку между неподвижной пулей и дулом ружья.

Иные из нас знали некоторых членов Совета лично. Одна женщина уже несколько раз приходила поговорить с одним и тем же человеком — ее отцом, который спешил к ней и застыл в истории. Есть и другие, кто навещает родственников.

Увитая плющом башня, подножие которой скрывают дым и рыжая пыль, скотовозы, оборудованные парами, сумасшедший дом, обшитые панелями вагоны-лаборатории, вагоны-столовые, вагоны-арсеналы и церковь, за ними открытые платформы с землей — огороды и кладбище с кенотафами, вагон из отполированных водой бревен, похожий на луковицу мешок с плазмой и тремя сгустками — все, что осталось от тех, кого застигло внутри излучение Вихревого потока, — и, наконец, последний вагон, словно откушенный железными зубами там, где обрывается застывший миг. Все эти замершие вагоны ждут, когда смогут спасти нас.

Мы играем вокруг них; мы приходим к ним. Некоторые приходят молиться. Земля вокруг Железного Совета усеяна записками.

Милиционеры, их ученые и маги ищут способ силой воздействовать на поезд, но временной голем просто существует, и их примитивные атаки не действуют на него. А мы возвращаемся, снова и снова.

Возможно, пройдут годы, прежде чем мы расскажем историю Железного Совета: как его создали, как он создал себя и ушел, как вернулся, как он без конца возвращается и возвращается. Мужчины и женщины клали рельсы в диких землях, а потом взяли историю за вихор и протащили за собой на край света и обратно. До сих пор

они раскрывают в беззвучном крике рты, а мы приветствуем их возвращение. Из скальной расщелины они стремятся вперед, к теням кирпичных стен. Они вечно приближаются.

notes

Примечания

1

Батолит — крупный массив гранитоидных горных пород, залегающий среди осадочных толщ складчатых областей земной коры. (*Здесь и далее прим. перев.*).

2

Каровые озера — заполненные водой чашообразные углубления в верхней части гор, образуемые под воздействием ледников и выветривания.

3

Фульгурит — спекшийся от удара молнии кварц, песок или кремнезем.

4

Хорионы — ганлоидные клетки (содержащие половинный набор хромосом) у человека, животных и смешанных растений.

5

Сквот — пустующий дом или квартира, незаконно замятые группой бездомных людей.

6

Поверхностный грунт Луны и безатмосферных планет, включающий в себя осколки метеоритов, многие из которых находятся на одном и том же месте десятки и сотни миллионов лет.

7

Латериты — красноцветные железистые или железисто-глиноземные образования, возникающие в результате глубокого и длительного выветривания алюмосиликатных горных пород в условиях влажного тропического климата.

8

Струи сернистого и серноводородного газов с температурой от 100 до 300 градусов Цельсия, выделяющиеся из трещин земной коры в вулканических районах.

9

Безоары (*перс.*) — волосы животных или волокна растений, плотно свалянные в желудке или кишечнике жвачных животных и лошадей.

10

Какодил — ядовитая маслянистая жидкость с запахом чеснока.